

СОВРЕМЕННАЯ
ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА
США

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
И КАНАДЫ

СОВРЕМЕННАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА, 1984

В настоящем втором томе двухтомного фундаментального исследования анализируется соотношение между глобальной стратегией и региональной тактикой правящих кругов США, никак не желающих расстаться с иллюзорными, но весьма опасными для всего человечества претензиями на мировое господство. Дан обзор применяемых Вашингтоном разнообразных инструментов внешнеполитического влияния. Подробно рассматривается эволюция курса США по отношению СССР и братских стран социализма, а также американская политика в Западной Европе, на Ближнем Востоке, в отношении ряда регионов Азии, стран Африки и Латинской Америки.

Редакционная коллегия:

Г. А. Арбатов, Ю. П. Давыдов, В. В. Журкин, А. К. Кислов,
В. А. Кременюк, В. П. Лукин, В. Ф. Петровский,
П. Т. Подлесный, Г. А. Трофименко

Авторский коллектив:

Беглова Н. С., кандидат исторических наук; Белоногов А. М., кандидат юридических наук; Берзин Л. Б., кандидат исторических наук; Большаков С. И., кандидат исторических наук; Булай И. Б., кандидат исторических наук; Васильков В. Ю.; Давыдов Ю. П., доктор исторических наук; Занегин Б. Н., кандидат исторических наук; Иванов И. Д., доктор экономических наук; Кислов А. К., кандидат юридических наук; Кременюк В. А., доктор исторических наук; Литаврин П. Г., кандидат исторических наук; Лукин В. П., доктор исторических наук; Людоговская И. И.; Молочков С. Ф., кандидат исторических наук; Носов М. Г., кандидат исторических наук; Петровский В. Ф., доктор исторических наук; Подлесный П. Т., кандидат исторических наук; Портягин А. Д., кандидат исторических наук; Руднев В. С., кандидат исторических наук; Уткин А. И., доктор исторических наук; Шейдина И. Л., доктор исторических наук.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Г. А. ТРОФИМЕНКО

Научно-организационная работа проведена кандидатом исторических наук Е. В. Митяевой и кандидатом исторических наук Т. Н. Юдиной. В подготовке рукописи к изданию участвовали сотрудники Отдела внешней политики Института США и Канады АН СССР: С. И. Герасимова, Е. Ю. Галкина, Б. Д. Жданова, Н. М. Лапшина, Г. М. Пуговкина, Н. Б. Пустохина, Г. Б. Савинова, А. С. Семенцова

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ИНСТРУМЕНТЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В условиях ядерного века, развития и укрепления мировой системы социализма, деколонизации, коренных сдвигов в расстановке сил в развивающемся мире, продолжающейся научно-технической революции международные отношения тоже претерпевают в наше время своеобразную революцию. Отличительная черта этих изменений состоит в том, что они носят качественный характер, затрагивая всю структуру международных отношений. С необходимостью переосмыслить многие традиционные понятия и категории, относящиеся к этой сфере, сталкиваются и политики и исследователи. Американская внешнеполитическая мысль и практика не избежали влияния этого процесса.

Одна из проблем, которая возникает перед правящими кругами США в процессе такого переосмысления, касается способов воздействия на мир, на развитие международной ситуации, на ход событий. Короче говоря, речь идет о выборе тех или иных внешнеполитических инструментов, используя которые они могли бы добиваться оптимального для США результата в существующих международных условиях.

В общем методологическом смысле основным способом воздействия государств на внешний мир на протяжении тысячелетий была сила. В качестве категории международных отношений сила государства — это способность влиять на поведение другого государства, на ход международных событий в желаемом для себя направлении. Но этого, как выявляет история, можно добиться, применяя совершенно различные средства, имеющиеся в распоряжении государства, — не только военные, но и политические, экономические, научно-технические, морально-психологические (идеологические), социальные и т. д. либо различные их комбинации. Таким образом, понятие силы можно дифференцировать, можно говорить о различных видах силы и, следовательно, о довольно значительном наборе внешнеполитических инструментов, имеющихся в распоряжении государства.

История дает массу случаев применения во внешнеполитических целях того или иного вида силы. Многократно продемонстрировано использование военной мощи для реализации интересов правящих классов рабовладельческих, феодальных, капиталистических государств на международной арене. Политика «баланса сил», которой часто в прошлом следовала Англия в своей европейской политике

и неоднократно Соединенные Штаты, увеличивала влияние этих стран на ход международных событий не за счет максимизации их собственных усилий, а путем активного использования противоречий, существующих между их соперниками. Это тоже можно рассматривать как своего рода вид политической силы. Экономическая блокада Соединенными Штатами и их союзниками социалистических стран в годы «холодной войны», психологическая война против них также относятся к попыткам империалистических государств использовать те или иные виды силы для достижения намеченных внешнеполитических целей.

С появлением на международной арене социалистических государств возникает практика применения совершенно иного воздействия на окружающий мир — силой собственного примера. Социальные преобразования, которые совершались молодой республикой Советов, были той силой, которая позволяла первому социалистическому государству в серьезной степени влиять на мировое развитие. Не случайно, например, установление 8-часового рабочего дня в большинстве индустриально развитых стран мира, введение в некоторых из них разветвленной системы социального страхования было узаконено именно после победы социалистической революции в России.

Стараясь представить себя принципиальными противниками какой-либо односторонности, американские теоретики включают в понятие «государственное могущество» наряду с военной мощью ряд весьма разнородных элементов. У Г. Моргентгау и его последователей это географическое положение, природные ресурсы (прежде всего продовольствие и сырье), промышленный потенциал, военный потенциал (уровень развития военной техники, качество военного руководства, количество и качество вооруженных сил), численность населения, национальный характер, моральный дух общества, качество дипломатии и качество правительства (т. е. способность правительства обеспечить поддержку своей внешней политики со стороны общественного мнения страны) ¹.

Согласно схеме, предлагаемой профессором Д. Нихтерлейном, в понятие «государственная мощь» входят: экономическая и технологическая сила, оснащенность современным оружием вооруженных сил, их способность к «наступательным и оборонительным» операциям; техническая подготовленность и уровень образования населения; географическое расположение и природная среда; доступ к природным ресурсам; стабильность политической системы; эффективность государственного руководства ².

Традиционным источником мощи, основным внешнеполитическим инструментом Соединенных Штатов в послевоенный период

¹ Morgenthau H. *Politics Among Nations*. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1973, p. 106—144.

² Nuechterlein D. *United States National Interest in a Changing World*. Lexington: Praeger Publishers, 1973, p. 176.

считалась военная сила. Добиться превосходства в военной области, по мнению американских правящих кругов, значило добиться преобладания над другими государствами, обеспечить реализацию своих интересов в современном мире. В период после окончания второй мировой войны США затратили на создание, поддержание и обновление своей военной силы более 2 трлн. долл.— при одной другой национальной программе в США не потребовала привлечения столь значительных материальных ресурсов. На протяжении этих четырех десятилетий они дважды вели крупные войны — на Корейском полуострове и в странах Индокитая.

Вместе с тем военная сила используется США в качестве внешнеполитического инструмента и опосредованно: гонка вооружений, разработка и внедрение новых систем оружия; появление новых военных доктрин и т. д.— все это предполагает определенное целенаправленное воздействие на окружающий мир.

Однако неудача попыток американских правящих кругов добиться решающего военного преобладания над Советским Союзом, известная устойчивость советско-американского паритета в области стратегического оружия, неудачи в использовании Вашингтоном военной силы при исполнении им роли мирового полицейского (прежде всего во Вьетнаме) неизбежно вели наиболее здравомыслящих американских политиков к признанию, что военная сила все менее может рассматриваться как рациональный внешнеполитический инструмент. «Ядерное оружие сделало силу неприменимой в качестве активного инструмента национальной политики»³, — отмечал в 1964 г. видный американский политический деятель У. Фулбрайт. И хотя мало кто в высших эшелонах американского руководства готов был подписаться под столь категоричным утверждением, там не могли не ощущать, что чрезмерная и однобокая ориентация на военную силу как на основной внешнеполитический инструмент значительно сужает американские возможности в меняющемся и усложняющемся мире. Правящая элита США все более склонялась к мнению о том, что наряду с военной мощью необходимо гораздо активнее использовать на международной арене другие виды силы, диверсифицировать «рычаги» внешнеполитического влияния США.

В результате в системе отношений с внешним миром правящие круги США все чаще прибегают к экономическим инструментам, используя торговлю, кредиты, исключительное положение своих транснациональных корпораций для давления в собственных интересах на другие государства. «Великие державы,— подчеркивает тот же Д. Нихтерлейн,— сегодня более склонны отдавать предпочтение наращиванию своей экономической мощи как главному средству внешнеполитического влияния, нежели использовать в этих же целях военную силу»⁴. Инструментами внешней политики оказыва-

³ *Fulbright J. W. Old Myths and New Realities. N. Y.: Vintage Books, 1964, p. 56.*

⁴ *Nuechterlein D. Op. cit., p. 176.*

ются продовольствие, ядерное топливо, буровое оборудование и многое другое. Для достижения своих целей на международной арене Вашингтон активно использует целый ряд международных финансово-экономических организаций, в которых он обладает либо решающим голосом, либо значительным весом,— МБРР, МВФ, МЭА и др.

Причем применение Вашингтоном экономической силы для давления на мир в наши дни в отличие от 50—60-х годов (когда основными методами такого давления были либо непосредственная экономическая экспансия, либо прямой экономический бойкот) происходит в достаточно гибких и обычно легализованных формах. Правящие круги США, по сути дела, эксплуатируют заинтересованность других государств в экономических связях с самым мощным в индустриальном плане государством капиталистического мира. Считая, что заинтересованность этих стран в установлении более тесных хозяйственных контактов с США сильнее, чем американская, Вашингтон стремится, во-первых, удовлетворять эту заинтересованность на своих условиях и, во-вторых, использовать ее для создания долгосрочной привязки тех или иных государств к Соединенным Штатам и их политике.

В то же время следует отметить, что в сфере использования экономических инструментов воздействия Вашингтон ныне все чаще сталкивается с возрастающей конкуренцией ЕЭС и Японии. Достаточно сказать, что ЕЭС создало обширную зону преференциальной торговли в зоне развивающихся стран (в нее входят 73 государства Азии, Африки и Латинской Америки).

Отсюда все более энергичное стремление правящей американской элиты использовать свою научно-техническую силу для образования новых зависимостей в системе международных отношений. Многие буржуазные теории «технотронного века» безоговорочно отводят Соединенным Штатам лидирующую роль в сфере научно-технической революции, утверждая, что в будущем мире они будут лишь генерировать научные идеи и давать законченные научные разработки и проекты, а «грязным» производством металла, машин, добычей угля и т. д. будут заниматься другие государства, главным образом те, которые сегодня относятся к числу развивающихся,— в результате эти страны в научно-техническом и интеллектуальном отношении будут зависеть от Америки. Конечно, подобный «научно-технический» империализм — это иллюзия, которая уже сегодня разрушается научно-техническими достижениями СССР и стран социалистического содружества, а также конкуренцией западноевропейских государств и Японии. Вместе с тем было бы неправомерно приуменьшать научно-техническую мощь Соединенных Штатов, дополнительные и в ряде случаев уникальные возможности, создаваемые ею для продвижения американских интересов на международной арене. И пожалуй, самое главное состоит в том, что правящие круги США первыми на Западе осознали перспективность исполь-

зования научно-технической силы в качестве действенного инструмента внешней политики.

В последние десятилетия в мире возникло много проблем, которые в соответствии с общепринятой классификацией относятся к категории глобальных, — ограниченность сырьевых ресурсов на нашей планете, проблемы сохранения окружающей природной среды, демографический взрыв, продовольственный кризис и т. д. Все эти вопросы, уже сейчас играющие значительную роль в деятельности многих государств, могут стать жизненно важными в последующие десятилетия. От того или иного решения многих из них будут зависеть не только судьбы государств, но и судьбы мира (человечеству грозит гибель или деградация не только в результате ядерной катастрофы — оно может исчезнуть постепенно из-за истощения кислородных запасов в нашей атмосфере или иных катастроф в окружающей среде).

Правящие круги США уже сейчас пытаются выработать подходы к решению некоторых из этих проблем, чтобы сами эти методы давали определенные преимущества для США, вели к утверждению ведущей роли Америки и чтобы сам путь разрешения той или иной проблемы создавал бы для других стран новую цепь зависимостей от Вашингтона. Разумеется, подобный подход со стороны Вашингтона к решению глобальных проблем становится все более очевидным для других государств и они стремятся противодействовать ему. Но в результате несовпадения, противоречивости их собственных интересов они не всегда способны выступать единым фронтом, что облегчает Вашингтону в ряде случаев возможность использовать сами эти глобальные проблемы, намечаемые методы их решения как способ воздействия на другие страны в собственных интересах.

Ряд причин — наличие в мире двух противоположных по своим ценностям социальных систем, возрастание интереса широкой общественности, народных масс к международным делам, от которых зависят их судьбы, накопец, быстрое развитие системы массовых коммуникаций — объективно ведет к возрастанию значимости в международных отношениях идеологических, морально-этических факторов, всей сферы общественного сознания (в ряде случаев под влиянием национально-исторической специфики важную роль начинают играть факторы религиозного либо гипертрофированного национального сознания). В этих условиях правящие круги США пытаются влиять в своих интересах на настроения и умы людей и в своей стране, и в союзных государствах, особенно в зоне развивающегося мира, используя всю мощь своей государственной и частномонополистической идеологической машины. Активное использование различных средств морально-идеологического воздействия стало неотъемлемой частью политики США в отношении социалистических стран.

Необходимо признать: капитал своевременно оценил техниче-

ские возможности средств массовой информации, в первую очередь радио и телевидения, и ныне манипулирует общественным мнением в пределах своей сферы влияния в невиданных прежде масштабах. Сейчас в 133 странах есть телевидение, на нашей планете работает 25 тыс. радиостанций. Их передачи принимаются 400 миллионами телевизоров и миллиардом радиоприемников. Если учесть, что в мире работает свыше 100 национальных информационных агентств, а читатели получают тысячи газет в сотнях миллионов экземпляров, то станет ясно, сколь велик поток информации, обрушивающийся на современного человека.

Ныне ни одна внешнеполитическая акция США не проводится без соответствующего идеологического обеспечения. И если определенная часть американцев сегодня больше «боятся русских (которые они никогда не видели), чем ядерной войны» (о которой они имеют лишь теоретическое представление), если определенная часть западноевропейцев уверовала в существование «советской военной угрозы» (которую они физически не ощущают, хотя в то же время повседневно наблюдают военное, в том числе ядерное, американское присутствие на своей территории), то все это результат систематического «промывания мозгов», массированно осуществляемого в национальном и международном масштабах пропагандистской службой США, сотнями журналистов и профессоров, подкармливаемых американскими посольствами, ЦРУ, филантропическими фондами, идеологическим аппаратом союзников. Достаточно сказать, что только США и их партнеры (Англия, Франция, Италия, ФРГ, Ватикан, Израиль) довели свой объем передач на европейские социалистические страны до 5 тыс. часов в неделю (в среднем по 100 часов в день на каждую страну).

Как и годы «холодной войны», в период президентства Дж. Картера и пришедшего ему на смену Р. Рейгана в системе внешнеполитических операций США, нацеленных на страны социалистического содружества, идеологическим инструментам отводится все более самодовлеющая роль. Характер использования этих инструментов в известной мере определял и определяет политическую атмосферу в отношениях между миром социализма и капитализма.

Усложняющаяся структура международных отношений, многообразный характер сталкивающихся здесь сил, специфика интересов государств, не укладывающаяся в традиционные рамки, — все это не снижает, а скорее повышает значимость политических (дипломатических) инструментов во внешнеполитической практике Соединенных Штатов.

Политическая сила государства в системе международных отношений создается главным образом двумя путями. Первый — это прямое наращивание собственных политических (дипломатических) возможностей, которые возникают в результате образования коалиций, союзов, привлечения на свою сторону по тому или иному вопросу значительного числа государств, искусного использования в ин-

тересах проводимой политики существующих противоречий либо неожиданных (кризисных) ситуаций, возникающих в системе международных отношений. Второй способ — это ослабление политических (дипломатических) возможностей своего соперника, которое достигается (в системе международных отношений) созданием невыгодного для него «баланса сил» в его непосредственном окружении, разъединением и ослаблением его союзов и коалиций, подрывом его престижа в мире, втягиванием его в заведомо проигрышные (либо невыгодные) ситуации, что, помимо всего прочего, отвлекало бы его активность от жизненно важных центральных направлений на второстепенные, периферийные.

Правящая группировка США использует оба эти способа в попытках создать на своей стороне ситуацию политической силы, выгодной для себя политический «баланс сил» в мире. Другой вопрос — насколько эффективны эти попытки.

В целом же в Вашингтоне исходят из того, что лишь дальнейшая диверсификация инструментов внешнеполитического воздействия, с одной стороны, и их комплексное использование — с другой, могут принести успех на пути достижения целей правящих кругов США на международной арене.

Набор внешнеполитических инструментов США периодически переосмысливается и обновляется; в зависимости от обстановки, принятой концепции, субъективных факторов меняется система приоритетов в этой области. Постоянно одно — неизменная значимость совокупного набора этих инструментов, ибо характер внешней политики США взаимосвязан с ее инструментарием. По сути дела, это те ресурсы, которыми обладает правящий класс США для реализации своих целей на международной арене. Основная проблема американской послевоенной внешней политики состоит в расширяющемся разрыве между провозглашаемыми целями и наличными средствами их осуществления. Отсюда становится понятным значение данного раздела. По сути дела, задача исследователей сводилась к тому, чтобы рассмотреть, какие средства (инструменты) имеются в распоряжении правящего класса США и применяются им для достижения его внешнеполитических целей, как они работают в современных условиях, т. е. какова мера их эффективности, каким из них отдается предпочтение, каково соотношение между старыми и новыми инструментами внешней политики.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА И МЕТОДЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ США

Видное место во внешнеполитическом арсенале Соединенных Штатов занимает инструментарий, связанный с военной силой. Ставка на силу — постоянный атрибут американской внешней политики. Опора на военную силу как важнейшее средство внешней политики является неизменной составной частью доктринальных установок и практических действий США в международных делах. Со времен отцов — основателей американской республики военная сила считается основным и конечным средством урегулирования спорных внешнеполитических проблем, «арбитром в последней инстанции».

Силовая ориентация в современной внешней политике США имеет соответствующую философско-теоретическую базу. Согласно весьма влиятельной в американской буржуазной науке международных отношений школе так называемого «политического реализма», основу международной политики составляет борьба государств за утверждение своего силового превосходства в мире. Соответственно ориентиром США в международной политике, как указывал глава этой школы Ганс Моргентау, должно служить «понятие интереса, определенное в терминах силы»¹. «Сила, применяемая с определенной целью во внешней политике и во внешних сношениях, — разъясняют Н. Паделфорд и Дж. Линкольп, — составляет существо мировой политики»². Подобная оценка значения и роли силового фактора в международных отношениях разделяется и многими другими американскими теоретиками. Расхождения между ними касаются лишь вопроса о том, в какой мере понятие силы наполнено военным содержанием. При этом большинство американских авторов, как правило, отождествляют государственную мощь прежде всего с военным потенциалом страны.

Культ силы, в первую очередь военной, во внешней политике США вполне закономерен. Он определяется социально-политической природой капиталистического государства. По определению Ф. Энгельса, «насилие... охраняет эксплуатацию»³. В. И. Ленин также указывал, что «при капитализме невозможна иная основа, иной

¹ Morgenthau H. *Politics among Nations*. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1973, p. 5.

² Padelford N., Lincoln G. *The Dynamics of International Relations*. N. Y.: Macmillan Co, 1968, p. 6.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 314.

принцип дележа, кроме силы»⁴. Силовой подход, подчеркивал В. И. Ленин, вытекает из самой сущности капитализма.

В условиях необоримых социальных сдвигов на мировой арене, начатых Великой Октябрьской социалистической революцией, правящие круги буржуазных стран боятся мира без оружия, им страшно оставаться без военной силы, на которую они все еще полагаются как на средство спасения капитализма. На свои поражения в социальных битвах, на потерю колониальных владений, на отход от капитализма все новых стран, на успехи мирового социализма — на все это агрессивные круги капиталистических стран реагируют развертыванием военных приготовлений.

Доктрина «национальной безопасности»

Место и роль военной мощи во внешней политике США официально закреплены в доктрине «национальной безопасности».

Принятая к руководству государственным аппаратом США во второй половине 40-х годов, эта доктрина представляет качественно новое понимание значения военно-силового фактора в обеспечении интересов господствующих классов США на мировой арене. Она не просто устанавливает прямую взаимосвязь военной мощи и внешней политики, но и исходит при этом из примата военных соображений над политическими.

В рамках доктрины «национальной безопасности» довольно четко определяется целевое назначение военной мощи. Эта доктрина, как отмечает ее американский исследователь Д. Ергин, «постулирует взаимосвязь столь многих различных политических, экономических, и военных факторов, что развитие событий на всем земном шаре выглядит как автоматически имеющее непосредственное отношение к коренным интересам США. Доктрина характеризуется экспансионизмом, вынесением субъективно определяемых границ безопасности во все более и более отдаленные районы, тенденцией разрастаться в географическом и проблемном отношениях»⁵.

Если доктрина «национальной безопасности» устанавливает особую роль военной силы в качестве постоянно действующего фактора американской внешней политики, то параметры использования силы Соединенными Штатами меняются в зависимости от оценки американскими практиками и теоретиками конкретной международной политической обстановки. На протяжении всего периода после второй мировой войны американский подход к вопросу о применении военной силы во внешнеполитических действиях претерпевал значительную эволюцию. Последняя представляла собой сложный, противоречивый, зигзагообразно развивающийся процесс определения условий и возможностей использования военной силы, поиска

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 353.

⁵ Yergin D. Shattered Peace. Boston: Houghton Mifflin Co., 1977, p. 196.

оптимальных путей приспособления ее главного компонента — авиационно-атомного, а позднее — ракетно-ядерного стратегического оружия к практическим нуждам внешней политики.

Решающее воздействие на этот процесс оказывал неуклонный рост могущества Советского государства. Утрата Соединенными Штатами ядерной монополии, а затем и превосходства над СССР в области стратегических вооружений, «бессилие силы», столь наглядно проявившееся в провале вьетнамской авантюры американского империализма, явились важными вехами в процессе «переоценки ценностей» Вашингтоном.

В конце 60-х — начале 70-х годов в американской военно-политической мысли распространились теории и концепции относительно ограниченных возможностей военной силы, необходимости ее применения с учетом «ограничителей» внешнего и внутреннего порядка⁶.

В наиболее рафинированном виде это нашло выражение в рассуждениях по поводу «парадокса силы». Этот парадокс объяснялся американскими авторами причинами двойного свойства. С одной стороны, с появлением ракетно-ядерного оружия, как отмечали они, стало реальностью предвиденное К. Клаузевицем «несоответствие между средствами ведения войны и ее политической целью»⁷. И действительно, созданный в США арсенал средств массового уничтожения превзошел потребности рациональной политики, которая и при использовании военно-силовых инструментов руководствуется прежде всего классовыми соображениями, интересами выигрыша в противоборстве двух систем любыми средствами, а не взаимоуничтожения, но ведь именно этим может обернуться ядерная война. Поэтому американской внешнеполитической мысли приходилось считаться с тем, что современная военная сила — крайнее средство, опасное не только для того, против кого оно направлено, но и для того, кто его использует. С другой стороны, призывалась необходимость учитывать внешне- и внутривнутриполитические последствия использования военной силы в качестве средства проведения внешнеполитического курса в международных делах. Агрессия США против народов Индокитая выявила характер этих последствий достаточно убедительно.

Анализируя причины парадокса силы — несоответствие средств политическим целям и сужение возможностей применения силы, американские авторы признавали не только опасность крайних способов ее использования, таких, как всеобщая война, но и известную девальвацию силы вообще. Отдельные критически настроенные теоретики, как, например, Р. Уэссон, даже заявляли, что «инструменты силы, хотя все еще остаются модными, являются не только до-

⁶ См.: *Great Issues of International Politics* / Ed. by M. Kaplan. Chicago: Aldine Publishing Co., 1974, p. XII.

⁷ *Клаузевиц К. О войне*. М.: Воениздат, 1936, т. 2, с. 379.

рогостоящими и опасными, но и бесполезными с точки зрения удовлетворения нужд современных государств»⁸.

Вместе с тем характерно и другое. Несмотря на констатацию новых реальностей в мире, настоятельно требующих воздерживаться от угрозы силой или ее применения, даже те, кто придерживался умеренных взглядов, вовсе не рекомендовали отказаться от ставки на силу (прежде всего военную) как на важнейший инструмент внешней политики. Их рассуждения в основном сводились к тому, как «дисциплинировать силу», сделать ее «более контролируемой», но отнюдь не затрагивали вопроса об исключении применения силы вообще.

Однако даже такого рода настроения просуществовали недолго. На рубеже 80-х годов в условиях форсированного осуществления военных программ во внешнеполитической мысли США расцвел пышным цветом культ силы.

«Ныне,— пишет видный английский исследователь военно-политических проблем Х. Булл,— эти идеи (идеи 70-х годов.— *Авт.*) отвергнуты. Более того, все шире распространяется убеждение, что сила в международных отношениях играет и будет играть все ббльшую роль. Это объясняется повсеместным наращиванием вооружений и ростом военных расходов в мире». Главную причину этого Х. Булл справедливо видит в отказе США от политики разрядки, в их стремлении сломать сложившийся военный паритет между СССР и США, в признании возможности военного вмешательства во внутренние дела стран развивающегося мира⁹.

В своем нынешнем подходе к роли военной силы в международных делах Вашингтон продолжает руководствоваться доктриной «национальной безопасности», которая остается неизменной в том, что касается основных целей и принципов взаимодействия военной мощи и внешней политики. Военной силе в современных условиях по-прежнему отводится роль главного компонента «национальной безопасности», задачи которой тесно увязываются с притязаниями правящих кругов США на «историческую ответственность» в глобальном противоборстве двух социально-экономических систем. Советский Союз, согласно нынешней интерпретации доктрины «национальной безопасности», рассматривается в настоящее время и будет рассматриваться в обозримом будущем как главный противник США во всех отношениях — политическом, военном, экономическом и идеологическом.

Вашингтон возвел ныне в ранг государственной политики ставку не только на военную силу, но и на ее превосходство. Соответственно усилия США в военной области направлены на создание военной машины, которая обеспечивала бы военное превосходство над

⁸ *Wesson R. Foreign Policy for a New Age*. Boston: Houghton Mifflin Co., 1977, p. 43.

⁹ См.: *New Directions in Strategic Thinking* / Ed. by L. O'Neil, F. M. Horner. L.: Allen and Unwin, 1981.

любими потенциальными противниками, и прежде всего Советским Союзом. При этом в стратегических планах США главное внимание уделяется нанесению первого, упреждающего, удара.

Соответственно для нынешнего подхода американской внешнеполитической мысли к вопросу о военной силе характерен прежде всего поиск новых «оптимальных» вариантов повышения эффективности этого средства, которые обеспечили бы его использование в качестве действенного инструмента внешнеполитических акций США.

Соотношение военной силы с другими силовыми факторами

Одна из важнейших проблем, касающихся обеспечения эффективности военно-силового подхода во внешней политике, связана с определением места и роли военной силы в системе других элементов, образующих мощь как Соединенных Штатов, так и всей капиталистической системы.

В конгломерате такого рода элементов американские теоретики определяющее значение отводят военной силе. Об этом говорит тот факт, что все другие факторы государственного могущества, даже не имеющие непосредственного военно-стратегического значения, рассматриваются исключительно с точки зрения их «полезности» в деле наращивания и применения государством военной силы для достижения внешнеполитических целей. И если в 70-е годы в американской политологии наблюдалось заигрывание с концепциями, отводящими военной силе как бы подчиненную, второстепенную роль среди других факторов могущества, хотя официальное политическое руководство США никогда под этими теориями не подписывалось, то с начала 80-х годов военная сила как элемент государственной мощи вновь — и в теории и на практике — выдвинута на первый план.

Именно на наращивании военного потенциала США концентрирует основное внимание администрация Рейгана, и сам президент говорит, что «военные дискуссии, если таковые будут иметь место, будут идти о том, какие именно вооружения иметь, а не о том, надо ли пренебрегать вооружениями ради договоров и соглашений»¹⁰.

Компоненты военной силы

Продолжая всячески культивировать американскую военную мощь в целом, современные исследователи роли военно-силового фактора во внешней политике США в то же время придают важное значение дифференцированной оценке возможностей различных видов

¹⁰ New York Times, 1981, May 28.

вооруженных сил в качестве инструментов внешнеполитического действия.

Основой военного могущества и соответственно внешнеполитического влияния США считаются ракетно-ядерные силы, состоящие из «стратегической триады» — межконтинентальных баллистических ракет (МБР), стратегической авиации и атомных ракетных подводных лодок (ПЛАРБ).

В политическом плане важная роль отводится стратегической авиации, которая используется в мирное время как одно из важнейших средств демонстрации силы. С этой целью, например, бомбардировщики В-52 регулярно совершают полеты, в том числе с ядерным оружием на борту, в районы «жизненно важных интересов» США.

Американская политическая и научная элита пытается представить стратегические силы США как «оборонительный щит» Запада, существование которого создает возможности для эффективного использования во внешнеполитических интересах США и Запада в целом сил общего назначения, называемых также обычными вооруженными силами. Им ныне отводится роль «меча», или основной ударной силы, в противоборстве ниже уровня прямой, непосредственной конфронтации США и Советского Союза.

Впервые упор на использование обычных вооруженных сил во внешнеполитических целях был сделан на рубеже 60-х годов с принятием Вашингтоном доктрины «гибкого реагирования». В нынешних условиях этим силам отводится важная роль в качестве инструмента проведения внешнеполитического курса США. Они используются для демонстрации американского военного присутствия, а также прямого военного вмешательства.

Военное присутствие США за рубежом¹¹, теоретически обосновывающееся концепцией «передового базирования», призвано играть роль силового рычага американской дипломатии, особенно в европейских, азиатских и латиноамериканских делах. Согласно американским расчетам, эта роль может выполняться только благодаря сохранению американских войск за рубежом на их нынешнем численном уровне в полмиллиона человек. Так, Дж. Шлесинджер в бытность свою министром обороны, подчеркивая, что «участие США в обороне Европы как необходимо, так и неизбежно», предупреждал, что «без цементующего участия США в НАТО государства Западной Европы будут вынуждены пойти на соглашение с Советским Союзом»¹². Практические шаги администрации Рейгана говорят о решимости Вашингтона не только сохранять, но и добиваться укрепления американского военного присутствия в Западной Европе.

¹¹ В настоящее время США имеют более 1500 баз и объектов на территории 32 государств.

¹² Congressional Record, 1976, Apr. 13, p. H3337.

Большая роль в плане внешнеполитических операций с применением военных инструментов отводится входящим в силы общего назначения военно-морским силам (ВМС) США. В основу использования ВМС положена так называемая океанская стратегия, в соответствии с которой географическое положение США, глобальный характер их политических, военных и экономических интересов, а также высокая зависимость от стратегического сырья требуют господства США на море.

В настоящее время Вашингтон придает важное значение военно-морской стратегии, как обеспечивающей ему дополнительную гибкость в манипулировании военной силой. Ставка на ВМС связана, по мнению ряда американских политиков, как с геостратегическим положением Соединенных Штатов, так и с тем обстоятельством, что бурное развитие военных флотов в послевоенный период повышает значение борьбы на море. Когда основные государства мира разделены океанами, успех политических мероприятий и решение стратегических задач будут и впредь, утверждают эти политики и исследователи, зависеть от мощи флота и его реального вклада в силовую борьбу на международной арене.

Тактика контринсургенции

В начале 60-х годов XX в. в США выявились и новые формы применения военной силы в целях так называемой контринсургенции — контрповстанческой борьбы с использованием частей, специально подготовленных для действий в данном регионе и оснащенных эффективной военной техникой для условий «тихой войны». Один из теоретиков контринсургенции — Дж. Маккьюэн подчеркивает, что контринсургенция «принимает принципы и стратегию революционной войны, но только наоборот»¹³.

Существует ряд причин, объясняющих обращение американского руководства этому инструменту «специальной войны». Среди них:

противодействие революционному процессу в той или иной стране, входящей в сферу «жизненных интересов» США, посредством создания специальных контрповстанческих сил. Члены этих соединений получили название «зеленые береты». Силы эти отчасти уже существовали в армии США с 1952 г. в виде специальных отрядов, которые были сформированы в основном из числа так называемых «перемещенных лиц» и предназначены для диверсионно-террористической деятельности в тылах соответствующих государств в ходе военного конфликта;

подобная «тихая контрреволюция», действуя на уровне «не бросающихся в глаза» полувоенных операций, позволяет, с точки зре-

¹³ McCuen J. The Art of Counter — Revolutionary War. Harrisburg (Pa.): Stackpole, 1966, p. 77—78.

ния Вашингтона, обходить стороной юридические проблемы интервенции: осуществлять подобные операции без санкции конгресса, без привлечения внимания широких кругов населения США к такого рода американской интервенционистской деятельности за рубежом и тем самым предотвращать появление в собственной стране нежелательной антивоенной оппозиции;

по мнению американского руководства, подобное состязание на локальных театрах военных действий автоматически повышает шансы на выигрыш стороны, технически более оснащенной для такого рода операций, стороны, располагающей специальной малой техникой для «особой» войны. Используя свой мощный промышленный потенциал, США надеются лидировать в разработке и массовом производстве такого рода специальных средств борьбы¹⁴.

Несмотря на то что американская тактика контринсургенции, широко применявшаяся США на первом этапе их интервенции во Вьетнаме, провалилась и была заменена войной обычного типа, в ходе которой США также потерпели фиаско, инструмент контрповстанческой войны, как это показывают акции США, например, в Сальвадоре в 80-х годах, остается на вооружении американской политики.

Поставки оружия как фактор политического влияния

Важным инструментом, относящимся к элементам военной силы, стали в последнее время американские поставки оружия.

В послевоенный период оружие из США в страны, где американский империализм хотел бы приобрести плацдарм для своего влияния, шло прежде всего по двум программам — заграничных военных продаж и программ военной помощи. В период с 1950 по конец 70-х годов США безвозмездно передали по программам помощи и предоставили услуг военного характера на 61,8 млрд. долл. Продажи за этот период составили сумму в 92,8 млрд. долл.¹⁵

Использование поставок американского оружия в целях усиления американского влияния на ряд стран увеличивалось по мере роста объема продажи вооружений, но особенно резко в последние 15 лет. Если в середине 60-х годов США продавали оружия на 1 млрд. долл. в год, то через десять лет — на 10 млрд. долл. в год, а в 1982 г. — на 30 млрд. долл.

Расширение потока вооружений, направляющегося в развивающиеся страны, превратилось в одно из главнейших орудий амери-

¹⁴ Подробнее о концепции «контринсургенции» см.: *Петровский В. Ф.* Доктрина «национальной» безопасности в глобальной стратегии США. М.: Международ. отношения, 1980, с. 133—136; *Трофименко Г. А.* США: политика, война, идеология. М.: Мысль, 1976, с. 256—270.

¹⁵ *Opportunities to Improve Decision-making and Oversight of Arms Sales.* Wash.: U. S. GPO, 1979, p. 65.

канской дипломатии. В 70—80-х годах развивающиеся страны стали потреблять приблизительно 80% американского военного экспорта. Особенно резко увеличился поток оружия на Ближний и Средний Восток. Основными получателями американского вооружения в 70-х годах были Саудовская Аравия (закупившая в США в течение прошлого десятилетия военной продукции на сумму 35 млрд. долл.), Иран (14 млрд. долл.), Израиль (11 млрд. долл.), Южная Корея (5 млрд. долл.), Египет, Нидерланды, Япония и о. Тайвань (по 3 млрд. долл.)¹⁶. Для привлечения на свою сторону самых важных клиентов США используют продажи наиболее современного оружия — боевых самолетов F-14, F-15 и F-16, оперативно-тактических ракет «Лэнс», ракетных фрегатов типа «Перри», танков M-60.

По мнению буржуазных политиков, в современных условиях общей закономерностью является то, что уровень вооружений той или иной капиталистической страны в значительной мере продолжает предопределять характер ее политического влияния, особенно в условиях кризисной ситуации. Поэтому для многих западных государств, а также развивающихся стран, идущих по капиталистическому пути, иметь возможность увеличивать свою силу, влияние за счет наращивания вооружений представляется временами делом очень важным. Дать этому государству оружие или не дать — это политический вопрос, и он решается с точки зрения интересов правящих кругов США. Уже в этом «да» или «нет» есть элемент влияния. Более того, Вашингтон обычно и не скрывает свои отнюдь не только коммерческие цели в торговле оружием, требуя уступок, лояльности по отношению к США. Кроме того, продажа оружия создает долговременную систему зависимости посредством поставки запасных частей, возникают прочные связи с высшей бюрократией данной страны, ориентированность на сделки с другими американскими компаниями ввиду увязки военных сделок с контактами в сфере невоенного бизнеса. «Это, — пишет Р. Уэссон, — привлекательное средство осуществления внешней политики. За вооружением следуют инструкторы и советники, которые близки к военным командующим и являются влиятельными людьми в третьем мире. Представители государств-получателей направляются на обучение в страны — поставщики оружия и там получают соответствующую политическую подготовку. Влияние, приобретенное поставками оружия, довольно прочное, так как переключение от американской на советскую помощь дорого и длительно. Военная помощь связывается обычно с получением баз»¹⁷.

¹⁶ Откуда исходит угроза миру. М.: Воениздат, 1982, с. 58.

¹⁷ Wesson R. Op. cit., p. 80.

Две функции военной силы

В своей оценке места и роли военной мощи во внешней политике Вашингтон, как видно, исходит из того, что в широком плане вооруженные силы уже самим фактом своего существования, уровнем мощи, характером задач, местоположения и способом развертывания так или иначе оказывают влияние на политику иностранных государств. В то же время регулярный пересмотр задач стратегических ракетно-ядерных сил и других видов вооруженных сил, переоценка некоторых аспектов блоковой политики свидетельствуют о стремлении Вашингтона изыскать еще более эффективные пути использования военной мощи во внешнеполитической сфере.

Продолжая считать военную силу важнейшим рычагом принуждения, политическая и научная элита США проводит теперь определенные различия между двумя ее функциями: с одной стороны, политическим, психологическим, с другой — насильственным вооруженным воздействием. Американские политики и теоретики придают важное значение политико-психологическому использованию военной мощи в целях воздействия на другие страны и на развитие международных отношений в целом. «Главная цель военного фактора — политическая или, скорее, психологическая», — заявляют Б. Блехман, Р. Бертац, М. Бинкин, Р. Уэйнлэнд. В связи с достижением психологического эффекта большое значение уделяется созданию должного впечатления о мощи данной страны у руководителей других государств. «Большой военной истэблишмент, — продолжают Б. Блехман и его коллеги, — поддерживается не столько в целях непосредственной обороны США, сколько в целях воздействия на восприятие руководителей других государств с тем, чтобы они были вынуждены принимать решения, которые дали бы возможность избежать необходимости обороны США»¹⁸. Подчеркивая значение психологического эффекта военной мощи, видный французский политолог Р. Арон писал: «Поскольку имеющиеся силы оказывают свое воздействие без реального их использования, представление, складывающееся в умах участников противостояния и у сторонних наблюдателей о соотношении сил между соперниками, становится важным фактором, влияющим на ход политических кризисов и развитие международных отношений»¹⁹.

Достижение необходимого политико-психологического эффекта военной силы связывается на практике с потенциальной способностью военной мощи воздействовать «без выстрела». Этой цели служат такие физические акции вооруженных сил, как, например, блокада, демонстративные маневры и т. д. Иными словами, речь идет о демонстрациях военной мощи с явно империалистическими

¹⁸ *Setting National Priorities: Next Ten Years.* / Ed. by H. Owen, Ch. Schultze. Wash.: The Brookings Inst., 1976, p. 60.

¹⁹ *Revue de Defence Nationale*, 1975, N 1, p. 23.

намерениями для обеспечения узкокорыстных целей США вопреки интересам народов других государств. Весьма характерно, что вариации на тему «демонстрация мощи» звучат во многих выступлениях представителей администрации Рейгана.

Целями политико-психологического воздействия с применением вооруженных сил «непрямым» образом в США считают:

1) не допустить каких-либо нежелательных для США действий со стороны другого государства;

2) заставить государство предпринять определенные действия или же не предпринимать их;

3) поддержать государство в предпринимаемых или готовящихся им действиях или же, наоборот, поддержать это государство в нежелании предпринимать такие действия;

4) создать условия, стимулирующие определенные действия со стороны того или иного государства.

Применение военной мощи в целях внешнеполитических демонстраций вовсе не означает отсутствия у Вашингтона намерений использовать военную силу для прямого насильственного, вооруженного воздействия на другие страны с помощью чисто военных акций (вторжение на чужую территорию, бомбардировки и т. п.).

При этом очевидна новая особенность американского подхода к прямому использованию вооруженных сил США. В Вашингтоне считают, что это следует делать быстро, решительно, не затягивая периоды военных операций. В исследовании видных американских политологов О. Холсти и Дж. Розенау, проведенном с помощью математической обработки оценок тех, кто формирует внешнюю политику, отмечается, что $\frac{3}{4}$ опрошенных ими лиц высказываются за то, что «в любой будущей иностранной интервенции предпочтительнее быстрое использование силы, чем политика постепенной эскалации». Американские политики, подчеркивают О. Холсти и Дж. Розенау, решительно настроены против каких-либо половинчатых мер и считают необходимым нанесение удара в сердце противника²⁰.

Формы внешнеполитической реализации военной силы

Наметившаяся в рамках скорректированной концепции «национальной безопасности» концептуальная оценка внешнеполитических функций военной мощи как рычага принуждения тесно связана с вопросом о выборе форм международно-политической реализации этой силы. В американской литературе принято различать три формы: войну, угрозу применения военной силы и сдерживание—устрашение. В первом случае имеются в виду акты организованного на-

²⁰ *Holsti O., Rosenau J. Vietnam, Consensus and the Belief System of American Leader. Paper delivered at 1977, October 6, Hendrics Symposium on American Politics and World Order, p. 107—109.*

силы одной стороны по отношению к другой, во втором — диапазон акций от усугубления враждебности или недоброжелательности до непосредственной угрозы развязать войну, в третьем — создание такого положения в отношениях между государствами, когда одна из сторон находится под влиянием убеждения, что ее противник имеет полную возможность прибегнуть к силе в случае ухудшения отношений между ними или обострения противоречий²¹. Представляется, однако, что грань между угрозой силой и «устрашением», проводимая в американской литературе, трудно различима и во многом искусственна, поскольку в обоих случаях речь идет об использовании различного рода приемов силового нажима, за исключением военных действий. Поэтому, по существу, правильнее говорить о двух формах использования силы в международных отношениях: прямой (война) и косвенной (сдерживание—устрашение). Выбор этих форм зависит от целого ряда обстоятельств: от политических целей господствующего класса, международной ситуации, внутриполитического положения, от состояния самой военной силы.

Американские политики и идеологи рассматривают вопросы войны вне социально-политического контекста и категорически отвергают взаимосвязь между войнами и порождающей их политикой определенных классов. Подход американской внешнеполитической мысли к оценке войн приводит, в частности, к категорическому отрицанию права народов на справедливые, национально-освободительные войны и ограничивает классификацию типов войн только по масштабам и по применяемым средствам поражения.

Близкие к правящим кругам специалисты-международники, такие, например, как бывший руководитель аппарата планирования госдепартамента США Г. Оуэн, исходят из того, что в фокусе американской внешней политики на ближайшее время будет оставаться вопрос о крупномасштабной войне с Советским Союзом²². В то же время ряд американских исследователей считают иррациональной идею тотальной ракетно-ядерной войны, поскольку такая война по причине всеразрушающей силы оружия, используемого в ней, не может рассматриваться как средство достижения политических целей. Американские теоретики понимают, что, какой бы ущерб ни был причинен Советскому Союзу в случае ракетно-ядерного нападения на него со стороны США, такая война имела бы характер самоубийства для самого американского капитализма ввиду тех возможностей для ответа, которыми располагает Советский Союз, и неминуемости такого ответа.

Признание иррациональности всеобщего (глобального) ядерного конфликта не означает того, что такой конфликт перестал учитываться во внешнеполитическом планировании США. Считается, что

²¹ См.: Knorr K. *Military Power and Potential*. Princeton: Princeton University Press, 1970.

²² См.: *Setting National Priorities...*, p. 43—58.

ракетно-ядерная война может возникнуть в результате эскалации регионального конфликта, стратегического просчета, случайности, а также в качестве «последнего средства», к которому прибегнут, когда под угрозой будет поставлено само существование государства.

По распространённому в американской литературе мнению, всеобщий ядерный конфликт может также возникнуть в результате применения ядерного оружия каким-либо малым ядерным государством с вовлечением в возникший локальный ядерный конфликт великих держав.

Война как форма использования военной силы

В исследованиях американских специалистов широко разрабатываются вопросы возможного участия вооруженных сил США в ракетно-ядерном конфликте одного из двух типов: либо в стратегической (центральной или тотальной) ядерной войне, либо ядерной войне на театре военных действий.

Среди таких исследований особо выделяются работы тех, кого в самой американской литературе называют «ядерными стратегами» (Г. Кан, О. Моргенштерн, Т. Шеллинг, К. Грей и др.). Взгляды этих авторов отличаются в политическом отношении ярко выраженной антигуманной, милитаристской направленностью. В своих теориях они полностью абстрагируются от социального характера военных конфликтов, от конкретно-исторических условий и занимаются формально-логическими упражнениями, исходя из посылки о возможности ядерной войны, которую они рассматривают как частный случай войн вообще. Согласно их взглядам, «возможность ядерной войны не следует относить к категории невероятного», «напротив, к ней должна быть проведена тщательная подготовка»²³.

Особое место ядерные стратеги отводят вопросам многовариантного использования ядерного оружия в качестве средства первого (превентивного и упреждающего) и второго (встречного и ответного) ударов. При этом главное внимание уделяется вопросам применения ядерного оружия первыми.

Наибольшую известность в этом отношении имеют теории Г. Кана. В своих первых книгах «О термоядерной войне» (1960) и «Мысли о неммыслимом» (1962) Г. Кан пытается дать ответ на вопрос, при каких обстоятельствах могли бы стать рациональными альтернативами и термоядерная война, и даже использование «адской машины судного дня», которая могла бы уничтожить не только противника, но и всю Землю²⁴.

В другой своей книге, «Об эскалации. Метафоры и сценарии» (1965), Г. Кан построил в виде 44-ступенчатой лестницы схему эс-

²³ Duchacek J. D. Nations and Men. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston Co., 1968, p. 363—364.

²⁴ См.: Kahn H. On Thermonuclear War. Princeton: Princeton University Press, 1970.

калации конфликта от довоенной международной напряженности через обычную войну, ограниченную ядерную войну, ограниченную стратегическую войну до самой высшей ступени — неконтролируемого ядерного конфликта.

Хотя Г. Кан и пытается представить свою схему как некое объективное обозрение всевозможных вариантов политического применения силы, тем не менее он сам особо подчеркивает, что его «лестница эскалации» является не абстракцией, а «в некотором смысле скорее американской, чем советской лестницей»²⁵.

В целом, однако, современная американская внешнеполитическая мысль сосредоточилась на поисках и обосновании «безопасных» (с ее точки зрения) в современных условиях способов прямого использования силы, в том числе и в ее ракетно-ядерном варианте, которые бы не ставили в конечном счете под удар национальную территорию США. Администрацией США практически взята на вооружение доктрина «ограниченной стратегической ядерной войны», выдвинутая еще в 1974 г. министром обороны республиканской администрации Дж. Шлесинджером, которая расширяет принятый американской военной доктриной ассортимент ядерных войн, — под «ограниченной стратегической ядерной войной» понимается ограниченный обмен стратегическими ядерными ударами по выборочному числу военных объектов и пунктов управления, центрам политического и военного руководства.

Смысл этой доктрины, обоснованной в подписанной Дж. Картером 25 июля 1980 г. президентской директиве № 59, состоит в том, чтобы сделать приемлемой мысль о допустимости ограниченного сбмена ядерными ударами, подготовить почву для развертывания программ производства новейшего оружия.

В доктрине «ограниченной стратегической войны» реализуются давние попытки американских политиков и теоретиков превратить ядерную силу в «эффективный рычаг внешнеполитического действия». Как отмечает Б. Блехман, «Соединенные Штаты никогда не исключали возможности использования своего ядерного арсенала первыми... хотя и стремились особенно не афишировать этого...»²⁶.

В связи с этой доктриной предпринимаются попытки стереть грань между стратегическим и тактическим оружием, между ядерными и обычными вооружениями. В практическую плоскость переходит вопрос о применении тактического ядерного оружия. Речь идет, таким образом, о попытке заставить общественность примириться с перспективой ядерной войны.

В подходе к «обычным» войнам, т. е. войнам, не связанным с применением ядерного оружия, США, с одной стороны, учитывают эскалационную связь между обычной войной с прямым или косвен-

²⁵ Kahn H. On Escalation; Metaphors and Scenarios. N. Y.: Macmillan Co., 1965, p. 28, 53.

²⁶ Setting National Priorities, p. 91—92.

ным участием ведущих держав и ядерной войной, что заставляет их проявлять определенную осмотрительность, а с другой — считают «обычные войны» и использование их во внешнеполитических интересах США рутинным делом. К числу наиболее вероятных обычных войн в США относят две разновидности: обычную войну на театре военных действий и локальную войну.

Теоретики локальных войн любят писать о своем стремлении «ограничить уровни использования силы» и тем самым спасти человечество от Армагеддона — великой катастрофы, которая, согласно библейскому преданию, постигнет Землю. Однако они сами весьма скептически относятся к возможности удержать обычную войну в рамках локального конфликта, соглашаясь, что такие конфликты содержат в себе серьезную опасность перерастания в глобальную катастрофу.

Постановка и разработка американской внешнеполитической мыслью вопроса о войне как форме международно-политической реализации военной силы препятствуют укреплению в сознании людей понимания недопустимости войны, и прежде всего ядерной, в качестве способа решения международных споров. Вместе с тем признание политической нецелесообразности войн должно означать не поиск «безопасных» правил применения силы, а отказ от ее применения, создание условий для исключения войны из жизни международного сообщества государств.

Концепция «сдерживания»

Рассматриваемая американскими теоретиками другая форма международно-политической реализации военной силы — «сдерживание путем устрашения», или, для краткости, «сдерживание» («deterrence») по существу является разновидностью применения военной силы в качестве инструмента внешнеполитического действия.

Согласно широко распространенной в американской литературе формуле Р. Снайдера, в общем виде военная сила, способная к «сдерживанию путем устрашения», это: А) сила, которая может удерживать противника от военных акций, поскольку цена и риск перевешивают любые выгоды, которые мог бы получить противник и Б) сила, способная осуществить ведение войны, в случае, если задача А не сработала. Элемент А в понятии «сдерживания» нередко трактуется как собственное устрашение, а элемент Б — как «оборона». Характерно, однако, другое. Именно способность военной силы к ведению войны, в том числе и наступательной, несмотря на официальную ригорику сдерживания (элемент Б); и делает «сдерживание» активным инструментом политики. Таким образом, между «сдерживанием» и «войной» существует имманентная связь.

Существо концепции «сдерживания» состоит, таким образом, в том, чтобы добиваться внешнеполитических целей путем угрозы силой, заставляя противников отступать прежде всего без большой

войны, а если удастся, то и без войны вообще²⁷. Большинство сторонников этой концепции считают, что наличие способности как у США, так и у СССР к нанесению неприемлемого ущерба другой стороне (так называемое «взаимное гарантированное уничтожение») создает своего рода преграду против ядерной войны, стабилизирует стратегический баланс. В то же время многие американские сторонники «сдерживания» не хотят смириться с ситуацией стратегического равновесия между СССР и США и пытаются воссоздать «позицию силы» США в военно-стратегической области путем дальнейшей гонки вооружений и укрепления военно-политических блоков. Именно по этому пути идет администрация Рейгана.

«Сдерживание путем устрашения» предполагает использование многочисленных видов угроз — деклараций и заявлений, утечки информации, блефа и, наконец, тех или иных провокационных действий. При этом особое значение придается проблеме создания «правдоподобия» угрозы. Еще больше, чем простые угрозы, теоретиков «сдерживания» привлекают различные формы демонстрации силы — «война нервов», демонстрация «силы воли» или, наоборот, «иррациональности» поведения державы, совершающей нажим на противника.

Очевидно, что все эти обосновываемые американскими теоретиками варианты использования военной силы предполагают достаточно высокий уровень гонки вооружений. «США, — заявляет американский военный теоретик У. Кинтнер, — не могут обеспечить устрашение одним желанием этого, они должны стремиться к совершенствованию оружия»²⁸. Стремясь оправдать гонку вооружений, многие теоретики «сдерживания» объявляют накопление оружия фактором, работающим-де в пользу мира и... ограничения вооружений! Именно такого рода аргументацию использовал президент Рейган при проталкивании через Конгресс США весной 1983 г. решения о производстве новой стратегической МБР «МХ».

Концепция «сдерживания путем устрашения» накладывает отпечаток и на подход США к проблеме разоружения. Обосновывая гонку вооружений интересами «сдерживания», американские теоретики вынуждены, однако, считаться с настроениями широкой американской общественности в пользу разоружения. Кроме того, будучи специалистами в области вооружения, они не могут не отдавать себе отчета в опасности нескончаемой гонки вооружений. Поэтому они стремятся найти такую концепцию в области разоружения, которая давала бы США достаточно широкую возможность для маневрирования. Этой концепцией считается контроль над вооружениями, который трактуется по-разному в зависимости от конкретной

²⁷ Подробнее см.: *Журкин В. В.* США и международно-политические кризисы. М.: Мысль, 1975, с. 33—38; *Петровский В. Ф.* Американская внешнеполитическая мысль. М.: Мысль, 1976, с. 97—99.

²⁸ *Kintner W.* Peace and the Strategy Conflict. N. Y.: Praeger Publishers, 1967, p. 41—42.

ситуации и политических воззрений стратегических аналитиков. Иногда этот контроль рассматривается в контексте обеспечения стратегической стабильности и не связывается с радикальным сокращением стратегических вооружений. В других случаях он объявляется в качестве меры, которая должна предшествовать разоружению в целом. Концепция контроля над вооружениями отличается непоследовательностью и двойственностью и на деле ее цели часто оказываются далеки от подлинного разоружения.

Применение на практике постулатов концепции «сдерживания» чревато весьма серьезными последствиями. Как отмечают американские исследователи этой проблемы — профессора Стэнфордского университета А. Джордж и Р. Смоук, такой подход Вашингтона не только не смог предотвратить большинство международных кризисов в послевоенный период, но и увеличивал опасность случайного возникновения войны и создания дополнительных кризисных ситуаций²⁹. А ведь именно в такого рода ситуациях кроются серьезные источники военных конфликтов. Таким образом, несмотря на кажущийся «оборонительный» характер, концепция «сдерживания» преследует совершенно иные цели. В руках сторонников неограниченной гонки вооружений она служит средством обмана общественности, средством маскировки подлинного назначения многих военных программ.

Помимо концепций, определяющих использование вооруженных сил США для давления на противника ракетно-ядерными средствами, их реальное применение в большой войне и использование вооруженных сил в неядерных конфликтах на региональном и локальном уровнях, Соединенные Штаты широко применяют демонстрационные перемещения своих военных соединений для политического давления. Под этот способ использования вооруженных сил в США подведена обширная теоретическая база, и само их применение для такого рода угрожающих демонстраций именуется «политическим использованием силы».

«Политическое» использование вооруженных сил

Наглядное представление об использовании вооруженных сил США в такого рода целях в 1946–1975 гг. и о перспективе политической роли военной силы на будущее дает доклад Брукингского института, подготовленный на эту тему в 1977 г. По подсчетам авторов доклада, в период 1946–1975 гг. США использовали свои вооруженные силы в политических целях в 215 случаях, т. е. в среднем с интервалом в 1,5 месяца³⁰. Причем в 33 случаях

²⁹ См.: George A., Smoke R. *Deterrence in American Foreign Policy: Theory and Practice*. N. Y.: Columbia University Press, 1974.

³⁰ Blechman B. M., Kaplan S. S. *The Use of the Armed Forces as a Political Instrument*. Wash.: The Brookings Inst., 1977.

Имеются и другие данные о том, что в период с 1944 по 1966 г. произошло 368 инцидентов конфликтного характера, в которых США использовали

США проводили демонстрации с ядерным оружием. По утверждению авторов доклада, США удерживали свои действия главным образом в рамках «пассивных» операций: в подавляющем большинстве случаев ставка делалась на усиление военного присутствия, на повышение степени готовности вооруженных сил, визиты военных кораблей, операции патрулирования, демонстративные маневры и т. д. При этом чаще всего привлекались войска, дислоцированные в пределах того региона, где осуществлялось давление.

Основные выводы авторов доклада в сжатом виде сводятся к тому, что в мирное время при определенных условиях демонстративное применение военной мощи в правильно рассчитанных дозах приносит нужный эффект для обеспечения интересов США за рубежом, особенно для предотвращения быстрого развития невыгодных для американцев ситуаций и выигрыша времени до того момента, пока Соединенные Штаты не сумеют выправить положение как-либо иначе. В докладе отчетливо прослеживается тезис о том, что политика опоры на силу в мирное время ни в коей мере не должна исключаться из арсенала дипломатических средств США, а более того — совершенствоваться, чтобы повысить отдачу.

С точки зрения нынешних тенденций в подходе политического руководства США к проблеме военной силы в широком плане данный доклад Брукингского института является заметным событием в усиливающихся за последние годы попытках американцев обосновать необходимость дальнейшего увеличения гибкости, диапазона и эффективности использования силы как инструмента внешней политики в современных международных отношениях, когда накопление военной мощи вступает в растущее противоречие с возможностями ее практического использования.

По мнению авторов доклада, особенно эффективным инструментом для политического давления являются ВМС. «ВМС, — отмечают они, — были главным инструментом Соединенных Штатов в политическом использовании ими вооруженных сил: во все времена, во всех местах и независимо от специфики ситуации»³¹. ВМС являются наиболее гибким инструментом демонстрации силы или, как предпочитают говорить в Вашингтоне, кризисной дипломатии: давление с помощью ВМС часто осуществляется без видимого грубого нарушения суверенитета государства, ибо передвижение кораблей происходит в открытом море. Таким образом, главная задача ВМС в мирное время, как она официально сформулирована, — демонстрация военного присутствия и контроль над морем.

военную силу одним из следующих способов: пассивная военная поддержка; неофициальное тайное военное вмешательство и поддержка; ограниченное использование в боевых операциях в соответствии с обязательствами военного персонала; боевые операции и крупномасштабное использование военного персонала в конфликтных ситуациях. См.: *Journal of Conflict Resolution*, 1975, vol. XIX, N 4.

³¹ *Blechnan B. M., Kaplan S. S. Op. cit., p. IV — 3.*

Под контролем имеется в виду обеспечение бесперебойного снабжения передовых группировок наземных сил и вообще баз США в различных регионах.

Однако задачи ВМС далеко не исчерпываются одной только демонстрацией силы. В американской литературе подчеркивается, что ВМС предназначается большая роль в будущих возможных интервенциях в развивающихся странах, особенно когда исключается применение наземных и воздушных сил.

Если ВМС и другие силы общего назначения применяются во внешнеполитических целях более или менее открыто, то секретные службы, главным образом ЦРУ и Разведывательное управление министерства обороны США (РУМО), используют силу во внешнеполитических целях «невидимым образом». Главное оружие секретных служб — «тайные операции» (дезинформация, подкуп, шантаж, субсидирование подрывных организаций, диверсии, убийства). Американские авторы из числа руководителей спецслужб, такие, как, например, бывший директор ЦРУ У. Колби, называют такого рода действия чем-то средним между дипломатическим протестом и посылкой морской пехоты. На самом деле это мало чем отличается от использования военной силы в целях политического воздействия и представляет собой прямое вмешательство во внутренние дела других стран.

Сила и дипломатия

Американские политики и историки рассматривают дипломатию в присущих им силовых категориях. Для них дипломатия — инструмент политического давления, а не средство достижения взаимоприемлемого баланса интересов, политического решения различного рода проблем, возникающих в межгосударственных отношениях.

Важным условием, которое должно обеспечить успех дипломатии, по мнению американского теоретика Т. Шеллинга, является угроза применения силы. Он придает большое значение тому, чтобы угроза силой как решающий элемент в процессе воздействия на противника была как можно более правдоподобной. «Правдоподобие угрозы, — пишет Шеллинг, — зависит от того, насколько заметна для той стороны, которой угрожают, неспособность угрожающей стороны найти рациональный выход из ситуации, если угроза не достигнет своей цели»³². Хотя Шеллинг и называет свой подход «теорией взаимозависимых решений», по существу он сводится к навязыванию решений сопернику. Даже элементы сотрудничества рассматриваются специфически: «сотрудничество», по Шеллингу, должно быть навязано оппоненту.

Г. Киссинджер, будучи государственным секретарем США, из

³² Schelling T. Arms and Influence. New Haven: Yale University Press, 1968, p. 211.

мыслил себе дипломатии без опоры на силу. Он исходил из того, что, «если обращение к силе на практике станет невозможным, дипломатия тоже потеряет свою действенность». Согласно его точке зрения, «невозможность использовать силу может увековечить все споры, какими бы незначительными они ни были»³³. Силовое обеспечение дипломатии Г. Киссинджер понимает в разных смыслах. В широком политическом плане Г. Киссинджер считает необходимым постоянный «показ мускулов» — демонстрацию мощи. Проводя переговоры, Киссинджер активно использовал приемы силового давления на своих партнеров с тем, чтобы добиться благоприятных для США результатов. Один из таких приемов состоял в использовании «системы рычагов» — противопоставления несовпадающих интересов партнеров по переговорам и использования США роли арбитра для выработки решений, устраивающих в первую очередь Вашингтон. «Система рычагов» давления была логическим следствием выдвинутой Г. Киссинджером концепции «многополярного мира», в котором решающая роль отводится «пятиугольнику» — США — СССР — КНР — Западная Европа — Япония.

Киссинджеровский пример военно-силового подкрепления переговоров не является перевернутой страницей в американской дипломатии. В подходе администрации Рейгана к отношениям с другими государствами весьма четко проявляются методы «киссинджеризма», воплощающие в себе свойственную империалистической дипломатии практику силового давления.

Широкую известность как теоретическое оправдание силового обеспечения дипломатии получила концепция «козырей для торга», которая ставит успех переговоров в прямую зависимость от наращивания военного потенциала. Один из приверженцев этой концепции — З. Бжезинский довольно четко определил ее смысл: «Подлинный вопрос 70-х годов, — писал он, — состоит не в том, что случится, если разразится война (мы все знаем ответ на него), а в том, что может случиться до начала сражения или, точнее, до начала сражения, которое не начнется. Формула „мы имели достаточно“ обычно интерпретируется в расчете на то, что нужно для сражения. Однако забывают более важный политический факт: можно нуждаться в большем для торга, чем для сражения»³⁴.

Следование этой концепции на практике означает форсирование вооружений, создание обстановки подозрительности и недоверия, затруднение переговоров по сдерживанию гонки вооружений.

Силовой подход заметно обнаруживается и в выборе методов ведения переговоров. Сам процесс дипломатических переговоров рассматривается в американской литературе как основанный на признании общего интереса в политическом торге, в процессе

³³ Kissinger H. Nuclear Weapons and Foreign Policy. N. Y.: Harper, 1957, p. 4.

³⁴ The Next Phase in Foreign Policy / Ed. by H. Owen. Wash.: The Brookings Inst., 1973, p. 122.

которого каждая сторона при помощи своих действий стремится получить максимальный выигрыш за счет соперника или соперников (или вместе с соперником — за счет третьих стран).

В современном подходе США к проблеме силы превалируют стереотипы «холодной войны». Сложившиеся в 40--50-е годы убеждения о выгоде политики с «позиции силы», «балансирования на грани войны», поддерживаемые гонкой вооружений, прочно связаны с традиционной для империализма политикой диктата. Применение разного рода силовых приемов представляет собой классический для капитализма, хотя и ставший в наши дни опасным, милитаристский ответ на нежелательные перемены в мире.

Разумеется, подход к вопросу о формах применения силы во внешней политике в среде американских политиков и ученых не представляет одноцветной картины. Здесь можно обнаружить позиции трезво мыслящих ученых и политиков, которые отдают себе отчет в том, что применение силы в любой, даже косвенной, форме не ведет к укреплению престижа и международных позиций США, что интересам обеспечения национальной безопасности США, стабильности в современном мире служит не столько устрашение противной стороны, сколько конструктивный диалог с ней. Некоторые американские концепции реализации силы во внешней политике в определенной мере учитывают риск прямого применения военной мощи во всем ее объеме в условиях стратегического паритета. В то же время культивирование силы создает «теоретическую базу» для гонки вооружений, для попыток достижения целей военного превосходства. Стремление Вашингтона использовать военную мощь в качестве средства принуждения неизбежно порождает попытку военно-силового обеспечения дипломатии и тем самым существенным образом ограничивает возможности политико-дипломатического подхода к решению международных проблем. Ориентация на использование военной силы служит источником напряженности и осложнений нынешней международной обстановки.

В своем подходе к проблемам войны и мира американская внешнеполитическая мысль оказалась в тисках противоречий: с одной стороны, она вынуждена признать разрушительный характер новой мировой войны, необходимость переговоров для урегулирования спорных вопросов, а с другой — своими теориями, обосновывающими применение силы в международных отношениях, фактически способствует гонке вооружений, увеличивая тем самым опасность ядерной катастрофы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЫЧАГИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США

Американская дипломатия неизменно опиралась и опирается на экономическое могущество страны и ее уникальные позиции в мировой экономике. Для достижения внешнеполитических целей американского империализма особенно активно используются такие элементы хозяйственного потенциала США, как громадный внутренний рынок, массив зарубежных капиталовложений, технологический отрыв от конкурентов, экспортный потенциал сельского хозяйства и, наконец, все еще сохраняющееся привилегированное положение доллара в системе международных расчетов.

Элементы экономического базиса внешней политики

Громадный внутренний рынок обеспечивает США относительную (хотя, как будет показано ниже, все сокращающуюся) хозяйственную независимость от событий в мировом хозяйстве. Доля импорта товаров и услуг во внутреннем потреблении США в 1979 г. составляла 11,97%, тогда как в Японии — 14,96 и странах ЕЭС — 21,71%¹. На протяжении всей истории страны это позволяло рассматривать ее экономически как «крепость Америка», которая была в состоянии, во-первых, занимать наиболее самостоятельную и непримиримую позицию во внешней политике, а во-вторых, обеспечивать политическим мероприятиям мощную экономическую поддержку. В настоящее время по объему ВВП США опережают своих ближайших конкурентов — Японию и ФРГ — более чем в 2 раза. Именно это обстоятельство побудило Г. Киссинджера заявить в ответ на требования развивающихся стран, обращенные к Западу в ООН, что «Соединенные Штаты лучше, чем почти любая другая страна, могут выдержать полосу экономической войны. Мы в состоянии противостоять конфронтации... если другие страны выберут такой путь»². В то же время все та же громадная емкость американского рынка является особенно привлекательной для зарубежных экспортеров товаров и капитала, что заставляет их в обмен на доступ на этот рынок подчас идти на существенные уступки дипломатии США.

Не меньшую, если не большую, опору американской внешней политики представляют собой и громадные американские капиталовложения за рубежом. Их объем только в прямой форме возрос

¹ UNCTAD. Handbook of International Trade Statistics, Suppl., 1981. Geneva, 1983, p. 544.

² США: экономика, политика, идеология, 1976, № 9, с. 82.

примерно с 12 млрд. долл. в 1950 г. до 168 млрд. долл. в 1978 г., что составляет около 45% общего объема таких капиталовложений в капиталистическом мире³. На их базе за рубежом действуют свыше 2,5 тыс. фирм США, объем производства на зарубежных филиалах которых превышает ВВП Англии и Италии, вместе взятых, а из 422 крупнейших транснациональных компаний (ТНК) обрабатывающей промышленности (с оборотом более 1 млрд. долл.) на долю США приходится 220 и, кроме того, 10 из 50 крупнейших международно-оперирующих банков с более чем тысячей филиалов и 21 из 25 крупнейших рекламных агентств⁴.

Из зарубежной сети американских транснациональных корпораций поступает около 1/3 американского импорта, что делает внешнее снабжение страны более надежным, а что касается политики, то американские ТНК имеют в зарубежных странах аппарат, который по своей разветвленности и возможностям даже превосходит официальный дипломатический. Более того, ТНК США в ряде случаев контролируют командные высоты в экономике принимающих стран, врастают в их хозяйственную структуру и ставят эти страны в такую зависимость, которую не так-то легко сбросить со счетов при выработке в этих странах национальных политических решений. Например, американские ТНК формируют 1/3 производственного накопления в Канаде, 1/3 — в Англии, 1/8 — в ФРГ, Бельгии и Люксембурге, 10—15% промышленного экспорта Франции, 24% — Англии, 30% — Бельгии, 40% сырьевого экспорта развивающихся стран и т. д.⁵ «Как может правительство,— писал по этому поводу известный американский политолог Д. Болл,— с уверенностью осуществлять планирование, если заседающий за 5 тыс. миль совет директоров своими изменениями характера производства или закупок способен оказать влияние на всю экономическую жизнь нации»⁶.

Но если для принимающих стран ТНК США представляют прямую угрозу национальному суверенитету, то для США они, по свидетельству экономиста Р. Гилпина, составляли и составляют «наряду с международной ролью доллара и американским ядерным превосходством одну из основ глобальной гегемонии США в период после окончания второй мировой войны»⁷. С падением роли доллара и исчезновением подобного превосходства США их роль ныне соответственно лишь увеличивается.

В эпоху НТР все большие права гражданства приобретает «внешняя технологическая политика США», опирающаяся на опережение ими своих конкурентов на многих направлениях науки и тех-

³ U. N. Salient Features and Trends in Foreign Direct Investment. N. Y., 1980, p. 29.

⁴ См.: Transnational Corporations in World Development: A Re-Examination. N. Y.: U. N. Economical and Social Council, 1978.

⁵ Международная жизнь, 1977, № 4, с. 84.

⁶ Dialogue, 1976, N 2, p. 15.

⁷ Gilpin R. US Power and the Multinational Corporation. N. Y.: Basic Books, 1975.

ники⁸. Действительно, по объему НИОКР США осуществляют 50% их общего объема в капиталистическом мире, опережая следующие за ними Японию и ФРГ по этому показателю в 3—4 раза. Такой разрыв особенно велик в новейших отраслях, в результате чего другие капиталистические страны в сильнейшей степени зависят от США при формировании основных фондов этих отраслей. Например, ЭВМ американского производства составляют 47% парка ЭВМ Японии, 84% — Западной Европы, 95% — Канады и 84% — остальных капиталистических стран⁹. Аналогично «Эр Франс» эксплуатирует 66 самолетов фирмы «Боинг», голландская КЛМ — 48 машин фирм «Дуглас» и «Боинг», западногерманская «Люфтганза» только в 1977 г. закупила их на 300—400 млн. долл., а флот лайнеров бельгийской «Сабены» и австрийского «Аустриэнерайса» целиком составляют самолеты американского производства¹⁰. Соответственно «дозировка» передачи этой технологии за рубеж используется как орудие политического и экономического давления (в частности, с целью обеспечения допуска в соответствующие страны американских ТНК); к тому же вместе с передачей управленческого опыта экспорт технологии дал США в 1978 г. 5,8 млрд. долл. валютных доходов¹¹.

Научно-технические факторы в конечном счете лежат и в основе доминирования США в экспорте вооружений, который служит средством укрепления НАТО и заменяет прямое военное присутствие США в ряде развивающихся стран, поддерживая их проамериканские и проимпериалистические режимы и создавая зависимость этих стран от США, особенно в случаях локальной напряженности и конфликтов.

Продовольствие также всегда выступало как орудие проведения американской внешней политики. На долю США в 1979 г. приходилось 17% мирового экспорта продовольствия и свыше половины экспорта пшеницы, и потому коммерческие и некоммерческие поставки продовольствия из США прямо используются для поддержки удобных США политических режимов в молодых государствах или давления на «непокорные» страны, в том числе с тем, чтобы, как отмечали эксперты Атлантического Совета, «купить их благоприятное отношение» к позиции США «по международным проблемам, представляющим особую сложность в ООН или вне ее»¹². Развивающиеся страны поглощают 65% американского экспорта пшеницы и 70% экспорта риса, а объем продовольственной помощи США с

⁸ См.: International Transfer of Technology: An Agenda of National Security Issues. Wash.: U. S. GPO, 1978.

⁹ Mattelart A. Multinationales et systèmes de communication. P.: Anthropos, 1976. p. 25.

¹⁰ Department of State Bulletin, 1978, July, p. 40.

¹¹ Salient Features..., p. 6; Handbook of International Trade Statistics, Suppl., 1981, p. 462—464.

¹² The Atlantic Council. The United States and the Developing Countries. Boulder (Colo.): Westview Press, 1977, p. 43.

1,3 млн. т в 1977 г. увеличился до 1,6 млн. т в 1980 г. При этом значительная часть этой помощи направляется по среднесрочным (до 5 лет) соглашениям в развивающиеся страны с душевым ВВП менее 550 долл., где социальные контрасты особенно сильны¹³.

Наконец, что касается привилегированного положения доллара, то его особое положение в МВФ как во времена Бреттон—Вудса, так и после его краха позволяло США в массовом порядке использовать свои национальные бумажные деньги для политических и военных расходов за рубежом, скупки иностранных предприятий, помощи и т. д., т. е. для обеспечения всех тех компонентов, на которых базировалась пресловутая «дипломатия доллара». Доллар до сих пор обслуживает 75% объема международных расчетов, и, хотя его курс в последние годы подвергался довольно сильным колебаниям, «американский доллар в любом измерении все еще является наиболее распространенной мировой валютой,— подчеркивал один из директоров МВФ Дж. Амузегар,— ввиду громадного потенциала американской экономики, а также потому, что доллар даже сейчас выступает практически самым главным средством международных платежей и главной резервной валютой»¹⁴. Условия как предоставления, так и уплаты (или отсрочки) займов также активно используются Соединенными Штатами в качестве средства политического давления на страны-должники.

Другими словами, внешняя политика США опирается на мощную экономическую основу, что и позволяет предпринимать внешнеэкономические «акции, направленные в адрес другой нации, как средство принудить ее следовать нужным США курсом»¹⁵. Вместе с тем сама экономическая политика США также претендует на солидное дипломатическое обеспечение и, как правило, получает его.

«Экономизация» внешней политики США: причины и масштабы

Подобное взаимопереплетение легко объяснимо, ибо прямо вытекает из той новой роли, которую внешняя торговля ныне играет в американской экономике. Усиление экономического фактора во внешней политике США диктуется также возрастанием экономической мощи мирового социализма и необратимым процессом экономической деколонизации, охватившим молодые государства Азии, Африки, Латинской Америки. Значение внешней торговли повысилось также в результате обострения межимпериалистической конкуренции, равно как и краха традиционных методов государственно-монополистического регулирования в ходе последнего экономического кризиса. «Хотя традиционные заботы нашей послевоенной внешней политики: Советский Союз, контроль над вооружениями, Ближний Восток и

¹³ Department of State Bulletin, 1978, Jan., p. 37; 1978, June, p. 14.

¹⁴ Foreign Affairs, 1978, July, p. 74.

¹⁵ Department of State Bulletin, 1978, Mar., p. 23.

т. д.— по-прежнему определяют политические заголовки прессы...— отмечал один из руководителей госдепартамента У. Кристофер,— налицо и новая важная тенденция, а именно формирование в повестке дня нашей внешней политики целого набора неотложных экономических проблем... Они возникли на базе того растущего влияния, которое зарубежные события оказывают на цены, рабочие места и на условия повседневной жизни в современных США. Некоторые из этих проблем новы и беспрецедентны, а именно цены на энергоносители, освоение ресурсов океана, проблема сохранения среды обитания. Другие связаны с традиционными направлениями международной экономической политики, которые сейчас оказывают все возрастающее влияние на наш образ жизни. Это таможенные тарифы, зарубежные инвестиции, курс доллара. Однако все они имеют общее происхождение, а именно усилившиеся взаимосвязи между американской и мировой экономикой»¹⁶.

Действительно, среди крупных структурных сдвигов, наметившихся в экономике США, одним из наиболее примечательных является существенное увеличение роли и места внешних экономических связей и превращение их в самостоятельный конъюнктурообразующий и воспроизводственный фактор. Несмотря на громадный объем своего внутреннего рынка, страна не могла оставаться в стороне от действия объективной тенденции интернационализации производства, отмеченной К. Марксом и В. И. Лениным¹⁷ и преобладающей ныне в мировом хозяйстве.

Достигнутые масштабы производства поставили США в серьезную зависимость от внешних рынков сбыта и источников сырья. Начала сказываться и устойчивая внешнеэкономическая специализация, уходящая своими корнями в структурные приспособления американской экономики к более глубокому втягиванию в международное разделение труда.

Американский экспорт превысил в 1981 г. 233 млрд. долл., с ним связано одно из каждых восьми рабочих мест в промышленности, а с учетом услуг и субпоставок каждое из этих мест создает еще одно рабочее место в смежных и обслуживающих отраслях, так что в целом на экспорт работают около 10 млн. американцев. За рубеж поставляется продукция каждого третьего акра сельскохозяйственной площади США. Например, только та площадь, на которой выращиваются сельскохозяйственные культуры для пестовки в Японию, превышает площадь пахотных земель самой Японии. Как и в промышленности, каждый доллар аграрного экспорта порождает еще один доллар продукции в отраслях, обслуживающих сельское хозяйство, а на вывоз идет более половины продукции пшеницы, риса и маслосемян. В свою очередь, импортное сырье составляет $\frac{1}{3}$ его потреб-

¹⁶ Ibid., 1978, Sept., p. 26.

¹⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 157; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 318; т. 24, с. 124; т. 41, с. 164.

ления в стране, а $\frac{2}{3}$ импортируемых товаров не имеют внутри США своего эквивалента¹⁸.

Эта зависимость от внешних рынков еще явственнее просматривается на макроуровне экономики: американские корпорации создают за рубежами США обширные хозяйственные империи, прямые и портфельные вложения в которые составляют около 350 млрд. долл.; они получают из-за границы около $\frac{1}{3}$ своих прибылей¹⁹. Например, пять крупнейших нефтяных компаний США держат внутри страны лишь 15% своих добывающих и 25% перерабатывающих мощностей²⁰. «Доходы, получаемые на инвестиции корпораций США за границей, приобрели для американского правительства громадное значение, — отмечал профессор Р. Гилпин. — Эти доходы превратились в решающий фактор, определяющий способность США финансировать свои зарубежные военные расходы и дипломатические обязательства. Технологическая и монополистическая дань, которой корпорации США обкладывают за границу, оказывается на-сущно необходимой для поддержания тех гегемонистских позиций в мире, к которым стремится Америка»²¹.

В свою очередь, это растущее вовлечение в экономический оборот с заграницей заставляет правительство уделять повышенное внимание состоянию экономики стран-партнеров, для которых США являются наряду с Японией и ФРГ «конъюнктурным локомотивом». На ставших ныне регулярными совещаниях в верхах «семерки» ведущих капиталистических государств доминирует экономическая тематика. «Как и все правительства, — признавал видный американский бизнесмен М. Блюменталь в то время, когда он занимал пост министра финансов США, — американское правительство должно будет во все возрастающей степени приспособливаться к тому факту, что ни одна страна больше не является хозяйственным островом и что все страны... должны обращать должное внимание на внешние последствия своей внутренней политики»²².

В итоге в США происходит характерный процесс переплетения и усиления взаимозависимости внутренней и внешней хозяйственной политики на всех уровнях и во всех сферах государственной власти. Внешнеэкономической проблематикой в той или иной мере занимаются 17 из 22 комиссий палаты представителей и 16 из 19 комиссий сената. Соответственно американская дипломатия ныне все более «экономизируется» в том смысле, что не только опирается на хозяйственный потенциал США, но и берет на себя в возрастающей

¹⁸ Department of State Bulletin, 1978, Febr., p. 20; 1978, Apr., p. 35; Economic Report of the President Transmitted to the Congress 1981, Jan. Wash.: U. S. GPO, 1981, Table B — 104.

¹⁹ Department of State Bulletin, 1978, Apr., p. 35.

²⁰ Multinational Oil Companies and OPEC: Implication for US Policy. Hearings before the Subcommittee on Energy of the Joint Economic Committee. Wash.: U. S. GPO, 1977, p. 222.

²¹ Gilpin R. Op. cit., p. 149.

²² Foreign Affairs, 1978, July, p. 733.

степени внешнеполитическое обеспечение экономических интересов страны за рубежом, занимается вопросами торговли, инвестиций и т. д. как приоритетными направлениями дипломатической деятельности. «С того момента, — отмечал президент «Мобил ойл» У. Таволарес, — как правительство США прямо вмешивается в коммерческие переговоры, они становятся политическими переговорами»²³. В свою очередь, это вмешательство концентрируется ныне на проблемах бесперебойного обеспечения американской экономики сырьем, стимулирования экспортной экспансии, охраны зарубежных капиталовложений, не говоря уже о таких традиционных для империализма США классовых целях, как противостояние социализму и национально-освободительному движению.

Как уже отмечалось в первом разделе данной монографии, проблема стабильного и адекватного обеспечения экономики США зарубежным сырьем является определяющей в современной импортной политике страны. Острота сырьевого кризиса для США объясняется не только природно-геологическими факторами и масштабами потребления сырья американской промышленностью, но и тем обстоятельством, что в кризис над напором экономической деколонизации попала сама частнокапиталистическая система снабжения страны сырьем, основанная на контроле над природными богатствами других, в первую очередь развивающихся, стран и деятельности на их территории филиалов американских ТНК. Процесс возврата природных и экономических ресурсов под национальный контроль в этих странах начался именно с плантационной и добывающей промышленности. В результате лишь с 1970 по 1976 г. там были национализированы 253 таких филиала (против 89 на протяжении 60-х годов) и образовались 20 ассоциаций стран — производителей сырья, которые резко сократили долю ТНК США в его первичном производстве. Например, даже у международного нефтяного картеля, в котором верховодит пятерка наиболее могущественных ТНК США, его доля в капиталистическом производстве сырой нефти упала с 82% в 1963 г. до 25% в 1980 г.²⁴ Соответственно одной из основных задач американской дипломатии стало стремление приостановить или выхолостить процесс национализации, в том числе путем вмешательства во внутренние дела развивающихся стран, шантажа лишением финансовой и продовольственной помощи, разработки новых форм зарубежного предпринимательства в добывающей промышленности (смешанные компании, подряд и т. д.).

Одновременно резко возросший импорт потребовал для его покрытия и борьбы с громадным отрицательным сальдо торгового и платежного баланса страны, подрывавшим международные позиции доллара, форсирования Соединенными Штатами экспорта. В итоге значительная часть зарубежного дипломатического персонала США

²³ Multinational Oil Companies and OPEC..., p. 73.

²⁴ Transnational Corporations in World Development, p. 55, 234, 319—328.

превратилась ныне в коммивояжеров, а тема торговых переговоров, валютной реформы и согласования экономической политики стала одной из основных при контактах с союзниками на любом уровне, включая высший. «Развитие торговли в настоящее время имеет особую важность, — прямо указывалось в директиве президента, направленной всем американским послам летом 1978 г., — зарубежные продажи необходимы для того, чтобы сократить безработицу, приостановить протекционистские настроения внутри страны и улучшить ее платежный баланс. Поэтому я требую от Вас, как моего представителя, обеспечить развитию торговли и другим коммерческим программам высший приоритет в деятельности Вашего посольства»²⁵.

Соответственно были расширены фонды Экспортно-импортного банка и Товарно-кредитной корпорации; содействие американским фирмам в форсировании экспорта оказывают 43 региональных отделения госдепартамента США и около 200 зарубежных посольств и миссий. В самом государственном департаменте работают около 900 экономистов, в том числе 300 — на оперативной коммерческой работе. При этом в 37 странах с наиболее емкими рынками эти усилия централизуются в рамках годовых программ стимулирования экспорта, а в остальных — более упрощенных «программ коммерческих мероприятий»²⁶.

Внешняя торговля с социалистическими странами рассматривается как важный «управляемый» компонент в соревновании двух систем, хотя и в достаточно химерическом ракурсе, определяемом живучестью в США предрассудков о «неспособности плановой экономики» конкурировать с «частной инициативой» в области производительности, эффективности и качества. Отсюда миф о «безальтернативной зависимости» социалистических стран, включая СССР, от американской технологии и капиталов, который на практике трансформируется в попытки повлиять на темпы и пропорции развития советской экономики через целевые запреты на продажи СССР определенных видов оборудования и технологии и лишение американо-советской торговли кредитного обеспечения с тем, чтобы путем «внешнеторгового торможения» удержать советскую экономику па позициях «вечно второй» по сравнению с американской.

В этом плане США активно пытаются разобщить социалистическое содружество и подорвать его интеграцию в рамках СЭВ через предоставление отдельным социалистическим странам режима торговли и платежей. Торговые контакты США с социалистическими странами используются и для сбора разведывательной информации о мире социализма. О фактах участия ТНК в антисоциалистическом шпионаже упоминают, например, Г. Лаутер и П. Дики²⁷, а корреспон-

²⁵ Department of State Bulletin, 1978, July, p. 37.

²⁶ Ibid.

²⁷ *Lauter G., Dickie P. Multinational Corporations and East European Socialist Countries.* N. Y.: Praeger Publishers, 1975, p. 97.

пондент «Нью-Йорк таймс» Т. Шульд прямо пишет, что «этот нарождающийся промышленно-разведывательный комплекс является даже более опасным, чем комплекс военно-промышленный»²⁸.

Наконец, что касается развивающихся стран, то здесь внешнеэкономическая политика США решает двуединую задачу форсированного взращивания в них капиталистического уклада при сохранении зависимого характера этого капитализма. Отсюда и попытки идти на компромиссы с местной буржуазией и сословно-бюрократической элитой лишь по тем вопросам, которые представляют собой «семейные противоречия» внутри класса капиталистов и, отвергая те требования молодых государств, которые несут последовательно антиимпериалистический характер, ведут к прогрессивным социально-экономическим преобразованиям или же укреплению естественного союза между социализмом и национально-освободительным движением. В фокусе современной американской политики находится прежде всего «переходная» группа молодых государств, активно сближающаяся с Западом, тогда как страны социалистической ориентации, наоборот, подвергаются гласному и негласному торговом-кредитному ostracismu. «Мы,— резюмировал такую практику сенатор А. Рибиков,— должны продолжать свои усилия по оказанию помощи тем развивающимся странам, которые превращаются в законченных партнеров экономики западного мира»²⁹.

Соответственную эволюцию претерпевает и «теория взаимозависимости». Ныне она не только преподносится руководителями американской внешней политики уже в качестве «научного доказательства» «крайней опасности» любых попыток изменить глубинные устои существующего экономического порядка в мировой торговле, но и используется для того, чтобы требовать от периферийной буржуазии встречных уступок в целях поддержания стабильности всей капиталистической экономики. Подобное «разделение ответственности» стало сегодня одной из главных экономических целей Вашингтона³⁰.

Методы и инструментарий экономической дипломатии

Взаимопереплетение использования американской дипломатией экономического потенциала США и одновременно его политического обслуживания ею предопределяет как методы работы госдепартамента в области экономики, так и практический инструментарий внешней политики в этой области.

²⁸ Цит. по: *Eells R. Global Corporation*. N. Y.: Free Press, 1976, p. 248.

²⁹ UNCTAD IV and the New Diplomacy of Interdependence. US Senate. Wash.: U. S. GPO, 1976, p. 4.

³⁰ См. например: Department of State Bulletin, 1978, Jan., p. 25.

Наиболее распространенным методом является использование зависимости иностранных государств от экспорта на американский рынок или от поставок американской технологии, а также кредитов для навязывания им выгодных США политических решений. Это особенно наглядно проявляется в отношениях США с развивающимися странами. Например, ежегодный передел между ними квот импорта в США отдельных товаров, в том числе сахара, является обычно предметом открытого политического торга, а раздел после разрыва отношений с Кубой кубинской квоты для такого экспорта между другими латиноамериканскими странами долгое время был одной из основ поддержания антикубинской атмосферы в Организации американских государств (ОАГ). Однако та же тактика используется США подчас и против капиталистических партнеров. Например, желание Франции располагать независимым от НАТО ядерным оружием было существенно осложнено отказом США поставить ей крупные ЭВМ. И наоборот, незаконный импорт табака, хрома и марганца из Родезии и поставки военной технологии в ЮАР использовались для поддержки ее расистского режима.

Подобная тактика подчас граничит с прямым вмешательством во внутренние дела и экономическим шантажом, для целей которого особенно широко используется кредитная и торговая политика. Например, США до сих пор законодательно запрещают любую торговлю с Кубой, Вьетнамом и КНДР, причем в случае с Кубой это до сих пор официально объясняется стремлением «сдержать распространение коммунистического влияния в западном полушарии»³¹. Кредитной блокаде подвергались Чили, Перу, Эквадор, Боливия, АРЕ, Шри Ланка, причем периоды этой блокады прямо совпадали с периодами пребывания у власти в этих странах прогрессивных правительств, проводивших антиимпериалистический внешнеполитический курс и внутренние реформы, направленные на ограничение позиции иностранного капитала. При администрации Картера такая тактика прикрывалась демагогическим лозунгом «защиты прав человека», причем соответствующие директивы были даны уже не только Экспортно-импортному банку и Товарно-кредитной корпорации, но и делегатам США в МБРР и МВФ, где они должны были голосовать против кредитов негодным странам, а ныне она осуществляется под не менее демагогическим рейгановским лозунгом «борьбы с международным терроризмом». Администрация Рейгана еще более ужесточила курс США в отношении развивающихся стран, проводящих антиимпериалистическую политику, не говоря уже о странах социалистического содружества, и в то же время отменила почти все ограничения на экономические отношения с диктаторскими, антинародными режимами.

Экономическое давление в политических целях зачастую исполь-

³¹ Ibid. Mar., p. 23.

зуется и внутри блока НАТО для «поддержания дисциплины» в его слабых звеньях. Примером этого может служить кредитная блокада послереволюционной Португалии и угроза лишить таких кредитов Италию в случае, если в правительство этой страны войдут коммунисты, а также недружественные экономические демарши перед правительством Франции после победы там левых сил. Те же рычаги применялись и в отношении Греции и Турции.

Очевидная взаимосвязь экономических факторов и стратегических политических целей отчетливо просматривается и в области экспорта американского продовольствия и военной техники. Например, объем американских поставок зерновых Индии прямо колебался в зависимости от текущего политического курса страны. Поставки же американского оружия нередко сопровождаются экспортом американской военной технологии для производства вооружений или компонентов для них на месте, что милитаризует местную промышленность и создает национальные военно-промышленные комплексы в тех странах, где они раньше практически не существовали. Например, производство компонентов для американского истребителя F-16 размещено в Бельгии, Голландии, Дании и Норвегии, что означает вовлечение этих стран уже не только в бюджетную, но и промышленную гонку вооружений, ибо ранее в Бельгии производилось в основном лишь легкое стрелковое оружие, а в Голландии, Норвегии и Дании военной промышленности практически не было вовсе. Другими словами, США прямо способствуют интернационализации гонки вооружений, форсируют ее в ряде взрывоопасных районов мира, особенно на Ближнем Востоке и в Центральной Америке.

В последние годы Вашингтон уделяет особое внимание своим взаимоотношениям с Западной Европой и Японией. Так, с одной стороны, Соединенные Штаты пошли на определенные уступки ЭЭС и Японии в ходе «раунда Токио», в том числе в виде скидок с особо высоких тарифов и ослабления нетарифных барьеров. Вопреки требованиям протекционистского лобби не было введено и никаких серьезных ограничений на ввоз иностранного капитала в США, что усилило приток западноевропейских и японских капиталов в американскую экономику во второй половине 70-х годов. США согласились и на определенное ограничение деятельности своих ТНК за рубежом в рамках специального «кодекса поведения», принятого в рамках ОЭСР.

Однако, с другой стороны, доступ на американский рынок обуславливается изменениями в хозяйственной политике союзников. Спекулируя на трудностях в экономике США, усугубление которых наверняка отрицательно сказалось бы на всей капиталистической экономике, Вашингтон добивается от партнеров ограничения экспорта ряда товаров (сталь, текстиль, автомобили), проведения конъюнктурной политики, направленной на содействие оживлению аме-

риканской экономики, изменения валютных курсов в направлении повышения конкурентоспособности американских товаров, причем в случае отказа от следования этим требованиям конгресс грозит подорвать всю систему многосторонней торговли в рамках ОЭСР.

В последнее время значительно изменилась политика США в международных организациях. При администрации Рейгана отношение к ООН американской дипломатии стало весьма сдержанным, а временами и враждебным, вплоть до того, что представитель Вашингтона подчас остается единственным, кто голосует против тех или иных резолюций, особенно содержащих справедливые требования развивающихся стран. Однако в новой интерпретации функций американских дипломатов такая изоляция не рассматривается государственным департаментом как нежелательное явление; дапа команда оказывать усиленный нажим на союзников и при согласовании общих позиций Запада в рамках ОЭСР, в результате чего они становятся также максималистски негативными. США практически единственные среди западных стран отказались присоединиться к Конвенции ООН по морскому праву, на согласование которой ушло 15 лет, несут главную ответственность за тупик в «диалоге Север—Юг» и саботаж «глобальных переговоров».

Найдены пути приспособления США к тому, чтобы получать обратную экономическую отдачу даже от тех фондов, которые формально передаются развивающимся странам через каналы льготной помощи.

Например, каждый доллар американских ассигнований международным финансовым институтам генерирует через международные каналы производство двух долларов продукции в американской экономике³². Кроме того, такие ассигнования через осуществление различных проектов за рубежом дают США и косвенный экономический эффект, что может быть проиллюстрировано, в частности, на примере Программы развития ООН (ЮНДП). С 1972 по 1976 г. ассигнования ЮНДП помогли открыть новые запасы сырья на общую сумму в 20 млрд. долл., в том числе железорудное месторождение в Боливии в 40 млн. т, залежи бокситов в южной части Тихого океана суммарной мощностью в 100 млн. т, и выдвинуть реалистическую гипотезу о существовании пояса месторождений меди, простирающегося от Югославии до Пакистана. В целом же проекты ЮНДП стимулировали сопряженные капиталовложения в сумме 19 млрд. долл., что открыло для США новые источники дефицитного сырья и рынки сбыта³³.

Наконец, следует упомянуть и о таком мощном оружии Вашингтона, как использование ТНК американского базирования в качестве орудий внешней политики. Только в развивающихся странах ны-

³² Ibid., June, p. 14.

³³ Ibid., Febr., p. 49.

не оперируют 1197 фирм США с 2783 филиалами³⁴. Хотя между глобальными интересами этих ТНК и интересами государственно-монополистического комплекса США существуют подчас очевидные расхождения, «американские компании за границей, подчеркивал президент «Мобил ойл» У. Таволарес, представляют собой величайшую опору для американской экономики и американского правительства»³⁵. «Феномен набирающего силу международного предприятия как явления прежде всего американского, — писали в своем докладе эксперты Национального военного колледжа США, — может сыграть важную роль в нашей общей политической, военной и экономической мощи. Привлекаемые в единстве с другими элементами нашей национальной мощи... они способны ослабить противника, лишая его ресурсов и дезорганизуя его зарубежные промышленные и торговые базы и операции»³⁶. Вростая в экономику других стран, ТНК способны влиять на темпы и пропорции их развития, направления технического прогресса, экспорт, инвестиции, уровень занятости и налоговых платежей. Их обычно окружает «актив» субпоставщиков, агентов по сбыту, местных менеджеров, акционеров, политических деятелей и т. д., которым посольства США попросту не в состоянии располагать. Более того, «история ясно показывает, — подчеркивал тот же У. Таволарес, — что частные компании успешно оперируют при таких обстоятельствах, при которых правительства не могут этого делать»³⁷. Иначе говоря, эти компании берут на себя выполнение таких задач, с которыми официальная дипломатия предпочитает себя не ассоциировать. Это финансирование политических партий, подкуп официальных лиц, антиправительственные акции и т. д.

Например, в Англии ТНК США захватили столь прочные позиции, что это, по оценке видного деятеля лейбористской партии А. Бенна, серьезнейшим образом сужает возможности английского правительства принимать решения во многих областях. Во время арабского нефтяного бойкота ТНК путем переадресовки танкеров фактически сорвали попытки лишить США и Голландию арабской нефти. ТНК сыграли самую активную роль в инвестиционной блокаде Португалии и Италии, предпринятой с целью недопущения прихода в них к власти левых сил, фактически перевооружили ЮАР вопреки официальным «запретам» своих правительств. Что же касается вмешательства во внутренние дела других стран, то самым ярким примером такой деятельности транснациональных корпораций США была их борьба за свержение прогрессивного правительства Народного единства во главе с С. Альенде, пришедшего к вла-

³⁴ *Feld W. Multinational Corporations and UN Politics. The Quest for Codes of Conduct.* N. Y.: Pergamon Press, 1980, p. 7.

³⁵ *Multinational Oil Companies and OPEC.* p. 14.

³⁶ Цит. по: *Barnet R., Muller R. The Global Reach.* N. Y.: Simon and Schuster, 1974, p. 101.

³⁷ *Multinational Oil Companies and OPEC,* p. 73.

сти в Чили в 1970 г. ТНК США передали 1,6 млн. долл. органу чилийской реакции — газете «Меркурио», бойкотировали заказы правительства Альенде, в то время как свергнувшая его правительство хунта сразу же получила заем в 150 млн. долл. от консорциума в составе «Бэнкерс траст», «Ирвинг траст» и «Фест нейшл сити бэнк», а также техническую помощь от таких ТНК США, как «Текстрон», «Доу кемикл», «Дженерал моторз», «Дженерал электрик», «Дженерал тайр энд раббер» и др. Под давлением общественного мнения после трагедии в Чили американская монополия ИТТ, сыгравшая особенно злобную роль в Чили, обещала своим акционерам, что случаи ее вмешательства во внутренние дела других стран в будущем не повторятся. Однако в 1978 г. были вновь вскрыты факты ее подрывных операций совместно с ЦРУ, на этот раз в Мексике.

Вместе с тем ни экономические преимущества сами по себе, ни изоциренный механизм их использования еще не гарантируют американской дипломатии доминирующих позиций в современном, быстро меняющемся мире. Общий кризис капитализма продолжает углубляться, причем процессы его углубления в экономике и во внешней политике взаимно связаны.

Кризис долларовой дипломатии

Внешняя политика США не сумела обеспечить стране успеха на главном фронте — противостоянии усилению мощи мирового социализма. На этапе развитого социализма, в условиях усиления реалистических элементов в политике большинства западных стран попытки американской администрации возобновить «экономическую холодную войну» против СССР и других социалистических стран терпят неудачу, налицо отставание фирм США в торговле с Востоком от своих западных конкурентов и протест против такого курса в деловых кругах. Эти попытки, конечно же, не смогли сдержать экономическое развитие социалистического содружества, и в то же время они усугубили тяжесть экономического кризиса в США, в том числе безработицу и недогрузку производственных мощностей американской промышленности, которая в течение двух лет потеряла советских заказов на сумму свыше 2 млрд. долл. Более того, часть ранее введенных дискриминационных мер, в первую очередь зерновое эмбарго, пришлось отменить как наносящее ущерб прежде всего фермерам США. Провалом окончилось и эмбарго на сделку «газ—трубы».

В условиях укрепления экономического сотрудничества между социалистическими странами битой оказалась и ставка на изменение политического курса или замедление развития тех социалистических стран, против которых эти блокады и эмбарго применялись в наиболее грубой форме, — Кубы, Вьетнама, КНДР. «Экономический эффект от эмбарго, запрещавшего практически любую торговлю

между США и Кубой, Вьетнамом и... Северной Кореей был весьма ограниченным,— вынужден был признать занимавший тогда пост помощника госсекретаря США Дж. Катц.— Так случилось отчасти потому, что другие страны не последовали за нами в сдерживании такой торговли... Политический эффект этого эмбарго также оказался ниже ожидаемого. В ряде случаев страны, против которых оно было направлено, действительно изменили свою внутреннюю или внешнюю политику, но в направлении, противоположном ожидаемому. Например, Куба и Вьетнам лишь еще более сблизились с Советским Союзом»³⁸.

Аналогичным образом, США не удалось удержаться и на позиции отрицания справедливых требований освободившихся стран. Движение за перестройку международных экономических отношений на справедливых, демократических началах за последние годы приобрело необратимый характер, равно как необратимой стала и зависимость США от рынков сбыта молодых государств и их источников сырья... «За последние 20 лет лидеры развивающихся стран испытывали все больший скептицизм в отношении способности существующей системы сузить разрыв между богатыми и бедными странами...— признавал сенатор А. Рибиков,— и потому, стремясь к новому международному экономическому порядку, они адресуют свои требования прежде всего и больше всего к США. Мы, а не коммунистические страны являемся мишенью этих требований»³⁹.

Наконец, ослабли позиции США внутри самого империалистического лагеря, причем в первую очередь технико-экономические позиции, на которые все эти годы опиралась американская дипломатия. В 1950 г. на долю США приходилось 60% капиталистического промышленного производства и 50% золотовалютных резервов. К концу 70-х годов эти показатели уменьшились соответственно вдвое⁴⁰. С 1960 по 1980 г. доля США в капиталистическом экспорте сократилась с 16,8 до 12%⁴¹. Швеция обогнала США по выработке на человеко-час, ФРГ — по объему экспорта, ФРГ, Япония, Англия и Саудовская Аравия — по размеру золотых запасов⁴². К тому же в современном мире, как подчеркивал видный американский политический исследователь Р. Уллман, зреет протест против американской практики использовать экономику в политических целях и наоборот, и нынешние США, зависящие от внешних рынков, «сами были бы серьезно травмированы, если бы экономическое принуждение в политических целях стало бы общераспространенным явлением»⁴³.

³⁸ Department of State Bulletin, 1978, Mar., p. 22—23.

³⁹ См.: UNCTAD IV and the New Diplomacy of Interdependence.

⁴⁰ См.: Department of State Bulletin, 1978, Jan., p. 51; Economic Report of the President, Transmitted to the Congress, 1981, Jan., Table B—106.

⁴¹ Economic Report of the President, Transmitted to the Congress 1981, Jan., Table B—104.

⁴² См.: Мировая экономика и международные отношения, 1979, № 4.

⁴³ Foreign Affairs, 1978, Apr., p. 536.

Все эти обстоятельства порождают среди теоретиков и практиков американской внешней политики растущий пессимизм. «Мы не являемся более Гулливером в мире государств-лилипутов,— констатирует американский политолог Б. Меннинг.— США уже не смогут получить то, что они хотят ...простым выражением своей воли. Как и другие страны, США должны теперь выторговывать то, что им необходимо». В ходе переговоров, подчеркивает он, нужно быть готовыми удовольствоваться даже половиной желаемого, не удивляться и возможности прямого ущерба. «Американцы,— заключает Б. Меннинг,— еще никогда не ставились историей в такие условия для проведения внешней политики»⁴⁴.

Этот пессимизм, разумеется, еще рано трактовать как осознание обреченности. Наоборот, идет активный процесс переосмысливания прежних канонов дипломатии США, который другой видный политолог, К. Мейнс, пытается характеризовать как эволюцию от «долларовой дипломатии» с позиции экономической силы к «глобальной дипломатии», рассчитанной уже не только на индивидуальные, односторонние акции США, а на максимизацию результатов при навязывании американского курса своим союзникам⁴⁵.

Стремлением обеспечить Соединенным Штатам большую экономическую силу и, следовательно, и более эффективные рычаги для использования их на мировой арене проникнута и экономическая программа президента Рейгана.

Жизнь все более настоятельно заставляет США приспособляться к изменениям в современном мире, сковывая возможности их великодержавных внешнеполитических акций, которыми характеризовалась американская дипломатия уходящей «долларовой эры».

Процесс такой перестройки в США еще только начинается. Он идет болезненно, с зигзагами и издержками как для США, так и для других стран, и пока трудно предсказать его «график» или конечный итог. Однако вряд ли новый рывок США к позиции экономической силы может дать Вашингтону в конце XX в. такие же рычаги политического влияния, которыми США временно обладали в уникальной ситуации после второй мировой войны, когда США оказались единственной ведущей мировой державой, не тронутой войной.

⁴⁴ Ibid., 1977, Jan., p. 308.

⁴⁵ Department of State Bulletin, 1978, Jan., p. 53.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ «ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СИЛЫ» В ЭПОХУ НТР

Современная научно-техническая революция оказала и продолжает оказывать мощное трансформирующее влияние на всю систему международных отношений и на внешнюю политику каждого государства. В значительной мере под ее воздействием резко расширился круг проблем, входящих в сферу внешнеполитической стратегии государств, — наряду с сохранением традиционных аспектов международной дипломатии на межгосударственное обсуждение все шире выносятся вопросы, связанные с ограничением вооружений и разоружением, с экономическими и валютно-финансовыми проблемами, с проблемами чисто научно-технического характера — такими, как, например, мирное освоение космоса и Мирового океана, охрана окружающей среды, всемирная система телекоммуникаций, вопросы продовольствия, здравоохранения, транспорта и т. п. Многие из них до самого недавнего времени не только не считались в практике буржуазных государств истинно внешнеполитическими, но и вообще решались частнособственническими институтами и не входили в сферу государственной компетенции.

По мере того как процесс производства все более выступает, говоря словами К. Маркса, «не как подчиненный непосредственному мастерству рабочего, а как технологическое применение науки»¹, происходит серьезный пересмотр традиционных представлений о могуществе государства — многое из того, что ранее считалось главным, определяющим силу и влияние государства, было потеснено совершенно новой, самостоятельной группой показателей научно-технического развития общества, характеризующих масштабы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, количество и квалификацию специалистов, материально-техническую оснащенность и т. п., т. е. факторами, которые складываются в понятие научно-технического потенциала государства. Изменилось и содержание традиционных показателей могущества: так, например, в характеристике населения на первый план вышли не привычные цифры численности и возрастного состава, а качественные характеристики, связанные со структурой занятости и с уровнем образования; успехи транспорта и связи расширили свободу «географического маневра» и сократили значение таких факторов, как близость промышленных центров к источникам сырья и энергии; по мере развития средств массовых коммуникаций и информации дипломатия стала

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 206.

все более характеризоваться не только степенью гибкости и активности, но и широтой воздействия на мировое общественное мнение; в оценках экономического потенциала стали играть роль не только абсолютные показатели валового объема производства, но и масштаб и быстрота внедрения научно-технических новшеств, совершенство систем организации труда и управления, ибо именно они стали залогом высокого уровня экономического развития. Научно-технический прогресс изменил отчасти значение даже такого, казалось бы, стабильного фактора государственной мощи, как сырьевая обеспеченность, ибо он открывает пути преодоления сырьевых трудностей за счет повышения эффективности добычи сырья, выявления принципиально новых источников, создания заменителей и т. п.

Роль научно-технического потенциала как важного компонента соотношения сил в современном мире была быстро оценена не только в буржуазной науке о международных отношениях, но и в практической внешней политике капиталистических государств, и прежде всего Соединенных Штатов Америки. Как подчеркивается в фундаментальном трехтомном исследовании «Наука, техника и американская дипломатия», выполненном под эгидой палаты представителей конгресса США, наука и техника создают новые возможности для достижения важнейших целей американской внешней политики «и заслуживают большего внимания, чем какой-либо другой элемент национальной политики, какой-либо другой компонент национальных программ, с точки зрения как краткосрочного, так и долгосрочного будущего Соединенных Штатов»².

Профессор Массачусетского технологического института Дж. Р. Киллиан, занимавший в конце 50-х годов пост советника президента США по науке, говорил, обращаясь к сотрудникам дипломатической службы США еще в 1965 г., о том, что «дипломатия должна использовать представившуюся возможность и ухватиться за мощный новый рычаг для продвижения наших национальных интересов на мировой арене». «Соединенные Штаты, — продолжал он, — располагают исключительными техническими ресурсами, и этот факт понятен в мире всем — и развитым, и менее развитым народам... В этой технологии и в образовании, на которое она опирается, заложена уникальная дипломатическая возможность, если только мы сумеем овладеть сложными навыками и пониманием, необходимыми для того, чтобы реализовать эту возможность... проводить политику, рассчитанную на то, чтобы поддерживать и наращивать далее это ценное качество»³.

² Science, Technology and American Diplomacy. An Extended Study of the Interactions of Science and Technology with United States Foreign Policy. Committee Print. U. S. House of Representatives. Wash.: U. S. GPO, 1977, vol. 1, p. XVII.

³ Killian J. R. Jr. Science in the State Department: A Practical Imperative. — In: Science, Technology, and Foreign Affairs. Report on the Seminar Held at the Foreign Service Institute, Jan. 11 to Febr. 2, 1965. U. S. Department of State. Wash.: U. S. GPO, 1965, p. 5.

Если до конца 60-х годов перед Вашингтоном фактически никогда не вставала проблема сохранения руководящей роли в капиталистическом мире, ибо там гегемония США была абсолютной и не могла подвергаться сомнению, то в 70-х годах США оказались вынуждены действовать в новом для себя мировом окружении, характеризующемся не только изменением общего соотношения сил в мире в пользу социализма, не только ростом борьбы развивающихся стран за подлинную независимость, но и появлением новых мощных «центров силы» в самом капиталистическом мире в лице ближайших союзников США — Западной Европы и Японии. Гегемонизм США, продолжение американского диктата в прежних формах стали более невозможны, и этим обусловлена озабоченность теоретиков и практиков внешней политики США поисками новых способов и возможностей создать для своей страны позиции «превосходящей силы». И эти способы в современных условиях подразумевают не только сохранение и парирование военного присутствия в различных районах мира, но и активное использование невоенных факторов силы, в особенности экономических и научно-технических.

В принципе можно выделить три направления внешней политики, по которым Вашингтон стремится реализовать американские научно-технические возможности: 1) реализация мощи научно-технического потенциала через наращивание и совершенствование потенциала военного; 2) использование научно-технических достижений в целях внешнеэкономической экспансии; 3) насаждение новых форм прямой научно-технической зависимости, «привязка» других стран к собственному научно-техническому потенциалу.

Что касается первого направления, то изменение соотношения сил в мире возвело серьезные преграды на пути военно-силовых устремлений американского империализма (что, разумеется, никак не означает ни отказа Вашингтона от подхода к военной силе как к «последнему доводу», ни прекращения попыток со стороны США найти способ повышения «используемости» военной силы). В то же время некоторая — хотя весьма относительная — девальвация военной силы еще более подхлестнула активизацию усилий по использованию тех ресурсов, которые дает научно-техническая революция на втором и третьем направлениях. Залогом эффективности таких попыток служит сам характер современной научно-технической революции, суть которой состоит не в одном или нескольких крупных нововведениях, а в поддержании сложного и дорогостоящего механизма, который позволяет обеспечить лавинный поток открытий и изобретений. Положение, сложившееся в международных отношениях в 50—60-х годах, свидетельствует о том, что государства, которые не могут создать достаточно мощного собственного научно-технического потенциала, оказываются перед весьма сложной дилеммой: либо серьезно отстать по научно-техническому уровню (что для стран, привязанных к мировому капиталистическому хозяйству, означало бы подрыв их конкурентоспособности и в конечном счете

закабаление более развитой страной), либо прочно и надолго связать себя со страной, обладающей таким потенциалом (что в условиях капиталистической системы хозяйства опять-таки ведет к частичной утрате экономической, да и политической независимости).

Теоретики и практики американской внешней политики в поисках резервов в борьбе за «позицию силы» практически единодушно пришли к выводу, что именно опережающее развитие американского научно-технического потенциала, отрыв от соперников в сфере науки и техники становятся их главным — и едва ли не единственным — козырем в борьбе за главенствующую роль если не во всем, то хотя бы в капиталистическом мире⁴. Поэтому в условиях относительного ослабления Соединенных Штатов в сравнении с другими «центрами силы» капиталистического мира по целому ряду экономико-технических параметров, на фоне неблагоприятных для американских монополий тенденций во многих сферах мирохозяйственных отношений Вашингтон концентрирует усилия на поддержании научно-технического превосходства США лишь на ключевых направлениях хозяйственной деятельности, концентрирует производительные и интеллектуальные ресурсы страны в новейших областях науки и техники, которые предопределяют и революционизируют всю завтрашнюю структуру производства. Соответственно нет противоречия в том, что по ряду традиционных экономических и технических показателей намечается сближение между США и их главными капиталистическими соперниками, а технологический отрыв США в наиболее перспективных наукоемких областях не только остается ощутимым, но даже продолжает расти⁵.

В этом направлении прилагаются мощные усилия беспрецедентного в истории США альянса правительства с частным капиталом.

⁴ Как настоятельно подчеркивал Г. Поллак в бытность свою руководителем отдела научно-технических проблем государственного департамента США, «понимание того обстоятельства, что жизнеспособность национальной экономики теперь в значительной мере зависит от качества и масштабов использования ею науки и техники, вызвало к жизни сопоставления технологических потенциалов государств и соответственно проблему «технологического отрыва». Этот отрыв сегодня имеет для дипломата такое же значение, какое несколько поколений назад имели сопоставления численности армий». (*Pollack H. Science, Foreign Affairs, and the State Department. — Address at the University of Illinois, 1967, May 17.* Цит. по: *Science, Technology and American Diplomacy, vol. 1, p. 17*).

⁵ См., например: *Артемьев И. Е. Американский капитализм и передача технологий.* М.: Наука, 1980. Правда, по многим оценкам, Западная Европа все же в 70-х годах стала опережать США по темпам научно-технического прогресса, что служит основанием для прогнозов о предстоящем выравнивании американского и суммарного западноевропейского научно-технического потенциала к 90-м годам (и для усиления в США пропагандистской кампании относительно необходимости срочных мер для предотвращения утраты научно-технического лидерства). Однако такой прогноз столь сильно зависит от степени реализации интеграционных тенденций в Западной Европе (ибо в отсутствие интеграции суммарные показатели не имеют большого смысла), что внушающим доверие он пока не представляется.

Государство стало в США крупнейшим производителем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (его удельный вес в расходах на НИОКР вырос с 24,2% в 1946 г. до 70% в 1972 г.; затем несколько понизился и стабилизировался на уровне 50–52%); американское государство стимулирует прежде всего развитие таких отраслей хозяйства, как ядерная энергетика и реакторостроение, электроника и космическая техника, судостроение и машиностроение, химия и транспортное оборудование, т. е. именно тех отраслей, которые в целом определяют дальнейшее ускорение научно-технического прогресса⁶.

По расчетам правящих кругов США, научно-техническое преобладание способно дать им рычаги воздействия на внешнюю и внутреннюю политику других государств — как развитых капиталистических, так и (тем более) развивающихся. Именно такое превосходство призвано внести важный вклад в решение главной внешнеполитической задачи Вашингтона — формирования международной среды, которая благоприятствовала бы сохранению, а по возможности и укреплению капиталистического мира при лидирующей роли в нем США.

Научно-технические рычаги способствуют реализации американского влияния на другие страны в неясных, нередко замаскированных формах. Соединенные Штаты привязывают к себе партнеров невидимыми для непосвященных нитями технологической зависимости, однако от этого «привязка» не становится менее эффективной. Вместе с тем иногда мы наблюдаем откровенное до цинизма, ничем не прикрытое «увязывание» научно-технического «паказания» или «поощрения» с конкретным внешнеполитическим поведением того или иного государства. Среди наиболее ярких примеров такого рода — неоднократные попытки США «наказать» Францию за проведение «своевольного», а подчас и антиамериканского курса⁷, борьба против франко-английского сверхзвукового пассажирского самолета «Конкорд»⁸. В этом же ряду следует упомянуть широко

⁶ О роли американского государства в управлении научно-техническим прогрессом см.: Федорович В. А. Американский капитализм и государственное хозяйство. М.: Наука, 1979.

⁷ В частности, с 1964 г. американское правительство отказалось поставлять Франции обогащенный уран, который должен был использоваться в реакторе создававшейся тогда французской атомной подводной лодки; в 1966 г. в качестве реакции на выход Франции из военной организации НАТО американское правительство запретило поставку из США в эту страну трех электронно-вычислительных машин, заказанных в США французским комиссариатом по атомной энергии, что надолго задержало осуществление французской ядерной программы.

⁸ В 1976—1977 гг. США под предлогом борьбы с шумом запрещали посадку этого самолета на американских аэродромах; был установлен длительный срок изучения последствий полетов «Конкорда», что привело к отказу ряда стран от уже сделанных заказов на этот самолет и остановке его серийного выпуска. Эти шаги были нацелены на то, чтобы не дать Западной Европе возможность извлечь выгоду из своего технологического прорыва. «Это не

известные дискриминационные ограничения на торговлю наукоемкими товарами и научно-технические обмены с социалистическими странами.

Спекуляции на процессах, связанных с научно-технической революцией, с непосредственными американскими достижениями в этой области, составляют важную часть современного американского идеологического арсенала. Описание Соединенных Штатов Америки как «постиндустриального общества», «технотронного общества» и т. п. нацелены не только на то, чтобы «опровергнуть» марксистско-ленинское учение о развитии общества, чтобы попытаться замаскировать принципиальные различия между социалистическим и капиталистическим обществами, но и на то, чтобы попытаться на «новом материале» внушить широким массам, что именно Соединенные Штаты-де являются моделью для будущего, прообразом его для всех остальных народов, «социальной лабораторией мира» в герминологии Бжезинского⁹.

Провозглашая научно-технический прогресс, с одной стороны, «основой цивилизации», а с другой — едва ли не исключительной американской собственностью (в том числе и сама научно-техническая революция нередко именуется у многих авторов «третьей американской революцией»), идеологи США пытаются представить претензии правящих кругов своей страны на глобальное лидерство как совершенно неоспоримые в силу американского научно-технического превосходства¹⁰. Именно в круге такой тематики заметнее, чем где-либо еще, насколько сильна и теперь мессианская струя в американской идеологии, только теперь это — в духе времени — мессианизм технологический.

Активный патентно-лицензионный баланс США свидетельствует о том, что в настоящее время они действительно выступают как главный источник нововведений в капиталистическом мире¹¹. Причем, как отмечают специалисты, техническое опережение Соединенными Штатами других стран становится особенно наглядным по мере продвижения от изобретений к внедрению нововведений в производство; подсчитано, что расходы при переходе от исследований

только экономическая, но и политическая проблема в самом высоком смысле этого слова, — заявил в 1977 г. президент Франции Жискард д'Эстен, — ибо доводы, которые были приведены с целью помешать приземлению самолетов «Конкорд», несостоятельны с точки зрения новой техники, которую мир принял в других областях, в частности в военной авиации» (*Monde*, 1977, 14 Avr.).

⁹ *Foreign Policy*, 1976, N 23, p. 92.

¹⁰ См., например: *Boorstin D. The Republic of Technology: Reflections on Our Future Community*. N. Y.: Harper and Row, 1978.

¹¹ По данным за 1979 г., годовой доход США от экспорта лицензий (включая управленческие услуги и маркетинг) превысил 4 млрд. долл., а затраты на приобретение лицензий составили в 10 раз меньшую сумму — 0,4 млрд. долл. (для сравнения: Япония за тот же период импортировала лицензий на 1 млрд. долл., а экспортировала — на 0,2 млрд. долл.) (*Внешняя торговля*, 1979, № 1, с. 11).

к конструкторским разработкам, а затем к налаживанию производства возрастают в пропорции 1 : 10 : 100, и потому на этапе массового освоения новой техники решающим фактором оказывается промышленно-финансовая мощь американских монополий, в целом превосходящих по масштабам своей деятельности западноевропейских и японских конкурентов. Если по количеству патентов, ежегодно регистрируемых в США и в Западной Европе, возможности у них примерно равны, то по реализации этих возможностей — по внедрению нововведений — американские показатели примерно в 8 раз выше¹². Именно этим объясняется популярность «перекрестных» продаж лицензий в последние годы, когда американские компании в обмен на собственную, обычно уже отработанную технологию получают доступ к новинкам своих контрагентов и нередко успевают внедрить чужие изобретения быстрее, чем их авторы.

Экспорт технологии выступает не только как первый шаг к экономическому освоению труднодоступных рынков; он и сам по себе представляет форму проникновения за рубеж, гарантирующую достаточно долгосрочную и стабильную «привязку» к американскому поставщику технологии. Во-первых, обычно покупатель заинтересован в сохранении дальнейшего доступа к научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам «следующего поколения» в интересующей его области; во-вторых, большинство лицензионных соглашений имеют оговорку, обязывающую покупателя лицензии приобретать необходимую оснастку, технологические материалы и т. п. у того же поставщика (подобную оговорку имеют, например, 67% лицензионных соглашений между фирмами США и латиноамериканскими странами Андской группы). Стабильность же высоко ценится американскими компаниями в наши дни, когда расширение борьбы за национальную экономическую независимость, недовольство усилением иностранного капитала как в развитых, так и в развивающихся странах создают «ненадежный инвестиционный климат».

Нужда в передовой технологии настолько велика, что покупатели лицензий часто идут на заведомо невыгодные условия и ограничения, лишь бы обеспечить себе определенную степень приобщения к лучшему мировому научно-техническому опыту. Путем широкого использования ограничительной практики монополиям США удается, с одной стороны, получить чисто коммерческие выгоды, отчасти ввести в удобные для себя рамки процесс международной конкуренции, а с другой — сохранить прочные, подчас доминирующие позиции для американского капитала в экономике развивающихся, да и в отдельных отраслях промышленности развитых капиталистических стран¹³.

¹² Brzezinski Z. *Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era*. N. Y.: Viking Press, 1970. p. 28.

¹³ Ограничительная практика в сфере передачи технологии чрезвычайно разнообразна. Часто речь идет о сужении прав на продажу производимой продукции: например, почти половина технологического импорта Японии ого-

Однажды вступив на путь массированного импортирования технологии, государство должно приложить чрезвычайные усилия для того, чтобы сойти с него, поскольку эта зависимость исподволь, не очень ощутимо ведет к серьезным диспропорциям в отечественной инфраструктуре (в системе подготовки кадров, в развитии собственной материальной базы, в качестве управления научными исследованиями и разработками и т. п.), — даже если речь идет о развитой стране, не говоря уже о развивающихся. В силу этих обстоятельств научно-техническая ориентация на страну, занимающую лидирующие позиции, обладает большой и трудно преодолимой инерцией. Причем когда объектом передачи технологии являются молодые освободившиеся государства, то этот процесс не только имеет самые серьезные последствия для технико-экономических структур последних, но и воздействует на их социально-экономическое развитие в целом. По существу, США эксплуатируют возрастающее стремление развивающихся стран к преодолению экономической отсталости путем передачи, параллельно с технологией, частнокапиталистических отношений и стремятся таким образом все прочнее интегрировать эти страны в систему мирового капиталистического хозяйства. «Империалистов, — как было подчеркнуто в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, — не устраивает укрепление независимости освободившихся стран. Тысячами путей и способов они пытаются привязать к себе эти страны, чтобы свободнее распоряжаться их природными богатствами, использовать их территории в своих стратегических замыслах»¹⁴.

Особое место в американской деятельности на рынке новейшей технологии занимает разработка крупных проектов — нередко отдельных предприятий, иногда целых хозяйственных комплексов, рассчитанных на экспорт в развивающиеся страны, но несуществующих без «технологического обеспечения» со стороны США, ибо страна-импортер самостоятельно не в состоянии наладить бесперебойное функционирование приобретаемой сложной наукоемкой системы. Широкую известность получил, например, разработанный Национальной лабораторией в Оук-Ридже проект агропромышленных комплексов, работающих на ядерной энергии. Смысл проекта состоит в том, чтобы в условиях морского или океанского побе-

горена отказом от сбыта производимых по лицензии товаров в США; для развивающихся стран нередко налагается полный запрет на экспорт соответствующей продукции. Передача технологии может использоваться непосредственно для овладения акциями зарубежной компании, которые идут на частичную уплату за лицензии; с каждой новой сменой технологии пакет акций лицензиата становится в руках американского владельца лицензии все значительнее, вплоть до приобретения полного контроля. См.: *Иванов И. Д.* Международные корпорации в мировой экономике. М.: Мысль, 1976, с. 70—72. Подробно об ограничительной практике американских монополий см.: *Он же.* Современные монополии и конкуренция. М.: Мысль, 1980, с. 89—104.

¹⁴ Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981, с. 14.

режья, где ощущается нехватка пресной воды (типа побережья Карибского моря или ближневосточных государств), наладить опреснение воды для сельскохозяйственных нужд в сочетании с интенсивным энергоемким промышленным производством, например, удобрений или других химикатов, для которых главными исходными материалами были бы морская вода и воздух (остальное сырье — бокситы, фосфор и т. п. — планировалось ввозить в случае отсутствия местных запасов). Предполагается соответственно, что страна — покупатель такого комплекса будет надолго вовлечена в тесное взаимодействие с США (по существу, к этой же категории следуют отнести и продажу Соединенными Штатами новейшего оружия развивающимся странам).

Еще большее место во внешнеполитической стратегии США отводится научно-техническим связям с другими странами в рамках таких возникших в эпоху НТР областей и сфер международного взаимодействия, как мирное использование космического пространства и освоение Мирового океана, мирное использование ядерной энергии, развитие всемирной системы коммуникаций и т. п. Технология «глобального диапазона» уже по самой своей природе, казалось бы, требует налаживания международного сотрудничества: во-первых, для ее развития требуются такие огромные материальные и финансовые ресурсы (включая производственные и экспериментальные мощности, дорогостоящее оборудование, специалистов самой высокой квалификации и разнообразного профиля), что одинаково успешное продвижение по всем направлениям научно-технического прогресса начинает выходить за пределы возможностей одной страны независимо от ее мощи; во-вторых, сами масштабы воздействия на природу во всех этих сферах, размеры затрагиваемых географических регионов, серьезность последствий (особенно в долгосрочном плане) выводят проекты такого рода за узконациональные рамки. Однако и здесь Соединенные Штаты стремятся использовать свои передовые позиции во многих областях науки и техники как силовой рычаг, как средство извлечения коммерческой выгоды и одновременно приобретения политического влияния.

Освоение космического пространства

Космическая программа США¹⁵ практически с самого своего возникновения рассматривалась в неразрывной связи с внешнеполитическими целями США. Если президент Эйзенхауэр, при котором эта программа была начата, связывал ее лишь с развитием американской военной мощи, то при Кеннеди на передний план вышли более широкие соображения идеологического и политического воздействия

¹⁵ Подробно о космической программе США см.: Глобальная стратегия США в условиях научно-технической революции. М.: Мысль, 1979, с. 256—290.

на другие страны (после успешного запуска первого советского искусственного спутника Земли Вашингтон испытывал острую нужду в укреплении престижа США как «технологического лидера» капиталистического мира); в 70-х годах при сохранении в принципе высокого удельного веса разработок военно-прикладных космических систем США вступили на путь практического вовлечения как развитых капиталистических, так и развивающихся стран в различные космические проекты, осуществляемые под американским руководством. В середине 70-х годов США осуществляли более 250 двусторонних проектов по различным проблемам космических исследований, имея своими партнерами более 90 стран. К этому времени уже был полностью доказан значительный хозяйственный потенциал космических исследований и они стали широко применяться для решения практических задач (таких, как совершенствование дальней связи, навигация, предсказание погоды, наблюдение за развитием сельскохозяйственных культур, поиски полезных ископаемых, контроль за состоянием водных ресурсов, за качеством окружающей среды и т. д.). Поэтому многие развитые капиталистические и развивающиеся страны, не обладая достаточным собственным научно-техническим потенциалом для осуществления самостоятельных космических программ, с готовностью подключаются к американским проектам (соглашаясь на жесткие финансовые условия и внося весьма солидный вклад в бюджет Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства, — например, за период с 1968 по 1978 г. поступления от зарубежных государств превысили 1,5 млрд. долл.).

Страны Западной Европы, Япония и Канада являются главными партнерами США по совместным космическим исследованиям. После ряда не очень удачных попыток осуществления автономной программы космических исследований Европейское космическое агентство (в составе 12 стран) пришло к выводу о невозможности полностью осуществлять самостоятельную программу и фактически подчинило США всю свою деятельность в области пилотируемых полетов, что было закреплено договором о разработке в Западной Европе космической орбитальной лаборатории, которая будет использоваться в сочетании с американскими пилотируемыми кораблями. Канада также привлечена к этой работе и создает специальный манипулятор для работы в открытом космосе вблизи лаборатории.

Из применяемых сейчас космических систем именно связь первой доказала свою коммерческую выгодность; техническое преимущество США в разработке спутников связи позволило им организовать консорциум «Интелсат» — многонациональную коммерческую корпорацию по разработке и эксплуатации систем космической связи — по существу под своим полным контролем (американская корпорация «Комсат», представляющая в консорциуме США, уже по уставу закрепила за собой контрольный пакет акций, и изменить это положение странам Западной Европы теперь не удастся, хотя

их возможности в этой сфере выросли после того, как ФРГ и Франция стали успешно эксплуатировать собственный спутник связи «Симфония»). В 1977 г. число членов консорциума «Интелсат» превысило 100 государств; не меньшей популярностью пользуется и «Инмарсат» — аналогичная корпорация по использованию системы спутниковой связи, обслуживающей нужды судоходства в Тихом, Атлантическом и Индийском океанах.

В отношениях США с развивающимися странами спутники связи дополнительно играют особую роль как уникальное средство воздействия на массовые аудитории; поэтому США продолжают эксперименты по использованию спутников на стационарной орбите для трансляции своих передач на тот или иной регион (экспериментальная трансляция уже велась почти на 30 стран, включая Индию, Бразилию, Таиланд, Бангладеш, Пакистан, Марокко); однако наибольшие надежды в этой области в Вашингтоне связывают с разработкой системы телевизионного вещания с таких спутников непосредственно на бытовые приемники (пока вещание возможно только через специальные приемные станции, которые, естественно, сооружаются и эксплуатируются лишь с согласия местных правительств).

Широкое международное применение нашли и американские метеорологические спутники — получаемой с них информацией пользуются метеослужбы более 50 стран мира.

Однако наиболее активная внешнеполитическая роль отводится руководителями космической программы США спутникам для дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ), с помощью которых уже на нынешнем уровне развития техники решаются такие важные хозяйственные задачи, как землеустройство, картографирование, разведка полезных ископаемых, наблюдение за развитием сельскохозяйственных культур на больших площадях, определение кормовых ресурсов, эрозийной опасности, рекомендации относительно оптимальных районов океанского рыболовства, изыскание трасс для путей сообщения, нефтепроводов, линий электропередач и т. п. Серия спутников «Лэндсат» дала Соединенным Штатам возможность поистине монопольного контроля (в несоциалистическом мире) за сбором и интерпретацией информации по проблемам природных ресурсов (причем США, естественно, получают всю информацию первыми, раньше, чем правительства соответствующих стран, что, несомненно, позволяет американской стороне в случае необходимости вносить коррективы в свои экономические и политические действия по отношению к соответствующим странам). В том или ином виде американскими услугами с использованием информации со спутников «Лэндсат» пользуются потребители в ста государствах мира, и США довольно откровенно ставят предоставление такого рода услуг в зависимость от устраивающего их курса того или иного государства в политической или экономической областях.

Советский Союз является единственным государством, в отношениях с которым Соединенным Штатам приходится идти на истинно равноправную и взаимовыгодную кооперацию усилий в области космических исследований, и эта кооперация, осуществлявшаяся до сих пор в довольно небольшом объеме, может все же служить образцом действительно равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества на переднем крае научно-технического прогресса.

Исследование и освоение Мирового океана

Стратегия США в отношении освоения и исследования Мирового океана в значительной мере аналогична их политике в области космоса. В последнее десятилетие в США, в том числе и в правящих кругах, высказывалось немало здравых мыслей в отношении того, что проблемы Мирового океана не могут быть решены ни одной страной в одностороннем порядке¹⁶. Такой подход нашел свое отражение в участии США в целом ряде международных договоров и конвенций, регулирующих правопорядок в Мировом океане (среди которых особо важное место занимает Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения). Однако именно в это же десятилетие в условиях обострения сырьевой и энергетической проблем Соединенные Штаты взяли четкий курс на укрепление своего лидерства среди капиталистических и развивающихся стран в деле освоения морских пространств и ресурсов и на использование этого лидерства как рычага, благоприятствующего их экспансии — экономической и военной — в Мировом океане, укреплению обширной сети союзов и соглашений (военных, политических и экономических), которые связывают Вашингтон со странами, расположенными практически во всех важнейших районах Мирового океана.

Расчет США состоит в том, чтобы на базе своих научно-технических достижений обеспечить себе преимущественный доступ к прибрежным районам других государств и контроль за разработкой морских источников сырья, энергии и продовольствия (сознательно сдерживая при этом темпы освоения аналогичных ресурсов вблизи собственного побережья) «в обмен» на американское содействие

¹⁶ Подробно о политике США в отношении исследования и освоения Мирового океана см.: *Лисарев В. Д.* США и Мировой океан. М.: Наука, 1977; Глобальная стратегия США в условиях НТР. М.: Мысль, 1979, с. 310—331; *Сагирян А. А.* Международно-правовые проблемы освоения глубоководных ресурсов морского дна: эволюция позиции США.— США: экономика, политика, идеология, 1979, № 12, с. 26—37; *Любимов Л.* Мировой океан и интересы человечества.— Мировая экономика и междунар. отношения, 1980, № 11, с. 31—56; *Hollick A. L., Osgood R. F.* New Era in Ocean Politics. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1974; *Richardson E. L.* Power, Mobility and the Law of the Sea.— Foreign Affairs, 1980, Spring, p. 902—919.

этим государствам в деле обследования и освоения их прибрежных районов в сочетании с определенными отчислениями, которые будут выплачиваться национальным правительствам американскими промышленными компаниями, осваивающими минеральные ресурсы морского дна. Собственно, крупнейшие американские нефтяные корпорации — «Галф ойл», «Мобил ойл», «Эксон», «Оксидентал», «Тексако» — уже в течение многих лет ведут не только разведку, но и добычу нефти и газа в прибрежных районах многих государств Азии, Африки и Латинской Америки. В конце 60-х годов была разработана и ныне реализуется национальная программа освоения Мирового океана, одной из важнейших задач которой является обеспечение высокого научно-технического уровня разработок, который позволил бы в 80-е годы рентабельно эксплуатировать континентальный шельф и склоны до глубины 600 км, а к 2000 г. — освоить океанские глубины в диапазоне до 6 км, составляющие 98% площади морского дна.

Помимо того, что освоение глубоководных ресурсов обещает высокие доходы, в США явно рассчитывают на то, что использование новых источников сырья существенно укрепит позиции США. По умеренным оценкам, США смогут к концу 80-х годов существенно уменьшить свою зависимость от импорта целого ряда видов стратегического сырья, а по более оптимистическим, — стать даже экспортерами пикеля, меди, кобальта.

Пока что ни одно из государств Западной Европы, равно как и Япония, не обладает финансовыми средствами, научной базой и техническим потенциалом, необходимыми для крупномасштабного охвата всего комплекса морских работ, и потому не может составить серьезной конкуренции Соединенным Штатам в этой области; в капиталистическом мире США являются сейчас единственной страной, горнорудные компании которой практически готовы приступить к промышленной эксплуатации морского дна. По имеющимся данным американский капитал будет представлен во всех шести международных консорциумах, созданных для разработки железомарганцевых конкреций, причем три из них находятся полностью под американским контролем. Именно в силу этого на III Конференции ООН по морскому праву США пытались добиться включения таких положений в договор, которые, говоря словами Э. Ричардсона, специального представителя президента США и главы американской делегации на этой конференции при администрации Дж. Картера, гарантировали бы «правопорядок, в рамках которого наше собственное понимание наших прав не будет, по сути, никем оспариваться»¹⁷. Конкретно это означало, что США не только не стремятся к созданию сильной международной организации, которая регулировала бы освоение ресурсов глубоководного морского дна с уче-

¹⁷ Richardson E. L. Op. cit., p. 914.

том интересов всех государств, но и против того, чтобы в какой бы то ни было регулирующей инстанции дела решались по принципу «одна страна — один голос», так как это практически лишило бы США возможность навязывать свои решения. Поэтому они отстаивали такой порядок принятия решений в международном органе, при котором пропорционально бы учитывались такие факторы, как размер капиталовложений в освоение океана, производства и потребления соответствующих ресурсов.

Однако на конференции события пошли не по американскому сценарию. В этих условиях, пользуясь тем, что нынешнее международное право до сих пор не ограничивало разведку и разработку ресурсов морского дна, США стали предпринимать усилия для их одностороннего захвата (в частности, принял в июне 1980 г. закон, поощряющий американские компании в этом направлении). Поведение США отчасти напоминает ситуацию, сложившуюся осенью 1945 г., когда президент Г. Трумэн провозгласил суверенное право США на все ресурсы морских пространств, примыкающих к берегам Соединенных Штатов, и эта односторонняя акция прервала многовековую традицию свободного доступа к прибрежным ресурсам и открыла путь к разделу их наиболее значительной части. В конце 1982 г. на заключительной сессии Конференции ООН по морскому праву, которая состоялась на острове Ямайка, 119 государств поставили свои подписи под новой Конвенцией по морскому праву и тем самым дали ей путевку в жизнь (конвенция войдет в силу через год после того, как не менее 60 стран ратифицируют ее). Тем не менее официальные представители США на конференции, руководствуясь интересами американских монополий, намеренных хищнически использовать сокровища морских глубин, отказались подписать конвенцию, склонив к этому также ряд своих союзников. Трудно ожидать, однако, чтобы в современную эпоху могла иметь успех эта попытка США добиться раздела «по силе» ресурсов, провозглашенных Генеральной Ассамблеей ООН «общим наследием человечества».

Энергетическая технология

После 1973 г. США резко форсировали развитие научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области энергетики — за пять лет бюджет энергетических НИОКР вырос в 7 раз и достиг 2,7 млрд. долл., уступая теперь лишь ассигнованиям на военные НИОКР¹⁸. Цель состоит не только в том, чтобы достичь в конечном итоге энергетической самообеспеченности страны, но и в том, чтобы вернуть Соединенным Штатам то лидирующее положение на мировом капиталистическом рынке энергоресурсов, которое

¹⁸ Energy Technology. A Special Report.— International Herald Tribune, 1978, Apr., p. 85.

они занимали до 60-х годов, дать им вновь мощный рычаг воздействия на импортеров энергосырья¹⁹.

Научно-технические усилия США сконцентрированы на трех направлениях: во-первых, совершенствование технологии добычи и использования традиционных топливно-энергетических ресурсов (в том числе создания эффективной технологии разработки местных источников, которые ранее считались перентабельными, типа извлечения нефти из сланцев); во-вторых, развитие так называемых альтернативных источников энергии, включающих в себя новые, перспективные ресурсы (термоядерная, геотермальная, солнечная энергия, водородное топливо для двигателей внутреннего сгорания и т. п.), а также и традиционные (ветровая, гидроэнергия), но используемые на принципиально новой научно-технической основе; в-третьих, совершенствование мер по экономии энергии²⁰. И в этой области Соединенные Штаты, сильно опередившие другие капиталистические страны, стремятся использовать свой отрыв для дополнительного «привязывания» других государств к собственному научно-техническому потенциалу.

В целом Соединенные Штаты пока сохраняют господствующее положение на мировом капиталистическом рынке атомных энергетических установок и ядерного топлива, практически не имея, например, конкурентов в производстве легководных реакторов, которыми оборудованы 85% АЭС капиталистического мира и которые признаны наиболее перспективными. Мощность американских заводов по производству ядерного топлива уже в середине 70-х годов составляла более 17 млн. ЕРР (единиц разделительной работы) в год, к середине 80-х годов ее планируется увеличить настолько, чтобы иметь около 35 млн. ЕРР для собственного потребления и 10 млн. ЕРР для экспортных нужд, в то время как Западная Европа и Япония, вместе взятые, планируют к середине 80-х годов производить ядерного топлива около 21 млн. ЕРР. Однако в перспективе в этой сфере Соединенным Штатам не так легко будет удержать свои позиции, поскольку западноевропейские государства и частные концерны уже вступили на путь активного объединения усилий ради создания атомного потенциала, сопоставимого с американским (например, западногерманские концерны АЕГ и «Симменс» создали совместную фирму «Крафтверк юнион» для поставки оборудования для 8 АЭС по контракту с Бразилией; Англия, ФРГ и Голландия создали общую компанию для ведения исследований в области центробежного

¹⁹ В 1975 г. президент Форд прямо сформулировал задачу развития передовой энергетической технологии и энергетических ресурсов США таким образом, чтобы к концу столетия США были в состоянии в основном удовлетворять энергетические потребности — не только свои, но и всех основных союзников — развитых капиталистических стран. См.: *Weekly Compilation of Presidential Documents*, 1975, Jan. 20.

²⁰ Подробнее об этом см.: *Глобальная стратегия США в условиях научно-технической революции*, с. 281—310; *Новые явления в энергетике капиталистического мира*. М.: Мысль, 1980.

обогащения урана; Франция, Италия, Испания, Швеция и Бельгия также совместно наладили производство ядерного топлива и т. п.)²¹.

Частично утрачивая позиции в ставших уже более «традиционными» областях ядерной энергетики, США стремятся заранее навязать союзникам максимально выгодные для себя «правила игры» на новейших направлениях научно-технического прогресса, в частности в области термоядерной энергетики. Для Соединенных Штатов научные исследования по этой проблематике являются значительной статьей федерального энергетического бюджета — уже к концу 70-х годов на них ежегодно расходовалось более 700 млн. долл., а в октябре 1980 г. президент Картер утвердил законопроект об ассигновании на эти цели 20 млрд. долл. на предстоящие 20 лет²². Аналогичная программа ЕЭС финансируется в пределах 100 млн. долл., а Японии — 90 млн. долл.

Советский Союз начал раньше, чем США, обширные исследования в этой области и первым разработал экспериментальную термоядерную установку «Токамак» (около 65% бюджета исследований США в области термоядерного синтеза направлено на создание аналогичных «Токамаку» установок)²³. В соответствии с неизменным курсом Советского Союза на широкое международное сотрудничество во всех областях, в том числе и в области науки и техники, СССР осуществляет совместно с Соединенными Штатами программу исследований в области термоядерного синтеза в стремлении общими усилиями ускорить получение для всего человечества нового, практически неисчерпаемого источника энергии.

Что касается капиталистического мира, то Западная Европа и Япония, убедившись, что им не под силу вести самостоятельные исследования и разработки, но при этом не желая остаться в стороне от «термоядерных гонок», взяли долгосрочный курс на получение доступа к американской термоядерной технологии. В 1976—1977 г. государства — члены Международного энергетического агентства (МЭА) подписали в Париже серию соглашений, которые практиче-

²¹ Именно в силу остроты конкурентной борьбы в сфере экспорта ядерной технологии и топлива многие наблюдатели расценили попытки США помешать реализации сделок между ФРГ и Бразилией, Францией и Пакистаном, Канадой и Аргентиной в области экспорта ядерной технологии не столько как проявление озабоченности недостаточностью гарантий со стороны покупателей и, естественно, возможностью расположения ядерного оружия, сколько как желание ущемить позиции наиболее мощных конкурентов в капиталистическом мире (тем более что США параллельно подчеркивали свою готовность компенсировать разрыв соглашений поставкой своего обогащенного урана «в достаточных количествах»). Как известно, Франция в 1978 г. и Канада в 1979 г. действительно аннулировали контракты, о которых шла речь. См.: Новые явления в энергетике капиталистического мира, с. 250—251.

²² International Herald Tribune, 1980, Oct. 11—12.

²³ US — USSR Cooperative Agreements in Science and Technology. Hearings before the Committee on Science and Technology. US House of Representatives. Wash.: U. S. GPO, 1976, p. 269.

ски имели своим результатом создание единой термоядерной программы всего капиталистического мира под эгидой США. Эти соглашения, в частности, предусматривают, что по мере необходимости США могут привлечь к работе любое необходимое количество зарубежных специалистов без дополнительных финансовых затрат, более того, патенты и лицензии на изобретения, которые могут быть сделаны иностранными учеными в периоды работы в американских лабораториях, будут исключительной собственностью правительства США и т. п. В результате после 1985 г., когда все термоядерные исследования развитых капиталистических стран сольются в единый целевой механизм, Соединенные Штаты получат фактический контроль над значительно расширенной и усовершенствованной научной, материально-технической и финансовой базой для ускоренного продвижения на этом важном направлении научно-технического прогресса.

Среди других альтернативных источников энергии в последние годы все большее внимание привлекает солнечная энергия — наиболее «чистая» и неиссякаемая. Технический прогресс в этой области шел во второй половине 70-х годов такими темпами, что стоимость электроэнергии, полученной из солнечной, стала для некоторых целей уже вполне приемлемой (например, в засушливых районах Западной Африки уже получили распространение водяные насосы, работающие на солнечной энергии; в Западной Европе она стала использоваться для подогрева воды и т. п.). Однако в целом солнечная энергетика, по мнению специалистов, не получит широкого развития, если не начнут функционировать энергетические установки принципиально нового типа. Среди возможных вариантов — идея космических энергосборников²⁴. В США уже начинается работа над таким проектом. По предварительным данным, НАСА заключила серию контрактов в рамках общей программы, рассчитанной на два десятилетия. Серьезнейшая техническая трудность программы — создание в космосе огромных панелей солнечных элементов; авторы программы рассчитывают, что введение в эксплуатацию системы «Спейс шаттл» и орбитальных лабораторий позволит начать в 1983—1984 гг. «демонстрационные эксперименты» по созданию в космосе больших конструкций.

²⁴ Проект родился еще в середине 60-х годов. Идея состоит в том, что на геостационарной орбите с удалением от Земли 30—36 тыс. км размещаются гигантские панели солнечных элементов. Собираемая энергия после преобразования передается через специальную антенну узким лучом в микроволновом диапазоне электромагнитного излучения, на Земле она поступает на соответствующую антенну, преобразуется в переменный ток промышленной частоты и идет в распределительную сеть. По одному из вариантов проекта, разработанному в известной американской научно-исследовательской фирме «Артур Д. Литтл», станция с площадью коллекторов 64 км² способна передать на Землю мощность порядка 10 млн. квт, что достаточно для обеспечения города размера Нью-Йорка. См.: Aviation Week and Space Technology, 1976, Jan. 19, p. 36.

Если американцам действительно удастся реализовать такой проект по приемлемой цене, они станут в капиталистическом мире монополистами в этой области энергетики; подключение других стран к этому проекту на американских условиях было бы практически гарантировано.

Новая информационная технология

Потенциал «информационной технологии» и самой информации как важного «товара» в современном мире был быстро распознан американскими предпринимателями. (В понятие информационной технологии включаются формы, методы и средства сбора, передачи на расстояние, обработки и хранения информации.) Р. Сарнофф, президент «Радио корпорейшн оф Америка», четко сформулировал такое понимание в своем выступлении на съезде Международной ассоциации связи еще в 1967 г., когда он говорил о том, что уже недалеко то время, когда «информация станет товаром первой необходимости, равным по важности энергии», и что информация «будет функционировать как разновидность валюты в мировой торговле и будет повсеместно конвертироваться в другие товары и услуги»²⁵. В том же 1967 г. американские конгрессмены провели специальное обсуждение вопроса «Современная связь и внешняя политика» и заявили в итоговом докладе: «Деятельность США будет в важной степени формировать складывающуюся сейчас международную систему коммуникаций... В весьма значительной мере другие страны будут следовать нашему опыту и будут присоединяться к тем институтам и системам, которые мы создадим... Учитывая нашу информационную технологию и информационные ресурсы, США явно могут стать центром всемирной коммуникационной системы»²⁶.

Конец 60-х годов ознаменовался радикальными изменениями в области развития технологии сбора, передачи, обработки и хранения информации, что и отразилось в термине «новая информационная технология»: новизна состояла прежде всего в том, что произошло слияние двух ранее самостоятельных направлений научно-технического развития — средств связи и электронно-вычислительной техники.

Если до 70-х годов американские компании имели главным образом изолированные информационные системы, строившиеся вокруг отдельных ЭВМ, то в 70-х годах основная доля электронно-вычислительного потенциала была объединена в электронно-вычислительные сети, а со второй половины 70-х годов активно пошел процесс концентрации электронно-вычислительного потенциала и создания

²⁵ Цит. по: Schiller H. J. Mass Communications and American Empire. N. Y.: Kelley, 1970, p. 7.

²⁶ Modern Communications and Foreign Policy. Report N 5. Subcommittee on International Organizations and Movements. Committee on Foreign Affairs, US House of Representatives. Wash.: U. S. GPO, 1967, p. 53.

«суперсетей» глобального масштаба, способных не только обслуживать процессы управления тех фирм, которым они принадлежат, но и оказывать информационно-вычислительные услуги на коммерческой основе другим компаниям и правительственным организациям.

Информационно-вычислительные сети практически сразу же преодолели национальные границы США, ибо одними из первых их стали применять, естественно, транснациональные компании для управления своими географически разбросанными филиалами; эти системы быстро нашли применение в деятельности туристских и авиакомпаний, в сфере средств массовых коммуникаций. Крупнейшие системы «сервисных» информационно-вычислительных сетей (так называются сети, осуществляющие информационно-вычислительную работу по заказам на коммерческих началах) созданы компаниями «Дженерал электрик» («Марк-III»), «Контрол дэйт» («Сайберпет»), «Таймшеа» («Тимнет») и др. и уже функционируют, соединяя Северную и Южную Америку, Западную Европу, Австралию и Японию.

Примером может служить информационно-вычислительная сеть «Марк-III», действующая во всех перечисленных выше регионах. Основной сети являются два крупных вычислительных центра в США (в Кливленде и Роквилле), соединенных всеми средствами связи (включая трансатлантическую кабельную связь и спутники связи) с двумя десятками региональных промежуточных центров, расположенных в США, Западной Европе, Австралии и Японии, которые, в свою очередь, имеют выход непосредственно на потребителей (потребители могут иметь свои ЭВМ, а могут и не иметь их; терминалы, которыми пользуются абоненты, различны — от специальных устройств до элементарного телефона: до 90% обычных телефонных аппаратов, установленных в США, могут быть использованы для связи с системой «Марк-III»). В числе абонентов «Марк-III» более 5 тыс. компаний и организаций примерно в 400 городах США, Европы, Азии и Южной Америки; целый ряд правительств (в том числе США, Австралии, Австрии, Бельгии, Великобритании, Голландии, Норвегии, Швеции, Швейцарии) заключили контракты с «Дженерал электрик» на использование системы «Марк-III».

«Сервисные» сети американских монополий предлагают своим клиентам большой выбор прикладных программ. В области производства это могут быть программы управления технологическими процессами, материально-техническим снабжением, программы производственного планирования и контроля, ремонта и технического обслуживания, расчет, анализ и оптимизация графиков сетевого и программного управления проектами, проведение научных и технических расчетов, моделирование и исследование операций; в области экономики и финансов это могут быть расчеты стоимости продукции, расчет выплат и контроль размера банковских фондов, автома-

тический перевод конвертируемых валют из одной в другую по рыночным ценам, расчет прибыли, финансовое прогнозирование, управление инвестированием и расчет оборачиваемости капитальных вложений, разнообразные бухгалтерские и статистические сводки на любой момент времени, анализ конкурентоспособности, решение вычислительных проблем. Для научных центров и правительственных организаций интерес представляют программы накопления и анализа больших массивов официальной статистики — динамики ВВП, национального дохода, индикаторов циклического характера, показателей занятости, изменений на рынках, миграции и численности населения, данных об охране среды и использовании различных ресурсов, об общественном транспорте, городском управлении и т. д. Абоненты могут работать и по собственным оригинальным программам, используя «сервисную» сеть лишь как техническую базу, способную адаптироваться к любой потребности.

Совершенно очевидно, что абонирование в подобной системе создает либо увеличивает до практически неограниченных размеров информационно-вычислительный потенциал клиента. Абонент получает возможность «перешагнуть» через все проблемы создания собственной инфраструктуры, собственных служб электронной обработки данных (материальные затраты, подготовку кадров и т. п.) и принимать управленческие решения — политические и экономические — на уровне самого передового научно-технического обеспечения. США, таким образом, сдают в аренду свой электронно-вычислительный потенциал, подменяя собственной техникой компьютеризацию другого государства.

Если учесть, что, по американским оценкам, около 50% валового национального продукта США и любой другой высокоразвитой страны непосредственно связано с производством, распространением и переработкой информации, то очевидно, что информационно-вычислительный уровень непосредственно влияет и на темпы экономического развития, и на эффективность всего экономического механизма страны. В этом залог дальнейшего расширения масштабов деятельности электронно-вычислительных сетей. Действительно, по данным «Белл телефон лабораториз», число информационных систем с использованием телекоммуникаций в 70-х годах росло в 3 раза быстрее, чем общее количество ЭВМ в капиталистическом мире, а темпы роста объема информационно-вычислительных услуг, оказываемых американскими компаниями, превышают 22% в год²⁷.

Однако состояние «информационной зависимости», обработка ряда «чувствительных» данных за пределами страны, вообще сам факт отсутствия полной уверенности в том, кто, как и для чего может использовать информацию, введенную в сеть (независимо от многочисленных систем кодов, паролей и т. п., идентифицирующих того или иного абонента), быстро стали вызывать беспокойство и в

²⁷ США: экономика, политика, идеология, 1976, № 8, с. 103; 1979, № 12, с. 97.

развитых, и в развивающихся странах. Япония и Западная Европа в 70-х годах предприняли целенаправленные усилия для развития национальных информационных ресурсов, был принят ряд законов, регулирующих внутренние потоки данных и информационный обмен с другими странами. Развивающиеся страны, которые к концу 70-х годов тоже стали постепенно потребителями «новой информационной технологии», наученные горьким опытом неравноправных отношений с Западом в других областях, едва ли не с самого начала выступили с требованием «нового информационного международного порядка»²⁸.

США и в рамках организаций капиталистического мира, и на широких международных форумах (например, по линии ЮНЕСКО, с 1972 г. уделяющей большое внимание проблемам информации) упорно выступают против возведения любых барьеров на пути информационных потоков, против любого регламентирования международного обмена данными — прежде всего в интересах американских ТНК, для которых ограничения на пути движения информации чреватy дополнительными затратами и потерей важной информации и некоторой доли маневренности.

Если на международных форумах представители США намеренно принижают значение политических аспектов проблемы информации, то «для внутреннего потребления» эти вопросы выдвигаются едва ли не на первый план.

Вынужденные отступать по многим из традиционных показателей, по многим направлениям соперничества с другими центрами силы капиталистического мира, США возлагают большие надежды на новейшую технологию, в частности на информационную, ибо она дает им возможность попытаться взять на себя роль как бы «высшей нервной системы» капиталистического мира с подключением к ней и региона развивающихся стран.

Экспорт менеджмента

Высокий уровень развития вычислительной техники и методов переработки информации является материальной базой для принявшего в 60--70-х годах широкие масштабы экспорта теории и практики американского управления.

Менеджмент превратился в такой же объект внешней торговли, как и обычные товары, технология, информация. Американские

²⁸ Подчас существует тенденция сводить это требование развивающихся стран — как и вообще понятие информации — исключительно к сфере массовой коммуникации и пропаганды, что представляется совершенно неверным. Опасно недооценивать жизненную важность обмена экономической, научно-технической, организационно-управленческой информацией, равно как и сам факт превращения индустрии переработки информации в важную инфраструктурную отрасль, без которой уже немислимо эффективное функционирование развитого хозяйственного механизма.

компания все чаще заключают контракты на управление за границей предприятиями, на которые они не обладают правом собственности: подобные контракты имели или имеют многие из крупнейших американских компаний — типа «ИБМ», «Вестингауз электрик», «Дженерал дайнемикс» и др. Их клиентура включает частные компании и правительственные ведомства как в развивающихся, так и в развитых капиталистических странах.

Управляя предприятием по контракту, компания не несет никакого финансового риска — она получает прямую прибыль в виде оплаты своих услуг и, помимо этого, имеет, как правило, дополнительный гарантированный доход от продажи оборудования, необходимого для функционирования рекомендованной ею системы управления (тем более что большинство компаний, экспортирующих управленческие услуги, в той или иной степени сами заняты производством вычислительной техники или оргтехники). Контролируя всю хозяйственную деятельность предприятия или группы предприятий, компания-менеджер к тому же получает уникальную возможность для изучения иностранного рынка и проникновения на него.

Что касается клиента, то его положение, несомненно, имеет ряд преимуществ по сравнению с тем, когда американская фирма просто открывает свой филиал за рубежом: он сохраняет собственность на предприятие и привлекает иностранные ресурсы только на оговоренный контрактом срок. Правда, это обстоит столь просто лишь в теории, на практике разорвать отношения с американской компанией гораздо сложнее, разрыв чреват серьезными последствиями, сильно дезорганизующими производство. Поэтому заключение контракта на управление с иностранной фирмой все же равносильно определенному сужению собственной свободы действий.

Еще один важный коммерческий канал распространения менеджмента — деятельность американских консультативных компаний. По разным подсчетам, в США функционируют от 2 до 3 тыс. консультативных фирм, причем около 100 из них — весьма крупные организации широкого профиля, оказывающие разнообразные услуги в решении управленческих проблем: в использовании новейших методов и техники переработки информации. Например, одна из таких фирм — «Артур Д. Литтл» — примерно четверть общего объема работ выполняет по контрактам с зарубежными клиентами (частными компаниями и правительственными организациями); эта корпорация содействовала Индии в совершенствовании оборонной промышленности, Чили — химической, Греции — пищевой; в Колумбии она выполняла работы по налаживанию экспортных производств, в Ирландии — по улучшению работы местных авиалиний, для Голландии был разработан долгосрочный план рассредоточения городского населения и промышленности; десяткам стран «АДЛ» содействовала в организации иностранного туризма и т. д. Другими словами, американские компании такого типа берутся за выполнение работ, связанных с развитием целых отраслей промышленно-

сти других государств, за разработку комплексных, перспективных планов развития целых регионов.

Помимо того, что консультативные фирмы получают от этой деятельности огромные доходы, они одновременно укрепляют и американские позиции на зарубежных рынках в целом — и потому что повышают престиж США, и потому что чаще всего их деятельность способствует закупкам американской же техники. Одновременно консультативные фирмы чрезвычайно повышают степень общей информированности американских монополий о тех или иных явлениях или процессах в хозяйственной жизни других государств, что само по себе может играть немаловажную политическую роль.

Еще одно чрезвычайно важное направление, связанное с менеджментом, — участие США в подготовке иностранных управляющих либо на территории самих США, либо непосредственно за рубежом. Эта работа ведется под эгидой американских университетов (более 200 высших учебных заведений США имеют такого рода программы для иностранцев), консультативных фирм (упоминавшаяся выше корпорация «Артур Д. Литтл», например, регулярно организует у себя стажировку для менеджеров высшего и среднего звена из развитых и развивающихся стран), американских профессиональных и общественных организаций (типа Американской ассоциации управления, в которую входят более 60 тыс. коллективных и индивидуальных членов из 100 стран мира). Американский опыт, а нередко и финансовая помощь «благотворительных фондов» США играют большую роль в жизни зарубежных «школ бизнеса» как в развитых, так и в развивающихся странах. Цель всей этой деятельности — способствовать созданию высокооплачиваемого, более или менее космополитического «пула» менеджеров, довольно однозначно ориентированных на американские модели — не только в том, как эффективно использовать оргтехнику или новейшие методики принятия хозяйственных решений, но и в мировоззренческом и культурно-этическом плане. Так формируется общность людей, которые призваны стать проводниками американского влияния, американского образа жизни, т. е. выполнять не только экономическую, но и политическую и идеологическую функции.

Если продажа технологии часто выступает как неявный инструмент американского воздействия, то экспорт управления позволяет иметь еще больше скрытых от невооруженного глаза каналов влияния. При этом политический потенциал передачи опыта управления, как представляется, едва ли не более значителен, нежели экспорт технологии, ибо тут речь идет об основах хозяйствования как на частном, так и на государственном уровне, о формировании управленческих структур, о системе подготовки руководящих кадров, т. е. о вещах, неотделимых от принятой в государстве системы ценностей, иерархии национальных целей, наконец, от экономического строя.

* * *

Современная научно-техническая революция вывела международные отношения на качественно новый уровень — уровень действительной взаимозависимости государств, разрушила иллюзии относительно возможности изолированного, автаркического развития, создала объективные предпосылки для широкого международного взаимодействия для разделения труда в целом ряде сфер производственной и общественной деятельности. Проблема состоит в том, какой именно характер будет носить это разделение труда. Советский Союз выступает за формирование в мире такой системы отношений, которая была бы действительно основана на равноправном, конструктивном, выгодном для всех сторон сотрудничестве; за то, чтобы избежать превращения той сферы международных отношений, которая приобрела столь важное значение в результате научно-технической революции, в арену силовой конфронтации.

Лидер мировой капиталистической системы — Соединенные Штаты Америки прилагают все усилия, чтобы воспрепятствовать выравниванию научно-технических возможностей государств, стремятся сохранить существующую асимметрию в их пользу, использовать эту «позицию силы» как рычаг для преобразования взаимозависимости в одностороннюю зависимость других стран и народов от американских монополий. «Империалистические круги мыслят категориями господства и принуждения в отношении других государств и народов», — подчеркнуто в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии²⁹. И чем чаще Соединенным Штатам приходится отступать в других областях международной жизни, тем большую ставку делают они на научно-техническое лидерство как на едва ли не последний резерв силы — и в военной и в невоенных областях.

На сегодняшний день Соединенным Штатам удастся в той или иной степени успешно маневрировать, удерживая за собой возможность навязывать государствам, входящим в капиталистическую сферу мирового хозяйства, основные направления их научно-технического, а следовательно, и экономического развития, организационные формы использования техники как в национальном, так и в международном масштабе, формы и методы управления, доступ к информации и т. п. Но противодействие такому диктату растет. В мире равноправных наций — а иной мир сегодня уже невозможен — вряд ли может быть в долгосрочном плане успешным курс, рассчитанный на формирование международных отношений на основе проведения силовой политики и насаждения отношений односторонней зависимости.

²⁹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 21.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ИНСТРУМЕНТЫ ДИПЛОМАТИИ

В современном американском арсенале средств воздействия на положение в различных районах земного шара и международную ситуацию в целом значительное место принадлежит дипломатическим инструментам.

Как и дипломатия любого буржуазного государства, дипломатическая практика США, т. е. официальная деятельность Белого дома, госдепартамента, других органов внешних сношений Соединенных Штатов по осуществлению целей и задач американской внешней политики, в конечном счете опосредует в себе различные виды силы государства — военную, экономическую, научно-техническую и т. д. Обладание большей экономической или военной силой традиционно дает государству большую возможность продвигать свои интересы в системе взаимоотношений с другими странами. Однако победа социализма в СССР, послевоенное развитие, прежде всего возникновение и укрепление мировой системы социализма, выход на мировую арену значительной группы освободившихся государств, привносят в мировую внешнеполитическую практику тенденцию к демократизации международных отношений, к большему равноправию государств, обладающих разными параметрами силы.

Вместе с тем дипломатия, как известно, имеет и свою специфическую силу, которая предполагает достижение определенных результатов на международной арене, благоприятствующих данному государству. чисто политическими средствами, укреплением системы его связей с другими государствами, созданием таких взаимозависимостей в международном сообществе, которые отвечали бы интересам правящего класса данной страны, и т. д.

Политическая сила всегда была важным инструментом международных отношений, но она приобретает еще большую значимость в условиях, когда использование других традиционных видов силы — военной, экономической — по тем или иным соображениям затруднено. Повышение значения для США дипломатических средств внешнеполитического влияния шло параллельно с уменьшением их возможностей использовать на международной арене грубо силовые методы и инструменты политики.

Откровенное проявление после второй мировой войны претензий правящих кругов США на мировое господство сопровождалось использованием целого спектра средств и методов достижения этой цели, в том числе и дипломатических. В то же время необходимо отметить, что на протяжении послевоенного периода на первом месте среди инструментов внешнеполитического воздействия США стояла и стоит не собственно дипломатия, а прежде всего сила — военная и экономическая. Дипломатия рассматривается правитель-

ством прежде всего как рычаг, призванный опосредствовать реализацию в международных отношениях этих важнейших факторов американской мощи. Взгляд на военную силу как незаменимую опору для дипломатии присущ и американским политологам, государствоведам, специалистам в области международных отношений.

Тем не менее по мере сужения возможностей США использовать методы грубого давления и шантажа для реализации своих внешнеполитических замыслов американскому руководству все чаще приходится прибегать к дипломатическим каналам и дипломатическим инструментам решения спорных проблем и урегулирования конфликтов. «Выходы» США из корейской и индокитайской авантюры — яркие тому примеры.

Главные направления использования политической силы

В послевоенный период правящие круги США использовали свое политическое влияние на мировой арене (как правило, во взаимодействии с другими видами силы) главным образом по трем направлениям.

Первое направление — это создание коалиций, т. е. привлечение на сторону США групп государств на какой-либо общей платформе. Основной особенностью американского коалиционного строительства было то, что этой общей платформой, «цементирующим элементом» такого объединения государств, принявших по тем или иным причинам американское лидерство, стал антикоммунизм, в последние годы вновь проявляющийся в более конкретной форме антисоветизма. Другая особенность состояла в том, что Вашингтон пытался и пытается склотить не просто отдельные региональные группировки государств, а слить их в глобальную коалицию против мирового социализма. Уже к середине 50-х годов в систему американских союзов формально входило 43 государства. На деле она была значительно шире, ибо включала в себя не только страны, связанные с США формальными союзническими узами, но и многие государства, зависимые от Вашингтона или его партнеров или просто признававшие ту платформу, которую американский империализм выдвигал в качестве общей основы. Этот альянс должен был стать не только орудием борьбы против Советского Союза, других стран социализма, средством жесткой политики «отбрасывания коммунизма», но и инструментом навязывания воли американских правящих кругов всей остальной части капиталистического мира.

В первые годы после второй мировой войны отмечал, выступая перед учеными Колумбийского университета в апреле 1978 г., помощник госсекретаря США Ч. Мейнз, американская мощь поднялась до беспрецедентных высот. «Некоторые, — говорил Мейнз, — называют этот период „золотым веком американской дипломатии“». Но это выражение не подходит. Это был не золотой век амери-

канской дипломатии, а опьяняющий век американского владычества. Задача американской внешней политики в то время состояла в основном в том, чтобы решать самим, как поступать, и в значительно меньшей степени в том, чтобы убеждать других делать так же, как мы. У наших друзей ввиду их слабости почти не было выбора. В тот период Америка достигла влияния в масштабе всей планеты, какого она никогда не видела раньше и какого, вероятно, ей никогда уже не придется увидеть в будущем»¹.

Конечно, характер деятельности правящих кругов США по созданию коалиций на протяжении послевоенного периода менялся. Сами эти объединения значительно эволюционировали (а некоторые просто распадались), иной становилась система взаимосвязей и взаимозависимостей входящих в них государств. Однако как способ создания политической силы этот курс не только сохраняется, но и активизируется в условиях ослабления собственных международных возможностей американского империализма. Рассматривая США как естественного лидера коалиции с подчиненными им державами, правительство Рейгана идет по стопам своих предшественников, полагая, что США вправе по своему усмотрению определять интересы коалиции и формировать ее внутренние политические отношения. Творцы политики в американском правительстве вновь подчеркивают уникальный глобальный характер американских интересов и решающую роль США в международной экономической системе как оправдание для американской гегемонии. «Как и прежние президенты, — отмечает профессор Университета Джона Гопкинса М. Харрисон, — Рейган пытается восстановить эту господствующую роль в момент, когда США остро чувствуют, что контроль ускользает от них»². Даллесовская пактомания, таким образом, не стала уделом прошлого. Ее сознательно гальванизируют в Вашингтоне в расчете на то, что военные блоки и двусторонние военно-политические союзы по-прежнему будут помогать США удерживать в фарватере своей политики значительное число капиталистических государств.

Другим направлением использования на мировой арене политической силы является деятельность правящих кругов США, нацеленная на ослабление, разделение тех, кого эти группировки рассматривают в качестве своих противников, прежде всего против социалистических стран. В самом деле, способность влиять на международной арене зависит не только от собственной силы, но и от противодействия другой стороны (сторон). Отсюда стремление разъединить государства, противостоящие политике Соединенных Штатов, ослабить сплоченность антиимпериалистических сил.

Начиная с 60-х годов это направление внешнеполитической дея-

¹ Department of State Bulletin, 1978, Sept., p. 48.

² Harrison M. Reagan's World.— Foreign Policy, 1981, Summer, p. 9.

тельности правящих кругов США становится для них все более важным. Вашингтон стремится не допустить нормализации советско-китайских отношений, проводит все более активную политику, нацеленную на разъединение СССР и стран Восточной Европы, на подрыв социалистического содружества, мирового коммунистического движения. Все больше усилий предпринимается для того, чтобы попытаться противопоставить развивающиеся государства Советскому Союзу, социалистическому содружеству, нейтрализовать антиимпериалистический характер движения неприсоединения, пытаюсь «погреть руки» на отдельных проблемах и трудностях, которые возникают в рамках мировой социалистической системы, в зоне развивающихся государств. Вашингтон своими действиями стремится создать условия, которые способствовали бы усугублению соответствующих проблем. В последние годы все чаще американское руководство обращается к еще одному традиционному внешнеполитическому инструменту — политике «баланса сил», рассматривая ее в качестве наиболее приемлемой для США замены политики одностороннего американского гегемонизма, на которую США ориентировались в 40-х и 50-х годах, но которая в настоящее время — несмотря на всю ее заманчивость для правящих кругов США — становится практически неосуществимой. Таким образом, третье направление дипломатии США предполагает ставку на максимизацию силы США в глобальном сообществе государств путем игры на механизме глобального «баланса сил».

Рассматривая структуру международных отношений с точки зрения взаимодействия различных «силовых центров», Вашингтон стремится вести дело таким образом, чтобы их внешнеполитическая активность была направлена друг против друга, а не против Соединенных Штатов, которые в этом случае становились бы в какой-то степени в положение арбитра. Прежде всего при этом преследуется цель предотвратить укрепление в структуре международных отношений той «силы», которая вот уже несколько десятилетий сковывает гегемонистские амбиции США.

Такой силой, как принято считать в руководящих сферах Америки, был и остается Советский Союз. Именно поэтому Соединенные Штаты не только пытались создать под своей эгидой глобальную коалицию, направленную против СССР, размыть единство социалистического содружества, но и совершенно определенно поддерживали процесс возникновения других «силовых центров», потенциально, по мнению Вашингтона, враждебных Советскому Союзу. Так, в первый послевоенный период американские правящие круги активно поддерживали экономическую интеграцию Западной Европы, которая, как они надеялись, быстро перейдет в политическую и военную, рассчитывая, что мощная в экономическом и военном отношении Западная Европа станет серьезным противовесом СССР, а США приобретут рычаги воздействия на политику обеих сторон. На это же была направлена и американская политика экономиче-

ского восстановления Японии, которую США все настойчивее подталкивают к возрождению ее военного потенциала.

Структура нынешнего международного «баланса сил» по-разному оценивается американскими экспертами. Одни считают, что он включает три «силовых центра» (США, СССР, КНР), другие — пять (США, СССР, КНР, Западная Европа, Япония). Третьи полагают, что современная структура международных отношений слишком сложна, чтобы всю ситуацию в мире рассматривать лишь с точки зрения взаимоотношений нескольких, хотя и крупных, держав (или их группировок). Тем не менее концепция «баланса сил» остается в арсенале дипломатии американского империализма.

Использование каналов международных организаций

Важным средством воздействия США на международную обстановку является их участие в международных политических, экономических и иных организациях. Помимо ООН, США состоят членом еще свыше 50 крупных межправительственных учреждений. В 1982 финансовом году на покрытие своих расходов в международных организациях американское правительство израсходовало 543,8 млн. долл. Уже одна эта сумма говорит о значении, которое придается Вашингтоном обеспечению влияния США на деятельность международных организаций.

Первостепенную роль в этом плане правительство США в течение всего послевоенного периода отводит деятельности в ООН. Практически с первых дней ее существования она рассматривается американскими правящими кругами прежде всего через призму приспособления деятельности ООН к реализации притязаний США на роль всемирного руководителя. Грубо поправ свои обязательства перед СССР относительно характера послевоенного сотрудничества и действуя вразрез с целями и принципами Устава ООН, Вашингтон делал все от него зависящее, чтобы превратить ООН в средство политической борьбы против Советского Союза, против прогрессивных политических и социальных преобразований на мировой арене.

При проведении этой линии США вначале опирались на американскую «машину голосования» — прочное большинство, которое страны Запада имели в ООН в течение примерно первых десяти лет с момента ее основания (из 51 государства, вошедшего в ООН в 1945 г., свыше $\frac{2}{3}$ приходилось на капиталистические страны Западной Европы, членов Британского содружества и послушные Вашингтону латиноамериканские режимы). Это позволяло США пускать в ход «машину голосования» каждый раз, когда им требовалось, чтобы Генеральная Ассамблея приняла то или иное решение. Явно преобладающие позиции были в то время у американцев и в Секретариате ООН, возглавлявшемся откровенным проамериканцем Тригве Ли. Взяв на себя почти половину расходов ООН

(47,5%), Вашингтон считал, что ООН во всем должна действовать по американской указке³.

Так, с помощью «плана Баруха» Вашингтон пытался закрепить через ООН американскую ядерную монополию. В 1950 г., воспользовавшись отсутствием представителя СССР в Совете Безопасности ООН, США добились резолюции, прикрывшей флагом ООН американскую военную интервенцию в Корею. США были одним из инициаторов использования «войск ООН» против правительства П. Лумумбы в Республике Конго и многих других акций, полностью расходившихся с действительными задачами ООН. Американское правительство не раз предпринимало попытки использовать ООН для прямого вмешательства во внутренние дела социалистических государств. Достаточно вспомнить в этой связи, как США навязывали обсуждение в ООН в 1948 г. «чехословацкого вопроса», в 1956 г. «венгерского вопроса» и другие подобные попытки ставить палки в колеса народам, выбравшим путь социализма⁴.

В 60-х годах с появлением в ООН большой группы государств, разорвавших путы колониальной зависимости, американская «машина голосования» стала давать перебои, а потом и вовсе развалилась. Все чаще США вместе со своими союзниками по НАТО оказываются в положении меньшинства по важнейшим вопросам, обсуждаемым в Генеральной Ассамблее и других органах ООН. Например, на XXXV ее сессии (1980—1981 гг.) было принято 105 резолюций по политическим вопросам и проблемам разоружения. Из них СССР голосовал за 91 резолюцию, воздержался по 8 и выступил против 6. США же голосовали всего за 44 резолюции, воздержались по 27 и проголосовали против 33. Таким образом, США не сочли для себя возможным поддержать больше половины резолюций, принятых на данной сессии Ассамблеи. Такая же картина наблюдалась и на последующих сессиях. В ряде случаев американская делегация оказывается теперь в полной изоляции, в одиночестве голосуя против принимаемых решений. Так, на XXXVII сессии Ассамблеи США в единственном числе голосовали против резолюции о запрещении химического оружия, ядерных испытаний, гонки вооружений в космосе.

В Совете Безопасности Вашингтон все чаще прибегает к использованию вето, например, чтобы не допустить применения санкций против Израиля и ЮАР в связи с совершаемыми ими актами вооруженной агрессии против соседних государств, блокировать возможности Совета Безопасности должным образом реагировать на вмеша-

³ К 1981 г. доля США в бюджете ООН снизилась до 25,6%, составляя в стоимостном выражении около 1 млрд. долл. См.: Department of State Bulletin, 1981, Febr., p. 60.

⁴ Подробнее о попытках США использовать ООН в своих интересах см.: Барышев А. П. Стратегия Белого дома и ООН. М.: Междунар. отношения, 1972; Дмитричев Т. Д. Многосторонняя дипломатия США. М.: Междунар. отношения, 1981.

тельство самих Соединенных Штатов в дела других государств. Одним из важнейших направлений политики США в ООН остается противодействие национально-освободительной борьбе народов, справедливым требованиям развивающихся государств в отношении установления нового экономического порядка.

Участие делегаций США в работе органов ООН зачастую подчинено сугубо деструктивным целям. Типичным примером может служить позиция США в Спецкомитете ООН по Индийскому океану, где все действия американской делегации направлены к одному — помешать реализации решения Генеральной Ассамблеи относительно превращения Индийского океана в зону мира. Сталкиваясь с растущими для себя трудностями при рассмотрении в ООН вопросов укрепления мира и международной безопасности, сдерживания гонки вооружений, Вашингтон вообще стремится к так называемой деполитизации ООН, старается увести ее работу в сторону от главных задач, которые она призвана решать.

Более сложным стало положение США и в ряде других международных организаций. В этой связи Вашингтон, отбрасывая дипломатию, использует тактику непокрытого давления, например в виде длительных задержек в уплате взносов. Так поступали США в отношении МОТ в 1970—1972 гг. в отместку за назначение советского представителя на один из руководящих постов в секретариате этой организации. В 1976 г., чтобы «наказать» МОТ за принятие прогрессивных рекомендаций по социальным и трудовым вопросам, США демонстративно вышли из ее состава. Убедившись, однако, что шантаж не помог, США вернулись в МОТ. В последние годы в Соединенных Штатах заметно усилилась критика в адрес ЮНЕСКО, особенно в связи с позицией, которую эта организация занимает в вопросах борьбы против расизма, сионизма, за укрепление возможностей освободившихся государств палаживать собственные средства массовой информации, независимые от телеграфных агентств и издательских монополий США и других капиталистических держав.

Вместе с тем нельзя недооценивать возможности, которыми все еще располагают Соединенные Штаты в международных организациях для воздействия через них на те или иные стороны международной ситуации или конкретные международные проблемы.

Работа по дипломатическим каналам

США обладают широкой сетью официальных американских представительств за рубежом. Их деятельность ориентирована на оказание широкого и многообразного воздействия в пользу США на правительство страны пребывания во всех сферах, которые в той или иной степени представляют интерес для Вашингтона. Известно множество примеров прямого вмешательства американских посольств во внутренние дела стран, где они аккредитованы, вплоть до суб-

сидирования и организации политических кампаний, заговоров, переворотов и т. п. С особой бесцеремонностью Вашингтон использует в этих целях свои дипломатические представительства в тех странах, которые зависят от США в экономическом, финансовом, продовольственном, военном или каком-либо другом отношении. Углубление зависимости от США — одна из главных задач, на реализацию которой направлены действия американских посольств и консульств.

Послевоенная дипломатическая практика США знает вместе с тем и ряд случаев, когда США демонстративно отказывались от установления дипломатических отношений или разрывали их в расчете повлиять на положение соответствующих государств. В течение 22 лет США не устанавливали дипломатических отношений с КНР, длительное время пытались игнорировать ГДР, в январе 1961 г. разорвали дипотношения с Кубой, упорно не хотят считаться с историческими переменами, происшедшими в жизни народов Индокитая и т. д.

Особой формой внешнеполитической деятельности является дипломатия на среднем и высшем уровнях — непосредственная работа с высокопоставленными представителями иностранных государств. Эта работа ведется Вашингтоном с большим размахом, чему способствует, в частности, нахождение в Нью-Йорке штаб-квартиры ООН и ее посещение, в частности во время сессий Генеральной Ассамблеи, главами иностранных государств и правительства, министрами иностранных дел и другими официальными лицами. Своего рода ритуалом стало посещение Вашингтона руководителями союзных, а также зависимых от США государств каждый раз, когда в Белом доме меняется хозяин. Например, за первые восемь месяцев нахождения на посту президента Дж. Форд встретился с 24 иностранными руководителями, в том числе с 19 из них в Вашингтоне. За такой же период Картер провел встречи с 48 руководителями, из которых 36 приезжали для этого в Вашингтон⁵. В свою очередь, и Вашингтон не пренебрегает возможностями использовать для укрепления своего влияния визиты за рубеж президента, вице-президента, госсекретаря, министра обороны и других официальных лиц. В целом интенсивность таких визитов, как правило, бывает довольно высокой. Дж. Ф. Даллес, например, за время пребывания на посту государственного секретаря посетил 60 стран. Значительную часть времени провел в зарубежных поездках Г. Киссинджер.

В последние десятилетия значительно расширилась дипломатическая деятельность президентов США, что отражает общее возрастание удельного веса внешней политики в государственных делах Соединенных Штатов. Контакты высокопоставленных американских должностных лиц с иностранными представителями могут иметь разные задачи. В одних случаях — это достижение конкретных дого-

⁵ U. S. News and World Report, 1977, Oct. 10, p. 24.

воренностей, фиксируемых в соглашениях, коммюнике или какой-либо иной форме, которую стороны сочтут целесообразной; в других — неформальное согласование политики в том или ином вопросе; в третьих — обмен мнениями по интересующим вопросам или просто общий «обзор горизонтов». Однако в любых из этих контактов в качестве обязательного элемента присутствует изложение — чаще всего в плане нажима на собеседника — американской точки зрения на международную обстановку или ситуацию в отдельных странах.

В последние годы повышенную активность приобрела «посредническая» деятельность Вашингтона. В дипломатическом обиходе в этой связи появилось даже новое понятие — «челночная дипломатия». Оно возникло в связи с действиями Киссинджера на Ближнем Востоке, когда он буквально сновал между Каиром, Тель-Авивом и некоторыми другими столицами, проталкивая американские планы. «Челночная дипломатия» Киссинджера вовсе не была беспристрастным посредничеством. Она направлена не на обеспечение справедливого урегулирования ближневосточного конфликта при уважении прав и интересов всех заинтересованных сторон, а, напротив, на раскол арабского мира, укрепление позиций США и Израиля на Ближнем Востоке.

26 марта 1979 г. в Белом доме в помпезной обстановке был подписан сепаратный египетско-израильский мирный договор. Это в значительной мере было обеспечено «челночной дипломатией», в которой принял личное участие президент Картер, вылетавший на Ближний Восток для «компромиссной утряски» завершающих деталей мирного договора. Последний, как известно, был выработан при его непосредственном участии в ходе встреч руководителей трех государств в загородной резиденции президента США — Кэмп-Дэвиде — в сентябре 1978 г. Кэмп-дэвидский сговор и челночные операции американских эмиссаров (до американо-израильско-египетской сделки и после нее) показали, что дипломатия США берет на свое вооружение и такой метод обеспечения американских интересов, как выступление непосредственно в качестве одного из участников (фактически главного) сепаратных договоренностей, притом открыто претендующего на положение арбитра.

Роль переговоров на высшем уровне с участием США зависит, естественно, от того, какие стороны представлены в данной встрече, от ее целей и конкретного содержания. Хорошо известно, какой весомый вклад в укрепление международной безопасности и развитие международного сотрудничества внесли четыре советско-американские встречи на высшем уровне 1972—1974 гг. Высокая оценка их эффективности и значения для дела разрядки и мира дана в Отчетных докладах ЦК КПСС съездам партии. В то же время встречи президента США с руководителями ведущих капиталистических держав американской стороне удается, как правило, исполь-

зовать для подстегивания гонки вооружений и нагнетания международной напряженности.

Новым элементом дипломатии на высшем уровне стали ежегодные встречи руководителей ведущих капиталистических государств по экономическим вопросам. Первая из них состоялась в Рамбуэе (Франция) в 1975 г. в составе руководителей США, ФРГ, Франции, Англии, Италии и Японии. Во всех последующих участвовал также премьер-министр Канады. Хотя официально встречи «семерки» посвящаются прежде всего обсуждению их собственных экономических взаимоотношений, фактически круг рассматриваемых на них вопросов значительно шире. И за этим стоит стремление Вашингтона использовать такие встречи для подтягивания союзников к своим позициям в вопросах борьбы против мирового социализма и национально-освободительных движений. Так, на встрече «семерки», состоявшейся в Оттаве в 1981 г., помимо экономических вопросов, обсуждались также отношения между Востоком и Западом, ближневосточная проблема, положение на Среднем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Особый упор президент Рейган сделал на том, чтобы склонить союзников к сокращению объема их экономических связей с Советским Союзом.

В американской печати в целом не склонны переоценивать эффективность встреч «семерки». «Пристальное рассмотрение итогов экономических встреч в верхах 70-х годов, — отмечал журнал „Форин полиси“, — выявляет бедность практических результатов по сравнению с обещаниями амбициозных коммюнике»⁶.

То, что «семерка» наиболее развитых капиталистических стран создала свой привилегированный клуб, в который не допускаются другие капиталистические страны, воспринимается последними как дискриминация. Аналогичные ощущения испытывают и те участники клуба, которые время от времени сами оказываются «за бортом» переговоров, когда собираются еще более узкие закрытые совещания капиталистической элиты. Примером может служить встреча Картера, Шмидта, Каллагэна и В. Жискара д'Эстэна в январе 1979 г. на о-ве Гваделупа. Как заявил представителям печати Картер, дискуссии на этой встрече были посвящены региональным и глобальным проблемам и положению в «потенциально горячих точках» планеты⁷ и, следовательно, тематика переговоров затрагивала интересы широкого круга государств.

В поддержании контактов между руководителями США и их союзниками значительную роль играют телефонные переговоры и личная переписка. Белый дом охотно прибегает к этим каналам воздействия, не стесняя себя непререкаемым соблюдением дипломатического этикета. Например, летом 1980 г. перед поездкой Г. Шмидта в Советский Союз Картер направил в адрес канцлера письмо со вся-

⁶ *Schaetzel J. R., Malmgren H. B. Talking Heads.* — *Foreign Policy*, 1980, Summer, p. 135.

⁷ *Department of State Bulletin*, 1979, Febr., p. 37.

кого рода предупреждениями. Как отмечала западная печать, письмо было составлено в резком, даже оскорбительном, тоне. Грубые окрики в адрес ближайших союзников США — явление, далеко не редкое в современной дипломатической практике Вашингтона.

Воздействие через официальные заявления и средства пропаганды

К применяемым США внешнеполитическим средствам воздействия на международную обстановку относятся и открытое изложение точки зрения правительства США на события в мире, обстановку в конкретных странах и районах, заявления, объясняющие и обосновывающие цели и намерения Вашингтона на международной арене. Эта форма внешнеполитического воздействия получила в США, пожалуй, большее развитие, чем в какой-либо другой капиталистической стране. Практически не проходит недели без одного или нескольких заявлений высокопоставленных американских должностных лиц по вопросам внешней политики. Многообразны и сами формы таких заявлений — пресс-конференции, интервью органам печати, выступления в теле- и радиопрограммах, речи на различных общественных мероприятиях, в университетах, клубах бизнесменов и т. д. Весьма часты и выступления руководителей госдепартамента в различных комиссиях и подкомиссиях конгресса, а ежедневные встречи с представителями печати пресс-секретарей Белого дома и госдепартамента позволяют оперативно продвигать в средства массовой информации нужные правительству США версии.

К подобного рода средствам относятся традиционные послания президента конгрессу «О положении страны», специальные послания по внешнеполитическим вопросам, которые Белый дом направляет в Капитолий по собственной инициативе или в силу требований того или иного закона.

Воздействию на международную обстановку служит и такое специфически американское явление, как внешнеполитические доктрины. Прокламируемая в них официальная политика Вашингтона в отношении конкретных стран или районов позволяет США под видом предуведомления других государств о политике Вашингтона на том или ином направлении, о вероятных действиях США при наступлении определенных обстоятельств оказывать на соответствующие государства и регионы. В послевоенных внешнеполитических доктринах Трумэна, Эйзенхауэра, Джонсона, Никсона и других нашла концентрированное выражение агрессивная природа внешнеполитических устремлений американского империализма. Не является в этом смысле исключением и «доктрина Картера» в отношении района Персидского залива⁸.

⁸ Подробнее см.: Петровский В. Ф. Доктрина «национальной безопасности» в глобальной стратегии США. М.: Междунар. отношения, 1980; Мельников Ю. М. От Потсдама к Гуаму. М.: Политиздат, 1974.

В официальном Вашингтоне и в работах американских авторов имеет хождение термин «публичная дипломатия». «Публичная дипломатия — распространение за границей американских идей, — писал в журнале „Форин афферс“ Кеннет Эдельман, назначенный в то время Рейганом на пост заместителя постоянного представителя США при ООН (а позже ставший директором Агентства по контролю над вооружениями и разоружению), — может стать самой быстро растущей индустрией Вашингтона»⁹. Стремясь показать преимущества «публичной дипломатии» перед «традиционной», Эдельман подчеркивал: «Традиционная дипломатия ведется скрыто и спокойно, тогда как публичная дипломатия является открытой и может быть шумно-крикливой. Традиционная дипломатия стремится избегать споров, чтобы смягчить расхождения, а публичная дипломатия стремится вывить и стимулировать споры»¹⁰. Руководствуясь таким подходом, Вашингтон осуществляет наращивание финансовой поддержки подрывным радиостанциям «Свобода», «Свободная Европа», а также «Голосу Америки».

Пропагандой и разъяснением американской внешней политики и интерпретацией в нужном Вашингтону духе внешней политики иностранных государств занимаются не только пресловутые «голоса» и другие пропагандистско-подрывные учреждения США, но и непосредственно сам госдепартамент. Ежегодно им издается свыше 300 различных публикаций общим тиражом более 5 млн. экземпляров¹¹.

В 1983 г. Совет национальной безопасности США издал специальную директиву относительно «публичной дипломатии», придав ей функции, которые открыто ориентированы на расширение вмешательства США во внутренние дела других государств, прежде всего развивающихся. К категории «публичной дипломатии» администрация Рейгана официально отнесла действия по американско-коммунистическому проникновению в органы власти, политические партии, профсоюзы, деловые круги, религиозные организации иностранных государств. Для обеспечения такой «публичной дипломатии» в США создан специальный координационный центр во главе с помощником президента, выделяются ассигнования в десятки миллионов долларов.

Наряду с официальной дипломатией, т. е. акциями по линии Белого дома, госдепартаamenta, посольств и т. д., а также упомянутой «публичной дипломатией» все более широкое применение в качестве средств воздействия на другие государства получают в США различные иные квазидипломатические методы. В первую очередь в этой связи можно говорить о зарубежных миссиях членов палаты

⁹ *Adelman K. L. Speaking of America: Public Diplomacy in Our Time.*— Foreign Affairs, 1981, Spring, p. 913.

¹⁰ *Ibid.*, p. 934.

¹¹ *Department of State Today. United States Department of State Bureau of Public Affairs.* Wash.: U. S. GPO, 1981, p. 2, 4.

представителей и сената американского конгресса. Ежегодно совершаются десятки таких вояжей в страны всех континентов. Как правило, конгрессистские делегации принимаются на довольно высоком уровне, причем сами делегации, руководствуясь согласованными с Белым домом или госдепартаментом установками, выступают в большинстве случаев как активные проводники американской внешнеполитической стратегии. Нередко визиты сенаторов или конгрессменов организуются, чтобы подготовить почву для последующих акций по правительственной линии. По тому, какие столицы чаще становятся местом притяжения конгрессистских делегаций, можно судить и о внешнеполитических приоритетах Вашингтона. Так, на рубеже 70—80-х годов обратили на себя внимание резко участвовавшие визиты деятелей Капитолия в Пекин. Всего за два года (1979 и 1980) Китай посетило пять делегаций сената, десять делегаций палаты представителей и пятнадцать делегаций на уровне штатов во главе с губернаторами. Весьма распространена практика «частных» визитов за рубеж и влиятельных американских политических деятелей. Бывшие президенты США, вице-президенты, государственные секретари, министры обороны, помощники по вопросам национальной безопасности при поездках за границу нередко выполняют правительственные поручения. Но и при отсутствии прямых поручений их зарубежные встречи и контакты служат интересам продвижения долгосрочных целей американской внешней политики.

В опубликованном в США исследовании, посвященном «неофициальной дипломатии», отмечается ее пополнение новыми формами¹². Одной из них авторы исследования считают деятельность Тройственной комиссии, созданной в 1973 г. по инициативе Д. Рокфеллера, поддержавшего идею Э. Бжезинского, из представителей общественных, научных и деловых кругов США, Западной Европы и Японии. Главная задача комиссии — разработка предложений по сплочению капиталистического мира вокруг Соединенных Штатов, укреплению классовой солидарности капиталистических держав.

Специфика подхода США к переговорам как внешнеполитическому инструменту

Существующее в современной системе международных отношений многообразие форм общения между государствами открывает перед дипломатией США широкие возможности для использования такого рычага воздействия на международные дела, как переговоры.

После второй мировой войны в США появился ряд исследований, претендующих на теоретическую разработку вопросов международных переговоров — их природы, целей, тактики проведения и т. д. Наибольшую известность приобрели работы в этой области

¹² См.: *Unofficial Diplomacy* / Ed. M. Berman, J. Jonson. N. Y.: Columbia University Press, 1977.

Томаса Шеллинга и Фреда Икле¹³. Прежде всего обращает на себя внимание стремление авторов дать трактовку переговорам, оправдывающую методы, к которым прибегает американская дипломатия. Переговоры рассматриваются не как форма международного сотрудничества, признанная обеспечить достижение конкретных позитивных результатов в интересах упрочения мира и безопасности народов, укрепления взаимопонимания и доверия. Напротив, они подчеркнута тракуются как политический торг, в ходе которого якобы оправданы любые приемы, позволяющие участнику переговоров пытаться обеспечить себе выигрыш за счет другой стороны или сторон. Шеллинг, в частности, пишет, что на переговорах подчас «нужно быть грубым, нарушать правила, действовать неожиданно, шокировать, изумлять и хитрить», демонстрировать наступательность», «проявлять враждебность», «отбрасывать этикет и традиции», «настаивать на новых правилах игры» и т. п.¹⁴

В американской теории и практике переговоров особый упор делается на то, что Соединенные Штаты должны вести переговоры не иначе как «с позиций силы». Эта установка прослеживается в первую очередь в подходе американских правящих кругов к переговорам с Советским Союзом, в частности, по вопросам, затрагивающим военные потенциалы СССР и США (проблемы ограничения и сокращения стратегических вооружений, ядерных вооружений в Европе, сокращения вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе и др.).

Широкое хождение в США имеет концепция так называемых «козырей для торга» — уловка, используемая Пентагоном для оправдания гонки вооружений, создания все новых и новых видов и систем оружия будто бы только для того, чтобы усилить позиции США на переговорах с СССР и тем самым обеспечить им «успех». Именно в этом духе неоднократно высказывались министр обороны США К. Уайнбергер, глава американской делегации на переговорах по ограничению стратегических вооружений генерал Э. Роуни и другие высокопоставленные представители администрации Рейгана.

Но у концепции «козырей для торга» есть не только апологеты. Еще в 1973 г. бывший министр обороны К. Клиффорд, сенатор Фулбрайт, адмирал Ля Рок выступили против осложнения переговоров по стратегическим вооружениям за счет создания систем вооружений, предназначенных якобы для того, чтобы на переговорах потребовать у другой стороны реальных уступок в обмен на отказ от этих систем. Они подчеркивали, что стоит Пентагону получить в свои руки новую систему оружия, как он уже не склонен будет рассматривать ее как нечто такое, без чего он согласен обходиться. То обстоятельство, что наращивание Соединенными Штатами воору-

¹³ См.: Schelling T. C. *The Strategy of Conflict*. L.: Oxford University Press, 1970; *Idem. Arms and Influence*. New Haven; London: Yale University Press, 1968; Ikle F. Ch. *How Nations Negotiate*. Millwood (N. Y.): Harper and Row, 1976.

¹⁴ Schelling T. C. *Arms and Influence*, p. 150—151.

жений не облегчает, а осложняет переговоры, отмечают и такие специалисты, как М. Шульман, Г. Сквилл, Дж. Ратженс.

Другой прием, к которому американская дипломатия часто пытается прибегать на переговорах, — метод так называемого «увязывания», т. е. искусственного сцепления обсуждаемого вопроса с другой проблемой, которая не имеет отношения к предмету переговоров. Обычно «увязывание» делается либо в расчете на то, что заинтересованность в положительном исходе переговоров побудит другую сторону пойти на уступку в вопросе, который США «увязывают» с переговорами, либо для того, чтобы намеренно осложнить сам ход переговоров, если США не особенно заинтересованы в решении обсуждаемой на них основной проблемы. Иногда же в порядке «увязывания» то или иное требование по постороннему для переговоров вопросу предъявляется просто в надежде получить важную уступку в обмен на то, что выдвигаемое требование будет снято. Такую тактику даже сами американские теоретики называют вымогательской. В сущности, метод «увязывания» — одна из ипостасей американской политики «с позиции силы», результат бытующих в Америке представлений, будто другие государства якобы больше заинтересованы в соглашениях, чем США.

Метод «увязывания» открыто взят на вооружение и администрацией Рейгана. Об этом заявлял как сам президент, так и его первый госсекретарь Хейг, который в речи в Нью-Йорке 14 июня 1981 г. даже возвел «увязывание» в принцип «подхода к контролю над вооружением».

Особенно широко метод «увязывания» американская дипломатия применяет в отношениях со странами, которые испытывают определенную зависимость от американской помощи. Ее предоставление Вашингтон обычно прямо или косвенно обставляет различного рода условиями политического, экономического или военного характера.

Правительство США неоднократно пыталось прибегать к методу «увязывания» и в отношениях с Советским Союзом. Еще в апреле 1945 г. государственный секретарь Стеттиниус предпринял попытку обусловить возможность экономической помощи Советскому Союзу тем, какую линию СССР будет проводить на конференции в Сан-Франциско по выработке Устава ООН. Последующие администрации в тех или иных обстоятельствах создавали свои «увязки», которые, естественно, не способствовали ни решению вопросов, ни улучшению атмосферы в советско-американских отношениях.

Для воздействия на ход переговоров Вашингтон, когда ему выгодно, прибегает к такому приему, как намеренное просачивание сведений о них в американскую печать. Направляя соответствующую реакцию средств массовой информации, американская сторона таким путем стремится подкрепить свои позиции на переговорах ссылками на общественное мнение. С подобными же целями американская дипломатия нередко манипулирует и таким «козырем», как мнение влиятельных сенаторов и конгрессменов, комиссий и под-

комиссий сената и палаты представителей или палат в целом. Эти случаи, понятно, следует отличать от ситуаций, когда те или иные органы конгресса действуют по собственной инициативе, пытаясь оказать влияние на ход переговоров. Но гораздо чаще Белый дом и Капитолий действуют в отношении переговоров как партнеры, каждый из которых разыгрывает определенную, заранее согласованную роль.

Не раз с помощью Капитолия правительство США «подправляло» к выгоде США результаты уже закончившихся переговоров. Примером может служить эпизод, связанный с ратификацией Сан-Францисского мирного договора с Японией. Когда этот договор был подписан и должна была начаться процедура его ратификации, в Вашингтоне решили, что имеется возможность использовать заинтересованность тогдашних японских правящих кругов в договоре, чтобы получить от них дополнительные политические обязательства. С этой целью было срочно подготовлено обращение группы сенаторов к президенту США (всего под письмом было 56 подписей). Смысл его состоял в том, что данные сенаторы не смогут-де поддержать Сан-Францисский договор, если правительство Японии дополнительно не даст обязательства не устанавливать дипломатических отношений с КНР и не подписывать с ней мирного договора. Спустя месяц после появления этого письма сенаторы Спаркмен и Смит в сопровождении Дж. Ф. Даллеса отправились в Японию, где и изложили указанные требования премьер-министру Иосида. Премьер пытался ограничиться устными заверениями, но американской стороне это показалось недостаточным, и она настояла, чтобы заверения были даны письменно.

Имеются и чисто американские приемы, резко расходящиеся с общепринятой международной практикой, например внесение сенатом поправок в тексты уже подписанных договоров и соглашений. Именно так поступил сенат в 1978 г. при рассмотрении договоров о Панамском канале, когда внес поправки, существенно ущемляющие суверенитет Панамы (одна из них предусматривает возможность вооруженного вмешательства США под предлогом «обороны канала» после того, как в 2000 г. он перейдет под контроль панамского правительства). Иногда для того, чтобы оправдать жесткость американской администрации на тех или иных переговорах, в Америке специально организуются кампании «общественных» протестов против участия в них Соединенных Штатов. Такие кампании, в частности, проводились в ходе американо-панамских переговоров о режиме канала.

Большой непоследовательностью и противоречивостью отличается отношение США к переговорам с Советским Союзом. Период «холодной войны» в целом прошел под знаком установок Дж. Ф. Даллеса, исходившего из нежелательности какого бы то ни было диалога с СССР. В тех же редких случаях, когда США и их союзники в силу тех или иных причин шли на совместные совещания с СССР,

усилия Вашингтона были направлены отнюдь не на поиск сбалансированных компромиссных решений, а сводились либо к попыткам навязывать Советскому Союзу неприемлемые для него условия, либо к пропагандистским мероприятиям, подчиненным задаче «доказать» невозможность результативного диалога с Москвой. Жизнь опрокинула такой подход. Сам Даллес в конце своей карьеры был вынужден признать бесперспективность политики, ориентированной на решение международных проблем в обход СССР и вопреки его интересам. Но потребовались еще годы, чтобы в Вашингтоне созрели предпосылки для перехода от «эры конфронтации» к «эре переговоров». Первая половина 70-х годов ознаменовалась серьезным положительным сдвигом в советско-американских отношениях, в достижении которого контакты, встречи и переговоры сыграли исключительно важную роль. Их обобщающий итог — не только годы разрядки напряженности, но и предоставление убедительных доказательств того, что с помощью переговоров, если они основаны на принципах равенства и одинаковой безопасности, можно успешно решать самые сложные проблемы современности.

Навязанный консервативными кругами США возврат в американской внешней политике к курсу на конфронтацию самым отрицательным образом отразился на роли и месте переговоров в американском дипломатическом арсенале, на судьбе конкретных переговоров, которые США вели с Советским Союзом по ряду важных вопросов.

Конец 70-х годов дал не один пример ненадежности и даже вероломства США как партнера по переговорам. Характерны в этом плане длительные советско-американские контакты по ближневосточному урегулированию в 1973—1977 гг., приведшие, наконец, к такому значительному и обнадеживающему шагу, как совместное советско-американское заявление по Ближнему Востоку от 1 октября 1977 г. В нем подчеркивалось, что урегулирование ближневосточного конфликта «должно быть всеобъемлющим, охватывающим все заинтересованные стороны и все вопросы», и прямо указывалось: «Советская и американская стороны считают, что единственно правильным и эффективным путем для обеспечения кардинального решения всех аспектов ближневосточной проблемы в комплексе являются переговоры в рамках специально созванной для этих целей Женевской мирной конференции при участии в ее работе представителей всех вовлеченных в конфликт сторон, в том числе палестинского народа, и договорно-правовое оформление достигнутых на конференции решений»¹⁵. Но не прошло и нескольких недель, как правительство США вразрез с достигнутой договоренностью круто повернуло курс в сторону сепаратных сделок, приведших к камп-дэвидскому стовору.

Другой пример — переговоры по уменьшению военной активно-

¹⁵ Правда, 1977, 2 окт.

сти в зоне Индийского океана. Они были прерваны Вашингтоном в феврале 1978 г., когда была пройдена добрая половина пути к достижению договоренности. Вместо того чтобы вести дело дальше — к замораживанию, а затем и снижению на взаимной основе присутствия американских и советских военных кораблей в Индийском океане, США резко изменили линию поведения. Они уклонились от продолжения переговоров и начали лихорадочно вводить в Индийский океан десятки военных кораблей, в том числе ударные авианосцы.

Радикальный поворот совершила политика Вашингтона и в вопросе ограничения продажи и поставок обычных вооружений. Вступив на президентский пост, Дж. Картер заявил, что он — за достижение международных договоренностей, которые позволили бы остановить безудержный рост торговли оружием. Первые советско-американские контакты по этому вопросу относятся к декабрю 1977 г. В следующем, 1978 г. состоялись три раунда переговоров, на каждом из которых дело, хотя и не без трудностей, продвигалось вперед. Но затем в Вашингтоне верх взяла точка зрения тех, кто считает, что США не должны связывать себя никакими ограничениями в поставках оружия своим клиентам. США отказались от продолжения переговоров, а кривая экспорта американского оружия вновь круто пошла вверх.

Не менее показательна и судьба советско-американских переговоров по антиспутниковым системам. Начатые в 1978 г., они были также прерваны Вашингтоном, который решил сделать ставку на милитаризацию космоса.

Проявлением вопиющего неуважения к переговорам и достигнутым договоренностям стал отказ Вашингтона от Договора ОСВ-2, подписанного на высшем уровне 18 июня 1979 г. Этот договор разрабатывался в течение семи лет при трех американских администрациях (Никсона, Форда и Картера). Уклонение США от ратификации договора наглядно иллюстрирует ненадежность США как партнера по переговорам.

США и многосторонняя дипломатия

Ненадежность характеризует отношение Вашингтона не только к двусторонним, но и к многосторонним переговорам. Пример тому — действия США на Конференции ООН по морскому праву. К концу 1980 г. ценой многолетних усилий удалось подготовить обстоятельный, сбалансированный документ — Проект международной конвенции по морскому праву. Однако новая администрация США сочла себя свободной от тех договоренностей, которые были достигнуты конференцией при участии и с согласия официальной делегации США. В 1981 г. Вашингтон фактически сорвал работу весенней сессии этой конференции и пытался заблокировать работу летней сессии, настаивая, чтобы были заново пересмотрены все положения

проекта конвенции, которые по тем или иным причинам не нравились новому американскому правительству. Бесцеремонность поведения Вашингтона наглядно продемонстрировала, что ради корыстных интересов нескольких американских монополий Вашингтон пренебрегает интересами всего мирового сообщества. Конференция закономерно отвергла домогательства США и приняла Конвенцию по морскому праву, которая затем была подписана подавляющим большинством государств.

Вместе с тем США не могут полностью игнорировать заметно активизировавшуюся международную нормоустановительную деятельность. Как правило, они предпочитают не оставаться в стороне от конференций, конгрессов и других межправительственных форумов с тем, чтобы иметь возможность оказывать влияние на ход и результаты их работы¹⁶. По данным журнала «Форин полиси», число международных конференций, в которых США официально участвовали, поднялось со 141 в 1946 г. до 308 в 1956 г., с 625 в 1966 г. до 817 в 1975 г.¹⁷ В последующем число конференций, на которых США представлены на уровне госдепартамента, стало превышать 900 в год.

Рост числа суверенных государств привел, по мнению профессора Гарвардского университета С. Хоффмана, к усилению акцента на многостороннюю дипломатию и позволяет новым государствам, несмотря на их слабость, «создавать коалиции, тормозящие использование американской мощи, особенно в тех областях, где обращение к силе почему-либо затруднено»¹⁸. В этой связи американские ученые советуют своему правительству «играть в политику торга». «Отвергать с хода требования, — пишет Хоффман, — наивернейший путь усиливать идеологическую солидарность и предоставлять нашему главному противнику превосходные возможности за наш же счет. Декларирование готовности иметь дело с нашими оппонентами по конкретным вопросам будет выявлять глубокие конфликты их интересов и позволить нам эксплуатировать наше величайшее преимущество — заинтересованность других государств в американском „ноу-хау“ в ресурсах». «Даже в традиционных областях, — отмечает далее Хоффман, — можно добиться большего с помощью надлежащих форм торга, чем просто угрозами и санкциями». Хоффман выступает за то, чтобы США на международных конференциях еще активнее формировали свои собственные коалиции для более эффективного участия в таком торге»¹⁹.

¹⁶ Подробнее о подходе Вашингтона к конференциям и многосторонним переговорам см.: *Дмитричев Т. Д.* Указ. соч.

¹⁷ *Nye J. S. Jr.* Independence and Interdependence.— *Foreign Policy*, 1976, Spring, p. 145.

¹⁸ *Hoffman S.* The Uses of American Power.— *Foreign Affairs*, 1977, Oct., p. 27.

¹⁹ *Ibid.*, p. 40—41.

* * *

Располагая широким диапазоном дипломатических средств влияния на международную обстановку, Вашингтон пользуется практически каждым из них. Вместе с тем степень задействования того или иного средства может испытывать колебания, порой даже значительные. Пример тому — резкое ослабление использования такого инструмента, как переговоры, применительно к области советско-американских отношений в конце 70-х — начале 80-х годов при одновременном возрастании упора в американской политике на силовое давление.

Для американских политических деятелей и ученых, занимающихся вопросами внешней политики, характерно установление теснейшей связи между дипломатией и возможностями опираться дипломатию на вооруженную силу и экономическую мощь. В представлении Вашингтона, чем выше уровень вооруженной силы и экономической мощи, тем будто бы шире и поле деятельности дипломатии, больше ее эффективность. История, однако, не подтверждает подобные выводы. Более того, она зафиксировала иную закономерность. То американское явление, которое сенатор Фулбрайт метко назвал «самонадеянностью силы», фактически поставило в годы «холодной войны» американскую дипломатию не у дел. Гегемонистский шовинистический угар, охвативший правящие круги США в начале 80-х годов, вновь сузил сферу применения Вашингтоном средств собственно дипломатии, особенно в области взаимоотношений с социалистическими странами. Однако, как неоднократно подчеркивалось со стороны Советского Союза, ни одна из существующих в мире серьезных проблем не поддается решению «с позиции силы», путем бряцания оружием и гонки вооружений.

Политика, базирующаяся на стремлении достичь военного превосходства над СССР, бесперспективна, она лишь усиливает угрозу войны. Подчеркивая незыблемость миролюбивого ленинского курса нашей страны на международной арене, Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко заявил: «Нам не требуется военное превосходство, мы не намерены диктовать другим свою волю, но сломать достигнутое военное равновесие мы не позволим»²⁰.

Давая отпор приемам и методам силовой дипломатии Вашингтона, социалистические страны противопоставляют ей свою дипломатию — мира и честных переговоров на основе принципов равенства, одинаковой безопасности и невмешательства во внутренние дела. При этом социалистические государства исходят из твердой убежденности в том, что «нет таких проблем, общемировых или региональных, которые не могли бы быть справедливо решены мирными средствами»²¹.

²⁰ Правда, 1984, 14 февр.

²¹ Политическая декларация Пражского совещания государств — участников Варшавского Договора. — Правда, 1983, 7 янв.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРОПАГАНДА НА СЛУЖБЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Одной из четко выявившихся тенденций современных международных отношений является возрастание роли идеологической борьбы. Это объективная закономерность в мире, где различные социальные системы базируются на разных идеологиях. Вполне понятно, что среди существующих внешнеполитических инструментов идеологические занимают особое и всевозрастающее по важности место. Планируя ту или иную внешнеполитическую акцию, американское руководство обязательно предусматривает проведение определенных идеологических, пропагандистских мероприятий, призванных содействовать ее успеху. Более того, оно стремится предвидеть соответствующие морально-политические последствия как для США, так и для их идеологических противников. В специальном исследовании, проведенном в свое время Координационным комитетом республиканской партии США с целью выработки ее программы, указывалось, в частности, что в наше время «психологические операции по своему значению все более приравниваются к традиционным инструментам внешней политики — дипломатическим, экономическим, военным»¹.

Идеологическая борьба и внешняя политика

Одним из решающих факторов, обусловивших возрастание значимости идеологических инструментов в международных отношениях, является усиление влияния широких масс на ход событий, происходящих в каждой стране и во всем мире. Правящий класс США уже не может реализовывать свои интересы на международной арене, не добываясь — хотя бы чисто формально — поддержки общественного мнения. Поэтому правящие круги США вынуждены постоянно предпринимать интенсивные усилия для того, чтобы обрабатывать широкую общественность как внутри страны, так и за рубежом в нужном для себя направлении.

В то же время внешняя политика различных государств (и США не являются здесь исключением) и развитие международных отношений в целом в современных условиях все в большей степени влияют на положение широких слоев населения, более того — на судьбы всего человечества, включая проблему его существования вообще. Подобная ситуация порождает усиливающееся стремление народных масс к тому, чтобы те или иные важные внешнеполити-

¹ Choice for America. Republican Answers to the Challenge of Now. Reports of the Republican Coordinating Committee 1965—1969. Wash.: National Committee of the Republican Party, 1968, p. 398.

ческие вопросы решались с учетом их коренных интересов. С этой целью они прибегают в ряде случаев к решительным действиям (типичный пример такого рода действий — антивоенное движение в США в конце 60-х — начале 70-х гг. за прекращение «грязной войны» против народов Индокитая, антиракетное движение в Западной Европе и в самих США, направленное против милитаристской политики Вашингтона). Все это порождает у американской правящей верхушки стремление оказать влияние на общественность, на настроения широких масс, направить их в русло своих устремлений на международной арене и использовать это в ущерб своим оппонентам. В таких условиях американский империализм не может открыто провозглашать свои подлинные цели, он постоянно сталкивается со всевозрастающей непопулярностью своих международных акций. Поэтому он вынужден создавать целую систему идеологических мифов, прикрывающих действительный смысл его внешнеполитической деятельности. Правящему классу США необходим специальный механизм для повседневной, целенаправленной, широкомасштабной обработки общественного мнения, послушно выполняющий его социальный заказ. В. И. Ленин писал, что монополистическая буржуазия не может обойтись без масс, а массы она не в состоянии вести за собой «без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглирования модными и популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ...»².

Уже одно это увеличивает значение идеологического фактора в современных международных отношениях. Но важно учитывать и другое. Все пропагандистские мотивации, выдвигаемые для обоснования и оправдания американской внешней политики, являются, во-первых, классовыми и, во-вторых, как правило, они весьма далеки от действительных намерений правящих кругов США. А это неизбежно порождает критическое к ним отношение со стороны широкой общественности в Соединенных Штатах и народов других стран. В то же время государства, противодействующие американскому гегемонизму, в первую очередь социалистические, используют имеющиеся в их распоряжении средства массовой информации для разоблачения истинных намерений американской правящей группировки и господствующего класса США в целом. Это противоборство в сфере пропаганды, являющееся выражением и отражением социального, политического противоборства, еще более повышает значение идеологического фактора в международных отношениях.

Следует принять во внимание и еще одно важное обстоятельство. В долгосрочном плане в условиях ядерного противостояния наблюдается тенденция смещения главных акцентов противоборства на международной арене, особенно между государствами двух про-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 176.

тивоположных социально-экономических систем, в невоенные сферы — экономическую, научно-техническую, политическую, идеологическую. И в этом плане внешнеполитическая пропаганда на зарубежные страны занимает все более важное место в инструментарии внешней политики США. Именно этим в значительной степени объясняется тот факт, что американские буржуазные деятели, твердившие в 60-х годах о необходимости «деидеологизации» внешней политики, сегодня все охотнее прибегают к морально-психологическим способам воздействия на своих противников. Кампания в «защиту прав человека», развернутая правящими кругами США во второй половине 70-х годов, и рейгановская «Программа демократии и публичной дипломатии» вполне укладываются в эту схему.

Существует, наконец, ряд специфических факторов, усиливающих внимание широких слоев населения к идеологической стороне международных отношений. Можно отметить периоды возрастания интереса американской общественности к моральным аспектам внешнеполитической деятельности некоторых государственных учреждений США. Преступная авантюра американских правящих кругов во Вьетнаме, аморальные операции ЦРУ за границей, в том числе по подготовке государственных переворотов, убийства ряда зарубежных политических деятелей, все большее вторжение спецслужб в личную жизнь граждан в самих США, незаконная деятельность американских транснациональных корпораций в других государствах (ИТТ в Чили, «Локхид» в Японии, ФРГ, Италии, и т. д.) — все эти и подобные им акции поставили перед широкой общественностью страны вопрос о моральных ценностях внешней политики США, об ее идеалах, мотивах, устремлениях, методах ее осуществления и т. д.

Развернувшиеся по этому поводу в США дискуссии также способствовали усилению роли идеологического фактора во внешней политике. Были приняты дополнительные усилия по разработке пропагандистских стереотипов, обеляющих внешнюю политику правящего класса США, изображающих буржуазные «моральные ценности» в качестве неких универсальных, вневременных формул, которыми должны руководствоваться все «демократические общества», и т. п. Приспосабливая свой инструментарий к усложняющимся условиям классовой борьбы на международной арене, американские идеологи стремятся направить общественное мнение в направлении антикоммунизма и антисоветизма, используя соответствующие мифы, софизмы и стереотипы для дискредитации не только социализма, но и всех прогрессивных и миролюбивых сил, принципов мирного сосуществования и разрядки. А это опять-таки ведет к возрастанию значимости идеологических и пропагандистских инструментов в системе взаимоотношений США с окружающим их миром.

Развивая инструментарий внешнеполитической пропаганды, стремясь повысить ее гибкость, изощренность, доходчивость до раз-

личных категорий населения, американские теоретики в то же самое время пытаются дискредитировать при этом сам термин «пропаганда», превращая это понятие в стереотип, которым они описывают «манипулирование массовым сознанием», якобы осуществляемое социалистическими государствами. «В современных демократиях, — утверждает американский социолог У. Олбит, — пропаганда стала унижительным эпитетом, используемым как обвинение по адресу противостоящих взглядов и групп»³. Свою же собственную буржуазную пропаганду они облачают в невинно-нейтральный покров «информации», подачи «мировых новостей» и их «непредвзятого комментирования», — якобы объективного, независимого от социального заказа всевластных монополий.

Учитывая, что средства массовой информации превратились в важнейший инструмент политического воздействия на широкие слои общественности, в том числе и за пределами страны, американское государство частично берет их в той или иной форме под свой контроль. Иными словами, создается государственная «идеологическая» (пропагандистская) индустрия, расширяется организационно-управленческая деятельность государства в сфере духовного производства, особенно экспортируемого за рубеж. Главные усилия правящего класса США сосредоточиваются на создании обширного пропагандистского механизма, способного оказывать массированное давление на американское и международное общественное мнение.

Государственный аппарат на службе внешнеполитической пропаганды

Мощные телеграфные агентства, телевидение, радиостанции, филантропические фонды, принадлежащие частному капиталу, в сочетании с многочисленными антикоммунистическими научно-исследовательскими центрами, а также специализированными военными и правительственными службами составляют гигантскую пропагандистскую машину Соединенных Штатов, силами которой, как подчеркивалось на Международном совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г., «ежечасно, и днем и ночью трудовой народ почти всего земного шара подвергается в той или иной мере воздействию буржуазной пропаганды, буржуазной идеологии»⁴.

В структуре органов и учреждений США, оказывающих большое влияние на «окраску» внешнеполитической информации, значительную роль играет Белый дом, имеющий для этих целей несколько десятков сотрудников. Последние периодически разрабатывают и распространяют пресс-бюллетени по разным международным проблемам, определяют линию пропаганды, осуществляют мероприятия по созданию соответствующего «имэджа» самого президента. Они

³ The Encyclopedia Americana. N. Y.: Americana Corp., 1972, vol. 22, p. 658.

⁴ Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Докум. и материалы. М.: Политиздат, 1969, с. 78.

снабжают органы массовых коммуникаций письменными материалами, систематически обсуждают с представителями других ведомств намечаемые мероприятия на международной арене.

Важное место во внешнеполитической пропаганде отводится государственному департаменту США, который через Управление по связям с общественностью и Управление разведки и исследований ведет активную работу с представителями академических кругов, с аккредитованными в США иностранными корреспондентами и т. д. Сотрудники государственного департамента принимают участие в подготовке публичных выступлений президента, госсекретаря, других американских руководителей. Государственный департамент фактически направляет деятельность Информационного агентства США (ЮСИА) по вопросам ведения идеологической борьбы на международной арене.

Ежедневные брифинги для органов массовой информации, проводимые пресс-секретарями Белого дома, госдепартамента и Пентагона, фактически задают тон выступлений политических комментаторов и редакционных статей ведущих американских газет, а также передач радио и телестанций по ключевым международным проблемам. Еще большую роль играют неофициальные закулисные брифинги, устраиваемые представителями правительства для ведущих американских политических обозревателей, пользуясь услугами которых (в обмен на первоочередное предоставление этим обозревателям важнейшей информации) администрация проводит свою политическую линию в формально независимой буржуазной прессе.

Агрессивный характер внешнеполитического курса США в послевоенный период привел к тому, что пропаганда и вопросы идеологической борьбы на международной арене стали неотъемлемой частью деятельности и министерства обороны США. Еще в начале 50-х годов в военных кругах было разработано директивное указание для пропагандистского аппарата американской армии. В нем, в частности, указывалось, что развернувшаяся в мире «психологическая война» должна включать в себя «плапомерное использование пропаганды и аналогичных ей мероприятий с целью оказания влияния на мнения, чувства, отношение и поведение различных слоев иностранных граждан во враждебных и других странах таким образом, чтобы способствовать осуществлению национальной политики и военных планов»⁵.

Для ведения внешнеполитической пропаганды министерством обороны США создана огромная радиотелевизионная сеть по всему миру. В настоящее время она включает 350 радио- и телевизионных станций, 35 из которых действуют на территории 30 иностранных государств. Ему принадлежат также 1450 газет и журналов. По данным американской печати, сейчас на военных объектах США имеется около 1300 сотрудников, занимающихся пропагандой и располагаю-

⁵ Linebarger P. Psychological Warfare. N. Y.: Arno Press, 1954, p. 317.

щих бюджетом в 25 млн. долларов. Они составляют пресс-бюллетени и другие информационные материалы для печатных органов или радиостанций, расположенных вблизи от военных баз, разрабатывают и осуществляют разнообразные программы по контактам с местным населением⁶.

В США по линии министерства обороны ежегодно стажируются тысячи иностранных военнослужащих. Они подвергаются усиленной политической и идеологической обработке. Если в 50-х годах через эту машину прошло около 100 тыс. иностранных военнослужащих из 50 государств, то в 60–70-х годах их число колебалось от 15 до 25 тыс. человек в год.

Активная деятельность в сфере идеологии стала неотъемлемой частью работы и такого органа, каким является Центральное разведывательное управление США. Именно на него главным образом возложены функции ведения так называемой «черной» и «серой» пропаганды⁷. Его подразделения, укомплектованные экспертами по использованию средств массовых коммуникаций, социологами, психологами, историками, производят выбор тех или иных пропагандистских мишеней, к которым в определенное время стремятся привлечь внимание американской или зарубежной общественности.

Разрабатывая свои операции по проникновению в коммунистические и рабочие партии различных государств, в национально-освободительные движения, в прогрессивные организации и учреждения, ЦРУ неоднократно практиковало «размещение антикоммунистических пропагандистских материалов в средствах массовых коммуникаций и информации; провокации против партийных функционеров, ведущие к их аресту полицией; опубликование фальшивых пропагандистских материалов, приписываемых революционным группам, таким образом, чтобы это нанесло им ущерб и чтобы это было трудно опровергнуть»⁸.

Действуя через подставных лиц ЦРУ поставило на службу американской внешней политике сотни органов массовой информации в США и за рубежом. Так, в 60-х годах разразился грандиозный скандал вокруг издающегося в Англии ежемесячного журнала антикоммунистического характера «Эпкаунтер», кичившегося «объективностью и независимостью» своих суждений. Оказалось же, что выступления журнала в течение ряда лет щедро оплачивались из секретных фондов ЦРУ, которое и определяло его политическую линию. В ходе расследования деятельности разведывательных органов американским конгрессом было выявлено, что более 400 журналов в США и за рубежом непосредственно выполняли секретные

⁶ U. S. News and World Report, 1980, Aug. 27.

⁷ «Черная» пропаганда — нелегальная пропаганда, ведущаяся таким образом, что фабрикуемые сообщения приписываются лицам или группам той самой аудитории, на которую ведется пропаганда, «серая» пропаганда — пропаганда по каналу, чья истинная принадлежность замаскирована.

⁸ Петрусенко В. В. Тайное становится явным. М.: Мысль, 1978, с. 100.

поручения шпионского ведомства США. В их числе оказались известные корреспонденты, обозреватели и репортеры газет «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Лос-Анджелес таймс», журналов «Тайм», «Ньюсуик», директора и редакторы информационных агентств АП и ЮПИ.

Однако самой значительной специализированной организацией в США, призванной направлять и систематически вести идеологическую борьбу и пропаганду на международной арене, координировать усилия в этой области всех правительственных учреждений, является официальное государственное Информационное агентство США (ЮСИА).

Информационное агентство США

Создание единого руководящего пропагандистского ведомства в системе внешнеполитического механизма явилось своеобразным венцом усилий руководящих кругов США после второй мировой войны по налаживанию внешнеполитической пропаганды. Этот вопрос был поставлен в 1953 г. Консультативной комиссией по информации при правительстве США, по рекомендации которой президент Д. Эйзенхауэр направил в конгресс план реорганизации № 8, получивший силу закона 1 августа 1953 г. В распоряжение нового органа — ЮСИА — была передана радиостанция «Голос Америки», зарубежные библиотеки государственного департамента, государственные учреждения, ведающие производством кинофильмов и печатью. Однако программы в области внешней пропаганды министерства обороны и ЦРУ под контроль ЮСИА поставлены не были.

В соответствии с дополнительной директивой президента США 22 октября 1953 г. по поводу создания ЮСИА перед новым органом ставилась задача обосновывать, оправдывать курс США на международной арене в глазах мировой общественности, хотя здесь и не фигурировали такие понятия, как «пропаганда», «психологическая война»⁹.

Однако завуалированная терминология просуществовала недолго. Конец ей положили сами руководители ЮСИА. Так, Морроу, бывший глава этого органа во времена президента Кеннеди, откровенно называл ЮСИА «пропагандистским органом»¹⁰, а его преемник Роуэн так определял его роль: «Мы являемся четвертым измерением во внешней политике, что означает добавление информационного, психологического или пропагандистского оружия к дипломатическим, военным и экономическим инструментам. Пусть семантики подбирают ему точное название сами»¹¹.

Поиски «новых рубежей» во внешней политике президента Кен-

⁹ U. S. Information Agency. Background Information, 1953, Nov., p. 3.

¹⁰ Ibid., 1963, Sept. 26.

¹¹ Ibid., 1964, Apr. 29.

неди сопровождалась энергичными усилиями по привлечению ЮСИА к решению внешнеполитических задач Соединенных Штатов. Во время карибского кризиса 1962 г. руководитель ЮСИА приглашался на все заседания СНБ и перед ним ставились конкретные задачи по идеологическому обеспечению внешнеполитических мероприятий американского правительства. Меморандум Джона Кеннеди директору ЮСИА от 23 января 1963 г. прямо возлагал на агентство обязанность давать «консультации президенту, его представителям за рубежом, а также другим учреждениям и ведомствам относительно использования общественного мнения за рубежом при разработке настоящей или будущей политики, программ и официальных заявлений Соединенных Штатов»¹².

Обследование деятельности правительственных, общественных и частных организаций США в международной сфере, проведенное в 1962—1964 гг. Подкомиссией по международным организациям палаты представителей, выявило, что все их усилия направлялись к одной главной цели — борьбе с «коммунистической идеологией», с так называемым «коммунистическим проникновением» и коммунизмом вообще. К этой деятельности были подключены и американские туристы, студенты и различные специалисты, выезжавшие в зарубежные страны по программам обменов. Соответствующим образом подбирался и обслуживающий персонал американских выставок и ярмарок за пределами США.

При администрации Л. Джонсона выкристаллизовались новые тенденции в деятельности ЮСИА. Был завершён переход к принципу строгой дифференциации пропаганды на социалистические государства. Переход к подобной тактике был в значительной степени обусловлен так называемой политикой «наведения мостов», рассчитанной на «внутреннюю эрозию», т. е. подрыв основ социализма в этих странах.

Деятельность ЮСИА особенно активизировалась во второй половине 60-х годов — в период эскалации военной интервенции США во Вьетнаме. Фактически произошло превращение этого вроде бы гражданского ведомства в один из инструментов военной машины, задача которого сводилась к ведению «психологической войны» в ходе вооруженного конфликта. ЮСИА контролировало не только сбор иностранными корреспондентами информации о военных действиях, но и общие поступления материалов для западной прессы, осуществляло контроль и над так называемыми «психологическими операциями» во Вьетнаме, проводившимися министерством обороны, Агентством международного развития и даже ЦРУ.

При администрации Р. Никсона была произведена определенная реорганизация агентства, в частности осуществлено сокращение его персонала. Однако сокращение штатов не повлекло за собой уменьшения бюджета. Наоборот, руководство ЮСИА внесло в конгресс

¹² The US Ideological Effort, U. S. Congress, Wash.: U. S. GPO, 1964, p. 9.

предложение о выделении агентству самых больших со времени его основания ассигнований — 194,9 млн. долларов, которое и было принято с незначительными изменениями. ЮСИА стало все более сосредоточивать свои усилия и ресурсы на развертывании антисоветской и антикоммунистической деятельности. В начале 70-х годов важнейшие посты в отделениях агентства в западноевропейских странах были заполнены сотрудниками, ранее работавшими в социальных государственных учреждениях. Это было сделано для того, чтобы «улучшить возможности агентства в деле борьбы против коммунистической идеологии»¹³.

Осуществление целей и задач ЮСИА возлагалось на американские информационные службы за рубежом (сокращенно ЮСИС). Так обозначались информационные посты, библиотеки, культурные американские центры за рубежом. В начале 70-х годов ЮСИА имело 209 своих отделений в 111 иностранных государствах, в том числе 109 библиотек и читален в 86 странах, которые больше известны как «информационные центры». В них особый акцент делается на преподавание английского языка, чтение лекций американскими специалистами, распространение пропагандистских изданий, особенно среди представителей молодого поколения и интеллигенции. ЮСИА содержало за границей и 133 «двунациональных центра». Этот тип информационных центров преимущественно имеется в странах Латинской Америки. Они работают, как правило, под руководством советов, куда входят представители страны пребывания и американцы. Таким путем создавалась видимость управления центром не одним, а двумя государствами, хотя их деятельность оплачивается средствами, поступающими из бюджета США.

Прочные позиции в системе агентства заняли кино и телевидение. ЮСИА, кроме того, начало издание целого ряда журналов, таких, как «Америка», «Диалог», «Топик», «Фри уорлд хорайзонс», призванных рекламировать и восхвалять американский образ жизни, американские культуру и технику. Особняком в этом плане стоит журнал «Проблемы коммунизма», цель которого — вести антикоммунистическую пропаганду фундаментального «научного» характера. Материалы для этого журнала подготавливаются широким кругом специалистов не только американских, но и из Англии, ФРГ и других стран, подвигающихся в различного рода «советологических центрах». Большие средства ассигновывались на выпуск книг специально подобранных авторов. За время существования агентства до начала 80-х годов общий тираж этих изданий составил свыше 100 млн. экземпляров на 34 иностранных языках. Информационные центры ЮСИА за рубежом практиковали также проведение в странах пребывания закрытых опросов общественного мнения по тому или иному вопросу, представлявшему интерес для американского правительства.

¹³ Washington Post, 1971, Apr. 22.

Реорганизация аппарата идеологической борьбы

До 1978 г. Информационное агентство США израсходовало около 4 млрд. долл. Однако его руководители неоднократно вынуждены были признавать, что деятельность ЮСИА не только часто не достигала своей цели, но и нередко приводила к противоположным результатам. Так, например, бывший директор агентства Л. Маркс в одном из своих выступлений свидетельствовал, что только в 1967—1968 гг. в различных странах мира имело место 67 массовых выступлений против деятельности ЮСИА¹⁴. В выступлениях перед сенаторами и конгрессменами руководители агентства часто признавали неэффективность многих идеологических и пропагандистских мероприятий, указывали на то, что усилия огромного пропагандистского аппарата оказывались не в состоянии предотвратить падение престижа Соединенных Штатов на международной арене.

Провалы в области внешнеполитической пропаганды неоднократно вызывали раздражение администрации, политических кругов, законодательных органов, делового мира США. После длительных обсуждений президент Картер создал в 1977 г. более мощное управление по международным связям (УМС), получившее при администрации Р. Рейгана в конце 1982 г. свое старое наименование — Информационное агентство США (ЮСИА). В него вошли два органа, созданные в период «холодной войны», — Информационное агентство США (ЮСИА) и Бюро государственного департамента по вопросам образования и культуры. Новому управлению было вменено руководство в области информации за рубежом США, включая «Голос Америки», а также передан ряд функций по вопросам международных обменов, осуществлявшихся ранее министерством здравоохранения, образования и социального обеспечения. Ему также были переданы без изменения функции, выполнявшиеся государственным департаментом по взаимному обмену между Востоком и Западом в области культуры и техники. В соответствии с новыми установками управление возглавил директор, работающий под руководством государственного секретаря и являющийся главным советником госдепартамента, СНБ и президента по вопросам международной информации и обмена.

Управление предприняло ряд мер по изменению деятельности в области ведения внешнеполитической пропаганды. Была улучшена координация деятельности управления с 28 правительственными органами и учреждениями, вовлеченными в аналогичную работу; расширены контакты с представителями деловых, академических и культурных кругов разных стран; разработаны новые инструкции о деятельности информационных центров и библиотек агентства за

¹⁴ Department of State Newsletter, 1969, Jan., p. 12—13.

рубежом, в соответствии с которыми они должны были ориентироваться на удовлетворение более широкого круга интересов своих клиентов, а также углубить и расширить работу среди молодого поколения, представители которого должны в недалеком будущем выйти на арену политической деятельности.

В свете произведенных изменений перед исполнительными и законодательными органами США был поставлен вопрос о необходимости увеличения финансирования деятельности УМС (ЮСИА). В результате расходы достигли полмиллиарда долларов в год. Штат сотрудников агентства, работающих в 126 странах, составил около 10 тыс. человек, из которых половина — неамериканцы. Через радиостанцию «Голос Америки» по данным на 1983 г. ведется вещание 967,5 часов в неделю на 42 иностранных языках более чем для 75 млн. слушателей. Агентство издает 12 журналов на 22 языках и имеет библиотеки и читальные залы более чем в 100 государствах мира. Значительна и кинопродукция агентства. Им выпускается свыше 90 фильмов в год. ЮСИА ежегодно организует в зарубежных странах 10 больших и 75 средних и малых выставок. Международный обмен учеными и другими специалистами также занимает важное место в деятельности агентства: оно ежегодно принимает в США около 5 тыс. человек, а также направляет за рубеж около 400 американских специалистов для чтения лекций или участия в дискуссиях по проблемам, представляющим интерес для американского правительства.

Информационное агентство прилагает усилия к тому, чтобы более точно регистрировать настроения зарубежной общественности, дабы творцы политики в Вашингтоне могли руководствоваться этими данными, оно намерено усовершенствовать и свою систему опросов. Активно выясняются возможности использования во внешнеполитической пропаганде средств космической связи.

Укрепление основ деятельности ЮСИА — этого основного рупора американской внешнеполитической пропаганды получило свое дальнейшее развитие при администрации Р. Рейгана. В соответствии с этим нынешний директор ЮСИА Чарльз Уик затребовал увеличения ассигнований на деятельность ЮСИА на 1983—1984 финансовый год на одну треть (если на предыдущий год были утверждены ассигнования в размере 545,4 млн., то на 1984 г. запрошено уже 711,4 млн. долл.). Расходы на деятельность только «Голоса Америки» в 1983—1984 гг. намечено увеличить на 33%, а в 1984—1985 гг. еще на 22%. При посольствах США планируется создание еще 117 «информационных центров» в дополнение к уже существующим 990. Для координации разнообразной деятельности в данной области Белый дом создал так называемый «межведомственный комитет по планированию внешнеполитической пропаганды», в состав которого входят государственный секретарь, министр обороны, помощник президента по национальной безопасности, директор Управления международного развития и директор ЮСИА. Все эти

мероприятия направлены на то, чтобы в современных условиях «убедить скептиков за рубежом» в правильности установок американской политики.

Подрывные радиостанции и частный идеологический бизнес

Под фактическим контролем американского правительства, а непосредственно — ЦРУ находятся и такие откровенные инструменты «психологической войны», как радиостанции «Свободная Европа» и «Свобода», формально числящиеся в качестве частных и «независимых» организаций. «Свободная Европа» имеет 32 мощных передатчика и вещает на 6 языках — чешском, словацком, венгерском, польском, румынском и болгарском. Если в 50-х годах, в период «холодной войны», совокупный объем передач «Свободной Европы» на пять европейских социалистических государств составлял 10,5 часов в неделю, то ныне — около 540 часов. Американская радиостанция РИАС, вещающая из Западного Берлина на ГДР, работает круглосуточно. Радио «Свобода», обладающее, по словам информированных американских исследователей, самыми мощными на Западе передатчиками (17 единиц), расположенными на территории ФРГ, Тайваня, Испании, вещает на семнадцать языках народов СССР. Только в Мюнхене, где находится центр радиовещания РС/РСЕ, их деятельность обслуживают более тысячи человек.

Обе станции проповедают самый злобный антикоммунизм. Основная цель их пропагандистской деятельности — расшатать социальные устои, стимулировать проявления национализма в Советском Союзе, в европейских социалистических странах, посеять рознь между государствами социалистического содружества. В период обострения ситуации в ПНР, например, польская редакция «Свободной Европы» перешла на круглосуточное вещание, всемерно поощряя антисоциалистические силы в этой стране к более активному нажиму на партию и правительство, к дестабилизации обстановки.

Подобно тому как возрастание экономической роли современного капиталистического государства не означает свертывания частного монополистического бизнеса, а, наоборот, служит его упрочению, точно так же и усиление идеологических функций этого государства не означает свертывания частного идеологического «бизнеса», который, если говорить о США, значительно активизирует свою деятельность и в международных делах, являясь не только средством формирования общественного мнения внутри страны, но и мощным рычагом воздействия на зарубежную общественность. Достаточно, для примера, напомнить в этой связи о деятельности двух крупнейших информационных агентств США — Ассошиэтед Пресс (АП) и Юнайтед Пресс Интернэшнл (ЮПИ). Первое обслуживает 10 тыс. организаций за рубежом, передавая им 17 млн. слов различной

информации в день, а также имеет своих корреспондентов в 110 странах. Его директор прямо заявил: «Сейчас более чем у миллиарда людей мнение о международных событиях каждодневно формируется на основе информации нашего агентства». Второе ежедневно передает своим 7 тыс. организациям-клиентам 14 млн. слов информации в 90 стран¹⁵.

Помимо телеграфных агентств, американская частная индустрия «массовых коммуникаций» имеет еще много других каналов выхода на широчайшую международную аудиторию. Ряд компаний США в газетном деле являются, по сути дела, транснациональными корпорациями, распространяющими свою деятельность на десятки стран мира. Например, синдикаты, созданные американскими газетами «Вашингтон пост» и «Лос-Анджелес таймс», обеспечивают сотни изданий в США и за рубежом литературными и иллюстративными материалами, а также совместно с «Нью-Йорк таймс» издают газету «Интернэшнл геральд трибюн», печатающуюся в ряде городов Западной Европы и расходящуюся в 70 странах общим тиражом в 125 тыс. экз.

В журнальном деле главные рычаги воздействия на зарубежную аудиторию принадлежат концернам «Тайм инк», «Вашингтон пост—Ньюсуик», «Ридерс Дайджест» и «Нэшнл Джиографик». Еженедельник «Тайм», специализирующийся на политических новостях и комментариях, но охватывающий также и другие проблемы внутренней и зарубежной жизни, расходуется за пределами США тиражом около 1 млн. экземпляров (внутри страны—3 млн.). Советский исследователь С. И. Беглов, автор фундаментальной монографии «Внешнеполитическая пропаганда» (откуда взяты приводимые здесь данные о зарубежной деятельности американских газетных и издательских концернов), касаясь журнала «Тайм», пишет: «Постоянные тематические рубрики позволяют незаметно вложить в богатый фактологический материал, собранный сотрудниками журнала, интерпретацию, угодную издателям, подогнать характеристику людей и событий под определенные стереотипы. В „международном издании“ еженедельника меняется до половины содержания за счет специально направленных материалов»¹⁶.

Важнейшим пропагандистом «американского образа жизни» и распространителем стереотипов американской пропаганды, штампов антисоветизма и антикоммунизма является ежемесячный журнал «Ридерс Дайджест». Помимо собственно американского издания, он выпускается в 22 странах на 13 языках общим тиражом в 12 млн. экз. По сути дела, это самый крупный тираж из всех западных газетно-журнальных изданий. Распространяемый практически во всех странах несоциалистического мира, журнал в основном

¹⁵ *Legum C., Cornwell J.* A Free and Balanced Flow. N. Y.: Twentieth Century Fund, 1968, p. 28.

¹⁶ *Беглов С. И.* Внешнеполитическая пропаганда: Очерк теории и практики. М.: Высш. шк., 1980, с. 125.

публикует специально подобранные и обработанные («дайджестированные», т. е. «переваренные») статьи из других журналов и газет США.

В сфере телевидения три главные американские компании — Эн Би Си, Си Би Эс и Эй Би Си — ежегодно сбывают в 115 стран мира материалы как документально-событийного, так и «развлекательного» характера (в том числе с политической подоплекой сюжетов) общим объемом до 200 000 часов вещания¹⁷. Их продукцию ежегодно просматривает зарубежная аудитория суммарной численностью в миллиарды зрителей. Кроме того, эти компании осуществляют финансовый контроль над деятельностью десятков местных компаний в различных странах. При помощи этого крупнейшего в мире и в США «передаточного механизма слов, фраз, идей» под покровом фраз об «объективности», «беспристрастности», «надпартийности» и т. д. миллионам людей во всем мире навязываются взгляды и вкусы, выгодные правящей верхушке США, «продается» устраивающая эту верхушку социально-политическая ориентация.

Функционирование пропагандистского аппарата США нельзя полностью представлять без той роли, которую играют во внешнеполитической пропаганде США и в идеологической борьбе на международной арене сионистские организации, стоящие по ряду вопросов на откровенно антикоммунистических позициях. Сионистское лобби в Соединенных Штатах получает крупные материальные средства от американской буржуазии еврейского происхождения, являющейся частью правящей верхушки и занимающей влиятельные позиции в средствах массовых коммуникаций.

Система целей американской внешнеполитической пропаганды

Целевые установки внешнеполитической пропаганды США сводятся в основном к поддержке и обоснованию задач внешнеполитического курса Вашингтона, рекламе «американского образа жизни», распространению и внедрению в международное общественное мнение «системы ценностей» американского буржуазного общества, борьбе против коммунистической идеологии, дискредитации практики социалистического строительства в СССР и других странах социалистического содружества, критике их внешней политики, разъединению основных отрядов мирового революционного движения.

В то же время стоит отметить, что американская официальная пропаганда более откровенно и прямолинейно отражает классовые устремления правящей верхушки США, нежели ее конкретный внешнеполитический курс, который в ряде случаев вынужден учитывать реально сложившееся соотношение сил в мире между империализмом и социализмом. По этой же причине американская

¹⁷ Legum C., Cornwell J. Op. cit., p. 31.

пропагандистская машина в ряде случаев выполняет те функции, которые дипломатия США открыто осуществлять не может, например вмешательство во внутренние дела других государств.

По вполне понятным причинам идеологическая борьба, которую США ведут на международной арене, фокусируется на странах социалистического содружества. Давая свою интерпретацию миролюбивой внешней политики Советского Союза, других социалистических государств, искажая ее смысл, американская пропаганда стремится подорвать ее воздействие на мировое общественное мнение. Более специфическая задача состоит в стремлении создать в социалистических странах атмосферу, которая бы способствовала идеологической и политической эрозии их общественного строя. Эта цель имеет стратегическое значение и долгосрочный характер. Руководители американских пропагандистских служб предполагают, что она может быть достигнута путем внедрения в общественное сознание этих стран пессимизма и неверия в победу коммунистических идей, распространения буржуазных, в первую очередь американских, идей и взглядов. При этом особые усилия сосредоточиваются на попытках противопоставить коммунистов остальному обществу, дискредитировать руководящую роль коммунистических и рабочих партий в социалистических странах.

«Миф о советской военной угрозе», о «чрезмерности» мер, предпринимаемых Советским Союзом для укрепления своей обороноспособности, о нашей «неуступчивости» на женевских переговорах, — писал в этой связи К. У. Черненко, — все это, как и разговоры о будто бы равной ответственности «двух сверхдержав» за гонку вооружений, используется буржуазной пропагандой не только против СССР и его социалистических союзников. Антисоветизм стал основным идеологическим оружием империализма в борьбе со всеми, кто выступает против его линии на безудержное наращивание ядерных арсеналов. Именно на платформе антисоветизма сколачивается сейчас военная коалиция крупнейших капиталистических держав. С помощью антисоветизма империализм пытается добиться массовой поддержки своей милитаристской политики, ослабить потенциал коммунистического движения, расколоть и подорвать антивоенные силы в целом. Направляя острие своей агрессивной политики против СССР, социалистического содружества как главного оплота мира, империализм США угрожает безопасности всех народов, стремится подчинить их своему диктату...»¹⁸

Используя находящиеся в их распоряжении средства массовых коммуникаций, правящие круги США пытаются ослабить единство и сплоченность международного коммунистического и рабочего движения, в частности, путем попыток противопоставить коммунистические партии развитых капиталистических государств партиям стран социалистического содружества, подталкивая отдельные из них на

¹⁸ Черненко К. У. Избранные речи и статьи. М., 1984, с. 638.

антисоветский и оппортунистический путь, а также втянуть в конфликты друг с другом.

В зоне развивающегося мира американская пропаганда нацеливается на то, чтобы дискредитировать достижения реального социализма, противопоставить друг другу эти два отряда мирового революционного движения, обеспечить прозападную ориентацию развивающихся государств (а если идти еще дальше — превратить их в резерв международного империализма). Эту задачу американские идеологи стремятся решить, насаждая и поддерживая среди разных слоев населения этих стран частнособственнические настроения и страх перед социалистической перспективой, распространяя клеветнические измышления против СССР и других социалистических государств, пытаясь одновременно создавать благоприятное представление об американской политике и действенности. Такая установка связана с надеждой преодолеть усиливающуюся изоляцию США в этой зоне, растущие здесь антиимпериалистические настроения.

Однако все эти пропагандистские уловки вызывают растущее сопротивление со стороны развивающихся стран, большинство из которых негодует по поводу засилья американских теле-, радио- и газетных монополий в международных средствах массовых коммуникаций, своего рода информационного империализма, как точно определил его бывший президент Финляндии У. Кекконен¹⁹.

Для более успешного коллективного отпора потоку направленной информации со стороны пропагандистских органов США и других стран Запада был организован пул информационных агентств развивающихся стран. Борьба этих государств за новый мировой информационный порядок нашла отражение в деятельности ЮНЕСКО. На XX сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в Париже в ноябре 1978 г. была принята Декларация об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма, апартеида и подстрекательства к войне. Монополии прессы, радио и телевидения США, в течение ряда лет боровшиеся против принятия этой декларации, пытаются и в настоящее время свести на нет стремление мировой общественности установить хотя бы какой-то контроль за деятельностью монополий слова, за соблюдением ими общепринятых этических норм журналистики и принципов невмешательства во внутренние дела других народов.

Активно использует Вашингтон также пропагандистские ресурсы своих капиталистических союзников для идеологического давления на окружающий мир. Концепция «трилатеризма», помимо всего прочего, была попыткой навязать идейное руководство США другим индустриально развитым капиталистическим государствам.

¹⁹ UNESCO Report, 1974, N 70, p. 44.

В целом поддерживая стратегические установки Вашингтона в сфере идеологической борьбы против стран социалистического содружества, мирового коммунистического и рабочего движения, развивающихся государств и освободительной борьбы народов, союзники США из числа индустриально развитых стран занимают временами — исходя из собственных конкретных интересов — особую позицию по ряду политических вопросов (по поводу кампании в защиту «прав человека», концепции разрядки международной напряженности, характеристики национально-освободительного движения как террористического и т. д.).

Стремясь поднять американский престиж в глазах общественно-го мнения развитых капиталистических государств, восстановить роль США как неоспоримого военно-экономического и духовного лидера Запада, Вашингтон видит свою задачу в том, чтобы поддерживать в общественном сознании этих стран мнение о неизбежности в нынешних исторических условиях их военно-политического союза с Соединенными Штатами. Вся американская система идеологического воздействия усиленно пропагандирует тезис о том, что именно США якобы наиболее адекватно выражают на международной арене интересы Запада в целом и поэтому все их внешнеполитические шаги должны встречать полную поддержку союзников, как моральную, так и материальную. Поскольку десятилетиями искусственно раздувавшийся буржуазной пропагандой страх перед миром социализма за годы разрядки был в союзных США государствах изрядно девальвирован (главным образом, в результате мирных взаимовыгодных контактов), то основные усилия направлены на то, чтобы идеологическими средствами воссоздать ситуацию «военной угрозы» со стороны СССР как «общего врага Запада», работавшую на Вашингтон в годы «холодной войны».

Способы идеологического воздействия на мир

Основным методом идеологического обеспечения внешнеполитических акций США являются широкомасштабные и долговременные пропагандистские кампании, рассчитанные на массированное воздействие на международную аудиторию. Они заранее планируются, действия всех привлекаемых организаций тщательно координируются, причем каждая из них играет свою строго определенную роль. Такие широкие идеологические кампании обеспечивают, как правило, стратегические направления деятельности Вашингтона на международной арене. В них участвуют, не считая средств массовой информации и органов внешнеполитической пропаганды, основные внешнеполитические ведомства (государственный департамент, ЦРУ и т. д.), конгресс, представители высших эшелонов власти, включая самого президента. Примером такого взаимодействия пропаганды и внешней политики являются развязанные за последние годы идеологические кампании: о «советской военной угрозе», о «за-

щите прав человека», о «международном терроризме», «Программа демократии и публичной дипломатии» и т. п.

Миф о «советской военной угрозе» (или угрозе со стороны Организации Варшавского Договора) активно использовался, как уже отмечалось, правящими кругами США и ранее, но никогда еще та или иная идеологическая кампания не была так тесно привязана к курсу США на международной арене, более того, никогда прежде само проведение определенного курса (его успех или неудача) не было фактически обусловлено успехом или неудачей его пропагандистской поддержки на идеологическом фронте. Это стало особенно очевидным, когда Советский Союз стал настойчиво переводить политику ослабления напряженности в русло военной разрядки. Консервативные круги в США пришли к выводу, что им необходимо добиться изменения международного психологического климата, дискредитации миротворческих усилий Советского Союза, чтобы приостановить развитие нежелательных для них тенденций и попытаться изменить существующее соотношение сил в мире в свою пользу. Но в сложившихся к середине 70-х годов условиях трудно было совершить такой поворот без предварительной массивной обработки мирового общественного мнения, в первую очередь в Западной Европе, в большинстве своем настроенном в пользу мирного сотрудничества с государствами социалистического содружества.

Идеологическая кампания по активному внедрению в мировое общественное сознание мифа о нарастающей «советской военной угрозе» и была призвана подготовить такой поворот. Следует признать, что такая широкомасштабная и целеустремленная кампания «промывания мозгов» оказала определенное воздействие на часть общественного мнения Запада. Учитывая это, правящие круги США перешли к следующему этапу воплощения своих замыслов — интенсификации гонки вооружений, расширению ряда программ, нацеленных на достижение военного превосходства над странами социалистического содружества. То, что не могло пройти в начале 70-х годов, стало казаться правящей элите США возможным на рубеже 80-х годов. В этом изменении обстановки кампания по пропаганде «советской военной угрозы» сыграла, несомненно, свою внешнеполитическую роль.

Лицемерная кампания в «защиту прав человека», разработанная и запущенная Вашингтоном, также имела свои политические предпосылки в целом ряде неудач предшествующего международно-го курса американского империализма. Попытки Вашингтона вмешиваться во внутренние дела других государств военными методами (Вьетнам) или с помощью секретных операций (Чили) лишь способствовали падению международного престижа США и соответственно их внешнеполитического влияния. До минимума сократились американские возможности воздействовать на внутреннее развитие социалистических государств, помешать росту их между-

народного авторитета. Происходило постепенное отдаление от США американских капиталистических союзников, на еще более антиимпериалистические позиции вставало все большее число развивающихся стран.

В этих условиях кампания в защиту прав человека решала для Вашингтонской элиты целый ряд проблем. Она отводила критику от самих США, отвлекала внимание и самих американцев, и зарубежных читателей и слушателей от скандальных разоблачений «уотергейтского дела», от грязной практики ЦРУ и ФБР, от проблемы незащитности американского гражданина перед полицией, преступным миром и т. д. Она апеллировала к так называемым «вечным моральным ценностям» буржуазного Запада и тем самым являлась призывом крепить единство капиталистических стран перед лицом «угрозы» со стороны левых революционных сил. Наконец, правящим кругам США необходимо было создание такого морально-психологического климата, который оправдывал бы (во всяком случае, в глазах части мирового общественного мнения, настроенного в духе либерально-буржуазных традиций) их политику вмешательства во внутренние дела других стран, прежде всего социалистических или избравших социалистическую ориентацию. По мере развертывания кампании «в защиту прав человека» и все большей ее направленности против мира социализма Вашингтон стал предпринимать попытки политического вмешательства во внутренние дела стран социалистического содружества. Активно поддерживая под флагом «защиты прав человека» в этих государствах отщепенцев-диссидентов, являвшихся противниками социалистического строя, Вашингтон целил на то, чтобы добиться изменений в политической структуре социалистических государств, повести дело к подрыву руководящей роли коммунистических и рабочих партий, к созданию в этих странах «легальной оппозиции», системы «политического плюрализма», которая бы создавала предпосылки для постепенного демонтажа социализма.

Решительный отпор со стороны стран социалистического содружества всем попыткам вмешательства извне в их внутренние дела, разоблачение истинных целей кампании «в защиту прав человека», развернутой Вашингтоном, в значительной степени подорвали связанные с ней внешнеполитические расчеты американского империализма, хотя необходимо отметить, что эта идеологическая диверсия оказала известное воздействие на процесс активизации антисоциалистических сил, например, в Польше.

Отсутствие положительных созидательных идей, которые можно было бы «запродать» международному сообществу, стратеги американской пропаганды пытаются, помимо всего прочего, компенсировать совершенствованием форм и методов идеологической обработки аудитории, социальной демагогией, выдвижением «привлекательных», но ложных по существу лозунгов. В то же время больший упор делается на фактологическую пропаганду, на соответствующую

щий подбор информации. Очень часто тот или иной пропагандистский орган США занимает позицию «стороннего наблюдателя». Новости передаются якобы «беспристрастно и объективно» (для создания видимости этого делается несколько критических замечаний в адрес своей страны, признание некоторых ошибок и т. д.). В радиопередачах на те или иные страны приводятся точки зрения средств массовой информации различной ориентации: нужный эффект достигается не отдельным материалом, а их балансом. В целом американская пропаганда старается создать видимость «заинтересованности» в судьбе народов, выдержать тон известного доброжелательства к ним. Большое значение придается дифференцированному подходу к аудитории, учету ее национального характера, возраста, уровня образования и эрудиции, профессиональных и культурных интересов. Все большее значение во внешнеполитической пропаганде США приобретает религиозная тема.

Явно активизируется процесс сращивания внешнеполитической идеологии и пропаганды. Массовым аудиториям как внутри США, так и за их пределами все чаще преподносится «интеллектуальная нища», изготовленная в так называемых «мозговых центрах» или «фабриках мысли» США, в университетских или специализированных научно-исследовательских учреждениях. Примечательным явлением становится и то, что политические лидеры, стоящие у истоков внешнеполитической стратегии и тактики США, определенная часть академической общественности и деятелей культуры Соединенных Штатов принимают на себя функции непосредственных пропагандистов этой политики.

С начала 80-х годов в США активизировались силы, склонные к использованию пропагандистского арсенала времен «холодной войны». Отсюда всевозрастающее стремление использовать в системе идеологических операций на международной арене формы и методы «психологической войны», диверсий и провокаций, грубого морально-психологического давления и т. д. Именно к таким методам можно отнести попытку официального Вашингтона отождествить национально-освободительное движение с «международным терроризмом», его настойчивые намеки на то, что за спиной многих террористических групп стоит Советский Союз и т. п.

Всякий раз, когда перед правящими кругами США возникают проблемы на международной арене или появляется необходимость отвлечь внимание американской или мировой общественности от все более обостряющихся и углубляющихся внутренних проблем империалистической системы, руководители политики США прибегают к смещению акцентов в идеологической борьбе или изменениям ее инструментария. Это свидетельствует о неустойчивости принятых тактических установок, о непоследовательности политического курса. Все это наблюдается и в действиях республиканской администрации Рейгана. Попытки нынешней официальной пропаганды и стоящих за ней правящих кругов США объяснить осложнение

международной ситуации минимыми «экспансионистскими устремлениями» Советского Союза представляют собой не что иное, как стремление перенести методы гегемонизма, грубого давления и диктата и в сферу идеологического противоборства. В то же время для того, чтобы убедить общественность в будущей результативности военных приготовлений США, американские руководители развернули очередную пропагандистскую кампанию о «неустойчивости» советской экономики и т. п., что и позволит-де Соединенным Штатам обогнать СССР в стратегических вооружениях и военном потенциале в целом.

При администрации Р. Рейгана осуществлена резкая эскалация пропагандистской, психологической и идеологической войны против СССР и стран социалистического содружества в рамках объявленного президентом США в июне 1982 г. в речи в парламенте Великобритании нового «крестового похода» против коммунизма. В попытках оправдать агрессивный внешнеполитический курс США, вызывающий все нарастающую критику не только во всем мире, но и в самих Соединенных Штатах, Белый дом все более откровенно делает ставку на массивные идеологические и пропагандистские кампании. Об этом, в частности, свидетельствует проведенный заместителем госсекретаря Л. Иглбергером в феврале 1983 г. инструктаж для представителей прессы относительно новых мероприятий администрации по так называемой «программе демократии и публичной дипломатии», основной целью которой является ослабление притягательной силы советского внешнеполитического курса, усиление рекламы внешней политики США и «американского образа жизни».

Заместитель госсекретаря охарактеризовал эту новую кампанию как «долгосрочные усилия с глобальным размахом», как план активизации идеологической борьбы против коммунизма. Этому же вопросу была посвящена и проведенная в 1982 г. в государственном департаменте конференция под названием «Демократизация в коммунистическом мире», в работе которой приняли участие ультраправые элементы из профобъединения АФТ—КПП, различные отщепенцы и диссиденты, а также представители «Голоса Америки», радиостанций вроде «Свободы», «Свободной Европы». Топ на конференции задавал госсекретарь Шульц, прямо заявивший, что кампания «за улучшение демократии» есть не что иное, как «моральная и стратегическая ответственность» западного мира. В разработке программы нового этапа идеологической и пропагандистской войны, помимо аппарата СНБ (Совета национальной безопасности), принимало участие и Центральное разведывательное управление. Правительство США, как об этом заявил Дж. Шульц, уже в 1983 г. израсходует 44 млн. долл. в качестве первого взноса на финансирование программ, нацеленных на расширение сферы географического и политического воздействия. В следующем финансовом году на эти же цели намечено израсходовать 65 млн. долла-

ров. Всего же в соответствии с этой программой планируется израсходовать 1 млрд. долл. Эти огромные финансовые средства правительство США намеревается направить на финансирование за рубежом деятельности проамериканских политических группировок и партий, на подкуп средств массовых коммуникаций, профсоюзных, религиозных и других организаций, которые бы следовали в фарватере целей и задач Вашингтона. Намечена и широкая программа подготовки и обучения в американских учебных и исследовательских центрах представителей молодого поколения иностранных государств с тем, чтобы продвигать или протаскивать их на руководящие должности в тех странах, куда они вернутся после стажировки в США.

Новые мероприятия вашингтонской администрации свидетельствуют, как указывалось в Заявлении ТАСС от 18 февраля 1983 г., о том, что «руководители США по-прежнему видят мир через призму конфронтаций, силовых приемов и насильственных методов как наиболее эффективных способов решения всех проблем. В Вашингтоне по-прежнему делают ставку на противоборство, а не на сотрудничество, на блокирование решения злободневных проблем, стоящих перед человечеством, прежде всего проблем предотвращения войны и укрепления мира»²⁰.

Однако, какие бы хитроумные рецепты по наведению пропагандистского глянца на реакционный и агрессивный курс своей страны и на «американский образ жизни» ни изобретали вашингтонские идеологи, им не удастся, пользуясь образным выражением Роберта Кеннеди, сделать так, чтобы «плохая политика выглядела хорошей, а позорные действия благородными»²¹.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ МЕТОДОВ СОЦИАЛЬНОГО РЕФОРМИЗМА

Одной из важнейших отличительных черт современного мира, неоднократно отмеченной крупнейшими историками и социологами, является его повышенная подвижность, мобильность. Это относится как к базисной сфере — к материальному производству, так и к сферам надстроечным. XX век по праву заслужил наименование века войн и революций, крупнейших социальных сдвигов, ломки

²⁰ Правда, 1983, 18 февр.

²¹ Цит. по: *Sorensen Th. C. The World War, The Story of American Propaganda.* N. Y.: Harper and Row, 1968, p. VI.

старых и вызревания новых социальных систем и типов политической власти.

Не составляет исключения и такая важная часть всемирной социальной реальности, как область международно-политическая. На глазах одного поколения она изменилась с быстротой, сопоставимой лишь с освоением человечеством околоземного воздушного пространства с помощью авиации или проникновением в ближний космос. Сфера так называемой «мировой политики», еще столь недавно охватывавшая лишь небольшую часть мира, скачкообразным образом расширилась и впервые стала действительно отвечать своему наименованию. Одновременно резко изменилось содержание международно-политических процессов. Из отношений по преимуществу межимпериалистических и колониальных они стали превращаться в отношения чрезвычайно разнообразные, многоплановые, включающие, помимо всего прочего, связи и взаимодействие социалистических, капиталистических и развивающихся государств.

Проблема приспособления к меняющемуся миру

Столь очевидное и резкое ускорение изменений в современном мире выдвинуло перед правящими кругами «традиционных» империалистических государств, и прежде всего крупнейшего из них — Соединенных Штатов, серьезнейшую проблему поиска новых форм и инструментов приспособления к столь необычной и все более трудно улавливаемой реальности. Самой жизнью был поставлен в повестку дня вопрос, способна ли американская политическая система выдержать повышенное напряжение, порожденное качественно более интенсивным, чем в предыдущие эпохи, «внешним вызовом», может ли она создать механизмы приспособления, достаточно гибкие для того, чтобы сохранить американский корабль «на плаву» в обстановке мощного и длительного шторма.

Этот вопрос представлялся (и представляется теперь) многим политическим мыслителям Соединенных Штатов тем более актуальным, что перед их глазами маячили останки потерпевших серьезное бедствие империалистических кораблей, не устоявших перед натиском бурных потоков современного мира. Наиболее остро обсуждается и переживается в Соединенных Штатах историческая судьба Великобритании. Правящие круги этой страны были широко известны именно своей прагматической приспособляемостью к внешнеполитическим переменам «обычного уровня». Однако начиная с середины XX в. стало очевидным отставание политического мышления британских политических лидеров от вызовов, выдвигавшихся интенсифицировавшейся внешнеполитической реальностью. В результате распад империи вызвал процессы национальной дезинтеграции, поставившей под угрозу само существование политически значимого английского государства.

«Урок Великобритании» при всей его специфичности живо вол-

нует американскую политическую элиту, обостряет постановку проблемы адекватного приспособления США к новой реальности, активизирует более широкий и емкий контекст этой проблемы, сутью которого является рассмотрение вопроса о судьбе американской империи вообще, о том, прошла ли последняя свой зенит, свою «точку фокуса» или же она еще впереди (одним из наиболее известных проявлений таких опасений являлась дискуссия в середине 70-х годов между «пессимистом» Киссинджером и «оптимистом» Бжезинским).

Еще выдающийся политический мыслитель XIX в. А. де Токвиль называл Соединенные Штаты «благословенной страной» по той причине, что они, по его мнению, не нуждались во внешней политике вообще. Но если бы, утверждал он, ситуация изменилась и США оказались бы активно втянутыми в мировой политический процесс, то они, по его мнению, подверглись бы чрезвычайной угрозе в связи с нестабильностью американской демократии, ее неспособностью отделить национальные интересы от частных, ее склонностью к евангелическому интервенционизму. Иными словами, де Токвиль был не слишком высокого мнения (добавим, хотя и не во всем справедливо, но в ряде аспектов удивительно пронизательного) об амплитуде приспособляемости тогдашнего американского правящего класса к мировым реалиям.

Так или иначе, но историческая неопытность американского правящего класса была одним из наиболее сильных аргументов для всех тех, кто придерживался мнения о его недостаточно умелой и своевременной приспособляемости к внешним изменениям. Характерно, что этот аргумент фактически не ветшает с течением времени. Американская политическая элита на каждом новом повороте истории вновь оказывается «молодой и незрелой» в глазах определенной группы политических мыслителей, ориентированных на узкую «межатлантическую альтернативу», ибо «опытной и умудренной» всегда оказывается «другая сторона», под которой подразумевается политическая элита крупнейших западноевропейских государств, прежде всего Великобритании и Франции. Между тем правящие круги США за более чем 200-летнюю историю руководства суверенным американским государством накопили богатый опыт внешнеполитической деятельности, породили ряд содержательных и емких внешнеполитических концепций и создали специфические стереотипы как преемственности, так и приспособляемости.

Можно выделить два основных метода адаптации политической элиты Соединенных Штатов к меняющейся внешнеполитической среде. Во-первых, приспособление формальное, поверхностное, ориентированное на внешние, главным образом силовые, результаты происшедших (происходящих) изменений. Этот метод отстает от школы политического реализма и концептуально оформляется в виде доктрины «баланса сил». Во-вторых, приспособление более глубокое, исходящее из стремления заранее регулировать конечные

результаты происходящих изменений и таким образом ориентировать сумму этих изменений в направлении желаемой США социально-политической цели. Такой подход называется разными политологами по-разному; наиболее модным и часто употребляемым в последнее время является выдвинутый З. Бжезинским термин «глобальный интернационализм»¹.

Социально-психологическим истоком метода «глобального интернационализма» в американской внешней политике является комплекс так называемой «американской мечты», порожденный представлением об Америке как «обетованной земле», где будет достигнута утопическая гармония в отношении всего того, что было отталкивающего и отрицательного в Старом Свете (см. подробнее разд. I, гл. 5). Как известно, структура мифа и законы его исторической выживаемости весьма сложны. Поэтому реальное существование и даже большая острота проявления прежних и новых проблем и противоречий на американской почве не означали автоматической и быстрой гибели мифа «американской мечты». Напротив, растущие неувязки и несоответствия «вблизи», внутри страны, в определенной степени содействовали экстраполяции «американской мечты» вдаль, за пределы территории Соединенных Штатов. «Исправляя других, можно исправить самого себя» — такая «логика», вообще характерная в качестве одного из последних прибежищ любого догматика, начинающего смутно улавливать зияющую пропасть между его «нутряным» мифом и реальностью, была присуща и американскому миссионеру, этому «благородному первопроходцу», прокладывающему путь для более прозаических и деловых представителей империализма Соединенных Штатов.

Основным социальным носителем данной тенденции явился так называемый северо-восточный истеблишмент — наиболее образованная и интересующаяся мировыми событиями часть правящего класса США, представители которой в современную эпоху наиболее длительный период стояли у руля правления американского государства. Разумеется, «глобальный интернационализм» представляет собой лишь один из компонентов политического сознания этой группы, но компонент весьма выразительный, имеющий большой практический выход. Что же касается конкретных политических форм проявления описываемой тенденции, то ими в значительной степени стало применение во внешней политике Соединенных Штатов различных приемов социального реформизма.

Как известно, механизм использования американским правящим классом методов социального реформизма как в сфере внутренней, так и внешней политики существенным образом отличается от соответствующих механизмов, сложившихся в Западной Европе. Если на западе Евроазиатского континента реформистскую функ-

¹ Brzezinski Z. U. S. Foreign Policy: the Search for Focus.— Foreign Affairs, 1973, Apr. 51, N 4.

цию почти исключительно взяли на себя социал-демократические партии, традиционно представлявшие сотрудничающее с буржуазией правое крыло рабочего движения, то в Соединенных Штатах сложилась принципиально иная политическая ситуация. Здесь в рамках специфической двухпартийной системы «реформистские инстинкты» не были строго партийно локализованы, а оказались представленными в обеих партиях и проявлялись в различных исторических эпизодах как в демократическом, так и в республиканском оформлении. Постепенно, однако, сложилась ситуация, при которой берущая свои истоки от Линкольна реформистско-демократическая традиция республиканской партии стала увядать, контрольный пакет акций в партийном руководстве как в центре, так и на местах приобрели представители наиболее консервативных, шовинистических прослоек американского правящего класса. Относительно более просвещенные либеральные круги (одним из наиболее авторитетных представителей которых был в послевоенное время Нельсон Рокфеллер) оказались в этой партии на обочине главной политической магистрали. В то же время развивался процесс определенной перестройки внутри демократической партии, в ходе которой снизилось влияние реакционных демократов-южан (диксикратов) и более веский голос приобрели деятели либерально-реформистского направления — наследники таких серьезных социально-политических процессов, как демократическое фермерское движение, борьба за равноправие этнических меньшинств, и прежде всего негритянского населения, оппозиция различного рода милитаристским акциям².

Разумеется, в последнем случае речь идет не о прямом следовании названным демократическим традициям, а о стремлении определенной части правящего класса учесть реальные социальные процессы, происходящие в американском обществе, и в определенной степени интегрировать их в сложившуюся политическую систему. Однако при этом происходят определенные изменения и в самой этой системе: если раньше можно было говорить об отсутствии в США каких-либо существенных партийно-политических различий в высшем эшелоне власти, то в последний период ситуация стала несколько иной. Во все большей степени и во внутри- и во внешнеполитическом плане функции консерватизма, стабилизации, поддержания статус-кво берет на себя одна часть правящего класса, реализующая свои интересы прежде всего в рамках республикан-

² «Еще при Брайане, а особенно при Ф. Д. Рузвельте демократическая партия „дала приют“ простому народу — рабочему классу, национальным меньшинствам, бедному фермерству, афро-американцам, присвоив себе право говорить от их имени. Платой за удержание этих масс в рамках „законности“ явилось проведение более гибкой реформистской политики уступок демократическому движению, которая и стала отличительной чертой демократов в XX в. Республиканцы же остались партией более открытой защиты интересов господствующего класса» (США: политическая мысль и история. М.: Наука, 1976, с. 301).

ской партии, тогда как функции реформизма — другая, отождествляющая себя в основном с демократической партией. В силу такого более четкого размежевания в правящей элите происходит перегруппировка сил в обеих партиях. Вместе с тем как консерваторы среди республиканцев и демократов, так и либералы в рядах обеих партий проявляют все большую тенденцию действовать солидарно, игнорируя формальные партийные рамки. Именно такой блокировкой можно объяснить, в частности, то обстоятельство, что программа президента Рейгана по оживлению американской экономики методами «классического капитализма» была одобрена в 1980 г. солидным консервативным большинством в обеих палатах конгресса США, хотя в конгрессе 97-го созыва республиканская партия имела небольшой перевес в числе мест лишь в сенате.

В соответствии с этим периодические чередования более динамичных, реформаторских периодов и консервативных, «утрамбовочных» этапов в американской политической жизни во все большей (хотя, разумеется, отнюдь не в абсолютной) степени совпадают с периодическими сменами у руля правления двух главных политических партий США.

Основные черты внешнеполитического реформизма

Каковы же основные отличительные черты подхода к внешнеполитической реальности реформистской части американской политической элиты?

Прежде всего это весьма высокая (в большинстве случаев явно завышенная) вера в возможность решения любых мировых проблем путем мобилизации имеющихся у Соединенных Штатов (а также у их союзников и клиентов) ресурсов. Представляется достаточным выработать правильную программу и напрячь усилия — и мир завертится в сторону, желательную для американского правящего класса. Этот наивный внеисторический оптимизм постоянно приводил либеральных реформистов к неудачам и просчетам: весьма часто оказывалось, что даже крайнее напряжение усилий США не дает желаемого эффекта, так как в действительности мир представляет собой не пассивное поле для применения американской «благотворительности», а переплетение сложных тенденций и силовых факторов, значительно более мощных и действующих отнюдь не в том историческом направлении, чем это зачастую представляется американским мыслителям.

Далее, для внешнеполитического реформизма США — в его концептуальном оформлении и практической реализации — весьма характерной является тесная связь идеологии и политики. По сравнению с традиционным консерватизмом различимо более четкое и разработанное ценностно-целевое обоснование. Если в классическом консервативном варианте наблюдается ощутимый разрыв меж-

ду общим и высокопарным декларированием таких «проходных» принципов, как божественное предначертание, самые общие моральные императивы и т. п., и конкретной, весьма прагматической, откровенно апеллирующей к циничным силовым аргументам мотивирующей внешней политики акций, то в реформистской линии прослеживается наличие идеологического «среднего звена». На его уровне осуществляется ценностная мотивировка конкретных внешнеполитических действий и различных, вполне локализованных в пространстве и времени тактико-стратегических установок. Таким путем достигается более оптимальная привязка внешнеполитической деятельности к внутриполитическим процессам, протекающим в стране, осуществляется контакт, используя терминологию Томаса Хьюза, между «проблемами безопасности» и «проблемами справедливости»³. Подобная тесная, более непосредственная координация внешней и внутренней политики необходима реформаторским кругам американской политической элиты «по определению». Ведь они опираются на активную, «озабоченную» часть избирателей, мыслящих более широкими, всемирными категориями, тогда как консервативное крыло апеллирует к «внутряным», узконационалистически настроенным контингентам, внешнеполитический интерес которых пробуждается лишь в периоды, когда самым непосредственным образом оказываются задетыми их повседневные житейские интересы. А значит, консерваторам-республиканцам в силу самой специфики их политической организации и массовой базы значительно легче и, так сказать, «естественнее» проводить внешнюю политику, гораздо значительнее дистанцированную от внутренней, чем их реформистским коллегам-оппонентам. Отсюда, как правило, меньшая забота о специфическом идеологическом обосновании внешнеполитических акций. Конечно, ситуация обязывает: выступления все более широких кругов США против наращивания вооружений и возрастающей угрозы ядерной войны (дополняемые протестами во всем мире), все острее ощущаемое в стране недовольство последствиями внутренней и внешней политики Рейгана вынуждают нынешнюю республиканскую администрацию уделять необычайно большое для консерваторов внимание пропагандистскому обоснованию и защите своего рискованного внешнеполитического курса.

Третья отличительная черта внешнеполитической ориентации американского реформизма (впрочем, теснейшим образом связанная с первыми двумя) состоит в его стремлении в большей мере апеллировать к определенным образом представляемому и конструируемому «мировому порядку», нежели придерживаться принципа баланса сил. Реформистская внешнеполитическая деятельность, как правило, руководствуется целями, выходящими за непосредственные устремления и тактические установки и тесно связанными с основ-

³ Hughes Th. L. Carter and the Management of Contradictions.— Foreign Policy, 1978, Summer, p. 43.

ной социально-политической, а в конечном счете — и морально-этической ориентацией проводников этой деятельности. В голове творцов реформистской внешней политики всегда имеется готовая схема окончательного, идеального мироустройства, причем такого мироустройства, в котором существенно не только определенное (естественно, доминирующее) положение Соединенных Штатов по отношению к другим государствам или группам государств, но и социально-политические параметры всех остальных (помимо США) частей мира. Завершенный мир — это мир «американской мечты» иными словами, всеобщий мир по-американски — такова их заветная, заветная, хотя далеко не всегда открыто высказываемая страсть. Ради создания такого мира либералы-реформисты готовы идти на довольно значительные «жертвы» (как правило, они пропагандируют и «пробивают» через законодательные органы, большие ассигнования на различные виды помощи зарубежным странам, охотнее используют государственные каналы и ресурсы для ведения заграничных операций, чем полагаются на стихийные силы частного бизнеса и неправительственных организаций). Наряду с этим и по той же самой причине либерально-реформистское направление зачастую (хотя, конечно, далеко не всегда) в большей степени, чем его консервативный оппонент, предрасположено к интервенционизму, в том числе и военному.

Последнее обстоятельство представляется парадоксальным лишь на первый взгляд. Внимательный анализ показывает, что интервенционизм, который для консерваторов представляется обычным и вполне прагматическим методом (наряду со многими другими), цель которого состоит в том, чтобы выравнять нарушившийся в том или ином районе мира «приличествующий Америке» внешнеполитический «баланс сил», иными словами, мерой вполне практической и оперативной, для реформаторов выступает как необходимое звено в сложной цепи конструирования «американского мира». Иными словами, всякое существование (сколь бы локальным и регионально-обособленным оно ни было в действительности) нарушение хода вещей сравнительно с тем, который представляется «единственно верным» в голове теоретика «глобального интернационализма», расценивается им как катастрофическое и увязывается на философско-концептуальном уровне с его главными целевыми ориентациями. На практике это означает наличие у реформистов устойчивой тенденции к превращению второстепенных, частных внешнеполитических проблем в стержневые, требующие «пробы сил», что ведет к различного рода «сверхреакциям», таким, например, как действия США в период карибского кризиса или интервенция во Вьетнаме.

Четвертая отличительная черта американской либерально-реформистской внешнеполитической ориентации состоит в своего рода компенсировании посредством внешней политики определенной уязвимости от критики справа, со стороны консервативных респуб-

ликанцев в сфере прежде всего политики внутренней. Уже упоминалось, что по самому составу своей массовой базы демократическая администрация вынуждена гораздо активнее использовать государственный аппарат для вмешательства в вопросы внутренней жизни страны, чем администрация консервативно-республиканская. Но подобного рода политика более сложна и рискована, ибо она — хотя и проводится ради достижения общих и долговременных целей правящего класса в целом — затрагивает конкретные интересы значительных его прослоек. Причем, как правило, реформистская внутренняя политика опровергается консерваторами «ударами ниже пояса» — различного рода обвинениями в «сползании к социализму», «предательстве ценностей истинного американизма» и т. п. В подобной обстановке соблазн продемонстрировать успехи в сфере внешней политики зачастую бывает непреодолимо сильным. Отсюда во внешнеполитической практике реформистов постоянно присутствует столь противоречивое с точки зрения логики и столь логичное с точки зрения политики сочетание реформизма и интервенционизма.

Этапы эволюции реформистской линии в международной деятельности

В более конкретном историческом плане американская либерально-реформистская внешнеполитическая традиция сформировалась в периоды пребывания у власти президентов Вудро Вильсона и Франклина Рузвельта.

Во внешнеполитической практике администрации Вильсона, равно как в идейно-пропагандистском ее обосновании, уже в достаточно полной и выразительной степени проявились отличительные черты американского реформистского стиля. В этой связи принято обычно обращать внимание на активный «интернационалистский» курс Вильсона, облаченный в пышные моралистические одежды его «14 пунктов»⁴ и принципа «мира без победы», который нашел свое отражение во вступлении Соединенных Штатов в первую мировую войну и их позиции во время Версальских переговоров. Действительно, именно в этих эпизодах окончательно сложился тот «исторический код» либерально-реформистской внешней политики американского правящего класса, который впоследствии неоднократно воспроизводится (с теми или иными конкретными конъюнктурными отклонениями) вплоть до настоящего времени.

Для этого кода уже на первоначальном, вильсоновском этапе были характерны такие черты, как страстное желание создать с

⁴ «14 пунктов» президента Вильсона — американская программа устройства мира после первой мировой войны, сформулированная президентом США в его выступлении на объединенном заседании двух палат конгресса США 8 января 1918 г. См.: Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1957, т. I, с. 727—728.

помощью однократного интенсивного волевого усилия унифицированный и контролируемый США «мировой порядок» (именно этим объяснялись решение США вступить в первую мировую войну, линия Вильсона в Версале и его инициатива по созданию Лиги наций), как сочетание «почти пацифистской» фразеологии с конкретными мерами по наращиванию американских вооруженных сил (в особенности военно-морского флота) и в конечном счете — применение жестких и циничных принципов в духе германской «реаль-политик» на практике с одновременной интенсивной пропагандой приверженности «миру без аннексий и контрибуций» на уровне массового обоснования политической стратегии.

Менее часто «моралистическая дипломатия» Вудро Вильсона упоминается на двух традиционных направлениях американской внешнеполитической экспансии — тихоокеанском и латиноамериканском. Между тем именно в этот начальный период американского внешнеполитического реформизма начинается процесс перемещения Филиппин с колониального на неоколониальный статус, завершившийся в 1946 г. Тогда же Соединенные Штаты начали свои попытки залечить травмы, нанесенные латиноамериканским государствам, и в особенности Колумбии, в результате грубой империалистической акции Теодора Рузвельта, создавшего американский колониальный анклав в зоне Панамского канала. Такие символические меры, как уплата Колумбии 25 млн. долл., предоставление ей права свободно пользоваться каналом, наконец, приписание официальных извинений за причиненный ущерб, — все это явилось первыми звеньями в цепи, которая тянется через всю историю американского политического общения с южными соседями и оканчивается подписанием администрацией Картера и последующей трудной ратификацией договора 1978 г. о Панамском канале.

И в то же время именно при Вильсоне в мае 1914 г. было предпринято американское вторжение в Мексику, развивавшееся под эгидой отстаивания тех же самых «высоких демократических принципов», что было использовано, к примеру, и для оправдания военной интервенции администрации президента Линдона Джонсона в Доминиканскую Республику в 1965 г. Итак, уже на этой фазе мы видим обе стороны так называемой «евангелической дипломатии».

По свидетельству американских исследователей⁵, Франклин Рузвельт рассматривал себя в качестве продолжателя «исторической миссии» Вильсона по созданию «нового мирового порядка», хотя и считал, что в ряде важных аспектов этим пионером внешнеполитического реформизма были допущены существенные просчеты. И главный из них, по мнению Рузвельта и его ближайших коллег, состоял в недооценке Вильсоном социально-экономических элементов при формировании структуры «американского миропо-

⁵ *Morison S. E., Commager H. S., Leuchtenberg W. E. A Concise History of the American Republic. N. Y.: Oxford University Press, 1977, p. 661—662.*

рядка». На деле, разумеется, эта «ошибка» коренилась в несравненно меньших экономических возможностях империализма США в начале нынешнего века сравнительно с его серединой.

Так или иначе, «новый курс» Рузвельта включил в себя практически все важнейшие стилистические компоненты, сложившиеся еще в вильсоновский период. Однако важнейшее отличие в середине XX в. состояло в том, что американский миропорядок невозможно было творить, не принимая в расчет реальность существования и постоянного укрепления первого в мире социалистического государства. Специфика рузвельтовского реформизма состояла в его тенденции совместить «американский миропорядок» с упомянутой выше объективной реальностью. Так, еще в 1933 г. зародились контуры американского конструктивного ответа на политику мирного сосуществования двух общественно-политических систем, которые дальше эволюционировали в направлении сотрудничества во время второй мировой войны и плодотворной созидательной работы в ходе Ялтинской конференции.

Параллельно с этой линией складывался курс на так называемое поощрение деколонизации, состоявший в приспособлении (зачастую при сильном и остром сопротивлении главных американских союзников и конкурентов) к процессу развивавшейся национальной освободительной революции с наименьшими для Вашингтона издержками и при сохранении наибольшего политического капитала. Латиноамериканской разновидностью этого рузвельтовского реформизма была политика «доброе соседство».

Однако то несомненное обстоятельство, что разновидность американского внешнеполитического реформизма, представленного Ф. Д. Рузвельтом и его группой, не исчерпывала всего спектра этого течения, проявилось сразу же после смерти этого выдающегося американского президента. Нельзя сказать, что политические деятели, разработавшие под эгидой нового президента — Г. Трумэна — доктрину «сдерживания коммунизма», ставшую концептуальной основой политики «холодной войны», в частности Дж. Маршалл, Д. Ачесон, Дж. Кеннан, А. Гарриман, Д. Форрестол, Д. Бирнс, принадлежали к принципиально иному направлению американского политического мышления, чем их непосредственные предшественники у руля правления. Они олицетворяли собой скорее другую сторону американского буржуазного реформизма, которая с особой полнотой и отчетливостью проявилась в новых исторических условиях. В обстановке, когда на исторической арене появилась мировая социалистическая система, когда на принципиально новый уровень поднялось рабочее движение в развитых капиталистических странах, когда под напором освободительной борьбы народов стала разваливаться колониальная система мирового империализма, принцип совместимости существования новой общественной системы с «американским миропорядком» был решительно отвергнут. Оружие социального реформизма в сфере внешней политики было обращено

на спасение капиталистической системы, оно превратилось в один из важнейших инструментов общей стратегии сокращения «главного противника», т. е. политики антикоммунизма⁶.

В частности, основное конкретное содержание внешнеполитического курса администрации Трумэна в конце 40-х — начале 50-х годов было типично буржуазно-реформистским. Ее основу составил «план Маршалла» — акция, выходящая, по существу, за «классические» внешнеполитические рамки и направленная на восстановление с помощью целой серии социально-экономических и валютно-финансовых мероприятий инфраструктуры развитого капитализма в Западной Европе.

Более или менее сходный процесс наблюдался в это время и в Японии, где американская военная администрация под руководством генерала Макартура практически «с чистого листа» стала воспроизводить на модернизированной основе японское капиталистическое государство. И в западном и в восточном случае американские «конструкторы» исходили из того, что в новых исторических условиях капитализм в состоянии выжить лишь как «усовершенствованный», реформированный капитализм, иными словами, как капитализм государственно-монополистический.

Таким образом, если в общесоциальном плане нынешняя фаза развития мирового капитализма является одним из неизбежных этапов его внутренней эволюции, то в конкретно-историческом плане — это в значительной мере детище американской внешней политики послевоенного периода, необычайно расширившей свои традиционные функции и прерогативы и превратившей инструменты социального реформизма в средство повышения выживаемости капиталистической системы и достижения оптимального баланса сил с социализмом в конкретных исторических обстоятельствах середины XX столетия.

⁶ «Демократическая партия была резко расколота по вопросам внешней политики на две основные группировки. Одна из них (в отличие от другой — рузвельтовской. — *Авт.*) придерживалась более жесткой линии по внешнеполитическим вопросам, сочетавшимся с холодным принятием проблематики нового курса. Она была представлена во внешней политике такими людьми, как Дин Ачесон, порвавший с Рузвельтом во время нового курса из-за разногласий по финансовым вопросам, в окружение которого входили обозреватели братья Олсопы и до некоторой степени Уильям Фулбрайт в сенате. Эти люди были привержены идее предопределенности американской судьбы в мире, где Америка заменила Англию в качестве гаранта существующего порядка. Это была группа, связанная с восточным истеблишментом — туманным, но вполне реальным конгломератом бизнесменов, юристов и финансистов, в значительной степени определявших американскую внешнюю политику в нынешнем столетии» (*Halberstam D. The Best and the Brightest. Greenwich (Conn.): Fawcett Publications, Inc., 1972, p. 30—31.*)

Дж. Кеннеди и «глобальный интернационализм»

Очередной этап эволюции американского внешнеполитического реформизма имел место в начале 60-х годов и связан с именем и деятельностью Джона Ф. Кеннеди. Под эгидой молодого и динамичного президента произошло воссоединение обеих реформистских течений демократической партии — преимущественно социал-либерального и преимущественно интервенционистского, резко разошедшихся на рубеже рузвельтовской и трумэнновской эпох. Можно сказать, что в этот период был воспроизведен первоначальный — вильсоновский — синтез классического американского «глобального интернационализма», разумеется, на принципиально иной исторической основе и с вытекающей отсюда спецификой.

С одной стороны, Кеннеди, быть может, более красноречиво, чем любой его предшественник, провозглашал и подчеркивал принцип американского силового руководства миром. «Я не хочу, чтобы историки написали в 1970 г., что баланс сил начал поворачиваться прогив Соединенных Штатов»⁷, — не уставал повторять Кеннеди. И это были не только слова. Никогда прежде для обоснования «глобальной американской миссии» в мирное время не были предъявлены столь веские финансовые аргументы. Администрации удалось протолкнуть через конгресс огромные по масштабам того времени ассигнования на военные расходы, которые явились базой для создания современного американского стратегического потенциала. В обоснование глобальных притязаний Соединенных Штатов были предприняты такие рискованные для дела всеобщего мира акции, как блокада Кубы (октябрь 1962 г.) или действия в период берлинского кризиса (лето и осень 1961 г.). Генетическая связь с трумэнновской дипломатией осуществлялась такими деятелями, как Дин Раск — государственный секретарь в администрации Кеннеди, являвшийся одним из ветеранов «холодной войны». Интервенционистская линия ярко проявилась и в подходе администрации Кеннеди к проблемам Юго-Восточной Азии — именно в этот период были предприняты первые инициативы в плане навязывания силой «американского решения» в Индокитае, что в дальнейшем принесло столько хлопот и разочарований американским правящим кругам.

Однако другим важным компонентом стратегии демократов в начале 60-х годов были характерные для реформизма действия, основанные на стремлении к реализации «американской мечты» в глобальном масштабе, построению «американского мира». В ситуации, характеризовавшейся значительным усилением главной силы, противостоящей США на мировой арене, — социалистической системы, возглавляемой Советским Союзом, ведущие американские либерально-реформистские политические мыслители пришли к вы-

⁷ Morison S. E., Commager H. S., Leuchtenberg W. E. Op. cit., p. 718.

воду о том, что основная их непосредственная задача — это борьба за умы и сердца граждан молодых развивающихся стран, разорвавших путы колониализма и ищущих оптимальный путь экономического и социально-политического развития. Именно эту почву американские реформисты начала 60-х годов сочли наиболее благодатной для пропаганды и внедрения основных «ценностей американизма». При этом они рассчитывали широко использовать в этих целях образ США — страны, добившейся в свое время освобождения от колониализма революционным путем, пропагандируя как фактические, так и мнимые достижения американской экономики и буржуазной социально-политической организации. Отныне путь к внешнеполитическому доминированию США лежал, по мнению сторонников реформизма, в максимальном содействии социальным преобразованиям в «промежуточной зоне», приобщению ее к капиталистическому миру на прочной и стабильной основе и одновременной изоляции таким путем системы социализма. Причем — и это, как мы уже знаем, весьма характерно для данного направления американского внешнеполитического мышления — у Кеннеди и его главных советников не было сомнений в способности США «поднять этот вес», решить со стороны проблемы социально-экономического развития на необъятных просторах Азии, Африки и Латинской Америки. Наивный исторический оптимизм и на этот раз перевесил доводы осторожного политического реализма.

Конкретные меры, призванные реализовать вышеочерченную концепцию, состояли в самом общем виде в следующем: в ключевые государства зоны развивающихся стран были направлены послы, призванные олицетворять американский «дружественный образ» (одним из наиболее характерных примеров явилось назначение известного американского либерального политика Честера Боулса в Индию); поставки по программе «Продовольствие для мира» были увеличены до суммы в 1,5 млрд. долл. ежегодно; помощь развивающимся странам также возросла, а ее экономический и научно-технический компонент был увеличен за счет военного; под непосредственным руководством президента в 1961 г. был создан так называемый «Корпус мира» — организация молодых добровольцев, призванных личным примером продемонстрировать американские национальные добродетели в развивающихся странах. В августе 1961 г. провозглашается отдельная социал-реформистская программа для Латинской Америки — «Союз ради прогресса», рассчитанная на 10 лет. Предоставление экономической помощи США странам региона обуславливалось проведением и в них серьезных реформ социальной структуры на буржуазно-демократической основе⁸.

⁸ «Те, кто делают мирную революцию невозможной, сделают неизбежной революцию насильственную. Социальные реформы — это сердце „Союза“, предпосылка экономической модернизации», — пояснил президент (Department of State Bulletin, 1962, Apr. 2, p. 542). В этом смысле программа «Союза» имела, по определению известного либерального историка Дж. Флемин-

Как известно, все эти программы уже в скором времени были признаны совершенно не соответствующими по своему объему тем амбициозным целям, которые были провозглашены при их создании,— в который раз претензии американского глобального реформизма не совпадали с его конкретной политической деятельностью. Последнее обстоятельство было несколько смазано трагической гибелью президента Кеннеди и легендой, возникшей вокруг его имени и дела. В обстановке, когда многочисленные «если бы» неизбежно подменили и затемнили беспристрастный исторический анализ, весьма трудно отделить замыслы одних от их воплощения другими. Однако сравнительное сопоставление показывает, что в «кеннедиевском варианте» присутствовали все основные отличительные признаки и имманентные ограниченности американского «глобального интернационализма», причем в его наиболее типичной, интегрированной, многоплановой сущности.

Моральный реформизм Дж. Картера

Вторая половина 70-х годов поставила американский правящий класс перед новыми сложными обстоятельствами. Происшедшие сдвиги в глобальном соотношении сил, серьезные изменения во внутривнутриполитической обстановке в самих Соединенных Штатах породили новую либерально-реформистскую тенденцию, в том числе и во внешнеполитической сфере. Особенность этой политики вытекала из многих обстоятельств, таких, как специфика конкретной международно-политической обстановки, состояние американского общества вообще и правящего класса в частности, состав руководящей группы, пришедшей в Белый дом в 1977 г., соотношение опосредственной (концептуальной) и непосредственной (конкретно-политической) преемственности.

Среди этих и иных сложных факторов, многие из которых анализируются в иной связи в предшествующих главах, важное значение имело возвращение к рулю непосредственного внешнеполитического руководства представителей центральной части восточного истеблишмента. Политические столпы восточного истеблишмента, сгруппировавшиеся еще в период правления республиканцев в рамках Трехсторонней комиссии, разработали основы «реформистского ответа» на императивы конца 70-х — начала 80-х годов.

В основе этого ответа лежала традиционная идея о более тесном, чем это имело место у предшественников, увязывании внешней и внутренней политики. «Дома,— констатировал известный американский политолог Стэнли Хоффман,— общественность и политическая элита требовали возврата к принципам, и было ясно, что никакая внешняя политика не может проводиться успешно, если не

будет предпринято новой крупной инициативы, направленной на то, чтобы заручиться поддержкой конгресса и общественного мнения»³.

На сей раз в основу глобально-реформистского подхода были положены две основополагающие идеи. Первая состояла в констатации очередного кризиса «американского мира», т. е. системы капиталистических государств. Его рекомендовалось преодолеть на путях качественного повышения уровня интеграции прежде всего трех основных империалистических «центров силы». Причем — и это весьма характерно для либерально-реформистского подхода — в основу полагался не чисто военно-политический принцип укрепления НАТО и американо-японского военного союза, а идея прежде всего экономической и социальной интеграции в качестве основы для соответствующего цементирования системы союзов.

Вторая идея заключалась в обеспечении энергосырьевого компонента для реализации первого проекта. С этой целью предполагалось продолжить курс Кеннеди на стимулирование развития молодых независимых государств по капиталистическому пути.

Очередная фаза обновления и реформирования мировой капиталистической системы признавалась совершенно необходимой для того, чтобы перевести отношения с социалистическими государствами на более приемлемую для американского правящего класса основу, при которой стало бы возможным самим идти на минимум уступок, рассчитывая при этом вырвать максимум у другой стороны.

Традиционным для последней по счету демократической администрации было и особое внимание к идеологическому обоснованию своей внешнеполитической деятельности. Стремление очертить и конкретизировать приемлемую как для американского народа, так и для большинства человечества цель американской внешнеполитической деятельности, воспользовавшись демократическими традициями США и Западной Европы, коренится, как мы уже видели, в самом генетическом коде американской либерально-реформистской ориентации. Подобные попытки активизируются, естественно, в периоды завоевания этой ориентацией доминирующих позиций в руководстве внешнеполитической деятельностью Вашингтона.

В результате во внешней политике Картера был усилен идеологический компонент, вылившийся в кампанию по «защите прав человека» в глобальном масштабе, был усилен выборочный подход к социалистическим государствам, сопровождавшийся попытками усилить тенденции «размывания» социализма посредством использования «конструктивных» (в частности, экономических) рычагов; был увеличен объем помощи (в частности, продовольственной и научно-технической) развивающимся странам, прежде всего таким «важным» и «перспективным» с точки зрения ориентации на капи-

³ Hoffmann S. A View from at Home: the Perils of Incoherence.— Foreign Affairs. America and the World. 1978/1979, vol. 57, N 3, p. 464.

тализм государствам, как, например, Египет и Нигерия; были активизированы попытки наладить контакты с государствами, представляющими собой «новые центры влияния» в Азии, Африке и Латинской Америке, несмотря на имеющиеся у них с Вашингтоном серьезные политические разногласия, в частности, разработать и представить на рассмотрение несколько более приемлемые для своих оппонентов (и для западноевропейских союзников) предложения по новому мировому экономическому порядку; был продемонстрирован более гибкий, чем при республиканцах, подход к проблеме, известной под названием «еврокоммунизм»; осуществлено некоторое дистанцирование (хотя и сопровождавшееся постоянными колебаниями и шагами назад) от наиболее одиозных и скомпрометировавших себя диктаторских и авторитарных режимов.

На выборы 1980 г. американские «глобальные интернационалисты» вышли со своим традиционным политическим и идейным багажом. «Использование американской мощи необходимо в качестве средства для построения не только более безопасного, но и более справедливого мира. Чтобы построить справедливый мир, мы должны преследовать такие цели, которые являются моральными целями, которые коренятся в идеалах американского народа»¹⁰, — говорилось в избирательной платформе демократической партии США. Эти высокопарные общие места, однако, на рубеже 80-х годов не ощущались американскими избирателями как непосредственно связанные с либерально-реформистским контекстом. Эти лозунги были перехвачены консерваторами, вложившими в них собственный смысл и собственную откровенно агрессивную, апеллирующую к неприкрыто шовинистическим инстинктам направленность. Привычная демагогия либеральных реформистов оказалась на этом этапе оторванной от «корней» и в значительной мере дискредитированной. Некоторые из традиционных защитников этой линии совершили резкий поворот вправо, легли на «консервативную волну», другие (такие, например, как сенатор Э. Кеннеди), остались верны старым принципам, надеясь на «лучшие времена».

* * *

Инструментарий, характерный для последнего по времени этапа внешнеполитического реформизма, оказался не новым, он, как и раньше, не дал положительных результатов. И не только вследствие общих причин, связанных с нынешней фазой кризиса американского империализма в целом, но и в силу изначальной ограниченности и противоречивости самого либерал-реформистского направления. Это несоответствие достаточно полно и емко выразил Стэнли Хоффман: «Помимо драмы власти, мы являемся свидетелями продол-

¹⁰ The Report of the Platform Committee to the 1980 Democratic National Convention. Wash.: U. S. GPO, p. 86.

жающейся моральной драмы. По-видимому, в нашей стране все еще широко поддерживается мнение о Соединенных Штатах как о модели, как о движущей силе определенного идеала. Многие несообразности американской политики, кажется, проистекают из последствий этой веры в американскую исключительность...»¹¹.

Имманентно присущие американскому либеральному реформизму противоречия порождают постоянную «недоделанность», незавершенность его зачастую столь амбициозных предприятий. Атмосфера разочарования и утраты иллюзий постоянно сопровождает эту наиболее оптимистическую и активистскую линию американской буржуазной внешнеполитической ориентации.

Пытаясь приспособиться к меняющимся реальностям современного мира, Вашингтон направляет основные усилия не столько на то, чтобы изменить свои узловые установки на международной арене (хотя это и должно было бы в ряде случаев «подогнать» США и их политику к происходящим в этой области сдвигам), сколько на то, чтобы попытаться подправить ход этих объективных перемен в соответствии со своим пониманием движения истории. И в этом источник не только сегодняшнего кризиса американского внешнеполитического реформизма, но и определенных опасностей, которые он несет самому меняющемуся миру.

У этой проблемы есть, однако, и иная сторона. Она состоит в укорененности американского типа буржуазного реформизма (в том числе и его главных внешнеполитических установок) в коллективном сознании правящего класса США. Рассмотренная нами концепция — одна из центральных ориентаций современных Соединенных Штатов на мировой арене. Следовательно, ее периодический выход на передовые позиции в качестве основы формирования конкретного внешнеполитического курса — явление закономерное, как совершенно закономерным было и противоположное движение общественно-политического маятника в начале 80-х годов, приведшее к власти в США архиконсервативную республиканскую администрацию, фанатичные претензии которой на «руководство» миром создают небывалую еще угрозу для всего человечества.

¹¹ Hoffmann S. Op. cit., p. 468.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США

Региональные направления внешней политики Соединенных Штатов начали формироваться еще в первые годы существования этого государства. Однако только во второй половине XX в. сложилась та их структура, которая действует в настоящее время. Следует сразу же отметить, что структура эта отнюдь не является застывшей, не подверженной модификациям. Последние связаны прежде всего с изменениями международной обстановки и позиций США в мире. Эволюционирует постоянно и соотношение между глобальной стратегией и региональной тактикой американского империализма.

Известно, что стремление к экономической и политической экспансии, причем далеко за пределами Североамериканского континента, было свойственно Соединенным Штатам еще на самой заре их существования. Однако их реальные возможности в тот период явно не соответствовали аппетитам господствующих классов США. Это было ясно тогда наиболее дальновидным американским руководителям, которые предостерегали своих особенно активных соотечественников от бесперспективных авантур и считали, что внешнеполитические интересы Соединенных Штатов должны быть сконцентрированы в первую очередь на защите крепости «Северная Америка» и создании наиболее благоприятных условий для развития бывших английских колоний вширь на самом американском континенте.

Эта точка зрения была сформулирована еще первым президентом США Джорджем Вашингтоном, подчеркнувшим в своем так называемом прощальном обращении к стране, что «Европа имеет ряд первостепенных для нее интересов, которые к нам (американцам.— Авт.) не имеют либо никакого отношения, либо весьма отдаленное... Поэтому для нас было бы неразумным вовлекаться искусственными связями в ординарные превратности европейской политики или в заурядные комбинации и коллизии ее дружбы или ее вражды»¹. Поскольку весь «цивилизированный мир», по представлениям американских политических деятелей конца XVIII в., сводился к самим Соединенным Штатам и европейским странам, постольку это высказывание Дж. Вашингтона можно рассматривать как призыв проводить политику изоляционизма, наиболее отвечающую, видимо, в тот период национальным интересам американского государства.

¹ The Writings of George Washington from the Original Manuscript Sources. 1745—1799 / Ed. J. Fitzpatrick. Wash.: U. S. GPO. 1940, vol. 35. p. 234.

Тем не менее всего через несколько лет после образования Соединенных Штатов была предпринята первая попытка американской экспансии в Средиземноморье. С целью гарантировать безопасность морской торговли американской республики в этом районе мира были заключены соответствующие договоры с Алжиром, Марокко, Тунисом и Триполи. Эти соглашения предусматривали регулярную выплату правителям североафриканских стран значительных денежных сумм и поэтому рассматривались американской стороной как явно невыгодные. Стремясь освободиться от этих обязательств и укрепить свои позиции в Средиземноморье (в том числе и за счет европейских стран, вступивших на рубеже XVIII и XIX вв. в период длительных и тяжелых войн, отвлекавших их внимание и силы), Соединенные Штаты, как только они почувствовали себя достаточно окрепшими, начали решать эту проблему военным путем. В результате американо-триполитанской войны (1801—1805 гг.) США подписали новый, более благоприятный для себя договор. Позднее Соединенные Штаты, которые в те годы постоянно держали свою военно-морскую эскадру в Средиземном море, навязали аналогичные соглашения также Тунису и Алжиру. Таким образом, уже в самом начале XIX в. в Восточном и Южном Средиземноморье довольно четко просматривались характерные черты той политики, которая на более поздних этапах легла в основу действий США и в других регионах мира.

Однако после завершения в Европе наполеоновских войн выяснилось, что выдержать конкурентную борьбу с более мощными европейскими державами, и прежде всего с Англией, в районе Средиземноморья Соединенные Штаты не в состоянии и им пришлось убраться восвояси. Так бесславно закончилась первая, но далеко не последняя попытка США выйти за пределы западного полушария и проводить глобальную политику. Одним из результатов этого первоначального опыта явилась дальнейшая концентрация экспансионистских усилий США в западном полушарии. В 1812 г. они безуспешно попытались завоевать Канаду. Энергично шло освоение западных и юго-западных районов Североамериканского континента (в том числе и за счет захвата половины территории Мексики), все большее внимание уделялось Латинской Америке. В 1823 г. президент Джеймс Монро (в послании конгрессу от 2 декабря) выступил с доктриной, носящей с тех пор его имя. В ней декларировался принцип «Америка для американцев». Эта доктрина, по сути дела, не только заложила основы последующей неоколониалистской политики США в отношении стран Латинской Америки, но и во многом определила характерные черты региональной политики США вообще.

В последней четверти XIX в. бурное развитие в США капитализма, для которого не только значительно расширившиеся национальные, но и континентальные рамки стали тесны, привело ко все более глубокому вовлечению американцев в азиатские дела. Это

положило начало развитию второго — тихоокеанского или восточноазиатского — регионального направления во внешней политике США. Стремление американской буржуазии получить максимальный доступ к азиатским рынкам при необходимости в то же время считаться (в условиях относительной военной слабости США) с интересами других империалистических держав в Восточной Азии нашло свое отражение в провозглашении на рубеже XX в. доктрины «открытых дверей» (или «доктрины Хэя», как она еще иначе называлась по имени сформулировавшего ее государственного секретаря США). Эта доктрина не просто подводила теоретическую базу под экспансию США в Азию, в первую очередь в Китае. В ней был впервые сформулирован один из основных принципов неокOLONиализма — принцип «равных возможностей» капиталистических держав в соревновании за передел рынков сбыта и источников сырья по силе капитала.

Империалистическая война США против Испании 1898 г., в результате которой последняя лишилась Филиппин и всех своих колоний в западном полушарии, и, наконец, вступление в 1917 г. Соединенных Штатов в первую мировую войну знаменовали собой переход американского империализма к активному вмешательству в дела государств, расположенных в самых различных регионах земного шара.

В конце первой мировой войны Соединенные Штаты оказались экономически сильнейшей державой, обладавшей значительной военной машиной. Тогдашний президент США Вудро Вильсон, говоря о послевоенном мире, заявлял, что «финансовое руководство будет нашим (т. е. американским.— *Авт.*). Промышленное руководство будет за нами. Торговое преимущество будет нашим. Другие страны мира будут следовать нашему направлению и руководству»².

Однако надеждам В. Вильсона не дано было осуществиться. Более того, вскоре после его ухода из Белого дома и вступления на пост президента Уоррена Гардинга в США снова во всеуслышание заговорили о соблюдении трех традиционных принципов внешней политики: «доктрины Монро» в Латинской Америке, «открытых дверей» в других регионах мира и «неввязывания» в дела Европы. Следование этим принципам, естественно, ни в коей мере не означало полного изоляционизма, несмотря на отказ конгресса США одобрить завершавший первую мировую войну Версальский мирный договор 1919 г. и тем самым санкционировать вступление США в учрежденную тем же договором Лигу наций. И все же трудно не согласиться с президентом США Дж. Картером, заявившим, что подлинное «выдвижение США в ряды мировых держав... случилось в 1945 г., когда Европа и старый международный поря-

² Цит. по: *Dulles F. R. America's Rise to World Power. 1898—1954.* N. Y.: Harper and Row, 1955, p. 128.

док лежали в развалинах. До того времени Америка в основном оставалась на периферии международной политики»³. Действительно, только после второй мировой войны правящие круги США начали рассматривать интересы американского империализма в любом регионе земного шара с глобальной точки зрения. В Вашингтоне были предприняты попытки выработать единый подход к внешней и военной политике в различных географических районах, и, наконец, США оказались вовлеченными в той или иной мере во все основные политические проблемы современного мира.

В целом во внешней политике США это нашло свое отражение в попытках сдерживать и «отбросить» социализм, вообще затормозить прогрессивные социально-экономические преобразования в мире; в настойчивых усилиях по укреплению устоев капитализма в развитых капиталистических странах; в борьбе за подавление волны национально-освободительных движений и укрепление стран так называемого третьего мира в рамках мировой капиталистической системы. Практически любые нежелательные для Вашингтона изменения в мире воспринимались руководителями американской политики как «происки коммунистов», требующие немедленного ответа со стороны США.

Конец 60-х годов ознаменовался новым качественным изменением в соотношении сил на мировой арене. В результате Вашингтон оказался вынужденным исходить из того, что Советский Союз не только достиг паритета с США в области стратегических вооружений, но и обрел реальные возможности проводить свою политическую, экономическую и военную линию в глобальном масштабе. Отчетливо проявилась и неравномерность развития капиталистических стран. Значительно расширили свои экономические возможности и укрепили свою политическую самостоятельность Япония и Западная Европа, в частности ФРГ и Франция, роль которых в мировой политике возросла. Примерно втрое увеличилось число юридически независимых государств в мире. Более того, Соединенным Штатам пришлось во всевозрастающей степени рассматривать эти страны не только и даже не столько как простые объекты своей политики, но и считаться с ними как с более или менее самостоятельными субъектами международных отношений, имеющими собственные интересы и проблемы, далеко не всегда совпадающие с американскими.

Эта объективная реальность нашла свое практическое отражение в вынужденном признании теоретиками и лидерами США «многополюсности» современного мира, в более трезвом взгляде на собственно американские возможности на мировой арене. Если до конца 60-х годов внешняя политика США функционировала как бы на двух ярусах — глобальном и региональном, то теперь в трудах заокеанских теоретиков международных отношений и государств

³ Weekly Compilation of Presidential Documents, 1977, May 30, p. 775.

веиных деятелей начала вырисовываться своего рода многоярусная структура, в которой чисто географические блоки дополняются проблемными или функциональными, а эти последние как бы перекрещиваются с первыми. Да и сам географический подход к проблеме регионализма заметно усложнился. Наряду с сохранением сложившихся и появлением новых чисто географических направлений, таких, например, как индокитайское, при одновременной дальнейшей субрегиональной дифференциации политики США все чаще стали использоваться такие понятия, как Восток—Запад, Север—Юг, а также трехсторонний (имея в виду социалистические страны, развитые капиталистические страны и все остальные страны) или даже четырехсторонний мир⁴. Одновременно продолжался процесс все большего подчинения чисто региональных направлений задачам глобальной политики США.

Все это способствовало тому, что в определенной степени размылась специфика чисто географического подхода к тем или иным странам или группам стран. Так, подход США к странам развивающегося мира — будь то страны Азии, Африки или Латинской Америки — начал приобретать значительно больше общих черт, чем специфических различий.

Однако процесс определенной нивелировки географических региональных направлений в современной внешней политике США далеко не однозначен. На региональную политику США, естественно, влияет целый ряд специфических факторов, связанных как с особенностями самого региона, так и со спецификой расстановки сил внутри самих США. История Соединенных Штатов знает немало случаев, когда та или иная национальная или религиозная группировка оказывала достаточно эффективное давление на федеральное правительство с целью заставить последнее поддержать определенное государство или группу государств или выступить против него (или них), порой идя при этом вразрез глобальным расчетам правящего класса в целом. Хорошо известна, например, деятельность сионистского израильского лобби в США, оказывающая немалое воздействие на курс политики США на Ближнем Востоке. Энергично и подчас небезуспешно пытается влиять на политику США в Восточном Средиземноморье греческое лобби. При

⁴ По словам бывшего помощника президента США по национальной безопасности З. Бжезинского, существуют и «взаимодействуют, по существу, четыре разных мира» (при сохранении старых, устоявшихся во внешней политике США региональных направлений). Это «промышленно развитый мир или западные демократии», к которым в США относят страны Северной Америки, Западной Европы, Австралию, Новую Зеландию и Японию (вопрос о Южно-Африканской Республике автор преднамеренно оставляет открытым); «коммунистический мир»; «мир относительно богатых, но развивающихся стран, это в особенности нефтедобывающие страны ОПЕК и несколько наиболее преуспевающих развивающихся стран: о. Тайвань, Южная Корея; и, наконец, четвертый мир — мир бедных стран планеты» (Department of State Bulletin, 1977, Sept. 26, p. 16).

проведении политики в отношении социалистических стран Восточной Европы президенты США вынуждены учитывать весьма многочисленные в США общины выходцев из некоторых восточноевропейских стран. В определении подхода Вашингтона к проблемам Африки к югу от Сахары нередко играют определенную роль соображения, связанные с расовыми отношениями в самих США и т. д. Все это не может не способствовать сохранению специфики различных региональных направлений.

Таким образом, несмотря на усиление в американской внешней политике глобалистских соображений и тенденций, в практической внешнеполитической деятельности Вашингтон по-прежнему значительное внимание вынужден уделять традиционным региональным направлениям. Анализу действий США в различных регионах мира и задач, которые они ставят перед своей региональной политикой во всех районах земного шара, и посвящен настоящий раздел.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СООТНОШЕНИЕ

МЕЖДУ ГЛОБАЛЬНОЙ СТРАТЕГИЕЙ

И РЕГИОНАЛЬНОЙ ТАКТИКОЙ

Планы глобальной стратегии США устанавливают общие цели и задачи внешнеполитического курса, определяют порядок их достижения и предписывают — в самом общем виде — средства и методы их выполнения. Но воплощение этих установок в жизнь, претворение замыслов в реальные дела происходят на практическом уровне в рамках политики США по отношению к отдельным странам и регионам мира, которые рассматриваются как ее конкретные объекты. Следовательно, основная зависимость между глобальной стратегией Вашингтона и его региональной политикой имеет прямолинейный характер: первая формулирует общие цели исходя из интересов правящего класса США на международной арене, вторая претворяет поставленные задачи в жизнь применительно к конкретным условиям отдельных стран и регионов.

Весьма значительное число субъектов современных международных отношений, различия между отдельными государствами в социальном и классовом характере, в природных ресурсах и уровнях экономического развития, в размерах территорий и численности населения — все это превращает формулирование практического курса Вашингтона по отношению к каждой отдельной стране или каждому отдельному региону мира и увязку этого курса с глобальными интересами правящего класса США в чрезвычайно сложную задачу.

Классовый и региональный подходы

Самым основополагающим подходом, определяющим внешнеполитический курс США, является классовый: разделение правящими кругами Вашингтона государств мира на союзников, к которым относятся развитые капиталистические государства и часть развивающихся стран, связанных прямым сотрудничеством с США, и противников, в число которых включены социалистические страны и освободившиеся государства, избравшие путь социалистической ориентации. Особую группу составляют неприсоединившиеся государства, стоящие в большинстве своем на антиимпериалистических позициях, по которым правящие круги США хотели бы тем не менее рассматривать как свой потенциальный резерв.

Разумеется, подобный подход правящих кругов США к странам мира («кто не с нами, тот против нас») устанавливает лишь самые общие критерии их распределения по отдельным группировкам и формулирует самые общие задачи политики, что не исключает в каждом конкретном случае различных модификаций. Вместе с тем разделение руководством США государств мира по классовому признаку служит средством более целенаправленного определения внешнеполитических задач, перевода общих глобальных установок на более ясный и конкретный язык политической практики, разработки стабильных и долгосрочных основ отношений с каждой из групп государств. Такие основополагающие принципы практически не меняются в своем существовании, несмотря на смену администраций в Вашингтоне или же эволюцию международной обстановки. Это делает внешнеполитический курс США, во всяком случае на протяжении определенных исторических отрезков времени, более или менее устойчивым, вносит в него элементы преемственности, в определенной мере помогает сокращать амплитуду его хаотических колебаний при крупнейших поворотах внешней политики Вашингтона или кризисах внутри американской правящей элиты.

Деление государств мира по классовому признаку и формулирование на этой основе ряда более конкретных задач глобальной стратегии США создаст определенную структуру целей и интересов американского капитала. Но этот уровень определения задач глобальной стратегии США на основе классового принципа не свободен, с точки зрения американских правящих кругов, от недостатков: он слишком общо формулирует цели внешнеполитического курса и не обеспечивает такого оптимального сочетания глобальных целей со спецификой политики в отношении отдельных стран и регионов мира, которое позволило бы внешнеполитическому механизму относительно легко оперировать в каждой данной конкретной обстановке, постоянно учитывать ее специфические позитивные и негативные стороны и активно использовать их в интересах США.

Кроме того, узкоклассовый подход к внешней политике часто

просто мешает американскому правительству осознать реальные проблемы в том или ином районе мира и тем более принять по ним необходимые, наиболее оптимальные, даже с точки зрения интересов США, решения. Раздающиеся время от времени со стороны американских либералов и прагматиков упреки по поводу «одержимости» вдохновителей и руководителей внешнеполитического курса США антикоммунизмом продиктованы пониманием того факта, что сугубо идеологизированный подход к внешнеполитическим проблемам далеко не всегда адекватен подлинным американским национальным интересам, что он способен порождать искривленное восприятие действительности, увести внешнеполитический курс в сторону от решения наиболее насущных для США проблем. Чтобы избежать такого положения, многие из американских специалистов рекомендуют правительственным ведомствам более тщательно изучать специфику положения в отдельных странах и регионах мира, не поддаваться соблазну повсеместно изображать внешнеполитические проблемы США в черно-белых красках идеологической конфронтации.

Одним из средств достижения более точного и конкретного понимания специфики внешнеполитических задач США является региональный подход. Распределение внешнеполитической активности государства по региональным направлениям — явление, давно устоявшееся в дипломатической практике. Оно значительно упрощает разработку принципов и целей внешней политики по отношению к отдельным группам государств, исходя из их географической близости, этнической, религиозной или расовой общности, схожести исторического развития, устоявшихся прочных связей. Региональный подход дает возможность определить цели и методы внешней политики по отношению к целым группам однотипных или расположенных вблизи друг друга стран, добиваясь при этом оптимизации результатов собственного политического курса путем учета региональной расстановки и соотношения сил, положения того или иного региона в мировой политике, веса и влияния отдельных, наиболее крупных государств в соответствующих регионах.

США издавна использовали принцип региональной организации внешней политики. Одним из первых региональных подразделений в американском государственном департаменте является созданное в 1789 г. Управление европейских дел, занимающееся на нынешнем этапе вопросами политики США по отношению ко всем государствам Европейского континента, в том числе и к СССР. В процессе развития внешнеполитической и экономической экспансии США в государственном департаменте появились управления, отвечающие за политику в отношении стран Латинской Америки (ныне — Управление межамериканских дел), в отношении стран Азии и Тихого океана (Управление по делам Восточной Азии и Тихого океана). В течение длительного времени, пока американские правящие круги в силу уже упоминавшихся исторических причин воздержи-

вались от активной глобальной политики, весь комплекс региональных направлений ограничивался указанными тремя. Только в годы второй мировой войны, когда США направили свои войска в Северную Африку для борьбы против немецко-фашистского экспедиционного корпуса и итальянских войск, в государственном департаменте было создано еще одно управление по делам Ближнего Востока и Северной Африки.

Выход Соединенных Штатов на мировую арену в качестве лидера мирового капитализма после окончания второй мировой войны, выдвигание антикоммунизма в качестве господствующей идеологии американского правящего класса (после недолгого периода сотрудничества СССР в рядах антигитлеровской коалиции), «расползание» американского присутствия по всему миру в 40-х и 50-х годах, рост вовлеченности Соединенных Штатов в дела практически всех мировых регионов — все это не могло не привести к качественному изменению американской внешней политики. Отражая процесс становления США как глобальной державы с безмерными аппетитами, региональные направления их внешней политики также коренным образом изменились — как по содержанию, так и по форме.

Практически все региональные направления внешней политики США ныне действуют как производные от глобальных установок, среди которых на первом по значению месте стоит борьба против Советского Союза и других социалистических государств, против освободительных и революционных движений, стремление к повсеместной американской гегемонии, даже за счет собственных союзников. Вследствие этого в региональных направлениях внешнеполитического курса США выдвинулись на первое место интересы военно-стратегических приготовлений; на основных региональных направлениях — европейском, латиноамериканском, восточноазиатском, ближневосточном — они фактически отождествляются с блоковой политикой; в дополнение к прежним мотивам экспансии, вытекающим из стремления крупного капитала США заполучить доступ к мировым рынкам и ресурсам, значительно усилилась роль пропагандистско-идеологических соображений.

Сочетание геополитики с региональным подходом

В процессе формирования региональных направлений внешней политики США после второй мировой войны наряду с преобладанием в ней социально-идеологических и военно-стратегических соображений с особой силой проявились геополитические установки американского правящего класса. Работы адмирала А. Мэхена, братьев Генри и Брукса Адамсов, других представителей этого направления внешнеполитической мысли США конца XIX и начала XX в., в которых выдвигались геополитические обоснования «мировой роли» Соединенных Штатов и основные направления их будущей

политики, а также вырисовывалась наиболее выгодная географическая схема их мировой экспансии, сыграли роль своего рода учебных пособий для американских правящих кругов в послевоенные годы¹. Ощутив за собой неизмеримо возросшую экономическую силу и возлагая необузданные надежды на обладание атомным оружием, правящие круги США начали рассматривать весь остальной мир как некое «свободное пространство», где им оставалось лишь, руководствуясь рецептами геополитики, определить наиболее оптимальные пути экспансии.

Профессор Южноиллинойского университета (США) К. Глэйзер попытался составить схему, отражающую то, как американская внешнеполитическая мысль делит весь остальной мир на отдельные региональные блоки. При этом он показал, что данная схема в целом остается неизменной для работы внешнеполитического механизма США на протяжении всего послевоенного периода, хотя в отдельных ее частях происходят порой важные изменения в зависимости от хода международных событий и изменения соотношения противоборствующих на мировой арене сил². По его словам, американская политическая мысль делит весь мир на четыре концентрические зоны, расходящиеся от периметра границ Соединенных Штатов и отличающиеся одна от другой уровнем приоритетности, формами и интенсивностью проявления американской внешнеполитической экспансии.

Первой и основной зоной, «ядром» геополитических интересов США, по мнению К. Глэйзера, является территория Соединенных Штатов и граничащих с ними Канады и Мексики. В этой зоне преимущественными интересами правящего класса США являются обеспечение непоколебимой социально-политической стабильности, создание всех необходимых условий для экономического и научно-технического прогресса, результаты которого трансформировались бы в укрепление существующей общественной системы, возможность получения максимальных прибылей монополиями и приличного жизненного уровня для определенной части населения (опять-таки как условия политического «статус-кво») и создания надежного «тыла» для внешней экспансии. Влияние этого подхода можно видеть в идеях последних администраций США, стремящихся, в частности,

¹ Особое значение в приспособлении идей этих основоположников американской школы геополитики к условиям периода второй мировой войны и ожидавшимся после ее окончания итогам имели работы известного американского политолога Н. Спикмэна. В 1942—1944 гг. он опубликовал книги «Американская стратегия в мировой политике» (*American Strategy in World Politics*. N. Y.: Harcourt, Brace and Co., 1942) и «География мира» (*Geography of Peace*. N. Y.: Harcourt, Brace and Co., 1944), в которых предложил ряд наиболее важных для США направлений экспансии с целью достижения «позиции силы» в мировой политике.

² См.: *Glaser K. United States Geopolitical Interests in East Asia: Collected Documents of the First Sino-American Conference on Mainland China*. Taipei: University of Taipei Press, 1971.

к формированию общего рынка североамериканских государств на принципах «нового континентализма».

Следующей по порядку зоной геополитических интересов США К. Глэйзер считает «внутреннее кольцо», иначе — зону гегемонии, к которой относятся страны Латинской Америки, а также акватория Атлантического и Тихого океанов и расположенные там государства. В этой зоне преимущественные интересы США состоят в обеспечении полного господства американского капитала, недопущения в нее каких-либо конкурирующих сил, в том числе и из развитых капиталистических держав, в сосредоточении усилий самих США на установлении полной политической, военной и экономической зависимости расположенных здесь государств. Это «кольцо» должно, по мнению американских политиков, служить одновременно и зоной обеспечения США необходимыми сырьевыми материалами, и военно-стратегическим буфером между ними и остальным миром.

Третью зону геополитических интересов США К. Глэйзер определяет как «промежуточное кольцо» или зону дружественных держав. К ним относятся в первую очередь страны Западной Европы и американские союзники в Азии, а также наиболее важные для США страны Ближнего Востока и Африки. В этой зоне основные интересы Соединенных Штатов, по его мнению, состоят в контроле над наиболее важными источниками сырьевых материалов, обеспечивающими экономику не только США, но и их союзников и «дружественных» нейтральных стран; в установлении американского контроля над важнейшими стратегическими и торговыми коммуникациями; в создании здесь системы военных и производственных баз для обеспечения возможного нападения на потенциального противника. Это «прифронтальная зона» американского империализма.

И наконец, последнюю, четвертую зону К. Глэйзер называет «внешним кольцом» или «зоной безразличия». Понятие «безразличия» в концепции К. Глэйзера можно трактовать как убеждение в том, что в этой зоне Соединенные Штаты не могут и не должны рассчитывать на реализацию каких-либо позитивных для себя интересов. В данной зоне в отличие от трех предыдущих американский капитал не может добиться сколько-нибудь свободной деятельности, не говоря уже о его гегемонии. Основные задачи США в этом районе — борьба против СССР и других социалистических стран, территориально примыкающих к Советскому Союзу, максимальное ослабление общественного строя в этих странах, создание вокруг них непреодолимого барьера из союзников США и зависимых режимов, поддержание постоянного и высокого уровня угрозы в адрес социалистических стран.

Фактически схема К. Глэйзера представляет собой современную и более детализированную концепцию геополитических интересов США, разработанную еще основоположниками американской школы геополитиков, в которой для сохранения и приумножения доминирующей роли «мирового острова» (Соединенные Штаты и за-

висимые от них государства Американского континента) рекомендовалось стремиться к созданию дружественного Соединенным Штатам и зависящего от них «окраинного пояса» государств, окружающих сердцевину евроазиатского массива — «хартлэнда». Согласно этой концепции, правящие круги США должны были противопоставить державе или державам «хартлэнда», в которых теоретики геополитики того периода видели естественных врагов Америки, этот дружественный США «окраинный пояс» и тем самым обеспечить за собой позицию верховного арбитра в мировой политике³. К. Глэйзер лишь незначительно видоизменил эту концепцию и приспособил ее к условиям послевоенной расстановки сил на международной арене.

Схема К. Глэйзера, в принципе правильно излагая систему геополитического членения Вашингтоном остального мира, не разъясняет одного существенного момента: если судить о внешнеполитической экспансии США только по этой схеме, может показаться, будто интенсивность интересов и соответственно активность внешней политики США в послевоенные годы ослабевала по мере продвижения от «ядра» системы к периферии, напоминая собой вариант глобальной стратегии, отстаиваемой американскими изоляционистами и получившей наименование «Америки-крепости». Между тем, насколько можно судить по реальным событиям, интенсивность американской деятельности на, казалось бы, периферии геополитических интересов США отнюдь не ослабевала. Наоборот, в течение длительного периода времени именно в этих районах — вдоль границ СССР и других стран социалистического содружества — она была наиболее высокой, отражая реальную сущность современной глобальной стратегии Вашингтона: ставку на военное противоборство двух мировых систем и стремление добиться с помощью вооруженной силы победы в историческом соревновании капитализма с социализмом.

Последней по времени интерпретацией системы геополитических взглядов американской правящей верхушки для региональной политики США стала всемерно пропагандируемая с 70-х годов идея особых «стратегических зон», определяемых «жизненными интересами» американского капитала во внешнем мире. В дополнение к традиционным «стратегическим зонам», созданным США в послевоенные годы в Северной Атлантике (зона блока НАТО) и в Восточной Азии (зона, охватываемая «предмостными укреплениями» США в Южной Корее, Японии и на Филиппинах, а также районами военного присутствия американских вооруженных сил в Тихом океане), предлагалось укрепить «третью зону стратегических интересов США» — в Индийском океане с «предмостными укреплениями» в

³ Более подробное изложение основных идей и теорий американской геополитики см.: Каренин А. Философия политического насилия. М.: Междунар. отношения, 1971.

Иране (до антишахской революции 1979 г.), Пакистане, Саудовской Аравии. Муссирование американскими теоретиками и лидерами концепции «стратегических зон» означало усиление интереса и внимания к упрочению позиций американского империализма в ключевых — с точки зрения наступления на «хартлэнд» — районах мира.

Основные региональные направления

Под влиянием геополитических воззрений американского правящего класса сложилось пять основных региональных направлений во внешней политике США, которые в настоящее время закреплены организационной структурой государственного департамента. К этим направлениям относятся: европейское, латиноамериканское, азиатско-тихоокеанское, ближневосточно-южноазиатское и африканское.

Само собой разумеется, что подобная схема региональных направлений в определенной мере дань традиции, а в большей части — итог послевоенной эволюции внешнеполитического курса Вашингтона. Поэтому реальная структура региональных направлений подчас еще более детализирована и переменчива. Так, европейское направление внешней политики США фактически распадается на два: одно из них решает проблемы политики в отношении стран Западной Европы, и прежде всего членов НАТО, другое — в отношении стран Восточной Европы и Советского Союза. Аналогичным образом подразделяется азиатско-тихоокеанское направление: в нем также существуют более узкие членения, обслуживающие политику в отношении Японии, Австралии, Новой Зеландии и других союзников Вашингтона, курс по отношению социалистических стран Азиатского континента, особенно — политику США в отношении Китая.

Известные перемены в конкретном содержании деятельности отдельных региональных направлений вызывались попытками США учесть эволюцию политической обстановки в этих районах или на международной арене в целом. Так, начало стремительного процесса освобождения африканских государств в период 50-х годов, возникновение на этом континенте совершенно иной политической обстановки побудили руководство госдепартамента в 1958 г. создать новое — африканское — внешнеполитическое направление, а прежнее Управление по делам Ближнего Востока и Северной Африки преобразовать в Управление по делам Ближнего Востока и Южной Азии.

Тем не менее указанная выше система региональных направлений внешнеполитического курса США, сложившаяся уже к концу 60-х годов, на данном этапе остается в действии. Видимо, она отвечает в сущности своей нынешним представлениям правящих кругов в этой области и служит достаточно эффективным средством доведения общих целей и задач Вашингтона на мировой арене до уровня отдельных стран и районов мира. Вместе с тем важно пони-

мать, что эта система, так же как и другие аспекты внешнеполитического курса США, может быть подвержена изменениям, отражающим меняющиеся возможности США, перемены в соотношении сил на мировой арене и конкретную их расстановку в отдельных регионах.

В пользу этого вывода говорит и сам процесс становления системы региональных интересов США в послевоенный период. Уже в годы второй мировой войны в политических кругах США начала формироваться своеобразная расстановка сил по проблемам будущих региональных приоритетов политики. Наиболее острые споры наблюдались между сторонниками первенства европейских проблем (ибо многие влиятельные круги в США считали, что с поражением Германии они получат возможность активного проникновения на этот континент) и приверженцами азиатского направления, которые надеялись, что с разгромом Японии Соединенные Штаты получат возможность превратить весь район Восточной Азии и Тихого океана в сферу своего исключительного влияния⁴.

С окончанием войны эти споры не утихли. Наоборот, каждая из сложившихся группировок активно настаивала на принятии ее позиции за основу глобальной стратегии Вашингтона. Отталкиваясь от геополитических рецептов, рекомендовавших создавать угрозу державе «хартлэнда» (в данном случае — Советскому Союзу) со стороны обеих оконечностей евроазиатского массива, и сторонники европейского направления, и приверженцы экспансии в Азии считали, что необходимо сосредоточить усилия по созданию такой угрозы в первую очередь именно в том районе, в котором были сосредоточены их интересы.

В 1947—1949 гг. данные споры не повлияли достаточным образом на стратегическое планирование в Вашингтоне, воздействие сказалось лишь несколько позднее, в период администрации Эйзенхауэра (1953—1960 гг.). В конце же 40-х годов, сразу же после провозглашения стратегии «сдерживания коммунизма» и принятия закона 1947 г. о национальной безопасности, перед руководителями внешнеполитического курса США встала иная стратегическая дилемма: готовиться ли к немедленной войне против СССР и обрушить на него массивный удар, пока Советский Союз еще не залечил раны, нанесенные войной с гитлеровской Германией, или же взять за основу планирования стратегию «длительной осады», иными словами, многолетнего противоборства, при котором, естественно, приходилось бы уделять особое внимание борьбе в отдельных районах мира, где национальные интересы освободившихся государств либо продолжающаяся борьба народов за демократию и социальный прогресс вступали во все большее противоречие с гегемони-

⁴ Анализ документов американской политики этого периода см.: *Kolko G. The Politics of War. The World and US Foreign Policy, 1943—1945.* N. Y.: Random House, 1968.

стскими устремлениями американского империализма и где молодые страны и освободительные движения рассматривали Советский Союз, другие страны социализма как своих естественных союзников. В таком случае, по Вашингтонским меркам, они попадали в разряд противников США.

Как показывают факты, под влиянием атомной монополии и казавшегося им «абсолютным» американского превосходства» правящие круги США в 1947 г. склонились к первому стратегическому варианту, взяв за основу своей политики доктрину превентивной войны. В связи с этим соображения регионального порядка тогда были отложены в сторону и на первый план была выдвинута задача размещения по периметру границ СССР баз американской стратегической авиации, на которую в тот период возлагалось нанесение атомного удара по территории Советского государства. Правящие круги США намеревались сосредоточить все основные силы и ресурсы внешней политики на одном направлении — на концентрированной подготовке к войне против СССР — и не считали при этом целесообразным отвлекаться на второстепенные с этой точки зрения, хотя и важные, вопросы⁵.

Быстрое укрепление обороноспособности СССР, создание и испытание в Советском Союзе атомного оружия в сочетании с таким важным событием, как победа народной революции в Китае в 1949 г., вынудили правящие круги США изменить основы своего стратегического планирования. И по сей день американское правительство не прекращает наращивать свои стратегические силы и всячески демонстрировать готовность к их применению, однако уже с конца 40-х годов в его практической политике все более усиливалось значение стратегии «длительной осады», при которой возрастал удельный вес американского противодействия СССР и другим социалистическим странам, а также революционным и освободительным движениям с региональных направлений: создание и консолидация под эгидой США военно-политических блоков и как результат — «расползание» американского присутствия по всему миру, в первую очередь в районы, примыкающие к странам социализма.

В качестве теоретической основы своей глобальной стратегии администрация Эйзенхауэра избрала доктрину «массированного возмездия», которая ставила на повестку дня подготовку к концентрированному ядерному удару по Советскому Союзу. Но в практическом плане ее курс развивался в сторону дальнейшего роста вовлеченности США в дела остальных районов мира. Первоначальные цели политики этой администрации, ставившей во главу угла поддержание

⁵ Как вспоминает в своих мемуарах Дж. Кеннан, занимавший в то время пост главы отдела планирования в госдепартаменте, он настоятельно рекомендовал государственному секретарю Дж. Маршаллу проявить сдержанность в Азии и других «второстепенных» районах, где не было, с его точки зрения, острой необходимости широкого вмешательства США. См.: *Kenнан G. Memoirs, 1925—1950. Boston; Toronto: Little, Brown and Co, 1969, p. 401—402.*

высокой степени напряженности в отношениях между Востоком и Западом, в качестве одного из конкретных шагов наметили содействие созданию в Западной Европе экономической группировки капиталистических государств, которая служила бы региональной опорой блока НАТО в политике конфронтации с СССР, организацию антикоммунистического блока государств на Ближнем Востоке, предотвращение стабилизации обстановки в Азии и поддержание высокого уровня напряженности вокруг Китая.

Далеко не все из этих целей были администрацией Эйзенхауэра достигнуты. Так, если в Западной Европе все же было создано в 1958 г. Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), хотя роль США в этом процессе была далеко не столь однозначна, а в Юго-Восточной Азии был создан блок СЕАТО (1954 г.), то на Ближнем Востоке судьба антикоммунистического блока государств оказалась весьма проблематичной. Прежде всего Д. Ф. Даллесу не удалось сколотить антикоммунистический блок так называемого «северного яруса» с включением в него большинства арабских государств. Созданный в 1955 г. при поощрении США Багдадский пакт, в котором Великобритания объединилась с Турцией, Пакистаном и Ираном (единственная арабская страна — член этого блока — Ирак вышел из него после революции 1958 г., свергнувшей монархический режим), просуществовал под названием СЕНТО до конца 70-х годов и был распущен в 1979 г., так и не оправдав возлагавшиеся на него надежды.

Именно при Даллесе неизмеримо ускорились процессы формирования новых региональных направлений внешней политики США, глубокого вовлечения Соединенных Штатов в дела отдельных стран и районов мира. В 1958 г. по рекомендации специальной комиссии под руководством Н. Рокфеллера, которая по поручению президента произвела ревизию всего аппарата «национальной безопасности» США (в том числе Пентагона, государственного департамента, ЦРУ), были перестроены региональные управления госдепартамента, а в Пентагоне — создана разветвленная система региональных военных командований.

Процесс все большего вовлечения Соединенных Штатов в дела отдельных районов мира под знаком противоборства с мировой социалистической системой, а также с революционными и освободительными движениями продолжился и в 60-х годах. С приходом к власти президента Дж. Кеннеди в качестве основы внешнеполитического курса США была принята его концепция «гибкого реагирования», которая утверждала, что для закрепления глобальной роли Соединенных Штатов необходимо дополнить силовое давление на Советский Союз различными формами «локального противоборства» и «косвенной пробы сил» (контрпартизанские и ограниченные войны). Значение отдельных региональных направлений во внешней политике Вашингтона еще больше возросло. Если при Даллесе первоочередное внимание уделялось тем региональным направлени-

ям внешней политики, которые оперировали в районах, непосредственно примыкающих к Советскому Союзу и другим социалистическим странам — Европе, Дальнему и Ближнему Востоку, то при Кеннеди эта региональная активность США дополнилась усилением внимания к Юго-Восточной и Южной Азии, Латинской Америке и Африке.

Можно сказать, что к середине 60-х годов в формировании региональных направлений внешней политики США завершился определенный этап. Основным его содержанием было создание целостной системы регионов, охватившей практически весь мир. Среди отличительных качественных признаков этой системы в первую очередь следует выделить сочетание курса на всестороннее американское присутствие в соответствующих районах мира с дополняющими его попытками опоры на союзные и дружественные США страны и на зависимые режимы.

Ставка на прямое американское присутствие во всем мире в целях материального обеспечения доктрины «гибкого реагирования» и военной стратегии «двух с половиной войн» привела к перенапряжению ресурсов США. Возник вопрос о пределах возможностей США. Наиболее остро он встал в связи с эскалацией американской агрессии в Индокитае, которая потребовала мобилизации все больших дополнительных средств. К 1968 г. эти расходы составили 30 млрд. долл., да еще на поддержание американского присутствия в остальных районах мира расходовалось около 15 млрд. долл. ежегодно⁶. Рост диспропорций в распределении внешнеполитических усилий США между отдельными районами мира вызвал острые дебаты в американском конгрессе, внутри правительства, в более широких политических кругах. В частности, вновь возобновились споры между сторонниками приоритета европейского направления, с одной стороны, и азиатского — с другой. Однако наиболее горячие дискуссии развернулись по вопросам важности для США тех районов мира, в которых расположены развивающиеся страны.

Ответом администрации Джонсона на эти споры стала попытка более четко сформулировать приоритетность различных региональных направлений для внешней политики США. Фактически же это свелось к подтверждению уже сложившегося подхода, в соответствии с которым европейский и восточноазиатский (Дальний Восток и Юго-Восточная Азия) регионы считались «жизненно важными» для внешней политики США, районы Ближнего Востока и Южной Азии — просто «важными», Латинская Америка и Африка — «периферийными»⁷.

Война во Вьетнаме и ее плачевный для агрессора финал сыграли исключительно важную критическую роль для всей системы ре-

⁶ См.: США: внешнеполитический механизм. М.: Наука, 1972, с. 21—22.

⁷ См.: *Johnson L. B. The Vantage Point. Perspectives of the Presidency. 1963—1969.* N. Y.: Holt, Rinehart and Winston Co., 1971, p. 232—270.

гиональных направлений внешней политики США. Политические итоги этой войны приобрели всеобщее значение, ибо во Вьетнаме была испытана и провалилась как региональная стратегия американских правящих кругов по подавлению освободительного движения народов с помощью «ограниченных войн», так и глобальная доктрина «сдерживания коммунизма». Неспособность США нанести военное поражение национально-освободительному движению населения Южного Вьетнама, провал попыток запугать народ и правительство ДРВ, высокая степень поддержки братского Вьетнама странами социалистического содружества — все это привело в конце концов к крупнейшему провалу агрессивной политики американского империализма. Солидарность большинства освободившихся государств с жертвой агрессии, отсутствие эффективной поддержки агрессии США со стороны их важнейших союзников, рост антивоенного движения в самих Соединенных Штатах ухудшили позиции Вашингтона во всем мире.

В связи с этим под вопрос была поставлена уместность сложившегося подхода США к проблемам внешней политики. Ставка на американское присутствие и на прямой контроль США над всеми «жизненно важными» регионами вызвала ожесточенную критику в политических кругах страны. Господствующим стало убеждение в необходимости коренного пересмотра сложившейся региональной политики, ибо, как считали многие политические деятели США, «расползание» американского присутствия по всему миру и «сверхвовлеченность» в дела всех регионов, особенно «периферийных», привели к существенному ослаблению коренных позиций американского империализма в противоборстве с Советским Союзом.

Ожесточенный спор в политических кругах по вопросам политики на региональных направлениях, затронувший как само содержание этой политики, так и проблему приоритетов отдельных региональных направлений (особым нападкам подверглась установка о «жизненно важном» значении для США Юго-Восточной Азии), породил рекомендацию относительно нового подхода. В целом эти рекомендации были суммированы в известном положении Г. Киссинджера, который писал, что «региональные группировки, поддерживаемые США, должны взять на себя основную ответственность за свои непосредственные районы, в то время как Соединенные Штаты будут уделять внимание общим задачам сохранения мирового порядка, а не проведению региональных мероприятий»⁸.

Отмечая рост «многополярности» в мире, Г. Киссинджер утверждал, что это явление сделало невозможным навязывание американских рецептов остальному миру и, следовательно, требует совершенно иного подхода к проблемам политики на уровне отдельных районов мира. Соединенные Штаты, считал Г. Киссинджер, должны

⁸ Agenda for the Nation / Ed. K. Gordon. Wash.: The Brookings Inst., 1968, p. 614.

учесть интенсивность и значимость данного процесса и сделать все, чтобы использовать его в интересах достижения своих глобальных целей.

На основе этих новых идей целый ряд американских специалистов (О. Янг, М. Хаас, Д. Зингер и др.) в своих теоретических разработках поставили вопрос о необходимости усиления принципов регионализма во внешнеполитическом курсе США. При этом в понятие «регионализма» они вкладывали тот смысл, что для правящих кругов США невыгодно не различать каких-то важных региональных тенденций и сводить все содержание политики на отдельных направлениях лишь к глобальным установкам. Рост самостоятельности некоторых союзников США, повышение роли освободившихся государств в международных отношениях, ряд других факторов создавали, с их точки зрения, определенную автономную обстановку в отдельных регионах мира, которая могла быть использована США в положительном для них плане, а потому требовала должного учета.

Центральный и региональный «балансы»

В 70-х годах правительство США учло многие из этих рекомендаций и активно использовало их для усиления мировых позиций США. Не отказываясь от сложившейся системы региональных направлений внешнеполитического курса, оно в то же время произвело в некоторых вопросах существенную корректировку способов осуществления своей политики в отдельных районах мира и попыталось внедрить в нее новые методы и приемы. Наиболее существенным элементом региональной политики в 70-х годах стали попытки отыскать оптимальное сочетание между позициями США в «центральном балансе» (соотношение сил между двумя мировыми системами) и в «региональных балансах», где основная ставка делалась на усиление позиций американских союзников и зависимых режимов. Весь этот новый подход стал именоваться «достижением совокупной силы» за счет системы местных «балансов», подправляющих мировое соотношение сил в пользу США.

Поскольку главными элементами нового «баланса сил» в мире правительство США, помимо своей страны и СССР, считало Западную Европу, Японию и Китай, постольку политика Вашингтона в соответствующих регионах подлежала пересмотру в сторону снижения уровня прямого американского присутствия и поощрения роли новых «центров силы и влияния». Соединенные Штаты провели определенное сокращение сухопутных войск в ряде районов мира (главным образом, в Юго-Восточной Азии), провели интенсивную работу по перестройке отношений с Западной Европой и Японией на основе концепций «трехсторонности» и «взаимозависимости». Эта перестройка политики на наиболее важных направлениях осуществлялась Вашингтоном под лозунгом создания нового «мирового порядка», при котором Соединенные Штаты могли бы получить из-

вестную передышку и заняться укреплением позиций американского капитала на мировой арене.

Была разработана и внедрена серия мероприятий и на других региональных направлениях: на Ближнем и Дальнем Востоке и в Южной Азии, в Латинской Америке и в Африке. Во всех этих районах мира американская администрация пыталась создать систему «доверенных лиц», т. е. зависимых государств, которые, получая помощь и общую военно-дипломатическую поддержку от Вашингтона, осуществляли бы функции по «контролированию» обстановки. В число такого рода стран были включены Израиль, Иран, Таиланд, Южная Корея, Бразилия. На локальном уровне американское правительство планировало повсеместно перепоручить функции борьбы с отдельными освободительными движениями зависимым режимам, получающим щедрую военную помощь от США.

Эта схема — в силу особенностей данного региона — более или менее успешно «сработала», пожалуй, лишь на Ближнем Востоке. Поддерживаемая и вооружаемая Вашингтоном агрессия сионистского Израиля против арабских народов шаг за шагом прокладывала и прокладывает дорогу для все более бесцеремонного вмешательства США в дела региона, а затем и для американского военного присутствия... Однако Вашингтон все еще весьма далек от установления своего безраздельного контроля над Арабским Востоком, и вряд ли финал проводимой здесь США взрывоопасной политики совпадет с замыслами заокеанской режиссуры.

В остальном же, несмотря на внешнюю стройность, этот замысел по большей части себя не оправдал. Перемены в соотношении сил между двумя мировыми системами (по американской терминологии, в «центральной балансе») оказались настолько значительными, что не только сковали свободу действий США в глобальном масштабе, но и позволили в условиях разрядки прогрессивным силам в различных районах мира добиться победы в борьбе против сил колониализма, расизма и реакции. Это изменило состояние «региональных балансов» не в пользу США и их союзников. В 1975 г. народ Вьетнама окончательно освободился от марионеточного режима на юге страны и была создана Социалистическая Республика Вьетнам. Затем произошли прогрессивные перемены в Анголе, Мозамбике, во всех бывших португальских колониях. Назревшие исторические изменения охватили другие страны и континенты, привели к победе революций в Афганистане, Иране, Никарагуа.

Попытки правительства США затормозить негодное ему развитие событий путем «привязывания» проблем региональной политики к процессу советско-американских переговоров не дали желаемых результатов, хотя не могли не сказаться впоследствии отрицательно на процессах разрядки. Шаблонный антисоветизм, инерция «черно-белого» видения мира, издавна присущие мышлению ведущих американских специалистов и руководителей (даже таких, как, например, Г. Киссинджер или З. Бжезинский), в данном слу-

чае еще раз доказали свою полную несостоятельность: региональные процессы набрали собственную инерцию развития, которую невозможно увязать с проблемами советско-американских отношений, поскольку события эти протекают согласно своим собственным закономерностям, определяемым характером доминирующих тенденций в конкретных районах мира.

О силе происходящих в мире перемен свидетельствовали не только революционные преобразования во многих странах. Во всем объеме проявились сырьевой и энергетический факторы, значительно обострив проблемы политики США в странах Ближнего Востока, Африки, Латинской Америки. По-иному стало формироваться отношение США к проблемам межсоюзнических связей со странами — членами блока НАТО, ибо факторы разрядки на Европейском континенте начали во все большей степени воздействовать на весь треугольник отношений между США, западноевропейскими странами и социалистическими государствами. Экономические противоречия во многом подрывали прочность традиционного американско-японского союза.

Общей реакцией правящих кругов США на данную эволюцию региональной политики во второй половине 70-х годов стал постепенный возврат к сильному американскому присутствию в ключевых районах мира. Это присутствие вновь стало рассматриваться как самый надежный способ контролирования региональных событий в интересах США. Первым признаком этого поворота в региональной политике США можно считать «тихоокеанскую доктрину» президента Форда, сформулированную 1 декабря 1975 г. после его поездки по странам Восточной Азии. «Первым принципом новой тихоокеанской доктрины, — заявил тогда президент, — является то, что американская сила имеет основополагающее значение для любого стабильного баланса сил в Тихом океане»⁹. Эта декларация формально подвела черту под периодом «снижения профиля» США в Азии, и с тех пор проблема сохранения сильного американского военного присутствия в Восточной Азии и в Тихом океане не дебатруется в правящих кругах США.

С этого же времени прекратились дебаты в американских правящих кругах и о возможном сокращении американских войск в странах Западной Европы. Наоборот, с мая 1978 г., после Вашингтонской сессии Совета НАТО, настойчиво ставится вопрос об усилении военных приготовлений НАТО, о перевооружении блока новыми системами ракетно-ядерных сил среднего радиуса действия, о возможном принятии на вооружение нейтронного оружия. Американские войска в странах Западной Европы рассматриваются Вашингтоном как средство, обеспечивающее возможность дипломатического давления на союзников и одновременно как «позиция силы» для «торга» в отношениях с миром социализма.

⁹ President Ford's Pacific Doctrine. The Department of State News Release, 1975, Dec. 7, p. 2.

Наиболее заметно росла в 70-х годах вовлеченность США в дела стран бассейна Индийского океана, и особенно стран Персидского залива. Революция 1978—1979 гг. в Иране покончила не только с режимом шаха. Она положила конец и целой системе предпринимавшихся ранее военно-политических акций США по превращению Ирана в сильную американскую опору в данном районе мира (с подключением к этому курсу и ряда других стран региона — Египта, Саудовской Аравии, Сомали, Пакистана и др.). Провал этих планов в отношении Ирана положил конец дискуссиям в правящих кругах США относительно размещения или нерасположения американских вооруженных сил в зоне Индийского океана. С 1978—1979 гг. там происходит планомерное наращивание военного присутствия США, включая расширение сети сухопутных баз. В январе 1983 г. было объявлено о создании нового военного командования США (СЕНТКОМ) для управления американскими вооруженными силами в регионе.

Заметно возросла дипломатическая и иная вовлеченность США в дела стран Африки. В начале 80-х годов объектом особой активности Вашингтона стала Центральная Америка.

* * *

Региональная политика США на протяжении всего периода после окончания второй мировой войны заметно эволюционировала. Обслуживая нужды глобальной стратегии, она постоянно испытывала на себе важнейшие последствия перемен в соотношении сил на мировой арене. Она неизменно рассматривалась правительством США как неотъемлемая часть этой стратегии, реализуемая в непосредственном соприкосновении с конкретными объектами внешнеполитического курса. В то же время именно на региональную политику воздействуют прежде всего такие перемены в окружающем мире, которые требуют не только учета в текущем политическом курсе, но и осмысления на уровне установок и задач глобальной стратегии.

Из анализа общих закономерностей соотношения между глобальной стратегией США и их региональной тактикой, системы взаимосвязей между этими разными уровнями разработки и осуществления внешней политики вытекает, что глобальная стратегия и региональная тактика — это две неотъемлемые и взаимосвязанные стороны общего внешнеполитического курса США, предусматривающие различные подходы к постановке задач и целей данного курса. В функциональном плане они выполняют разные роли в достижении важных целей правящего класса США на международной арене: если глобальная стратегия формирует самые общие и долгосрочные задачи внешнеполитического курса исходя в первую очередь из генеральных интересов монополистического капитала, то региональная тактика занимается претворением этих задач в непосредственные акции по отношению к отдельным странам и регионам.

Вместе с тем значение региональной политики во внешнеполитическом курсе США не ограничивается лишь этой подчиненной ролью. Через систему обратных связей региональная политика ставит серьезные вопросы перед глобальной стратегией и вынуждает подчас к корректировке последней в сторону более трезвого и здравого учета происходящих исторических перемен и реального соотношения сил на международной арене. В этом же плане региональная политика и ее опыт становятся факторами, воздействующими на обстановку внутри правящих кругов США, на споры и противоречия между сторонниками разных подходов к американской глобальной стратегии.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОЛИТИКА США В СФЕРЕ ОТНОШЕНИЙ С СССР

Во внешнеполитическом курсе США по отношению к Советскому Союзу на протяжении послевоенных десятилетий в значительной степени сфокусированы подходы американских правящих кругов к вопросам борьбы на мировой арене между социалистической и капиталистическими системами. Именно поэтому во внешнеполитической деятельности Вашингтона взаимоотношения с нашей страной занимали и продолжают занимать особое место. Осмысление эволюции американской политики на этом направлении дает возможность точнее представить как те особенности линии Вашингтона, которые носят устойчивый характер, так и те из них, которые ослабляются или усиливаются под влиянием преходящих обстоятельств.

Политика «сдерживания» и ее основные установки

В эволюции американской позиции по отношению к СССР в послевоенный период можно выделить несколько этапов.

Начиная со второй половины 40-х годов и на протяжении большей части 60-х годов Соединенные Штаты активно проводили курс на «сдерживание» СССР, «оттеснение», «отбрасывание коммунизма». Правда, уже в начале 60-х годов правящие круги США были вынуждены пойти на частичные шаги по нормализации отношений с СССР, но еще не проявляли готовности к существенному отходу от политики «холодной войны».

Переход Вашингтона от сотрудничества с СССР в период существования антигитлеровской коалиции к политике «холодной войны», к «сдерживанию» СССР был самым тесным образом связан со стремлением правящих кругов США переиграть итоги второй мировой

войны, занять господствующие позиции в послевоенной системе международных отношений. Такие тенденции проявились уже в конце войны, во время обсуждения вопросов послевоенного устройства мира, в особенности в ходе работы Потсдамской конференции, состоявшейся в период с 17 июля по 2 августа 1945 г. Конференция, как известно, приняла решения, отвечавшие справедливому характеру войны против гитлеровской Германии и принципам демократического мирного урегулирования. Но уже в тот период чувствовалось, что Соединенные Штаты, другие западные государства пошли на это под давлением объективных обстоятельств, в условиях возросшего среди народов всего мира авторитета Советского Союза, резко усилившихся повсеместно антивоенных демократических настроений.

Усмотрев в таком укреплении международных позиций СССР после завершения войны угрозу своим империалистическим интересам, правящие круги США со второй половины 40-х годов взяли курс на всестороннюю борьбу против СССР, против прогрессивных и демократических движений во всем мире, открыто провозгласили антикоммунизм в качестве своей государственной политики. Главными для Вашингтона стали действия, нацеленные на то, чтобы добиться изоляции СССР в послевоенном мире, что, по расчетам вашингтонских стратегов, должно было — в сочетании с гонкой вооружений, экономической блокадой и идеологическими диверсиями — повлечь за собой «распад» советского общества. Характеризуя задачи политики «сдерживания» СССР, один из ее главных творцов — Дж. Кеннан позже писал в своих мемуарах, что в то время он «постоянно повторял мысль о существовании в мире пяти регионов — США, Великобритания, долины Рейна с прилегающими к ней индустриальными районами, СССР и Японии, в которых только и возможно образование военной мощи внушительных масштабов. Я напоминал при этом, что только один из этих регионов (СССР.— *Авт.*) находится под контролем коммунистов и соответственно видел главную цель политики сдерживания в том, чтобы оставшиеся районы не очутились под таким контролем»¹.

Дело, однако, заключалось не просто в стремлении руководителей США не допустить расширения сферы социализма, образования мировой системы социалистических государств. Вашингтон, по сути дела, ставил своей конечной задачей изменение социального строя в СССР, ликвидацию Советской власти. Обосновывая стратегию «сдерживания», тот же Кеннан писал: «Фактически возможности американской политики никоим образом не ограничиваются лишь тем, чтобы удерживать линию и надеяться на лучшее. Полностью в пределах возможностей Соединенных Штатов повлиять своими действиями на внутреннее развитие как самой России, так и всего международного коммунистического движения...». Речь идет о том,

¹ Kennan G. F. *Memoirs, 1925—1930*. Boston; Toronto: Little, Brown and Co., 1967, p. 594.

продолжал Кеннан, чтобы «увеличить в колоссальной степени ту напряженность, под воздействием которой должна осуществляться советская политика... и поощрять тенденции, которые должны в конце концов найти выход либо в распаде, либо в постепенном размягчении Советской власти»².

Такие гегемонистские устремления американских правящих кругов дополнительно стимулировались обладанием США в первые послевоенные годы монополией на атомное оружие, чрезмерной уверенностью в американском экономическом и научно-техническом превосходстве. Владение атомным оружием создало у лидеров США иллюзию беспредельного могущества. Они посчитали, что обрели, наконец, эффективный военный инструмент, одна лишь угроза использования которого может заставить СССР подчиниться американскому диктату. «Русские скоро будут поставлены на свое место, — уверял президент Трумэн, — а Соединенные Штаты возьмут на себя лидерство в управлении миром»³. Как отмечает американский историк-«ревизионист» Г. Алпровиц, атомная бомба укрепляла американских деятелей в уверенности, что у них «будет достаточно сил для отказа от политики Рузвельта и для попытки активного воздействия» на Советский Союз. Он приводит весьма красноречивое высказывание тогдашнего государственного секретаря США Д. Бирнса о том, что атомная бомба «позволит нам занять такие позиции, с которых мы сможем после окончания войны диктовать наши условия»⁴.

Опьяненные чувствами всеисилия и вседозволенности, руководители Соединенных Штатов отбросили выдвигавшиеся некоторыми деятелями в правительстве Трумэна планы мирного сотрудничества с СССР и перешли к политике «сдерживания», представлявшей собой комплексную стратегию борьбы против СССР и складывавшейся социалистической системы государств с помощью широкого набора военных, политических, дипломатических, экономических и идеологических средств с упором на военную угрозу. Начиная с провозглашенной 12 марта 1947 г. «доктрины Трумэна», антикоммунизм и антисоветизм стали основой официальной государственной политики США.

Опубликованные в последние годы документы, которые были подготовлены в конце 40-х годов в высших эшелонах государственного руководства при администрации Трумэна, убедительно раскры-

² Kennan G. F. The Sources of Soviet Conduct. — Foreign Affairs, 1947, July. Цит. по: Kennan G. F. American Diplomacy, 1900—1950. L.: Secker and Warburg, 1952, p. 124. В этой книге полностью воспроизведена статья Кеннана из указанного журнала, которая при ее публикации была подписана псевдонимом «Х». Она и явилась главным теоретическим обоснованием политики «сдерживания».

³ Williams W. The Tragedy of American Diplomacy. N. Y.: Delta Books, 1962, p. 168.

⁴ Алпровиц Г. Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам: Пер. с англ. М.: Междунар. отношения, 1968, с. 8.

вают цели и замыслы политики «сдерживания». Об этом прежде всего свидетельствует рассекреченный в 1975 г. по указанию тогдашнего государственного секретаря США Г. Киссинджера документ СНБ 68, одобренный президентом Трумэнem в апреле 1950 г. В этом документе отношения с Советским Союзом рассматривались исключительно сквозь призму постоянной кризисной конфронтации, которая могла быть смягчена лишь в том случае, если произойдут изменения в «характере советской системы». Советский Союз изображался как «самая серьезная угроза» для Соединенных Штатов, поскольку-де в его намерения входило установить «господство» над Евразийским материком и т. п.⁵ Авторы доклада допускали мысль о переговорах с СССР по тем или иным важным международным вопросам лишь на условиях Запада или как своего рода тактический прием, имеющий целью успокоить общественное мнение видимостью мирных намерений при одновременной активизации усилий по созданию «превосходящей военной силы» США над СССР.

Документ недвусмысленно свидетельствует, что в качестве общей цели американской внешней политики ставилось «ускорение разложения советской системы», что — в качестве ближайшей цели — должно было привести к односторонне выгодному для Запада «изменению поведения» СССР на мировой арене, а в более отдаленной перспективе — к «фундаментальному изменению» характера советской системы, т. е., иными словами, к уничтожению социализма в СССР⁶. В документе также утверждалось, что указанные цели американской политики могут быть достигнуты лишь в условиях «холодной войны», и выдвигалась комплексная программа наращивания превосходящей военной, политической и экономической мощи США и Запада в целом. При этом определяющее, ключевое значение придавалось именно военной силе. «Суть, сердцевина политики „сдерживания“, — говорилось в докладе, — состояла и должна состоять и дальше в том, чтобы Соединенные Штаты либо сами, либо в надежном сочетании с другими близкими им по духу странами обладали общим перевесом сил. Военная сила — один из самых важных ингредиентов мощи. Согласно концепции „сдерживания“, поддержание сильной военной мощи рассматривается как существенно необходимое... Без превосходящей совокупной военной силы, находящейся в состоянии боевой готовности и быстро мобилизуемой, политика „сдерживания“, которая в действительности представляет собой политику спланированного и постепенного принуждения, будет не более чем блеф»⁷.

Предлагаемая авторами доклада всеохватывающая программа действий начиналась с предложения о значительном увеличении военных расходов в целях интенсивного наращивания вооруженных

⁵ См.: FRUS, 1950. Vol. 1. National Security and Foreign Economic Policy. Wash.: U. S. GPO, 1977, p. 240—241.

⁶ Ibid., p. 241, 252.

⁷ Ibid., p. 253.

сил США. Большое внимание уделялось расширению экономической и военной помощи другим государствам, с тем чтобы привязать их к американской внешней политике, а также установлению торговой блокады СССР, других социалистических стран, проведению против них разного рода подрывных операций. В частности, прямо говорилось об «интенсификации позитивных и своевременных мер и операций тайными средствами в сферах экономической, политической и психологической войн, с тем чтобы вызвать и поддержать недовольство и восстания в избранных странах-сателлитах» (так именовались страны Восточной Европы, где произошли пародно-демократические революции.— *Авт.*)⁸.

В последние годы появились новые документальные свидетельства того, что в администрации Трумэна существовали и планы развязывания в подходящий момент войны против СССР, в том числе и с применением ядерного оружия, которые были сорваны быстрым укреплением оборонной мощи СССР (см. об этом гл. 5, разд. II).

Примечательно, что еще в процессе выработки политики «сдерживания» в американском правительстве нашлись люди, которые уже тогда предупреждали: эта политика обернется многими негативными последствиями для США, приведет к перенапряжению их ресурсов. Так, заместитель директора оценок Бюджетного бюро при президенте США Уильям Шауб в своем меморандуме от 8 мая 1950 г., комментируя документ СНБ 68, указывал на опасность попыток приостановить усилившиеся после войны процессы социального и национального освобождения в мире, а также одностороннего и примитивного стремления видеть чуть ли не в каждом проявлении политического и социального недовольства в той или иной стране «руку Кремля»⁹. Однако потребовались долгие годы, прежде чем подобные суждения, продиктованные, кстати сказать, более реалистическим пониманием долгосрочных классовых интересов американской буржуазии, стали пробивать себе дорогу сквозь торосы «холодной войны».

Несостоятельность исходных посылок принятого Вашингтоном внешнеполитического курса стала обнажаться уже к исходу 50-х годов. Рост оборонной и экономической мощи СССР опрокинул расчеты американских стратегов сохранить монополию на ядерное оружие или на современные средства его доставки, обрести ситуацию «абсолютной силы», решающего военного превосходства над СССР. Постепенно становилось очевидным, что политика «с позиции силы» ведет не к социально-политическим переменам в СССР, на что рассчитывали лидеры США, а к возрастанию напряженности в американско-советских отношениях и тем самым к росту угрозы новой войны, которая при изменившемся соотношении военных сил между СССР и США, в том числе и ядерных потенциалов, пеми-

⁸ Ibid., p. 285.

⁹ Ibid., p. 304, 306.

нуемо означала бы (в случае развертывания ее Вашингтоном) самоубийство для самих США.

Весьма любопытно в этой связи следующее признание Дж. Ф. Даллеса, государственного секретаря США в администрации Эйзенхауэра: «Столь быстрое овладение Советами секретом производства атомной бомбы поистине является гигантским успехом Советского Союза, а конец атомной монополии США окажет настолько далеко идущее влияние на положение в мире, что его сейчас даже трудно предсказать... Покончив с нашей монополией, Советский Союз тем самым радикально изменил в свою пользу стратегическое положение. Способность США сбросить атомные бомбы на Россию в значительной мере нейтрализована способностью последней сбросить атомные бомбы на США и Западную Европу»¹⁰.

Одним из наиболее серьезных симптомов назревания кризиса политики «сдерживания» СССР стал запуск в 1957 г. в Советском Союзе искусственного спутника Земли. После этого запуска, который президент Эйзенхауэр охарактеризовал как «подлинный технологический триумф»¹¹, для многих стало ясно, что Советский Союз представляет собой «жизнеспособную конкурирующую систему с передовой технологической базой». «Зерна упадка, которые Кеннан видел в СССР в 1947 г., — писал Д. Хоровиц, — не только не проросли, но и не проявляли никаких признаков существования вообще. Вся основа, на которой базировалась американская политика холодной войны, была уничтожена одним драматическим рывком, поскольку запуск советского спутника уничтожил возможности победы на тех условиях, как они понимались в Америке: крах Советской власти, недостижимое превосходство американского лидерства, триумф американского курса»¹².

Укрепление оборонных, экономических и политических позиций СССР подрывало расчеты империалистических кругов США на то, что методами наращивания силы можно вынудить Советский Союз пойти на односторонние уступки. Эти обстоятельства уже в 50-х годах начали подталкивать американскую сторону к налаживанию политического диалога с СССР. Наряду с последовательной борьбой нашей страны за улучшение отношений с США и оздоровление международного климата в целом это позволило решить некоторые крупные послевоенные проблемы. 15 мая 1955 г. в Вене представителями СССР, США, Великобритании и Франции был подписан Государственный договор с Австрией, предусматривающий обязательство этой страны принять закон о нейтралитете, что и было сделано австрийским парламентом 26 октября 1955 г. В июле 1955 г. в Женеве состоялось первое после Потсдама совещание руководителей четырех держав, в центре которого стояли вопросы послевоенного

¹⁰ Dulles J. F. War or Peace. N. Y.: Macmillan Co, 1957, p. 151.

¹¹ Eisenhower D. The White House Years. Waging Peace, 1956—1961. N. Y.: Doubleday and Co., 1965, p. 226.

¹² Horowitz D. The Free World Colossus. N. Y.: Hill and Wang, 1965, p. 302.

урегулирования и обеспечения безопасности в Европе. Как отмечают советские исследователи, хотя «стороны не смогли договориться по стоявшим в повестке дня вопросам, но в целом Женевское совещание все же привело на некоторое время к смягчению отношений между государствами»¹³.

В январе 1956 г. Советский Союз предложил Соединенным Штатам заключить договор о дружбе, но администрация Эйзенхауэра отклонила это предложение. Тем не менее в январе 1958 г. было заключено первое двухгодичное советско-американское соглашение об обменах в области науки, техники, образования и культуры, которое затем продлевалось каждые два года. На протяжении 1959 г. впервые в истории отношений между двумя странами была организована американская промышленная выставка в Москве, а советская — в Нью-Йорке. Кроме того, в июле этого же года впервые с визитом в СССР приезжал вице-президент США. Создались необходимые условия для проведения встречи глав правительств СССР и США в Кэмп-Дэвиде. В ходе этой встречи имел место, в частности, обмен мнениями по проблемам разоружения, по германскому вопросу, а также по таким вопросам двусторонних отношений между СССР и США, как торговля, расширение научных и культурных обменов.

Согласие Вашингтона на переговоры с Советским Союзом без предварительных условий после более чем десяти лет попыток запугивания СССР, упорного отказа от разрешения назревших проблем мирными средствами свидетельствовало о том, что началось размыwanie основ политики «с позиции силы», хотя лидеры США еще не были готовы с ней расстаться. Об этом, в частности, свидетельствовали действия администрации Эйзенхауэра, давшей указание заслать в СССР 1 мая 1960 г. высотный разведывательный самолет типа «Локхид У-2», пилотируемый Пауэрсом, который был сбит советской зенитной ракетой над Уралом. Вследствие подобного рода провокаций американской стороны было сорвано назначенное на 16 мая 1960 г. в Париже совещание глав правительств СССР, США, Англии и Франции. Нельзя также не напомнить и о такой антисоветской акции, как принятие в июле 1959 г. конгрессом США резолюции о проведении так называемой «недели поработенных стран», представлявшей грубое вмешательство в отношения между социалистическими странами.

Усиление оборонной и экономической мощи СССР, нараставший в 60-х годах поток национально-освободительных революций, а также социальных и демократических движений в странах капитализма острее поставили перед Соединенными Штатами задачу приспособления американской политики к быстро меняющейся обстановке в мире. Характерно, что именно в начале 60-х годов в сре-

¹³ История дипломатия / Под ред. А. А. Громыко, И. Н. Земскова, В. А. Зорина, В. С. Семенова, М. А. Харламова. М.: Политиздат, 1974, т. V, кн. 1, с. 463.

де внешнеполитической элиты США стали появляться работы и исследования, в которых давались несколько более сдержанные оценки силовых возможностей США на мировой арене, выдвигались некоторые конкретные рекомендации относительно расширения диалога с СССР. Одним из наиболее авторитетных исследований о перспективах развития советско-американских отношений в 60-х годах явился подготовленный в тот период большой группой известных американских специалистов (М. Шульман, Ал. Далин, А. Бергсон и др.) доклад о политике США в отношении СССР и социалистических стран Восточной Европы для сенатской комиссии по иностранным делам. Показательно, что в этом докладе, в отличие от документа СНБ 68, содержался вывод о том, что «Соединенные Штаты и Советский Союз не обязательно должны противостоять друг другу во всех сферах», признавалось наличие «перекрещивающихся» интересов двух стран в таких областях, как предотвращение ядерной войны, проведение переговоров по острым международным проблемам, ограничение гонки вооружений, развитие экономических и научно-технических связей. Кроме того, в докладе содержался призыв к американскому руководству «изменить в определенных пределах акценты в направлении большего упора на более конструктивные аспекты соревнования» с СССР, а также недвусмысленно признавалось, что Соединенным Штатам попросту не по силам подорвать внутренний строй Советского Союза¹⁴.

Подобного рода оценки стали проскальзывать и в выступлениях руководящих деятелей администрации Кеннеди, особенно после карибского кризиса (октябрь 1962 г.), со всей очевидностью продемонстрировавшего опасность ядерного столкновения между двумя государствами. В кругах администрации Кеннеди после этого кризиса стала острее осознаваться необходимость шагов, направленных на определенное ослабление напряженности в советско-американских отношениях, на предотвращение угрозы ядерной войны. Так, в своей речи в Американском университете (г. Вашингтон) 10 июня 1963 г. президент Кеннеди подчеркнул, что «ядерные державы должны избегать конфронтаций, которые ставят противника перед выбором между унижающим поражением или ядерной войной»¹⁵. Эти сдвиги в американских оценках мирового и американо-советского балансов сил способствовали определенной нормализации советско-американских отношений. 20 июля 1963 г. было подписано соглашение между СССР и США об установлении линии прямой связи между правительствами двух стран в целях облегчить и ускорить соответствующие контакты в случае возникновения острых международных ситуаций. Кроме того, в 60-х годах было подписано более полутора десятков двусторонних и многосторонних соглашений и до-

¹⁴ U. S. Foreign Policy in USSR and Eastern Europe. The Russian Institute. Columbia University. A Study Prepared at the Request of the Committee on Foreign Relations. Wash.: U. S. GPO. 1960, p. 54, 55, 59. 74.

¹⁵ Department of State Bulletin, 1963, July 1, p. 2.

говоров, способствовавших движению в сторону смягчения международной напряженности, улучшению взаимопонимания между СССР и США. Речь идет, в частности, о международных договорах о прекращении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой от 5 августа 1963 г., о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 г., о введении в силу в 1957 г. устава Международного агентства по атомной энергии в интересах расширения ее использования в мирных целях, а также о налаживании сотрудничества в других сферах. В июне 1961 г. в Вене состоялась встреча руководителей СССР и США, в ходе которой были обсуждены проблемы разоружения, положение в Юго-Восточной Азии, другие международные проблемы. В принятом коммюнике выражалась готовность «поддерживать контакты по всем вопросам, представляющим интерес для наших обеих стран и для всего мира»¹⁶.

В своей совокупности эти шаги, осуществленные во многом в результате последовательно проводившейся Советским Союзом линии на то, чтобы межгосударственные отношения с капиталистическими странами были не только мирными, но и включали в себя возможно более широкие взаимовыгодные связи в сферах экономики, науки, культуры, способствовали конструктивному развитию советско-американских отношений, стимулировали движение в сторону разрядки международной напряженности в последующие годы. Однако, несмотря на определенные позитивные элементы в американской политике в 60-х годах, правящие круги США в то время еще не были готовы к существенному пересмотру своего курса в отношении СССР. В Соединенных Штатах преваляло стремление путем использования военной силы на локальном уровне, проведения так называемой политики «наведения мостов» добиться «размягчения» социалистического содружества, подорвать позиции социализма в мире, изменить соотношение сил в мире в пользу США, Запада в целом. Кроме того, попытки лидеров Вашингтона, в особенности при администрации Джонсона, объединить в одном курсе отдельные элементы разрядки на центральных направлениях советско-американских отношений с нагнетанием напряженности в «менее опасных», по их утверждению, «периферийных» зонах путем военного «сдерживания» национально-освободительных движений, в частности в Юго-Восточной Азии, серьезно затормозили наметившееся было в начале 60-х годов смягчение напряженности в советско-американских отношениях. Советский Союз занял принципиальную позицию в отношении попыток навязать такую формулу мирного сосуществования, составной частью которой оставалась бы американская политика силы. «Что касается СССР,— подчеркивалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду партии,— то он готов жить в мире со всеми странами, но не станет мириться с империалистическим произволом по отно-

¹⁶ Известия, 1961, 5 июня.

шению к другим народам. Мы не раз заявляли о готовности развивать наши отношения с США и сейчас придерживаемся той же позиции. Но для этого требуется, чтобы США прекратили политику агрессии. На ядовитой почве агрессии и насилия не вырастить хороших плодов мирного сотрудничества»¹⁷.

Первая половина 70-х годов: от конфронтации к переговорам

Интервенционистский курс обернулся для США дальнейшим ослаблением их политических позиций, крахом попыток остановить развернувшиеся в мире глубинные процессы. Именно к исходу 60-х годов в развитии мировой обстановки выявились постепенно накапливавшиеся качественные сдвиги и перемены таких масштабов, которые затронули коренным образом не только всю систему международных отношений, сложившуюся после второй мировой войны, но и внутривнутриполитическое положение ведущих капиталистических государств, особенно Соединенных Штатов Америки, взявших на себя основное бремя противодействия объективным процессам исторического развития. В эволюции курса США по отношению к Советскому Союзу начался второй этап, когда в Вашингтоне были вынуждены признать несостоятельность политики «холодной войны» и вступить на путь определенного улучшения отношений с нашей страной, начать налаживание мирного сотрудничества в ряде сфер, и прежде всего в области предотвращения угрозы ядерной войны и ограничения стратегических вооружений.

«Потребность в изменении нашей политики,— отмечалось во внешнеполитическом послании президента США Р. Никсона от 3 мая 1973 г.,— диктовалась целесообразностью приведения ее в соответствие не только с новыми реальностями в мире, но и с новыми настроениями в Америке. Многие американцы больше не желали безоговорочно поддерживать все аспекты послевоенной роли США в мире, которая истощила наши финансовые и особенно психологические ресурсы... В нашей стране стали раздаваться голоса, что Соединенным Штатам следует умерить глобальные аппетиты и вернуться лицом к внутренним проблемам, поискам путей их решения. Следовательно, сам фундамент, на который опиралась наша политика, оказался в опасности, существовавший в прошлом двухпартийный консенсус относительно активного американского глобализма в настоящее время распался»¹⁸.

Определенную роль в стимулировании более позитивного подхода США к СССР в начале 70-х годов сыграли и субъективные моменты, связанные с желанием Р. Никсона «войти в историю» в

¹⁷ Материалы XXIII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1966, с. 26.

¹⁸ U. S. Foreign Policy for the 1970's. Shaping a Durable Peace. A Report to the Congress by Richard Nixon, President of the United States. May 3, 1973. Wash.: U. S. GPO. 1973. p. 4.

качестве президента, внесшего крупный вклад в построение «новой структуры мира». В своих мемуарах он прямо пишет, что одно из самых сильных его стремлений состояло в том, чтобы руководимая им администрация ассоциировалась с «началом нового рубежа в советско-американских отношениях»¹⁹. Более того, администрации Никсона, пришедшей к власти в 1969 г., удалось обеспечить себе в определенный период внутривластную поддержку во многом за счет внешнеполитических усилий, и прежде всего благодаря разрядку в отношениях с Советским Союзом.

В рамках курса этой администрации на более активное приспособление к новой расстановке сил в мире, на устранение разрыва между глобальными внешнеполитическими амбициями и реальными материальными возможностями за счет определенного сокращения американских внешнеполитических обязательств главным направлением стала нормализация отношений с Советским Союзом. Заявления тогдашних американских политических деятелей о том, что США «вынуждены сосуществовать» с СССР, что они «обречены» на такое сосуществование в течение длительного периода времени, отражали понимание в Вашингтоне глубины и масштабов происшедших в мире перемен²⁰. Эти изменения были настолько очевидны, что по вопросу нормализации отношений с СССР, по сути дела, в американском правящем классе в тот период не было какой-либо существенной борьбы. Однако различные его группировки вкладывали в понятие разрядки неодинаковое содержание и не существовало полного единства по вопросу о конкретных путях приспособления США к сложившимся реальностям мира. Одной из особенностей формирования курса США в отношении СССР в рассматриваемый период было то, что его осуществление на первых порах не вызвало открытого сопротивления со стороны многих консервативных группировок, составлявших политическую базу президента-республиканца Никсона. В большинстве своем эти консервативные силы рассматривали нормализацию отношений с СССР как вынужденную временную передышку в конфронтации, необходимую для перегруппировки сил США в ходе их приспособления к новой мировой ситуации.

¹⁹ The Memoirs of Richard Nixon. N. Y.: Grosset and Dunlap, 1978, p. 407.

²⁰ В первом внешнеполитическом послании президента Никсона конгрессу США (18 февраля 1970 г.) признавалось, что «существующий баланс ядерной мощи диктует необходимость делать главный упор на переговоры, а не на конфронтацию». В четвертом послании Никсона (3 мая 1973 г.) также говорилось, что, хотя СССР и США «продолжают вести соревнование, тем не менее конфликт между ними уже не может быть разрешен с помощью достижения победы в классическом смысле этого слова. Мы вынуждены сосуществовать... Признание этой реальности являлось краеугольным камнем американской политики начиная с 1969 г.» (U. S. Foreign Policy for the 1970's. A New Strategy for Peace. A Report by President Richard Nixon to the Congress, Febr. 18, 1970, Wash.: U. S. GPO, 1970, p. 99; U. S. Foreign Policy for the 1970's. Shaping a Durable Peace..., p. 36).

Ретроспективный анализ политики республиканской администрации, мемуары Никсона и Киссинджера, несмотря на их очевидный конъюнктурный характер, дают основания сделать вывод, что в определенной мере и сама администрация мыслила схожими категориями. Не отказываясь от противодействия СССР, борьбы с ним, правительство Никсона тем не менее осознано необходимо сотрудничество с СССР в ряде областей, поиска компромиссных решений, т. е., выражаясь словами помощника госсекретаря Х. Соннепфельда, введения в советско-американские отношения другого «компонента, опирающегося на ограниченное, но вместе с тем конкретное сотрудничество в сферах взаимных интересов»²¹.

Наряду с этим американское руководство связало с разрядкой надежды на поддержание социального и военно-политического статус-кво в мире, что, по замыслу вашингтонских стратегов, позволило бы Соединенным Штатам удерживать свои международные позиции, которыми они располагали в начале 70-х годов, не допустить их дальнейшего ослабления²². Немаловажная роль в политических расчетах Вашингтона отводилась и попыткам использовать так называемый «китайский фактор» в качестве дополнительного рычага нажима на СССР в целях расширения возможностей внешнеполитического маневрирования США в современной системе международных отношений, прежде всего в треугольнике США—СССР—КНР.

Несмотря на присутствие в политике администрации Никсона ряда негативных по своему содержанию целей в отношении СССР, объективная логика событий, настойчивая и миролюбивая политика Советского Союза позволили осуществить в первой половине 70-х годов ряд позитивных сдвигов в советско-американских отношениях. В самом общем виде это нашло свое выражение не только в улучшении политической атмосферы, но и в выработке нескольких десятков конкретных договоров и соглашений, охватывающих ключевые сферы взаимоотношений между двумя странами, начиная с мер по предотвращению военного столкновения до развития научно-технических и культурных связей. Один из ведущих специалистов в США по вопросам отношений с СССР — Р. Легволд позже так характеризовал этот процесс: «Относясь серьезно к проблеме контроля над вооружениями (по крайней мере, на стратегическом уровне), выступая в пользу расширения экономических связей, начав серьезную дискуссию о широких принципах отношений, которые могли бы придать более стабильный и менее опасный характер продолжающемуся соревнованию, американские и советские лидеры изменили структуру отношений США—СССР»²³.

²¹ Department of State Bulletin, 1976, May 3, p. 580.

²² Подробнее об этом см.: Подлесный П. Т. Американские концепции развития отношений с СССР. М.: Наука, 1980, с. 33—54; Трофименко Г. А., Шейдина И. Л. Советско-американские отношения на пороге 80-х годов. М.: Знание, 1980, с. 35—41.

²³ Foreign Policy, 1980, Fall, p. 75.

Позитивные перемены в советско-американских отношениях конкретно выразились, во-первых, в разработке базовых политических принципов отношений двух крупнейших ядерных держав и в детализации этих принципов применительно к определенным сферам отношений. При этом американское руководство (впервые за послевоенный период) не только признало, что в основе отношений двух государств должны лежать принципы мирного сосуществования, но и пошло на официальное закрепление этих принципов, прежде всего в таком кардинальном документе, как «Основы взаимоотношений между СССР и США», подписанном 29 мая 1972 г. на советско-американской встрече на высшем уровне.

Во-вторых, достигнутая степень взаимопонимания между СССР и США содействовала нахождению компромиссных решений по ряду сложных международных проблем, в частности созыву и успешному проведению Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, ставшего важнейшим рубежом в развитии разрядки и сотрудничества на Европейском континенте.

В-третьих, были сделаны первые серьезные шаги по ограничению оборонительных и наступательных стратегических вооружений (заключены Договор 1972 г. об ограничении систем ПРО, Временное соглашение 1972 г. о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений и др. соглашения, а в 1979 г. подписан Договор ОСВ-2, от ратификации которого США до сих пор уклоняются). Кроме того, были достигнуты договоренности о сдерживании некоторых других направлений гонки вооружений: об ограничении подземных ядерных взрывов, о запрещении использования окружающей среды в военных целях и т. д.; были также начаты переговоры о запрещении химического оружия, о сокращении войск и вооружений в Центральной Европе и др.

В-четвертых, было расширено торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество. Несмотря на постоянные попытки американской стороны чинить политические препятствия в этой области, все же удалось добиться существенного увеличения товарооборота между СССР и США: если в 1970 г. он составлял 161 млн. руб., то в 1979 г. — свыше 2 млрд. руб. (хотя при этом, безусловно, надо учитывать, что рост этот во многом шел за счет закупок Советским Союзом в США зерна и современных технических изделий). И хотя в результате негативных действий США товарооборот между двумя странами в 1980 г. снизился, он тем не менее составил 1,52 млрд. руб., а в 1981 г. — 1,84 млрд. руб. Начало развиваться научно-техническое сотрудничество как на межправительственном уровне (в конце 70-х годов функционировало около 100 смешанных советско-американских рабочих групп, связанных примерно с 300 совместных проектов в различных областях науки и техники), так и на уровне сотрудничества советских организаций с различными американскими фирмами. Многие американские бизнесмены, по-

литики и эксперты неоднократно давали положительную оценку этому сотрудничеству, признавали его полезность для США.

Наконец, надо отметить, что активизация отношений между СССР и США в первой половине 70-х годов способствовала расширению в самих Соединенных Штатах круга сторонников разрядки, хотя, как показали события второй половины 70-х годов, эти группировки оказались более слабыми, чем их противники.

В совокупности же позитивные перемены в советско-американских отношениях, в международной жизни в целом, достигнутые прежде всего благодаря настойчивым усилиям Советского Союза, всех стран социалистического содружества, сторонников разрядки в других странах, привели к определенному снижению опасности ядерной войны. Главное, чего удалось достигнуть — это разорвать трагический цикл: мировая война — короткая мирная передышка — снова мировая война. Таким историческим результатом вправе гордиться советский народ, народы братских социалистических стран, все, кто боролся и борется за мир, за разрядку, за мирное сосуществование государств с различным социальным строем.

Однако сдвиг в сторону определенного приспособления к международным реальностям, в сторону разрядки происходил в Соединенных Штатах в противоречивых условиях непрекращающейся борьбы между сторонниками и противниками этого курса. Объяснялось это тем, что развитие обстановки в мире оказалось более сложным, чем предполагали в Вашингтоне, и далеко не все из намеченных США целей удалось реализовать на путях разрядки. Становилось очевидным, что капитализму приходится отступать дальше, чем ожидалось сначала. Сказалась также живучесть старых традиций и предрассудков времен «холодной войны». Все это повлияло на расстановку сил в правящих кругах США по вопросам взаимоотношений с СССР, повлекло за собой серьезные перемены в американской политике.

Отход Вашингтона от политики разрядки

Сдвиг вправо — в сторону внешнеполитической жесткости — начал проявляться в политике США еще при администрации Дж. Форда, которая активизировала усилия по консолидации капиталистического мира в целях проведения более согласованной линии в отношении социалистических государств, а также развивающихся стран и выдвинула лозунг «мир с позиции силы» в качестве концептуальной основы отношений с Советским Союзом. Окончательное оформление этих негативных тенденций в политике американского руководства произошло в период правления администрации Дж. Картера в 1976—1980 гг. Данный курс не был прямолинейным — его отличали неровность и зигзагообразность, однако главная линия на ужесточение прослеживается довольно отчетливо.

В первой половине 1977 г. в Вашингтоне была проведена новая оценка соотношения сил в мире, прежде всего между СССР и США.

В ходе этой переоценки американское руководство, по-видимому, пришло к выводу, что сложившаяся ситуация стратегического паритета не отвечает долгосрочным стратегическим интересам США, требует корректировки в американскую пользу. Однако ввиду фундаментального характера этой задачи, требующей больших материально-финансовых затрат и усилий, она не может быть решена в ближайшей перспективе, поэтому наиболее целесообразной позицией для США должно быть формальное его закрепление в новом советско-американском договоре об ограничении стратегических наступательных вооружений. В то же время США должны активизировать свои возможности в экономической и научно-технической сфере и попытаться максимальным использованием такого рода «рычагов влияния» добиться улучшения положения США в зоне развивающихся стран, а также среди развитых капиталистических стран и тем самым в известной мере воссоздать «позицию силы» по отношению к СССР, в том числе и прямым воздействием тех же «невоенных рычагов» на его внешнюю и внутреннюю политику. В то же самое время США было намечено продолжать широкомасштабные мероприятия в сфере военного строительства с целью фактического воссоздания позиции военного превосходства.

Как отмечает американский политолог С. Хантингтон, руководивший проведением этих оценок в рамках Совета национальной безопасности, в Вашингтоне были склонны выделять три периода в развитии советско-американских отношений в послевоенные годы. Первый период — «Эра-I» — длился с середины 40-х до конца 60-х годов и характеризовался состоянием «холодной войны». Второй период — «переходный период разрядки» — длился в основном в течение первой половины 70-х годов. Со второй половины 70-х годов, утверждал С. Хантингтон, «советско-американские отношения вступили в новую стадию, в „Эру-III“, которая во многих фундаментальных отношениях отличается как от периода холодной войны, так и от краткосрочного переходного периода»²⁴.

Все вышеизложенные выводы, как можно судить по американской печати, нашли свое отражение в президентской директиве № 18, подписанной президентом Дж. Картером в августе 1977 г. В области торгово-экономических связей этот документ, согласно Хантингтону, предусматривал, что политика США должна «отражать двоякий характер советско-американских отношений, основанных на соперничестве и сотрудничестве, а также существующее распределение экономических и технических ресурсов между двумя странами. Соединенные Штаты должны воспользоваться своей экономической мощью и техническим превосходством, чтобы поощрять сотрудничество Советского Союза в урегулировании (подразумевается — на американских условиях.— Авт.) региональных конфликтов, ослаблении напряженности и достижении соглашений о контро-

²⁴ Foreign Policy, 1978, Fall, p. 63—80.

ле над вооружениями, могущих быть подвергнутыми надлежащей проверке»²⁵.

По свидетельству других американских специалистов, в частности профессора Калифорнийского университета А. Вулфа, в директиве важный упор делался на наращивание и возможное использование обычных видов вооружений и вооруженных сил, укрепление НАТО, повышение мобильности вооруженных сил, в том числе в плане быстрого развертывания их в различных регионах мира, а также выделялась растущая роль Ближнего Востока и зоны Персидского залива для внешнеполитических интересов США. Кстати, А. Вулф приводит любопытную деталь. Когда, отмечает он, С. Хантингтон изложил некоторые стороны этой директивы участникам одного из научных семинаров в Калифорнийском университете, то в зале, где проходил семинар, установилась «ошеломляющая тишина». «Было ясно, — заключает он, — что администрация мыслит теми же глобальными категориями, которые привели нас во Вьетнам»²⁶.

Не случайно поэтому, что уже на начальном этапе пребывания у власти администрации Картера в подходе Вашингтона к советско-американским отношениям стали проявляться элементы определенного отступления от согласованных ранее принципов разрядки, пренебрежения накопленным положительным опытом мирных взаимоотношений двух государств, элементы общего ужесточения курса в отношении СССР. Одним из заметных проявлений этого стало явное усиление использования идеологических факторов в официальной государственной политике, ибо на неправительственном уровне и в первой половине 70-х годов антикоммунистическая и антисоветская пропаганда со стороны правых сил США, средств массовой информации несколько не ослабевала.

Другим и притом более существенным направлением попыток «откорректировать» процесс разрядки в пользу США явились американские предложения по ОСВ-2, изложенные государственным секретарем США С. Вэнсом в ходе переговоров в Москве в конце марта 1977 г. Эти предложения содержали целый ряд односторонних требований к СССР и шли вразрез с принципом равенства и одинаковой безопасности, положенным в основу советско-американских переговоров об ограничении стратегических вооружений. «У Советского Союза, — писал в этой связи обозреватель газеты „Нью-Йорк таймс“ по военно-политическим вопросам Р. Бэрт, — было достаточно стратегических соображений для того, чтобы отбросить американские предложения»²⁷.

Податливость администрации Картера воздействию правых сил вела к постоянным колебаниям в ее курсе, к тому, что заявления лидеров Вашингтона о стремлении строить отношения с СССР на конструктивной основе повисали в воздухе. Однако попытки жесто-

²⁵ Ibid., p. 64—65.

²⁶ Nation, 1978, Febr. 18, p. 169.

²⁷ Foreign Policy, 1979, Fall, p. 37.

чения курса в отношении СССР, особенно летом 1978 г., не только натолкнулись на решительное противодействие Советского Союза, но и вызвали озабоченность реалистически мыслящих представителей правящих кругов в самих США, которые считали, что объективные интересы их страны требуют дальнейшей нормализации отношений с СССР, сдерживания гонки вооружений, в том числе и в целях выделения дополнительных ресурсов на решение обострившихся внутренних проблем. В поддержку политики разрядки продолжало выступать и подавляющее большинство рядовых американцев. Ужесточение американского курса не получило одобрения и основных союзников США, а также развивающихся стран.

Неудачи попыток Вашингтона переиграть в свою пользу некоторые аспекты разрядки, а также необходимость считаться с реальным соотношением сил в мире создали на какое-то время условия для определенного усиления влияния тех лиц в окружении Дж. Картера, которые высказывались за более взвешенный курс в отношении СССР. Не случайно, видимо, в выступлениях президента США в начале 1979 г. впервые стало проскальзывать признание того, что в современном мире нет разумной альтернативы поддержанию нормальных отношений с СССР. Под воздействием всех этих факторов стала намечаться определенная тенденция к выравниванию советско-американских отношений на некоторых направлениях. Несмотря на колебания и непоследовательность картеровской администрации, все же удалось довести до конца переговоры по ОСВ-2, а затем провести советско-американскую встречу на высшем уровне в Вене, главным результатом которой явилось подписание Договора ОСВ-2, что создавало в принципе предпосылки для расширения областей советско-американского сотрудничества.

В ходе состоявшихся во второй половине 1979 г. обсуждений Договора ОСВ-2 в комиссиях сената США представители администрации, многие политические деятели, ученые, военные эксперты высказывались в пользу его ратификации. Важно подчеркнуть, что в процессе этих обсуждений противники ОСВ-2 (Ю. Росту, П. Нитце и др.), ставившие своей целью либо провалить договор, либо добиться его пересмотра, не сумели подтвердить сколько-нибудь вескими аргументами свою точку зрения о «невыгодности» для США данного соглашения, о невозможности его проверки национальными средствами. Тем не менее обсуждение ОСВ-2 было использовано правыми силами для «обоснования» необходимости нового тура гонки вооружений, т. е. для подрыва разрядки де-факто. Под нажимом военно-промышленного комплекса США в конгрессе росли требования о значительном увеличении военного бюджета: в сентябре 1979 г. сенат принял резолюцию, которая призывала к ежегодному увеличению военного бюджета в 1981 и 1982 финансовых годах на 5% (сверх поправки на инфляцию).

Борьба в правящих кругах США вокруг перспектив дальнейшего развития отношений с СССР, особенно после начала американско-

иранского кризиса и ввода ограниченного контингента советских вооруженных сил в Афганистан, вспыхнула с новой силой, стала окрашиваться в еще более яркие антисоветские тона. Наступление правых кругов продолжалось и нарастало. В конечном счете к концу второй половины 1970-х и в начале 1980-х годов США совершили общий поворот в сторону дальнейшего обострения международной напряженности, милитаризма и агрессивности.

Данный поворот, который получил дополнительные импульсы с приходом к власти администрации Рейгана, затронул концептуальную основу политики США, а также вылился в целый ряд практических действий, обостряющих обстановку в мире, подрывающих процесс международной разрядки. Говоря об изменениях концептуального плана, следует прежде всего отметить, что в политике США был сделан более резкий акцент на силу, на использование методов силового давления на другие государства, прежде всего на Советский Союз. Снова открыто стал делаться упор на глобальный характер интересов и притязаний Вашингтона. Это получило отражение в провозглашении «доктрины Картера», а затем в заявлениях руководителей нынешней администрации о том, что в сферу «интересов США» должны входить все регионы мира. В то же время вопросы взаимодействия с СССР, в частности, в области сдерживания гонки вооружений переместились, в сущности, на одно из последних мест в системе внешнеполитических приоритетов Вашингтона, а методы «увязки» каких-либо конструктивных шагов с «поведением» СССР на международной арене, наоборот, получили дальнейшее развитие.

Следовательно, в американской политике на рубеже 70-х — 80-х годов обозначился третий этап, характеризующийся поворотом США от прежнего курса, в котором борьба за продвижение империалистических интересов сочеталась с определенной готовностью участвовать в процессе международной разрядки, к линии, нацеленной на наращивание военных приготовлений, на силовую конфронтацию с СССР.

Причины усиления внешнеполитического экстремизма

В течение 70-х годов рост экономического могущества и дальнейшее укрепление оборонного потенциала СССР привели к повышению экономических, военных, политических и дипломатических возможностей Советского Союза, братских стран социализма и дружественных им государств оказывать влияние на развитие политической ситуации как в мире в целом, так и в отдельных его регионах. Это вызвало недовольство и раздражение в правящих кругах США, где стало брать верх убеждение, что борьба с СССР (противодействие так называемому «повсеместному советскому вызову») должна по-прежнему занимать ключевое место в совокупности внешнеполи-

тических задач США, хотя в американском руководстве продолжают и по настоящее время сохраняться расхождения относительно методов и средств решения этой задачи.

Другой важной тенденцией развития ситуации в мире явились революционные перемены в ряде развивающихся стран, которые избрали путь прогрессивных внутренних преобразований, пошли на широкое сотрудничество с миром социализма. Серьезной неудачей для Соединенных Штатов явилось свержение шахского режима в Иране, длительное время являвшегося одним из главных союзников Вашингтона на Ближнем и Среднем Востоке. Активизировались выступления развивающихся стран против всех форм неокolonизма. Конечно, немало вашингтонских стратегов и политиков отдают себе отчет в том, что процессы политических перемен в развивающихся странах имеют объективные причины и корни, связанные с обострением социального неравенства, с недовольством засилием транснациональных и других западных корпораций, борьбой народов против диктаторских проамериканских режимов. Тем не менее в восприятии американской буржуазии, тем более в условиях активизации правых сил, успехи прогрессивных движений в развивающихся странах в значительной мере связываются с оказанием им поддержки со стороны СССР, других социалистических стран.

Во второй половине 70-х годов заметно обострились американские внешнеэкономические проблемы, острее стала ощущаться зависимость США, их экономики от внешнего мира, в том числе от импорта нефти и различных видов сырья. Тот факт, что с 1970 по 1978 г. произошло более чем двадцатикратное увеличение стоимости импорта нефти в США — с 2,8 млрд. долл. в год до 60 млрд. долл. при практически незначительном изменении объема ее закупок, оказал заметное влияние и на американскую политику, и на субъективное восприятие правящими кругами США нового положения своей страны в системе международных экономических отношений. Возрастание зависимости, уязвимости становилось еще более очевидным в условиях, когда рост цен на импортную нефть не удалось сбалансировать ни мерами по расширению экспорта, ни увеличением цен на экспортную продукцию, а сложившаяся структура хозяйства, политика определенных мощных экономических группировок внутри США существенно затормозили предпринимавшиеся правительством попытки сделать страну более независимой от внешних источников энергетических ресурсов. Развернувшийся в 1979—1983 гг. сильнейший экономический кризис, снижение промышленного производства в США и других развитых странах Запада привели к значительному падению цен на нефть и сырье, что нанесло очередной удар по экономике стран — экспортеров сырья и топлива и в то же время открыло новые возможности для нажима на них со стороны ведущих капиталистических государств. Однако сложившееся положение еще острее выдвигает перед развивающимися

странами задачу защиты их коренных национальных интересов от произвола капиталистических монополий.

Возникновение ситуации недопустимой, по мнению правящих кругов страны, уязвимости США, т. е. их зависимости от внешних источников сырья и топлива, подтолкнуло рост воинственных, интервенционистских настроений²⁸. Группировки американской буржуазии, связанные с заграничными рынками, капиталовложениями, деятельностью транснациональных корпораций, все правые силы объединились в проталкивании того тезиса, что без непосредственной поддержки военной силой, без наращивания своего глобального военного присутствия США не способны противостоять развитию негативных для них тенденций в третьем мире. В результате давления на американское правительство в плане активизации и ужесточения внешней политики в области защиты американских «жизненных интересов», в том числе интересов экономических, заметно возросло.

В 70-х годах продолжали в целом ослабевать позиции США в системе мирового экономического хозяйства (несмотря на некоторое временное улучшение в 1976—1977 гг.), обострились противоречия США с их западноевропейскими союзниками и Японией в экономической, а в известной степени и в международно-политической области, в том числе и по проблемам международной разрядки. Это усилило беспокойство в американских правящих кругах относительно способности США сохранить позицию лидера капиталистической системы.

Этот объективно произошедший подрыв позиций США в мире, отход западноевропейских союзников от активной поддержки американского курса, усиление движения развивающихся стран за экономическое равноправие американские теоретики и консервативно настроенная часть правящей элиты стали расценивать как прямой результат... разрядки, признания Вашингтоном стратегического паритета с СССР и т. п. Следующим «логическим» шагом от такого приписывания всех бед Советскому Союзу, советской политике разрядки были открыты обвинения СССР в том, что он не способствует сохранению статус-кво в «третьем мире», «раскалывает НАТО», покушается на «жизненно важные интересы» США. Динамичное развитие советского общества и социалистического содружества, в том числе и успехи СССР в укреплении своей обороноспособности,

²⁸ Весьма точно эти настроения охарактеризовал профессор Университета им. Дж. Гопкинса Р. Такер, являвшийся одним из советников Р. Рейгана в ходе избирательной кампании 1980 г.: «Безопасность Соединенных Штатов не зависела от развития ситуации в мире до тех пор, пока их материальная зависимость от него была незначительной. Такая зависимость, рассматриваемая другими государствами в качестве одного из элементов нормального хода вещей, в Америке стала характеризоваться как чуть ли не противоестественное явление в американской судьбе» (Foreign Affairs, 1980—1981, Winter, p. 245).

стало преподноситься в виде «угрозы Западу», что немедленно было — для вящей убедительности — трансформировано в тезис о «советской военной угрозе» США и «всему западному миру». В результате Вашингтон начал все чаще прибегать к муссированию тезиса о «советской военной и политической угрозе», оказывать давление на своих партнеров, стремясь скорректировать их внешнеполитический курс в сторону антисоветизма.

Вместе с тем в развитии мировой обстановки второй половины 70-х годов правящие круги США усмотрели и некоторые факторы, которые, по их мнению, могли быть использованы для нажима на СССР или его «экономического изматывания» с тем, чтобы ограничить свободу действий СССР, увеличить число и характер проблем для советской внешней политики (отсюда — продолжение попыток разыграть «китайскую карту», использовать в целях политического шантажа переживаемые социалистическими странами отдельные экономические трудности, разжигание «необъявленной войны» против демократического Афганистана, наконец, открытое вмешательство во внутренние дела Польши).

Перечисленные выше особенности обстановки в мире во второй половине 70-х годов оказали существенное влияние и на тенденции развития внутриполитической ситуации в США, на общую политическую атмосферу вокруг взаимоотношений с Советским Союзом, на расстановку сил в правящем классе по этим вопросам. Заметно активизировались правые консервативные группировки, особенно недовольные ослаблением глобальных позиций США и выступающие за возвращение к прежнему силовому курсу в отношении СССР, социалистического содружества, поскольку процесс разрядки подрывал их морально-политические и материальные позиции. Так, договоренность между СССР и США об отказе от строительства новых систем ПРО привела к потере военно-промышленными фирмами США крупнейших заказов. Переговоры по другим военно-политическим вопросам между СССР и США также таили в себе аналогичную угрозу, порождали сложности и для прохождения в конгрессе военных бюджетов, сделали уязвимыми для критики позиции милитаристов в стране.

Все это было не только следствием собственно политики разрядки, но и результатом естественной реакции широких слоев американского общества на провал вьетнамской авантюры, на обострение внутренних проблем. Опасаясь дальнейшего ослабления своих позиций, укрепления в американском народе антимилитаристских настроений, еще большего сужения общественной базы глобалистского внешнеполитического курса США, что было квалифицировано как «расслабление» американцев в условиях разрядки перед лицом «советского вызова», правые группировки начиная со второй половины 70-х годов перешли в контрнаступление. Как отмечает в своих мемуарах Г. Киссинджер, правоконсервативные слои в американском истеблишменте «сомневались в том, что Америке удастся про-

водить двухколейный курс, т. е. одновременно сохранять волю к конфронтации и проявлять готовность к сотрудничеству»²⁹.

Браждебность консервативных сил политике нормализации отношений с СССР стала своего рода закваской и для возникновения новых крупных антисоветских, антиразрядочных организаций, таких, как «Коалиция за мир с позиции силы», «Комитет по существующей опасности», объединивших видных политических деятелей правого толка и располагающих большими финансовыми возможностями. Спекулируя на внешнеполитических неудачах США во второй половине 70-х годов, противники разрядки подавали их как свидетельство «стратегического отступления» США перед СССР и солидарными с ним силами. Широкое разочарование рядовых американцев в эффективности традиционных либерально-реформистских методов, недовольство инфляцией и налоговым бременем правые умело использовали в целях укрепления своей массовой базы и политического влияния в стране. Противники разрядки сумели перехватить инициативу в борьбе вокруг вопросов внешней и военной политики. Деятелям, осознающим необходимость поддержания нормальных отношений с СССР, приходилось теперь действовать в более сложной внутривнутриполитической ситуации, в условиях, когда в стране не просто усилилось влияние правых сил, но сам политический центр руководящего истеблишмента в значительной мере сместился вправо.

Характеризуя сложившийся на стыке 70-х и 80-х годов в стране внутривнутриполитический климат, Л. Гелб, занимавший в 1977—1979 гг. пост директора управления государственного департамента США по военно-политическим вопросам, отмечал, что реалистически мыслящие деятели в США опасались быть обвиненными в «мягкотелости», «уступчивости» по отношению к СССР. «Дело дошло до того, — констатировал он, — что умеренные политические деятели и должностные лица либо не дают себе труда высказать свое мнение, либо боятся выдвинуть более уравновешенное мнение из страха, что их заклеят как апологетов Москвы. Я не хочу сказать, что господствует такая же атмосфера, как во времена Маккарти, но нападки правого крыла придали определенный крен политическим дебатам»³⁰.

Под напором этих группировок, игравших на ура-патриотизме и «верности американским национальным интересам», на национальной уязвленности внешнеполитическими неудачами, особенно в Иране, американские сторонники разрядки, представленные в основном молодыми и не имеющими достаточной материальной поддержки организациями, такими, как «Комитет по согласию между Востоком и Западом» и «Американцы за ОСВ», попали в затруднительное положение. Опросы общественного мнения, проводившиеся в

²⁹ Kissinger H. *White House Years*. Boston; Toronto: Little, Brown and Co., 1979, p. 1256.

³⁰ *New York Times*, 1980, Mar. 24.

1978--1980 гг., показывали, что, хотя большинство — как среди американской внешнеполитической элиты, так особенно и рядовых американцев — продолжало в принципе высказываться за нормализацию отношений с СССР в целях предотвращения ядерной войны, среди опрошиваемых тем не менее значительно возросли (по сравнению с первой половиной 70-х годов) настроения в пользу увеличения военных расходов, более активной роли США в мире, равно как и «озабоченность» так называемой «советской военной угрозой».

Ужесточение политики США в отношении СССР в конце 70-х — начале 80-х годов на первых порах не вызвало заметной оппозиции. По сути, общественное мнение было подготовлено к тому, чтобы воспринять такой ход событий. Этому в значительной степени способствовали усилия и активность антисоветских группировок, политика самого правительства и такое сочетание внутренних и внешних проблем США, при котором правым кругам было легче навязывать общественности мысль о том, что Америке нужна большая жесткость, что с «вьетнамским синдромом» пора давно покончить и т. д. В этом же направлении действовал и факт нагнетания официальным Вашингтоном шумихи о «внешней опасности», с тем чтобы нейтрализовать недовольство масс внутренними экономическими и социальными трудностями, переключить внимание американцев на внешнеполитические проблемы, на демонстрацию твердости, прежде всего по отношению к Советскому Союзу.

Все эти факторы и привели в итоге к победе на всеобщих выборах 1980 г. кандидата республиканцев Рональда Рейгана, выступавшего под лозунгами необходимости «восстановления экономической и военной силы» США, «изменения неблагоприятных тенденций в стратегическом балансе США—СССР» и активной защиты «жизненно важных» интересов США в мире. Избирательная платформа республиканской партии утверждала, что угроза, якобы исходящая со стороны СССР, является «большей, чем когда-либо за всю двухсотлетнюю историю США», и выражала убеждение, «что Соединенные Штаты могут вести переговоры с Советским Союзом лишь с позиции безусловного принципа и безусловной силы»³¹.

В контексте этой общей антисоветской политической установки, развитой в многочисленных выступлениях руководителей республиканской администрации, Вашингтон предпринимает активные действия, направленные на восстановление, консолидацию международных позиций США и одновременно на усиление борьбы против социализма, против СССР. Иными словами, речь идет уже не о сохранении нынешнего глобального и регионального соотношений сил, а об изменении его в пользу США, Запада в целом, об ослаблении международных позиций и внутренних устоев социализма. О намерениях правящих кругов США переиграть ситуацию в советско-американских отношениях в свою пользу путем дальнейшего рас-

³¹ Цит. по: Congressional Record, 1980, July 31, p. S — 10397,

кручивания гонки вооружений, попыток нажима на СССР практически по всем линиям, затрагиваемым отношениями двух стран, а также путем сколачивания своего рода мирового антисоветского фронта под эгидой США весьма откровенно говорил П. Нитце, назначенный позже руководителем делегации США на переговорах об ограничении ядерных вооружений в Европе: «Определяющей задачей начала 80-х годов должны стать шаги, имеющие целью остановить, притормозить, а если можно, то и сорвать комплексную стратегию СССР путем мобилизации и соединения усилий многих государств, испытывающих ту же самую угрозу (со стороны СССР.— Авт.), и тем самым добиться изменения нынешних тенденций в соотношении сил»³².

В этом, пожалуй, состоит одно из важнейших отличий американской политики начала 80-х годов от политики начала 70-х годов, ставившей своей целью прежде всего не допустить дальнейшего ослабления позиций США в мире. Сегодня задача «сдержать» СССР, осложнить его международное положение вновь поставлена во главу угла американской внешней политики. Из этой ключевой цели вытекает ряд дополнительных задач, преследуемых американской внешнеполитической стратегией.

Основные направления антисоветского курса

Нынешнее руководство Белого дома с еще большей настойчивостью продолжает взятый еще администрацией Картера курс на подрыв позиций и влияния Советского Союза в различных регионах мира, особенно в тех, которые имеют, с точки зрения Вашингтона, важное значение для интересов США или могут приобрести такое значение. Именно в этих районах американское руководство предпринимает особые усилия по консолидации позиций США и их главных союзников и одновременному ослаблению позиций СССР, а также прогрессивных сил и движений. Так, стремясь сохранить социальный и политический статус-кво в Западной Европе и одновременно обрести определенные военные преимущества, американские политики активизировали свою кампанию о «советской военной угрозе», пытаются всемерно подключить западноевропейские страны к действиям, направленным против Советского Союза и социалистического сотрудничества в целом, всячески помешать дальнейшему расширению экономических и политических связей СССР с Францией, ФРГ и другими странами Западной Европы, поскольку эти обмены, по мнению официальных представителей Вашингтона, достигли «чрезмерных масштабов». Продолжается линия на усиленное наращивание военной мощи НАТО, в том числе и на реализацию принятого Советом НАТО в декабре 1979 г. решения о размещении на территории

³² Foreign Affairs, 1980, Fall, p. 92.

стран Западной Европы крылатых ядерных ракет и баллистических ракет «Першинг-2».

Вашингтон не отказывается от попыток размыть и социалистическое содружество, вбить клин между СССР и другими странами социализма путем игры на экономических проблемах некоторых из этих стран. Как показывают события в Польше, Соединенные Штаты пытаются оказать выгодное для империализма воздействие на развитие внутривосточной обстановки в отдельных социалистических странах, используя для этого и «неофициальные каналы», в частности правое руководство АФТ—КПП, и подрывные операции ЦРУ, и всякого рода «санкции». Не оставляя попыток обуславливать экономическое сотрудничество непосредственно по государственной линии разного рода политическими требованиями, представители внешней администрации США открыто заявляют о своем намерении строить отношения с той или иной восточноевропейской социалистической страной прежде всего с учетом того, в какой мере она проводит внешнеполитический курс, в чем-то отличающийся от общей согласованной линии социалистического содружества.

В области двусторонних советско-американских отношений жесткая антисоветская позиция Вашингтона проявляется прежде всего в стремлении добиться военного превосходства над СССР и экономически «измотать» Советский Союз, навязав нашей стране новый весьма интенсивный виток гонки вооружений. Именно для этих целей нынешней администрацией выдвинута обширнейшая военная программа, в соответствии с которой намечено израсходовать на военные цели в течение пяти лет как минимум полтора-два триллиона долларов. В русле реализации этой программы следует, в частности, рассматривать принятые администрацией Рейгана решения о полномасштабном производстве нейтронного оружия, о резком наращивании стратегических вооружений, предусматривающем производство и развертывание «в возможно кратчайший срок» 100 бомбардировщиков В-1, разработку нового бомбардировщика-«невидимки» («Стелс»), продолжение программы строительства подводных лодок «Трайдент», создание новой межконтинентальной ракеты МХ и одновременно более крупной и мощной баллистической ракеты морского базирования, а также размещение крылатых ракет на существующих подводных лодках и т. п.

Такая общая ориентация курса Вашингтона является главной причиной того, что администрация Рейгана отказалась от ратификации Договора ОСВ-2, а также от дальнейшего участия (летом 1982 г.) в трехсторонних (СССР—США—Великобритания) переговорах о всеобщем и полном запрещении испытаний ядерного оружия. В июле 1982 г. США заявили об отказе ввести в действие такие важные советско-американские соглашения, как Договор об ограничении подземных испытаний ядерного оружия от 1974 г. и Договор о подземных ядерных взрывах в мирных целях от 1976 г. и протокол к нему. Вашингтон не проявил никакого желания искать взаимопри-

емлемые договоренности на советско-американских переговорах об ограничении и сокращении стратегических вооружений, об ограничении ядерных вооружений в Европе.

Ухудшению советско-американских отношений способствует и неконструктивная позиция администрации Рейгана в отношении советских мирных инициатив в области ограничения вооружений, укрепления международной безопасности в целом. Белый дом отверг предложение СССР о моратории на размещение средств средней дальности на время ведения переговоров в Женеве, отклонил советский план поэтапного радикального сокращения ядерных вооружений в Европе, объявил «пропагандистским маневром» решение СССР сократить в одностороннем порядке некоторую часть советских ракет средней дальности, размещенных в европейской части Советского Союза, не раз поднимая шумиху при этом о якобы имеющих место нарушениях взятых Советским Союзом в одностороннем порядке обязательств. Президент Рейган отклонил и выдвинутые в декабре 1982 г. нашей страной новые предложения о готовности СССР сохранить в Европе столько ракет средней дальности, сколько их имеют Англия и Франция. Американская администрация отмахнулась и от такой важной советской инициативы, как принятие Советским Союзом в июне 1982 г. одностороннего обязательства не применять первым ядерное оружие.

Проявлением жесткой линии Вашингтона является и резкая активизация всевозможного рода антисоветских политико-идеологических кампаний в духе психологической войны вроде шумихи о «правах человека», с «советской военной угрозе», обвинений СССР в причастности к «международному терроризму».

В Вашингтоне продолжают предпринимать шаги, ставящие своей задачей не допустить размораживания контактов в некоторых областях двусторонних советско-американских связей, в частности в торгово-экономической сфере. О стремлении не только сохранить старые барьеры на пути нормальной торговли с СССР, но и возвести новые свидетельствуют действия руководящих кругов США, в том числе и конгресса, направленные на то, чтобы воспрепятствовать ввозу в США советских легковых автомобилей, расширить списки товаров, запрещенных для продажи Советскому Союзу.

29 декабря 1981 г. под предлогом «советского вмешательства в события в Польше» США объявили о введении экономических «санкций» против СССР³³. Затем в июне 1982 г. президент Рейган принял решение об экстерриториальном распространении санкций

³³ В частности, были приостановлены полеты самолетов Аэрофлота в США, отложены переговоры о новом советско-американском соглашении по морскому судоходству, ужесточен порядок выдачи разрешений на продажу СССР некоторого оборудования для нефтяной и газовой промышленности, ужесточен режим захода советских судов в американские порты, отложены переговоры о новом долгосрочном торговом соглашении и поставках зерна.

на европейские филиалы американских фирм и на европейские фирмы, работающие по американским лицензиям, которые в нарушение запрета правительства США продолжали выполнять условия контрактов по поставкам оборудования для строительства газопровода Сибирь—Западная Европа. Наряду с этим Вашингтон добивается от своих партнеров ужесточения условий кредитования сделок с СССР, а также более согласованной линии Запада в ограничении поставок современной техники и технических изделий в нашу страну. Под давлением США в апреле 1982 г. страны Запада, а также Япония договорились относительно повышения на 0,25—0,50% годовых ставок по кредитам при экспорте в СССР, которые регламентируются соответствующим соглашением в рамках стран — участниц ОЭСР. Очередную попытку добиться новых ограничений на поставки техники в СССР Вашингтон предпринял на состоявшемся в октябре 1982 г. заседании КОКОМ — Координационного комитета стран НАТО по контролю за экспортом стратегических товаров в СССР. США представили дополнительный список почти 50 экспортных товаров, которые, по мнению Вашингтона, должны быть запрещены к вывозу в Советский Союз. Более того, американская делегация настаивала на превращении КОКОМ в постоянный орган со своим аппаратом, который бы осуществлял контроль за строгим проведением в жизнь эмбарго на запрещенные товары. Делается это с расчетом нанести экономический ущерб СССР и одновременно своим партнерам-конкурентам, а также разрушить сеть взаимовыгодных экономических связей между Востоком и Западом, которые играют важную роль в сохранении интереса Западной Европы к поддержанию нормальных отношений с СССР вопреки давлению Вашингтона.

Правда в сфере торгово-экономических и научно-технических связей США и СССР имели место отдельные контакты. В течение 1981 г. был заключен ряд сделок с американскими фирмами. В апреле 1981 г. администрация Рейгана отменила введенные Дж. Картером ограничения на экспорт сельскохозяйственной продукции в СССР, а в августе 1983 г. пошла на заключение соглашения, касающегося торговли некоторыми сельскохозяйственными товарами. В декабре 1981 г. американская сторона пошла на продление соглашений о сотрудничестве с СССР в области исследования Мирового океана, охраны окружающей среды, медицинской науки и здравоохранения, разработки искусственного сердца, а в августе 1983 г. — соглашения в области энергетики. Однако объем сотрудничества во всех этих сферах фактически снизился. Характерно, что США сократили даже обмен информацией с СССР в области исследования раковых заболеваний.

Отмеченные выше тенденции в политике Вашингтона к «сдерживанию» СССР путем нового наращивания военной силы, попыток консолидировать позиции США и их главных союзников в ключевых

Американская сторона отказалась продлить соглашения о сотрудничестве в области науки и техники, в исследовании космического пространства в мирных целях, а также о сотрудничестве в области энергетики.

районах мира, а также за счет активизации нажима при помощи экономических, научно-технических и идеологических рычагов вызвали серьезное осложнение советско-американских отношений, международной обстановки в целом, привели к возрастанию угрозы ядерной войны. Очевидно, однако, и другое: в современных условиях Вашингтон не имеет полной свободы рук в проведении такого внешнеполитического курса. Настойчивая и последовательная борьба СССР за восстановление советско-американского диалога, сохраняющееся понимание частью правящих кругов США катастрофических последствий ядерной войны и бесперспективности попыток добиться решающего военного превосходства над СССР путем дальнейшего раскручивания гонки вооружений, активизация антивоенного движения в США, охватившего широкие слои американского общества, отсутствие полной поддержки со стороны основных союзников и партнеров США, начинающих чувствовать себя все более неуютно в условиях усиления конфронтации с СССР и роста международной напряженности, а также сохранение внутренних проблем американского капитализма, устанавливающих определенные пределы резкому наращиванию военных программ,— все эти и другие факторы не могут не оказывать сдерживающего влияния на политику Вашингтона.

* * *

Не имея какой-либо позитивной программы выправления ненормального положения дел в отношениях с СССР, рейгановская администрация не могла тем не менее не считаться с ростом давления со стороны стран Западной Европы в пользу сохранения разрядки, а также со все усиливающимися требованиями общественности и определенной части правящих кругов собственной страны, критически относящихся к нынешнему курсу Вашингтона и выступающих за возобновление политического диалога с Советским Союзом, за достижение договоренностей с СССР по вопросам ограничения вооружений. На протяжении 1981—1984 гг. состоялся ряд советско-американских встреч на уровне министров иностранных дел, в ходе которых имел место обмен мнениями по вопросам современного состояния отношений между двумя странами.

В принципиальном плане вопросы советско-американских отношений обсуждались и в ходе беседы Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко с вице-президентом США Дж. Бушем 14 февраля 1984 г. в Москве. Советско-американские отношения, сказал К. У. Черненко, должны строиться на основе равенства и одинаковой безопасности, взаимного учета законных интересов и невмешательства во внутренние дела друг друга. Проявление американской стороной практической готовности придерживаться этих принципов позволило бы приступить к выправлению отношений между двумя странами.

Продолжала функционировать и советско-американская Постоянная консультативная комиссия, созданная для содействия осу-

ществлению целей и положений Договора об ограничении систем ПРО и Временного соглашения о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений, а также Соглашения о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны. На состоявшейся с 9 ноября по 15 декабря 1982 г. специальной сессии этой комиссии стороны совместно провели рассмотрение Договора о ПРО после второго пятилетнего периода его действия, подтвердили свою приверженность целям и задачам договора, процессу консультаций в рамках данной комиссии. В декабре 1982 г. имели место и советско-американские консультации по проблемам нераспространения ядерного оружия.

Названные выше контакты затрагивали в основном частные, второстепенные аспекты советско-американских отношений. Они ни в коей мере не меняют главного содержания политики нынешней администрации США по отношению к нашей стране. Истекшие годы убедительно показали, что внешнеполитический курс правительства Рейгана носит сугубо антисоветский характер, что главным «вызовом» Соединенным Штатам администрация считает возросшую политическую, экономическую и военную мощь Советского Союза, рост его влияния в международных делах. Политика Рейгана не преследует по существу никаких конструктивных целей в области советско-американских отношений. Белый дом использует любой повод, любую международную политическую проблему для того, чтобы попытаться нанести ущерб нашей стране и ее союзникам, перечеркнуть все позитивное, что было достигнуто в отношениях между СССР и США в 70-х годах.

Воинственному, великодержавному курсу США Советский Союз противопоставляет уверенную, выдержанную, свободную от конъюнктурных колебаний политику. «Советский Союз против дальнейшего роста напряженности в советско-американских отношениях, — неоднократно подчеркивал К. У. Черненко. — Мы за их нормализацию, улучшение и готовы к деловым обстоятельным переговорам, в которых обязательно учитывались бы интересы обеих сторон. И мы уверены: если наши партнеры перестанут жить в мире иллюзий, перестанут тепшить себя надеждами на превосходство, если они проявят высокую ответственность и политическую мудрость, то можно будет договориться по любым вопросам.

Если же Вашингтон не сможет подняться выше примитивного антикоммунизма, если он будет продолжать политику угроз и диктата, что ж, мы достаточно сильны и можем подождать. Ни санкции, ни воинственные позы нас не пугают. Мы верим в разум. И мы верим в то, что рано или поздно — чем раньше, тем лучше, — разум восторжествует, военная опасность будет отведена»³⁴.

³⁴ Черненко К. У. Избранные речи и статьи. М., 1984, с. 553–554.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОЛИТИКА США

В ОТНОШЕНИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

После окончания второй мировой войны в результате победы народно-демократических революций в ряде стран Европы возникли государства нового типа, избравшие путь построения социалистического общества. Освобождение этих стран от фашистской неволи создало условия для дальнейшего развертывания национально-освободительной борьбы, для ее перерастания в народно-демократические, а затем и в социалистические революции. Тем не менее обстановка развития революционных процессов в странах Восточной Европы была весьма сложной, что объяснялось не только упорным сопротивлением эксплуататорских классов, не желавших добровольно сдавать свои господствующие позиции, но и противодействием западных держав, в первую очередь США.

Можно выделить четыре основных этапа политики США в отношении социалистических стран Восточной Европы. *Первый* (1945—1950 гг.) — период становления послевоенной политики американского империализма в отношении данного региона, выработка основных доктрин, целью которых были в то время активные попытки вмешательства в развитие внутривосточных событий в восточноевропейских странах. Задача этого вмешательства — не допустить окончательного утверждения строя народной демократии в данных государствах, воспрепятствовать образованию мировой системы социализма. Документы, опубликованные через четверть века в США¹, наглядно демонстрируют, что в 1945—1950 гг. основной целью американского империализма являлось удержание восточноевропейских государств в орбите капитализма, навязывание их народам реакционных правительств, которые проводили бы враждебный СССР внешнеполитический курс. Для реализации этой задачи планировался и частично был осуществлен широкий круг политических, экономических и идеологических мероприятий с целью нажима на страны региона.

Второй этап (1950—1960 гг.) — период политики «холодной войны», которую начали правящие круги США после того, как убедились в бесперспективности своих попыток предотвратить становление строя народной демократии в странах Восточной Европы. Эти годы характеризуются активной наступательной антикоммунистической политикой, когда правящие круги США взяли на вооружение

¹ FRUS, 1949. Vol. V. Eastern Europe: The Soviet Union. Wash.; U. S. GPO, 1976; Executive Sessions of the Senate Foreign Relations Committee. (Historical Series). Wash.: U. S. GPO, 1976, vol. I; vol. II.

такие доктрины, как «сдерживание коммунизма» (сформулирована Дж. Кеннаном еще в 1946–1947 гг.) и «освобождение» восточноевропейских стран. В этот период отношения США с социалистическими странами Европы были по вине американских правящих кругов практически заморожены.

Третий этап (1960–1970 гг.) — поворотный период, в течение которого медленно, но все же неотвратимо происходила эволюция американского подхода к странам социализма в Европе. Дискредитировавшие себя доктрины «холодной войны» сдавались в архив. Шел процесс «мучительного переосмысления» концептуального подхода США к европейским социалистическим странам. В то же время инерция антикоммунизма, приверженность старым догмам еще сильно напоминали о себе. Политика США была часто непоследовательной, во многом пропагандистски шумливой. Приходившие на смену старым доктринам новые концепции все еще были связаны с прошлым. Отдельные попытки проводить более или менее реалистический курс в отношении социалистических стран Европы так и не стали для США нормой. Их вытеснила взятая на вооружение администрацией Л. Джонсона концепция «наведения мостов», в которой была сделана попытка облачить в новые, «мирные» формы старый арсенал антикоммунистических инструментов американской политики. Провал антисоциалистических планов внешней и внутренней реакции в Чехословакии в 1968–1969 гг. одновременно продемонстрировал и бесперспективность доктрины «наведения мостов», сущность которой была полностью разоблачена социалистическими странами. 60-е годы завершаются явным признанием правящими кругами США крайней ограниченности возможностей Вашингтона влиять на ход развития социализма в Восточной Европе.

Последний, *четвертый этап*, начавшийся с 1970 г., несет на себе отпечаток той же противоречивости, которая свойственна всей американской политике в последнее десятилетие. Если первая половина 70-х годов характеризовалась сдвигом в сторону разрядки, то после 1976 г. с приходом в Белый дом администраций Дж. Картера, а затем Р. Рейгана, правящие круги США взяли курс на ее свертывание. На этом фоне политика США в отношении некоторых социалистических стран продолжала развиваться довольно активно, причем на целом ряде своих направлений приобретала все более открытую антисоветскую, антисоциалистическую окраску.

Становление народно-демократического строя в Восточной Европе и реакция США

В политико-стратегических планах, которые разрабатывались в Вашингтоне на завершающем этапе войны и в первые послевоенные годы, странам Восточной Европы отводилось важное место в контексте не только европейской, но и глобальной политики США. Этот регион, отмечает советский исследователь И. И. Орлик, «рас-

смастривался прежде всего в качестве плацдарма у западных границ Советского Союза. Старая идея „санитарного кордона“ оставалась неизменной»². Со своей стороны внутренняя реакция в регионе стремилась всеми силами «изолировать от Советского Союза государства, освобожденные от фашизма, а затем расправиться в них с революционным движением»³, — отмечается в коллективном труде советских историков. Правящие круги США приняли самое деятельное участие в этом процессе. Будучи крайне озлоблены успехом народно-демократических сил в Восточной Европе, они всячески оттягивали как заключение мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией, так и дипломатическое признание их правительств. Администрация Г. Трумэна не спешила нормализовать отношения и с другими странами Восточной Европы.

Соединенные Штаты прибегли к тактике откровенного политического шантажа СССР, которая получила в американской буржуазной историографии название «атомной дипломатии». На лондонской сессии Совета Министров иностранных дел СССР, США и Англии (11 сентября — 2 октября 1945 г.) американская делегация выступила с нападками на народно-демократическую власть в Болгарии, Румынии и Венгрии, заявив, что США не признают эти правительства и не поддержат вступление этих стран в ООН, пока они не получат «демократических правительств». Делегаты США и Англии потребовали создания «инспекционных комиссий» якобы для того, чтобы проверить, как будут соблюдаться в указанных странах предусмотренные мирными договорами ограничения их вооружений⁴. И все же 15 октября 1946 г. на завершившейся Парижской мирной конференции благодаря настойчивым усилиям СССР и вопреки противодействию американской дипломатии были согласованы проекты мирных договоров с Румынией, Болгарией, Венгрией, Италией и Финляндией. Они были подписаны 10 февраля 1947 г. государствами, принимавшими участие в войне с этими странами, и вступили в силу 15 сентября того же года после ратификации их четырьмя державами — СССР, США, Англией и Францией.

Тем не менее правящие круги США продолжали активно противиться процессу демократизации в странах Восточной Европы. Пример тому — февральский кризис 1948 г. в Чехословакии, формально вызванный отставкой 12 министров от трех буржуазных партий (национально-социалистической, народной и словацкой демократической), входивших в коалиционное правительство Национального фронта во главе с К. Готвальдом. Министры подали в отставку, поставив об этом заранее в известность президента Э. Бенеша. Посредством такого шага они рассчитывали вызвать хаос в стране, дискре-

² Орлик И. И. Империалистические державы и Восточная Европа. М.: Наука, 1968, с. 32.

³ История внешней политики СССР. 1917—1980, т. 2, 1945—1980. М.: Наука, 1981, с. 48.

⁴ Там же, с. 30.

дтировать коммунистическую партию и сформировать собственное правительство без коммунистов, которое, опираясь на поддержку Запада, вернуло бы страну в лоно капитализма. Американский публицист К. Марзани, анализируя февральские события 1948 г., отмечал: «Ни один лидер в Чехословакии не осмелился бы пойти на такую грубую провокацию, если бы он не был уверен в поддержке со стороны США»⁵. Примером такого откровенного давления могут служить действия американского посла в Праге Штейнгардта, который 21 февраля в беседе с заместителем чехословацкого министра иностранных дел сообщил, что имеет полномочия заключить торговое соглашение и предоставить Чехословакии заем, но официально передаст эти предложения только после завершения правительственного кризиса (в благополучную, с точки зрения США, сторону).

Коммунистическая партия, которая под руководством истинного патриота и интернационалиста К. Готвальда превратилась в весьма влиятельную партию рабочего класса и всех трудящихся, оказывала большое воздействие на развитие политической ситуации в Чехословакии. Буржуазные партии, ориентировавшиеся на поддержку Запада, имели весьма слабые позиции внутри страны, что был вынужден признать в переписке с госдепартаментом один из главных «консультантов» правых сил посол США Штейнгардт. Он отмечал, что значительное влияние КПЧ в различных сферах внутренней жизни Чехословакии, в том числе в армии, позволяло ей «нейтрализовать любые действия прозападных элементов внутри страны»⁶. Несмотря на максимум моральной и материальной поддержки, оказанной правым силам со стороны Запада, в том числе США, народ, возглавляемый коммунистической партией, одержал победу.

После февраля 1948 г. американская администрация прервала переговоры относительно заключения договора о дружбе, торговле и судоходстве с правительством Чехословакии. 1 марта 1948 г. конгресс США принял решение о прекращении экспорта так называемых «стратегических» товаров в социалистические страны, в том числе и в Чехословакию. Международный банк реконструкции и развития, находящийся под контролем американского капитала, отказался предоставить заем для развития чехословацкой экономики⁷. Однако благодаря твердой позиции чехословацких коммунистов, решительной поддержке СССР подобная тактика не принесла США желаемых результатов. В результате февральской победы рабочего класса Чехословакии в 1948 г. народно-демократический строй прочно утвердился в этой стране.

⁵ Marzani C. We Can Be Friends. N. Y.: Topical Books, 1952, p. 290.

⁶ Bloomfield G. Passive Revolution. Politics and the Czechoslovak Working Class, 1945—1948. L.: Allison and Busby, 1979, p. 190.

⁷ Янин А. А. Решающее сражение: Февральская победа трудящихся Чехословакии в 1948 г. М.: Мысль, 1978, с. 125.

В период 1945—1949 гг. новый народно-демократический строй утвердился и в других странах Восточной Европы. Народы региона вступили на путь строительства нового социалистического общества. Будучи не в силах остановить этот процесс, правящие круги США перешли к развертыванию «холодной войны» против них. В Вашингтоне была разработана политика, нацеленная на «сдерживание советского влияния» в Восточной Европе, фактически — на сдерживание социалистического строительства в регионе. Важнейшим компонентом этого курса стало наращивание военной мощи США, а также укрепление «экономического, политического и социального статуса некоммунистического мира... для сдерживания советской экспансии»⁸.

Первым развернутым официальным изложением концепции «сдерживания» коммунизма по всему миру стала «доктрина Трумэна», провозглашенная 12 марта 1947 г. в послании президента к объединенному заседанию конгресса США. В этом послании Трумэн обосновывал американское вмешательство в гражданскую войну в Греции необходимостью «сдерживания коммунизма» не только в этой стране, но и во всем регионе (составлявшем когда-то «санитарный кордон» Запада против Советской России). Президент затребовал у конгресса и получил 400 млн. долл. для поддержки прозападных буржуазных режимов в Греции и Турции. Речь президента была выдержана в самых резких антикоммунистических выражениях, вызвавших удивление даже государственного секретаря Дж. Маршалла, известного своими антисоветскими взглядами.

Однако попытки США применить данную доктрину к Восточной Европе не принесли успеха, и подтверждением этого стал провал экономического бойкота социалистических стран. Стремясь еще более консолидировать свои усилия в строительстве нового общества, 25 января 1949 г. социалистические страны объявили о создании Совета Экономической Взаимопомощи.

Официальный Вашингтон с раздражением и беспокойством отреагировал на это решение. Это ясно видно из документов американской внешней политики, в которых содержалось вынужденное признание того, что создание СЭВ является новым шагом по укреплению экономической интеграции социалистических стран Европы⁹. Не ограничиваясь выражением неудовольствия, Вашингтон сделал еще больший упор на наращивание военной мощи США, стараясь одновременно привлечь и своих союзников по созданному 4 апреля 1949 г. агрессивному блоку НАТО к попыткам «освобождения» восточноевропейских стран от социализма.

В мае 1949 г. был основан так называемый Комитет Свободной Европы, созданный на средства, предоставленные элитой американ-

⁸ *Robertson Ch. L. International Politics since World War II: A Short History.* N. Y.: Willey, 1966, p. 85.

⁹ FRUS, 1949, vol. V, p. 5.

ской финансовой олигархии (Форд, Рокфеллер, Морган). Его целью стало ведение идеологического наступления на социалистические страны. 24—26 октября 1949 г. на лондонском совещании американских послов в Восточной Европе была определена широкая программа внешнеполитических акций США в отношении социалистических стран. В нее входили попытки использования самых разнообразных средств воздействия на внутреннее развитие стран социализма, эксплуатация различных особенностей их внутренней и внешней политики, в том числе и ситуации, возникшей после 1948 г. в отношениях между Югославией и СССР, другими социалистическими странами. В программе, которую выдвигал госдепартамент, подчеркивалась значимость торговли как рычага прежде всего политического давления на социализм, а также «психологической войны», в которой одна из основных функций возлагалась на американские средства массовой информации, в первую очередь на радиостанцию «Голос Америки».

Все содержащиеся в этой программе установки и рекомендации относительно перехода к агрессивной наступательной тактике в отношении стран социализма были подтверждены в докладе Совета национальной безопасности президенту США от 8 декабря 1949 г. В нем прямо указывалось на необходимость «устранения» советского влияния на Восточную Европу¹⁰. Именно в 1949 г. была разработана комплексная программа действий США в отношении социалистических стран Европы на годы вперед, целый ряд установок которой остается в силе и в настоящее время.

Нагнетание напряженности в отношениях с социалистическими странами Европы (1950—1960 гг.)

10 октября 1951 г. конгресс США принял закон «О взаимном обеспечении безопасности», согласно которому Соединенные Штаты ассигновали 100 млн. долл. на формирование вооруженных отрядов, составленных из числа враждебной социализму эмиграции, и активизацию контрреволюционного подполья в странах Восточной Европы. Этот закон открыл период развернутой подрывной деятельности американского империализма против стран этого региона после того, как в них в основном утвердился народно-демократический строй. Правящие круги США стали налагать эмбарго практически на любые торговые операции с социалистическими странами, развернули создание органов «стратегического контроля», оказывая в этом отношении сильнейший нажим на Западную Европу.

Принятый американским конгрессом в октябре 1951 г. закон «О контроле за оказанием помощи для взаимного обеспечения без-

¹⁰ FRUS, 1949, vol. V, p. 30—34, 43.

опасности» (так называемый «закон Бэттла»), используя антисоветскую терминологию, в юридической форме закреплял торговую дискриминацию социалистических стран. Закон гласил, что необходимо «обеспечить контроль со стороны Соединенных Штатов и сотрудничающих с ними иностранных держав над экспортом в любую страну или группу стран, которые угрожают безопасности Соединенных Штатов, включая Союз Советских Социалистических Республик и все страны, находящиеся под его господством...»¹¹. Были составлены списки «стратегических товаров», охватывавшие практически все статьи экспорта США в страны региона. В январе 1950 г. в рамках НАТО возник Координационный комитет по осуществлению контроля над экспортом в социалистические страны (КОКОМ), целью которого было создание системы «стратегического контроля» и ведение экономической войны против социалистических стран.

В документах, опубликованных в США в 1976—1977 г., приводится выступление Дж. Кеннана 1 апреля 1952 г. в связи с предстоящим назначением его послом в СССР, в котором он призывал «использовать все возможности, чтобы препятствовать дальнейшему распространению коммунистического господства». Ошибкой США, заявил он, было то, что они «допустили распространение коммунизма на Восточную Европу» и якобы «не возражали против этого»¹². Дж. Кеннан предлагал перейти к широкой наступательной антикоммунистической тактике.

Эти годы с особой силой развернулась «психологическая война» Вашингтона против социализма. Государственный секретарь Дж. Ф. Даллес, как указывают американские буржуазные исследователи, осуществляя политику «балансирования на грани войны», возвел «политическую идеологию антикоммунизма в высший моральный принцип» внешнеполитического курса США¹³. Выступая 26 февраля 1953 г. в конгрессе, он обрушился с резкими нападениями на СССР и его политику в отношении стран Восточной Европы. 10 марта того же года сенат США принял подстрекательскую «декларацию о поработенных народах».

Администрация Д. Эйзенхауэра провела в 1953—1955 гг. целый ряд провокационных политических мероприятий, используя трибуну ООН и других международных организаций для нападков на внешнюю и внутреннюю политику социалистических стран. Был принят ряд попыток вмешательства в их внутренние дела, экономической блокады, все это сопровождалось форсированием военных приготовлений НАТО. Возрастающая агрессивность США и их союзников по НАТО вынудила социалистические страны еще теснее

¹¹ Executive Sessions of the Senate Foreign Relations Committee (Historical Series). Wash.: U. S. GPO, 1976, vol. III, (pt II), p. 684.

¹² Ibid., vol. IV, p. 214.

¹³ Lukacs J. A New History of the Cold War. Garden City [N. Y.]: Doubleday, 1966, p. 106; Pruessen R. W. John Foster Dulles. The Road to Power. N. Y.: Free Press, 1982, p. 270.

сплотить свои ряды. 14 мая 1955 г. в Варшаве был заключен Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Его участниками стали Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Советский Союз и Чехословакия.

Взятая в тот период Вашингтоном на вооружение доктрина «освобождения» основывалась на надуманном тезисе о том, будто бы социализм существует в странах Восточной Европы вопреки желанию большинства их населения. В октябре-ноябре 1956 г., когда в Венгрии вспыхнул контрреволюционный мятеж, именно американские правящие круги, разведслужбы США находились в числе его идейных вдохновителей, несмотря на заявление администрации о «невмешательстве» в венгерские события¹⁴. Венгерский народ, опираясь на помощь братских социалистических стран, отбил эту попытку внешней и внутренней контрреволюции обратить развитие страны вспять. Победа над силами контрреволюции в Венгрии в значительной степени подорвала в правящих кругах США уверенность в практической эффективности силовых доктрин антикоммунизма. Уже в конце 1956 г. Д. Эйзенхауэр с раздражением констатировал, что доктрина «освобождения» с самого начала строилась на ложных предпосылках¹⁵. Вскоре стала очевидной невозможность приостановить поступательное развитие социализма. Политическая стратегия США в отношении социалистических стран Европы, метавшаяся в 50-х годах от «сдерживания» к «освобождению», потерпела полный провал.

От «холодной войны» к «мирному вовлечению» и «наведению мостов» (1960—1970 гг.)

Становление нового подхода Вашингтона к восточноевропейским странам социализма растянулось на несколько лет, поскольку американским правящим кругам приходилось отказываться от целого свода концепций, которые довлели над политикой США полтора десятилетия, а новые концепции нужно было еще сформулировать. В этот период — в самом начале 60-х годов — пересмотру подверглись теории, утверждавшие, будто социалистические страны находятся на «временной стадии развития», которая наступила в результате их «насильственного отторжения» от «свободного мира». Все больше официальных лиц, видных дипломатов и специалистов в Вашингтоне указывали, что следует примириться с социализмом как с непреложным фактором развития в Восточной Европе, отказаться от нереальных доктрин, которые в значительной мере лиша-

¹⁴ *Radanyi J. Hungary and the Superpowers. The 1956 Revolution and Realpolitik.* Stanford: Hoover Institution Press, 1972, p. 12.

¹⁵ *Ambrose S. E. Rise to Globalism. American Foreign Policy, 1938—1976.* Harmondsworth (Midd'x): Penguin Books, 1976, p. 252.

ют США возможности влиять на ход событий в регионе. Об эволюции взглядов того же Дж. Кеннана убедительно свидетельствует его высказывание в этот период о том, что «у Запада нет иного выбора и ему следует принять поиски мирного сосуществования за основу своей политики в отношении стран коммунистического мира»¹⁶.

Концепция «новых рубежей», с которой выступил президент Дж. Кеннеди, хотя и не отвергала полностью политику «с позиции силы», в то же время делала акцент на использовании нового инструментария политики в отношении социалистических стран Европы с применением более гибких методов.

Еще будучи сенатором, Дж. Кеннеди выдвинул детализированную «программу 12-ти пунктов» — «Новый подход к внешней политике»¹⁷, в которой он, в частности, четко определил наиболее разумную, с его точки зрения, политику в отношении стран Восточной Европы. Фактически эта программа стала основой для будущей стратегии «наведения мостов», которая была позже принята как официальная доктрина США в отношении стран социализма. Дж. Кеннеди предполагал использовать торговые, информационные, образовательные, научные контакты в качестве новых инструментов политики, целью которой оставалось перерождение социализма, выхолащивание из него революционного, марксистско-ленинского содержания. Программа Дж. Кеннеди основывалась, естественно, на антикоммунизме, однако она содержала и ряд предпосылок для налаживания более нормальных отношений со странами социализма в Европе.

В числе разработанных за годы пребывания Дж. Кеннеди в Белом доме основных концепций, которые в целом были развиты практически уже при последующих администрациях, следует назвать идею «дифференцированного подхода» к социалистическим странам Европы. Эта концепция предполагала использовать метод выборочного поощрения той или иной страны в зависимости от ее готовности, как подчеркивал сенатор Дж. У. Фулбрайт, «ограничивать практическое претворение в жизнь своей идеологии». Политические подходы в отношении данной страны должны были различаться настолько, насколько последняя демонстрировала, по мнению американского правительства, тенденции к проведению политики, не совпадающей по ряду направлений с согласованной внешнеполитической линией социалистического содружества. В течение неполных трех лет пребывания Дж. Кеннеди в Белом доме на этих теоретических предпосылках были сформулированы основы политики в отношении стран социализма, которая стала практически осуществляться уже при следующем президенте. Выступая 23 мая 1964 г.

¹⁶ Kennan G. On Dealing with the Communist World. N. Y.: Harper and Row, 1964, p. 21.

¹⁷ Kennedy J. The Strategy of Peace. N. Y.: Harper and Row, 1960, p. 82—98.

в Вирджинском военном институте (Лексингтон), Л. Джонсон заявил, что США продолжают «наводить мосты через пропасть, которая разделяет нас с Восточной Европой. Это будут мосты развернутой торговли, идей, туризма и гуманитарной помощи»¹⁸. При этом он подчеркнул, что США заинтересованы в развитии более широких взаимосвязей с социалистическими странами по всем направлениям. В дальнейшем в эту программу, ставшую официальной платформой администрации Л. Джонсона в отношении социалистических стран Восточной Европы, был включен ряд новых целей и задач, большинство которых, однако, осталось неосуществленным. В этот период из Вашингтона все чаще звучал призыв способствовать разъединению стран социализма, противодействовать распространению коммунистической идеологии в мире, добиваться «большей свободы» (разумеется, в американском понимании.— *Авт.*) для социалистических стран и т. д.¹⁹

В то же время администрация США предприняла ряд мер для того, чтобы «наведение мостов» выглядело не только декларативной программой. Были сокращены, в частности, списки «стратегических» товаров, запрещенных для экспорта в большинство социалистических стран. Выступая 13 марта 1964 г. в сенатской комиссии по иностранным делам, государственный секретарь Д. Риск отметил, что расширение торговых обменов с социалистическими странами, которые он подразделил на четыре подгруппы: (СССР; Восточная Европа; Дальний Восток — КНР, КНДР, ДРВ; Куба), имеет не только и не столько экономическое значение. Торговля «помогает донести присутствие США до народов Восточной Европы, ассоциировать их в некоторой степени с нашей экономикой и продемонстрировать американскую продуктивность и эффективность. Используя эти средства, торговля дает нам возможность влиять на эволюцию политики и институтов Восточной Европы в тот период, для которого показательно значительные перемены в регионе». В то же время Д. Риск определил «дифференциацию» как основу американской политики по расколу социалистических стран²⁰.

Таким образом, теоретическая формула Дж. Кеннеди об использовании «дифференцированного» подхода к социалистическим странам была официально закреплена в качестве основы американской политики при администрации Л. Джонсона. В целом теоретики политики США не скрывали задач новой стратегии. Так, Э. Бжезинский подчеркивал в середине 60-х годов: «Если та или иная страна увеличивает уровень своей внешнеполитической независимости от советского контроля, она должна быть вознаграждена. Если эта

¹⁸ American Foreign Policy. Current Documents, 1964. Wash.: U. S. GPO, 1967, p. 1222.

¹⁹ Ibid., p. 1224.

²⁰ Ibid., p. 622—623.

страна осуществляет заметную либерализацию своей внутренней системы управления, она также должна быть вознаграждена»²¹.

В рамках политики «наведения мостов» в начале 1965 г. был создан специальный комитет по вопросам торговых отношений США с социалистическими странами, так называемый «комитет Миллера» — по имени его председателя, президента компании «Каммингс Энджин» Дж. И. Миллера. В комитет вошли видные представители американского бизнеса, в том числе К. Х. Гринволт (член совета директоров «Е. И. Дюпон де Немур»), Ю. Блэк (член совета директоров ИТТ, член правления «Чейз Манхэттэн») и др. В задачи комитета входило изучение возможностей для развития и расширения торговли с социалистическими странами Европы. Уже в апреле 1965 г. комитет подготовил отчет, где суммировались препятствия на пути развития торговых отношений США с социалистическими странами, определялись возможности этих стран как торговых партнеров. В отчете подчеркивалось, что «торговля является одной из форм политики, тактическим оружием, которое может быть использовано наряду с другими инструментами политики для осуществления национальных целей США» в отношении социалистических стран Европы. Отчет содержал основной вывод: «Торговля является самым действенным инструментом в арсенале свободного мира для влияния на внутреннюю эволюцию и внешнеполитическое поведение коммунистических стран»²². Весьма симптоматичным было сделанное комитетом — впервые за послевоенное время — признание, что торговля с социалистическими странами Европы должна не только быть инструментом политики (хотя этот момент преобладал), но и играть положительную роль в развитии, например, американского сельского хозяйства, содействовать развитию ряда отраслей промышленности США. В целом, однако, деятельность комитета не дала особых практических результатов.

Вместе с тем на администрацию продолжали оказывать давление консервативные элементы в конгрессе, представители военно-промышленного комплекса, которые чинили всевозможные препятствия на пути любых, даже весьма ограниченных, мероприятий правительства в этой области, мешали ряду заинтересованных в торговле с Востоком компаний, срывая заключение торговых сделок с социалистическими странами.

К середине 60-х годов практические мероприятия правительства США по активизации отношений с социалистическими странами по-прежнему оставались единичными, в то время как число официальных заявлений тенденциозного антикоммунистического содержания резко возросло. Можно считать, что с 1966 г. начался явный упадок политики «наведения мостов». Война во Вьетнаме явилась

²¹ *Brzezinski Z. Alternative to Partition. For a Broader Conception of America's Role in Europe.* N. Y.: McGraw — Hill, 1965, p. 154.

²² *Building the American — European Market... Planning for 1970's.* / Ed. G. E. Bradley. Homewood (Ill.): Dow Jones — Irwin, Inc., 1967, p. 183.

одной из главных причин того, что «были утрачены возможности, вытекающие из политики «наведения мостов», как отмечал сенатор Дж. У. Фулбрайт²³. Американским правящим кругам становилось все труднее совмещать войну против социалистического государства в Азии с попытками «мирного вовлечения» в свою орбиту социалистических стран Европы.

Тем не менее администрация США предприняла ряд шагов с целью убедить социалистические страны Восточной Европы в том, что Вашингтон продолжает проводить курс на сотрудничество и нормализацию отношений с ними. В 1966 г. дипломатические представительства США в ВНР и НРБ были возведены в ранг посольств (на основе взаимности то же самое было одновременно сделано правительством Венгрии и Болгарии). Однако в своих немногочисленных шагах, направленных на некоторую активизацию политики в отношении европейских социалистических стран, вашингтонская администрация была скована позицией конгресса, выступавшего в целом против всей ее восточноевропейской программы. В октябре 1966 г. члены палаты представителей проголосовали против кредитования Экспортно-импортным банком США торговли с социалистическими странами Восточной Европы. По инициативе члена палаты П. Финдли конгресс также принял поправки, согласно которым запрещалась продажа излишков американского продовольствия странам, торгующим с ДРВ или Кубой.

Логическим завершением (и провалом) политики «наведения мостов» явились события 1968 г. в Чехословакии, когда активно поддерживаемые Западом силы внутренней контрреволюции, остатки реакционных элементов и перерожденцы, враждебные социализму, попытались повернуть вспять развитие социалистического государства.

Администрация, конгресс США внимательно следили за развертыванием политического кризиса в Чехословакии. В июне 1968 г. член сенатской комиссии по иностранным делам К. Пелл посетил Прагу со специальной «исследовательской миссией», выступив затем в сенате с докладом, выводы которого тенденциозно оценивали смысл совместной акции пяти братских социалистических стран, пришедших по просьбе коммунистов Чехословакии на помощь ее народу в трудный час. Доклад сенатора К. Пелла был противоречивым, сочетал фальсификаторские оценки политической ситуации в Чехословакии с некоторыми реалистическими моментами в том, что касалось разработки дальнейшего подхода США к социалистическим странам Европы. В идентичном духе был выдержан и доклад сенатора М. Мэнсфилда²⁴, посвященный событиям в Чехословакии.

²³ Фулбрайт Дж. У. Самонадеянность силы. М.: Междунар. отношения, 1967, с. 126.

²⁴ Czechoslovakia 1968. Report to the Committee on Foreign Relations, United States Senate, by Senator C. Pell. Wash.: U. S. GPO, 1968, p. 7, 8; Report of Senator M. Mansfield to the Committee on Foreign Relations. US Senate. Wash.: U. S. GPO, 1968, p. 2—7.

Американские эксперты тем не менее были чрезвычайно недовольны недостаточной активностью администрации во время событий 1968 г. В книгах и статьях известных специалистов по социалистическим странам Э. Рубинштейна, У. Клеменса, В. Джанкар, У. Гриффита тактика Вашингтона расценивалась как «пораженческая»²⁵. Дело, однако, в том, что само развитие событий в социалистических странах продемонстрировало несостоятельность пресловутого курса на «наведение мостов». В то же время народам социалистических стран опыт событий 1968 г. в Чехословакии еще раз показал, что концепция «наведения мостов» является не более чем одним из орудий антикоммунизма, который в современных условиях есть «как никогда изощенный и коварный противник»²⁶.

Теоретические основы концепции «наведения мостов» явились тем не менее той базой, на которой республиканская администрация Никсона, сменившая в Белом доме демократов, стала, по существу, строить свою политику в отношении социалистических стран Восточной Европы. Р. Никсон не провозгласил качественно новой доктрины. «В отношениях между США и различными коммунистическими державами... мы движемся от эры конфронтации к эре переговоров»²⁷, — эта фраза, произнесенная им на XXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1969 г., определила характер подхода его администрации к социалистическим странам. Никсон заявил, что должна произойти «переоценка» всей программы «наведения мостов», но не свертывание ее²⁸. В частности, были подвергнуты критике те положения этой концепции, которые стали причиной инертности основанной на ней политики: двусмысленность совмещения войны во Вьетнаме с якобы «мирной» стратегией в Восточной Европе; недооценка важности развития отношений с социалистическими странами как одного из ведущих направлений американской внешней политики; отсутствие координации действий США с западноевропейскими союзниками. В платформе Национального комитета республиканской партии указывалось на необходимость более продуманных, осторожных действий, которые носили бы (по крайней мере, внешне — *Авт.*) менее подстрекательский характер. В то же время в ней подчеркивалось, что «возможности, которые существуют для США в Восточной Европе, не носят временного характера — они не требуют либо немедленной своей реализации, либо окончательно-

²⁵ Rubinstein A. Z. Czechoslovakia in Transition — Current History, 1969, Apr., p. 12, 209; Clemens W. C., Jr. Czechoslovakia and US Policy: All or Nothing at All? — War and Peace Report, 1970, Jan., p. 6—19; Wolfe J. B. Czechoslovakia and the Absolute Monopoly of Power. N. Y.: Praeger Publishers, 1971, p. 247; The Soviet Empire: Expansion and Détente / Ed. W. E. Griffith. Lexington (Mass.): Lexington Books, D. C. Heath and Co., 1976.

²⁶ Против современного антикоммунизма. Прага: Проблемы мира и социализма. 1970, с. 11.

²⁷ Vital Speeches of the Day, 1969, Oct. 1, p. 739.

²⁸ Nixon on the Issues. N. Y.: Nixon — Agnew Campaigning Committee, 1968, p. 28.

го отказа от них»²⁹. Национальный комитет указывал также, что не следует «наводить мосты» в Восточную Европу через головы западноевропейских союзников США.

Стратегия «наведения мостов», хотя и перелицованная частично, на первом этапе президентства Р. Никсона строилась в основном на тех же принципах, которые были характерны для предыдущей администрации. «Создатели политики в администрации Никсона определенно чувствуют постоянный интерес к сохранению какой-то формы... „наведения мостов“»³⁰, — отмечал в это время орган Атлантического Совета США. Однако постепенно в Вашингтоне стали приниматься в расчет новые факторы, точнее учитывающие специфику отдельных социалистических стран Европы, что привело к некоторой эволюции концепции «наведения мостов», а затем и к исчезновению самого термина из американского политологического лексикона, что позволяет ограничить хронологические рамки использования данной концепции 1964—1968 гг.

Для конца 60-х годов показательна определенная переоценка правящими кругами США взгляда на процессы социалистического строительства в странах Восточной Европы. Администрация Никсона, декларировавшая свою приверженность прагматизму, выражала намерение строить отношения с социалистическими странами Европы на основе большего учета реальных факторов их развития. «Не смотря на отдельные препятствия, мы можем работать со странами Восточной Европы в направлении создания более стабильных отношений в Европе и других районах»³¹, — утверждал, например, заместитель государственного секретаря Ч. Болен. Государственный секретарь США У. Роджерс, неоднократно выступавший в течение 1969 г. от имени правительства по проблемам взаимоотношений США с европейскими странами социализма, постоянно акцентировал мысль о заинтересованности администрации в развитии нормальных и взаимовыгодных отношений с ними. Разумеется, при этом все заявления государственных деятелей сопровождались традиционной антикоммунистической риторикой, попытками искусственного противопоставления одних стран социализма другим.

70-е годы: колебания и противоречивость

В политике США начала 70-х годов наметились тенденции более гибкого подхода к социалистическим странам. Во многом этому способствовала деятельность Г. Киссинджера в обеих республиканских администрациях. Еще в 1966 г. в одной из своих работ он под-

²⁹ Choice for America. Republican Answers to the Challenge of Now. Reports of the Republican Coordinating Committee 1965—1969. Wash.: National Committee of the Republican Party, 1968, p. 409.

³⁰ Atlantic Community Quarterly, 1969, Spring, p. 64.

³¹ The Department of State Bulletin, 1968, July 15, p. 74.

черкивал, что Запад не должен строить свою политику в отношении социалистических стран, исходя из иллюзий, которые могут появиться в связи с имеющимися у них некоторыми различиями в концепциях построения и совершенствования социализма³². Позднее, уже работая в правительстве, он подтвердил свою мысль, заявив, что «в любом случае никакая западная политика не может гарантировать более благоприятной (для Запада.— *Авт.*) эволюции в Центральной Европе (т. е. там, где расположена основная масса европейских стран социализма.— *Авт.*): все, что она может сделать, это воспользоваться возможностью, если таковая возникнет»³³. Осторожное проведение в жизнь принципов взаимоотношений, которые якобы базируются на пожеланиях самих социалистических стран Европы, вызвано будто бы их политикой — такой оборот стала приобретать теоретическая трактовка политической стратегии республиканской администрации.

23 декабря 1969 г. конгресс одобрил и направил президенту законопроект, предусматривавший некоторое ослабление ограничений на экспорт американских товаров в социалистические страны, который должен был заменить действовавший с 1951 г. «закон Бэттла». Сама администрация первоначально возражала против каких-либо изменений в области контроля над экспортом в социалистические страны и настаивала на продлении срока действия прежнего закона. Законопроект предусматривал сокращение списка «стратегических» товаров, на экспорт которых сохранялся запрет с 1300 до 200 наименований, при этом за правительством оставалось право включать дополнительно в число запрещенных товары, не имеющие военного значения.

31 декабря 1969 г. президент подписал этот законопроект и он стал законом. Из списка товаров, запрещаемых для вывоза в социалистические страны, исключались товары, которые могут быть приобретены ими в других государствах, помимо США. Сенатор У. Мондейл, один из инициаторов закона, назвал его «первой значительной мерой по либерализации торговли, предпринятой конгрессом после второй мировой войны»³⁴, одновременно указав, что политика ограничений не слишком вредила социалистическим странам, поскольку они делали соответствующие закупки в Западной Европе, в результате чего потери несли сами США. За принятием закона последовала активизация американской экономической политики: оживились торговые отношения с отдельными социалистическими странами Европы; ряд американских компаний принял участие в строительстве в этих странах промышленных предприятий; возрос-

³² См.: *Kissinger H. A. The Troubled Partnership.* Garden City (N. Y.): Doubleday, 1966, p. 202.

³³ *Agenda for the Nation* / Ed. K. Gordoif, Garden City (N. Y.): Doubleday, 1969, p. 601.

³⁴ *The American Review of East — West Trade*, 1970, Jan., p. 19.

ли контакты западноевропейских филиалов американских фирм со странами Восточной Европы, в частности, в области промышленного кооперирования.

В мае 1972 г. состоялся визит американского президента в СССР, в ходе которого были подписаны важнейшие политические документы, в том числе Основы взаимоотношений между СССР и США. В этих условиях США не могли и далее подвергать совершенно необоснованному дипломатическому ostrакизму одну из ведущих промышленных держав мира — Германскую Демократическую Республику. Начиная с 1970 г. в течение ряда лет исследовательская группа Р. Ливингстона при госдепартаменте США разрабатывала вопрос о целесообразности дипломатического признания ГДР. Даже в конгрессе в 1971 г. раздавались голоса в поддержку изменения политики непризнания ГДР. Члены палаты представителей Финдли, Реусс, Бингхэм, Фрелингхьюнсон, Блатник, сенатор Мэнсфилд высказывались за ее дипломатическое признание. После долгих дискуссий в США, обмена визитами и встречами с официальными представителями ГДР между обеими странами 4 сентября 1974 г. были установлены дипломатические отношения. Это имело большое международное значение, знаменовало собой завершение процесса дипломатического признания ГДР со стороны ведущих государств капиталистического мира.

31 мая — 1 июня 1972 г. президент США Р. Никсон нанес официальный визит в ПНР, который состоялся сразу же после посещения СССР. Р. Никсон придавал большое значение поездке в Варшаву, исходя из наличия в США 10 млн. американцев польского происхождения. В ходе этого визита, который способствовал значительному оживлению двусторонних отношений, была подписана консульская конвенция.

Состоялся обмен визитами на правительственном уровне между США и другими европейскими социалистическими странами — ВНР, НРБ, ЧССР, СРР и СФРЮ. 19 августа 1972 г. конгресс одобрил законопроект, предусматривающий дальнейшее значительное ослабление правительственного контроля над экспортом в социалистические страны.

Приведенные факты указывают на то, что администрация Р. Никсона несколько отошла от следования принципу «дифференциации» в его сугубо идеологизированном выражении. Укрепление социализма в странах Восточной Европы, рост идейно-политической сплоченности этих стран, позитивные сдвиги в американо-советских отношениях в начале 70-х годов, значительный прогресс в отношениях между странами Западной и Восточной Европы в этот период — все это были факторы, которые предопределили приспособление американского империализма к новым международным реалиям. В своем внешнеполитическом послании от 25 февраля 1974 г. Р. Никсон даже заявил, что США не собираются использовать «исторические узы», которые связывают их с Восточной Ев-

роной, для «подрыва безопасности Советского Союза»³⁵. Эти заявления, однако, далеко не всегда соответствовали действительности, поскольку классовая сущность политики американского империализма оставалась неизменной. Позитивные изменения в политике США не получили окончательного закрепления. Выработка подхода к социалистическим странам Европы оставалась объектом напряженной борьбы в правящих кругах, что предопределяло ее противоречивость.

16 августа 1974 г. специально для конгресса был подготовлен большой документ объемом более тысячи страниц, авторы которого — известные «эксперты по социализму» (Т. Алтон, Дж. Хардт, М. Гамарников, Дж. Монтиас, Р. Бэркс) — прогнозировали развитие американской политики в Восточной Европе. Наряду с реалистическими выводами об экономических выигрывах для США от развития торговли с социалистическими странами, объем которой с 1965 по 1973 г. возрос более чем в 3 раза, в документе содержались заявления о «качественных изменениях» в политике социалистических стран Европы, приводящих якобы к возникновению там «интеллектуального и философского вакуума», заполнить который предлагали авторы доклада³⁶.

В последующий период в правящих кругах США все больше начинали брать верх тенденции, блокировавшие разрядку. В декабре 1974 г. конгресс принял Закон о торговле, ряд дискриминационных положений которого (их авторами были сенатор Г. Джексон и член палаты представителей Ч. Вэник) явились серьезным препятствием на пути нормального развития экономических отношений США с социалистическими странами, стали формой откровенного вмешательства во внутренние дела последних. Закон обуславливал развитие торговли с этими странами уступками политического характера. Подобный подход невозможно было расценить иначе как стремление определенных кругов США возродить «холодную войну».

1 августа 1975 г. главы 35 государств и правительств подписали в Хельсинки Заключительный акт общеевропейского Сопредседания по безопасности и сотрудничеству в Европе. К этому времени Р. Никсон уже покинул Белый дом, и в Хельсинки США представлял президент Дж. Форд. Именно на новую администрацию обрушились после Хельсинки противники разрядки, обвинив ее в «пораженческой» тактике, которая якобы «играет на руку» социалистическим странам, поскольку США вынуждены были пойти на

³⁵ U. S. Foreign Policy for the 1970's. Building for Peace. A Report to the Congress by Richard Nixon, President of the United States. Febr. 25, 1971. Wash.: U. S. GPO, 1971, p. 43.

³⁶ См.: Reorientation and Commercial Relations of the Economies of Eastern Europe. A Compendium of Papers, Submitted to the Joint Economic Committee, Congress of the United States. Wash.: U. S. GPO, 1974.

признание неизбежности послевоенных границ в Европе и тем самым якобы «узаконили послевоенный раздел континента». Определенный реализм, который проявила администрация Дж. Форда, заявление государственного секретаря Г. Киссинджера в Лондоне в декабре 1975 г., суть которого сводилась к тому, что США «вынуждены» в современных условиях следовать политике мирного сосуществования, вызвали сильное раздражение оппозиционных кругов в конгрессе, среди ряда деятелей демократической партии.

В июле-августе 1975 г. президент Дж. Форд посетил с официальными визитами ПНР, СРР и СФРЮ, что в целом способствовало развитию двухсторонних отношений; с середины 70-х годов активизировались экономические связи США с европейскими социалистическими странами. Ряд американских банков («Чейз Манхэттен» и др.) совместно с банками ФРГ предоставили этим странам займы для закупок промышленного оборудования на Западе; интенсивно функционировали совместные экономические советы США и ПНР, НРБ, СРР, СФРЮ. Вслед за решением КОКОМ в 1975 г. пересмотреть в сторону сокращения списки ограничений на экспорт некоторых видов промышленной продукции в страны СЭВ Управление экспортного регулирования министерства торговли США ослабило запрет на экспорт из США в СССР и другие социалистические страны Европы оборудования для тяжелой промышленности (прокатное оборудование, некоторые типы станков).

Правящие круги США продолжали тем не менее практиковать использование различного рода дискриминационных ограничений в экономических отношениях с социалистическими странами, к числу которых можно отнести систему лицензирования товаров из этих стран, количественные ограничения импорта товаров из Восточной Европы, ограничения в визовом режиме для граждан социалистических стран, отказ удовлетворить ряд законных финансовых претензий и т. д.

Используя дискриминационные положения Закона о торговле 1974 г., Вашингтон стал обуславливать развитие торгово-экономических отношений с социалистическими странами требованием политических и идеологических уступок с их стороны. Пришедшая к власти в 1977 г. администрация Картера сделала все возможное для того, чтобы еще более политизировать торговлю, экономические контакты с социалистическими странами. Основным лозунгом своей восточноевропейской политики Вашингтон с приходом в Белый дом демократов сделал пресловутую проблему «защиты прав человека», направив ее острие против ряда социалистических стран. Однако, несмотря на искусственные препоны, начавшееся взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество набирало темпы. Торговый оборот США со странами Восточной Европы (включая Югославию) вырос с 1542 млн. долл. в 1976 г. до 3205 млн. в 1980 г. Лишь с 1981 г., уже после прихода в Белый дом Р. Рейгана, проявился определенный спад: в названном году товарооборот составил

2836 млн. долл., а в 1982 г. — 2678 млн.³⁷ При этом общий уровень экономических отношений США с социалистическими странами Восточной Европы продолжает оставаться довольно низким, а удельный вес этих партнеров в объеме внешней торговли США — незначительным.

После Совещания в Хельсинки правящие круги США усилили провокационную направленность своей политики в отношении социалистических стран, стремясь использовать в качестве ее инструментов отдельные положения Заключительного акта, произвольно вырванные из общего контекста и тенденциозно интерпретируемые Вашингтоном. Правительство Дж. Картера выдвинуло надуманный и насквозь лживый тезис о «несоблюдении прав человека» в социалистических странах. В конгрессе США в одностороннем порядке была создана в 1976 г. так называемая комиссия по наблюдению за выполнением положений хельсинкских соглашений о правах человека. Эта комиссия попыталась заняться «инспекцией» деятельности социалистических стран в этой области, что явилось откровенным вмешательством в вопросы, относящиеся к сугубо внутренней компетенции.

Идеологизированный, моралистский подход администрации Дж. Картера к взаимоотношениям с социалистическими странами Восточной Европы, ее упор на проблемы «прав человека» (в буржуазном их понимании) были задуманы, по признанию помощника президента по вопросам национальной безопасности З. Бжезинского, как тактика с долгосрочным прицелом³⁸.

Одно из первых внешнеполитических заявлений Дж. Картера, сделанное еще до его прихода в Белый дом, касалось политики США в отношении социалистических стран. Он отметил, что его администрация в своей восточноевропейской политике будет проявлять повышенное внимание к каждой конкретной стране, будет стремиться к тому, чтобы сделать их «частью большой европейской системы сотрудничества» и добиваться утверждения в них «гражданских свобод»³⁹, которых они якобы лишились, избрав после второй мировой войны социалистический путь развития. В самом этом заявлении уже фактически излагались принципы политики, в качестве главной идеологической основы которой выдвигался антисоветизм.

Дело дошло и до откровенных окриков Вашингтона в отношении отдельных социалистических государств. Посол США в Югославии Л. Силбермен позволил себе грубые выпады против внутренней политики страны, что вызвало возмущение в СФРЮ, и посол был вынужден оставить свой пост. 26 января 1977 г. госдепартамент обвинил СССР в нарушении хельсинкских соглашений под надуман-

³⁷ См.: Statistical Abstract of the United States, 1981—82. Wash.: U. S. GPO, 1982, p. 837—838; Business America, 1982, Feb., 21, p. 17—21

³⁸ US News and World Report, 1977, May 30, p. 36.

³⁹ New York Times, 1976, Oct., 26.

ным предлогом, будто бы в стране преследуют «активистов, борющихся за права человека»*. Заявление в отношении ЧССР было одобрено государственным секретарем С. Вэнсом⁴⁰.

«Забота» Вашингтона о правах человека в социалистических странах вызвала тем большее недоумение, поскольку исходила от руководителей страны, которая только в октябре 1978 г. ратифицировала Всеобщую Декларацию прав человека и подписала международные пакты ООН о правах человека, давно ратифицированные странами социализма. При этом правящие круги США до сих пор отказываются присоединиться к международным конвенциям по пресечению апартеида, по ликвидации всех форм расовой дискриминации; отказываются поддержать провозглашенную ООН программу десятилетия борьбы против расизма и расовой дискриминации (1973—1983 гг.) и т. п.

Если рассматривать другие особенности политики администрации Картера в отношении социалистических стран Восточной Европы, то суть их в целом состояла в том, чтобы развивать двусторонние отношения с ними, одновременно подрывая отношения с СССР. «Путь к Восточной Европе не обязательно ведет через Москву» — эта мысль лежала в основе подготовленной З. Бжезинским для президента директивы, которая содержала следующие три основных пункта: а) США следует развивать более тесные отношения с Восточной Европой как с самостоятельным объектом политики, нежели как с «производным от разрядки с СССР»; б) критерии того, каким странам следует отдавать преимущество, должны определяться тем, насколько та или иная страна «либерализовала свою внутреннюю политику и соблюдает дистанцию по отношению к внешней политике СССР»; в) следует поддерживать регулярные контакты не только с правительствами, но и с представителями «лояльной оппозиции» в Восточной Европе — «либеральной интеллигенцией, главами церковных приходов» и т. д.⁴¹ Таким образом, снова выдвигалась старая тактическая установка правящих кругов США — «поощрять политическую либерализацию» социалистических стран, что, по сути дела, означало все то же стремление подорвать социально-политические основы социализма.

В конце 70-х годов имел место ряд контактов на высоком уровне в двусторонних отношениях США с социалистическими странами Европы; 30 декабря 1977 г. состоялся визит Дж. Картера в ПНР, в январе 1978 г. государственный секретарь С. Вэнс посетил ВНР. В Будапеште состоялась церемония передачи Венгрии короны св. Стефана и коронационных ценностей, являющихся националь-

* Подразумевались авторы пресловутой «Хартии 77» — группа отщепенцев, враждебных социализму и не имеющих социальной поддержки внутри страны.

⁴⁰ New York Times, 1977, Jan., 26.

⁴¹ Time, 1978, June 12, p. 19.

ными реликвиями ВНР, которые во время второй мировой войны оказались в США.

В конце 70-х — начале 80-х годов правящие круги США продолжили курс на замораживание американо-советских отношений. Подход Вашингтона к социалистическим странам Восточной Европы при этом характеризуется довольно провокационной направленностью, выражающейся в открытой поддержке в ряде случаев контрреволюционных элементов.

Концепция политики США в отношении социалистических стран Восточной Европы, которая встречает все более явную поддержку в Вашингтоне при администрации Р. Рейгана, предлагает осуществлять дифференцированный подход к этим странам как к самостоятельному европейскому региону, но постоянно рассматривать его значимость с точки зрения военно-политического, стратегического баланса двух великих держав, двух военных блоков. При взятом американской администрацией курсе на «сдерживание Советского Союза на глобальном уровне» становится очевидным стремление правящих кругов США всячески способствовать дестабилизации социалистических стран Восточной Европы, стимулировать в них деятельность антисоциалистических сил.

Администрация Р. Рейгана пытается воспользоваться возникновением любых трудностей во внутривосточном развитии некоторых стран социализма, чтобы стимулировать там деятельность антисоциалистических сил. Примером является подрывная активность Вашингтона в ходе внутривосточного кризиса в Польше. Как подчеркивается в заключении американских экспертов, подготовленном по заказу американского конгресса, еще в преддверии польских событий, «Соединенные Штаты всегда видели свои интересы в ослаблении связей между восточноевропейскими странами и Советским Союзом...»⁴².

В Вашингтоне в настоящее время продолжают сосуществовать различные точки зрения относительно перспектив дальнейшего развития американской политики в регионе и места социалистических стран Восточной Европы в системе американских внешнеполитических приоритетов. Эти страны рассматриваются одними кругами как «буфер» между СССР и Западом — как своего рода страны «промежуточного пояса», которые США могли бы использовать для усиления своего давления на СССР и тем самым способствовать «политической и экономической либерализации самого Советского Союза». Существует также трактовка роли этих стран, бытующая со времен «холодной войны», как «территорий, находящихся под советским

⁴² US Relations with the Countries of Central and Eastern Europe. Report Prepared for the Subcommittee on Europe and the Middle East of the Committee on Foreign Affairs, US House of Representatives, by the Foreign Affairs and National Defense Division, Congressional Research Service, Library of Congress, December 1979. Wash.: U. S. GPO, 1979, p. 1.

господством». Имеется и мнение о самостоятельной важности региона для внешнеполитических интересов США.

На протяжении всего послевоенного периода политика США в отношении социалистических стран Восточной Европы характеризуется противоречивостью в том, что касается выбора средств, тактических инструментов и формулирования доктрин. Но в одном она всегда остается постоянной — в незыблемости своей классовой ориентации, в стремлении воспрепятствовать успеху социалистических преобразований в странах Восточной Европы. Главной в подходе США к европейским социалистическим странам была и остается линия на подрыв их единства, их связей с Советским Союзом, на ослабление социалистической системы в целом. Вашингтон постоянно пытается воспользоваться теми трудностями, которые иногда возникают и преодолеваются в социалистических странах, стремится не допустить укрепления в них социалистического строя, помешать их сотрудничеству, росту их единства и классовой солидарности. Как и весь арсенал средств, которые империализм использовал в годы «холодной войны», эти попытки оказываются тщетными и лишь приводят к обострению международной напряженности.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ АМЕРИКАНО-ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В послевоенной внешней политике США западноевропейский регион занимает особое место. Встав на путь конфронтации с Советским Союзом, с мировой социалистической системой, американский империализм сразу же начал мобилизацию возможных союзников, проводя одновременно политику укрепления капиталистического лагеря и своей гегемонии в нем. Роль главных союзников в проведении подобного курса с самого начала была отведена западноевропейским странам. С конца 40-х годов укрепление связей с Западной Европой стало важнейшим элементом американской внешней политики. Атлантизм — совокупность усилий по все большему вовлечению западноевропейского региона во внешнеполитическую деятельность Вашингтона — вот уже на протяжении более трех десятилетий пользуется первостепенным приоритетом в стратегии США.

Важно отметить, что в своих связях с западноевропейским регионом Соединенные Штаты прошли за послевоенный период путь от патронирования европейского Запада до взаимоотношений сравнительного равенства, поскольку за это время произошло значительное перераспределение мощи между США и западноевропейским центром капитализма, его ядром — Европейским экономическим сообще-

ством (ЕЭС). Удельный вес США в промышленном производстве капиталистического мира уменьшился примерно на 15%. Между тем десять западноевропейских стран, составляющих ныне Европейское экономическое сообщество*, по многим важным общим показателям достигли в совокупности состояния равенства с США, а по некоторым даже превзошли их, в частности по суммарному ВВП.

Т а б л и ц а 1. Динамика роста валового продукта США и ЕЭС (в млрд. долл.)

	1955 г.	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.
США	339	506	688	982	1516	2586,5
ЕЭС	193	263	411	628	1371	2762

Источники: International Economic Report of the President, 1977, Jan., p. 138; OECD, Main Economic Indicators, 1981, Febr., p. 72.

За период 1950–1980 гг. валютные резервы США уменьшились с 22,8 млрд. долл. до 20,6 млрд. долл., а валютные резервы стран ЕЭС увеличились с 2,9 млрд. до 124,7 млрд. долл., объем торговли ЕЭС втрое превышает объем американской торговли. (В 1980 г. США экспортировали товаров на 222,4 млрд. долл., а ЕЭС — на 677,9 млрд. долл.)¹. Уступив по некоторым экономическим позициям, США тем не менее являются безусловным лидером общего с основными западноевропейскими странами военного блока, полностью доминируя в военной области межатлантических отношений. Однако укрепившаяся Западная Европа тем более ценна для США как союзник, а ее значение как объекта американской политики и плацдарма против СССР еще более возросло.

В послевоенном курсе США по отношению к Западной Европе явственно прослеживаются три этапа. На первом, длившемся со времени окончания второй мировой войны до начала 60-х годов, доминировала линия практически безоговорочной поддержки всех усилий по укреплению западноевропейского центра капитализма. США оказали буржуазии Западной Европы существенную экономическую поддержку («план Маршалла»), способствовали восстановлению военного потенциала как вчерашних союзников (Англия, Франция), так и недавних противников (Западная Германия, Италия). Вашингтон приветствовал и поощрял интеграционные усилия в Западной Европе, такие, как создание в 1951 г. Европейского объединения угля и стали и позднее — Европейского экономического сообщества. Вашингтон преуспел в укреплении экономических и воен-

* Англия, Бельгия, Голландия, Греция, Дания, Ирландия, Италия, Люксембург, Франция, ФРГ.

¹ Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. — МЭМО, 1980, № 8.

ных позиций своих западноевропейских союзников, но одновременно создал для себя новую проблему, поскольку в капиталистическом мире появился новый мощный «центр силы», все более проявляющий свои автономные устремления.

Активные попытки решить проблему «обуздания» растущего могущества интегрирующейся Западной Европы сменявшие друг друга американские администрации предприняли на втором этапе — период с начала 1960-х годов до 1974 г., когда стал очевидным просчет предшествующих лет: США не заручились рычагами решающего воздействия, «центр гравитации» ЕЭС оказался вне пределов американского влияния. Президент Кеннеди попытался интегрировать все ядерное оружие Западной Европы под американским контролем и резко снизить взаимные таможенные барьеры (в ходе переговоров по так называемому «раунду Кеннеди» в рамках Общего соглашения по тарифам и торговле — ГАТТ, в котором ныне участвуют 111 государств). Администрация Р. Никсона попыталась применить силовые приемы, после чего обратилась к планам создания взаимозависимости между военной и экономической политикой внутри Запада (инициативы «года Европы»). Как силовые, так и сугубо верхушечные дипломатические приемы не дали желаемого сближения позиций США и Западной Европы.

На третьем этапе, совпавшем с самым глубоким за послевоенный период экономическим кризисом капиталистического хозяйства, Соединенные Штаты проявили большую, чем прежде, готовность идти по пути компромиссов, учитывать интересы своих империалистических партнеров, были предприняты попытки укрепить «западную солидарность», используя возможности глобальной конфронтации по оси развитые капиталистические страны против развивающихся стран, а также изыскивая возможности сближения на основе ужесточения антисоветского курса.

В современном мире отношения с Западной Европой продолжают оставаться, если применить традиционное клише официального Вашингтона, «краеугольным камнем» американской внешней политики. США нуждаются в Западной Европе как в ближайшем союзнике в противостоянии укрепляющимся силам социализма и национально-освободительного движения.

Период укрепления западноевропейского центра капитализма (1945 — начало 60-х годов)

Вторая мировая война низвергла Западную Европу с положения центра капиталистического мира до состояния экономической прострации и политического бессилия. Могущественные прежде колониальные метрополии теперь зависели в восстановлении экономики и сохранении капиталистического правопорядка от заокеанского

охранителя капитализма. Соединенные Штаты, которые при президенте Ф. Д. Рузвельте готовились к послевоенному сотрудничеству со всеми странами антигитлеровской коалиции, при администрации Г. Трумэна пошли на раскол военного союза, резко противопоставив себя в Европе Советскому Союзу. Вашингтон встал на путь силового давления на СССР и страны Восточной Европы. Выполнение этой задачи требовало от правительства Трумэна консолидации «передовых рубежей», каковыми для США в 1945 г. были почти все страны Западной Европы.

Для американской дипломатии это был крутой поворот, отход от многолетнего принципа «невовлечения в блоки». Победа сторонников союза с западноевропейскими странами — атлантистов — последовала в Вашингтоне после трудной и упорной внутренней борьбы. Силы все еще достаточно влиятельных изоляционистов, в частности определенных кругов бизнеса, ориентированных на внутреннее производство, и некоторых групп традиционно враждебных Европе дипломатов, были достаточно велики, чтобы какое-то время противостоять этому повороту, но помешать ему они не смогли.

Логика разворачивающейся «холодной войны» все глубже вовлекала США в западноевропейские дела. К весне 1947 г. стало ясно, что внутренняя «взаимопомощь» западноевропейских отрядов капитализма в деле борьбы с прогрессивными силами недостаточна. Англия заявила, что ее силы иссякли и она не может далее оказывать необходимую военную и экономическую помощь правящим классам Греции и Турции в борьбе против прогрессивных общественных сил, против освободительных движений в этих странах. Тогда американское правительство заявило о готовности взять на себя эти функции Англии. 12 марта 1947 г. президент Трумэн обратился в конгресс с просьбой предоставить 400 млн. долл. для помощи Греции и Турции, а также разрешить направить в эти страны американский военный и гражданский персонал для обеспечения реализации финансовой и военной помощи.

Однако в послании Трумэна речь шла о большем, чем простое вмешательство США в дела этих стран. «Доктрина Трумэна» явилась первым официальным развернутым изложением стратегии «сдерживания» коммунизма, политики объединения сил всех капиталистических государств под эгидой США для борьбы против складывающейся мировой системы социализма. Решимость США не уходить из Европы и овладеть контролем над ресурсами этого огромного резервуара людских и материальных возможностей стала очевидной.

По просьбе заместителя государственного секретаря США Д. Ачесона координационный комитет, представлявший госдепартамент и военное министерство, подготовил в июне 1947 г. меморандум, в котором первоочередной целью американской политики называлось «укрепление Западной Европы и упрочение ее западной ориентации»

под руководством Соединенных Штатов»². Для достижения этой цели США взяли за решение двойной задачи: осуществить контроль над западноевропейской экономикой и поставить вооруженные силы западноевропейских стран под американское командование. Двумя главными мерами ориентирования Западной Европы в «атлантическое направление» стали, во-первых, направляемое в соответствии с «планом Маршалла» экономическое восстановление промышленного потенциала с общей плановой и административной основой и, во-вторых, военное объединение западноевропейских стран США в рамках НАТО.

Государственный секретарь США Дж. Маршалл 5 июня 1947 г. возвестил миру о «плане Маршалла» — экономической операции, в результате которой западноевропейские страны получили от США в виде субсидий, займов и обусловленной помощи за период с апреля 1948 по февраль 1952 г. около 17 млрд. долл.³ Для проведения этой крупной экономической акции по спасению капитализма в Западной Европе и утверждению там американского влияния была создана специальная Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), которой президент США Трумэн открыто отвел роль фундамента атлантического союза⁴.

Во второй половине 40-х годов завязываются тесные экономические связи США с Западной Европой и ее колониями. 40% американского экспорта шло в Западную Европу. Америка получала из колониальных владений западноевропейских метрополий более половины своего импорта сырьевых материалов⁵.

Проведение вышеуказанных крупномасштабных мероприятий оказало большое воздействие на правящую элиту США. Реализация «плана Маршалла» потребовала создания в 1948 г. ведомства по распределению финансовых фондов западноевропейским странам — Администрации экономического сотрудничества, привлекшего крупные научные, финансовые и политические силы, черпавшего помощь в деловом мире, университетах и среди федеральных учреждений. Государственный департамент и иные федеральные ведомства испытали приток атлантических активистов, налаживавших разнообразные контакты с партнерами в Европе. Столь же эффективным стимулом усиления атлантических тенденций в правительстве явилось создание НАТО — военного блока с разветвленной инфраструктурой, крупным чиновничьим аппаратом и системой подрядчиков. 11 июня 1948 г. сенат США одобрил так называемую резолюцию

² *Beugel E. European Integration as a Concern of American Foreign Policy.* N. Y.: Elsevier Publishing Company, 1966, p. 44.

³ *Procurements, Authorisations and Allotments.— Mutual Security Agency, Division of Statistics and Report, 1952, Febr. 29, p. 23.*

⁴ *См.: Documents on American Foreign Relations, 1947.* Wash.: World Peace Foundation, 1949, p. 7—8.

⁵ *Manderson-Jones R. The Special Relationship. Anglo-American Relations and Western European Union.* L.: Crane, Russak and Company, 1972, p. 21.

Ванденберга, которая юридически узаконивала участие США в военных блоках мирного времени. Этим документом, в частности, предусматривалось: «Прогрессирующее развитие региональных и других коллективных соглашений для индивидуальной или коллективной безопасности... Присоединение Соединенных Штатов путем конституционной процедуры к таким региональным и другим коллективным соглашениям, которые основываются на непрерывной и эффективной самопомощи и взаимопомощи и имеют отношение к национальной безопасности США»⁶.

4 апреля 1949 г. двенадцать стран, в том числе десять европейских — Бельгия, Великобритания, Голландия, Дания, Исландия, Италия, Люксембург, Норвегия, Португалия и Франция, а также США и Канада подписали договор о создании Североатлантического союза. В нем провозглашалось право участников на «индивидуальную и коллективную оборону и самооборону», что служило маскировкой его агрессивной сущности. В 1951 г. к договору присоединились Греция и Турция, а в 1955 г. в состав НАТО вошла ФРГ. «С одной стороны, — отмечал советский исследователь Г. А. Воронцов, — „атлантическое сообщество“ считалось необходимым для эффективного объединения сил всего капиталистического мира в борьбе с мировым революционным процессом. С другой стороны, такое „единство Запада“ имело, по замыслу его провозвестников, больше шансов гарантировать сохранность капиталистических устоев и порядков»⁷.

Важной особенностью сформировавшегося западноевропейского курса США было стимулирование всех процессов внутриамериканского объединения. Когда американский конгресс принимал «план Маршалла», он декларировал, что «политика народа Соединенных Штатов направлена на поощрение объединения (Западной) Европы». Главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе генерал Эйзенхауэр заявил 3 июля 1951 г., что «Европа (Западная) не может добиться увеличения своей материальной силы до тех пор, пока она разделена территориальными барьерами»⁸. Американцы благосклонно отнеслись к созданию в 1948 г. Западноевропейского союза в составе Англии, Франции и стран Бенилюкса (Бельгия, Голландия, Люксембург). Корнем межгосударственных разногласий в послевоенной Западной Европе был франко-западногерманский антагонизм, и США приложили большие усилия для сглаживания этого противоречия и сближения этих стран. Поддержанный ими так называемый «план Шумана» создал основу для

⁶ American Foreign Policy. Basic Documents, 1941—1949. Prepared at the Request of the Senate Committee on Foreign Relations. Wash.: U. S. GPO, 1950, p. 197.

⁷ Воронцов Г. А. Атлантические отношения и современность. М.: Междунар. отношения, 1977, с. 51.

⁸ Editorial Research Reports. Editorial Research Board. Wash., 1971, Oct. 13, p. 788.

сближения французских и западногерманских монополий. Возникшее в результате «Объединение угля и стали» (1951 г.) стало зародышевой формой создания группой стран капиталистической Западной Европы «Общего рынка».

Общие задачи экономического восстановления, потеря колониальных владений, обращение в связи с этим к внутренним и общеевропейским нуждам, необходимость расширения рынков сбыта, интенсификация внутреннего обмена — все это подтолкнуло капиталистические страны Европы к дальнейшему объединению. Исходя из этих предпосылок, в середине 50-х годов Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Голландия и Люксембург начали строительство экономического блока, который мог бы по ресурсам соперничать с США. Важный шаг на пути экономической интеграции был сделан в марте 1957 г. с подписанием шестью вышеуказанными западноевропейскими государствами Римского договора, положившего начало постепенному снижению таможенных барьеров внутри регионального объединения, получившего название Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Двумя годами позже семь других западноевропейских стран во главе с Англией (Швеция, Норвегия, Дания, Португалия, Австрия, Швейцария) создали Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ). Американское руководство враждебно отнеслось к ЕАСТ, так как считало, что это чисто коммерческое предприятие, лишенное общих политических институтов и даже не предусматривающее их в своем договоре, не будет служить усилению атлантического союза в целом (более того, создаст раскол в Западной Европе) и, следовательно, не будет отвечать политическим интересам Америки в Европе. Во многом под влиянием кризисного состояния английской экономики ЕАСТ отстала в конкурентной борьбе с более мощным Европейским экономическим сообществом, к тому же поддерживаемым официальным Вашингтоном. В связи с этим ядром западноевропейского объединения стало ЕЭС.

До начала 60-х годов Вашингтон, будучи уверен, что объединение Западной Европы является первой ступенью общеатлантической интеграции, поддерживал этот процесс и оказывал значительную помощь западноевропейскому региону в целом. Стремясь создать узы экономической взаимозависимости, американское правительство, вставшее на путь атлантического строительства, добилось подписания в 1947 г. Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), охватывающего главных западноевропейских партнеров США. В дополнение к уже созданной экономической сети — Бреттон-вудским соглашениям, определявшим структуру валютно-финансовых отношений стран Запада, Международному валютному фонду (МВФ) — ГАТТ служило интересам экономического сближения США и Западной Европы.

В военной сфере на этом этапе американо-западноевропейских отношений происходило создание и развитие военной структуры НАТО. В конце 1950 г. было создано объединенное командование

вооруженных сил НАТО, получившее под свое начало значительную долю национальных армий западноевропейских стран. Блок принял единую стратегию ведения войны. Вашингтон взял курс на перевооружение созданной под его покровительством в 1949 г. Федеративной республики Германии и передачу воссозданных западногерманских вооруженных сил в распоряжение американского главнокомандующего НАТО. На полугодичных сессиях Совета НАТО западноевропейские страны формировали свою внешнюю политику, исходя из установок Вашингтона.

Однако в атлантическом союзе — военном основании политики США в Западной Европе — уже в первые годы его существования выявились противоречия американского патрона с его западноевропейскими союзниками. Одним из спорных стал вопрос о сфере действия договора. Так, западноевропейские страны отказались рассматривать агрессию США в Корею как «союзническую операцию» и не приняли участие в этой войне на том формальном основании, что обязывающий их Североатлантический договор охватывает не весь мир, а ограниченную географическую зону. В то же время целый ряд западноевропейских стран стремился сохранить обширные колониальные владения. Борьба за независимость в этих заморских владениях подавалась как прямая или замаскированная «агрессия коммунизма», а средством сохранения этих владений западноевропейскими метрополиями виделся союз с США. Однако США не желали оказаться втянутыми в такие ущербные для их престижа среди развивающихся стран акции, как, например, война Франции в Алжире. Самый крупный кризис внутрисоюзнических отношений в этот период вызвало то обстоятельство, что США, стремясь к укреплению своих собственных позиций на Ближнем Востоке, в том числе и за счет своих союзников, не поддержали англо-франко-израильской агрессии против Египта в 1956 г. Западные европейские страны отчетливо поняли, что военный союз с США не поможет им в их попытках удержать свои империи и сохранить свое влияние в освобождающихся районах мира. Это привело к охлаждению союзных отношений и стимулированию сепаратистских тенденций в блоке.

К началу 60-х годов первоначальная, довольно прямолинейная ориентация американской внешней политики на безоговорочное укрепление Западной Европы экономически и в военном отношении стала ослабевать. Эволюция международных отношений в значительной мере подорвала прочность атлантической догмы. Во-первых, консолидация на основе военного союза осложнилась. Во-вторых, окрепшая экономически, Западная Европа начала показывать первые признаки стремления к независимости.

Выход Западной Европы из состояния подчинения (начало 60-х — середина 70-х годов)

Убедившись в том, что окрепшая к концу 50-х годов Западная Европа может перестать быть послушной и политически инертной, США выступили с инициативами по структурному оформлению своей гегемонии.

Президент Кеннеди, придя в Белый дом, приступил к решению двух главных задач. В экономической области предполагалось создать окруженное единым таможенным барьером (и лишенное тарифных перегородок внутри) атлантическое сообщество. В сфере вооружений, где англичане, а затем и французы приступили к созданию собственных ядерных сил, — интегрировать все ядерное оружие капиталистического мира под единым (американским) руководством.

Совокупность планов, выдвинутых администрацией Кеннеди, получила название «Великого проекта», который предусматривал создание атлантического сообщества на основе партнерства и взаимозависимости между США и «единой Европой». Все еще отражая оптимизм прежних лет и веря в осуществимость планов сохранения контроля над западноевропейским развитием, Дж. Кеннеди поддерживал идеи расширения и углубления западноевропейской интеграции и усиленно подчеркивал тезис «равенства» США и Западной Европы. Так, выступая 4 июля 1962 г. в Филадельфии, он говорил: «Мы считаем сильную и объединенную Европу не соперником, а партнером». Кеннеди также объявил, что США «для достижения взаимозависимости готовы обсуждать с объединенной Европой пути и средства создания конкретного атлантического партнерства»⁹.

Таким образом, администрация Кеннеди вновь сделала акцент на атлантическом сотрудничестве с объединенной Западной Европой, руководимой наднациональными органами. Предполагалось, что из фрагментарной, разобщенной Европы возникнет новый политический монолит, который станет равным партнером Соединенных Штатов, «обремененных глобальными обязательствами», и что новое надгосударственное образование — интегрированная часть Европы, объединенная с США, — изменит мировой баланс сил в пользу лагеря капитализма, привлечет на свою сторону государства Восточной Европы.

В январе 1962 г. президент Дж. Кеннеди в послании конгрессу попросил предоставить ему широкие полномочия для снижения американских таможенных тарифов¹⁰. Принятый в 1962 г. американским конгрессом закон о расширении торговли дал президенту на 1962—1967 гг. полномочия вести переговоры с западноевропей-

⁹ Department of State Bulletin, 1962, July 23, p. 132.

¹⁰ Congressional Record, 1962, Jan. 25, p. 822.

скими странами об обоюдном снижении барьеров в торговле между США и «Общим рынком» по товарам, стоимость экспорта которых из США и ЕЭС превышала 80% стоимости экспорта этих товаров из всех капиталистических стран. В мае 1964 г. в Женеве начались переговоры, которые получили название «раунда Кеннеди» (в переговорах приняли участие 43 наиболее развитые страны капиталистического мира, но с самого начала смыслом борьбы стал диалог США с ЕЭС).

Это был раунд борьбы США за введение западноевропейской интеграции в русло более широкой, атлантической интеграции. Однако «раунд Кеннеди» не оправдал надежд американского руководства. Членам ЕЭС, несмотря на внутренние разногласия, удалось достичь согласованной линии. Рухнули надежды американских политиков на внутренний раскол «Общего рынка». Накануне «раунда Кеннеди» Франция наложила вето на прием в Европейское экономическое сообщество Англии — страны, которая, как надеялись в Вашингтоне, войдя в ЕЭС, содействовала бы реализации американских планов. Переговоры «раунда Кеннеди» оказались долгими и трудными. Договаривающиеся стороны пришли к согласию относительно взаимного снижения тарифов на треть в течение пяти лет. Это снижение межатлантических таможенных тарифов (в то время как пошлины во взаимной торговле стран ЕЭС были отменены полностью) не сделало барьеры по обе стороны океана легко преодолимыми. Американские и западноевропейские монополии вместе со старым оружием торговой войны, каким являются тарифы, освоили новые виды воздействия: импортные квоты, государственные субсидии для экспортируемых товаров, дополнительные внутренние налоги на импорт и др. «Великий проект» Кеннеди был поставлен под сомнение прежде всего западноевропейскими участниками, увидевшими для себя в американских планах угрозу экономического поглощения.

В конце 50-х годов начали обнаруживаться кризисные явления и в политике США в НАТО. До этого периода европейские члены Североатлантического союза, не имевшие своего ядерного оружия, подпадали под ядерную опеку США. Ряд факторов, прежде всего выявившаяся в результате развития оборонного потенциала СССР стратегическая уязвимость США, подорвал главную американскую стратегическую доктрину 50-х годов — доктрину «массированного возмездия». Изменения в расстановке мировых сил оказали глубокое воздействие на европейских союзников США. Две западноевропейские державы — Англия и Франция — поплыли на развитие собственного ядерного оружия. Это ослабляло их зависимость от ядерного арсенала США и способствовало росту центробежных сил в блоке.

Объединить все ядерное оружие капиталистического мира под контролем США — этого требовали американские военные и политические теоретики в конце 50-х годов. Согласно их взглядам,

западноевропейским союзникам США надлежало наращивать мощь обычных вооруженных сил, предоставляя стратегическую инициативу США¹¹. В первом же президентском послании конгрессу «О положении страны» Дж. Кеннеди объявил о соответствующем пересмотре официальной стратегической доктрины¹². Новые военные установки Вашингтона предусматривали, что ядерные силы Англии (и проектируемые) Франции должны были быть слиты с американскими в рамках НАТО в качестве многосторонних ядерных сил блока. Но правом вето на их использование мог располагать только американский президент и никто более.

В Вашингтоне переоценили возможности сил в Западной Европе, стоявших за атлантическую интеграцию. 14 января 1963 г. французское руководство (Франция в 1962 г. обрела статус ядерной державы) выступило против объединительной инициативы США. «Франция,— заявил де Голль,— намерена иметь свою собственную национальную оборону... Для нас в нынешних обстоятельствах интеграция представляется невероятной»¹³. Вслед за этим заявлением последовал конкретный шаг: 22 января Франция заключила с ФРГ соглашение о сотрудничестве. Этим Париж хотел застраховаться от изоляции в Западной Европе.

Желая избежать американизации своей внешней политики, Франция в 1966 г. покинула военную организацию НАТО. Задача овладения контролем над западноевропейским регионом для Вашингтона еще более осложнилась. В этот критически важный период американское руководство было вынуждено ослабить свое внимание к западноевропейским делам. Вьетнамская авантюра все больше связывала дипломатию США, ограничивала ее маневренные возможности. С трудом завершился в 1967 г. «раунд Кеннеди», не оправдавший надежд США. Болезненно затухал проваленный Западной Европой план создания многосторонних ядерных сил (МЯС), рассчитанных на привязывание западноевропейских ядерных сил к американским, и, в конце концов, Вашингтону пришлось отказаться от этого плана.

Таким образом, «Великий проект» президента Кеннеди столкнулся с непреодолимыми препятствиями. В экономической области США не удалось в переговорах «раунда Кеннеди» снять разделяющие США и Западную Европу таможенные барьеры. В военной области США не добились подчинения западноевропейского ядерно-

¹¹ См.: *Military and National Security* / Ed. W. Kaufman. Princeton: Princeton University Press, 1956; *Osgood R. Limited War*. Princeton: Princeton University Press, 1956; *Kissinger H. Nuclear Weapons and Foreign Policy*. N. Y.: Harper, 1957; *Brodie B. Strategy in the Missile Age*. Princeton: Princeton University Press, 1959.

¹² Department of State Bulletin, 1961, Febr. 13, p. 211.

¹³ *L'Année politique et diplomatique en France*. P.: Presses Universitaires de France, 1963, p. 401—402.

го оружия своему руководству. В Западной Европе начал образовываться автономный центр капиталистического мира¹⁴.

Между тем Западная Европа создала свое экономическое ядро в виде группировки стран «Общего рынка», завершившей таможенное объединение в 1968 г. и стоявшей перед новыми важными процессами — количественным расширением и возможностями распространения интеграции на новые сферы. К концу этого десятилетия ЕЭС производило уже почти половину объема промышленного производства США (американский показатель — 43,2% промышленного производства капиталистического мира, а ЕЭС — 20%). Зато в экспорте капиталистического мира позиции ЕЭС были прочнее (31,2% — ЕЭС, 15,6% — США), как и в накоплении валютных запасов (ЕЭС — 36,2%, США — 27,7%)¹⁵.

В этой ситуации Вашингтон после паузы, связанной прежде всего с вьетнамской авантюрой, снова перенес в начале 70-х годов центр своей внешнеполитической деятельности на основной участок своей послевоенной политики — Европу. Обосновывая новый курс в отношении западных союзников, президент Никсон декларировал, что природа взаимоотношений с этими странами изменилась в результате, с одной стороны, экономического подъема Западной Европы и Японии, с другой — распада колониальных империй. Указывая на определенные изменения в подходе США, Р. Никсон говорил: «Эта администрация не рассматривает своих союзников как компоненты американского „великого проекта“»¹⁶. Республиканское руководство расценило прежнюю безоговорочную поддержку консолидации европейского «столпа» капитализма как отражение упрощенного подхода к западноевропейским процессам. Президент Никсон дал понять, что он предпочитает создание объединения, в котором Соединенным Штатам противостояла бы менее централизованная, чем предполагалось прежде, группа западноевропейских стран.

Стремясь «обуздать» независимое развитие Западной Европы, Вашингтон усилил твердость и даже агрессивность во внутриатлантических делах. Министр финансов в правительстве Никсона Дж. Коннали в необычайно резкой манере требовал в 1970—1971 гг. большего западноевропейского участия в военных расходах НАТО, заключения «более равноправных торговых соглашений», снятия «искусственных», по его словам, барьеров на пути американского экспорта и грозил «возмездием». «Время безграничной щедрости Соединенных Штатов миновало... на протяжении последних нескольких лет мы позволили другим добиться преимущества перед нами»¹⁷. Когда в Вашингтоне стало ясно, что в 1971 г. амери-

¹⁴ См.: Мельников Ю. М. От Потсдама к Гуаму: Очерки американской дипломатии. М.: Междунар. отношения, 1974, с. 280.

¹⁵ OECD, Main Economic Indicators, 1970, Apr., p. 26.

¹⁶ U. S. Foreign Policy for the 1970's: Building for Peace. A Report by the President Nixon to the Congress. Febr., 25, 1971. Wash.: U. S. GPO, 1971, p. 25.

¹⁷ Fortune, 1972, June 5, p. 117.

канская торговля будет впервые в XX в. сведена с пассивом, там приняли экстренные меры. 15 августа 1971 г. был введен 10%-ный налог на импорт, прекращено свободное обращение долларов в золото. В декабре 1971 г., когда в результате ухудшения состояния экономики США и их позиций на мировом рынке Вашингтон произвел девальвацию доллара, стало ясно, что пройден некий рубеж. В определенном смысле опека США над Западной Европой окопчилась.

Оказавшись перед фактом слома бреттон-вудской системы, объединившей западные страны все послевоенные годы, Западная Европа энергично встала на защиту своих интересов. В октябре 1972 г. на встрече в Париже лидеры ЕЭС впервые поставили конкретную цель: создание к 1980 г. экономического и политического союза. Такой ход европейских процессов вынуждал США активизировать свою западноевропейскую политику. «Это вопрос приоритетов, — писали в этот период отошедшие на время вьетнамской агрессии несколько в тень американские атлантисты. — Западная Европа и Япония — единственные зоны, сами по себе представляющие ценность для Соединенных Штатов»¹⁸.

В 1973–1974 гг. Вашингтон предпринял активную попытку преодолеть дрейф Западной Европы к сепаратизму. Чтобы блокировать все более расходящиеся с США пути экономического развития западноевропейского региона, американское руководство попыталось воздействовать на «военный нерв» своих связей с Западной Европой. Во внешнеполитическом послании 1972 г. президент Никсон прямо поставил вопрос: «Европейцы следуют политике экономического регионализма, но они желают сохранить американское участие в военной сфере и неограниченные американские политические обязательства. Это вызывает фундаментальный вопрос: могут ли принципы атлантического единства в военной сфере быть примирены с возрастающей региональной экономической политикой Западной Европы?»¹⁹. 1973 год был объявлен Вашингтоном «годом Европы». 23 апреля 1973 г. государственный секретарь США Г. Киссинджер выступил с проектом, который он называл «новой атлантической хартией». Это был проект соглашения, призванного связать США, Западную Европу и Японию воедино, создать взаимосвязь экономики, военной сферы и политики²⁰.

При этом США определяли роль Западной Европы как «региональную» в отличие от «глобальной» роли США. Желание США закрепить, «конституционализировать» статус лидера, официально утвердить свое превосходство в западном мире, несомненно, шло вразрез с политикой нацелившихся на автономное развитие кругов интегрирующейся Западной Европы, которые видели в качестве од-

¹⁸ Atlantic Community Quarterly, 1971, Oct., p. 73.

¹⁹ U. S. Foreign Policy for the 1970's: Shaping a Durable Peace. A Report by the President Nixon to the Congress. May 3, 1973. Wash.: U. S. GPO. 1973, p. 79.

²⁰ Department of State Bulletin, 1973, May 14, p. 261.

ной из целей интеграции как раз «глобализацию» роли будущего Европейского союза, его равный с США статус.

В сентябре 1973 г. лидеры стран ЕЭС на встрече в Копенгагене выразили желание подписать между США и ЕЭС не единый документ — «хартик», а два: сугубо военный (по линии НАТО) и экономический. Подключение Японии к атлантическим делам оказалось для Западной Европы абсолютно неприемлемым. Отрыв экономических переговоров от переговоров военных, натовских, лишил США силовой опоры в создании механизма разрешения экономических противоречий. Еще больше ослабила западноевропейскую политику США война на Ближнем Востоке в октябре 1973 г., в ходе которой натовские союзники заняли далеко не одинаковые позиции. «Октябрьский кризис,— писал орган западногерманских кругов,— принес ясное и трезвое понимание, что идентичность интересов в Североатлантическом союзе не является чем-то само собой разумеющимся»²¹.

Убедившись, что «связка» военных рычагов с экономическими не удастся, американское руководство попыталось обеспечить свое влияние на западноевропейское развитие за счет подключения к внутренним консультативным процессам в ЕЭС. В декабре 1973 г., выступая в Лондоне, государственный секретарь США Г. Киссинджер заявил, что «представлять нам решения объединяющейся Европы как совершившийся факт, не подлежащий обсуждению, чуждо традиции отношений между Соединенными Штатами и (Западной) Европой»²². Г. Киссинджер потребовал от главного американского партнера — ЕЭС — обязательности предварительных консультаций с США при принятии всех важнейших политико-экономических решений, поставив, по сути, вопрос о праве Вашингтона на контроль над выработкой политики своих главных конкурентов в атлантической зоне.

После полугодовых внутренних обсуждений западноевропейский блок решился на определенное «нет»²³. На встрече министров иностранных дел стран ЕЭС в Бонне 10 июня 1974 г. было условлено, что проведение консультаций между ними — внутреннее дело девяти стран-членов. Совет министров ЕЭС в конечном итоге начисто отверг принцип обязательных консультаций, лишивший этот торгово-промышленный блок главного его достижения — возможности отстаивать собственные интересы.

Идея консультаций потеряла главное желательное для США качество — обязательность. Не будучи обязательными, консультации главных империалистических центров не получили и соответствующего механизма. Тем самым фиксировалось поражение инициатив Вашингтона по укреплению его влияния в западноевропейском

²¹ Aussenpolitik (Engl. edition), 1973, №4. p. 392.

²² New York Times, 1973, Dec. 13.

²³ Monde, 1974, 3 mai.

регионе. Таков был итог не только «года Европы», но и более чем декады усилий Вашингтона отыскать рычаги воздействия на эволюцию западноевропейского региона. В этот период четко обозначились автономные устремления ЕЭС, его сепаратные интересы. Характерной его чертой было то, что США попытались найти новые структурные формы («великое сообщество» Дж. Кеннеди, многосторонние ядерные силы, некая институциональная привязка военных и экономических проблем, механизм «общих консультаций») своих отношений с Западной Европой, но не смогли их создать. В последующем Вашингтону пришлось изменить свою тактику.

Этап компромиссного развития отношений (1974—1983 гг.)

В середине 70-х годов в западноевропейской политике США произошли значительные изменения. Они были вызваны воздействием прежде всего трех факторов: глубокими кризисными явлениями в экономике капиталистического мира, подъемом борьбы развивающихся стран, направленной против эксплуатации со стороны развитых капиталистических государств, и продолжающейся тенденцией уменьшения удельного веса США в самом капиталистическом мире.

Самый большой после «великой депрессии» 30-х годов кризис экономической системы капитализма, начавшийся в 1974—1975 гг., вызвал определенный охранительный импульс, в свою очередь ожививший фактор классовой буржуазной солидарности. В то же время часть западноевропейской буржуазии, напуганной социальными сдвигами в Западной Европе (свержение диктатур в Греции и Португалии, победы левых сил во Франции, Греции, Испании) ослабила противодействие атлантическим схемам, стала с меньшей энергией выступать против интеграционных усилий США.

Вторым важнейшим фактором явился выход на политико-экономическую арену блока развивающихся стран. Активные действия их авангарда — стран ОПЕК, рост солидарности развивающихся стран показали, что капиталистическая система не может отныне оставаться целиком подвластной трем бастионам развитого капитализма. Подорожание сырьевых материалов ударило и по Западной Европе, и по США, вызывая к жизни объединительные тенденции, которые были немедленно использованы Вашингтоном для создания новых рычагов давления на своих западноевропейских партнеров.

Что касается третьего фактора, то во второй половине 70-х годов в американо-западноевропейских отношениях наступил новый этап, отмеченный дальнейшим сдвигом в расстановке сил внутри капиталистической системы. Три послевоенных десятилетия американский центр капитализма удерживал безусловное первенство, но относительный вес США в системе мировой капиталистической экономики все это время постоянно падал. За последнюю четверть века

доля США в мировом производстве упала с 40 до 25%. Это уменьшение произошло не только в результате сокращения темпов развития американской экономики, но и за счет более быстрого роста западноевропейского центра и Японии. Между 1957 и 1973 гг. темпы развития главных западноевропейских стран (за исключением Англии) значительно превосходили американские. Производительность труда в Западной Европе выросла до сравнимого с американским уровнем. Правда, период 1974—1983 гг. характеризуется ослаблением темпа приближения Западной Европы к Соединенным Штатам. Ряд обстоятельств, в частности большая зависимость западноевропейских стран от резко подорожавшей нефти и более глубокий экономический кризис, отодвинули точку «обгона» США. И все же к рубежу 80-х годов Европейское экономическое сообщество перергало США по совокупному объему производимой продукции. Суммарные валютные запасы ФРГ, Франции, Англии и Италии в 1979 г. превзошли американские в 6 раз²⁴.

Выход Западной Европы на равный американскому уровень промышленного производства не означал, разумеется, достижения паритета в политической и военной сферах. Даже и десятка, составляющая «Общий рынок», не может пока что рассматриваться в качестве «единого центра», сопоставимого с американским. Тем не менее процесс внутренней консолидации ЕЭС, в частности укрепление системы политических консультаций на уровне глав правительств и министров иностранных дел, с трудом, но продолжается. Среди установившихся процедур — периодические встречи Европейского Совета на уровне глав правительств, состоялись прямые выборы в европейский парламент, была создана единая западноевропейская валютная система. ЕЭС наладило долговременные отношения с большой группой развивающихся стран (второе Ломейское соглашение 1979 г.), диалог с арабскими государствами.

В 70-х — 80-х годах ЕЭС добилось единого подхода своих членов по таким проблемам, как Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (и последующих совещаний в Белграде и Мадриде), политика в отношении Ближнего Востока, Канады, Зимбабве, выработка единой позиции в ходе развития политических событий в Португалии и Анголе. Такая стабилизация ЕЭС укрепила роль этого объединения в общей капиталистической системе, увеличила его вес во взаимоотношениях с США. Если военные связи с США (посредством НАТО) остаются величиной относительно постоянной, то экономическое развитие отнюдь не диктует курса на сближение. Помимо сепаратной валютной политики, следует указать, что только 13,3% экспорта ЕЭС приходилось в 1978 г. на США, а доля экспорта США в страны ЕЭС составляла лишь 22% от всего американского экспорта²⁵. Не североамериканский регион, а арабский

²⁴ Blatter für deutsche und internationale Politik, 1980, Sept., S. 6.

²⁵ Current History, 1979, Nov., p. 147.

мир стал главным торговым партнером ЕЭС. Каналы американского экономического воздействия на Западную Европу оказались менее эффективными, чем на то рассчитывали творцы американской политики 20—30 лет назад.

Новое поле американо-западноевропейских контактов открылось в связи с кризисом структур «холодной войны», успехами разрядки напряженности, движение в направлении которой у США и Западной Европы было далеким от синхронности. Западноевропейские страны начали нормализацию отношений с Востоком в те самые годы, когда США все более увязали во вьетнамской авантюре. Уместно заметить, что в конечном итоге именно Западная Европа определенным образом втянула США в процесс разрядки. Заметной вехой в этом процессе стало включение США в подготовку Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (первые многосторонние консультации в этом направлении начались в 1969 г.) Во многом благодаря более активному стремлению западноевропейских стран Совещание вышло на свою финальную стадию. 1 августа 1975 г. главы 33 европейских стран и правительств, а также руководители США и Канады подписали Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Акт фиксировал послевоенные реальности в Европе (границы, политический статус государств), содержал в себе отказ от взаимных претензий, намечал пути развития внутрисовещательского сотрудничества. Это был заметный успех мирной инициативы социалистических стран, победа здравомыслящих кругов в Западной Европе, проявивших высокую степень реализма и понимания собственно европейских интересов. В этих условиях согласие американского руководства на определенное оздоровление политического климата в Европе было вынужденным. В последующем на совещаниях по выполнению Хельсинкского акта в Белграде (1977 г.) и Мадриде (1980—1983 гг.) американская дипломатия попыталась повернуть указанный процесс вспять, с тем чтобы, укрепляя элементы реактивированной «холодной войны», упрочить свое положение лидера Запада.

Ощущая необходимость приспособления к новым явлениям, прорастающим из растущего экономического могущества Западной Европы, опасаясь эволюции этого региона «влево», используя фактор солидарности перед лицом подъема развивающихся стран, Соединенные Штаты стали проводить начиная со второй половины 70-х годов более активную политику в отношении своих главных партнеров в Западной Европе, а также Японии. Этот курс характеризуется прежде всего двумя моментами: 1) выделением предпочтительных, наиболее влиятельных контрагентов; 2) функциональным подходом к укреплению внутривосточного единства.

Если на протяжении всего послевоенного периода США стимулировали сближение своих экономических партнеров друг с другом и приложили немало усилий для принятия в западную экономическую систему Японии, то во второй половине 70-х годов Вашингтон

пошел на выделение из ряда своих партнеров-конкуренгов наиболее влиятельных и эффективных. Именно с ними, а не со всем форумом своих союзников, партнеров и клиентов Вашингтон выказал желание осуществить решение насущных проблем капиталистического мира. С конца 1975 г. Вашингтон ежегодно участвует в совещаниях семи наиболее развитых стран Запада (США, Япония, ФРГ, Франция, Англия, Италия, Канада), которые проводятся на самом высоком правительственном уровне. Впервые в послевоенной истории главы столь узкого круга ведущих капиталистических держав непосредственно обсуждают единую экономическую и политическую стратегию. Именно в прямых контактах с ними США берутся решать основные экономические проблемы капиталистического Запада: пресечение кризисных явлений, рассасывание безработицы, регулирование товарных потоков, установление соотношения валют. Характерной чертой дипломатии этих встреч на высшем уровне стал переход от рассмотрения сугубо экономических проблем к согласованию общих подходов к актуальным политическим вопросам. Так, в Сан-Хуане (1978 г.) обсуждалась возможность прихода в итальянское правительство коммунистов, в Венеции (1980 г.) — перспективы отношений между Востоком и Западом.

Вторая характерная черта нового курса Вашингтона заключается в том, что, модернизируя свою западноевропейскую политику, американское руководство использовало опыт предшествующих лет, когда попытки различных структурных построений привели к неудачам, к ослаблению связей с Западной Европой. Вашингтон пришел к выводу, что, только используя общие нужды (а не сугубо силовое давление или голословные призывы к «атлантической», т. е. классовой солидарности) можно добиться консолидации Запада на американских условиях. На первый план выдвинулся функциональный подход — объединение в процессе решения общих целевых задач. Главными такими задачами во второй половине 70-х годов стали: энергетическое обеспечение, валютная стабильность, стандартизация (и совместное производство) оружия, экономические проблемы.

Первой формой функционального объединения явилось создание в ходе Вашингтонского совещания (февраль 1974 г.) межправительственной системы, предназначенной для совместных усилий 12 наиболее развитых капиталистических стран в сфере энергетики — Международного энергетического агентства (МЭА). Затем был создан фонд финансовой помощи стран Запада (апрель 1975 г.)²⁶, что означало движение в том же направлении. В целях сплочения Западной Европы под своим руководством Вашингтон использовал также парижскую конференцию по международному экономическому сотрудничеству (1975—1976 гг.), где почти вся инициатива в диалоге с развивающимися странами была предоставлена США. Одной из целей американской политики стало сближение ОЭСР и

²⁶ Department of State Bulletin, 1975, Aug. 25, p. 265.

МЭА, «двух институтов,— по словам госсекретаря США,— чья деятельность направлена на решение проблемы взаимозависимости индустриальных обществ»²⁷. В мае 1975 г. на сессии Совета НАТО в Брюсселе США предложили создать общее Агентство по производству вооружений. Предложения о картелизации военной промышленности Запада, как и предложенная в рамках НАТО стандартизация вооружений, были рассчитаны на создание нового канала взаимозависимости.

Указанные выше два момента в значительной мере повлияли на стратегию США в отношении Западной Европы в 1974—1983 гг. Помимо них, на политическую линию Вашингтона оказали влияние новые явления, происходившие в военной организации НАТО. Иде преобладание США сохранялось, но возрастали значение и сила Западной Европы, западноевропейского элемента.

Фактор Североатлантического блока

После подписания в апреле 1949 г. Североатлантического договора, предусматривавшего образование военной организации, была создана военно-политическая структура, позволившая США, как сильнейшему члену союза, фактически диктовать в военной сфере волю остальным главам блока. Гарантируя западноевропейским союзникам социальный и политический статус-кво, Соединенные Штаты получили в обмен возможность держать группировку самых крупных западноевропейских стран в фарватере своей политики, целью которой в послевоенный период стала глобальная экспансия и создание агрессивных блоков по всему периметру границ СССР. На протяжении существования НАТО американское доминирование осуществлялось при помощи четырех основных рычагов:

1) американские «ядерные гарантии». В целях противостояния миру социализма и сохранения внутренних капиталистических устоев правящие круги 13 западноевропейских стран призвали к развертыванию над ними «ядерного зонтика» США, что предоставило Вашингтону возможность требовать (в качестве платы) от своих союзников лояльности и безусловного согласия на американское единоначалие в военной системе;

2) американское военное преобладание. США, безусловно, наиболее крупная военная держава Запада, владеющая не только недосыгаемым для западноевропейских стран уровнем стратегических ядерных сил, но и колоссальным объемом обычных вооружений, крупнейшим контингентом сухопутных сил, а также превосходящими все прочие в западном мире военно-морскими и военно-воздушными силами;

3) американское военное присутствие в Европе. На территории одной лишь ФРГ под военные объекты НАТО, контроли-

²⁷ Ibid., June 23, p. 837.

руемые американцами, занято 8 тыс. кв. км²⁸. Главная ударная сила США в НАТО — это более чем 300 тыс. американских военнослужащих в Центральной Европе, составляющих треть личного состава войск НАТО;

4) американский экономический вклад в создание военной структуры НАТО. В 1980 г. 15 стран НАТО израсходовали на военные нужды (т. е. содержание своих армий, приобретение новых видов оружия и боевой техники) 224,9 млрд. долл., из которых расходы европейских членов НАТО составили лишь 85 млрд. долл. Львиная доля ассигнований падает, как видим, на США, что и делает их основой военного союза.

Пользуясь указанными рычагами, США, во-первых, могут использовать западноевропейскую военную машину против социалистического содружества, могут консолидировать силы мирового капитализма против социалистических стран. Это внешняя функция НАТО. Во-вторых, Вашингтон получил возможность воздействовать — и практически контролировать — основные направления военной эволюции западноевропейского региона. В-третьих, в значительной мере нейтрализуя сепаратные национальные курсы западноевропейских стран, США могут с большей свободой прибегать к силовому давлению на развивающиеся страны, значительная часть которых прежде была сферой влияния Западной Европы и поныне сохраняет с ней разного рода связи. Однако по мере эволюции международных отношений в Западной Европе все более отчетливо проявилось желание отделить военные вопросы от вопросов экономических, «минимизировать» внешнеполитический эффект американского военного преобладания.

Для правящих кругов стран Западной Европы уменьшение притягательности полного подчинения НАТОвской дисциплине началось с сомнений в необходимости жертвовать национальным суверенитетом в условиях, когда американские спекуляции на «внешней угрозе» стали менее убедительными. С исчезновением климата «холодной войны» здание атлантической солидарности на основе военного союза начало испытывать колебания. Но мере определенного оздоровления международной обстановки объединительная платформа Атлантического блока стала ослабевать, менее эффективным стало воздействие сильнейшего рычага американской политики на западноевропейском направлении.

Резко увеличились сомнения и в надежности «ядерных гарантий» США. Боязнь того, что США сделают выбор, предполагающий региональную войну, конфликт на европейском театре военных действий, т. е. пожертвуют Западной Европой ради своих глобальных интересов, проникла даже в проамериканские круги. Вашингтон попытался ослабить этот фактор недоверия к американскому «ядерному зонтику» посредством решения о размещении на территории

²⁸ General-Anzeiger, 1980, Dec. 6.

стран Западной Европы американских ядерных ракет среднего радиуса действия (принято Советом НАТО в декабре 1979 г.). Но, по существу, это навлекло лишь новые подозрения в отношении того, что Пентагон стремится сделать Западную Европу театром «ограниченной войны».

Относительно второй основы США в НАТО — военного преобладания — можно сказать следующее. В начале 60-х годов Вашингтон потребовал от союзников определенного размежевания функций: США взяли на себя поддержание ядерных сил, а западноевропейская ветвь НАТО — развитие обычных вооружений. В результате такого «разделения обязанностей» произошло довольно значительное увеличение западноевропейских армий. Ныне западноевропейские члены НАТО обеспечивают на европейском театре 91% сухопутных сил, 86% военно-воздушных сил, 75% танков (включая бронетранспортеры). Эти страны (включая Францию) держат под ружьем более 3 млн. человек против 2,1 млн. у США. Таким образом, произошло значительное укрепление европейского компонента НАТО. (К этому следует добавить создание Францией триады ядерных стратегических сил и сохранение стратегических сил Англии.) Военное преобладание США, колоссальное на стратегическом уровне, исчезло на уровне обычных вооружений. Западно-европейский центр капитализма создал чрезвычайно развитую как в качественном, так и в количественном отношении военно-промышленную базу. Крупные страны Западной Европы в сфере обычных вооружений в настоящее время стоят на качественно и количественно сопоставимом с США уровне (можно даже отметить их превосходство в производстве систем противовоздушной обороны, авиации вертикального взлета и др.).

Третий компонент американского могущества в НАТО — американское военное присутствие — также подвергся в 70-х — 80-х годах критическому анализу: «Либо Соединенные Штаты, — писало одно из авторитетных европейских изданий, — считают, что их безопасность начинается в Европе, и тогда экономические, торговые и даже политические вопросы не имеют ничего общего с этим фактическим положением: американцы остаются, так как этого требует их безопасность. Либо они изменили мнение об условиях своей безопасности, в этом случае, запугивая европейцев угрозами уйти (если им не предоставят тех или иных преимуществ) США пытаются их одурачить, потому что в таком случае они все равно ушли бы»²⁹. Если уточнить, то последняя мысль означает, что американцы находятся в Европе ради собственных интересов и всякая попытка политического использования этого присутствия является шантажом в отношении Западной Европы, средством «атлантического» давления.

²⁹ Nation, 1974, 19 mars.

Четвертый «столп» американского доминирования в НАТО — все еще преобладающий вклад в военные усилия блока — сохранил свою значимость, но и тут следует хотя бы обозначить новые тенденции. Доля США в общих расходах НАТО за период 1969—1981 гг. уменьшилась с 75,4 до 56%³⁰. Это означает, что доминирующее положение США в военном блоке сохранено, но его весомость ослабла: почти половину военных расходов блока сейчас берут на себя западноевропейские страны (доля стран Западной Европы увеличилась с 22,2 до 42%).

Таким образом, все четыре главные основы преобладания США в НАТО оказались ослабленными. Этим обстоятельством стараются воспользоваться сторонники упрочения независимости Западной Европы от заокеанского «босса». Столкнувшись с усилением противодействия многих западноевропейских стран американскому курсу, Вашингтон несколько изменил тактику, заключавшуюся в решимости препятствовать западноевропейскому военному объединению (даже под общей эгидой НАТО). США согласились на создание в 1968 г. так называемой еврогруппы НАТО — объединения западноевропейских членов НАТО с целью совместного планирования строительства вооружений и иных согласованных действий. Однако при этом США и Западная Европа пытались достичь почти противоположных целей. США надеялись с помощью еврогруппы ослабить военные амбиции союзников, создать дополнительный механизм контроля и управления посредством более жесткого подчинения еврогруппы центральным органам НАТО. Но европейские члены НАТО, по существу, образовали свой собственный координационный центр. Он находится в рамках НАТО и не посягает на прерогативы высшего натовского командования. Однако европейцы стремятся через еврогруппу добиться большей автономности в НАТО для западноевропейских членов блока. Наиболее последовательные сторонники этого курса идут еще дальше, открыто выдвигая требование создать в НАТО «западноевропейский полюс»; еще более приемлемым, с их точки зрения, решением было бы создание военной системы Европейского союза³¹.

Итак, США всемерно использовали Североатлантический блок для обеспечения своего господства в отношениях с Западной Европой прежде всего в военной сфере, но в 70-х — 80-х годах стала заметной активизация поисков альтернативы такому положению дел.

³⁰ Foreign Affairs, 1982, Fall, p. 63.

³¹ Cagnat R., Doly G., Fontaine P. Euroshima. Construire l'Europe de la défense. P.: Les éditions MEDIA, 1979, p. 7.

Поиски экономических компромиссов и активизация военных приготовлений (вторая половина 70-х годов)

При администрации Дж. Картера американская дипломатия начала поиски компромиссов с Западной Европой сразу на нескольких направлениях. В экономической области целью демократической администрации стало расширение торговли между США и Западной Европой за счет снижения таможенных барьеров. Было придано особое значение проходившему в 1977—1979 гг. финальному этапу так называемого «раунда Токио» — новым переговорам по расширению торговли в рамках ГАТТ. Уступки американской делегации, с одной стороны, и одновременный нажим на западноевропейских партнеров — с другой, привели к подписанию летом 1979 г. соглашения, в соответствии с которым США установили более низкие (по сравнению с ЕЭС) тарифные заграднения — 8,3% у США против 9,8% у ЕЭС³². Было намечено снижение к 1988 г. американских тарифов на 30%, а тарифного барьера «Общего рынка» — на 25%. Уступкой американской стороны было также принятие общей системы оценки импортных товаров. Соглашением по «раунду Токио» США несколько отсрочили губительное для американско-западноевропейских отношений обращение к протекционизму и сохранили свою растущую торговлю с Западной Европой. Однако попытки выработать общий подход к развивающимся странам потерпели неудачу и США вынуждены были смириться с процессом распространения Европейским экономическим сообществом своей зоны влияния в южном направлении (соглашение ЕЭС с 59 развивающимися странами в Ломе, октябрь 1979 г.).

Важным проявлением стремления США укрепиться на западноевропейском направлении явилась активизация военного аспекта политики США. Былс выдвинуто требование более твердой регламентации военных взносов стран — членов НАТО, разработки перспективных планов Североатлантического блока. Под давлением Вашингтона западноевропейские союзники США в мае 1978 г. приняли пятнадцатилетнюю программу модернизации НАТО, дали обязательство ежегодно увеличивать свои военные бюджеты на 3% в реальном выражении, т. е. без учета инфляции. Президент Дж. Картер назвал эти обязательства важнейшим достижением американской дипломатии, охарактеризовав программу модернизации как «беспрецедентную попытку НАТО предвидеть будущее на больший период времени, чем когда-либо прежде»³³.

Однако западноевропейские страны НАТО, ссылаясь на возросшие экономические сложности, не сдержали обещания по трехпро-

³² Fortune, 1979, May 21, p. 131.

³³ Department of State Bulletin, 1978, June 7, p. 32.

центному увеличению своих военных бюджетов, что показало определенную слабость Североатлантического союза как рычага американского воздействия на западноевропейский регион. Вместе с тем проявилась известная уязвимость западноевропейских стран в вопросах военной политики, их восприимчивость к выработываемым в Вашингтоне инициативам. Так, несмотря на октябрьские (1979 г.) предложения СССР о замораживании развертывания евростратегического оружия, Вашингтон добился в декабре 1979 г. принятия на Сессии Совета НАТО решения о размещении с конца 1983 г. в пяти странах Западной Европы 572 ракет средней дальности «Першинг-2» и крылатых ракет «Томагавк». Это решение увеличило значимость американского военного контингента в Европе и зависимость западноевропейских стран от США.

Частью военно-объединительной стратегии Вашингтона во второй половине 70-х годов стали попытки увеличения торговли оружием между двумя «половинами» НАТО. Американская администрация сделала неоднократные усилия, стремясь расширить товарообмен в этой области, укрепить позиции американских поставщиков в оснащении западноевропейских армий. Однако прямые закупки западноевропейских систем вопреки обещаниям официального Вашингтона были единственным явлением (можно назвать закупку Соединенными Штатами франко-западногерманской ракеты «Роланд» и английского самолета с вертикальным взлетом «Харриер»). Военно-промышленные круги США всячески противодействовали более выгодному для западноевропейских фирм «делажу» натовского военного рынка, емкость которого превышает 70 млрд. долл.³⁴

Особенно отчетливо это выразилось при выборе важных боевых систем. Так, вопреки обещанию Вашингтона оснастить армию США лучшим патовским танком (таковым был признан западногерманский «Леопард-2»); пентагоновское руководство под давлением лоббистов компании «Крайслер» избрало в 1979 г. для вооружения армии США американский танк М-1 «Эбрамс». Совместными западноевропейскими усилиями были созданы самолеты «Торнадо» и «Ягуар», целый ряд других видов военной техники, что свидетельствовало о новых возможностях западноевропейской военной индустрии и одновременно о провалах курса США на привязывание стран НАТО к американским центрам производства оружия.

Политическим аспектом активизировавшейся в последнее время западноевропейской политики США было использование фактора классовой солидарности двух регионов «атлантического мира». Наблюдалось стремление вовлечь Западную Европу в реанимируемую Вашингтоном «холодную войну» для достижения большей солидарности Запада за счет нагнетания напряженности по линии Восток—Запад. Реакция Западной Европы не была однозначной. Наиболее подверженным американскому давлению оказалось консервативное

³⁴ Atlantic Community Quarterly, 1979, Fall, p. 338.

правительство М. Тэтчер. Отчасти из-за определенной оппозиции к другим странам ЕЭС, а также в порядке афиширования остаточных элементов своих «особых отношений» с США Лондон продемонстрировал большую, чем другие западноевропейские столицы, степень атлантической солидарности. Крупнейшая экономическая величина Западной Европы — ФРГ — попыталась пойти средним курс, допускающая колебания и в ту и в другую сторону. Причина этих колебаний — военная зависимость ФРГ от США. Будучи в отличие от Парижа и Лондона более ограниченным в своих инициативах в рамках военного союза, Бонн более чутко реагировал на различные варианты давления из Вашингтона. Но на пути возвращения к атлантизму, который соответствовал бы периоду «холодной войны», случаются немалые препятствия. Повторение «холодной войны» лишило бы ФРГ благоприятных экономических возможностей, вызвало бы негативные внутривнутриполитические последствия. Правящие круги Западной Германии должны были учитывать, что в случае рецидива «холодной войны» под угрозой оказываются разветвленные связи ФРГ со странами Восточной Европы и СССР, торговля с которыми в 1979 г. составила 7,5 млрд. долл.³⁵ (Общая торговля Западной Европы с социалистическим содружеством, по объему во много раз большая, чем у США, составила в 1979 г. 15,8 млрд. долл.³⁶)

Повернуть Европу к временам «до Хельсинки» означало бы для западноевропейских стран превратить европейский регион в значительно менее безопасное место. Для Вашингтона же достигнутая в 70-х годах определенная стабилизация в Европе была вопросом более второстепенным, чем упрочение лидерства в североатлантической зоне.

В чем конкретно выразилась отличная от американской политическая линия Западной Европы? Главными являются следующие моменты: западноевропейские страны не пошли на отказ от кредитования СССР, а также продолжили продажу Советскому Союзу товаров высокой технологической сложности (вопреки навязываемой Западной Европе Соединенными Штатами политике санкций). При этом был подписан с советскими внешнеторговыми организациями целый ряд новых контрактов, на которые ранее претендовали американские компании. Большинство западноевропейских стран, игнорируя требования Вашингтона, приняли участие в Московской олимпиаде; Франция, выступившая в свое время как лидер разрядки с западной стороны, своим отказом участвовать во встрече руководителей Запада весной 1980 г. сорвала создание предпосылок для единого антисоветского фронта Запада; правительства стран Западной Европы не прекратили контактов с СССР на высшем уровне; западноевропейская десятка вразрез с кэмп-дэвидской сделкой сде-

³⁵ Newsweek, 1980, Apr. 21, p. 12.

³⁶ Washington Post, 1980, Mar. 17.

лала попытки прсведения более реалистической политики на Ближнем Востоке и т. д.

В результате вместо столь желанного для американской дипломатии единения Запада возникли опасные, с точки зрения США, тенденции, которые в своем развитии могут ослабить эффективность союза НАТО, а вместе с этим подорвать и лидирующее положение США. Западноевропейские руководители начали осуществлять контакты непосредственно с Москвой без всяких или почти без всяких консультаций с Вашингтоном. Разумеется, определенные разногласия наблюдались и ранее, но в тех случаях, когда речь шла о блокировании против Советского Союза, обычно срабатывала атлантическая солидарность. Полтора десятилетия разрядки в значительной мере изменили точку зрения западноевропейских правительств на различные региональные процессы в мире: как правило, они отказываются теперь придавать каждому из таких конфликтов значение «решающей пробы сил» между Востоком и Западом. Антисоветская спора западноевропейской политики США в значительной мере потеряла свою действенность.

Для того, чтобы добиться большей координации политики и, вместе с тем, привести хотя бы некоторый элемент коллегиальности в разработку общей стратегии Запада, ведущие капиталистические государства (США, Англия, Италия, Канада, ФРГ, Франция, Япония) начали с 1975 г. регулярные ежегодные встречи на уровне глав государств и правительств. Основными вопросами, обсуждающимися на этих встречах, являются экономические и валютно-финансовые. Однако за закрытыми дверями руководители «большой семерки» рассматривают и широкие вопросы политической стратегии в отношении социалистических и развивающихся государств, региональные и многие другие проблемы. Показательно, что на большинстве такого рода встреч руководители стран Западной Европы отказывались поддерживать жесткую внешнеполитическую линию США в отношении СССР и других социалистических стран.

Возврат к «жесткому курсу» и опора на ключевые страны (80-е годы)

В политике пришедшей к власти в 1981 г. республиканской администрации, оценившей итоги деятельности своих предшественников как неудовлетворительные, на западноевропейском направлении были произведены заметные изменения. Целенаправленное, подчеркнутое культивирование союзных связей с Западной Европой и Японией, проистекавшее из картеровской концепции «трехсторонности», уступило место более отстраненному восприятию западноевропейских процессов и жесткому подходу к западноевропейскому региону — скорее как к младшему, чем равному партнеру. Вашинг-

тон при Р. Рейгане пошел по пути укрепления собственного лидерства, меньше полагаясь на помощь со стороны колеблющихся союзников, показавших уже свою строптивость и склонность к самостоятельности. Основные решения, которые так или иначе касались западноевропейских стран, принимались администрацией Р. Рейгана в одностороннем порядке: о производстве нейтронного оружия (явно рассчитанного для применения на европейском ТВД), введение эмбарго на экономические связи с СССР и ИНР (более всего затрагивающее интересы Западной Европы); провозглашение политики в отношении развивающихся стран, отличающейся от западноевропейской, на встрече «Север—Юг» в Канкуне (октябрь 1982 г.); курс США в отношении Сальвадора, противостоящий западноевропейской позиции.

Антисоветизм вновь принят в Вашингтоне в качестве основополагающего критерия степени дружественности западноевропейских стран Америке. Наконец, западноевропейская интеграция как предмет забот американского правительства была отставлена на задний план. Администрация Р. Рейгана довольно безучастно наблюдала за интеграционным процессом в ЕЭС, за его интенсивной (распространение на новые сферы) и экстенсивной (привлечение новых членов) стороной. Североатлантический союз продолжал тем не менее оставаться главной опорой внешней политики США, а укрепление НАТО — фундаментом военной стратегии Вашингтона. Однако в политику внутри этого блока администрация Р. Рейгана привнесла новые акценты.

«Охлаждение» Вашингтона к коллективному началу в выработке и реализации внутриблоковых решений отразило общий скепсис республиканского руководства в отношении ценности коллективизма в Североатлантическом союзе. Стремление возродить и упрочить роль США как безусловного дирижера НАТО обозначилось отчетливо и недвусмысленно. Был увеличен американский контингент в НАТО, достигнута договоренность с ключевым партнером — западногерманским правительством — о подготовке запасных баз и складов для немедленной переброски в Центральную Европу на случай «кризисной ситуации» значительных дополнительных контингентов американских войск. США проявили желание увеличить собственную свободу маневра, выбора целей, места и времени для действий в Европе американских войск.

Важным направлением в натовской политике США в 1981—1983 гг. явилось стремление расширить сферу действия блока в юго-восточном направлении, на зону Ближнего Востока, нефтяной дороги из Персидского залива. С характерным упором на двусторонние договоренности администрация Р. Рейгана добилась согласия на дополнительные усилия в этой области консервативного правительства Англии (в ходе визита М. Тэтчер в Вашингтон)³⁷. Были

³⁷ Washington Post, 1981, Mar. 2.

созданы совместные контингенты американских и западноевропейских сил на Синае (под командованием натовского генерала из Норвегии), а затем в Ливане.

На девятой встрече «большой семерки» стран Запада (включая Японию), состоявшейся в мае 1983 г. в Вильямсберге (США), президенту Рейгану удалось навязать остальным ее участникам политическое заявление по вопросам безопасности (впервые принятое на такого рода встречах). Факт подписания подобной декларации подтвердил, что Вашингтон сознательно использует экономические трудности своих партнеров для утверждения американского лидерства в западном блоке и навязывания им жесткого внешнеполитического курса с целью укрепления коалиции ведущих капиталистических государств на антисоветской платформе, чему способствовали и собственные антисоветские предубеждения некоторых новых западноевропейских лидеров.

В целом при общем сохранении роли Североатлантического союза как главного для США военного блока произошло определенное выравнивание значимости западноевропейских стран с прочими американскими союзниками в других регионах мира. Вашингтон стал больше ценить в Западной Европе скорее не коллективное единогласие, а лояльность ключевых союзников; одновременно выросло желание не растворять военную мощь США в натовской, а, наоборот, выделить американский элемент в блоке, прекратить падение его относительного веса, сделать военное влияние Вашингтона более весомым.

* * *

Как свидетельствует опыт истории, все послевоенные американские администрации придавали большое значение связям с западноевропейским регионом. Но после активной политики Г. Трумэна на европейском направлении, при Д. Эйзенхауэре, Вашингтон обратился к глобальному блокостроительству (в 50-х годах — преимущественно в Азии); после «атлантически активного» Дж. Кеннеди президент Л. Джонсон направил основную внешнеполитическую энергию на индокитайскую авантюру; президент Р. Никсон «выделил» Западной Европе место одного из «углов» своего пятиугольного мира, а потом, в период «года Европы», попытался остановить отчуждение Западной Европы одной дипломатической акцией (подписание «новой атлантической хартии»). Дж. Форд, как и Р. Никсон, проявлял свою активность преимущественно вне западноевропейского региона. Страх перед расползанием наиболее важного военного союза вызвал новый прилив проатлантических сил в федеральных органах власти, и президент Дж. Картер подошел к западноевропейскому региону с акцентированным вниманием. Неудачи реализации концепции трехстороннего сближения вызвали реакцию в виде более «эгоцентрического» курса Р. Рейгана, значительно уменьшившего элемент компромиссности в своей западноевропейской политике. Более жесткая

линия Вашингтона в 80-х годах проявилась в стремлении США укрепить свое доминирующее положение в НАТО. Этому способствовали экономические трудности Западной Европы. Формирование ЕЭС как самостоятельного целого, противостоящего атлантическому сближению, замедлилось. Цели создания к 1980 г. экономического, валютного и политического союза оказались нереальными. Но и поворот вспять западноевропейской интеграции, ликвидации ее автономного, независимого характера не произошло. Администрации Дж. Картера и Р. Рейгана сумели до некоторой степени замедлить этот процесс, но он не был остановлен, не изменилась его направленность, его не удалось привести в атлантическое русло.

Ужесточение по линии Восток—Запад было приемлемо для Западной Европы лишь до известного предела, дальше которого западноевропейские страны, ценившие достижения разрядки напряженности, за Вашингтоном не пошли. Не смогли США сдержать и экспансии ЕЭС на южном направлении, где западноевропейские объединения вопреки желаниям Вашингтона укрепили позиции среди зависимых ассоциированных членов. Вместо оздоровления валютной системы на основе поддержки доллара Вашингтон в эти годы столкнулся с усилиями западноевропейцев по созданию прототипа будущей независимой валютной системы.

В целом во второй половине 70-х и в 80-е годы европейская тенденция, замедлившаяся и показавшая свою уязвимость, все же сохранила свой потенциал. Определенное сглаживание наиболее острых проявлений межимпериалистических противоречий не может быть ни стабильным, ни долговременным, о чем говорит вся послевоенная история воссоздания и развития связей США с западноевропейскими капиталистическими странами. Пределы возможным компромиссам кладут объективные, противоречивые по своему характеру интересы правящих кругов этих стран, проявление и развитие которых постоянно рождает столкновение, лишая западный мир стабильной основы развития. Создание зон влияния, агрессивная защита менее конкурентоспособных отраслей национальными правительствами, сепаратные соглашения и различного рода блокирование монополий против своих конкурентов, региональная интеграция как средство противодействия более сильному партнеру — все это предполагает в недалеком будущем весьма острые конфликты между центрами империалистического соперничества.

ГЛАВА ПЯТАЯ

АМЕРИКАНО-КАНАДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Отношения США и Канады после второй мировой войны коротко можно охарактеризовать как тесное экономическое и военно-политическое сотрудничество двух высокоразвитых капиталистических государств, в ходе которого наблюдается рост стремления более слабого партнера — Канады — к проведению самостоятельной политики.

Факторы, особенности, этапы

Такие факторы долговременного плана, как географическая близость, совпадение многих моментов исторического и культурного развития, включая единство языка большинства населения обеих стран, естественно, облегчали их сближение в условиях общности интересов правящих классов. Огромная диспропорция в экономической и военной мощи в пользу США предопределила подчиненное положение Канады в этой системе.

Анализируя динамику отношений между Соединенными Штатами и Канадой в послевоенный период, несложно проследить политику Канады, имея в виду систему сознательных действий, имеющих точную адресованность ее могущественному соседу. Администрация же США не разрабатывала и не осуществляла какого-то специально предназначенного для Канады подхода, что объяснялось многолетним курсом канадцев на самое тесное сотрудничество с Соединенными Штатами, который приучил американцев ожидать от Канады лишь одобрения действий США и соответствующих шагов в их поддержку.

Так что в целом сумму действий США по отношению к Канаде едва ли можно охарактеризовать термином «политика» в его обычном понимании. Скорее можно говорить именно о действиях той или иной американской администрации в ходе развития отношений (США со своим северным соседом по континенту.

В силу приведенных выше соображений представляется затруднительным наметить и качественно отличные друг от друга этапы отношения правительства США к Канаде. Вплоть до начала 70-х годов Вашингтон как бы «не замечал» Оттавы, рассматривая ее поведение как само собой разумеющееся «продолжение» своей собственной политики: на международной арене, лишь изредка требующее к себе внимания по второстепенным вопросам, главным образом экономических двусторонних отношений.

Большинство исследователей американо-канадских отношений называют весь период до прихода в 1968 г. к власти в Канаде П. Трюдо годами «особых отношений», «партнерства», для которых было характерно ведение дел в стиле «тихой дипломатии», когда

возникавшие расхождения обсуждались в закрытом порядке. Основы подобного поведения американцев были заложены в годы разгара «холодной войны» — в то время лидирующая роль Соединенных Штатов в экономической, военно-политической, моральной сферах развития капиталистического мира еще не подвергалась сомнению и тем более вызову. Стремление правительства П. Трюдо более энергично и настойчиво отстаивать интересы Канады в ее отношениях с США привели эти отношения к переходу в длившуюся с 1971 г. по конец президентства Дж. Форда (1976 г.) «жесткую фазу», когда США столкнулись с необходимостью «замечать» Канаду и считаться с ней. Затем наступил этап, получивший в американской и канадской литературе название «нового сближения», которое стало возможным на основе серьезных уступок со стороны Канады. Развитие этого этапа было прервано поражением правительства П. Трюдо на выборах 1979 г. и приходом к власти консерваторов во главе с Дж. Кларком. Их девятимесячное правление было отмечено откровенным проамериканизмом. С приходом в Белый дом Р. Рейгана начался новый этап американо-канадских отношений, для которого характерно заметное обострение противоречий между Вашингтоном и Оттавой.

От Огденсбергского соглашения до «плана Эббота»

Послевоенные американо-канадские отношения были логическим продолжением их военно-политического и экономического сотрудничества в годы войны, которое было оформлено в двух важнейших соглашениях: Огденсбергском (август 1940 г.) — об общих принципах военного сотрудничества и о создании Постоянного объединенного совета обороны — и Гайд-Парковском (апрель 1941 г.), которое определяло условия согласования экономических усилий США и Канады в военных целях.

В результате этого сотрудничества произошло заметное укрепление позиций американского капитала в канадской экономике — его доля в общей сумме иностранных инвестиций в Канаде выросла за 1940—1945 гг. с 60 до 70%¹. США резко увеличили также свою долю в импорте Канады — с 63 до 76%² — и прочно заняли первое место в ее экспорте. Через систему многочисленных совместных координирующих государственных органов американцы получили возможность влиять на развитие различных отраслей канадской экономики в интересах монополистических кругов США. Одновременно происходило ослабление экономического и политического влияния на Канаду ее бывшей метрополии Великобритании — основ-

¹ Canada's International Investment Position, 1977. Ottawa: Statistics Canada, 1981, p. 57.

² Canada Year Book, 1952—1953. Ottawa: Dominion Bureau of Statistics, 1953, p. 937, 940.

ного империалистического соперника Соединенных Штатов в этом регионе.

По окончании войны правящие круги США искали возможности сохранить и укрепить созданную в военные годы государственно-монополистическую надстройку, которая обеспечивала американским монополиям привилегированные позиции в Канаде. Эта страна привлекала американцев и как самый емкий рынок сбыта, и как крупнейшая сфера приложения капитала, к тому же с «падежным» политическим климатом. Контролируя кратчайшие пути через три океана из Америки в Европу и Азию, Канада занимала важное место в антисоветских планах американской военщины, где ей отводилась роль военно-стратегического плацдарма на севере континента. Первостепенное значение в послевоенных планах экономической и политической экспансии американского империализма придавалось доступу к богатейшим сырьевым ресурсам Канады.

Эти планы и намерения встретили активное одобрение и содействие со стороны правящей верхушки Канады, которая стремилась продолжить принесшее ей обогащение сотрудничество военных лет.

Благоприятные политические условия для дальнейшего ускоренного проникновения американских монополий в Канаду были обеспечены активным участием канадских правящих кругов в создании агрессивного блока капиталистических государств во главе с США, противостоящего антиимпериалистическим силам во главе с СССР. Выступление президента США Г. Трумэна в октябре 1945 г. в Нью-Йорке, в котором он фактически объявил об отказе от сотрудничества с Советским Союзом в духе Тегеранского, Ялтинского и Потсдамского соглашений и о намерении Соединенных Штатов добиваться мирового господства, было поддержано премьер-министром Канады М. Кингом. В ноябре того же года Г. Трумэн привлек М. Кинга совместно с английским премьером К. Эттли к участию в совещании в Вашингтоне, которое приняло разработанную американцами совместную позицию трех стран по вопросу об использовании атомной энергии, послужившую в дальнейшем основой для политики атомного шантажа против Советского Союза³.

Добиваясь продления и развития военно-политического сотрудничества с Канадой, американцы развернули кампанию запугивания канадцев мнимой военной угрозой Северной Америке, исходящей якобы от СССР. В результате уже в феврале 1946 г. состоялись совместные американско-канадские военные учения в канадской Арктике «Маск-окс», которые стали началом регулярных маневров вооруженных сил США в северных районах Канады. Под давлением американцев в канадской Арктике создавались военные базы, метеостанции, радарные установки как составные части системы военных

³ Милейковский А. Г. Канада и англо-американские противоречия. М.: Госполитиздат, 1958, с. 399; Canadian—American Summit Diplomacy, 1923—1973/Ed. R. F. Swanson Toronto: McClelland and Stewart, 1975, p. 103—106.

сооружений, предназначенной для действий против СССР. Вашингтон требовал от канадцев стандартизации вооружения, методов военного обучения и использования вооруженных сил на основе американских образцов и методов.

Соединенные Штаты добились своего, заключив в феврале 1947 г. с Канадой соглашение о возобновлении деятельности в мирное время созданного в 1940 г. Постоянного объединенного совета обороны и о других аспектах тесного военного сотрудничества, включая использование американцами как уже существовавших, так и создаваемых новых военных баз на канадской территории. Заключение этого соглашения означало согласие канадских правящих кругов на участие в реализации агрессивных антисоветских замыслов Вашингтона в роли его «младшего партнера».

Что касается экономических отношений, то прекращение канадских военных поставок в США после окончания войны привело к стремительному росту дефицита торгового и платежного балансов Канады с ее южным соседом, к истощению валютных запасов страны.

Неравное партнерство

Поиски канадскими правящими кругами выхода из острого долларового кризиса закончились победой сторонников интенсивного приспособления канадской экономики к нуждам США. В ноябре 1947 г. был принят так называемый «план Эббота», предусматривавший всемерное поощрение развития производства, продукция которого предназначалась для американского рынка, в первую очередь сырьевых отраслей, а также притока иностранного капитала в страну. «План Эббота» оформил решение канадской правящей элиты выступить в роли «младшего партнера» США и в экономической области, добиваясь получения максимальных прибылей на путях экономической интеграции Канады и Соединенных Штатов.

Такое решение было одобрительно встречено в Вашингтоне. Уже в 1948 г. Канада получила приглашение принять участие в поставках в Западную Европу по «плану Маршалла». Долларовые поступления от этих операций шли на оплату канадского импорта из США, дивидендов и процентов на американские инвестиции в канадскую экономику.

Корпорации США не замедлили воспользоваться «планом Эббота» для внедрения в канадскую экономику. Начиная именно с 1948 г. наблюдается резкое ускорение роста американских инвестиций в Канаде. В целом за 1948—1980 гг. (последние данные) они выросли более чем в 17 раз — с 5,6 млрд. долл. до 96,2 млрд. долл.⁴ Особенностью инвестиционной политики монополий США в Кана-

⁴ Речь идет только о долгосрочных капиталовложениях.

де является их стремление к получению полного контроля над объектом вложения, что достигается путем прямых капиталовложений: за 1948—1980 гг. они выросли в 16 раз⁵.

Широко используя поощрение «планом Эббота» и последующей политикой канадского правительства иностранных капиталовложений в сырьевые отрасли канадской промышленности, американцы фактически захватили в свои руки контроль над этими отраслями. Инвестиции США в нефтегазовую, добывающую и металлургическую промышленность Канады за 1945—1977 гг. выросли в 37 раз! Тогда как в обрабатывающую промышленность — в 13 раз⁶. В результате в 1978 г. американцы владели 47% активов обрабатывающей и 37% добывающей и металлургической промышленности Канады⁷. На сегодняшний день им принадлежит решающая роль в ключевых отраслях канадской экономики. Можно с уверенностью сказать, что ни в одной другой индустриально развитой капиталистической стране проникновение американского капитала не зашло так далеко, как в Канаде. Хотя за последние 15 лет американским монополиям в Канаде приходится несколько отступать под натиском конкурентов из Японии и Западной Европы, их доля в общей сумме иностранных капиталовложений по-прежнему обеспечивает им господствующее положение: в 1945 г. — 70,3%, 1947 г. — 72,3, 1967 г. — 80,7, 1977 г. — 72,3%⁸.

Инвестиции в Канаде обеспечивают корпорациям США огромные доходы в виде процентов и дивидендов, общий объем которых за 1945—1977 гг. вырос со 192 млн. долл. до 340¹/₄ млн. долл. в год, то есть в 18 раз!⁹ Не менее важно то, что они гарантируют американской промышленности бесперебойное получение из Канады необходимых товаров, прежде всего сырья, значение которого в современном мире непрерывно возрастает. Прямым следствием роста американских инвестиций, их общих масштабов явилось увеличение доли США как в экспорте, так и в импорте Канады, достигшей в 70-х годах 70%.

Решения, принимаемые в штаб-квартирах корпораций США, определяют формы, темпы и размеры развития целых отраслей. Филиальный характер ведущих отраслей экономики Канады позволяет американцам угнетать местное предпринимательство, тормозить развитие канадской технологии, деформировать структуру всей экономики Канады, приспособивая ее к задачам и приоритетам экономики США. Конкретно это выразилось в гиперпрофирован-

⁵ Подсчитано по: Canada's International Investment Position, 1977. Ottawa: Supply and Services, 1981, p. 67, 82; Survey of Current Business, 1981, Aug., p. 56.

⁶ Подсчитано по: Canada's International Investment Position, 1977. Ottawa: Supply and Services, 1975, p. 110; Ibid., 1977, p. 76.

⁷ Canada Weekly, 1981, Oct. 28.

⁸ Canada's International Investment Position, 1977, p. 67, 114.

⁹ Ibid., 1968—1970, p. 158; 1977, p. 128.

ном разбухании в Канаде ориентированных на потребности американских корпораций сырьевых отраслей в ущерб обрабатывающим. На протяжении послевоенного периода в целом огромные платежи за американские инвестиции в форме процентов и дивидендов являются главной причиной хронического пассива общего платежного баланса Канады с США, покрытие которого осуществляется путем нового притока капиталовложений из-за рубежа, усугубляя действие сложившегося «порочного круга».

Контроль над ведущими отраслями канадской экономики и ее решающая зависимость от торговли с США дают американцам мощные рычаги воздействия на политику Канады, жестко ограничивают возможности канадского правительства проводить курс, по тем или иным соображениям не устраивающий правящие круги Соединенных Штатов. В частности, деятельность в Канаде многих тысяч филиалов и дочерних предприятий фирм США ведет к распространению на канадскую территорию американских законов и политических установок. Наиболее ярким примером экстра TERRITORIALного применения таких законов может служить использование законов «о торговле с врагом» и об экспортном контроле с целью срыва сделок о продаже продукции подобных предприятий в СССР, на Кубу, в КНР. Посягательством на политический суверенитет Канады является также распространение на нее американского анти-трестовского законодательства¹⁰.

Многомиллиардные капиталовложения США в Канаде — основа все более тесной экономической интеграции двух североамериканских стран и определяющей роли Соединенных Штатов в этом процессе. В отличие от интеграции Западной Европы, где ее развитие — результат интенсивного политического межгосударственного регулирования, американско-канадская интеграция вырастает из практически нерегулируемых государством повседневных деловых взаимодействий многих тысяч отдельных частных лиц, корпораций и т. п. Это не означает, что межгосударственное юридическое оформление такого взаимодействия полностью отсутствует. Только на уровне взаимоотношений отдельных штатов США и провинций Канады на 1974 г. (последние данные) существовало 766 соглашений о сотрудничестве в самых различных областях экономики: в промышленности, энергетике, сельском хозяйстве, торговле, транспорте и т. д.¹¹

На общегосударственном, федеральном уровне соглашений, действующих экономическому сближению США и Канады, за послевоенный период заключено немного, но их значение исключительно велико. Первым следует назвать соглашение 1954 г. о совместном строительстве морского пути по реке Св. Лаврентия, который был

¹⁰ Подробнее см.: Баграмов Л. А. Проблемы иностранного капитала. — В кн.: Канада на пороге 80-х годов. М.: Наука, 1979, с. 49—80.

¹¹ Swanson R. F. State-Provincial Interaction. Wash: The Canadian Research Institute, 1974, p. 8.

открыт для эксплуатации в июне 1959 г. Он служит американцам, в частности, для транспортировки миллионов тонн канадской железной руды с Лабрадора на металлургические предприятия Кливленда и для осуществления стратегической «опеки» над наиболее экономически развитыми и населенными районами Востока и Центра Канады.

Вторым актом такого рода послужило решение администрации Д. Эйзенхауэра в 1959 г. не распространять на канадские фирмы правила «покунай американское» в ходе торгов на военные заказы, т. е. уравнивать их с американскими. Это решение, получившее название «программы совместного производства вооружения» и открывшее для канадских предпринимателей огромный американский рынок оружия, послужило основой для превращения военной промышленности Канады в придаток военно-промышленного комплекса США.

Наконец, в 1965 г. было заключено соглашение о беспошлинной торговле продукцией автомобильной промышленности — так называемый «автопакт». Он помог американским автомобильным гигантам сосредоточить в США наиболее наукоемкую, технологическую часть производства автомашин в обеих странах, а также почти все НИОКР¹². В итоге в последние годы торговля продукцией автопромышленности с Соединенными Штатами приносит Канаде огромный дефицит (2031 млн. долл. в 1980 г.).

Если перечисленные соглашения использовались американцами в качестве договорно-правовой базы для подчинения своим интересам канадской экономики, то в военно-политической сфере такой базой им служил Североатлантический договор. США с самого начала блокировали попытки канадского правительства использовать механизм блока НАТО для укрепления торгово-экономических связей Канады с европейскими его участниками. Не оправдался и расчет канадцев на то, что в рамках НАТО им будет легче удерживать США от нежелательных для Канады решений и акций. В моменты критического обострения международной обстановки, например в период карибского кризиса в октябре 1962 г. или ближневосточного кризиса в ноябре 1973 г., США предпринимали действия, чреватые возникновением мирового конфликта, без всяких консультаций со своими союзниками по НАТО, включая и Канаду. Что же касается влияния обязательств перед НАТО на Канаду, то, по авторитетному свидетельству премьер-министра страны П. Э. Трюдо, они определяли канадскую военную и внешнюю политику, обладая при этом приоритетом перед национальными интересами самой Канады¹³. Учитывая главенствующую роль США в разработке курса НАТО и

¹² *Поволоцкий Р. Б.* Канадо-американский автопакт. — США: экономика, политика, идеология, 1973, № 5, с. 58—65. •

¹³ См.: Canada. Department of External Affairs. Information Division. Statements and Speeches. Ottawa, N 69/8 (1969, № 8).

его реализации, становится очевидным, что американские правящие круги получили в НАТО эффективный инструмент воздействия на политику Канады в целом.

В начале периода американо-канадское военно-политическое сотрудничество проявлялось особенно интенсивно. По требованию Вашингтона канадцы приняли прямое участие в интервенции США против корейского народа, что явилось наиболее явной демонстрацией поддержки Канадой попыток реализации агрессивных планов американского империализма за весь послевоенный период.

В обстановке антикоммунистической истерии, характерной для 50-х годов, военные круги США наращивали усилия по развертыванию в Канаде сети военных баз, стремясь к обеспечению контроля над канадской территорией. Американцы добились постройки в Канаде «Сосновой» и «Дальней» (по арктическому побережью) линий воздушного предупреждения, которые представляли собой системы радарных станций, и баз истребителей-перехватчиков. Логическим завершением такого развития военного сотрудничества между США и Канадой было важнейшее соглашение 1957 г. о создании НОРАД¹⁴ — Объединенного командования противовоздушной¹⁵ обороны Североамериканского континента, возглавили которое, естественно, американцы, тогда как канадцам были отведены второстепенные роли.

Следующим шагом на пути втягивания Канады в военные приготовления под эгидой США было получение согласия правительства консерваторов во главе с Дж. Дифенбейкером в 1959 г. на вооружение канадских ВВС в составе сил НАТО в Европе американским ядерным оружием и на выполнение ими ядерно-атакующей роли. Наземные части канадского контингента в НАТО также получили ядерное оружие.

Под давлением США правительство Дж. Дифенбейкера в том же году решило взять на вооружение ПВО Канады систему, включающую американские зенитные ракеты «Бомарк», которые предназначались для использования с атомными боеголовками. Однако оппозиция канадской общественности ядерному вооружению вообще, размещению оружия массового уничтожения на территории Канады была столь сильной, что консерваторы стали тянуть с согласием на ввоз боеголовок в страну. Подобное поведение канадского правительства не могло устраивать администрацию президента Дж. Кеннеди. В американо-канадских отношениях назрел кризис, который разразился в январе 1963 г., когда уходящий в отставку с поста главнокомандующего НАТО американский генерал Л. Норстэд, находясь в Оттаве, обвинил правительство Канады в невыполнении своих военных обязательств.

¹⁴ Заявление о заключении временного соглашения было сделано в августе 1957 г., а в мае 1958 г. состоялся обмен нотами, оформивший создание НОРАД юридически.

¹⁵ С 1981 г. — аэрокосмической.

В ответ на попытки Дж. Дифенбейкера оправдать действия своего правительства государственный департамент США предпринял беспрецедентный шаг — официальное заявление, которое фактически поддерживало обвинение, высказанное Л. Норстедом. За этим в Канаде последовали правительственный кризис, роспуск парламента и внеочередные всеобщие выборы, на которых консерваторы потерпели поражение. Пришедшие к власти либералы во главе с Л. Пирсоном в том же году заключили с США соглашение о размещении в Канаде американских ядерных боеголовок к «Бомаркам»¹⁶.

Развернув агрессию против народов Вьетнама, Лаоса и Кампучии, США, как и в годы корейской авантюры, стремились принудить своих союзников по различным военно-политическим блокам к соучастию в этой империалистической акции. Однако в отличие от таких стран, как, скажем, Австралия, которая с готовностью взялась содействовать США в их попытке задушить свободу народов Юго-Восточной Азии, Канада упорно сопротивлялась давлению Вашингтона и не послала на помощь американским интервентам даже символического контингента войск. Это было вызвано нежеланием канадского правительства вязывать страну в военный конфликт в районе, где канадцы не имели значительных экономических интересов, опасением того, что США втянут Канаду вопреки ее желанию в пучину мирового конфликта, в который может перерасти эта война, а также осуждением широкой общественностью целей и варварских методов ведения этой войны американцами. Такое поведение Канады вызывало недовольство в правящих кругах США, которое усугублялось тем, что десятки тысяч молодых американцев, не желавших принимать участие в «грязной войне», нашли убежище в Канаде с явного одобрения ее правительства. Вместе с тем американские интервенты во Вьетнаме ежегодно получали на сотни миллионов долларов в год различного вида оружие и военное снаряжение, которые канадские корпорации поставляли в США в соответствии с «программой совместного производства вооружения» 1959 г.

Общая обстановка «холодной войны», тесное сотрудничество Канады с США в военной области, участие в НАТО, зависимость канадского правительства в анализе международной обстановки от данных разведки США и НАТО — все это облегчало американцам возможности влиять как на общее направление канадской внешней политики, так и на конкретные решения канадского правительства по отдельным внешнеполитическим вопросам.

В Европе, например, Канада поддерживала линию США на постоянное обострение обстановки, одобряя их действия в берлинском вопросе. На Дальнем Востоке Канада вслед за США пошла на заключение сепаратного мирного договора с Японией. Долгие годы США успешно блокировали как «несвоевременное» стремление канадского

¹⁶ Canadian Annual Review for 1963. Toronto: Toronto University Press, 1964, p. 284—286.

правительства установить дипломатические отношения с КНР. Совместно с США и другими членами НАТО Канада оказывала в ООН поддержку Франции и Португалии, которые вели колониальные войны в Африке против народов Алжира, Туниса, Марокко, Анголы и Мозамбика. Однако ослабление элементов «холодной войны» во внешней политике США и улучшение советско-американских отношений способствовали отходу от линии недоброжелательства и открытой вражды к Советскому Союзу во внешней политике Канады, характерной для 50-х и 60-х годов.

«Жесткая фаза»

Ослабление экономических, военных, политических, моральных позиций Соединенных Штатов в капиталистическом мире во второй половине 60-х годов, с одной стороны, и укрепление экономических позиций канадской буржуазии в результате обогащения в процессе сотрудничества с американскими корпорациями — с другой, стимулировали в ней стремление использовать обстановку разрядки международной напряженности для более решительного отстаивания своих собственных интересов. Это не замедлило сказаться на развитии отношений между США и Канадой.

Заметное обострение этих отношений началось в годы первого президентства Р. Никсона, вскоре после того, как в Канаде к власти в 1968 г. пришли либералы во главе с П. Трюдо.

Оно было вызвано целым рядом мер канадского правительства в области военной, внешней и экономической политики.

Уже весной 1969 г. П. Трюдо заявил о смещении обязательств перед НАТО с первого на третье место в системе приоритетов военной политики Канады за счет выдвижения вперед задачи обеспечения суверенитета и безопасности самой Канады¹⁷. За этим последовали сокращение вдвое общей численности канадского контингента в вооруженных силах НАТО в Западной Европе и отказ от выполнения его военно-воздушным компонентом ядерно-атакующей роли. С вооружения канадцев было снято американское ядерное оружие. Ядерные ракеты «Бомарк» были сняты с вооружения канадской ПВО. Уровень военных расходов был заморожен на три года.

В 1970—1971 гг. был завершен пересмотр канадской внешней и военной политики, направленный на подчинение этой сферы деятельности Оттавы интересам внутреннего, прежде всего экономического, развития самой Канады. Стремясь не вступать в конфликт с США, правительство П. Трюдо уклонилось от формулирования конкретной позиции по основным аспектам отношений со своим могущественным соседом и лишь в общей форме отметило необходимость

¹⁷ Statements and Speeches, N 69/7.

постоянных усилий по предотвращению угрозы суверенитету, независимости и культурной неповторимости Канады, возникающей в процессе экономических взаимоотношений с Соединенными Штатами. Создание «противовесов» влиянию США намечалось путем диверсификации внешней торговли и развития экономического сотрудничества с другими странами, прежде всего со странами Западной Европы¹⁸.

Неоднократная публичная критика действий американских интервентов в Юго-Восточной Азии со стороны канадских представителей в 1970—1971 гг., признание Канадой КНР в 1970 г. и установление с ней дипломатических отношений вопреки неизменно отрицательной позиции США, принятие канадским парламентом в том же году законодательства по обеспечению суверенитета Канады в Арктике, где активизировались американские нефтяные монополии, срыв правительства П. Трюдо попыток корпораций США захватить контроль над канадскими компаниями по добыче урана и нефти — все эти действия также вызывали самую негативную реакцию у представителей различных ведомств в Вашингтоне.

Однако, как и в прежние годы, отношения с Канадой не привлекали к себе внимания ни президента, ни государственного секретаря Соединенных Штатов и оставались в сфере влияния главным образом внутриэкономических ведомств — торговли, финансов, внутренних дел, которые возглавлялись, как правило, националистически настроенными деятелями.

Реакция на первые попытки правительства П. Трюдо ослабить влияние США на Канаду последовала в августе 1971 г., когда по предложению министра финансов Дж. Коннэли Р. Никсон ввел 10% дополнительную пошлину на импорт многих товаров. Эта мера была направлена в первую очередь против Японии и стран Западной Европы, но сильнее всего она должна была ударить по Канаде, как крупнейшему торговому партнеру США. Однако американцы отказались удовлетворить настойчивые просьбы канадцев исключить их страну из сферы действия новой пошлины. Стало очевидным, что период «особых отношений» между США и Канадой ушел в прошлое.

Во время официального визита в Канаду в апреле 1972 г. президент Р. Никсон подтвердил это, призвав канадцев считаться с наличием значительных разногласий в американо-канадских отношениях. Он объявил о распространении на Канаду «доктрины Никсона», согласно которой каждый из «зрелых партнеров» должен сам «определять сущность своих собственных интересов... и путь своего развития»¹⁹.

Однако экономическая «санкция» и «перевод» Канады Р. Никсоном в разряд «еще одной» из стран Запада не привели к отступле-

¹⁸ Foreign Policy for Canadians. Ottawa: Queen's Printer for Canada, 1970, p. 23—24.

¹⁹ Department of State Bulletin, 1972, May 8, p. 649.

нию правительство П. Трюдо. В октябре 1972 г. министр иностранных дел Канады М. Шарп огласил основные положения концепции канадской политики по отношению к США. Суть концепции, получившей название «третьей альтернативы», заключалась в том, что Канада не должна далее безучастно плыть по течению экономической интеграции с Соединенными Штатами, которая грозит канадцам потерей культурной и политической самостоятельности, и тем более — не содействовать этому процессу. Поскольку американский образ жизни не подходит к канадским условиям, заявил М. Шарп, Канада должна следовать курсу на развитие и укрепление экономики и других сторон национальной жизнедеятельности с целью уменьшения своей нынешней уязвимости от влияния США²⁰.

В последующие годы политика «третьей альтернативы» конкретно проявилась в целом ряде мероприятий канадского правительства, которые вели к дальнейшему обострению обстановки в американо-канадских отношениях.

Наиболее резкое недовольство США вызвали меры экономического характера, в первую очередь канадский закон 1973 г. о проверке иностранных капиталовложений, направленный на сдерживание бесконтрольной экспансии американского капитала в канадской экономике. Принятие закона и создание в 1974 г. специального органа по его реализации — Агентства по проверке иностранных капиталовложений (ФИРА) — были справедливо расценены как принципиальный отход Оттавы от прежней политики поощрения неограниченного притока инвестиций из Соединенных Штатов. Явную тревогу вызвало в Вашингтоне принятое в связи с обострением энергетического кризиса в конце 1973 г. решение Оттавы прекратить расширение экспорта нефти в США и взять курс на его сокращение вплоть до полного прекращения в 1983 г. С нескрываемой враждебностью было встречено представителями большого бизнеса США создание в 1975 г. канадской государственной нефтегазовой компании «Петро-Канада», которая вскоре начала скупать контрольные пакеты акций филиалов американских монополий, господствующих в канадской энергетике.

В то же время американцы относительно спокойно реагировали на многолетние усилия П. Трюдо по намеченной им диверсификации внешнеэкономических связей Канады, которые в 1976 г. завершились заключением общего соглашения о содействии торгово-экономическому сотрудничеству Канады с Европейским экономическим сообществом (ЕЭС). В Вашингтоне, очевидно, понимали трудности реализации этого соглашения в обстановке вялой экономической конъюнктуры в Западной Европе.

В целом в период «жесткой фазы» США столкнулись с заметным отходом Канады от обычной роли послушного «младшего парт-

²⁰ Canada — US Relations: Options for the Future.— International Perspectives. 1972, Autumn, Special Issue.

пера» как в области экономического, так и военно-политического сотрудничества.

В ответ Соединенные Штаты перестали рассматривать Канаду как страну, заслуживающую особое, предпочтительное отношение при проведении мероприятий в защиту экономических интересов американского капитализма. Вместе с тем очевидно, что Вашингтон «терпел» проявления самостоятельности канадцев, а те решились ее проявлять лишь постольку, поскольку это не наносило серьезного ущерба коренным интересам правящих кругов США.

«Новое сближение»

В середине 70-х годов напряженность в американо-канадских отношениях стала спадать.

С одной стороны, сходство позиций США и Канады по основным проблемам экономики капиталистического мира, обострение энергетического кризиса, дальнейшее осложнение отношений США с развивающимися странами, среди которых канадцы пользуются определенным авторитетом, повышали заинтересованность американцев в развитии хороших отношений с Канадой.

С другой стороны, условия для проведения правительством П. Трюдо прежней линии в отношениях с США изменились к худшему.

После мирового экономического кризиса 1974—1975 гг. в Канаде продолжала расти безработица и надежность американского рынка, поглощавшего до 70% канадского экспорта, имела в глазах канадцев особую важность. Уменьшение притока новых инвестиций из США вызвало усиление критики правительства П. Трюдо, его мер, затрудняющих поступление иностранных капиталовложений.

Самое серьезное влияние на поведение канадского правительства оказал приход в ноябре 1976 г. к власти в провинции Квебек франкоканадских сепаратистов, в связи с чем как никогда ранее обострилась проблема государственной целостности Канады. Это поставило Оттаву в немалую зависимость от отношения официальных и деловых кругов США к новому квебекскому правительству.

Такие изменения в обстановке обусловили переход к новому этапу в американо-канадских отношениях во второй половине 70-х годов, получившему название «нового сближения». Предпосылки для подобного развития событий появились еще в конце 1975 г., когда канадское правительство приняло решения, согласно которым НАТО и ее нужды снова стали выходить на первое место среди приоритетов военной политики Канады²¹. В сентябре 1976 г. министром иностранных дел Канады стал Д. Джеймисон, не скрывавший своих проамериканских взглядов.

Стремление правительства Канады расположить к себе правящие круги США отчетливо проявилось во время официального визита

²¹ Statements and Speeches, N 75/40.

П. Трюдо в Вашингтон по приглашению нового президента Дж. Картера в феврале 1977 г. Перед этой поездкой канадцы пошли на ряд экономических уступок соседям с юга. Выступая в американском конгрессе, П. Трюдо намеренно умолчал о разногласиях между США и Канадой²². В ходе переговоров с П. Трюдо Дж. Картер добился его согласия временно отложить распространение на рыбаков обеих стран режима 200-мильной зоны. По просьбе американцев П. Трюдо также дал обещание срочно рассмотреть вопрос о сооружении на канадской территории газопровода, идущего с севера Аляски в штаты Среднего и Дальнего Запада Соединенных Штатов, хотя планы этого строительства вызывали в Канаде весьма обоснованные протесты экспертов, всей общественности и в особенности аборигенов (соответствующее соглашение было подписано уже через полгода). Был также согласован проект соглашения о гарантиях транспортировки различных материалов по трубопроводам через Канаду в США, что отражало желание успокоить влиятельных конгрессменов. В ответ на эти уступки и жесты добрососедства П. Трюдо был весьма благожелательно принят и в Капитолии, и в Белом доме. Главным было то, что президент Дж. Картер публично высказался за сохранение государственного единства Канады, похоронив тем самым расчеты квебекских сепаратистов на политическую поддержку со стороны Соединенных Штатов²³.

Администрация Дж. Картера, особенно вначале, в целом демонстрировала большее понимание, чем ее республиканские предшественники, некоторых острых проблем Канады, например энергетической: упреки в адрес канадцев за сокращение ими поставок нефти в США постепенно прекратились. Уже в 1977 г. успешно завершились переговоры по ряду нерешенных при Дж. Форде вопросов двусторонних отношений. Болезненная для П. Трюдо проблема Квебека вновь затрагивалась в ходе визитов в Канаду в 1977 г. вице-президента США У. Мондейла и государственного секретаря С. Вэнса, и оба публично подтвердили позицию Дж. Картера в поддержку единства канадской федерации²⁴.

Вместе с тем и в период «нового сближения» между США и Канадой продолжали проявляться противоречия, отражавшие неравноправный характер их отношений и свидетельствовавшие о том, что пределы эффективности усилий правительств обеих стран, направленных на улучшение этих отношений, определяются, как и раньше, прежде всего экономическими интересами.

Получив согласие канадцев на прокладку газопровода с Аляски, американские корпорации стали затягивать начало его сооружения, добиваясь пересмотра в свою пользу условий строительства.

²² Ibid., 1977, N 4.

²³ International Perspectives, 1978, July-Aug., p. 34.

²⁴ New York Times, 1977, Febr. 24; International Canada, 1978, Jan., p. 3; Toronto Star, 1978, Nov. 23; Maclean's, 1978, Dec. 4.

Американцы настойчиво требовали от канадцев «справедливых», «равных» для себя условий конкуренции на канадском рынке и в то же время беззастенчиво дискриминировали канадцев на рынке США широким применением правила «покупай американское».

Весной 1979 г. по указанию ТНК «Экссон» ее канадский филиал направил в США танкеры с венесуэльской нефтью, предназначавшейся канадцам. Конфликт вновь продемонстрировал остроту проблемы соответствия деятельности американских предприятий в Канаде ее интересам.

Одно из наиболее острых столкновений США и Канады в период «нового сближения» было связано с разграничением введенной обеими странами в 1977 г. 200-мильной прибрежной экономической зоны. Из-за жесткой позиции американцев переговоры зашли в тупик. После того как летом 1978 г. Канада разорвала соглашение с США о рыболовстве, полностью запретив американцам коммерческий лов в своей зоне, США ответили «взаимностью». Весной 1979 г. было заключено новое соглашение о рыболовстве, но затем сенаторы от приатлантических штатов США во главе с Э. Кеннеди блокировали его ратификацию²⁵. А в вопросе о разграничении 200-мильных зон расхождения сторон оказались столь непримиримыми, что было решено обратиться в международный арбитраж.

В целом в течение всего первого периода пребывания у власти правительства П. Трюдо (1968—1979 гг.) реакция Соединенных Штатов на его намерения и действия была довольно сдержанной. Подобная «терпимость» к нарушениям сложившегося стереотипа поведения Канады объяснялась в основном тем, что высокая степень экономической интеграции двух стран, по признанию американцев, не позволяла им применять против Канады сколько-нибудь жесткие меры экономического характера, поскольку это грозило обернуться серьезным ущербом экономике самих Соединенных Штатов. Кроме того, в условиях, когда внимание американской администрации было поглощено такими важнейшими внешнеполитическими проблемами, как война во Вьетнаме и выход из нее, разрядка международной напряженности, отношения с Советским Союзом, у США не было времени и возможностей осуществлять активную политическую конфронтацию с Канадой, своим ближайшим соседом и союзником.

Снова «особые отношения»?

Победа канадских консерваторов на выборах в мае 1979 г. вызвала в США вначале настороженность. В Вашингтоне опасались обострения угрозы единству Канады со стороны квебекских сепаратистов, так как консерваторы были известны своим непримиримым англо-саксонским шовинизмом. Американцы опасались также, что, не

²⁵ Globe and Mail, 1980, June 4; Toronto Star, 1980, June 11.

имея абсолютного большинства в парламенте, консерваторы будут вынуждены идти на уступки фракции Новой демократической партии, в рядах которой довольно сильны антиамериканские настроения. Кроме того, лидер партии Дж. Кларк еще до выборов проявил себя как человек неопытный во внешней политике. В Вашингтоне, в частности, вызвало неодобрение данное Кларком в ходе предвыборной кампании обещание перевести посольство Канады в Израиле из Тель-Авива в Иерусалим — американцы опасались, что такая акция может вызвать ужесточение позиций некоторых арабских стран по отношению к реализации курса Кэмп-Дэвида²⁸.

Однако вскоре стала ясна нетипичность этого периода для американско-канадских отношений при правительстве Кларка.

С приходом к власти консерваторов на формирование и проведение внешней политики Канады стали ощутимо влиять наиболее реакционные слои канадской буржуазии, тесно связанные с бурно развивающейся горнодобывающей, прежде всего нефтегазовой, промышленностью западных провинций. Все послевоенное ее развитие шло при решающем участии и под контролем американского капитала. Продукты производства этих отраслей предназначаются в первую очередь для экспорта в Соединенные Штаты, и от размеров этого производства на экспорт прямо зависит обогащение местных групп буржуазии, так как эксплуатация природных ресурсов в Канаде входит в компетенцию провинций. В итоге провинции канадского Запада стали базой проамериканских настроений и течений, на которые опирались консерваторы. Неудивительно поэтому, что вся внешнеполитическая деятельность правительства Дж. Кларка в течение недолгих девяти месяцев правления носила откровенно проамериканский характер.

Новый министр торговли М. Уилсон сразу заявил о бесперспективности курса либералов на развитие торговли с Западной Европой и о необходимости сосредоточить усилия на рынке Соединенных Штатов.

Американские нефтяные магнаты с большим одобрением восприняли широко разрекламированное консерваторами намерение денационализировать «Петро-Канада», деятельность которой рассматривалась в США как опасный прецедент. Более того, «Петро-Канада» проявила себя как энергичный крепнущий соперник в той высокоприбыльной отрасли, где еще недавно американцы обладали неоспоримой монополией. Вашингтон без особого труда добился замораживания программы сокращения экспорта канадской нефти в США, а поставки канадского газа были увеличены. Дж. Кларк согласился с решением президента США одобрить проект доставки нефти с Аляски, предусматривающий массовые танкерные перевозки вдоль тихоокеанского побережья Канады, хотя это решение хоронило канадский проект сооружения нефтепровода с Аляски по территории

²⁸ New York Times, 1979, June 11.

Канады в штаты Вашингтон, Монтана и др. и содержало серьезную угрозу окружающей среде провинции Британская Колумбия²⁷.

Как и в период «особых отношений», Соединенным Штатам при Дж. Кларке не было необходимости предпринимать какие-то активные действия, специально предназначенные для побуждения правительства Канады к проведению нужной США политики. Канадские консерваторы сами поступали так, чтобы у могущественного соседа Канады их политика вызвала положительную реакцию. Особенно откровенно это проявилось во внешней и военной политике.

Еще во время предвыборной кампании весной 1979 г. лидер консерваторов дал обязательство увеличить военные расходы и численность канадских вооруженных сил, усилить участие Канады в НАТО. Став премьер-министром, он заверил руководство НАТО, что Канада будет повышать свой военный бюджет на 3% в год независимо от состояния экономики. На сессии НАТО в декабре 1979 г. канадские представители поддержали американский план размещения в Западной Европе ядерных ракет средней дальности²⁸.

В США одобрительно отнеслись к выступлению Кларка в разгар его новой предвыборной кампании зимой 1979/80 г. с безоговорочной поддержкой курса Белого дома на конфронтацию с Советским Союзом, подрыв разрядки и обострение международной обстановки²⁹.

Американская пресса с готовностью подхватила восхваления Вашингтона в адрес канадского правительства, поддержавшего враждебную политику Соединенных Штатов в отношении Ирана, был поднят невероятный пропагандистский шум вокруг нелегального вывоза канадскими дипломатами из Ирана шести сотрудников посольства США. Подчеркивалось обещание правительства Кларка рассмотреть возможность отправки канадских войск в зону Персидского залива для содействия США и т. п. Открыто проамериканская позиция Канады выглядела для Вашингтона особенно привлекательной на фоне сдержанной реакции западноевропейских союзников на действия США в связи с событиями в Иране и Афганистане³⁰.

Однако попытка Дж. Кларка победить на выборах путем отказа от самостоятельной внешней политики провалилась. Несомненно правы были канадские коммунисты, указав, что одной из основных причин поражения консерваторов в феврале 1980 г. было недовольство канадцев проамериканской внешней политикой правительства Кларка в духе «холодной войны»³¹.

²⁷ Canada. Department of External Affairs Annual Review, 1979. Minister of Supply and Services. Ottawa: Information Canada, 1980, p. 47.

²⁸ Ibid., p. 15, 16.

²⁹ Canada Weekly, 1980, Jan. 23; Canada, House of Commons Debates, 1980, Apr. 22, p. 299.

³⁰ Financial Post, 1980, Febr. 9; Toronto Star, 1980, Febr. 11.

³¹ Canadian Tribune, 1980, Mar. 3.

Американо-канадские отношения за кратковременное пребывание у власти канадских консерваторов выглядели в целом чем-то вроде одностороннего рецидива периода «особых отношений», поскольку США так и не продемонстрировали за эти месяцы взаимности в виде уступок экономического характера.

Приход Р. Рейгана и возвращение П. Трюдо

В 1980 г. в результате занятости Дж. Картера президентской избирательной кампанией острые вопросы двусторонних американо-канадских отношений на официальном уровне практически не обсуждались и оставались нерешенными. В то же время американцы настойчиво добивались «преемственности» в политике нового правительства Канады, поддержки им общих усилий США, направленных на подрыв разрядки и раздувание антисоветизма, а также их конкретных акций на Ближнем Востоке, связанных с событиями в Иране и Афганистане.

В связи с этим либералы не спешили отменять различные ограничения на развитие взаимовыгодных дружеских отношений Канады с Советским Союзом, которые были введены в угоду американцам правительством консерваторов в январе 1980 г., и после некоторого колебания присоединились к безуспешным усилиям администрации Дж. Картера сорвать летние Олимпийские игры в Москве.

В то же время, получив общую поддержку канадцев по проблеме задержания сотрудников американского посольства в Тегеране, Вашингтону не удалось добиться одобрения Оттавой авантюрной попытки американцев освободить заложников с помощью высадки воздушного десанта. Аналогичную позицию Канада заняла и относительно политики США в связи с Афганистаном, осудив планы любого военного вмешательства в дела афганской революции.

В предвыборной президентской кампании 1980 г. проявился новый подход американских правящих кругов в Канаде. Потерпев неудачу в проведении курса «трилатерализма», столкнувшись с растущим сопротивлением двух других «центров силы» капиталистического мира — Западной Европы и Японии — попыткам США подчинить их своим интересам, Вашингтон стал все более склоняться к концепции «нового континентализма», согласно которой путь к укреплению позиций американского империализма лежит через расширение его экономической базы ускорением интегрирования в нее экономик ближайших соседей США по континенту — Канады и Мексики. Из всех претендентов на пост президента США именно Р. Рейган особенно настойчиво выдвигал идею создания североамериканского сообщества. Став президентом, Р. Рейган стал добиваться институционального оформления такого сообщества, но столкнулся с упорным сопротивлением. П. Трюдо, как и президент Мексики Л. Портильо, высказался за решение вопросов, касающихся отношений его страны с США, на двусторонней основе.

Серьезное осложнение отношений между США и Канадой началось еще до избрания Р. Рейгана президентом. Выполняя данное во время избирательной кампании обещание добиваться повышения степени национального контроля в экономике страны и прежде всего «канадизации» энергетики, правительство Трюдо в октябре 1980 г. провозгласило «новую энергетическую программу», направленную на повышение доли национального капитала в нефтегазовой промышленности, где господствуют американские нефтяные монополии, до 50% к 1990 г.³² Этот шаг вызвал бурные протесты и упорное противодействие со стороны американского крупного капитала и его политической агентуры как в США, так и в Канаде.

Первые же официальные контакты канадцев с администрацией Рейгана продемонстрировали ее неуступчивость в таких острых вопросах двусторонних отношений, как делимитация пограничных участков шельфа и рыболовных зон. О том же говорили итоги официального визита президента США в Канаду в марте 1981 г. Накануне визита Р. Рейган отозвал из сената заключенное в 1979 г. соглашение с Канадой о рыболовстве, мотивируя свой шаг необходимостью пересмотра условий соглашения и поддержав тем самым рыбопромышленников Новой Англии, добивавшихся срыва его ратификации сенатом. В ходе самого визита не был решен ни один спорный вопрос американско-канадских отношений.³³

В последующие годы число таких вопросов увеличивалось, а степень расхождения по ним, как правило, росла. При этом главными, как и раньше, были столкновения интересов США и Канады в экономической области.

Вашингтон упорно отклонял очередные попытки Оттавы добиться пересмотра невыгодных для Канады условий «автопакта» 1965 г.³⁴

Вопреки торжественным обещаниям президента США, американская сторона продолжала затягивать принятие мер против «кислотных дождей», наносивших серьезный ущерб южным, самым экономически развитым и населенным районам канадских провинций Онтарио и Квебек, а также по-прежнему уклонялась от выполнения своих обязательств по соглашению об охране и очистке вод Великих озер³⁵.

Возникли и новые сферы разногласий. Проведение Рейганом политики высоких процентных ставок подрывало планы и усилия правительства Трюдо по оживлению национальной экономики, по

³² The National Energy Program. Energy, Mines and Resources. Canada, 1980.

³³ Globe and Mail, 1981, Mar. 15.

³⁴ Statements and Speeches, N 80/8; International Journal, 1980—1981, Winter, p. 139—184; Canada Weekly, 1980, Dec. 24—31.

³⁵ Globe and Mail, 1981, Mar. 23; Statements and Speeches, N 82/2; Canada. House of Commons Debates, 1981, Mar. 15, p. 14993.

президент США неизменно отклонял просьбы канадцев (как и других западных партнеров) о снижении этих ставок³⁶.

В 1982 г. президент США безуспешно пытался сорвать выполнение западноевропейскими фирмами заказов для сооружения в Советском Союзе газопровода Сибирь—Западная Европа. Хотя канадские фирмы не участвовали в реализации этой торговой сделки, запрет Рейганом использовать американские лицензии при изготовлении нефтегазового оборудования для продажи Советскому Союзу грозил прямо затронуть выполнение канадцами аналогичных заказов по другим проектам. Поэтому он вызвал нескрываемое возмущение Оттавы и ее публичный отказ подчиниться подобным эдиктам Вашингтона³⁷.

Так же безрезультатно окончилась попытка администрации Рейгана вынудить канадцев сократить посевы пшеницы для уменьшения ее «чрезмерных», по мнению Вашингтона, мировых запасов, хотя при этом министр сельского хозяйства США угрожал Оттаве «торговой войной»³⁸.

Все эти разногласия проявлялись на фоне острейшего конфликта в области энергетики в связи с проведением в жизнь правительством П. Трюдо национальной энергетической программы (НЭП). Все усилия американцев остановить прохождение через канадский парламент законодательства, воплощавшего НЭП, или выхолостить его содержание путем обычного давления на своего соседа на двусторонних переговорах различных уровней на этот раз не дали результата. И тогда летом 1982 г. американцы применили самое тяжелое оружие — экономическое, против которого самое эффективное средство защиты канадцев — государство — было бессильно. Почти одновременно было объявлено о переносе на несколько лет срока строительства газопровода с Аляски и о выходе американских участников из консорциума по освоению нефтеносных песков Атабаски в провинции Альберта (проект «Алсэндз»). Первое решение американцев похоронило надежды правительства Трюдо на увеличение занятости в момент, когда безработица в стране превысила 13% самодеятельного населения. Второе было прямо нацелено на срыв реализации планов развития канадской энергетики под национальным контролем. Согласованность этих действий крупного частного бизнеса США с намерением Вашингтона «поставить на место» строптивую Оттаву не вызывала сомнений относительно их подлинных причин³⁹.

Небывало резкие столкновения интересов США и Канады усугублялись в области двусторонних отношений их расхождениями по

³⁶ Washington Post, 1982, May 20; Canada Weekly, 1982, June 30; Toronto Star, 1982, June 19.

³⁷ Globe and Mail, 1982, July 10.

³⁸ Wall Street Journal, 1982, May 29.

³⁹ Toronto Star, 1982, May 1; Financial Times of Canada, 1982, May 3.

целому ряду важнейших международных вопросов. В то время как администрация Р. Рейгана возглавляла наступление реакционных кругов Запада на политику разрядки, правительство П. Трюдо продолжало выступать в ее пользу, против возврата к «холодной войне». Упорное стремление президента США выдвигать условия возобновления переговоров с Советским Союзом по разоружению, не связанные с этой проблемой, подвергалось открытой критике со стороны П. Трюдо⁴⁰.

Серьезные разногласия в политике США и Канады выявились и по проблеме отношения развитых капиталистических стран к развивающимся странам. В то время как Р. Рейган в этом вопросе делал ставку на применение грубого давления на народы вчерашних колоний империализма вплоть до применения военной силы под прикрытием измышлений о возникновении «коммунистической угрозы», П. Трюдо публично поддерживал идею известного «доклада Брандта» о необходимости оказания развивающимся странам определенной экономической помощи со стороны развитых стран Запада с целью предотвратить кризис в отношениях этих двух групп государств и отказался присоединиться к антикоммунистической кампании Вашингтона против Сальвадора и Никарагуа⁴¹.

За послевоенный период, особенно в последние полтора десятилетия, отношение США к Канаде претерпело заметную эволюцию от «благосклонного невнимания» к весьма покладистому соседу до подчас «неблагосклонного внимания» ко все более строптивому партнеру.

Соединенные Штаты были вынуждены тратить все больше усилий на урегулирование на межгосударственном уровне споров с Канадой по экономическим вопросам, число и сложность решения которых постоянно увеличивались вследствие растущего сопротивления канадцев действиям в их стране американских корпораций.

Вашингтон испытывал возрастающие трудности в получении поддержки Оттавой его акций, направленных на обострение международной обстановки. Сфера американо-канадских внешнеполитических противоречий явно расширилась. Сравнительно меньше пострадала в глазах американцев «надежность» Канады в области военного сотрудничества, однако и здесь США приходилось затрачивать непривычно много усилий, чтобы добиться желаемого.

Похоже, что в предстоящие годы в отношениях с Канадой американцам придется считаться с дальнейшим развитием этих тенденций.

⁴⁰ Extract from Prime Minister Trudeau's Speech at Notre-Dame University, Indiana, USA, 16.V.1982. Department of External Affairs, Information Division; Washington Post, 1982, May 20; Globe and Mail, 1982, June 11.

⁴¹ Canada. House of Commons Debates, 1981, June 15, p. 10592—10596.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА США

На протяжении всего периода после второй мировой войны Ближний Восток* непременно занимал в системе американских внешнеполитических приоритетов одно из первых мест. Начиная с Франклина Д. Рузвельта и кончая нынешней администрацией Рональда Рейгана все американские президенты (как демократы, так и республиканцы) придавали и придают этому району мира особое значение. Это связано с экономическими, военно-стратегическими и политическими интересами США в ближневосточном регионе, как их понимают в Вашингтоне. Еще в 1944 г. президент Ф. Рузвельт охарактеризовал эти интересы как «жизненно важные» для США¹.

Если обратиться к экономической области, то прежде всего возникает вопрос о нефти. Только в недрах арабских стран и Ирана, по данным на 1980 г., заключено более 70% разведанных запасов нефти во всех капиталистических и развивающихся странах — около 54 млрд. тонн. В этих же странах в 1980 г. было добыто 1086 млн. тонн нефти, 961 млн. тонн из которых был экспортирован, что делает эти страны главным экспортером нефти в мире (69% от общего экспорта нефти из капиталистических и развивающихся стран)².

В результате ожесточенной межимпериалистической борьбы американские нефтяные монополии в период между двумя мировыми войнами и в первые послевоенные годы сумели захватить здесь прочные позиции. Это позволило им, контролируя значительную часть добычи ближневосточной нефти, получать огромные и постоянно растущие прибыли. Достаточно напомнить, например, что за десятилетие, предшествовавшее резкому обострению энергетического кризиса и бурному росту цен на нефть, т. е. с 1963 по 1972 г. включительно, американские капиталовложения в нефтедобычу на Ближнем Востоке, составляя лишь 2,5% от общей суммы зарубежных капиталовложений, давали до 21,7% от общей суммы поступивших в США доходов со всех инвестиций за рубежом³. После того как весь капиталистический мир столкнулся в конце

* В Соединенных Штатах под районом Ближнего (по американской терминологии Среднего) Востока в широком смысле понимают регион, простирающийся от Ирана и даже Афганистана на Востоке до Марокко на Западе и от Турции на Севере до Сомали на Юге.

¹ Military Review (US Army Command and General Staff College. Fort Leavenworth, Kansas), Jan. 1970, p. 67.

² Подсчитано по: Конъюнктура капиталистического хозяйства и основных товарных рынков в 1980 г. Всесоюзный научно-исследовательский конъюнктурный институт. Бюллетень иностранной коммерческой информации. Прил. 3, 1981, с. 176, 178, 179, 180.

³ California Management Review, 1975, N 4, p. 24.

1973 г. с резким обострением энергетического кризиса, особое значение для США, как и для других западных держав, приобрел физический импорт нефти из стран Ближнего Востока. Даже в 1980 г., когда на внутреннем рынке США доля импортной нефти и нефтепродуктов понизилась прежде всего за счет сокращения абсолютного объема потребления, она все еще составляла 46% (в 1979 г. — 51%)⁴.

С закупками нефти и сопутствующим этому бурным ростом валютных резервов нефтедобывающих стран связано и общее развитие торгово-экономических отношений США с ближневосточным регионом, который стал наиболее быстро растущим рынком для американских товаров и услуг, не говоря уже о многомиллиардных поставках оружия. Только с 1970 по 1979 г. американский экспорт в страны Ближнего Востока возрос с 1741,4 млн. долл. до 13781 млн. долл. в год. Еще больше (главным образом за счет роста цен на закупаемую нефть) возросла стоимость импорта США из стран этого региона (с 433,3 млн. долл. в 1970 г. до 27 820 млн. долл. в 1978 г.)⁵.

Расположенный в непосредственной близости от границ Советского Союза и других стран социалистического содружества, Ближний Восток рассматривается в Вашингтоне и как важнейший военно-стратегический плацдарм, с которого можно угрожать глубинным районам СССР и странам Восточной Европы. Свидетельство тому — постоянное пребывание в омывающих его водах шестого (Средиземноморского) американского флота с ядерным оружием на борту, а также ударных групп, приписанных к седьмому (Тихоокеанскому) флоту США, планы создания специального пятого флота для контроля над водами Персидского залива и Индийского океана. Не случайно, видимо, в числе первых американских баз, оснащенных ядерными баллистическими ракетами средней дальности «Тор» и «Юпитер», которые Пентагон стремился в начальные годы гонки ракетно-ядерных вооружений дислоцировать в максимально возможной близости от границ социалистических стран, были базы, размещенные на территории Турции. «Одной из стратегических проблем первостепенной важности, стоящих перед творцами политики США, — подчеркивается в исследовании „Внешняя политика и национальная безопасность США“, — является сохранение Ближнего Востока и Средиземноморья как района, в котором может быть эффективно размещена американская мощь»⁶.

Первостепенная роль отводится Ближнему Востоку Вашингтоном

⁴ Конъюнктура капиталистического хозяйства и основных товарных рынков в 1980 г., с. 181.

⁵ Soviet Policy and United States response in the Third World. Report prepared for the Committee on Foreign Affairs, US House of Representatives, by the Congressional Research. Library of Congress. March 1981. Wash.: U. S. GPO, 1981, p. 259.

⁶ Foreign Policy and U. S. National Security. Major Postelection Issues / Ed. W. Whitson. N. Y.; Wash.; L.: Praeger Publishers, 1976, p. 76.

в плане глобальной борьбы и соревнования двух противоположных общественных систем, воздействия на обстановку во всех развивающихся странах вообще. При этом правящие круги США исходят из того, что от социально-экономической и политической эволюции стран Ближнего и Среднего Востока во многом зависят судьбы мирового развития. Именно этим объясняется столь бурная реакция Вашингтона на любые, не устраивающие американский империализм политические или социально-экономические изменения в ближневосточных странах. В результате нарастающей агрессивности политики Вашингтона на Ближнем Востоке, неизменной поддержки им экспансионистских устремлений Израиля — одного из важнейших «стратегических партнеров» США, этот регион стал одним из очагов наиболее опасных конфликтов, способных вызвать кризис глобальных масштабов, превратился в один из наиболее вероятных источников советско-американской конфронтации.

На разных этапах, через которые прошла политика США на Ближнем Востоке после второй мировой войны, относительный удельный вес всех перечисленных выше факторов менялся как изменялись и методы действий, и внешнеполитический инструментарий, к которым прибегали США для достижения своих целей. Однако суть американской политики на Ближнем Востоке на протяжении всего послевоенного периода оставалась практически неизменной. Хотя абсолютно четких временных границ между различными этапами ближневосточной политики США в послевоенные годы нет, наметить их общие рамки вполне возможно.

В поисках партнеров по агрессии (1945 — середина 50-х годов)

В первые послевоенные годы в своей политике на Ближнем Востоке Соединенным Штатам приходилось считаться с тем, что они не располагают еще достаточными средствами и возможностями для полностью самостоятельных действий во всем ближневосточном регионе, особенно учитывая сохранявшиеся там еще в то время позиции других капиталистических держав, прежде всего Англии и Франции. Поэтому основные свои усилия в тот период Вашингтон сконцентрировал на странах так называемого «северного яруса», непосредственно граничащих с Советским Союзом или государствами Восточной Европы, т. е. на Иране, Турции, а также Греции. Наиболее отчетливо это проявилось в так называемой «доктрине Трумэна» — первой крупной американской внешнеполитической доктрине послевоенного периода. Эта доктрина ознаменовала, как признается в монографии, подготовленной Американским предпринимательским институтом, «начало холодной войны»⁷.

⁷ United States Interests in the Middle East/Ed. G. Lenczowski. Wash.: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1968, p. 1.

С провозглашением «доктрины Трумэна», предусматривавшей под видом оказания помощи Греции и Турции вмешательство в их внутренние дела и использование их территорий в качестве военно-стратегических плацдармов против СССР и стран Восточной Европы, началось формирование нынешнее ближневосточное направление внешней политики США. Речь шла уже не только о проблемах доступа американского капитала к нефтяным месторождениям Ближнего Востока, ревниво охраняемым европейскими нефтяными монополиями, но и о создании антисоветского плацдарма у южных границ СССР⁸. По определению американского прогрессивного ученого В. Перло, основная стратегическая задача «доктрины Трумэна» состояла в том, чтобы окружить нефтяные месторождения Ближнего Востока «прочной оболочкой американской военной силы»⁹.

Антисоветский курс Вашингтона совпадал с классовыми интересами Лондона и Парижа. Однако ни Англия, ни Франция отнюдь не желали передела сфер влияния на Ближнем Востоке в пользу Соединенных Штатов. Все это порождало в данном регионе весьма острые межимпериалистические противоречия. Пример тому — позиция американских правящих кругов в вопросе о судьбе Палестины и в частности, относительно создания государства Израиль. Она зависела не только от внутривосточных соображений, связанных, например, с влиянием сионистского лобби в США. Все более важную роль в определении подхода Вашингтона к этой проблеме играли планы в отношении будущей роли еврейского государства в Палестине, которое американский империализм уже тогда считывал использовать как свое орудие на Ближнем Востоке.

Как известно, это государство было провозглашено на территории Палестины 14 мая 1948 г. и немедленно признано Вашингтоном. Однако в нарушение решения Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г. в результате деятельности сионистов в Палестине и в США, поддержанных американской администрацией, не было создано Палестинское арабское государство. Возникла первая арабо-израильская война (1948—1949 гг.), в ходе которой США значительно усилили свое влияние в Израиле, вытеснив фактически Англию из ее бывшей педмандатной территории.

Тем не менее в первые послевоенные годы исход межимпериалистической англо-американской борьбы за Ближний Восток еще не был окончательно ясен. Так, в конце 1946 г. по настоятельному

⁸ На проведенном в Каире в марте 1950 г. совещании дипломатических работников США в странах Ближнего Востока в качестве одной из главных целей ближневосточной политики США прямо провозглашалось «ориентирование региона в сторону Соединенных Штатов и западных держав и отрыв его от СССР» (FRUS, 1950. Vol. V. The Near East, South Asia and Africa. Wash.: U. S. GPO, 1978, p. 2).

⁹ Перло В. Империя финансовых магнатов. М.: Изд-во иностр. лит., 1958, с. 460.

требованию египетского правительства, находившегося под сильным влиянием англичан, американская авиация вынуждена была очистить базу в Каире и перебазироваться в район Дахрана в Саудовской Аравии. Но даже и в Саудовской Аравии положение базы ВВС США в те годы было еще крайне непрочным. «Американцы,— писал американский исследователь Дж. Прайт,— все еще исползсвали базу (в Саудовской Аравии.— А. К.), однако не имели никаких гарантий относительно того, как долго это продлится»¹⁰. Об остроте англо-американских противоречий на Ближнем Востоке в тот период свидетельствует и серия инспирированных извне политических переворотов в Сирии, в результате которых к власти в Дамаске приходили попеременно то проанглийски, то проамерикански настроенные правители.

Однако, сколь бы острыми ни были межимпериалистические противоречия на Ближнем Востоке, они никоим образом не исключали совместных действий империалистических держав в борьбе с поднимающимся национально-освободительным движением и в сколачивании агрессивных военных блоков. В 1940-х и в начале 1950-х годов Соединенные Штаты все еще считали необходимым тесно координировать свою политику в этом регионе с Англией и Францией. Одним из проявлений такой координации явилась Тройственная декларация США, Англии и Франции от 25 мая 1950 г., согласно которой эти три страны в обход Организации Объединенных Наций в одностороннем порядке возлагали фактически на себя роль «гарантов» перемирия 1949 года между арабскими странами и Израилем и присваивали себе право определять уровни вооруженных сил и вооружений этих государств.

Вместе с тем авторы декларации не скупилась на громкие слова и широкие обещания содействовать миру на Ближнем Востоке. Так, они декларировали свое желание способствовать установлению и поддержанию мира и стабильности в регионе, а также свою «неизменную оппозицию» использованию силы или угрозы силой в отношениях между любыми государствами этого района. Кроме того, США, Англия и Франция торжественно провозглашали готовность «в случае, если их правительства обнаружат, что любое из ближневосточных государств ведет подготовку к нарушению границ или линий перемирия, немедленно предпринять в соответствии со своими обязательствами в качестве членов Организации Объединенных Наций действия как в рамках ООН, так и вне рамок этой организации с целью предотвратить такое нарушение»¹¹.

¹⁰ Pratt J. *America's Colonial Experiment*. N. Y.: Prentice-Hall, 1950, p. 357.

¹¹ A Select Chronology and Background Documents Relating to the Middle East. Committee on Foreign Relations. US Senate. May 1969. Wash.: U. S. GPO, 1969, p. 131—132. Что стояли эти обязательства, показали события 1956 г., когда два из трех самозванных «гарантов перемирия» на Ближнем Востоке (Англия и Франция) не только не пресекли агрессию Израиля против Египта, но и сами приняли в ней прямое участие. Что же касается США, то, с одной

Откровенная империалистическая сущность Тройственной декларации вынудила даже прозападные правительства Египта, Сирии, Ливана, Саудовской Аравии, Йемена, Ирака и Иордании сразу же выступить с совместным ответом на нее, в котором они подчеркнули, что «не допустят никакого действия, которое наносило бы ущерб их суверенитету или их независимости»¹².

Одновременно, в 1950-е годы, США, готовя, по сути дела, тотальную ядерную войну против СССР, стремились охватить Ближний Восток, как и другие районы мира, системой проамериканских военных блоков и своих военных баз. Особенно активизировались они в этом отношении после создания в 1949 г. НАТО и развязывания в 1950 г. войны в Корее. Только на протяжении 1950–1951 гг. США, Англия и Франция, а также Турция неоднократно выдвигали предложения о создании так называемого Средневосточного командования, в распоряжение которого должны были бы перейти все вооруженные силы ближневосточных государств. Кроме того, США, Англия, Франция и Турция получали бы возможность вводить свои войска на территории стран — участниц командования в целях «совместной обороны». Эти планы также были отвергнуты арабскими странами, которые справедливо расценили их как попытку сохранить коллективный колониализм на Ближнем Востоке, лишь сменив вывеску и заменив, к примеру, английское закабаление Египта своего рода межимпериалистическим кондоминиумом.

Отказ арабских стран поддержать планы создания Средневосточного командования, твердая позиция СССР, который предупредил правительства США, Англии, Франции и Турции об опасных последствиях их агрессивных замыслов, а также борьба между США и Англией за руководящую роль в будущем блоке привели к провалу попыток его создания. Тем не менее США и Англия не прекращали усилий по сколачиванию на Ближнем Востоке в той или иной форме антисоветского военного альянса, в который, помимо западных держав и Турции, должны были войти арабские страны и Израиль. Лишь в 1953 г. после поездки по ближневосточному региону ставшего незадолго до этого государственным секретарем США Джона Фостера Даллеса Вашингтон

стороны, в период подготовки этой агрессивной акции они пытались оказать дипломатическое давление на Египет с целью заставить его отказаться от национализации компании Суэцкого канала и навязать ему план создания иностранного управления каналом (так называемый план Даллеса). Более того, Соединенные Штаты открыто приняли участие в финансовой блокаде Египта. С другой стороны, публично США заняли позицию осуждения англо-франко-израильской агрессии против Египта. Подобная двойственность позиции Вашингтона объяснялась не только стремлением вовлечь арабские страны в сферу американского влияния, но и расчетом на то, что провал агрессии, рассчитанной прежде всего на сохранение англо-французского господства на Ближнем Востоке, облегчит Соединенным Штатам захват позиций старых колониальных держав в этом районе.

¹² См.: Политика США на Арабском Востоке. М.: Изд-во восточ. лит., 1961, с. 27.

пришел к выводу, что на Ближнем Востоке нет реальных условий для организации, которая охватывала бы все страны региона. Была выдвинута идея создания блока только мусульманских стран без Израиля, начать подготовку которого было решено с заключения двусторонних соглашений между отдельными эвентуальными его членами, к числу которых был подключен Пакистан. Особый упор при этом делался на вовлечение в пакт в первую очередь стран, граничащих с Советским Союзом или расположенных сравнительно близко от него. Поэтому после реакционного переворота в Иране в августе 1953 г. (в подготовке и организации которого ведущую роль сыграло Центральное разведывательное управление США и местная американская агентура) практически был поставлен вопрос о включении в число членов этого блока и Ирана. Планировалось также привлечь в той или иной форме в создаваемую организацию Афганистан, но конкретной реализации эти намерения в тот период не получили.

Создание новой системы военных проамериканских союзов было начато подписанием 2 апреля 1954 г. военного пакта между Турцией, которая с 1952 г. уже была членом НАТО, и Пакистаном. Этому акту предшествовали американо-пакистанские переговоры о предоставлении военной помощи, которые велись еще с конца 1953 г. Не исключено, что, помимо всего прочего, эти переговоры должны были подтолкнуть Пакистан к вступлению в военный пакт с Турцией, так как соглашение об американской военной помощи Пакистану было заключено только в мае 1954 г., т. е. сразу же после подписания турецко-пакистанского пакта. Когда в сентябре того же года Пакистан вместе с США, Англией, Францией, Австралией, Новой Зеландией, Таиландом и Филиппинами подписал Договор о коллективной обороне Юго-Восточной Азии (СЕАТО), окончательно вырисовался американский план окружения Советского Союза и других социалистических стран системой взаимно перекрещивающихся военных блоков, которая простиралась бы сплошной цепью от Европы до Дальнего Востока.

В апреле 1954 г. США расширили военную помощь Ираку, где у власти в то время стоял продажный режим английского ставленника Нури Саида, а в январе 1955 г. в Багдаде был подписан договор о взаимном сотрудничестве между Ираком и Турцией, положивший начало окрещенному по месту его рождения Багдадскому пакту. 4 апреля того же года к этому новому военно-политическому союзу присоединилась Англия, 23 сентября — Пакистан и 11 октября — Иран.

Соединенные Штаты, хотя и поддерживали активно саму идею создания Багдадского пакта, формально в него не вошли. Это объяснялось рядом причин, в том числе тем, что англичане отнюдь не собирались уступать американцам контроль над этим пактом и рассчитывали играть в нем решающую роль, используя прежде всего свои позиции в Ираке. Но в основе, видимо, было нежелание

США еще больше осложнять свои отношения с подавляющим большинством арабских стран, которые с полным основанием расценили этот пакт как попытку расколоть фронт арабских государств, начинавший под влиянием прежде всего египетской революции 1952 г. приобретать антиимпериалистический характер¹³.

Неоколониализм и «доктрина Эйзенхауэра» (середина 50-х — начало 60-х годов)

К середине 50-х годов правящие круги США стали все больше связывать надежды привязать к себе арабские страны с методами неоколониализма. Не ослабляя внимания к блоковой политике, Вашингтон начал активно проводить курс на сближение с арабскими государствами на основе обновленной стратегии, делавшей упор на экономическую помощь. Это ознаменовало наступление нового, хотя и весьма кратковременного и не очень четко выраженного, этапа в ближневосточной политике США. Предоставление американской помощи ближневосточным странам, однако, даже в этот период жестко обуславливалось консервацией в них существующих общественных отношений и было нацелено, как правило, на поддержку монархических и феодальных кланов и режимов.

Особо в этой связи следует остановиться на подходе США к египетской революции 1952 г. Хотя эта революция буквально с первых месяцев приобрела антифеодальный и даже антиимпериалистический характер, в Вашингтоне события 23 июля 1952 г. расценили сначала чуть ли не как победу американской дипломатии, рассчитывая извлечь выгоду из ослабления позиций своих британских союзников. Вашингтон предоставил новому египетскому правительству кредит, посредничал между Каиром и Лондоном в переговорах, в частности, по вопросу об эвакуации английских вооруженных сил из Египта. Отражением этого курса явилось заявление государственного секретаря США Д. Ачесона о том, что американо-египетские отношения «вступают в новую эру», поскольку «связи между Египтом и США становятся более дружественными»¹⁴.

Египет официально обратился к США с просьбой о поставках ему современного оружия и боеприпасов. Переговоры по этому вопросу, однако, Вашингтон рассматривал прежде всего как средство давления на новых египетских лидеров с целью обеспечения участия этой арабской страны в планируемом на Ближнем Востоке

¹³ «Хотя США фактически были членом Багдадского пакта,— писал американский специалист Джесси Льюис,— они формально не присоединились к союзу в надежде сохранить в какой-то мере влияние на Насера, который резко осудил участие в блоке Ирака» (*Lewis J. W. The Strategic Balance in the Mediterranean. Wash.: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1976, p. 88*).

¹⁴ *Daily Worker, 1952, Sept., 4.*

антисоветском блоке и своего рода гарантию от проведения в Египте радикальных социально-экономических преобразований. Этой же цели, как и закреплению американского влияния в послереволюционном Египте, должен был служить и визит в эту страну в мае 1953 г. нового государственного секретаря США Дж. Ф. Даллеса. Вскоре после его визита и последовавших многочисленных поездок в Каир в первой половине 1954 г. других американских официальных и неофициальных представителей Соединенные Штаты в соответствии с «4-м пунктом» программы Трумэна предоставили Египту 10 млн. долл. Но по основному для Каира вопросу — о поставках оружия — новые египетские лидеры получили в конце концов отказ, который Вашингтон формально аргументировал необходимостью соблюдать положения Тройственной декларации 1950 г. и сохранять «баланс сил» в ближневосточном регионе.

Однако и после того, как в 1954 г. председателем Совета революционного командования Египта официально был провозглашен его фактический глава Гамаль Абдель Насер, антиимпериалистическая в целом позиция которого в тот момент уже не представляла большого секрета, Вашингтон не оставлял попыток с помощью экономических подачек привязать к себе Египет. Когда же «политика пряника» не срабатывала, США прибегали к «политике кнута», оказывая на Египет и другие арабские страны жесткое экономическое и даже военное давление. Именно в этом плане необходимо рассматривать известное решение Дж. Ф. Даллеса, объявленное египетскому послу в Вашингтоне 19 июля 1956 г., отказаться от уже достигнутого в принципе соглашения относительно финансирования Соединенными Штатами совместно с Англией и Международным банком реконструкции и развития строительства высотной плотины в районе Асуана после того, как Египет не принял выдвинутые США кабальные условия¹⁵. По словам президента Насера, принятие этих условий «означало бы фактически установление иностранного контроля над финансами, бюджетом и экономикой страны в целом»¹⁶. В ответ на шантаж Даллеса, Египет, как известно, национализировал 26 июля 1956 г. Суэцкий канал. Этот решительный акт, как и последовавшая за ним тройственная англо-франко-израильская агрессия, представляет собой ключевой момент в развитии событий на Ближнем Востоке, предопределивший наступление нового этапа ближневосточной политики Вашингтона.

После бесславного провала тройственной агрессии против Египта в 1956 г. лидирующее положение США на Ближнем Востоке другими западными державами практически уже не оспарива-

¹⁵ Американская газета «Крисчен сайенс монитор» 17 декабря 1971 г. писала: «Даллес незадолго до своей кончины говорил друзьям, что, если бы ему представилась возможность начать все сначала, он отказался бы только от одного своего решения — он не стал бы аннулировать план постройки Асуанской плотины».

¹⁶ Правда, 1956, 28 июля.

дось и Соединенные Штаты открыто выступили здесь в качестве наследника старых колониальных империй. «Англо-французское нападение на Египет,— писал в то время американский еженедельник „Тайм“,— разрушило трещавшее по швам здание, в котором Англия и Франция исполняли роль стражей безопасности и блюстителей порядка на Ближнем Востоке... На Соединенные Штаты возложена задача обеспечить законное управление и порядок в этом районе»¹⁷. Сложившееся на Ближнем Востоке соотношение сил между империалистическими державами, как его понимали в Вашингтоне, призвана была закрепить юридически так называемая «доктрина Эйзенхауэра», сформулированная в специальном послании президента США конгрессу от 5 января 1957 г. Одобренная 9 марта 1957 г. совместной резолюцией обеих палат конгресса США, эта доктрина провозглашала право США вмешиваться, в том числе и вооруженным путем, во внутренние дела любой страны Ближнего Востока для борьбы с «международным коммунизмом». Одновременно Вашингтон заявил об отказе от предоставления экономической помощи Египту, что явилось не только актом открытого давления, но и недвусмысленным выражением политической враждебности.

Агрессивная направленность и гегемонистский характер «доктрины Эйзенхауэра», преследовавшей цель воздвигнуть барьер на пути дальнейшего развития освободительного движения народов Ближнего Востока и закрепить за США привилегированные позиции в этом районе мира, были настолько очевидны, что, несмотря на содержащиеся в ней фразы о миролюбии Вашингтона и заботе, якобы проявляемой им в отношении ближневосточных государств, из всех арабских стран лишь королевская Ливия, монархический Иран и прозападный Ливан решились открыто выразить с ней согласие.

Осенью 1957 г. обстановка на Ближнем Востоке вновь резко накалилась в связи с провокационной возней вокруг Сирии, которая велась при явном подстрекательстве США. Еще в конце лета 1957 г. специальный представитель госдепартамента США А. Гендерсон посетил Турцию, Ирак, Иорданию и Ливан, где, запугивая своих собеседников «угрозой» развития Сирии по «коммунистическому пути», обсуждал подготовленный в США план вооруженной интервенции, направленной на свержение законного сирийского правительства. На сирийских границах были сосредоточены иностранные войска, в воды восточной части Средиземного моря вошли корабли шестого флота США.

Однако принципиальная и твердая позиция Советского Союза, заявившего, что он «готов своими вооруженными силами участвовать в подавлении агрессии и наказании нарушителей мира»¹⁸,

¹⁷ Time, 1957, Febr. 25, p. 11.

¹⁸ СССР и арабские страны, 1917—1960 гг.: Док. и материалы. М.: Госполитиздат, 1961, с. 394.

сорвала планы вторжения в Сирию. И все же, когда 14 июля 1958 г. в Ираке была свергнута монархия и новое иракское правительство немедленно объявило о выходе Ирака из Багдадского пакта, США, воспользовавшись как прикрытием «доктриной Эйзенхауэра», прибегли к открытой вооруженной интервенции. Стремясь нанести удар по антиимпериалистическим силам на Ближнем Востоке и предотвратить распространение примера Ирака на соседние арабские страны, они направили 15 июля свою морскую пехоту в Ливан, а 17 июля обеспечили поддержкой с воздуха английский десант в Иордании.

Курс американского империализма на то, чтобы открыто взять на себя жандармские функции на Ближнем Востоке, встретил решительный отпор со стороны большинства независимых арабских государств, поддержанных миролюбивыми странами во главе с Советским Союзом. Революцию в Ираке задушить не удалось. В конце 1958 г. США и Англия были вынуждены вывести свои войска из Ливана и Иордании. Таким образом, ставка США на прямое вооруженное вмешательство в дела ближневосточных стран большого успеха также не принесла. Наоборот, опираясь на поддержку Советского Союза и других стран социалистического содружества, многие государства Ближнего Востока именно в конце 50-х — начале 60-х годов сделали ряд важных шагов по пути не только к полному политическому, но и к экономическому освобождению от пут иностранного капитала.

Дальнейший подъем национально-освободительного движения на Ближнем Востоке, приобретавшего все более ярко выраженную антиимпериалистическую направленность, вообще поставил под вопрос сохранение позиций американского империализма в этом регионе мира. В Соединенных Штатах все чаще стали выражаться опасения, что их непосредственное участие в военном противоборстве на Ближнем Востоке между силами империализма и реакции, с одной стороны, и силами национальной независимости и социального прогресса — с другой, может лишь еще больше ускорить подрыв экономических и военно-стратегических позиций США во всем этом районе.

Поиски «оптимальной» стратегии (60-е годы)

Все это предопределило переход к новому этапу в ближневосточной политике Вашингтона, который совпал с приходом в Белый дом демократической администрации Дж. Кеннеди. Несмотря на внесение довольно заметных изменений в методы достижения целей, определяющей чертой и этого этапа оставались поиски оптимальной стратегии, направленной на консолидацию, а возможно, и расширение сферы капитализма на Ближнем Востоке, в которой США занимали бы доминирующие позиции.

Этой цели отвечала и провозглашенная президентом Кеннеди политика «новых рубежей», представлявшая собой, как справедливо отмечал советский исследователь В. Ф. Ли, «сочетание старых и новых, традиционных и усовершенствованных, завуалированных и прямых приемов и методов экспансии»¹⁹.

Настоятельная необходимость внесения изменений в политику США на Ближнем Востоке назрела еще до прихода Дж. Кеннеди в Белый дом. В результате уже в последние годы пребывания у власти Д. Эйзенхауэра Вашингтон вновь начал поиски путей к улучшению отношений с арабскими странами. Администрация Кеннеди уже более конкретно и более активно развивала эту линию. «Теория, лежавшая в основе американской политики в тот период,— отмечал видный американский специалист по проблемам Ближнего Востока У. Полк,— основывалась на двух идеях. Одна из них заключалась в том, что даже в странах, режимы которых враждебны к США, возможно использование американской помощи для поощрения тех тенденций и тех людей, которые будут способствовать созданию ситуации более благоприятной для реализации американских интересов. Другая — в том, что без ущерба для достижения своих фундаментальных целей Соединенные Штаты могут на длительный период времени допустить высокий уровень арабской политической активности»²⁰.

Подобные «теории» появились в Соединенных Штатах отнюдь не случайно. Подъем национально-освободительного движения во многих странах остро поставил перед соответствующими региональными направлениями внешней политики США в тот период проблему поиска оптимального, с точки зрения Вашингтона, сочетания собственного «присутствия» Соединенных Штатов в том или ином регионе с опорой на «дружественные силы» в развивающихся странах, а также проблему расширения социальной базы проамериканских сил в этих странах прежде всего за счет укрепления позиций национальной буржуазии, причем не только крупной.

Стремясь завоевать расположение националистических кругов ближневосточных стран, США в начале 60-х годов значительно увеличили поставки продовольствия арабским странам на основе Закона 480, предприняли ряд шагов к сокращению своего военного присутствия в этом регионе: в 1961 г. по просьбе правительства Саудовской Аравии они вывели с авиабазы Дахран свои военные подразделения, которые находились там со времени второй мировой войны, в 1962 г. были ликвидированы американские ракетные базы в Турции. Вашингтон тем легче мог пойти на этот шаг, что

¹⁹ Ли В. Ф. Стратегия и политика неокolonнализма США: (Дипломатия «новых рубежей» и страны Южной и Юго-Восточной Азии). М.: Наука, 1974, с. 4.

²⁰ Polk W. R. The United States and the Arab World. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1969, p. 287.

в результате развития ракетно-ядерного оружия эти базы в значительной мере потеряли свою эффективность с военно-стратегической точки зрения. Одновременно уже в начале 60-х годов США неоднократно пытались взять на себя роль арбитра и посредника на Ближнем Востоке. Достаточно вспомнить в этой связи предложение американского посла Банкера о посредничестве между сторонами в гражданской войне в Йемене, предпринятую в рамках ООН в конце 1961 — начале 1962 г. поездку президента Фонда Карнеги Дж. Джонсона на Ближний Восток для консультаций с правительствами Израиля и арабских стран по палестинской проблеме и т. д.

В конечном счете, однако, не эти маневры, рассчитанные на создание более благоприятного для США климата в странах региона, определяли основное русло ближневосточной политики США на том этапе. Специфика политики США на Ближнем Востоке (и в этом она кардинальным образом отличалась от политики «новых рубежей», проводившейся в других регионах) заключалась в том, что все больший упор в ней стал делаться на военное сотрудничество с Израилем, который преследовал, конечно, при этом и свои собственные экспансионистские цели.

Переход к прямому военному сотрудничеству США с Израилем окончательно наметился в 1962 г., когда была достигнута первая договоренность о поставках последнему оружия непосредственно из США, в частности американских зенитных ракет «Хок», и о направлении в Соединенные Штаты израильских военных специалистов для обучения обращению с ними. В 1966 г. было подписано соглашение о поставках в Израиль американских самолетов-штурмовиков «Скайхок» и танков «Паттон».

Это, конечно, не означает, что до начала 60-х годов Соединенные Штаты не поддерживали агрессивных замыслов Израиля, который с самых первых дней своего существования был американским форпостом на Ближнем Востоке. Еще в 1952 г. между Израилем и США было подписано соглашение о помощи по обеспечению «взаимной безопасности», по которому Израиль, в частности, обязывался «предоставлять в распоряжение США оборудование, материалы, услуги и другую помощь», вместе с США «участвовать в обороне района, частью которого он является», а также в мероприятиях «по охране международной безопасности»²¹.

Заключив с США еще несколько соглашений, имевших военные аспекты, Израиль, таким образом, уже к середине 50-х годов взял на себя обязательство в случае возникновения локальной или глобальной войны предоставлять в распоряжение США свой экономический и военный потенциал. В то же время американские руководители при всех своих симпатиях к Израилю и его экспансионизму

²¹ Mutual Defence Assistance Agreement between United States of America and Israel. Treaties and other International Acts Series. 2675. Wash.: U. S. GPO, 1953, p. 2.

стской политике в тот период еще не считали целесообразным публично связывать себя с ним и тем самым еще больше отталкивать от себя арабские страны. Когда, например, в середине 50-х годов Тель-Авив обратился к США с просьбой взять на себя снабжение его армии оружием, Вашингтон вместо того чтобы поставить Израилю американское оружие, «посоветовал» Канаде и Франции обеспечить израильские потребности²². Лишь с 60-х годов, особенно после прихода в Белый дом Л. Джонсона, американское оружие полилось в Израиль все более широким потоком. Одновременно США значительно сократили масштабы своего заигрывания с арабскими странами, резко уменьшив, в частности, объем предоставляемой им экономической помощи.

К середине 60-х годов Израиль превратился в главную ударную силу американского империализма на Ближнем Востоке, с помощью которой Вашингтон рассчитывал добиться своих целей, не идя вместе с тем на непосредственное вооруженное вмешательство. По мере того как американский экспедиционный корпус все глубже увязал в безнадежной и бесперспективной войне в Индокитае, ставка на Израиль как главное орудие достижения американских целей на Ближнем Востоке приобретала все больший вес при планировании внешнеполитических мероприятий в Вашингтоне. Газета «Нью-Йорк таймс» не без основания отмечала, что, «потерпев провал с Багдадским пактом и с доктриной Эйзенхауэра, Соединенные Штаты пытаются использовать Израиль в своих интересах в этом районе»²³.

Наиболее отчетливо это проявилось в ходе израильской агрессии в июне 1967 г., совершенной при прямой поддержке США. После 1967 г. арабо-израильский конфликт, припавший перманентно острые формы, начал оказывать решающее воздействие на формирование ближневосточной политики США, превратился в одну из главных проблем внешней политики США вообще.

На первых порах после июньской агрессии 1967 г. Вашингтон сделал еще больший крен в сторону односторонней ориентации на Израиль. Однако откровенная «израилизация» ближневосточной политики США, сколь бы на первых порах такой курс ни казался успешным, в конечном счете ожидаемых результатов Соединенным Штатам не принесла. Наоборот, национально-освободительное движение арабских народов поднялось на новую, более высокую ступень. Добились независимости народы Бахрейна, Катара, Объединенных Арабских эмиратов. Не удалось сокрушить республиканский строй в Йеменской Арабской Республике. Завершилась победой в ноябре 1967 г. борьба за независимость Юга Йемена, где была создана Народная Республика Южного Йемена (с 30 ноября

²² См.: Israel Government Yearbook, 5720 (1959—1960). Jerusalem: Government Printer, 1960, p. 25.

²³ New York Times, 1971, Jan. 18.

1970 г.—Народная Демократическая Республика Йемен), народ которой активно приступил к социальному переустройству своей страны. В мае 1969 г. произошла революция в Судане. 1 сентября 1969 г. на путь новой жизни встала Ливия, где победила революция, свергнувшая прогнивший проамериканский королевский режим. Важные положительные изменения социального порядка произошли в Ираке и Алжире. Дальнейшие глубокие социально-политические преобразования осуществлялись в Египте и Сирии.

Такое развитие событий вызывало явное неудовольствие в правящих кругах США, все громче стали раздаваться голоса о необходимости поисков новых путей к достижению американских целей на Ближнем Востоке. «Наступило время,—подчеркивалось в журнале „Форчун“,—произвести реалистическую всестороннюю переоценку наших целей в арабском мире, системы приоритетов и средств, с помощью которых эти цели лучше всего могут быть достигнуты»²⁴. На рубеже 60—70-х годов в США особенно усилились требования пересмотреть методы достижения целей, ибо по существу вопрос о пересмотре целей, которые оставались неизменными, не стоял.

Ближневосточный вариант «доктрины Никсона» (70-е годы)

Явное несоответствие методов ближневосточной политики США конкретной политической обстановке, складывавшейся в тот период на Ближнем Востоке, да и вообще в мире, явилось той объективной причиной, которая вынудила Вашингтон вновь заняться их модификацией. Еще более настоятельным сделала этот пересмотр четвертая арабо-израильская война в октябре 1973 г., внесшая кардинальные коррективы в политическую ситуацию на Ближнем Востоке. Она послужила мощным катализатором для давно уже назревавшего энергетического кризиса, принявшего в 1973—1974 гг. глобальные масштабы и до основания потрясшего весь капиталистический мир. Процесс приспособления ближневосточной политики США к новым реальностям совпал с приходом в Белый дом в январе 1969 г. нового президента Ричарда Никсона.

Уже в начале 70-х годов была провозглашена «доктрина Никсона», которая, в частности, предусматривала упор на использование местных режимов для достижения целей американского империализма в том или ином регионе мира. На Ближнем Востоке, помимо Израиля, ставка была сделана прежде всего на такие проамериканские режимы, как шахский Иран и Саудовская Аравия, которые выступали в качестве привилегированных клиентов США, а затем и на садатовский Египет.

²⁴ Fortune, 1967, Sept., p. 78.

Суть этого подхода можно сформулировать как политику «арабизации» и «иранизации», предусматривавшую некоторый отход от односторонней ориентации на Израиль, как единственную проамериканскую ударную силу в регионе. Хотя американо-израильский альянс оставался по-прежнему одним из важнейших факторов в ближневосточной политике США, такой частичный отход, по мнению Вашингтона, должен был предоставить Соединенным Штатам дополнительные возможности для политического маневрирования, создавая условия для максимального расширения круга американских партнеров и клиентов, с одной стороны, и предпосылки для укрепления проамериканских кругов в ближневосточных странах — с другой.

Заигрывая с ближневосточными странами, США значительно увеличили им «помощь на развитие». Несмотря на то что в регионе находятся нефтедобывающие страны, располагающие огромными финансовыми ресурсами, в 70-х годах этот регион вышел на второе место после стран Азии в качестве получателя американской экономической помощи, значительно опередив в этом отношении африканский и латиноамериканский регионы. Только с 1971 по 1978 г. США предоставили ближневосточным странам «помощь на развитие» на общую сумму в 5229 млн. долл. (за тот же период все страны Африки к югу от Сахары получили всего 1540 млн. долл., а страны Латинской Америки — 2166 млн. долл.)²⁵.

Стремясь создать условия для расширенного воспроизводства в странах Ближнего Востока капиталистических отношений и в то же время закрепить за Соединенными Штатами преобладающие позиции в этом регионе мира, Вашингтон оказанием чисто экономической помощи отнюдь не ограничивался. Не отказываясь полностью от методов грубого шантажа и прямого военного давления, он вновь сделал упор не только на экономическую, но и на техническую и военную привязку ближневосточных стран к Соединенным Штатам и капиталистической системе хозяйства в целом. Более того, США пошли на такие меры, которые всего за несколько лет до этого казались просто немыслимыми. Они, например, не противились в ряде случаев частичной или даже полной национализации (конечно, при соответствующей компенсации) принадлежавших американским компаниям предприятий, в том числе в нефтедобывающей промышленности, или на различные формы сотрудничества с национальным капиталом ближневосточных стран, в том числе и в деле развития в них вполне современных промышленных предприятий и целых отраслей промышленности. В основе этих шагов лежал корыстный расчет. «Участие в американском бизнесе (национального или государственного капитала ближневосточных стран. — Авт.), — писал по этому поводу в начале 1972 г. в редакционной

²⁵ Подсчитано по: Soviet Policy and United States Response in the Third World..., p. 258.

статье журнал „Бизнес уик“, — может лучше удержаться от экспроприации, чем любое число канонерок»²⁶.

Особую роль, по убеждению Вашингтона, в плане привязки ближневосточных стран к Соединенным Штатам должны были сыграть колоссальные поставки американской военной техники в этот регион мира. По данным Стокгольмского международного института проблем мира, за первые пять лет, прошедшие после октябрьской войны 1973 г., на страны Ближнего Востока пришлось 70% всего американского экспорта оружия в развивающиеся страны. И это несмотря на то, что уже в конце 1975 г. ближневосточные страны по числу боевых самолетов и танков уже приближались к силам НАТО в Европе (соответственно 2300 и 3000 самолетов тактической авиации и примерно 10 500 и 12 250 танков)²⁷.

Одновременно Вашингтон чрезвычайно активно включился в дипломатическое маневрирование на Ближнем Востоке. Под прикрытием обещаний занять «сбалансированную» позицию в деле урегулирования арабо-израильского и других конфликтов в ближневосточном регионе помощник президента США по национальной безопасности, а затем и государственный секретарь США Г. Киссинджер прибег к пресловутой «челночной дипломатии», курсируя между столицами арабских стран и Израиля. Однако целью этой дипломатической активности было не всеобъемлющее урегулирование ближневосточного конфликта на справедливой, а потому прочной основе, а попытки свести все дело к частным, сепаратным договоренностям под эгидой США между Израилем и отдельными арабскими странами.

Как справедливо указывал советский востоковед Е. М. Примаков, линия Вашингтона на Ближнем Востоке была нацелена «главным образом на то, чтобы ослабить узы, связывающие арабские страны, и в первую очередь Египет, с Советским Союзом. В Вашингтоне достаточно хорошо представляли себе, что лишь таким путем США приобретают возможность для маневрирования с целью „контролирования“ ближневосточного конфликта в выгодном для себя и Израиля направлении».

Одна из решавшихся при этом задач заключалась в ослаблении антиимпериалистических, прогрессивных, и укреплении прозападных, консервативных арабских режимов»²⁸.

Ничего нового, собственно, в этих попытках Вашингтона не было. Новым элементом в курсе на подрыв или трансформацию прогрессивных режимов в 70-х годах стал лишь все больший упор на использование богатых нефтью и, следовательно, валютными ре-

²⁶ Business Week, 1972, Febr. 5, p. 69.

²⁷ См.: World Armaments and Disarmament. SIPRI Yearbook. L.: Taylor and Francis Ltd., 1979, p. 177; Armaments and Disarmament in the Nuclear Age. A Handbook. SIPRI. L.: Taylor and Francis Ltd., 1976, p. 169.

²⁸ Примаков Е. М. Анатомия ближневосточного конфликта. М.: Мысль. 1978. с. 274.

сурсами монархических режимов стран Персидского залива, которым отводилась двойная роль. Эти страны, с одной стороны, призваны были стать своего рода витриной «успешного решения» экономических и социальных проблем в рамках капиталистической системы прежде всего в результате сотрудничества с США, а с другой — использовать часть из своих колоссальных валютных накоплений для оказания «помощи» другим развивающимся странам. Поскольку, однако, социальные цели такой помощи не отличаются фактически от тех, которыми руководствуются империалистические государства, постольку объективно эта помощь должна была способствовать созданию дополнительных препятствий на пути социального прогресса получающих ее стран и, в частности, содействовать развитию в них капиталистических отношений, подрывать их дружественные связи и контакты с Советским Союзом и другими странами социализма.

Трудно переоценить, например, роль, отводившуюся не только в региональных, но и в глобальных расчетах Вашингтона шахскому режиму в Иране, который бывший президент США Дж. Картер буквально за год до бесславного падения шаха охарактеризовал как «остров стабильности в одном из наиболее беспокойных районов мира»²⁹. И дело тут не только в тех функциях регионального жандарма, которые не без успеха в течение ряда лет осуществлял шахский Иран. Достаточно напомнить о посылке иранских войск для подавления освободительной борьбы в Омане, активном участии шаха в поддержке консервативных проамериканских режимов в ряде развивающихся стран, в борьбе против революционных и прогрессивных тенденций в этих странах.

Но жандармские функции по охране интересов Запада вообще были лишь частью возложенных на шаха задач. Являясь одним из важнейших источников нефти практически для всего капиталистического мира, Иран имел в этом отношении особое значение для западноевропейских союзников Вашингтона и особенно для Японии. Что же касается таких американских партнеров, как Израиль и Южно-Африканская Республика, то поставки нефти из Ирана покрывали соответственно 50 и 90% потребностей последних. Занимая второе место в мире по объему экспорта нефти и располагая в результате огромными валютными резервами, шахский Иран направлял эти средства не на кардинальное повышение уровня жизни народа, а на безудержные закупки вооружения и другие непроизводительные расходы. В отдельные годы Иран поглощал до 40% всего американского экспорта оружия, став его крупнейшим импортером. В Иран зачастую поставлялась такая боевая техника, которая практически еще не поступала в вооруженные силы США. Все это приносило крупные барыши американскому военно-промышленному комплексу и фактически способствовало финансированию научно-

²⁹ Weekly Compilation of Presidential Documents, 1978, Jan. 2, p. 1975.

исследовательских и опытно-конструкторских работ в военной области. Таким образом, создавалась исключительно выгодная для Соединенных Штатов ситуация, когда Иран сам оплачивал свои услуги Вашингтону по охране американских интересов в районе Персидского залива.

Кроме того, в глазах Вашингтона Иран представлял собой важный плацдарм у южных границ Советского Союза, который широко использовался для деятельности станций радиотехнической разведки, поставлявших Пентагону информацию об испытаниях советской ракетной техники. Наконец, по мысли пентагоновских стратегов, колоссальные запасы американского оружия, накопленные Ираном, в случае необходимости могли быть использованы не только иранскими, но и американскими вооруженными силами, переброска которых в Иран без тяжелой техники была бы значительно облегчена и ускорена. Далеко идущие планы на Ближнем Востоке Соединенные Штаты непосредственно связывали и с ролью шахского Ирана в качестве «витрины» того, чего может «достичь» развивающаяся страна при содействии Соединенных Штатов.

На определенном этапе создавалось впечатление, что все эти методы способствовали реализации целей США на Ближнем Востоке. Как свой важнейший внешнеполитический успех Вашингтон рассматривал и отрыв саатовского режима в Египте от прогрессивных сил в арабском мире, от Советского Союза, и сепаратный стовор Садата с Израилем, получивший завершение в кэмп-дэвидских сделках, заключенных под эгидой США в сентябре 1978 г.

Договоренности, достигнутые США, Израилем и Египтом в Кэмп-Дэвиде после длительных переговоров, были зафиксированы в двух документах: «Рамки для мирных переговоров по Ближнему Востоку, согласованные в Кэмп-Дэвиде» и «Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем». Первый из них предусматривал создание не позже чем через пять лет на западном берегу реки Иордан и в секторе Газа арабского «выборного органа самоуправления» и отвод израильских войск «в специально оговоренные районы для обеспечения безопасности». В течение следующего пятилетнего «переходного» периода намечалось проведение переговоров для определения окончательного статуса Западного берега и Газы (об оккупированной сирийской территории — Голанских высотах — и о восточной, арабской части Иерусалима в документе вообще не упоминалось). Далее Египет и Израиль брали на себя обязательство «не прибегать к силе или угрозе применения силы при решении спорных вопросов», т. е. еще до урегулирования ближневосточного конфликта не только фактически, но и юридически Египет исключался из числа стран, противостоящих израильской агрессии. Говорилось также о необходимости полного взаимного признания Израилем и арабскими странами друг друга, «отмены экономических бойкотов» и т. п.

Второй документ, касающийся заключения мирного договора между Египтом и Израилем, провозглашал суверенитет Египта над всем Синайским полуостровом. Вместе с тем он содержал ряд условий (возможность держать египетские вооруженные силы на Синае лишь в строго определенном количестве и в пределах территории, простирающейся не более чем на 50 км к востоку от Суэцкого канала, использовать построенные израильтянами аэродромы лишь для гражданских целей и т. п.), практически ограничивавших его.

Хотя оба эти документа изобиловали чисто декларативными ссылками на желание соблюдать положения Устава и других документов ООН, признанных норм международного права, их антиарабская сущность прямо противоречит решениям ООН по Ближнему Востоку. Вне рамок кэмп-дэвидских договоренностей остались ключевые проблемы ближневосточного урегулирования: полное освобождение всех оккупированных Израилем в июне 1967 г. арабских территорий (положения о необходимости вывода израильских войск с этих территорий содержатся в резолюциях 242 и 338 Совета Безопасности ООН); уважение законных прав арабского народа Палестины, в том числе его неотъемлемого права на создание своего независимого государства; обеспечение надежно гарантированной безопасности всех стран региона. В кэмп-дэвидских «рамках» ни единым словом не упоминается Организация освобождения Палестины, признанная общеарабским совещанием в верхах в Рабате в 1974 г., а также Генеральной Ассамблеей ООН и другими международными организациями в качестве единственного законного представителя арабского народа Палестины. Более того, премьер-министр Израиля М. Бегин уже после Кэмп-Дэвида неоднократно заявлял, что Израиль никогда не вернется к границам 4 июня 1967 г., никогда не допустит создания арабского государства в Палестине и никогда даже не будет вести переговоров с ООН.

Выработанные в Кэмп-Дэвиде договоренности вызвали, естественно, решительное осуждение всех арабских стран, в результате чего саудовский Египет оказался практически в полной изоляции от арабского мира. Тем не менее 26 марта 1979 г. в развитие этих соглашений был подписан сепаратный «мирный» договор между Египтом и Израилем, который не только отбросил еще дальше дело всеобъемлющего политического урегулирования на Ближнем Востоке, но и подстегнул новый крутой виток гонки вооружений в этом регионе мира.

Одновременно администрация Картера, которая рассматривала эти соглашения как свой крупнейший внешнеполитический актив, открыто взяла курс на отстранение Советского Союза, как, впрочем, и других стран, включая ближайших западноевропейских союзников США, от процесса ближневосточного урегулирования. Совместное советско-американское заявление по Ближнему Востоку от 1 октября 1977 г., в котором были сформулированы положения,

открывающие реальный путь к подлинному миру на Ближнем Востоке, было практически отброшено Вашингтоном³⁰.

Более того, вновь усилились попытки представить любые проявления недовольства неоколониалистской политикой США и других западных держав на Ближнем Востоке, проявление любого социального брожения в ближневосточных, да и других развивающихся странах всего лишь как плоды пресловутой «советской подрывной деятельности». Под этим предлогом была развернута широкая пропагандистская кампания о «советской угрозе» ближневосточным странам³¹.

Однако и на сей раз, как и после «шестидневной» войны 1967 г., особых оснований для эйфории, как оказалось, у Вашингтона не было. В начале 1979 г. в Иране произошла революция, приведшая к свержению проамериканского режима. Эта революция потрясла до основания здание ближневосточной политики США, создававшееся на протяжении большей части 70-х годов. Последовавший за этим развал блока СЕНТО окончательно продемонстрировал тщетность надежд Вашингтона на то, что ключевые государства-клиенты способны контролировать в интересах США ситуацию в том или ином обширном районе развивающегося мира без прямого американского военного вмешательства. Таким образом, падение шаха нанесло серьезнейший удар по ближневосточной политике США.

«Доктрина Картера» и ее модификация администрацией Р. Рейгана (80-е годы)

Тем не менее и после иранской революции общая стратегическая линия американского империализма на Ближнем Востоке, направленная на экономическое и политическое закабаление стран региона, подавление в них национально-освободительных движений, борьбу с «проникновением коммунизма» и «советским влиянием», на

³⁰ Это заявление предусматривало достижение в кратчайшие сроки справедливого и прочного урегулирования арабо-израильского конфликта. Такое урегулирование, указывалось в заявлении, «должно быть всеобъемлющим, охватывающим все заинтересованные стороны и все вопросы», в том числе «такие ключевые, как вывод израильских войск с территорий, оккупированных во время конфликта 1967 г., палестинский вопрос, включая обеспечение законных прав палестинского народа, прекращение состояния войны и установление нормальных мирных отношений на основе взаимного признания принципов суверенитета, территориальной целостности и политической независимости» (Правда, 1977, 2 окт.).

³¹ Подобные кампании были свойственны американскому империализму с самых первых лет развязанной им «холодной войны». Так, еще в сентябре 1950 г. в государственном департаменте был подготовлен специальный меморандум о значении ближневосточной нефти, который начинался с утверждения: «Угроза коммунистической агрессии возрастает. Ближний Восток представляет собой чрезвычайно привлекательный и в то же время чрезвычайно уязвимый объект для этой угрозы. Насильственное прекращение по-

использование региона в качестве военно-стратегического плацдарма против Советского Союза, осталась неизменной. Трансформации вновь подвергся лишь арсенал средств и выбор тактических приемов для достижения все тех же прежних стратегических целей.

Наиболее очевидный новый момент — гораздо больше, чем ранее, ставка на непосредственное использование американской военной силы для регулирования региональной ситуации в выгодном для США направлении — нашел свое выражение в так называемой «доктрине Картера», сформулированной в послании президента конгрессу «О положении страны» от 23 января 1980 г. Суть зафиксированного в этом послании курса заключалась в откровенных притязаниях на «право» диктовать в любом регионе мира, который Вашингтон в одностороннем порядке объявит сферой своих «жизненно важных интересов», свои порядки, не допуская там каких бы то ни было неугодных США социальных и иных перемен. Когда же, по мнению американских правящих кругов, эти интересы могут быть ущемлены, провозглашалось «право» на вмешательство вплоть до «использования всех необходимых средств, включая военную силу»³².

В послании излагался также ряд мер, направленных своим острием против развивающихся стран, и прежде всего против стран Ближнего и Среднего Востока. Конкретно речь шла о комплектовании на постоянной основе интервенционистских «сил быстрого развертывания» численностью в 200 и более тысяч военнослужащих, которые должны быть готовы к быстрой переброске в любой район, где, с точки зрения Вашингтона, возникает угроза их «жизненным интересам». Среди других «конкретных инициатив, призванных помочь США реагировать на кризисы вне Европы», послание предусматривало «разработку и создание нового воздушного флота, укомплектованного большегрузными самолетами межконтинентальной дальности полета», и «планирование и создание контингента кораблей для заблаговременного размещения на позициях, которые будут доставлять тяжелую технику и припасы для трех бригад морской пехоты». Кроме того, ставилась задача вплотную заняться «изучением возможностей более активного использования военных объектов» как на самом Ближнем Востоке, так и в непосредственной близости от этого региона³³.

Эти идеи были подкреплены еще большим форсированием военной и военно-политической активности США как в глобальном мас-

тока ближневосточной нефти на ее обычные рынки или захват ее источников, будь то путем внешнего вмешательства или изнутри, самым серьезным образом затронуло бы экономические, политические и стратегические интересы США и их союзников» (FRUS, 1950, vol. V, p. 76).

³² State of the Union Address. Message from the President of the United States. Transmitting a Report on the State of the Union. Jan. 23, 1980. Wash.: U.S. GPO, 1980, p. 4, 1.

³³ The State of the Union. Annual Message to the Congress. Jan. 21, 1980.— Weekly Compilation of Presidential Documents, 1980, Jan. 28, p. 171.

штабе, так и непосредственно в ближневосточном регионе. Деятельность эта развивалась сразу по нескольким направлениям: 1) расширение собственного военного присутствия Соединенных Штатов на Ближнем Востоке; 2) получение там в пользование военных баз и других военных объектов; 3) организация для охраны американских интересов местных жандармских сил, которые могли бы «компенсировать» крах шахского режима в Иране.

Для политического обеспечения и пропагандистского прикрытия этого крайне опасного для дела мира курса Вашингтон всемерно использовал события, связанные с апрельской революцией 1978 г. в Афганистане. С особенной настойчивостью обыгрывается ввод по просьбе афганского правительства ограниченного контингента советских вооруженных сил в декабре 1979 г. для оказания помощи народу Афганистана в отражении внешней агрессии. Американская пропаганда извлекла также максимум возможного из захвата 4 ноября 1979 г. иранскими студентами посольства США в Тегеране (и задержания ими в течение 444 дней находившегося в нем персонала) для раздувания шовинистических страстей. На деле, как показывают факты, США активно приступили к разработке и реализации своей интервенционистской программы в районе Ближнего Востока и вокруг него задолго до указанных событий. Первые наметки этого крайне опасного и провокационного курса действий, сообщала американская печать, появились вскоре после прихода в Белый дом администрации Картера, т. е. задолго до указанных событий, и уже в августе 1977 г. нашли свое выражение в президентской директиве № 18, во исполнение которой началось активное наращивание ударных сил США в акваториях Мирового океана, прилегающих к району Ближнего Востока. Помимо концентрации в этом регионе нескольких авианосных ударных групп, Вашингтон впервые после второй мировой войны направил туда крупные подразделения американских наземных сил с приданными им танками, противотанковыми средствами, вертолетами, артиллерией и другим тяжелым вооружением, а также необходимыми собственными десантными средствами. В Вашингтоне, по сообщениям западной печати, рассматривался даже вопрос о выделении для использования в районе Персидского залива тех сил, которые составляют «чрезвычайный резерв обороны» стран НАТО. Кроме того, США выдвинули предложение о создании так называемого европейского корпуса быстрого развертывания с целью расширения сферы действия агрессивного блока НАТО на ближневосточный регион. (Характерно, что параллельно Соединенные Штаты открыто взяли курс на срыв советско-американских переговоров по ограничению военной деятельности в бассейне Индийского океана. Прервав в начале 1978 г. эти переговоры, американская сторона упорно отказывается их возобновить.)

Активизируя работы по расширению базы ВВС и ВМС США на атолле Диего-Гарсия в центральной части Индийского океана, Вашингтон в то же время стремится заполнить базы и опорные

пункты близости от Персидского залива, которые могли бы быть использованы американским экспедиционным корпусом. Увязывая решение этого вопроса с обещаниями предоставить широкую военную и экономическую помощь, Вашингтон сумел заручиться согласием таких стран, как Оман, Сомали и Кения, на использование американскими вооруженными силами ряда военных объектов на их территориях. В плане создания и укрепления опорных военных пунктов США на Ближнем Востоке и на его «периферии» следует рассматривать и турецко-американское соглашение 1980 г. о сотрудничестве в области совместной обороны. С помощью этого соглашения Вашингтон рассчитывает вновь значительно расширить возможности использования почти трех десятков военных баз на турецкой территории, которые были ограничены в результате обострения американо-турецких отношений после военного вторжения Турции на Кипр в 1974 г.

Но, пожалуй, наиболее далеко в реализации своих агрессивных планов в ближневосточном регионе Вашингтон продвинулся все же в отношениях с Израилем и Египтом, которые неоднократно предлагали использовать свои территории и имеющиеся на них военные объекты для нужд Соединенных Штатов. США уже реально воспользовались этими предложениями, в частности, для полетов американских разведывательных самолетов и деятельности некоторых других подразделений ВВС США с египетской территории (например, во время позорно провалившейся попытки вооруженного вторжения в Иран с целью освобождения американских «заложников» в апреле 1980 г.). Проводились на территории Египта и совместные американо-египетские военно-воздушные и военные учения. На Синайском полуострове под видом части контингента «многонациональных» сил по наблюдению за выполнением египетско-израильского сепаратного договора разместились подразделения «сил быстрого развертывания» США наряду с контингентами вооруженных сил других стран НАТО. Планы Пентагона, однако, идут гораздо дальше простого использования территории Израиля и Египта для действий американских вооруженных сил на Ближнем и Среднем Востоке. Хорошо известна роль стража американских интересов, отводимая американским империализмом в этом регионе мира Израилю, с которым Вашингтон 30 ноября 1981 г. подписал специальный меморандум о стратегическом сотрудничестве.

В качестве поощрения этих тенденций в политике Израиля и Египта Вашингтон предоставляет последним самое современное вооружение на многие миллиарды долларов. И если колоссальные поставки американского оружия Тель-Авиву стали уже делом обычным, то в Египет самое современное американское оружие в массовых масштабах начало поступать, как бы парадоксально это ни звучало, лишь после подписания так называемого «мирного договора» с Израилем. Таким образом, заключенная под эгидой Вашингтона сепаратная египетско-израильская сделка открыла еще один

канал гонки вооружений на Ближнем Востоке, который и без того нередко сравнивают с пороховой бочкой, снабженной к тому же не одним, а несколькими тлеющими фитилями.

Короче говоря, Вашингтон прилагает огромные усилия по созданию единой цепи американских военных баз и опорных пунктов по линии, начинающейся на южной оконечности Африки и идущей вдоль восточного побережья континента через ближневосточный регион вплоть до южных границ СССР и далее к востоку. Именно военная активность США в этих районах создает ту «дугу нестабильности», на которую любил ссылаться бывший советник президента по вопросам национальной безопасности Э. Бжезинский, пытавшийся дать идеологическое обоснование агрессивным замыслам США.

Вместе с тем США не отказываются и от невоенных средств давления на страны региона. С целью раскола арабского мира они пытаются использовать внутренние трудности ближневосточных государств, имеющиеся между ними споры и разногласия, содействуют раздуванию национальной, этнической, религиозной розни в странах ближневосточного региона. Соединенные Штаты, например, способствовали разжиганию противоречий между Ираком и Ираном, конфликт между которыми в сентябре 1980 г. вылился в открытую войну и привел к дальнейшему ослаблению арабского единства и антиизраильского фронта арабских государств. Осложнилось положение Организации освобождения Палестины, ранее получавшей существенную, прежде всего финансовую, помощь и от Ирака, и от Ирана. Под тем предлогом, что ирако-иранский конфликт представляет опасность для соседних государств, США добиваются объединения последних на антисоветской основе, желательное в форме какого-то нового военного блока под эгидой США.

Параллельно Вашингтон не оставляет попыток еще крепче привязать к своей экономической и политической системе Саудовскую Аравию. От этой страны, как крупнейшего экспортера нефти в Персидском заливе и в мире в целом, во многом зависит нефтяная политика ОПЕК и движение валютных запасов нефтедобывающих стран в банках Запада. Под различными предлогами США навязывают этой стране военные программы. Большие усилия Вашингтона направлены на то, чтобы обеспечить поддержку сепаратных египетско-израильских переговоров и кэмп-дэвидского сговора со стороны саудовской монархии. (Объектом такого же рода усилий стал и король Иордании Хуссейн.) Как значительный успех в Вашингтоне рассматривают согласие Саудовской Аравии на размещение на ее территории разведывательной системы АВАКС и соответствующего американского наземного персонала.

Приход в январе 1981 г. в Белый дом республиканской администрации Р. Рейгана не внес каких-либо кардинальных изменений в ближневосточную политику США. Администрация Рейгана не только в основном следует на Ближнем Востоке курсу своих предше-

ственников, но и проводит его в еще более ужесточенном варианте, в частности в отношении Организации освобождения Палестины и палестинской проблемы в целом. Этот «новый курс», который по существу представляет собой дальнейшее развитие интервенционистской политики США, призван, по мнению Вашингтона, демонстрировать «силу и решимость» нынешней администрации на международной арене.

Запугивая ближневосточные страны мифической «советской угрозой», администрация Рейгана еще больший упор сделала на создание на Ближнем Востоке антисоветского альянса. В то же время она не считает даже нужным скрывать, что сама интенсивно готовится к вмешательству во внутренние дела стран региона в случае, если сочтет, что развитие событий в них будет происходить не по американскому сценарию. Президент Рейган прямо заявил, что США «не позволят», например, Саудовской Аравии стать «еще одним Ираном»³⁴. А даже в пресловутой «доктрине Эйзенхауэра» утверждалось все же, что вооруженное вмешательство США в дела той или иной ближневосточной страны последует лишь после «просьбы» (организованной, естественно, самим Вашингтоном) соответствующего правительства. Теперь же в разработанной Пентагоном военной стратегии США на 1984—1988 финансовые годы, в которой Ближнему Востоку отводится небывалое большое место, предписывается «американским силам быть готовыми в случае необходимости по собственной инициативе занять позиции в этом районе, не дожидаясь приглашения дружественного правительства»³⁵. Во исполнение этих планов в вооруженных силах США с 1 января 1983 г. создано специальное так называемое Центральное командование, в сферу действия которого в одностороннем порядке включено 19 ближневосточных и прилегающих к ним стран³⁶. Именно этому командованию теперь подчинены силы быстрого развертывания. Поставив тем самым ближневосточные страны перед свершившимся фактом расширения своего военного присутствия в этом регионе мира, Вашингтон вновь продемонстрировал свое нежелание считаться с жизненными интересами народов.

Об этом же свидетельствует и ливанская трагедия. Давая летом 1982 г. «зеленый свет» израильской агрессии против Ливана, вылившейся в пятую арабо-израильскую войну, небывалую по числу жертв и объему разрушений, Вашингтон, судя по всему, стремился с помощью Израиля создать условия не только для расширения

³⁴ Weekly Compilation of Presidential Documents, 1981, Oct. 5, p. 1067.

³⁵ New York Times, 1982, May 30.

³⁶ Афганистан, Пакистан, Иран, Ирак, Кувейт, Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Саудовская Аравия, Оман, Йеменская Арабская Республика, Народная Демократическая Республика Йемен, Египет, Иордания, Судан, Эфиопия, Джибути, Сомали и Кения. Что же касается Сирии, Ливана и Израиля, то их территории включены Вашингтоном в сферу действия командования вооруженными силами США в Европе.

своего военного присутствия на Ближнем Востоке, в частности, путем направления американских морских пехотинцев в Ливан в составе так называемых «многонациональных сил», но и для активизации попыток добиться ближневосточного урегулирования на американских условиях. Выступая 1 сентября 1982 г. с «американской мирной инициативой для многострадальных народов Ближнего Востока», президент Рейган прямо заявил, что «ливанская война, сколь бы трагической она ни была, создала для нас (т. е. для США.—*Авт.*) благоприятную возможность в отношении установления мира на Ближнем Востоке»³⁷. Однако предложенный Р. Рейганом «мир по-американски» ничего общего с подлинным миром не имеет, наотрез, например, отказывая арабскому народу Палестины в праве на создание своего государства. Предложенный Р. Рейганом план явился шагом назад даже по сравнению с кэмп-дэвидским договором, участники которого не столь явно выступали против этого неотъемлемого права палестинских арабов. Не случайно, видимо, ни один из восьми пунктов выработанного и согласованного на встрече в верхах арабских стран в марокканском городе Фесе в сентябре 1982 г. плана ближневосточного урегулирования не соответствует предложениям Р. Рейгана. В то же время одобренные в Фесе принципы фактически совпадают с подходом Советского Союза к проблеме всеобъемлющего мирного урегулирования на Ближнем Востоке.

Делая открыто ставку на военно-силовое решение проблем Ближнего Востока, объявленного «жизненно важным» для США районом мира, и в первую очередь вопросов, связанных с поставками ближневосточной нефти, Вашингтон явно ставит перед собой невыполнимую задачу. Никакая перелицовка американских доктрин не может изменить того факта, что гегемонистские устремления Соединенных Штатов находятся в непримиримом противоречии с коренными интересами народов региона. Прежде всего это относится к потребностям внутреннего социального прогресса последних, а также обеспечения ими своей экономической и политической независимости. В глазах широких народных масс Ближнего и Среднего Востока Соединенные Штаты предстают как основной эксплуататор их природных богатств, опора местных реакционных сил, препятствующих социальному освобождению и экономической независимости ближневосточных стран. Основной просчет Вашингтона в отношении дальнейших путей развития этого региона, как и развивающихся стран в целом, заключается в нежелании рассматривать рост национального самосознания и тем более национально-освободительное движение в ближневосточных странах как проявление глубинных процессов, возникающих под влиянием закономерностей общественного развития.

³⁷ Weekly Compilation of Presidential Documents, 1982, Sept. 6, p. 1083.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОЛИТИКА США В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Одним из важных объектов военно-политической и экономической экспансии США в послевоенный период явилась Юго-Восточная Азия. Поражение Японии и ослабление европейских колониальных держав — Англии, Франции, Голландии — в результате второй мировой войны открыли для Соединенных Штатов возможность потеснить империалистических соперников в странах Тихоокеанского бассейна. Выгодное стратегическое положение Юго-Восточной Азии как «мирового перекрестка», богатые природные и людские ресурсы, а также борьба народов этого региона за национальное освобождение, которая поставила под угрозу общие позиции империализма, обусловили здесь особую активность США.

На протяжении всего послевоенного периода американские администрации рассматривали Юго-Восточную Азию как регион, важный для правящих кругов США с точки зрения «национальных интересов». В принятом Советом национальной безопасности в 1952 г. документе подчеркивалось, что данный регион «является основным мировым источником натурального каучука и олова и производителем горючего и других стратегически важных продуктов»¹.

В последующие годы значение Юго-Восточной Азии как источника сырья для США и других промышленно развитых капиталистических стран не уменьшилось. В 1977 г. за счет импорта из стран этого региона США удовлетворяли свои потребности в натуральном каучуке на 90% и в олове на 75%. В 1978 г. объем торговли США с Юго-Восточной Азией превысил 12 млрд. долл.² Большое значение для США имеют страны Юго-Восточной Азии как поставщики нефти, слюды, древесины, джута, чая, пальмового масла и ряда других продуктов. Этот регион является крупным рынком сбыта продукции США и сферой приложения американского капитала³.

Подчеркивая «огромную стратегическую ценность» этого района мира, государственный секретарь Д. Ф. Даллес в марте 1954 г. отмечал: «Юго-Восточная Азия господствует над самыми короткими и наиболее разработанными морскими и воздушными путями между Тихим океаном и Южной Азией. Там имеются крупные военно-морские и военно-воздушные базы»⁴. Для глобальных appetitов

¹ The Pentagon Papers as Published by the New York Times. N. Y.: Bantam Books, 1971, p. 27.

² Statistical Abstract of the United States. Wash.: U. S. GPO, 1979, p. 869.

³ Ibid., p. 100—860.

⁴ The Threat of a Red Asia. Address by Secretary of State Dulles before the Overseas Press Club of America in New York City on March 29, 1954.— Department of State Bulletin, 1954, Apr. 12, p. 539.

США немалое значение имел и такой важный фактор, как демографический. Население этого региона составило в 1975 г. около 323 млн. человек⁵, что превышало численность населения Западной Европы или Латинской Америки.

Военно-стратегические, экономические и демографические факторы, определившие большое значение Юго-Восточной Азии в международных отношениях в послевоенный период, в значительной степени обусловили решимость правящих кругов США воспрепятствовать здесь каким-либо прогрессивным преобразованиям, становлению и упрочению социализма. Одним из наиболее крупных проявлений глобального интервенционистского курса США в послевоенный период явилась американская агрессия в Индокитае. Война во Вьетнаме не была чисто региональным явлением, она глубоко затронула интересы многих государств, ее последствия сказывались на всей мировой политике.

Вооруженная интервенция США в Индокитае и попытки сохранить там проимпериалистические режимы потерпели в середине 70-х годов полный провал. Но еще до своего краха эта агрессия способствовала углублению начавшегося в конце 60-х годов в США экономического кризиса и развернувшейся параллельно с ним инфляции, усилила дефицит платежного баланса и обострила ряд других проблем американской экономики, оказала глубокое моральное воздействие на американское общество, привела к возникновению в стране широкой оппозиции военно-политическому курсу американских правящих кругов, к острому «кризису доверия» по отношению к политике правительства. Негативный опыт интервенции в Индокитае вынудил американские правящие круги пойти на переоценку возможностей США оказывать воздействие на события в том или ином районе мира, показал несостоятельность притязаний Вашингтона на роль «глобального полицейского».

В советской научной литературе достаточно полно исследована политика США в Индокитае в послевоенный период. Следует лишь подчеркнуть, что эта политика, которая всегда была подчинена одной главной задаче — активной борьбе против стран социализма и национально-освободительного движения азиатских народов, прошла ряд этапов.

От антиколониалистских деклараций до участия в колониальных авантюрах

Вступление Советского Союза в военные действия на Дальнем Востоке сыграло огромную роль в разгроме японского милитаризма и явилось мощным импульсом к развертыванию широкого национально-освободительного движения в странах Восточной и Юго-

⁵ Pauker G., Golay F., Enloe C. Diversity and Development in Southeast Asia. The Coming Decade. N. Y.: McGraw-Hill, 1977, p. 32.

Восточной Азии. В рамках этого процесса важным событием явилась победа патриотических сил Вьетнама — наиболее передовой и революционной части Индокитая, где в сентябре 1945 г. была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам⁶. Значительно усилилась также национально-освободительная борьба в Индонезии, на Филиппинах, в Бирме, Малайе.

Поэтому если в годы второй мировой войны руководство США, пытаясь поставить национально-освободительные движения на службу своим интересам, выступало с призывами предоставить колониальным народам формальную независимость и даже устранить Францию из Индокитая⁷, то после того, как Франция развернула колониальную войну против ДРВ, Вашингтон поручил американскому послу в Париже заявить в феврале 1947 г. французскому премьер-министру, что в отношении Индокитая США «полностью признают суверенные позиции Франции в этом регионе»⁸.

Успехи национально-освободительного движения в Индокитае обусловили активизацию в Азии американской политики «сдерживания» на путях, сходных с блоковой политикой в Европе. Американские руководители в секретном меморандуме, подготовленном летом 1949 г. для представления французскому МИДу, призвали к такому объединению сил Запада для противодействия национально-освободительному движению⁹.

В Юго-Восточной Азии, и в частности в Индокитае, пожалуй, в наиболее агрессивной форме возобладала линия военного, политического и экономического давления США на национально-освободительные движения. Уже в марте 1950 г. Совет национальной безопасности США вынес решение оказать экономическую и военную помощь французским колониальным войскам, и в мае того же года президент Г. Трумэн одобрил программу такого рода помощи. В конце 1950 г. США предоставили Франции для использования в Индокитае 30 бомбардировщиков Б-26¹⁰.

Заинтересованность США в продолжении колониальной войны в Индокитае усилилась в связи с событиями в Корее. Начав прямую военную интервенцию в Корее, США сочли необходимым зафиксировать «распределение обязанностей» империалистических

⁶ Влияние победы советского народа в Великой Отечественной войне на революционный процесс в Индокитае подробно раскрыто в работе «Победа СССР в войне с милитаристской Японией и послевоенное развитие Восточной и Юго-Восточной Азии» (М.: Наука, 1977, с. 153—171, 228—234).

⁷ U. S.—Vietnam Relations, 1945—1967. Study Prepared by the Department of Defence. Wash.: U. S. GPO, 1971, Book 1, 1.A., p. A—1; Очерки международных отношений в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке после второй мировой войны (1945—1955). М.: Наука, 1975, с. 228—229.

⁸ U. S.—Vietnam Relations..., Book 1, 1.A.2, p. A—45.

⁹ FRUS, 1949. Vol. VII. The Far East and Australasia: (in 2 pts). Pt I. Wash.: U. S. GPO, 1975, p. 42.

¹⁰ Executive Sessions of the Senate Foreign Relations Committee (Historical Series). Wash.: U. S. GPO, 1976, vol. III, (pt I), p. 20.

держав в Восточной и Юго-Восточной Азии. 18 июня 1952 г. в Вашингтоне между представителями США и Франции было подписано коммюнике, в котором отмечалось, что «Соединенные Штаты берут на себя большую долю расходов в Корее, в то время как Франция играет важную роль в Индокитае»¹¹. Однако, несмотря на провозглашенное сотрудничество и координацию политики с Францией, тогда же, в начале 50-х годов, Соединенные Штаты активизировали усилия, направленные на утверждение американского влияния в странах Индокитая, и в сентябре 1951 г. заключили, минуя Францию, двусторонние экономические соглашения с Лаосом, Камбоджей и баодаевским Вьетнамом¹².

Параллельно развивалась и американская экспансия в других странах Юго-Восточной Азии. США стремились утвердиться в качестве преобладающей державы в своей бывшей колонии Филиппинах, в Таилапде, а также в борющихся за независимость от европейских колониальных держав Индонезии, Бирме, Малайе.

Старые колониальные державы — Англия, Франция и Голландия, с которыми США соперничали в ряде областей и в то же время сотрудничали в противодействии разгоравшемуся национально-освободительному движению, в первые послевоенные годы продолжали играть значительную роль в ЮВА. Первоначально США хотели быстро и полностью вытеснить Францию из Индокитая, Голландию из Индонезии, Англию из Малайи и Бирмы, по размах освободительного движения в странах ЮВА вынудил США использовать в борьбе против освободительного движения усилия прежних колониальных метрополий и не только временно примириться с их стремлением сохранить свои позиции в этом регионе, но и оказывать широкую поддержку колонизаторам.

В военно-стратегическом отношении Соединенные Штаты отводили большее значение Филиппинам. Не случайно государственный секретарь Дин Ачесон, выступая в январе 1950 г. с речью, определившей основные направления азиатской политики США, заявил, что «оборонительный периметр» США в Азии простирается от Алеутских до Филиппинских островов¹³.

4 июля 1946 г. США предоставили независимость Филиппинам, одновременно предприняв шаги к тому, чтобы сохранить свои привилегии и позиции в этой стране. «Закон Белла» от 30 апреля 1946 г. предусматривал на Филиппинах равные права для американских инвесторов с филиппинцами¹⁴, что обеспечивало фактическое преобладание американского капитала. В марте 1947 г. между США и Филиппинами было заключено соглашение о базах, в соот-

¹¹ Documents on American Foreign Relations, 1952. N. Y.: Harper, 1953, p. 285.

¹² Ibid.

¹³ Department of State Bulletin, 1950, Jan. 23, p. 113.

¹⁴ *Fifield R. H. The Diplomacy of Southeast Asia, 1945—1958.* Hamden (Conn.): Archon Books, 1968, p. 60, 63, 64.

ветствии с которым США получили право разместить здесь ряд военных баз сроком на 99 лет.

В 1945—1947 гг. США приложили значительные усилия для укрепления своих позиций в Индонезии, народ которой вел в это время тяжелую вооруженную борьбу против Голландии, стремившейся восстановить свое довоенное господство в этой стране. Несмотря на стремление Вашингтона создать видимость беспристрастности в индонезийско-голландском конфликте, Соединенные Штаты, по существу, помогали колонизаторам воевать против молодой Индонезийской республики, ибо «полицейские действия» голландцы проводили против Индонезии, используя американское оружие, а в ООН США занимали благоприятную для Голландии позицию.

В Таиланде в 1945—1947 гг. Соединенным Штатам удалось, опираясь на буржуазно-помещичью группировку, служившую в годы войны милитаристской Японии, заметно укрепить свои военно-политические и экономические позиции, отеснив своих военных союзников, прежде всего Англию. Выразив в январе 1948 г. одобрение в связи с провозглашением независимости Бирмы, Вашингтон рассчитывал, что получение Бирмой независимости от Англии раскроет двери для американской экономической экспансии.

Этот период отмечен усилением военно-политического нажима Вашингтона на страны ЮВА. 12 января 1950 г. государственный секретарь Ачесон заявил, что в американской политике в Юго-Восточной Азии военные средства должны играть возрастающую роль.

Дальнейшим толчком для усиления американской военно-политической экспансии в странах ЮВА послужила война в Корее. Уже 25 июля 1950 г. президент Г. Трумэн объявил, что американские войска на Филиппинах будут усилены, а военная помощь им расширена¹⁵. В июле 1950 г. военная миссия США посетила Филиппины, Индонезию, Малайю, Бирму и Таиланд с целью подготовки к отправке в эти страны групп американских военных советников и поставки туда оружия¹⁶. Используя корейскую войну и обострение обстановки в Индокитае, США все глубже внедрялись в страны ЮВА. В 1952 г., отмечая возросшее значение ЮВА для США, американский специалист по странам Азии К. Латуретт писал: «В степени, немыслимой несколько лет тому назад для большинства американцев, они и их правительство оказались вовлечены в дела Индокитая, Малайи, Индонезии, Сиамы (так тогда назывался Таиланд.— Авт.) и Бирмы»¹⁷.

¹⁵ Taylor G. E. The Philippines and the United States. N. Y.: Praeger Publishers, 1964, p. 9.

¹⁶ Finkelstein L. S. American Policy in Southeast Asia. N. Y.: American Institute for Pacific Relations, 1950, p. 45.

¹⁷ Latourett K. S. The American Record in the Far East, 1945—1951. N. Y.: Macmillan Co., 1952, p. 1.

Правительство Д. Эйзенхауэра, пришедшее к власти в США в 1953 г., продолжало политику Трумэна в отношении колониальной войны в Индокитае. К 1954 г. общий объем американской военной помощи Франции для ведения военных действий достиг почти 1,1 млрд. долл., что составило 78% расходов на войну в Индокитае¹⁸. В мае 1953 г. США предоставили в распоряжение Франции шесть транспортных самолетов с американскими экипажами для переброски военных материалов проимпериалистическим силам в Лаосе¹⁹. Несмотря, однако, на значительную экономическую и военную помощь США, колонизаторы не смогли добиться победы над патриотическими силами. Ослабленная затяжной колониальной войной, Франция была вынуждена пойти на поиски политического урегулирования индокитайской проблемы.

В феврале 1954 г. на совещании министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции в Берлине Советский Союз выступил с инициативой созыва совещания для мирного урегулирования конфликта в Индокитае. Правительство США высказалось против организации подобной международной конференции. Когда же вопреки сопротивлению США решение о созыве конференции в Женеве было принято, то Совет национальной безопасности США рекомендовал президенту не принимать участия в этом совещании без заверений со стороны Франции о том, что она не собирается использовать переговоры «для сдачи Индокитай». Еще раньше, в октябре 1953 г., Совет национальной безопасности принял документ, в котором Индокитай рассматривался как район «стратегически важный» для США и указывалось на целесообразность применения там американского ядерного оружия²⁰.

В сложившейся обстановке США предприняли усилия с целью организации объединенной акции США и их западных союзников во Вьетнаме. Однако попытки правительства США вовлечь в военный конфликт другие страны не увенчались успехом.

Несмотря на противодействие американской дипломатии, работа конференции в Женеве по Индокитаю завершилась в июле 1954 г. выработкой соглашения об установлении мира в Индокитае. Этим соглашением предусматривалось предоставление независимости народам Вьетнама, Лаоса и Камбоджи и их нейтралитет. На территории этих стран запрещалось размещение иностранных войск и создание военных баз. Запрещался и ввоз в эти страны оружия. Во Вьетнаме предусматривалось установление временной демаркационной линии южнее 17-й параллели и проведение не позднее июля 1956 г. всеобщих свободных выборов с целью мирного объединения страны.

¹⁸ U. S.— Vietnam Relations..., Book I, II. A. 2., p. A — 36.

¹⁹ Ibid., p. A — 50.

²⁰ Ibid., II.B.1. U. S. Involvement in the Franco Vietminh War, 1950—1954, p. B — 5.

Результаты Женевской конференции явились большой победой дипломатии социалистических стран. Статьи ее заключительной декларации представляли собой удар по планам нанести поражение национально-освободительному движению в Индокитае силами колониальных войск. Создались условия, способствовавшие полному освобождению стран Индокитая — Вьетнама, Лаоса, Камбоджи — от империалистических пут. Однако в Совете национальной безопасности США эти результаты были расценены как «поражение западной дипломатии и потенциальная катастрофа для интересов безопасности США на Дальнем Востоке»²¹. Американское правительство отказалось присоединиться к соглашениям и поставило цель сорвать их.

Еще накануне Женевской конференции и в ходе ее работы США форсировали усилия по созданию регионального военного пакта в Юго-Восточной Азии. Эти усилия привели к заключению 8 сентября 1954 г. в Маниле пакта, предусматривавшего создание военной организации, получившей название Организации договора Юго-Восточной Азии — СЕАТО. В СЕАТО вошли США, Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия и только три азиатских государства: Пакистан, Таиланд и Филиппины. Тогда же был подписан протокол, распространивший действие СЕАТО на страны Индокитая, что явилось прямым нарушением Женевских соглашений. Вице-адмирал А. Дэвис, в то время заместитель помощника министра обороны и главный представитель Пентагона в американской делегации, участвовавшей в подготовке Манильского пакта, отмечал, что «договор, который возник в Маниле, в действительности является ответом на Женевские соглашения»²².

С созданием блока СЕАТО закончился «подготовительный» период, предшествовавший более активному и открытому вмешательству в дела Индокитая Соединенных Штатов, убедившихся в неспособности старых колонизаторов сдерживать размах освободительного движения в Юго-Восточной Азии. Начиная со второй половины 1954 г. США приступили к созданию «сильного» Южного Вьетнама с тем, чтобы руками своих южновьетнамских марионеток нанести поражение ДРВ и установить свой контроль над всем Индокитаем. В ноябре 1954 г. Вашингтон направил в Южный Вьетнам первую группу из 500 американских военных советников под командованием генерала Коллинза. Южный Вьетнам в нарушение Женевских соглашений в октябре 1955 г. был провозглашен республикой, а американский ставленник Нго Динь Дьем — ее президентом. США приступили к созданию вооруженных сил сайгонского режима, для чего на юг Вьетнама были направлены новые американские военные советники. США сорвали свободные выборы во Вьетнаме, так

²¹ Ibid., III.D.2. The Geneva Accords, p. D — 14, D — 15.

²² Ibid., IV.A.1. NATO and SEATO: A Comparison, p. A — 13.

как, по убеждению американского руководства, они привели бы к победе в стране коммунистов²³.

Во второй половине 50-х годов США предпринимали усилия с целью разгрома патриотических сил Лаоса и превращения этой страны в плацдарм агрессии против ДРВ. Аналогичные цели США преследовали и в Камбодже. Политика насаждения в странах Индокитая реакционных режимов отвечала, по мнению руководства США, задачам окружения ДРВ и укрепления американских позиций в Индокитае. В 1956—1960 гг. объем американской помощи южно-вьетнамскому режиму составил свыше 2 млрд. долл., причем 80% всех средств расходовалось на военные цели²⁴. Однако, несмотря на эту помощь и деятельность во Вьетнаме американских секретных служб и военных представителей, создать в Южном Вьетнаме жизнеспособный режим не удалось. В январе 1960 г. там началось массовое вооруженное восстание патриотических сил, а 1 декабря того же года был создан Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ), возглавивший борьбу народных масс против марионеточного режима и его американских покровителей.

В те же годы США предприняли агрессивные военно-политические действия и в других странах ЮВА с целью «обеспечить тыл» американской интервенции в Индокитае. Особенно широкий размах приняло американское военное вмешательство в дела Индонезийской Республики. В 1957—1958 гг. индонезийские сепаратисты при прямой поддержке американских спецслужб подняли антиправительственное восстание на о-ве Суматра. В то время как США снабжали мятежников разнообразным оружием, включая бомбардировщики и истребители, они отказывали индонезийскому правительству в продаже оружия. Американские военнослужащие «добровольно» участвовали в боях против вооруженных сил Индонезии. В феврале 1958 г. госсекретарь США Дж. Даллес поддержал самозванное «правительство» мятежников²⁵.

США проводили враждебную Индонезии политику и в вопросе с воссоединении с Индонезией Западного Ириана. В ООН они поддерживали Голландию, стремившуюся сохранить под своим господством эту индонезийскую территорию. Но, несмотря на американское вмешательство, Индонезия сумела ликвидировать уже к лету 1958 г. восстание сепаратистов и успешно наращивала борьбу за освобождение Западного Ириана.

Вторая половина 50-х годов ознаменовалась усилиями США, направленными на закрепление Филиппин в качестве важнейшего американского военно-политического плацдарма в Юго-Восточной Азии.

²³ См.: *Eisenhower D.* The White House Years. Mandate for Change, 1953—1956. N. Y.: Doubleday, 1963, p. 372.

²⁴ U. S.—Vietnam Relations... Book 2, IV.A.4, Evolution of the War. U. S. Training of the Vietnamese National Army 1954—1959, p. 1.1.

²⁵ *Clubb O. E.* The United States and the Sino—Soviet Bloc in Southeast Asia. Wash.: The Brookings Inst., 1962, p. 89.

В 1956—1957 гг. происходили американско-филиппинские переговоры о статусе американских военных баз, что было связано с нарастанием антиамериканских настроений на Филиппинах. В 1959 г. между американским послом на Филиппинах Ч. Боленом и министром иностранных дел Филиппин Серрано было достигнуто предварительное соглашение о некоторых новых условиях пользования США военными базами на Филиппинах. Это соглашение предусматривало сокращение сроков американской аренды филиппинских военных баз, США приняли обязательство консультироваться с Филиппинами относительно размещения на базах ракетного и ядерного оружия и передвижения американских войск с баз в другие районы Филиппин либо для целей, не предусмотренных договором о взаимной обороне от 1951 г. и договором СЕАТО. Однако введение в силу этого соглашения было отсрочено, поскольку США связали его с решением вопроса о юрисдикции Филиппин на базах и вне баз применительно к американским военнослужащим и филиппинцам в пределах баз²⁶.

США предприняли настойчивые усилия для того, чтобы превратить Таиланд во второй наряду с Филиппинами важнейший американский военно-стратегический плацдарм в Юго-Восточной Азии. В 1958 г. военная и связанная с ней американская экономическая помощь Таиланду достигла 45,7 млн. долл.²⁷ В этот период США начали в Таиланде усиленное военное строительство, включая военно-воздушные базы, сеть военно-транспортных коммуникаций. Таиланд был превращен в основную организационную штаб-квартиру СЕАТО.

Попытки «преподнести урок» национально-освободительному движению

Правительство президента Дж. Кеннеди, пришедшее к власти в Вашингтоне в 1961 г., унаследовало от предшествовавшей администрации остроконфликтную ситуацию в Индокитае. Помимо хронической нестабильности режима в Сайгоне, оно столкнулось с обострением военно-политического кризиса в Лаосе, где развязанная по инициативе Д. Эйзенхауэра гражданская война с целью разгрома патриотических сил принимала все более неблагоприятный для США оборот. Весной 1961 г. американское правительство приняло решение увеличить военную и финансовую помощь группировке правых сил в Лаосе.

В результате тщательного взвешивания всех вариантов американской политики в Лаосе Дж. Кеннеди отступил от курса, проводившегося с 1954 г., и выступил в пользу создания «нейтрального

²⁶ Green F. U.S. Policy and the Security of Asia. N. Y.: McGraw-Hill, 1968, p. 151, 152, 99.

²⁷ Montgomery J. D. The Politics of Foreign Aid. American Experience in South-east Asia. N. Y.: Praeger Publishers, 1962, p. 283.

и независимого» Лаоса²⁸, выразив согласие с инициативой сопредседателей Женевского совещания 1954 г. (министров иностранных дел СССР и Англии), которые предложили прекратить в Лаосе боевые действия и урегулировать конфликт путем созыва новой Женевской конференции. Конференция в Женеве по Лаосу, состоявшаяся в 1961—1962 гг., приняла важные решения по нейтрализации и укреплению внутреннего положения в Лаосе.

Сдержанная позиция администрации Дж. Кеннеди в отношении лаосского кризиса, однако, призвана была не только продемонстрировать более трезвый подход США к международным проблемам, но и позволить им сконцентрировать усилия на борьбе против освободительного движения во Вьетнаме. В конце 1961 г. в ответ на просьбу о помощи со стороны Нго Динь Дьема президент Дж. Кеннеди уведомил сайгонского диктатора об усилении помощи Сайгону со стороны США²⁹. В соответствии с этим решением в Южный Вьетнам были посланы первые подразделения американских сухопутных войск, которые в качестве советников и инструкторов были приданы южновьетнамской армии. Так начался период «особой войны» против патриотических сил Вьетнама. Однако, несмотря на помощь режиму Нго Динь Дьема со стороны США, усилия по консолидации проамериканского режима в Южном Вьетнаме оказались тщетными. Программы «умиротворения» не только не принесли ожидаемых результатов, но и вызвали серьезное сопротивление со стороны населения Южного Вьетнама. В 1963 г. выяснилось, что вооруженная борьба против марионеточного режима охватила широкие слои южновьетнамского населения.

Присутствие Нго Динь Дьема стало мешать планам администрации Кеннеди «стабилизировать» обстановку в Южном Вьетнаме и создать ситуацию, при которой сайгонский режим, опираясь на американскую экономическую и военную помощь, мог бы быть непосредственным орудием борьбы против национально-освободительного движения не только во Вьетнаме, но и во всем Индокитае. Попытки администрации Дж. Кеннеди более гибких методов подавления национально-освободительного движения в Южном Вьетнаме отвечали и общему направлению ее политики в развивающихся странах, характеризовавшемуся широким применением социально-политических средств борьбы против революционных перемен. Поэтому, с точки зрения администрации Дж. Кеннеди, режим Нго Динь Дьема, опиравшийся лишь на методы насильственного подавления, потерял свою полезность. Незадолго до свержения обанкротившегося диктатора в ноябре 1963 г. президент Дж. Кеннеди заявил: «Мы можем помочь им, мы можем предоставить им вооруже-

²⁸ New York Times, 1961, Mar. 29.

²⁹ President Kennedy Letter to President Diem, December 14, 1961.— Department of State Bulletin, 1962, Jan. 1, p. 13.

ние, мы можем послать своих людей в качестве советников, но они сами должны выиграть войну»³⁰.

В годы правления администрации Дж. Кеннеди произошли некоторые тактические перемены в американской политике и в отношении других стран ЮВА. Пытаясь улучшить взаимоотношения с Индонезией, Дж. Кеннеди предложил 1 апреля 1961 г. оказать ей экономическую помощь для осуществления восьмилетнего плана развития и встретился с президентом Индонезии Сукарно. Некоторые тактические изменения проявились и в американской политике в вопросе о судьбе Западного Ириана. В марте 1962 г. американский посредник в индонезийско-голландском споре о принадлежности Западного Ириана Э. Банкер выдвинул предложение по его урегулированию, которое было известной уступкой индонезийской стороне.

Позиция США во время индонезийско-малайзийского конфликта, разгоревшегося в 1962—1964 гг. в связи с созданием Малайзии, привела к новому охлаждению в американо-индонезийских отношениях. 14 февраля 1963 г. президент Дж. Кеннеди поддержал образование Федерации Малайзия. Тем не менее США не прекратили оказания и Индонезии экономической помощи, хотя военные поставки были приостановлены. Поддержка администрацией Дж. Кеннеди Малайзии привела к охлаждению в американо-филиппинских отношениях. В филиппино-малайзийском споре о принадлежности Сабаха (находящейся на севере о-ва Калимантан малайзийской территории, на которую выдвигали притязания и Филиппины) США заняли позицию в общем благоприятную для Малайзии. Используя индонезийско-малайзийский конфликт и филиппино-малайзийские противоречия, США попытались усилить свое влияние на всех участников конфликта. С этой целью они покровительствовали созданию летом 1963 г. организации Мафилиндо (Малайзия, Филиппины, Индонезия), которая, однако, вскоре распалась из-за продолжавшихся противоречий.

В Таиланде администрация Дж. Кеннеди, продолжая курс своих предшественников, предприняла в 1961—1962 гг. дальнейшие меры по превращению этой страны в военно-стратегический плацдарм США в ЮВА, нацеленный прежде всего на Индокитай. Американцы в эти годы развернули в стране строительство крупнейших военно-воздушных баз, военно-морской базы Саттахип, сети военно-транспортной инфраструктуры. Одновременно с этим США стремились закрепить и военно-договорные связи с Таиландом. 6 марта 1962 г. Дин Раск, государственный секретарь в администрации Дж. Кеннеди, и министр иностранных дел Таиланда Танат Коман опубликовали совместное заявление, в котором отмечалось, что американская сторона выразила твердое намерение «помогать Таиланду, своему

³⁰ *Schlesinger A. M. A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House. Boston: Riverside Press, 1965. p. 992.*

союзнику и историческому другу, бороться против коммунистической агрессии и подрывных действий... Государственный секретарь подтвердил, что это обязательство США не зависит от предварительного согласия всех других участников договора (СЕАТО), поскольку договорные обязательства являются и индивидуальными и коллективными»³¹. Весной 1962 г. с целью оказания вооруженной поддержки правым кругам Лаоса США направили в Таиланд, в пограничные с Лаосом районы, тысячи американских солдат, а также крупные силы американской авиации.

С приходом к власти в США Л. Джонсона в американском руководстве возобладала тенденция к более жесткому политическому курсу в Индокитае. Президент Л. Джонсон и окружавшие его сотрудники намеренно вели дело к развязыванию «локальной войны», в которой США могли бы продемонстрировать всему миру — как социалистическим, так и развивающимся странам — способность нанести военное поражение национально-освободительному движению, опирающемуся на поддержку социалистических стран. В начале 1964 г. Пентагоном был разработан план, предусматривавший активизацию американских действий в Индокитае. В апреле 1964 г. усилиями США был организован военный переворот в Лаосе, а в мае того же года американская авиация приступила к бомбардировкам освобожденных районов этой страны. В августе 1964 г. администрация Л. Джонсона начала воздушную войну против ДРВ. Для осуществления этого решения правительство США инсценировало нападение на американские военные корабли в Тонкинском заливе и добилось принятия конгрессом «тонкинской резолюции», которая предоставляла президенту право ведения боевых действий в ЮВА.

1964 год стал своеобразным рубежом в эволюции азиатской политики США. Если ранее у вашингтонских политиков еще были сомнения в приоритете того или иного направления политики США в этом регионе, то принятие «тонкинской резолюции» означало окончательное решение активно вмешаться в дела Индокитая и начать эскалацию военных действий с использованием американских войск.

Подход, принятый за основу политики США в отношении ДРВ в 60-х годах, привел к эскалации, в ходе которой США быстро достигли потолка в использовании обычных вооружений (стратегические бомбардировщики Б-52, дальнобойная артиллерия). Однако, несмотря на применение этой военной мощи, США не смогли сломить сопротивление вьетнамского народа, ибо не учитывали такие важные факторы морально-политического порядка, как патриотизм и великую цель освобождения родины, во имя которой сражались против интервентов патриоты Вьетнама.

В марте 1965 г. в районе Дананга высадилась бригада морской пехоты США. Хотя к этому времени в Южном Вьетнаме находилось

³¹ *Wit D. Thailand Another Vietnam?* N. Y.: Scribner, 1968, p. 11.

уже свыше 25 тыс. американских военных советников, высадка этой бригады в Дананге явилась первым официальным вовлечением вооруженных сил США в боевые действия в Южном Вьетнаме, а вскоре, встав на путь открытой военной эскалации, США взяли на себя главную роль в вооруженной борьбе с национально-освободительным движением во Вьетнаме. Численность американских войск в Южном Вьетнаме в конце 1965 г. составила 184 тыс. человек, в конце 1966 г. — около 400 тыс. человек, в конце 1967 г. — около 500 тыс. человек. В войну во Вьетнаме были вовлечены 35 тыс. летчиков и моряков 7-го флота США, 48 тыс. американских летчиков и других военнослужащих на базах США в Таиланде и в других районах Юго-Восточной Азии, а также 237 тыс. военнослужащих из тыловых служб³². Для того чтобы продемонстрировать «единство» американских союзников, правительство Л. Джонсона добилось отправки контингентов вооруженных сил Южной Кореи, Австралии, Новой Зеландии, Таиланда и Филиппин в Южный Вьетнам.

Однако эскалация американской войны против народа Вьетнама, опиравшегося в своей борьбе за свободу и независимость на помощь со стороны Советского Союза и других социалистических стран, не приблизила достижение военных целей интервентов. «Воплощая в жизнь интернационалистскую помощь Демократической Республике Вьетнам в борьбе против агрессии, СССР заключил с ней ряд соглашений о кредитах и товарообороте, о поставках продовольствия, нефтепродуктов, удобрений, оборудования, вооружения, боеприпасов и других материалов, необходимых для укрепления ее обороноспособности и развития экономики. Поставки СССР и других стран социализма обеспечили ДРВ необходимые материальные возможности для успешной борьбы против агрессии»³³.

Затянувшаяся авантюра США во Вьетнаме все более явно деформировала глобальную стратегию США. Вопреки расчетам Вашингтона поднять с помощью «демонстрации силы» во Вьетнаме международный престиж США и укрепить позиции Америки в капиталистическом мире эффект от американской политики в Индокитае оказался обратным. Агрессивная война во Вьетнаме осложнила советско-американские отношения, вызвала рост противоречий с европейскими союзниками по НАТО, способствовала усилению напряженности в отношениях между США и азиатскими странами. Развитие событий во Вьетнаме в годы правления Л. Джонсона продемонстрировало глубину просчетов администрации относительно использования в современных международных отношениях военной силы США для достижения политических целей американского правящего класса. Обострение экономических проблем США, усугублен-

³² Милеев Ю. А. Американцы в Индокитае: Критика противоправной доктрины и политики США. М.: Междунар. отношения, 1972, с. 133—135.

³³ Дипломатия социализма / Предисл. Громыко А. А. М.: Междунар. отношения, 1973, с. 218.

ных оттоком средств на ведение войны во Вьетнаме, также диктовало американскому руководству необходимость переосмысления опыта индокитайской политики, поисков новых направлений политики США, которые соответствовали бы их реальным возможностям в современном мире. К этому же подталкивало американские правящие круги и развернувшееся в стране широкое антивоенное движение.

1968 год явился переломным для восприятия американским руководством общей ситуации во Вьетнаме и в оценке возможностей США влиять на развитие событий в этом субрегионе. В январе-феврале 1968 г., в период вьетнамского лунного нового года «Тет», началось широкое наступление народных вооруженных сил освобождения Южного Вьетнама, которое позволило патриотическим силам прочно захватить инициативу в боевых действиях и нанести ощутимые потери американским и сайгонским войскам. Именно этот удар, хотя он и не принес решающей победы, потряс до основания стратегию и дипломатию Л. Джонсона. 31 марта 1968 г., выступая по телевидению, президент Л. Джонсон объявил о прекращении бомбардировок территории ДРВ к северу от 20-й параллели, выразил готовность начать переговоры об урегулировании конфликта и заявил, что не выставит свою кандидатуру на пост президента на выборах 1968 г. Для президента это было политической катастрофой. Л. Джонсон вынужден был признать крах интервенционистской политики США, которая обернулась для него лично позором и поражением. Он оказался вынужденным начать то самое отступление из Азии, которого столько раз клялся не допустить. В мае 1968 г. в Париже начались предварительные переговоры между США и ДРВ, а в январе 1969 г. началось совещание по Вьетнаму в составе делегаций ДРВ, НФОЮВ, США и сайгонской администрации.

Военное вмешательство США в странах Индокитаа при администрации Л. Джонсона превратилось в основное направление американской внешнеполитической стратегии; в связи с этим в Вашингтоне рассматривали другие страны ЮВА в первую очередь как непосредственный тыл для американских военных усилий в Индокитае. Это привело к изменению тактики США в отношении этих стран. Одновременно с попытками потуже привязать их к американской военной колеснице в Вашингтоне были вынуждены больше считаться с их экономико-политическими нуждами.

В приобритшем в 1963—1965 гг. острые, военные формы индонезийско-малайзийском конфликте США продолжали проводить политику маневрирования. В январе 1964 г. президент Л. Джонсон направил Роберта Кеннеди для встречи с президентом Сукарно с целью выполнения посреднических функций. На состоявшихся в феврале 1964 г. в Вашингтоне переговорах Л. Джонсона и английского премьер-министра Д. Хьюма большое место заняли попытки размежевания сфер влияния США и Англии в ЮВА. Для США было особенно важно заручиться английской поддержкой в обостряв-

шемся индокитайском конфликте. США обещали Англии более последовательную поддержку Малайзии, а Англия, в свою очередь, согласилась признать американское влияние в организации Мафилиндо.

Правый переворот, происшедший в октябре 1965 г. в Индонезии, привел к значительному изменению международно-политической обстановки в этом регионе, на время ослабив давление на американские позиции. В 1966 г. индонезийско-малайзийский конфликт пошел на убыль. С 1966 г. США непрерывно наращивали оказание военной и экономической помощи Индонезии, надеясь превратить ее в свой важный военно-политический плацдарм в Юго-Восточной Азии: в 1967 г. военная помощь составила 2,5 млн. долл., а в 1968 г. — уже 4,7 млн. долл.³⁴ Американская экономическая помощь предоставлялась через созданный в 1966 г. под эгидой США международный консорциум — Межправительственную группу помощи Индонезии.

С каждым годом все большее внимание США привлекала и Федерация Малайзия, созданная в сентябре 1963 г. Выгодное географическое расположение и сырьевые богатства Малайзии были причиной интереса США к этой стране. Отражением этой американской политики было посещение президентом Л. Джонсоном Малайзии в октябре 1966 г. За выходом в августе 1965 г. из Малайзии Сингапура и образованием самостоятельной Республики Сингапур следовали настойчивые попытки США закрепиться и в этом государстве, занимающем важное стратегическое положение в Малаккском проливе, на пути между Тихим и Индийским океанами.

В связи с расширением американской агрессии во Вьетнаме в 1964—1965 гг. США стремились обеспечить себе возможность беспрепятственного использования военных баз на Филиппинах в обстановке нарастающих антиамериканских настроений в стране. Показателем заинтересованности США в закреплении военно-политических связей с Филиппинами в период войны во Вьетнаме было посещение Филиппин в 1966 г. президентом Л. Джонсоном. В 1966 г. США, стремясь сбить антиамериканские настроения на Филиппинах, были вынуждены согласиться на сокращение срока пользования филиппинскими базами до 1991 г. вместо предусмотренного первоначальным соглашением 2046 г.

Большое значение для ведения военных действий в странах Индокитая имело использование и тайландских военных баз. США вложили несколько сотен миллионов долларов в строительство семи военно-воздушных баз в Таиланде. Кроме того, в 1966—1968 гг. они предоставили Таиланду военную помощь на 124 млн. долл.³⁵ США расширяли и формально-юридическую основу для закрепле-

³⁴ U. S. Overseas Loans and Grants. Wash.: Agency for International Development, 1974, p. 73.

³⁵ U. S. Overseas Loans and Grants, p. 86.

ния Таиланда в качестве своего важнейшего военно-стратегического плацдарма в ЮВА. 24 июня 1964 г. США заключили с Таиландом договор об оказании ему военной помощи. В 1965 г. командующий американскими вооруженными силами в Таиланде генерал Р. Стиллвелл и премьер-министр Таиланда Таном Киттикачон подписали соглашение о «чрезвычайных обстоятельствах», планируя методы взаимодействия американских и тайландских вооруженных сил на случай возможного вторжения в соседний Лаос³⁶. Во время посещения Таиланда в 1966 г. президент Л. Джонсон заверил руководителей этой страны в том, что американские обязательства относительно Таиланда поддерживает «американский народ», а не только та или иная партия или та или иная администрация США³⁷.

Ослабление американских позиций в Азии было одной из причин возраставшего интереса США к азиатским региональным организациям, в том числе и к созданной 8 августа 1967 г. Ассоциации стран Юго-Восточной Азии — АСЕАН, в которую вошли Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины и Таиланд.

Курс на «вьетнамизацию» войны

В ходе своей предвыборной кампании Р. Никсон обещал избирателям добиться политического урегулирования во Вьетнаме и «почетного выхода» США из войны. Однако, уступая давлению правых кругов, его администрация взяла курс на затягивание переговоров с Вьетнамом. Г. Киссинджер, назначенный специальным помощником президента по делам национальной безопасности, а позднее — государственным секретарем США, считал, что условием вывода американских войск из Южного Вьетнама должна быть консолидация сайгонского режима в военном, экономическом и политическом плане³⁸.

Идея разделения ответственности, «партнерства» США с сайгонским режимом, в соответствии с которой южновьетнамские войска, опираясь на американскую финансовую помощь и военные поставки, должны были бы обеспечить стабильность режима, легла в основу «доктрины Никсона», провозглашенной в июле 1969 г. Р. Никсоном в выступлении на о-ве Гуам и первоначально известной как «гуамская доктрина». Администрация республиканцев провозгласила, что США выполняют все обязательства, взятые перед своими союзниками, обязалась предоставлять союзникам военную и экономическую помощь, но вооруженные силы для своей обороны должны были выделять сами союзники. В этом и заключалась суть «партнерства», которое, по словам Р. Никсона, «всегда было теоретически жела-

³⁶ Current History, 1969, Dec., p. 339.

³⁷ Asian Survey, 1969, Febr., p. 117.

³⁸ Foreign Affairs, 1969, Jan., p. 211—234.

тельно, а теперь и психологически необходимо»³⁹. В Южном Вьетнаме реализация этого принципа вылилась в политику «вьетнамизации» войны, т. е. всемерной милитаризации сайгонского режима. Учтывая, таким образом, уроки вьетнамской политики Джонсона, а также необходимость усложнить общественное мнение внутри Соединенных Штатов, правительство Р. Никсона в то же время не отказалось от цели сохранить у власти в Южном Вьетнаме проамериканский режим. Крах военной политики США в Южном Вьетнаме имел не только региональный, но и глобальный резонанс. «Доктрина Никсона» отражала стремление американского руководства приспособиться к новой обстановке, сложившейся на рубеже 70-х годов, привести свои возможности в соответствие с реальностями обстановки в ЮВА и в мире в целом.

Сокращение численности американских войск во Вьетнаме не означало отказа Вашингтона от дальнейшего вмешательства во внутренние дела стран Индокитая. Пытаясь укрепить позиции своих ставленников в этом районе, США предприняли новые агрессивные акции. В мае 1970 г. Соединенные Штаты совместно с сайгонскими войсками вторглись на территорию Камбоджи, а в январе-феврале 1971 г. сайгонские войска под командованием американских офицеров вторглись в освобожденные районы Лаоса. Только после того, как военные планы администрации Р. Никсона не оправдались, она была вынуждена обратиться к поискам политического урегулирования.

27 января 1973 г. после длительных переговоров в Париже было подписано соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. Поставив подпись под этим соглашением, США взяли на себя обязательство соблюдать независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность Вьетнама, как они признаны в Женевских соглашениях 1954 г. по Вьетнаму. Стороны-участницы соглашения обязались соблюдать Женевские соглашения 1954 г. по Камбодже и Женевское соглашение 1962 г. по Лаосу. Политическая и юридическая значимость Парижского соглашения была закреплена Актом международной конференции по Вьетнаму.

Подписание Парижского соглашения явилось большой победой вьетнамского народа, всех прогрессивных и миролюбивых сил. Это соглашение закрепляло завоевания патриотических сил на Юге Вьетнама. Будучи вынуждены пойти на заключение Парижского соглашения, США признали банкротство агрессивной политики в Индокитае. Авантюра Соединенных Штатов, продолжавшаяся свыше десяти лет, стоила десятков тысяч жизней американцев, принесла неисчислимые бедствия и разрушения народам стран Индокитая.

Парижское соглашение оказало благотворное воздействие на политическое развитие в Индокитае. 21 февраля 1973 г. было подписа-

³⁹ U. S. Foreign Policy for the 1970's. Building for Peace A Report to the Congress by Richard Nixon, President of the United States. 1971, Febr. 25, p. 343.

но соглашение о восстановлении мира и достижении национального согласия в Лаосе. Соглашение в Париже способствовало закреплению и развитию завоеваний патриотических сил на юге Вьетнама, укреплению районов, освобожденных от власти сайгонской администрации.

Однако сайгонский режим, поощряемый США, повел дело к разжиганию гражданской войны. При этом он опирался на огромную военную помощь со стороны США. Объем американской военной помощи южновьетнамскому режиму в период 1962—1973 гг. превысил 14 млрд. долл., а в 1973 г. конгресс США утвердил новые ассигнования на военную помощь Сайгону в размере 2,27 млрд. долл. В нарушение Парижского соглашения США в 1973—1974 гг. оказали сайгонскому режиму дополнительную военную помощь почти на миллиард долларов⁴⁰.

Новая тактика США в Юго-Восточной Азии

Провал агрессивной политики США в Индокитае явился поводом для серьезного анализа американской политики в Азии, предпринятого правящими кругами Соединенных Штатов. В результате в курсе администрации Р. Никсона относительно стран ЮВА нашли отражение новые тактические повороты.

Еще в ходе поездки Р. Никсона по странам Азии в июле 1969 г. проявилось, как уже отмечалось, стремление Вашингтона навязать странам Юго-Восточной Азии большую военную роль в деле защиты американских интересов, увеличить военные потенциалы стран этого региона одновременно с сокращением непосредственной американской военной вовлеченности. Так, военная помощь Таиланду, составившая в 1968 г. значительную сумму в 59,5 млн. долл., в 1970 г. возросла до 102,5 млн. долл. Продолжала возрастать и американская военная помощь Индонезии. В 1968 г. она составляла 4,7 млн. долл., а в 1971 г. — уже 33,3 млн. долл. Военная помощь США Малайзии увеличилась с 0,2 млн. долл. в 1968 г. до 10,6 млн. долл. в 1972 г.⁴¹ Сокращение своих непосредственных военных обязательств в ЮВА США пытались возместить и усилением связей с региональной организацией АСЕАН, которую они явно хотели бы превратить в военно-политический блок. Однако члены АСЕАН не пошли у них на поводу.

США стремились использовать и вступившее в силу 1 ноября 1971 г. пятистороннее военное соглашение, участниками которого были Малайзия, Сингапур, Англия, Австралия и Новая Зеландия. Это соглашение предусматривало координацию военных усилий его участников. США, связанные военными обязательствами через до-

⁴⁰ Vietnam. A Staff Report Prepared for the Committee on Foreign Relations, United States Senate. Wash.: U. S. GPO, 1974, p. 8, 21, 25.

⁴¹ U. S. Overseas Loans and Grants, p. 73, 76, 80.

говоры СЕАТО и АНЗЮС с Англией, Австралией и Новой Зеландией, пытались в косвенной форме использовать данное соглашение в интересах своей военной стратегии в Юго-Восточной Азии⁴².

Начавшееся сокращение американской военной вовлеченности в континентальных районах ЮВА сопровождалось стремлением США расширить свои военно-политические позиции в островных и полуостровных странах региона — Индонезии, Сингапуре, Филиппинах и Малайзии. Именно в этом плане следует рассматривать то внимание, которое уделял Вашингтон Индонезии. В Пентагоне открыто рассуждали о том, что «модернизированный индонезийский военно-морской флот потенциально сможет контролировать стратегический Малаккский пролив и весь Малайский барьер»⁴³. С таким прицелом США начали финансировать реконструкцию индонезийских портов, в том числе в Сурабае. По-прежнему большое значение Пентагон придавал американским военным базам на Филиппинах. Весной 1974 г. адмирал Гейлер, в то время главнокомандующий вооруженными силами США в районе Тихого океана, заявил: «Наши базы в Японии и на Филиппинах являются основой наших стратегических позиций на Тихом океане»⁴⁴. Именно в эти годы база Субик-Бей приобрела значение крупнейшего опорного пункта для действий американского военно-морского флота не только в Западной части Тихого океана, но и в Индийском океане.

В 1972—1974 гг. в своей военно-политической стратегии США стали отводить растущую роль Малайзии и Сингапуру, которым впервые начали продавать сложную военную технику. В 1974 г. США поставили Малайзии 16 истребителей Ф-5Е и 6 военно-транспортных самолетов С-130⁴⁵. Одновременно Вашингтон предпринял попытки расширить свои военно-политические позиции в Сингапуре, что обусловило продажу последнему в 1974 г. Соединенными Штатами 40 реактивных истребителей А-4 «Скайхок»⁴⁶ и создание некоторыми американскими компаниями, производящими вооружение, своих филиалов в Сингапуре. На состоявшейся в апреле 1973 г. в Вашингтоне встрече Р. Никсона с премьер-министром Сингапура Ли Куан Ю американский президент настойчиво подчеркивал возросшее значение Сингапура для США⁴⁷.

В связи с ослаблением американских позиций в Индокитае и по мере того, как смещался центр тяжести политики Вашингтона в ЮВА, США все больше рассматривали свои военные базы в Таиланде, особенно построенную ими в Сиамском заливе военно-морскую базу Саттахип, в качестве плацдарма для осуществления своей

⁴² Foreign Policy Message from the President of the United States, Febr. 25, 1971. Wash.: U. S. GPO, 1971, p. 78.

⁴³ Far Eastern Economic Review, 1974, May 27, p. 87.

⁴⁴ U. S. News and World Report, 1974, Mar. 25, p. 44.

⁴⁵ Straits Times, 1974, Sept. 10.

⁴⁶ Far Eastern Economic Review, 1974, June 17, p. 5.

⁴⁷ International Herald Tribune, 1973, Apr. 7—8.

новой океанской стратегии. При этом в 1972—1974 гг. Таиланд сохранял большое значение для США и как база для ведения военных операций против стран Индокитая. С этой целью в Таиланде в 1972 г. было сконцентрировано 45 тыс. американских военнослужащих⁴⁸, американская военная помощь Таиланду за два года (1972 и 1973) составила 116 млн. долл.⁴⁹ Приход к власти в Таиланде осенью 1973 г. нового правительства уменьшил возможности США использовать эту страну в качестве опорного пункта Соединенных Штатов, что привело к сокращению численности американских военнослужащих в Таиланде почти вдвое: с 42 тыс. в 1973 г. до 26 тыс. в 1974 г.⁵⁰, а к 1976 г. американское военное присутствие в этой стране по требованию таиландского правительства было практически ликвидировано. Вместе с тем США, используя рычаги экономической и военной помощи, а также раздувая напряженность в Индокитае, стремились восстановить свои военные позиции в Таиланде.

Американская политика в ЮВА после поражения во Вьетнаме

Вооружение сайгонского режима вопреки условиям Парижского соглашения и поощрение его Соединенными Штатами к развязыванию агрессивных действий против Народных вооруженных сил Южного Вьетнама привели в начале 1975 г. к обострению военной обстановки в стране. Однако продажный и репрессивный режим в Сайгоне не мог противостоять патриотам, так как у его солдат не было ни веры, ни воли к победе. Наступление Народных вооруженных сил Южного Вьетнама весной 1975 г., восстание населения в зоне, контролировавшейся Сайгоном, привели к падению проимпериалистического режима на Юге Вьетнама, и 30 апреля власть в Южном Вьетнаме перешла в руки Временного революционного правительства республики.

В ноябре 1975 г. во Вьетнаме состоялась Политическая консультативная конференция по вопросам объединения страны, на которой было принято решение осуществить меры по воссоединению Вьетнама. В апреле 1976 г. в стране были проведены всеобщие выборы в Национальное собрание единого Вьетнама, и в июле 1976 г. была провозглашена Социалистическая Республика Вьетнам. Победа патриотических сил Вьетнама и образование СРВ венчали многолетнюю борьбу вьетнамского народа за независимость, единство и территориальную целостность всей страны и свидетельствовали об окончательном провале планов США в Индокитае.

Окончательный крах проамериканских режимов в Индокитае поставил правящие круги США перед вопросом о дальнейшем курсе

⁴⁸ Statistical Abstract of the United States, 1975. Wash.: U. S. GPO, 1975, p. 325.

⁴⁹ U. S. Overseas Loans and Grants, p. 80.

⁵⁰ Statistical Abstract of the United States, 1975, p. 325.

в Юго-Восточной Азии. В американских политических кругах раздавались призывы пересмотреть политику Вашингтона в сторону признания реальных сдвигов в регионе. Большой интерес к установлению деловых отношений с Вьетнамом проявили некоторые американские предприниматели, в частности представители нефтяных компаний. В то же время политика президента Дж. Форда в отношении Вьетнама в значительной степени отражала уязвленное самолюбие руководства США, которое после победы вьетнамского народа отказалось установить дипломатические отношения с Вьетнамом, наложило эмбарго на торговлю с ним, а также препятствовало приятию Вьетнама в ООН.

Администрация Дж. Картера, пришедшая к власти в 1976 г., явилась первой за четверть века администрацией США, которая не унаследовала войну в Индокитае, что, по выражению самих же американских деятелей, открывало «новую эру» политики США в Азии. Однако вскоре обнаружилась глубокая враждебность политики администрации Дж. Картера по отношению к СРВ и ЛНДР. Важной предпосылкой такой политики явилась традиционная склонность американского правящего класса рассматривать систему отношений в Азии через призму привычных, хотя и устаревших, концепций силового балансирования.

В январе 1978 г. З. Бжезинский, помощник президента США по национальной безопасности, сделал провокационное заявление по поводу вьетнамско-кампучийского конфликта, которое свидетельствовало о заинтересованности США в продолжении пограничного конфликта и тем самым в истощении ресурсов и подрыве позиций СРВ. Антивьетнамский курс Вашингтона усилился после визита в мае 1978 г. З. Бжезинского в Пекин, где помощник президента США по вопросам национальной безопасности поддержал тезис о необходимости противодействия «региональному гегемонизму», под которым имелась в виду борьба против социалистического Вьетнама. После заключения в ноябре 1978 г. Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ Вашингтон прервал переговоры с СРВ и выразил «серьезную озабоченность» по поводу дальнейшего сближения СРВ с Советским Союзом.

Таким образом, политика США в Юго-Восточной Азии в «послевьетнамский период», хотя и имела некоторые особенности в годы правления той или иной администрации, в целом преследовала задачи закрепления позиций США в этом регионе мира. На рубеже 1980-х годов, когда вновь была сделана ставка на использование вооруженных сил США в локальных ситуациях, Вашингтон предпринял новые шаги, направленные на усиление роли американских военных баз и объектов в странах Юго-Восточной Азии как связующего звена в политике наращивания вооруженных сил США на Тихом и Индийском океанах. Соединенные Штаты настойчиво добивались восстановления своего военного присутствия в Таиланде, осуществляли расширение и модернизацию американских военных

баз на Филиппинах. Была усилена линия на установление тесного военно-политического сотрудничества со странами АСЕАН, на милитаризацию этой организации, усиление зависимости стран — ее членов от поставок американского оружия и превращение ассоциации в проимпериалистический военный блок. Действия администраций Дж. Картера и Р. Рейгана в Юго-Восточной Азии явились, таким образом, дальнейшим развитием курса США на сохранение нестабильности в регионе, взятого Вашингтоном после провала усилий подчинить народы Индокитая американскому господству.

Неослабевающая военно-стратегическая заинтересованность США в этом регионе нашла отражение в широкой военной помощи, которую они оказывали странам АСЕАН в 1977—1982 гг., в стремлении закрепить военно-политические связи путем подтверждения старых и навязывания новых соглашений, в сохранявшемся здесь присутствии вооруженных сил США. За период 1975—1980 гг. объем американских поставок оружия странам АСЕАН возрос в 2,5 раза по сравнению с предшествовавшим пятилетием⁵¹.

Милитаристская направленность политики США в Юго-Восточной Азии приобрела особую остроту с приходом к власти в 1981 г. администрации Р. Рейгана. Высокопоставленные представители Пентагона, включая министра обороны К. Уайнбергера, стали постоянными визитерами в странах АСЕАН, не жалея усилий для того, чтобы еще глубже втянуть эти государства в милитаристские планы правящих кругов США. Администрации Дж. Картера и особенно Р. Рейгана вновь попытались превратить Таиланд в острие, направленное теперь против социалистических стран Индокитая. Для этого всячески раздувался так называемый «кампучийский вопрос», делались попытки вернуть к власти в Кампучии кровавую полшотовскую клику. С целью усилить давление на Народную Республику Кампучию и обострить тайландско-кампучийские отношения США направили в Таиланд новые потоки оружия и расширили взаимодействие с тайландскими вооруженными силами. Военные кредиты Таиланду были увеличены с 50 млн. долл. в 1981 г. до 96 млн. долл. в 1983 г.⁵²

Возрастанию военной напряженности в Юго-Восточной Азии способствует и то, что США упорно цепляются за свои военные базы на Филиппинах, которым в планах Пентагона отводится роль важнейшего плацдарма для действий американских вооруженных сил не только на Тихом, но и на Индийском океане вплоть до Персидского залива.

Настойчивые требования широкой филиппинской общественности покончить с американским военным присутствием на Филиппинах вынуждали правящие круги США маневрировать. Однако Вашингтон упорно не шел на серьезные уступки, добиваясь сохранения за

⁵¹ *Far Eastern Economic Review*, 1980, Oct. 24, p. 32.

⁵² *Time*, 1982, Nov. 15, p. 39.

американскими вооруженными силами возможностей пользоваться военными базами на Филиппинах. В результате очередного тура американо-филиппинских переговоров по этому вопросу, имевшего место в 1976—1978 гг., в начале января 1979 г. между США и Филиппинами были согласованы поправки к существовавшему соглашению о базах, по условиям которых США в обмен на незначительные уступки сохранили за собой право по существу беспрепятственного пользования филиппинскими военными базами и в будущем. При этом Вашингтон значительно увеличил военную помощь этой стране. Американские базы на Филиппинах — Субик-Бей и Кларк-Филд — использовались для переброски подразделений морской пехоты США и военного снаряжения с Гавайских островов в район Персидского залива.

Характерно, что если прежде американская военная помощь в значительной степени направлялась на обеспечение так называемых противоповстанческих операций в странах ЮВА, то на рубеже 80-х годов акцент был сделан на продаже странам региона современных систем оружия, в особенности боевых самолетов, а также на строительстве новых военных баз.

Особая роль при этом отводится Сингапуру, который расположен на перекрестке важнейших морских и воздушных путей, располагает современными средствами связи, коммуникаций, аэродромами, способными принимать современные крупные реактивные самолеты. Возрастает роль Сингапура как регионального центра производства, а также обслуживания и ремонта вооружений. Там имеется авиационная промышленность, производящая по американским лицензиям современные боевые самолеты. Гонконгский журнал «Фар истерн экономик ревью» в номере от 24 октября 1980 г. сослался на засекреченный документ ЦРУ, в котором содержался прогноз растущей роли Сингапура как поставщика оружия странам АСЕАН. В документе указывалось, что эта роль, «если достаточно развить ее, может дать Сингапуру определенный рычаг для воздействия на соседние государства, поскольку они станут зависимыми от него в плане снабжения оружием, запасными частями и боеприпасами»⁵³. Тем же целям дальнейшей привязки стран АСЕАН к США, к американской военной технике и инструкторам служит пропагандируемая Вашингтоном «необходимость стандартизации» вооружений АСЕАН.

Однако реализация военных планов США в ЮВА наталкивается на определенные преграды. В кругах АСЕАН отчетливо понимают, что идея превращения ассоциации в военный блок зародилась на Западе и призвана служить империалистическим и гегемонистским интересам. Эта идея идет вразрез с подлинными интересами народов, населяющих Юго-Восточную Азию. Нагнетание напряженности в этом районе мира противоречит выдвинутой Малайзией и поддер-

⁵³ Far Eastern Economic Review, 1980, Oct. 24, p. 37.

жанной другими странами АСЕАН идее о превращении ЮВА в зону мира.

Решение острых, неотложных проблем, стоящих перед народами Юго-Восточной Азии, как и других развивающихся стран, невозможно без поддержания нормальных, добрососедских отношений. Советский Союз, как известно, последовательно выступает за необходимость оздоровления обстановки в ЮВА. XXVI съезд КПСС подчеркнул необходимость устранения очагов военных конфликтов, нередко угрожающих перерасти в большой пожар, за меры по укреплению доверия между государствами. СССР поддерживает политику трех социалистических стран Индокитая — СРВ, ЛНДР и НРК, которые последовательно выступают за развитие дружественных отношений в Юго-Восточной Азии. Стремясь к оздоровлению климата в этом районе мира, Вьетнам, Лаос и Кампучия предприняли ряд конструктивных шагов, направленных на установление отношений доверия и добрососедства со странами — членами АСЕАН. Они, в частности, предложили странам ассоциации подписать двусторонние или многосторонние договоры о дружбе и сотрудничестве, заявили о своей готовности начать переговоры о превращении Юго-Восточной Азии в зону мира. Претворение этих инициатив в жизнь будет способствовать обеспечению безопасности народов данного региона, утверждению мира и стабильности в Азии и за ее пределами.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ

Исход второй мировой войны и последовавшие сдвиги в расстановке сил на международной арене внесли серьезные изменения в политику США по отношению к Китаю. На протяжении всей предшествующей истории «китайская» политика Вашингтона была подчинена интересам колониальной экспансии американского монополистического капитала в тихоокеанской Азии. С окончанием второй мировой войны по мере развития в американском политическом мышлении гегемонистских установок, отражавших претензии правящего класса США на руководящую роль в мире, на первый план выступило глобальное стратегическое значение Китая в противостоянии двух мировых социальных систем. Немалую роль в этом играли и расчеты на то, что американский контроль над гоминьдановским Китаем позволит компенсировать антисоветский потенциал разгромленного японского милитаризма. Правда, в США не было единства по поводу того, каким образом реализовать эту идею. Однако для сторонников концепции баланса сил Китай представлялся идеальным объектом для внешнеполитических комбинаций в связи с его

геополитическими параметрами. К их числу относились большие размеры территории, значительная протяженность континентальных границ с рядом государств Азии, в том числе свыше 7,5 тыс. км с Советским Союзом, демографические преимущества Китая (в 1945 г. численность населения этой страны оценивалась в 450 млн. человек).

Американо-китайские отношения в послевоенный период ставились Вашингтоном в прямую зависимость от социальных характеристик и внешнеполитической ориентации существовавшей в Китае власти. Соответственно этому политика США по отношению к Китаю пережила за это время три основных этапа.

После провала попыток спасти антикоммунистический гоминьдановский режим от поражения в гражданской войне путем дипломатии посредничества и при помощи прямого вмешательства в гражданскую войну (1945—1949 гг.), Вашингтон перешел к политике «сдерживания и изоляции» КНР как одного из «коммунистических государств» (1950—1969 гг.). На третьем этапе, начавшемся на рубеже 70-х годов, по мере углубления китайско-советского конфликта в руководящих кругах США параллельно с укоренившимися антикоммунистическими предрассудками в отношении Народного Китая все большую роль стало играть стремление использовать КНР как фактор, благоприятствующий целям американской глобальной внешнеполитической стратегии. Такова была мотивировка нормализации отношений с КНР, предпринятой президентом Никсоном. В «китайской» политике администраций Картера и Рейгана, отражавших нарастающую консолидацию консервативных сил в США, эта тенденция проявилась в смещении акцентов на попытки навязать правительству КНР военно-политическое сотрудничество. Одновременно сохранилось и даже повысилось влияние идеологических ограничителей американского сближения КНР, характерных для подхода американских консерваторов к «красному» Китаю.

Подобная двойственность объясняется тем, что в контексте конфликта с Советским Союзом Китайская Народная Республика в плане международных отношений стала восприниматься в США как парадоксальное явление, учитывая возникшее противоречие между социалистической природой ее общественно-экономического строя и проводимым внешнеполитическим курсом. Соответственно парадоксальным образом реализуется и американское консервативное внешнеполитическое мышление, выработавшее два противоположных по своему политическому значению подхода к КНР. Сторонники одного из них видят в КНР силу, враждебную интересам США и антикоммунистическим идеалам американского правящего класса. Другой подход основан на иллюзии, что КНР рано или поздно присоединится к «свободному миру» и что американо-китайская коалиция позволит прервать процесс неблагоприятных для империалистического лагеря изменений в соотношении мировых сил и вернуть Соединенным Штатам утраченное превосходство. Возникнув в ходе

дискуссий о природе КПК как политической силы в Китае еще накануне поражения Японии, оба эти подхода существенным образом влияли на формирование политики Вашингтона по отношению к Китаю на протяжении всего послевоенного периода.

Вашингтон и гражданский конфликт в Китае

Еще во время войны гоминьдановский режим в Китае снискал печальную известность неэффективностью, коррупцией, репрессиями против прогрессивных элементов, попытками заключить с Японией сепаратный мир за спиной у союзников¹. После войны гоминьдан продолжал терять популярность и поддержку общественных сил в Китае, а в США подвергался острой критике со стороны либералов.

В то же время американские либеральные критики гоминьдана считали компартию динамичной силой, могущей объединить нацию. Они способствовали распространению на Западе представлений о том, что китайские коммунисты в действительности — «аграрные реформаторы», что влиятельная группа китайских лидеров в противоположность «просоветским догматикам» якобы готова была опереться на США ради национального утверждения страны. В связи с этим, не прекращая поддержки Чан Кайши, Вашингтон все большее внимание начал уделять компартии². Не прошли американские лидеры мимо и того своеобразного двоедвения, которое сложилось тогда в Китае. В разговоре со своим частным консультантом и информатором по китайским проблемам известным американским журналистом Эдгаром Сноу в марте 1945 г. президент Ф. Рузвельт в ответ на вопрос, будет ли помощь КПК направляться через Чан Кайши как главу признанного Соединенными Штатами правительства Китая, сказал: «Я работаю там с двумя правительствами, я намерен продолжать действовать таким образом, пока не смогу их объединить»³.

После капитуляции Японии американская дипломатия оказалась в Китае перед сложной, противоречивой и неясной обстановкой. Хорошо осведомленные о положении в КПК и существовавших в ее руководстве противоречиях по поводу отношений будущего народно-демократического режима с Советским Союзом и Соединенными Штатами, правящие круги США стояли перед выбором политической линии в отношении Китая. Это нашло выражение в борьбе мнений по вопросу о «китайской» политике. Острота этих дискуссий была обусловлена осознанием ключевого положения Китая для американской внешнеполитической стратегии в бассейне Тихого океана после поражения Японии и реальностью перспективы перехода власти в стране в руки компартии.

¹ См.: Чуйков В. И. Миссия в Китае. М.: Наука, 1984, с. 111.

² См.: Сапожников Б. Г. Китай в огне войны, 1931—1950. М.: Наука, 1977, с. 257.

³ См.: Tuchman B. W. Notes from China. N. Y.: Collier Books, 1972, p. 109—110.

На заключительном этапе войны и в первые послевоенные годы в американской политической мысли нашли отражение три основных подхода к послевоенному устройству мира и соответственно три представления об оптимальной политике Вашингтона по отношению к Китаю, каким его воспринимали в то время в США. Будучи в равной мере продиктованы заботой об обеспечении империалистических интересов США, эти три подхода к политическому будущему Китая существенно отличались по своим последствиям для мировой политики.

Первый из них был представлен президентом Ф. Рузвельтом, а после его смерти — сторонниками его курса. Они считали, что «единый, демократический, независимый и сильный» Китай (готовый, разумеется, играть желательную для Вашингтона международную роль) станет одной из стабилизирующих сил в Восточной Азии. В связи с этим одна из основных целей «китайской» политики администрации Рузвельта состояла «в признании и утверждении Китая как великой державы в одном ранге с большой тройкой западных союзников — Россией, Британией и Соединенными Штатами — в ходе и после войны как для подготовки послевоенной организации, так и для обеспечения стабильности и процветания на Востоке»⁴.

Соответственно акцент делался на единстве действий великих держав. Как гласил один из официальных американских меморандумов, «сотрудничество между главными державами Дальнего Востока — Советским Союзом, Британским содружеством, Китаем и нами — является существенным, поскольку *никакие политические отношения, основанные на концепции баланса сил, не могут обеспечить мир*» (курсив наш. — Авт.)⁵. В самом Китае правительство Рузвельта стремилось добиться урегулирования гражданского конфликта путем «демократизации» внутреннего политического процесса, полагая, что гоминьдан и КПК примут в качестве основы для объединения идею (заметим, в равной мере чуждую им) буржуазного парламентарного строя американского типа. В связи с этим наиболее характерной чертой рузвельтовской дипломатии в Китае была готовность США взять на себя посредничество между гоминьданом и КПК, что практически выразилось в соответствующей миссии генерала П. Хэрли (1944 г.) и посредничестве генерала Дж. Маршалла (1945—1947 гг.).

Послевоенная социально-политическая поляризация в международных отношениях, активизация антикоммунизма в общественно-политической жизни США и перегруппировка сил в американском истеблишменте лишила, однако, перспектив эту рузвельтовскую идею. На первый план выдвинулись доктрины, основанные на не-

⁴ Hull C. The Memoirs. N. Y.: Macmillan Co, 1948, vol. 2, p. 1583.

⁵ Important Factors in the Far Eastern Policy of the United States. Department of State. Office of Far Eastern Affairs. Aug. 16, 1944. The United States National Archives, State Decimal File, 1940—1944, Box — unmarked, 740.00119 P. W. / 8—1644.

совместимости интересов США и Советского Союза и исходящие из возможности и необходимости использовать в этом противостоянии китайский фактор, в частности, в духе стереотипов концепции баланса сил.

Уточняя желательную для Соединенных Штатов роль Китая в международных отношениях, ряд представителей американских дипломатических кругов высказывал при этом мнение, что КПК, оказавшись у власти, сделает то, что разлагавшийся гоминьдановский режим не смог бы сделать, — добьется внутренней консолидации страны, но сохранит при этом ее антисоветскую ориентацию на международной арене. В отличие от установок Рузвельта на сотрудничество сторонники баланса сил исходили из предопределенности противоборства между великими державами. Для них китайско-советский конфликт, какое бы правительство ни находилось в Китае у власти, представлялся неизбежным и полезным с точки зрения долгосрочных интересов США.

В определенных кругах США возникло представление, что, готовясь взять власть в Китае, некоторые лидеры КПК проявляли интерес к американской идее превращения Китая в «фактор равновесия» на Дальнем Востоке. Американские дипломаты пришли к этому выводу в ходе переговоров, которые они вели с руководством КПК в Яньани (1944—1945 гг.) и во время посредничества Маршалла (1946 г.).

«Либералы-реалисты», как можно было бы назвать эту группу, полагали, что гражданская война привела бы к победе коммунистов и созданию в Китае антиамериканского режима. Избежать подобной перспективы они считали возможным, поддержав предложение КПК о создании коалиционного правительства. При этом некоторые из них молчаливо подразумевали, что коммунисты заняли бы в коалиционном правительстве доминирующее положение. Последнее предположение разделял, в частности, генерал Дж. Маршалл, который имел уникальную возможность ознакомиться с положением в Китае в то время. В одном из выступлений в октябре 1949 г. он утверждал, что если бы коммунистам удалось поставить свое соперничество с гоминьданом в плоскость политической борьбы, то при определенных условиях им было бы легко добиться господствующего положения в правительстве⁶.

Сторонники этой точки зрения не смогли решающим образом повлиять на курс Вашингтона в отношении Китая, хотя вплоть до 1950 г. администрация Трумэна не отказывалась от надежд установить «рабочие отношения» с лидерами КПК на условиях признания последними американских империалистических интересов в Китае.

⁶ Transcript of Round Table Discussion on American Policy toward China Held in the Department of State. Oct., 6, 7 and 8, 1949. Wash.: Department of State, 1949, p. 408—409.

Столкнувшись с фактами прямых попыток США способствовать Чан Кайши в достижении военного перевеса и расставшись с иллюзиями о возможности честного американского посредничества в переговорах с гоминьданом о политическом урегулировании гражданского конфликта, руководство КПК с середины 1947 г. перешло в стратегическое наступление на армии Чан Кайши. Военно-политическое поражение гоминьдановской реакции означало провал попыток Вашингтона путем прямой интервенции спасти режим Чан Кайши и сохранить Китай в орбите внешнеполитической стратегии американского империализма.

По мере того как перспектива установления в Китае новой власти обретала отчетливое и конкретное содержание, значительно опережая делавшиеся в то время американские прогнозы, в правящих кругах США возникло стремление предупредить сближение будущего китайского правительства с Советским Союзом и другими социалистическими странами. С точки зрения глобальной политики Соединенных Штатов, которые уже повели «холодную войну» против лагеря социализма, такой поворот событий означал бы катастрофу.

Лидеры КПК неоднократно разъясняли американцам, что они намерены создать в Китае режим «новой демократии», принципы которой допускали возможность экономического сотрудничества с капиталистическими странами, включая капиталовложения последних в китайскую экономику. Накануне провозглашения народного режима некоторые деятели в руководстве КПК видели свою задачу в том, чтобы воспрепятствовать становлению слишком тесных отношений с СССР. Это привело бы к необходимости занять четкую антиимпериалистическую позицию, которая создала бы существенные трудности для реализации установок на сотрудничество с Соединенными Штатами. Под влиянием таких настроений представители КПК вели дело к тому, чтобы возможно раньше добиться от Соединенных Штатов дипломатического признания народного правительства. Госдепартамент США, со своей стороны, полагал, что признание нового режима и установление с ним дипломатических отношений было бы в американских интересах. Наряду с конъюнктурными соображениями эта точка зрения определялась также расчетом на то, что таким образом удалось бы воздействовать на внешнеполитический курс будущего китайского правительства в выгодном для США направлении, предотвратить присоединение Китая к социалистическому лагерю. Поэтому, несмотря на антикоммунистическую истерию в США и кампанию в пользу далеко идущей поддержки гоминьдановского режима, развернутую «китайским лобби» (группа влиятельных сторонников Чан Кайши в США), госдепартамент заблаговременно готовился к установлению контактов с властями Народного Китая. 26 января 1949 г., незадолго до начала эвакуации гоминьдановского правительства из Нанкина в Кантон, президент Трумэн одобрил решение госдепартамента об оставлении посоль-

ства США в Нанкине. 10 марта 1949 г., за две недели до освобождения Нанкина войсками НОАК, из посольства США в Китае последовала новая инициатива. На этот раз посол Л. Стюарт просил государственного секретаря санкционировать его переговоры с лидерами КПК по проблемам американо-китайских отношений⁷. В ответной телеграмме от 6 апреля государственный секретарь разрешил послу вести переговоры с лидерами КПК. При этом Л. Стюарту было указано держать его контакты с китайскими коммунистами в строгой тайне и телеграммы по этому вопросу адресовать лично государственному секретарю⁸.

Инициатива Л. Стюарта была, судя по всему, встречена в КПК с пониманием. В самом начале мая 1949 г., почти немедленно после освобождения города, в Нанкине начались американо-китайские переговоры. Придавая большое значение открывшейся возможности прямых контактов с послом США и обсуждения вопроса о будущем китайско-американских отношений, руководство КПК вскоре предприняло попытку повысить уровень переговоров. Л. Стюарту было передано приглашение руководства КПК посетить Пекин⁹ в качестве бывшего президента Яньцзинского университета.

Однако поездка Л. Стюарта в Пекин по приглашению Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая представлялась администрации мерой, слишком уязвимой для критики со стороны нараставшей в США консервативной антикоммунистической оппозиции. Под давлением «китайского лобби» президент Трумэн воспрепятствовал прямым контактам американского посла с руководством КПК¹⁰. Госдепартамент распорядился отклонить приглашение китайской стороны и вызвал посла в Вашингтон «для консультаций». 2 августа 1949 г. Стюарт покинул Нанкин, и с тех пор до марта 1979 г. Соединенные Штаты не имели посла в Китае.

Отзыв посла из Нанкина не означал отказа администрации Трумэна от попыток подготовить условия для дипломатического признания народно-демократического правительства после его создания. Американская дипломатия все еще не исключала отхода некоторых руководителей КПК от социально-классовой солидарности с Советским Союзом и искала возможности содействовать этой тенденции. В связи с этим «китайская» политика Вашингтона в этот период продолжала оставаться выжидательной и противоречивой, учитывая поддержку Вашингтоном гоминьдановского режима, обосновавшегося на Тайване. К тому же вопрос об отношениях с «коммунистическим» режимом Китая превратился в острую проблему американской внутриполитической жизни.

⁷ См.: FRUS, 1949, vol. VIII. Wash.: U. S. GPO, 1978, p. 174. См. также: The United States and Communist China in 1949 and 1950: the Question of Rapprochement and Recognition. A Staff Study Prepared for the United States Senate. Wash.: U. S. GPO, 1973, p. 7.

⁸ FRUS, 1949, vol. VIII, p. 230—231.

⁹ FRUS, 1949, vol. VIII, p. 766—767.

¹⁰ Topping S. Journey Between Two Chinas. N. Y.: Harper and Row, 1972, p. 89.

1 октября 1949 г. в Пекине была провозглашена Китайская Народная Республика. Центральное народное правительство КНР в обнародованной декларации заявило о своем стремлении «установить дипломатические отношения с любым иностранным правительством, которое пожелало бы соблюдать принципы равенства, взаимной выгоды и взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета»¹¹. Министр иностранных дел Чжоу Эньлай официально уведомил Вашингтонскую администрацию через американского генконсула в Пекине Э. Кларба о готовности КНР установить дипломатические отношения с США¹².

Хотя колебания по этому вопросу в Вашингтоне еще продолжались, предложение правительства КНР об установлении дипломатических отношений было отвергнуто. Администрация Трумэна выжидала, когда «осядет пыль», поднятая историческими переменами в Китае, и выяснится характер нового режима, в особенности его внешнеполитическая ориентация. Вместе с тем Вашингтон продолжал свои маневры, имевшие цель воздействовать на внешнеполитические позиции КПК. 5 января 1950 г. президент Трумэн объявил, что «правительство Соединенных Штатов не будет проводить курс, который привел бы к вмешательству в гражданский конфликт в Китае. Правительство Соединенных Штатов не будет также предоставлять военную помощь или советы китайским силам на Формозе»¹³. Одновременно глава госдепартамента в нескольких выступлениях развивал мысль, что Тайвань лежит за пределами первой линии обороны США в западной части Тихого океана и поэтому не имеет для США существенного стратегического значения¹⁴.

Эти новые нюансы в подходе к отношениям с гоминьдановским режимом, появившиеся уже после провозглашения КНР, вызвали резкие возражения со стороны правых кругов, обвинивших Белый дом в «уступках коммунизму». Сенатор Роберт Тафт назвал решение администрации «несовместным» с теми мерами, которые правящие круги США договорились предпринять, чтобы «остановить наступление коммунизма в Европе», а один из представителей «китайского лобби» в конгрессе — сенатор Уильям Ноулэнд заявил, что решение администрации «ускорило распространение коммунизма в Азии»¹⁵. В феврале и марте последовали первые выступления сенатора Дж. Маккарти. Абсурдные утверждения последнего о том, что администрация Трумэна подпала под влияние коммунистов и «потеряла Китай», были подхвачены ультраправыми кругами. На-

¹¹ Образование Китайской Народной Республики: Док. и материалы. М.: Госполитиздат, 1950, с. 66.

¹² Бухаров Б. И. Политика США в отношении Китайской Народной Республики (1949—1953). М.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 12.

¹³ Цит. по: Battistini L. The Sino-American Confrontation: a Look at the Chinese Side.— The Yale Review, 1968, vol. LVIII, N 2, p. 170.

¹⁴ China and U. S. Far East Policy, 1945—1967. Congressional Quarterly Service, Wash.: U. S. GPO, 1967, p. 48.

¹⁵ Ibid., p. 48.

чалась полоса маккартистской реакции, которая включала чистку госдепартамента и репрессии против сторонников установления дипломатических отношений с КНР.

Между тем формирование и укрепление социалистического лагеря способствовали консолидации в Китае тенденций, благоприятных для последовательного развития революционного процесса. В КПК значительно укрепилось влияние интернационалистов, длительное время боровшихся против установок на националистическое обособление китайской компартии в международном коммунистическом движении. В КНР крепло убеждение в возможности и вероятности прямой вооруженной интервенции со стороны США. На это указывали попытки американских правящих кругов создать форпосты антикоммунизма на периферии Китайской Народной Республики — в Южной Корее, на Тайване, в Индокитае и на Филиппинах. В связи с этим антиимпериализм, составлявший наряду с борьбой против феодализма одну из двух основ китайской народной революции, приобрел преимущественно антиамериканскую направленность. Руководство компартии Китая пришло к выводу, что союзнические отношения с Советским Союзом будут служить гарантией безопасности страны в свете угрозы со стороны американского империализма. В конце 1949 г. в Москве начались советско-китайские переговоры, которые завершились подписанием 14 февраля 1950 г. Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР.

Мировая реакция, напуганная победой народной революции в Китае и консолидацией социалистического лагеря, была занята разработкой планов «отбрасывания коммунизма». Для первой попытки испытать прочность содружества социалистических стран был избран его дальневосточный фланг — Корейский полуостров. 25 июня 1950 г. стычки между южнокорейской армией и войсками КНДР переросли в крупный вооруженный конфликт. Началась Корейская война, в которой в дальнейшем приняли участие вооруженные силы США и части китайских народных добровольцев. Их прямое столкновение укрепило позиции американских сторонников создания «санитарного кордона» вокруг КНР как основы внешнеполитического курса США на Дальнем Востоке. В дальнейшем, до конца 60-х годов, Соединенные Штаты проводили политику «сдерживания и изоляции» КНР, а американо-китайские отношения характеризовались острой военно-политической конфронтацией, неоднократно приводившей эти страны на грань войны.

«Сдерживание и изоляция» КНР

С началом Корейской войны вашингтонская администрация осуществила перестройку внешнеполитической стратегии США в тихоокеанской Азии. Смысл ее состоял в распространении на этот регион концепции «сдерживания коммунизма», которая была впервые применена в послевоенной Европе.

27 июня 1950 г. президент Трумэн отдал распоряжение 7-му флоту США «воспрепятствовать любому нападению на Формозу». В нарушение ранее взятых правительством США обязательств и торжественных деклараций о суверенитете Китая над Тайванем он оставил под сомнение статус острова, указав, что будущее «Формозы» будет решено после восстановления безопасности на Тихом океане и мирного урегулирования с Японией или по определению Организации Объединенных Наций.

30 июля в Южной Корее высадились первые американские воинские контингенты, переброшенные с военных баз США в Японии. К середине октября 1950 г. войска интервентов вышли на линию 38-й параллели, отделяющую КНДР от Южной Кореи, и устремились на север, к границам КНР. 25 октября в войну вступили части китайских добровольцев под командованием одного из наиболее опытных генералов КНР Пэн Дэхуая. В дальнейшем до заключения перемирия взаимоотношения между КНР и США были теснейшим образом связаны с Корейской войной и вызванными ею проблемами.

Рассматривая КНР как воюющую сторону, правительство США прервало практически все контакты с этой страной. Односторонние американские санкции включали запрет гражданам США посещать КНР. Правительство США наложило секвестр на китайские активы и имущество в США и запретило перевод денег в КНР. Пересмотрев подход к статусу Тайваня и возложив на вооруженные силы США функции защиты острова и обосновавшегося на нем гоминьдановского режима¹⁶, президент Трумэн превратил американское вмешательство в гражданский конфликт в Китае в перманентный фактор, многие годы составлявший главное препятствие для нормализации американо-китайских отношений. В районе Тайваня возникла в результате этого кризисная ситуация, которая время от времени использовалась Вашингтоном для политических манипуляций в сфере международных отношений.

Тайвань стал рассматриваться в американском стратегическом планировании как важный компонент внешнего периметра американской обороны, опорный пункт системы «сдерживания» КНР. В связи с этим, помимо американского военного присутствия на острове и в Тайваньском проливе и соответствующих гарантий, Соединенные Штаты приняли меры по укреплению режима Чан Кайши, стабилизации политического и социально-экономического положения на острове. С 1945 по 1965 г. американские вложения на Тайване составили 4,76 млрд. долл., из которых более половины

¹⁶ Одновременно с этой враждебной Народному Китаю акцией президент Трумэн призвал гоминьдановский режим на Тайване приостановить все воздушные и морские операции против КНР и вменил в обязанность командованию 7-го флота наблюдать за соблюдением этого условия. В связи с этим подход Трумэна к проблеме Тайваня, сформулированный в его заявлении от 27 июня 1950 г., стал именоваться в западной литературе политикой «нейтрализации» Тайваня.

(2,53 млрд. долл.) пришлось на военную помощь¹⁷. Хотя в подходе американского правительства к тайваньской проблеме и наблюдалась определенная эволюция, в течение всего периода «сдерживания и изоляции» КНР Вашингтон признавал гоминьдановский режим в качестве правительства всего Китая. Правящие круги США исходили из установки, что этот режим должен заменить в свое время народно-демократическое правительство Китая и вернуть страну в антисоветский лагерь.

Наиболее существенные шаги в направлении дальнейшего ужесточения политики США в отношении КНР были сделаны администрацией республиканцев. Курс на «сдерживание и изоляцию» Китая, разработанный в окончательном виде Дж. Даллесом, наиболее полно воплотивший антикоммунистическое содержание послевоенной политики США на Дальнем Востоке, включал четыре элемента:

продолжение вмешательства в гражданский конфликт в Китае; осуществление политической, экономической и культурной изоляции КНР, включая отказ от дипломатического признания, препятствие восстановлению прав в ООН, экономическую блокаду и др.; создание в Восточной и Юго-Восточной Азии системы двусторонних и многосторонних взаимоперекрещивающихся военно-политических союзов, ориентированных против социалистических стран и национально-освободительного движения;

размещение на территории азиатских стран — союзников США комплексов военных баз.

Уже в своем первом послании к стране 2 февраля 1953 г. президент Эйзенхауэр объявил об отказе от политики «нейтрализации» Тайваня. Было заявлено также, что в задачу 7-го флота не входит «защита коммунистического Китая» от гоминьдановских вооруженных сил. Это нельзя было расценить иначе, как прямое подталкивание гоминьдановцев к нападениям на КНР. 2 декабря 1954 г. США и гоминьдановский режим в качестве правительства «Китайской Республики» подписали бессрочный договор о совместной обороне, предусматривавший, что стороны «будут поддерживать и развивать их индивидуальные и коллективные возможности по оказанию сопротивления вооруженному нападению и коммунистической подрывной деятельности, направляемой извне против их территориальной целостности и политической стабильности». В соответствии с договором США получали право держать на острове свои вооруженные силы. Вашингтон брал на себя обязательство оказывать военную помощь, а также содействовать «экономическому прогрессу и социальному благосостоянию» Тайваня¹⁸.

¹⁷ Ibid., p. 106.

¹⁸ Mutual Defense Treaty Between the United States of America and the Republic of China.— In: United States—Soviet Union—China: the Great Power Triangle. Hearings before the Subcommittee on Future Foreign Policy Research and Development of the Committee on International Relations, US House of Representatives 94th Congress, Parts I and II. Wash.: U. S. GPO, 1976, p. 311—313.

В условиях нарастания напряженности в Тайваньском проливе, вызванной диверсионными действиями гоминьдановских сил с прибрежных островов и ответными мерами КНР, войска которой овладели о-вом Ицзяншань, президент Эйзенхауэр 24 января 1955 г. потребовал от конгресса предоставления ему особых полномочий. Этот шаг обосновывался необходимостью обеспечить стратегические позиции США в Восточной Азии.

Конгресс США немедленно удовлетворил требование Эйзенхауэра. Палата представителей 25 января и сенат 28 января 1955 г. одобрили так называемую «формозскую резолюцию», согласно которой президент получал полномочия использовать вооруженные силы США, когда сочтет это необходимым, для обеспечения безопасности «Формозы» и Пескадорских островов, а также «позиций и территорий», находившихся в то время в «дружественных руках»¹⁹. Под этими «позициями и территориями» имелись в виду острова, находящиеся в непосредственной близости от континента, которые использовались гоминьдановскими силами для диверсий и блокады портов КНР. В подкрепление «формозской резолюции» американское командование сосредоточило в Тайваньском проливе главные силы 7-го флота (5 авианосцев, 5 тяжелых крейсеров, 50 эсминцев, подводные лодки) с задачей воспрепятствовать дальнейшим операциям армии КНР по освождению прибрежных островов.

Становясь на этот курс, администрация Эйзенхауэра исходила из предпосылки о социально-политической и идеологической однородности народно-демократической власти КНР и других социалистических стран. В основе внешнеполитической стратегии Вашингтона лежал страх перед соединением экономических и военно-технических возможностей индустриально развитых стран социалистического лагеря с демографическим потенциалом КНР, правительство которой в то время проводило на международной арене конструктивную политику. Восстановление народного хозяйства страны и переход к плановому строительству основ социализма сопровождался дальнейшим расширением сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами, включая внешнеполитическую область. Правительство КНР добивалось делового обсуждения с представителями США существующих проблем и разногласий, повышения уровня официальных контактов и в конечном итоге нормализации китайско-американских межгосударственных отношений на основе принципов мирного сосуществования.

Определенное значение в этом плане имели шаги, предпринятые китайскими представителями на Женевской конференции 1954 г. которые привели к первым двусторонним китайско-американским контактам на уровне послов. Китайская дипломатия, воспользовавшись острой заинтересованностью американской стороны в решении

¹⁹ См.: China and U. S. Foreign Policy. Wash.: Congressional Quarterly, 1971, p. 21—22.

вопроса о репатриации из КНР 30—40 американских граждан, задержанных по разным причинам китайскими властями, выдвинула предложение об обсуждении этого вопроса. Со своей стороны правительство КНР добивалось, чтобы власти США не чинили препятствий китайским студентам, обучавшимся в американских университетах (около 5 тыс. человек), в возвращении на родину.

Вашингтон, учитывая общественные настроения в стране и испытывая дипломатическое давление со стороны союзников и нейтральных стран, пошел на переговоры. Несмотря на определенные уступки со стороны КНР, эти контакты не дали желаемых результатов, тем не менее они послужили важным прецедентом для последующих регулярных китайско-американских встреч на уровне послов.

В начале 1955 г. китайское правительство передало через премьер-министра Бирмы У Ну государственному секретарю Даллесу, находившемуся с визитом в этой стране, пожелание начать прямые переговоры с Вашингтоном об американских гражданах в Китае и по другим проблемам, а также сообщило о готовности принять неофициальную американскую миссию для обсуждения данного вопроса. О заинтересованности Пекина в двусторонних переговорах с США было передано Вашингтону и через некоторые делегации в ООН²⁰. Хотя эта инициатива была отвергнута, китайское правительство вновь вернулось к вопросу о прямых китайско-американских контактах в апреле 1955 г., когда в связи с принятием «формозской резолюции» в Тайваньском проливе создалось особенно напряженное положение. Чжоу Эньлай, возглавлявший делегацию КНР на Бандунгской конференции, выступил с заявлениями о готовности китайского правительства вести переговоры с правительством США. Стремясь создать благоприятные условия для переговоров, правительство КНР освободило из заключения и депортировало в США 15 американских летчиков, осужденных китайским судом по обвинению в шпионаже.

После известных колебаний правительство Соединенных Штатов сняло свои возражения против предложения КНР и отказалось от предварительных условий, делавших переговоры с КНР невозможными, в частности, от своего требования включить представителей тайваньского режима в число участников переговоров и освободить всех американских граждан, задержанных в КНР. Президент Эйзенхауэр одобрил идею американско-китайских встреч как «испытание добрых намерений китайской стороны»²¹ и дал соответствующие директивы госдепартаменту. Это была значительная победа китайской дипломатии, опиравшейся на принципы мирного сосуществования и пользовавшейся поддержкой миролюбивых сил, выступавших за всеобщий мир и разрядку международной напряженности.

²⁰ См.: *Young K. Negotiating with Chinese Communists: the United States Experience, 1953—1967.* N. Y.: McGraw-Hill, 1968, p. 43—44.

²¹ *New York Times*, 1955, Apr. 28.

1 августа 1955 г. в Женеве открылись китайско-американские переговоры на уровне послов. На четырнадцатом заседании 10 сентября того же года переговоры о взаимной репатриации гражданских лиц завершились заключением соответствующего соглашения и подписанием совместного заявления по этому вопросу. Это было единственное соглашение, достигнутое на переговорах, продолжавшихся до начала 70-х годов.

Для вашигтонской администрации женевские переговоры в тот период представляли интерес лишь с внутривластной точки зрения, поскольку решение вопроса о репатриации из КНР большинства американских граждан укрепляло позиции республиканцев в избирательной борьбе. Что касается внешнеполитических аспектов переговоров, то с ними в Вашингтоне связывали определенные опасности. Осторожные попытки администрации Эйзенхауэра подправить «китайскую» политику в духе концепции «двух Китаев» встречали решительное сопротивление не только правительства КНР, но и со стороны Чан Кайши и представителей «китайского лобби» в конгрессе США. В свете этого сопротивление попытки утвердить и оформить статус-кво в Тайваньском проливе представлялись Вашингтону, по крайней мере, преждевременными. Компромисс с КНР по второстепенным вопросам, что могло бы быть истолковано как признание КНР де-факто, был также неприемлем для вашигтонской администрации. Правящие круги США опасались, что это внесет разлад в среду союзников США в Восточной и Юго-Восточной Азии и расшатает антикоммунистическую военно-политическую структуру, которую они с таким трудом пытались создать. В связи с этим на переговорах в Женеве Соединенные Штаты игнорировали предложения КНР и уклонялись от обсуждения конкретных проблем.

12 декабря 1957 г. состоялась последняя, 73-я по счету китайско-американская встреча на уровне послов в Женеве. Позже в нарушение имевшейся договоренности правительство США предложило снизить ранг представителей до первых секретарей посольств. Неподобные протесты китайской стороны по этому поводу и предложения продолжить переговоры на уровне послов оставались без ответа.

Китайско-американские встречи были возобновлены в Варшаве 15 сентября 1958 г. в изменившейся ситуации. 23 августа 1958 г. китайская артиллерия открыла интенсивный огонь по гоминьдановским гарнизонам на островах Большой и Малый Цзиньмэньдао, Таньдао и др. Пекинское руководство в официальных заявлениях объясняло эту акцию необходимостью карательных действий против режима Чан Кайши. Однако в условиях американо-гоминьдановских союзнических отношений, существования «формозской резолюции» и присутствия 7-го флота США в Тайваньском проливе эти действия китайской стороны, связанной с СССР Договором о дружбе, союзе и взаимной помощи, приобретали опасный характер:

они могли подтолкнуть империалистические круги США на военную авантюру в Тайваньском проливе и потребовать ответных действий КНР и Советского Союза. Одновременно с этой акцией средства массовой информации КНР усилили антиамериканскую пропаганду. Что касается внешнеполитических последствий возникшей в Тайваньском проливе ситуации, то она создала предпосылки для возобновления прямых контактов Вашингтона с КНР: в условиях обострения военно-политической конфронтации возникла потребность в механизме выяснения взаимных намерений и предупреждения опасного развития событий. Эта функция составила важнейшую сторону последующих китайско-американских встреч на уровне послов, возобновившихся в Варшаве, хотя именно эта сторона оставалась неизвестной общественности в связи с договоренностью о строгой секретности переговоров и теми жесткими декларациями, которыми стороны неизменно обменивались в ходе встреч.

С 1959 г. инициатива на варшавских переговорах переходит к Соединенным Штатам. С этого времени американские представители неизменно пытались использовать встречи для обсуждения предлагавшихся ими частных мер по улучшению двусторонних отношений, полагая, что в условиях проявившихся в тот период противоречий с Советским Союзом китайское руководство станет уступчивее. Более того, когда весной 1962 г. гоминьдановский режим на Тайване попытался использовать сложившуюся после провала «большого скачка» неблагоприятную политическую и экономическую ситуацию в КНР для очередной провокации, американский представитель на варшавских переговорах в соответствии с инструкцией своего правительства заверил 23 июня 1962 г. своего китайского коллегу, что Соединенные Штаты не поддержат попытки гоминьдановских войск вторгнуться на континент. Соединенные Штаты дали понять на переговорах и в публичном заявлении президента Кеннеди, что они возражают против использования силы в Тайваньском проливе как правительством КНР, так и тайваньской администрацией. Со своей стороны китайское командование отвело с фучзянского фронта дополнительные контингенты, приведенные в движение в начале кризиса²².

Все это привело к тому, что со второй половины 50-х годов в Соединенных Штатах начала расти критика политики «сдерживания и изоляции» КНР. Первыми, кто отметил значение для американской внешней политики проявившихся в то время разногласий КПК с социалистическим лагерем и мировым коммунистическим движением, оказались либеральные круги, которые к этому времени, оправившись от шока, причиненного нападками маккартистской реакции, возвращались на американскую политическую сцену. Эти круги, ассоциировавшиеся, как правило, с демократической партией, призывали считаться с реальностью существования и укрепления КНР

²² См.: Young K. Op. cit., p. 250—252.

и углублением конфликта между китайским руководством и социалистическими странами. К этому времени для многих наблюдателей в США национализм представлялся в перспективе основным атрибутом «китайского коммунизма»²³. Именно на этой почве и возникли раздававшиеся в США предсказания о вероятности отхода КНР от социалистического лагеря.

В 1960 г. мандат избирателей вновь получила демократическая партия, потерявшая президентство за восемь лет до этого отчасти в связи с внешнеполитическими неудачами США на Дальнем Востоке. Во время избирательной кампании кандидат от демократов Дж. Кеннеди избегал касаться китайской проблемы, а оказавшись в Белом доме, неоднократно говорил своим ближайшим сотрудникам, что вынужден отложить вопрос о нормализации отношений с КНР до своего избрания на второй срок²⁴. Однако подготовка к изменению «китайской» политики была начата немедленно. Среди внешнеполитических советников Кеннеди была группа влиятельных лиц, рассчитывавших получить долгосрочный стратегический выигрыш от китайско-советского конфликта. Эксперты по азиатской политике в демократической администрации торопились использовать сложившуюся ситуацию в советско-китайских отношениях в интересах США.

Эта установка, хотя она и исходила от либералов, подогревала воображение наиболее консервативных кругов, поскольку в ней раскрывалась, как они считали, перспектива большой политической игры против СССР. Сторонники такого курса рассчитывали направить известные негативные тенденции, развивавшиеся во внешней политике КНР, исключительно против Советского Союза. Американские средства массовой информации охотно заимствовали антисоветские тезисы китайской внешнеполитической пропаганды, а в научных кругах США разрабатывалась концепция геополитической предопределенности китайско-советского конфликта. Ученые-китаеведы, многие из которых принимали участие в обосновании американско-китайского сближения, скрывали от общественного мнения США тот хорошо известный им факт, что на китайское внешнеполитическое мышление оказывает влияние традиционная доктрина китаецентризма, противопоставляющая Китай остальным странам мира, не исключая и США.

К середине 1963 г. в администрации президента Кеннеди сложилось мнение о необходимости провести эксперимент для проверки возможности перехода к новой «китайской» политике. Было решено поручить кому-либо из высокопоставленных чиновников госдепартамента выступить с публичным заявлением о подходе администрации к отношениям с КНР. Выбор пал на Роджера Хилсмана, одного из наиболее ярких представителей группы Кеннеди, сменившие-

²³ *Thomson J. On the Making of U. S. China Policy 1961—69: A Study in Bureaucratic Politics.*— *The China Quarterly*, 1972, p. 221.

²⁴ См.: *Ibid.*

го к этому времени Аверелла Гарримана на посту заместителя государственного секретаря по делам Дальнего Востока. Цель заявления состояла в том, чтобы дать знать китайской стороне о готовности американского правительства искать новые основы взаимоотношений; проверить внутренний политический климат в США; заменить стереотипы времен «холодной войны» новой фразеологией, благоприятствующей началу процесса «нормализации»²⁵.

Завершению этой инициативы помешало убийство президента и формирование под руководством Линдона Джонсона новой администрации с новыми установками и приоритетами. Когда всего через три недели после смерти Дж. Кеннеди Роджер Хилсмен выступил в Сан-Франциско с призывом проводить реалистичный курс и держать открытыми двери для улучшения отношений с КНР, он представлял фактически точку зрения не администрации, а лишь терявшей свое влияние оппозиционной группы. Вскоре Роджер Хилсмен (как и многие другие «люди Кеннеди»), будучи несогласным с политикой президента Джонсона, ушел в отставку, и этот эпизод в американо-китайских отношениях остался без последствий. Важно, однако, отметить, что за короткое время президентства Кеннеди получили дальнейшую разработку идеи «политического реализма», которые именно в это время начали обретать форму, приемлемую для консерваторов.

Война США в Индокитае, имевшая среди своих основных провозглашенных мотивов «сдерживание Китая»²⁶, отвлекала внимание администрации Джонсона от китайской проблемы. К тому же в состав администрации входили сторонники жесткого курса в отношении КНР. Наиболее влиятельным из них был государственный секретарь Дин Раск, стоявший у истоков «холодной войны» на Дальнем Востоке и пытавшийся сохранить «догматический антикоммунизм» в качестве основы американской тихоокеанской политики. Именно Д. Раск блокировал инициативы по смягчению «китайской» линии Вашингтона, включая даже те, которые поддерживались самим президентом Джонсоном²⁷. По мере эскалации американской агрессии в Индокитае увеличивалось влияние генералитета на внешнюю политику Белого дома. Судя по просочившимся в прессу данным, военщиной выдвигались предложения о демонстрации силы против Китая, включая превентивные удары по атомным установкам КНР²⁸.

Однако вне правительственных кругов, в основном среди университетской интеллигенции, постепенно развертывалась кампания за пересмотр политики Вашингтона по отношению к Китаю. Два обстоятельства способствовали сдвигам в общественно-политических настроениях в пользу американо-китайской нормализации: преодо-

²⁵ Ibid., p. 229—231.

²⁶ The Pentagon Papers. N. Y.: The New York Times Company, 1971.

²⁷ Thomson J. Op. cit., p. 232—243.

²⁸ Washington Post, 1965, July 27.

ление последствий маккартистской реакции, подавлявшей инициативу американской политической мысли в том, что касалось подхода к проблеме отношений с «коммунистическими странами», и подъем леворадикального движения, оказавшего заметное влияние на либеральную интеллигенцию вообще и на формирование новых представлений о Китае в особенности.

С середины 60-х годов все большее внимание перспективам американо-китайских отношений начинают уделять в конгрессе. Показательным в этом смысле было выступление председателя сенатского комитета по международным отношениям сенатора-демократа Дж. Уильяма Фулбрайта 25 марта 1964 г. В речи «Старые мифы и новые реальности» сенатор призвал «включить элемент гибкости» в отношении с Китаем, признать тот факт, что существует лишь один Китай, что «он управляется коммунистами и похоже останется таковым на неопределенное время в будущем»²⁹. На слушаниях о китайско-советском конфликте, проведенных подкомитетом по Дальнему Востоку и Тихому океану комитета по иностранным делам палаты представителей в марте 1965 г., обсуждался вопрос о влиянии этого конфликта на политику США³⁰. В январе-марте 1966 г. тот же подкомитет провел изучение американской политики в Азии.

В сводном докладе по этому вопросу, опубликованном 19 мая, подчеркивалось, что мир в Азии зависит не только от сдерживания «коммунистической агрессии», но и от способности США вовремя установить жизнеспособные отношения с КНР³¹. В течение марта 1966 г. комитет по международным отношениям сената провел слушания по вопросу о политике США в отношении «коммунистического Китая». В выступлениях ряда экспертов, привлеченных для анализа ситуации, содержалась критика сформулированной еще в начале 50-х годов «китайской» политики как не отвечающей международным реалиям. В заявлении одного из наиболее авторитетных американских Китаеведов Д. Барнетта был впервые сформулирован принцип «сдерживания без изоляции», который стал для американской стороны политической основой перехода от конфронтации к попыткам сближения с КНР³².

В условиях подъема в США антивоенного движения, вызванного американской агрессией во Вьетнаме, и перерастания его в общественно-политический кризис дискуссия вокруг политики США в Азии и одной из ее центральных проблем — отношений с КНР — приобрела общенациональные масштабы. Охватив все основные направления американской политической мысли, она положила начало процессу пересмотра представлений о Китае на всех общественно-

²⁹ Цит. по: China and U. S. Foreign Policy, p. 41.

³⁰ См.: *Zablocki C.* Ed. *Sino-Soviet Rivalry: Implications on U. S. Policy.* N. Y.: Praeger Publishers, 1966.

³¹ См.: *China and U. S. Far East Policy...*, p. 188.

³² *U. S. Policy with Respect to Mainland China. Hearings before the Committee on Foreign Relations. U. S. Senate. Wash.: U. S. GPO, 1966.*

политических уровнях. Этот затянувшийся на ряд лет процесс углублялся по мере того, как политика «сдерживания коммунизма» в применении к КНР становилась все более очевидным анахронизмом. Разработку, формулирование и обоснование новой «китайской» политики США взяли на себя либеральные круги.

С другой стороны, по вопросу о политике по отношению к КНР консервативный лагерь распался на две основные группы. Ультра-правое крыло, быстро терявшее сторонников и влияние, настаивало на продолжении политики «сдерживания и изоляции» Китая. Другая группа была представлена теми консервативными силами, которым антиамериканские акценты китайской пропаганды не мешали разглядеть во внешнеполитическом курсе КНР новые возможности для США. Сближение позиций по китайскому вопросу этой группы с позицией либералов привело к концу 70-х годов к реставрации двухпартийной основы «китайской» политики Вашингтона по отношению к КНР.

К числу тех консервативных деятелей, которые достаточно рано сделали политические выводы из оценки тенденций, развивавшихся в подходе правительства КНР к Советскому Союзу, относился Ричард Никсон — в то время кандидат в президенты США от республиканской партии. Еще в 1967 г., когда в КНР была в разгаре «культурная революция», сопровождавшаяся подъемом антиамериканской риторики, а в Соединенных Штатах большинство консерваторов видело в борьбе вьетнамского народа «коммунистическую агрессию», инспирированную Пекином, Р. Никсон выступил на страницах журнала «Форин Аффферс» со статьей «Азия после Вьетнама». Статья сигнализировала о появлении серьезных сдвигов в консервативном мышлении, поскольку в ней содержался тезис об иррациональности в долгосрочном плане международной изоляции КНР. Р. Никсон призывал признать «реальность Китая» и приступить к проведению такой политики, которая содействовала бы возвращению Китая в международное сообщество в качестве «великой и прогрессивной нации, а не эпицентра мировой революции»³³.

Демократическая администрация Джонсона со своей стороны также произвела некоторую переоценку подхода к отношениям с КНР. Под влиянием внешнеполитических соображений (желание предупредить активное вмешательство КНР в войну в Индокитае) и внутренних обстоятельств (давление республиканской оппозиции в условиях избирательной борьбы и общественных движений) за изменение «китайской» политики демократы приняли формулу «сдерживание без изоляции». Это был курс, продиктованный стремлением изолировать КНР от социалистического лагеря и содействовать проамериканским настроениям в Пекине. Он был обусловлен распространенными в США опасениями, что после ухода с политической

³³ Nixon R. Asia after Vietnam.— Foreign Affairs, 1967, Oct., p. 119—123.

арены старшего поколения лидеров КНР на смену им могут прийти сторонники урегулирования китайско-советских разногласий.

Одобрив формулу «сдерживания без изоляции», администрация США в течение короткого периода выступила с рядом предложений о развитии контактов с КНР. Несколько раз высокопоставленные представители администрации (в том числе президент Джонсон) делали заявления общего характера по поводу желательности урегулирования американо-китайских отношений.

Все эти шаги, однако, неизменно сопровождались подтверждениями негативной позиции американского правительства по проблемам, решения которых требовало правительство КНР: отказа от американской поддержки гоминьдановского режима на Тайване, восстановления прав КНР в ООН и др. Уязвимая для обвинений со стороны ультраправых кругов в потворстве «китайскому коммунизму», демократическая администрация не могла открыто пойти на какие-либо приемлемые для китайской стороны уступки. В связи с этим все реверансы администрации Джонсона, которая к тому же вела боевые действия против государства, непосредственно граничащего с КНР, либо игнорировались в Пекине, либо решительно отвергались.

С другой стороны, инициатива правительства КНР была также в значительной мере скована. В Пекине выжидали результатов американской избирательной кампании 1968 г. Там учитывали предвыборные обещания республиканца Никсона по поводу прекращения американской вооруженной интервенции в Индокитае и его намеки на желание нормализовать отношения с КНР. Китайские лидеры исходили из того, что инициаторами и проводниками враждебной Народному Китаю политики были демократы.

Все эти обстоятельства обусловили тот факт, что практическая реализация намерений Вашингтона и Пекина нормализовать взаимоотношения была предпринята лишь после прихода к власти в США республиканцев и завершения в Китае полосы внутривнутриполитических экспериментов, кульминацией которых стала «культурная революция».

КНР во внешнеполитической стратегии Никсона — Киссинджера

Перестройка отношений с КНР составила один из существенных аспектов тех перемен, которые вносились республиканской администрацией во внешнеполитическую стратегию США. В открывшихся на китайском направлении перспективах Р. Никсон с самого начала видел средство воздействия на Советский Союз, чтобы, в частности, добиться содействия в решении наиболее острой в то время проблемы — выхода из вьетнамского тупика³⁴. По мере того как

³⁴ Kissinger H. *White House Years*. Boston: Little, Brown and Co., 1979, p. 164.

правлящей элитой в Вашингтоне оценивались все последствия возпикшей диспропорции между старым курсом и новыми международными реальностями и разрабатывались основы изменений внешнеполитической стратегии, китайский фактор обретал все более широкое и долгосрочное значение. Китай в связи с его геополитическим положением стал рассматриваться как один из существенных элементов глобального баланса сил. Американская дипломатия исходила из представлений, что, даже не вступая в слишком тесные отношения с «коммунистическим» режимом в Китае, Вашингтон будет располагать определенными возможностями для влияния на внешнюю политику КНР в интересах США.

Процесс налаживания отношений с КНР разворачивался на фоне позитивных сдвигов в мировой политике, в условиях разрядки в отношениях между Западом и Востоком, Соединенными Штатами и Советским Союзом. В связи с этим начатое Вашингтоном и Пекином на рубеже 70-х годов сближение, которое обе стороны стали именовать нормализацией, как бы укладывалось в эту генеральную тенденцию международных отношений. На деле, однако, с самого начала американо-китайская нормализация происходила на нездоровой основе, представляя собой антиразрядочную тенденцию, развивавшуюся Вашингтоном в системе отношений на Тихом океане и в Азии параллельно с разрядкой в Европе и между США и Советским Союзом. Такая нормализация, с точки зрения американских инициаторов подобного курса, соответствовала их расчетам на использование КНР против Советского Союза и в более широком плане — против антиимпериалистических сил и тенденций в мировой политике, т. е. против социалистических стран, национально-освободительного движения, коммунистического движения в капиталистических странах.

В связи с этим поиски взаимопонимания с руководством КНР, начатые с приходом к власти Р. Никсона, приобрели особое значение после военных столкновений на границе КНР с Советским Союзом в марте 1969 г.³⁵ Оценив это обстоятельство как демонстрацию устойчивости конфликта КНР с Советским Союзом, администрация Никсона приступила к осуществлению конкретных мер по нормализации американо-китайских отношений на основе планов, которые уже давно разрабатывались в либеральных академических кругах США. Импенс консерватизм и обретенная в годы «холодной войны» прочная антикоммунистическая репутация позволили Р. Никсону воспользоваться идеями политических оппонентов-либералов. Как писал Уильям Сафайр (один из основных сочинителей речей президента), «только твердый антикоммунист вроде Никсона мог открыть путь в Красный Китай, оставаясь политически беззнака-

³⁵ Ibid., p. 171; см. также: The Memoirs of Richard Nixon. N. Y.: Grosset and Dunlop, 1978, p. 281.

занным»³⁶. Его политическая база была на правом фланге, что предохраняло Никсона от упреков в «мягком отношении к коммунизму», подтверждает оценку У. Сафайра Г. Киссинджер³⁷.

Убедив своих единомышленников-консерваторов, в том числе тех, кто стоял значительно правее, чем он сам, в геополитических (антисоветских) преимуществах восстановления отношений с «коммунистическим Китаем», Р. Никсон создал условия для формирования в США нового консенсуса в подходе к отношениям с КНР. Это выразилось в двухпартийной поддержке политики сближения с Пекином, ориентированного против Советского Союза.

Односторонние инициативы администрации Никсона, получившие название тактики «малых шагов», охватили наряду с прочими и некоторые из основных проблем американо-китайских отношений, в частности военный аспект системы «сдерживания», неизменно вызывавший беспокойство в Пекине. Одной из предпосылок «доктрины Никсона» была произведенная в конце 60-х годов переоценка стратегической угрозы со стороны КНР Соединенным Штатам и их союзникам. Изменились представления о военных возможностях КНР создать такую угрозу и о намерениях китайского руководства на этот счет в свете неблагоприятных отношений с Советским Союзом.

Осуществлению мероприятий, проводившихся в соответствии с этой оценкой, администрация Никсона постаралась придать демонстративный характер. В ноябре 1969 г. было прекращено патрулирование Тайваньского пролива силами 7-го флота США, уже давно превратившееся в чисто символическую операцию. 15 декабря того же года Соединенные Штаты объявили о намерении переместить с Окинавы ядерное оружие (что прежде всего было обусловлено предстоящей передачей острова под юрисдикцию Японии и распространением на него конституционного запрета на размещение ядерного оружия). Наконец, уже в 1971 г. (28 июля) американское правительство заявило о прекращении полетов над территорией КНР пилотируемых и беспилотных разведывательных самолетов.

В ответ на требование КНР об отмене торгового эмбарго в 1969 г. были сняты ограничения на импорт в США китайских товаров на избирательной основе, в июле того же года министерством торговли США была впервые выдана лицензия на поставку в КНР итальянских большегрузных автомобилей, оснащенных двигателями американского производства. 14 апреля 1971 г. последовала полная отмена эмбарго.

В области политических отношений позиция Вашингтона характеризовалась готовностью к компромиссу по вопросам восстановления прав КНР в ООН и ее дипломатического признания Соединен-

³⁶ *Safire W. Before the Fall. An Inside View of the Pre-Watergate White House.* N. Y.: Doubleday, 1975, p. 542.

³⁷ *Kissinger H. Op. cit., p. 163.*

ными Штатами. Что же касается Тайваня, то самое большое, на что мог пойти Никсон — это отказ от признания гоминьдановского режима в качестве правительства всего Китая и переход к формуле «двух Китая». В речи на обеде в честь президента Румынии Н. Чаушеску 26 октября 1970 г. и в докладе конгрессу о внешней политике правительства Никсон впервые употребил официальное наименование государства — Китайская Народная Республика, что немедленно было отмечено в Пекине Чжоу Эньлаем. Вместе с тем Вашингтон выразил готовность поддержать возвращение КНР в Организацию Объединенных Наций в качестве постоянного члена Совета Безопасности при условии сохранения представительства Тайваня в Генеральной Ассамблее. Между тем ситуация в ООН не благоприятствовала этой линии американского правительства: возглавленное с каждым годом число государств выступало в Генеральной Ассамблее за замену Тайваня в ООН Китайской Народной Республикой. Более того, победа американской точки зрения в ООН могла бы нанести ущерб развитию американо-китайских отношений и в особенности поставить под сомнение визит американского президента в КНР, объявленный Р. Никсоном в телевизионном выступлении 15 мая 1971 г. 25 октября 1971 г. Генеральная Ассамблея восстановила права КНР, исключив одновременно из ООН Тайвань. За резолюцию проголосовали почти все союзники США по военным пактам и блокам.

Следует отметить, что, хотя в этот первый период нормализации инициатива принадлежала Соединенным Штатам, китайская сторона не оставалась пассивной. Время от времени из Пекина доходили встречные сигналы, однако они, как правило, игнорировались американской дипломатией, издавна культивировавшей снисходительно высокомерный подход к Китаю, что вносило дополнительные трудности в процесс достижения взаимопонимания. Так, в декабре 1969 г. китайское правительство дало понять Соединенным Штатам по разным каналам, в том числе через посредничество президента Пакистана Яхья-хана, о желательности возобновления варшавских переговоров на уровне послов. На первой же встрече стало ясно, что китайская сторона хотела бы активно использовать этот канал для развития китайско-американского диалога.

В Вашингтоне к этому времени уже было четкое представление, что одним из фундаментальных условий успешности такого диалога было намеченное администрацией сокращение американской военной активности на Индокитайском полуострове. Тем не менее вскоре после многообещающего возобновления 20 февраля 1970 г. контактов в Варшаве, Соединенные Штаты организовали вооруженную интервенцию в Камбодже. В результате китайская сторона накануне очередной, 137-й по счету встречи, назначенной на 20 мая, сочла необходимым прервать переговоры. В Пекине в это время назревал политический кризис, который завершился устранением Линь Бяо, Чэнь Бода и ряда других руководителей и высших офицеров. Он-

позиция выступала против линии на сближение с американским империализмом. Мао Цзэдун в беседе с Р. Никсоном в феврале 1972 г. отметил, что проведение очередной встречи в Варшаве весной 1970 г. встречало «бюрократическое сопротивление»³⁸. Так или иначе но переговоры в Варшаве были скомпрометированы и более не возобновлялись. Стороны были вынуждены искать новые каналы для политических контактов.

15 марта 1971 г. госдепартамент предпринял очередной «малый шаг», объявив об отмене правила, согласно которому для граждан США, следовавших в КНР, требовалось особое разрешение. Через несколько дней после отмены этой процедуры американская команда настольного тенниса, участвовавшая вместе с китайской командой в мировом чемпионате в японском городе Нагоя, неожиданно получила приглашение посетить КНР. Одновременно в КНР были приглашены американские журналисты. Этот шаг китайской дипломатии был воспринят в Вашингтоне как свидетельство того, что инициативы Белого дома замечены в Пекине. Он подтвердил убеждение американских лидеров в том, что руководство КНР на деле готовилось осуществить поворот в отношениях с США.

К концу 1970 г. дала первые результаты серия других американских инициатив, имевших в виду довести до сведения китайских руководителей желание Вашингтона установить с ними позитивные отношения на основе признания роли и значения КНР в мировой политике. Для передачи этих идей было использовано посредничество некоторых национальных лидеров, таких, как генерал Ш. де Голль, президент Румынии Н. Чаушеску, президент Пакистана генерал Яхья-хан. Сам Р. Никсон охотно пускался в высокопарные рассуждения о Китае в беседах с лидерами некоторых стран Юго-Восточной Азии во время своей кругосветной поездки в середине 1969 г., неизменно придавая своим разговорам на эту тему антисоветский оттенок³⁹.

Серьезные усилия американская дипломатия прилагала в тот момент к тому, чтобы получить согласие Пекина на визит в КНР американского президента, что представлялось Вашингтону весьма важным по внутривнутриполитическим и геополитическим соображениям как мера, призванная уравновесить предстоящую встречу в верхах в Москве и американо-советскую разрядку в целом. Впервые президент Никсон заявил о своем желании посетить КНР в интервью журналу «Тайм» в октябре 1970 г.⁴⁰ Тогда же, в октябре, Р. Никсон передал китайскому руководству через Яхья Хана недвусмысленную просьбу принять в Пекине секретного эмиссара американского правительства, назвав в числе возможных кандидатур на эту роль Г. Киссинджера.

³⁸ Ibid., p. 692.

³⁹ Ibid., p. 708—714.

⁴⁰ Time, 1970, Oct. 5, p. 12.

8 декабря 1970 г. при пакистанском посредничестве в Вашингтоне было получено ответное послание Чжоу Эньлая с выражением согласия принять в Пекине специального представителя президента «для обсуждения вопроса об освобождении китайской территории, именуемой Тайвань»⁴¹. Почти аналогичное послание было передано и через румынских посредников, роль которых на этом была завершена. В последовавшие месяцы стороны, активно эксплуатируя «пакистанский канал», подготовили секретную поездку Г. Киссинджера из Пакистана в Пекин (9—11 июля 1971 г.). Этой поездкой были начаты прямые контакты между лидерами США и КНР, что сделало ненужным дальнейшее посредничество. В ходе ее была достигнута договоренность о первом в истории американско-китайских отношений визите в КНР президента США, который состоялся 21—28 февраля 1972 г. и положил начало развитию американско-китайских отношений на новой основе.

Обоюдное стремление Соединенных Штатов и КНР к сближению определялось, с одной стороны, убеждением Вашингтона в глубоком и долговременном характере конфликта китайской стороны с Советским Союзом. С другой стороны, китайское руководство исходило из предположения, что американский империализм в силу своей социальной природы будет оказывать поддержку КНР в ее противостоянии Советскому Союзу и, следовательно, подкреплять в той или иной степени позиции КНР на международной арене. Именно эти задачи стратегического характера дали импульс процессу американско-китайского сближения и доминировали на его первом этапе. Однако в широком плане нормализация отношений определялась более сложным набором мотивов, таких, например, как стремление снизить уровень конфронтации и связанных с этим материальных затрат на обеспечение безопасности, заинтересованность в торговле и иных формах экономического и научно-технического сотрудничества, естественное желание обмениваться культурными ценностями и др.

Однако все эти побудительные мотивы к нормализации отношений и сближению, сколь бы сильными они ни были, не снимали противоречий, разделяющих Соединенные Штаты и Китай. Глубокие различия культурно-исторического, этнического и национально-психологического плана, противоположность социально-экономических и политических систем, враждебность идеологий, несовместимость геополитических интересов, как они понимаются в американской политологии, обусловленная экспансией американского империализма в зону традиционных интересов Китая, — все эти факторы составляют общую объективную основу различий между США и КНР во внешнеполитических целях, в подходе к проблемам мировой политики и двусторонних отношений.

⁴¹ Цит. по: Kissinger H. Op. cit., p. 701.

Неудивительно поэтому, что американо-китайская «нормализация», начатая визитом Р. Никсона в КНР, выглядит как сложный и противоречивый процесс, что нашло свое отражение и в подводдящем итоги визита Шанхайском коммюнике от 28 февраля 1972 г.

Общее значение переговоров Р. Никсона с лидерами КНР заключалось в достижении взаимопонимания по поводу наличия у обеих сторон совпадающих, хотя и по разному мотивированных, внешнеполитических приоритетов (ослабление международных позиций Советского Союза) и согласия незамедлительно приступить к позитивному развитию взаимоотношений, не дожидаясь радикального решения спорных вопросов. Соответственно наряду с положениями о развитии контактов с конечной целью полной нормализации межгосударственных отношений в текст Шанхайского коммюнике были включены пункты, подтверждавшие общность стратегических интересов Соединенных Штатов и Китая. Стороны взяли на себя обязательство не вступать в союзы, направленные друг против друга, в сочетании с обоюдным согласием противодействовать попыткам любой страны или группы стран утвердить свою гегемонию в тихоокеанской Азии. Как признавали Р. Никсон и Г. Киссинджер, термином «гегемония» была закодирована антисоветская направленность Шанхайского коммюнике⁴². Одновременно Шанхайское коммюнике отмечало наличие «существенных различий между Китаем и Соединенными Штатами в их социальных системах и внешней политике»⁴³ и содержало изложение несовпадающих позиций сторон по некоторым международным проблемам. Из ряда спорных вопросов, длительное время осложнявших двусторонние отношения, в Шанхайском коммюнике был особо выделен вопрос о Тайване.

В Вашингтоне в целом были удовлетворены результатами визита президента и Шанхайским коммюнике. Там полагали, что американская дипломатия достигла своей главной цели, создав новую геополитическую ситуацию в «треугольнике» США—КНР—СССР, и что дальнейшие демонстрации американских возможностей на китайском направлении, особенно в плане развития двусторонних контактов, шли бы вразрез с целями внешней политики США⁴⁴.

⁴² См.: Ibid., p. 1075; The Memoirs of Richard Nixon, p. 577.

⁴³ The President's Trip to China. N. Y.: Bantam Books, 1972, p. 153.

⁴⁴ Уже в то время в США изучался вопрос о возможности использования «китайского фактора» в военно-политических целях. По заданию Пентагона «Рэнд корпорейшн» провела анализ перспектив американо-китайского военного сотрудничества и его международных последствий. В итоге был подготовлен документ «L-32», содержащий соответствующие рекомендации. Эту работу, однако, хранили в тайне, учитывая, что ее разглашение могло нанести серьезный ущерб дипломатии Никсона—Киссинджера. См. выступление американского исследователя В. Гарретта на слушаниях в подкомитете по делам Азии и Тихого океана палаты представителей 26 августа 1980 г. (The United States and the People's Republic of China: Issues for the 1980's. Hearings before the Subcommittee on Asian and Pacific Affairs of the Committee on Foreign Affairs, US House of Representatives. Wash.: U. S. GPO, 1980, p. 96—108).

По-иному обстояло дело в Пекине, где с китайско-американской встречей в верхах связывали прежде всего перспективу быстрого прогресса именно в двусторонних американо-китайских отношениях и в особенности в решении тайваньской проблемы. Отсутствие достаточно впечатляющих результатов от приглашения в КНР американского президента могло вооружить внутреннюю оппозицию новыми аргументами и поставить под вопрос позиции сторонников сближения с США в борьбе за власть между различными фракциями в китайском руководстве. Не меньшее значение имели расчеты на реальную поддержку Соединенными Штатами международных позиций КНР.

Однако уже вскоре после поездки Р. Никсона в КНР различия в подходе Пекина и Вашингтона к американо-китайским отношениям дали о себе знать. Администрация Никсона, вовлеченная в сложный и важный для нее процесс переговоров с Советским Союзом об ограничении стратегических вооружений, не собиралась ставить свои внешнеполитические приоритеты в зависимость от интересов китайского руководства. В Пекине обнаружили, что администрация Никсона не торопится с урегулированием спорных проблем. Оказалось, что в американских глобальных геополитических схемах Китая отводилась лишь второстепенная роль резерва на случай «нарушения равновесия». Более того, слишком поспешный переход к активной стадии развития политических отношений с КНР представлял для Вашингтона определенные неудобства. Такой переход потребовал бы уступок Пекину в двусторонних отношениях и по проблемам мировой политики, что, в свою очередь, могло бы вызвать смещение внешнеполитических приоритетов, напряженность в отношениях с союзниками, оппозицию тех или иных общественно-политических групп в США⁴⁵. Опасаясь потерять в лице КНР приобретенный резерв для внешнеполитического маневрирования или даже подтолкнуть Пекин на улучшение отношений с Советским Союзом, Соединенные Штаты шли на предлагавшийся им темп «нормализации»; однако Вашингтон стремился делать это за счет второстепенных аспектов (сокращение военных контингентов на Тайване, скромный научный обмен, весьма умеренный рост товарооборота и т. п.) или словесной поддержки китайского руководства, игнорируя по существу его основные требования.

В связи с этим американо-китайские отношения после 1973 г. характеризовались чередованием подъемов, связанных преимущественно с поездками высокопоставленных представителей американского правительства в Пекин и их старанием предупредить крах «китайской» политики Вашингтона, и длительных периодов застоя, которые сопровождались рецидивами антиамериканской пропаганды

⁴⁵ Внешнеполитические инициативы второй администрации Р. Никсона и сменившего его Дж. Форда вплоть до президентских выборов 1976 г. были в значительной мере скованы также уотергейтским скандалом и его последствиями.

в КНР и выражением недовольства со стороны китайского руководства. Последнее обвиняло США в невыполнении Шанхайского коммюнике и других договоренностей, и в частности конфиденциальных обещаний о дипломатическом признании КНР на основе решения тайваньской проблемы.

Между тем в Соединенных Штатах все более заметно начали проявляться настроения в пользу отхода от разрядки, возвращения к жестким нормам отношений с Советским Союзом, ориентации на достижение военно-политического превосходства. Ставя вопрос о повышении военных возможностей США, американские противники разрядки обратились к поискам места «китайского фактора» во внешнеполитической стратегии США.

«Китайская» политика администрации Картера

Осуществление этой задачи взяла на себя демократическая администрация президента Картера, одержавшая победу на выборах 1976 г.

Концептуальный и практический подход демократической администрации к отношениям с КНР в ряде аспектов отличался от геополитической дипломатии Никсона—Киссинджера—Форда. Внешняя политика республиканцев предусматривала манипулирование противостоящими друг другу «центрами силы», как бы отодвигая на задний план социальные и идеологические различия (в связи с этим был даже пущен в оборот миф о «деидеологизации» американской внешней политики). Стремясь использовать в интересах США расхождение между Советским Союзом и КНР, республиканская администрация тем не менее предпочитала оставаться в стороне от китайско-советского конфликта. Что касается администрации президента Картера, то она, отразив специфическим образом консервативную тенденцию общественно-политической жизни США, отошла от политики «реализма» Никсона—Киссинджера и начала пятиться назад к политике «сдерживания» Советского Союза, предприняв уже в конце своего правления попытку подключить Китай к своей антисоветской внешнеполитической стратегии.

Претворению в жизнь этих планов способствовали политические перемены, происходившие в это время в КНР, где за естественным уходом с политической арены первого поколения лидеров последовало устранение фракции левых радикалов и формирование нового руководства.

Сочтя эти перемены благоприятными для целей США, администрация Картера приняла в 1977 г. решение об активном использовании «китайского фактора» в плане тех мер, которые составляли существо поворота от разрядки к конфронтации с Советским Союзом. Концепции демократов включали создание «квазисоюзнических» отношений с Пекином на основе «общности стратегических

интересов». В августе 1977 г. в КНР был направлен помощник президента Картера по национальной безопасности З. Бжезинский. На этот раз Вашингтон предложил широкую программу научно-технического, промышленного и финансового участия США в осуществлении «четырёх модернизаций», содействие развитию отношений КНР с западными партнерами США, в частности в области поставок военной техники, перспективу расширения политической базы взаимоотношений. Руководители КНР были проинформированы о желании Соединенных Штатов незамедлительно приступить к обсуждению вопроса об установлении дипломатических отношений на основе взаимоприемлемой промежуточной договоренности по проблеме Тайваня.

Визитом З. Бжезинского в Пекин была начата активная стадия американской дипломатии, имевшая целью создание благоприятных условий для развития с КНР «квазисоюзнических» связей в рамках антисоветской стратегии Вашингтона. Эта стадия завершилась заключением соглашения о взаимном признании с 1 января 1979 г. и установлении дипломатических отношений на уровне посольств. Соглашение стало возможным в результате определенного компромисса. США приняли предварительные условия китайской стороны: согласились разорвать дипломатические отношения с гоминьдановским режимом, денонсировать с 1 января 1980 г.⁴⁶ американско-тайваньский договор 1955 г. о взаимной обороне, вывести с острова американские военные контингенты и демонтировать там свои военные сооружения. Кроме того, на один год (с января по декабрь 1979 г.) была прервана продажа оружия Тайваню. На этот раз (в отличие от Шанхайского коммюнике) Соединенные Штаты признали юрисдикцию КНР над Тайванем в недвусмысленной форме. Со своей стороны правительство КНР пошло на то, чтобы Соединенные Штаты сохранили на неопределенное время право поддерживать с гоминьдановским режимом «неофициальные» торговые, культурные, научные и прочие отношения. Было принято также американское требование о возобновлении с 1 января 1980 г. поставок на Тайвань вооружений. Китайская сторона ограничилась тем, что оговорила свое несогласие с намерением США снабжать Тайвань оружием и воздержалась от заверений о неприменении силы для присоединения острова, которых добивался Вашингтон в ходе переговоров.

В целях создания юридической основы для «новых» отношений с Тайванем, администрация Картера направила в конгресс соответствующий законопроект, который был одобрен обеими палатами и 10 апреля 1979 г. подписан президентом США. Под давлением консервативного крыла законопроект в конгрессе был дополнен положением, имевшим в виду предупредить КНР, что любая попытка при-

⁴⁶ «Формозская резолюция» была отменена конгрессом США по требованию республиканской администрации еще в октябре 1974 г.

менить для решения тайваньской проблемы немирные средства, включая бойкот или эмбарго, была бы воспринята Соединенными Штатами с серьезной озабоченностью как угроза миру и безопасности в западной части Тихого океана. Закон предусматривал предоставление Соединенными Штатами Тайваню «таких оборонительных товаров и услуг и в таких количествах, которые могут быть необходимы Тайваню для поддержания достаточных возможностей самозащиты»⁴⁷.

Для поддержания политических и прочих отношений с гоминьдановским режимом правительство США учредило формально неофициальный орган — Американский институт на Тайване. Тайваньская администрация, которая с самого начала определила свои новые специфические отношения с США как официальные, согласилась тем не менее переименовать свое посольство в Вашингтоне в Тайваньский координационный совет по делам Северной Америки. К концу 1980 г. правительство США, убедившись в том, что реакция в Пекине на поддержание и развитие Соединенными Штатами отношений с Тайванем не идет дальше протокольных протестов, договорилось с гоминьдановской администрацией о распространении на Американский институт на Тайване и Тайваньский координационный совет по делам Северной Америки дипломатических привилегий, практически уравнивая эти учреждения с посольствами.

Установление полных дипломатических отношений между США и КНР, обусловленное появлением дополнительных импульсов к взаимному сближению, привело к ускорению развития двусторонних американо-китайских контактов и обменов. В частности, новый характер отношений сделал возможным государственный визит в США заместителя премьер-министра Госсовета КНР Дэн Сяопина (29 января — 5 февраля 1979 г.). Этот визит характеризовался более высоким уровнем американо-китайского взаимопонимания и общности в подходе к расстановке сил в мировой политике. Стороны закрепили основу политической координации в виде положения о «противостоянии гегемонии», приложив его практически к ситуации на Индокитайском полуострове. Переговоры Дэн Сяопина с американскими лидерами создали прецедент американо-китайских консультаций по международным проблемам, включая взаимную информацию о переговорах с Советским Союзом, согласование политических позиций в ООН, межправительственный обмен мнениями по вопросам безопасности и т. п. Такие консультации после поездки Дэн Сяопина в США стали проводиться систематически в Вашингтоне и Пекине на уровне министров и заместителей министров и по дипломатическим каналам.

В экономической области главным результатом усилий дипломатии США стало подведение договорно-правовой и организационной базы под американо-китайскую торговлю, которая стала регулиро-

⁴⁷ Taiwan Relations Act. Public Law 96—8. 96th Congress, 1979, Apr. 10.

ваться комплексом двусторонних соглашений, определяющих ее общие основы и отдельные аспекты. Был создан также консультативный аппарат в виде межправительственной комиссии на уровне членов кабинета и ряд других смешанных и односторонних организаций. Договоренность об урегулировании взаимных финансовых претензий, возникших в начале Корейской войны в результате замораживания китайских активов в американских банках (80,5 млн. долл.) и американских в КНР (около 200 млн. долл.), заключение торгового соглашения, а также некоторые односторонние меры американского правительства создали условия для роста товарооборота, который тем не менее продолжал значительно отставать от объема американо-тайваньской торговли (см. табл. 2).

Таблица 2. Торговля США с КНР и Тайванем 1977—1980 гг. (млн. долл.)

	1977 г.	1978 г.	1979 г.	1980 г.
КНР	374	1142	2309	4 900
Тайвань	5464	7511	9172	12 377

Источники: КНР — Overseas Business Reports, U.S. Department of Commerce, OBR 80—25, 1980, Aug. p. 15; New York Times, 1981, July 29.

Тайвань — Overseas Business Reports, U.S. Department of Commerce, OBR 79—22, 1979, Aug., p. 24—32; OBR 76—24, 1976, May, p. 23—32; July 1980, p. 24—32; Business America, 1982, Aug. 9, p. 42.

Администрация Картера проявила готовность включить КНР в число получателей возмещаемой государственной помощи в соответствии с законом о помощи иностранным государствам⁴⁸. Было предложено также содействие силами инженерного корпуса армии США в осуществлении в КНР крупномасштабных проектов строительства нескольких гидроэлектростанций.

В области научно-технического сотрудничества положение определялось переводом его на межправительственную основу (до 1979 г. такое сотрудничество осуществлялось с американской стороны университетами и неправительственными организациями и имело весьма узкие рамки). Стороны договорились об образовании межправительственной комиссии, как это уже было сделано в области экономики. Стремясь использовать в политических целях заинтересованность КНР в развитии фундаментальных и прикладных исследований, администрация Картера заключила ряд соглашений о сотрудничестве в таких областях, как физика высоких энергий, космическая техника, гидроэнергетика, медицина и др., предусмат-

⁴⁸ *Harding H. Managing US — China Relations.* — In: *Evolving Strategic Realities: Implications for U. S. Policymakers.* Wash.: National Defense University Press, 1980, p. 46.

ривавших оказание американской стороной помощи в развитии китайской науки и подготовке практических и научных кадров в высших учебных заведениях США.

Наиболее существенный сдвиг в «китайской» политике демократической администрации состоял в появлении и развитии новых, военных аспектов в подходе Вашингтона к отношениям с КНР. Со стороны китайского правительства давно проявлялся интерес к западной военной технике и, в частности, к возможности получения образцов американской военной техники и технологии военного производства. Однако в Вашингтоне, которому приходилось считаться с отрицательным влиянием американско-китайского военного сотрудничества на ход международной разрядки, а также на отношения с союзниками, особенно в тихоокеанской Азии, предпочитали до поры до времени воздерживаться от удовлетворения заявок КНР в этой области. США ограничивались содействием Китаю в приобретении кое-какого военного оборудования в странах НАТО и продажей Пекину некоторых видов оборудования двойного (гражданского и военного) применения.

Положение в этой сфере несколько изменилось с отходом администрации Картера от политики разрядки с Советским Союзом. В прямой увязке с курсом на развитие американо-советской конфронтации администрация начала демонстрировать свой интерес к военному усилению КНР, явно рассчитывая, что обещание военно-политического сотрудничества станет средством эффективного влияния на внешнеполитический курс китайского правительства в желательном для американского империализма направлении. В мае 1978 г. З. Бжезинский заявил, что Соединенные Штаты хотели бы видеть Китай «сильным и неуязвимым». В августе 1979 г. последовало заявление вице-президента Уолтера Мондэйла, который по возвращении из КНР подчеркнул, что американо-китайские отношения по своей «зрелости» сравнимы с отношениями между США и их союзниками. Для перехода к практической реализации планов военно-политического сотрудничества планировался визит в Пекин американского министра обороны Гарольда Брауна.

Используя ввод в Афганистан ограниченного советского воинского контингента для оказания помощи молодой демократической республике в отражении внешней интервенции в качестве предлога для открытого отхода от политики разрядки, Вашингтон активизировал политику на китайском направлении. В ходе переговоров в Пекине (январь 1980 г.), американская сторона постаралась продемонстрировать недвусмысленно антисоветский характер своей позиции. Г. Браун проинформировал китайское руководство о готовности США перейти «от пассивных к более активным формам сотрудничества в области безопасности», включая «дополняющие друг друга» и «параллельные» действия в области обороны, равно как и в области дипломатии⁴⁹.

⁴⁹ Ibid., p. 47.

Министр обороны США добивался от китайского руководства активизации действий против демократического Афганистана и помощи Соединенным Штатам в организации операций по оказанию поддержки афганским мятежникам. Он потребовал, в частности, предоставить китайское воздушное пространство для военных поставок афганским мятежникам на территории Пакистана. Подчеркивая новый уровень взаимоотношений, Г. Браун предложил учредить «горячую линию» связи между Вашингтоном и Пекином.

Желанием закрепить начавшееся сотрудничество в военной области и побудить китайскую сторону к более активной поддержке антисоветских акций Вашингтона были продиктованы и предложения Г. Брауна о расширении военных поставок для китайской армии. Китайскому руководству было сообщено о готовности администрации Картера расширить продажу новейшего оборудования двойного назначения на основе рассмотрения заявок Пекина «в каждом конкретном случае». В качестве аванса китайской стороне было предложено приобрести наземное оборудование для слежения и расшифровки информации, поступающей от американского спутника «Лэндсат» (спутник этого типа, несмотря на довольно низкую разрешающую способность, передает на Землю информацию об объектах военного значения). Вскоре администрация объявила о новых изменениях в контроле над экспортом в КНР. Была разрешена продажа Пекину средств связи и управления войсками, транспортных средств, электронного оборудования, оптических приборов и других товаров прямого военного назначения⁵⁰.

Установка администрации Картера на военное сотрудничество между США и КНР, как и политические мотивы и цели сближения сторон, продемонстрировали, что в «китайской» политике Вашингтона развивались тенденции, выводящие американо-китайское сближение за пределы двусторонних отношений. Центр тяжести «китайской» политики США перемещался из плоскости нормализации двусторонних отношений в область попыток активно использовать КНР против третьих стран. Судя по мнению профессора-китаеведа М. Оксенберга, занимавшего ответственный пост в аппарате З. Бжезинского, в военном потенциале КНР в Вашингтоне видели дополнение к американской мощи в западной части Тихого океана⁵¹.

Вместе с тем в Соединенных Штатах все больше осознавалась необходимость учета растущего ракетно-ядерного арсенала КНР как нового стратегического фактора.

Считая политическую ситуацию в КНР недостаточно устойчивой, а также учитывая негативную позицию китайского правительства в отношении контроля над вооружениями, Вашингтон оказался перед

⁵⁰ Department of State Munitions Control Newsletter N 81, March 1980. Categories of Support Equipment to Be Opened to China.— In: The United States and the People's Republic of China, p. 163.

⁵¹ Oxenberg M. China Policy for the 1980's.— Foreign Affairs. 1980/81, Winter, p. 316.

необходимостью искать подходы к решению проблемы, связанной с превращением КНР в ядерную державу глобального масштаба. После нормализации дипломатических отношений администрация Картера предприняла некоторые усилия по вовлечению КНР в действующую систему переговоров о контроле над вооружениями. Наряду с официальными консультациями Соединенные Штаты совместно с КНР создали научно-общественный форум для совместной отработки на академическом уровне вопросов международной безопасности, включая проблему контроля над вооружениями. Вместе с тем, судя по просочившимся в печать в конце 1980 г. сведениям о содержании директивы президента Картера № 59, командование Соединенных Штатов сочло своевременным применить в отношении КНР концепцию ядерного сдерживания: в соответствии с директивой часть стратегического арсенала США была ориентирована на объекты на территории КНР для «упреждения возможного первого удара» китайских ракетно-ядерных сил.

Эти факты свидетельствовали, что в начале 80-х годов, когда ось американской политической жизни продолжала сползать вправо, правящие круги США еще не сделали стратегического выбора в своей «китайской» политике. Ее основа после победы Р. Рейгана на президентских выборах 1980 г. продолжала оставаться противоречивой, отражая борьбу различных точек зрения по этому вопросу в самом лагере американских консерваторов.

Консервативный вариант «китайской» политики Вашингтона

С первых же дней правления консервативной администрации президента Рейгана в американско-китайских отношениях проявились разногласия и трения. Существенно не повлияв на уровень и характер уже сложившихся взаимосвязей, эти затруднения тем не менее заметным образом нарушили наметившуюся к этому времени тенденцию дальнейшего сближения, включавшую американские планы военно-политического сотрудничества с КНР.

Создание концептуальной основы для американской политики в отношении КНР является проблемой, не имеющей однозначного консервативного решения. Это связано с тем, что в консервативных кругах США сложились две диаметрально противоположные точки зрения на то, какой должна быть «китайская» политика Вашингтона.

Одна из групп консервативного истеблишмента определяет свой подход к отношениям к КНР, исходя из бытующих в США представлений о «геополитической предопределенности» китайско-советского конфликта и его долгосрочности. Учитывая к тому же проявленную со стороны КНР заинтересованность в развитии отношений с Западом, представители этого образа мыслей обосновывают такого рода аргументами свой план вовлечения КНР в систему антисоветской

внешнеполитической стратегии США в качестве попутчика или даже союзника.

Другая группа, включающая ту часть американской политической и военной элиты, взгляды которой генетически связаны с враждебной Народному Китаю политикой США 50-х годов, отличается более универсальным характером своих антикоммунистических внешнеполитических и идеологических установок. Представители этой группы не делают большой разницы в социальном плане между СССР и КНР. Они исходят из того, что КНР — «коммунистическая страна», враждебная интересам США, американской системе ценностей и антикоммунистическим идеалам. Соответственно от этой стороны исходят возражения против налаживания сколько-нибудь тесных отношений КНР. Существенно, что позиция этой части американских консерваторов включает требование соблюдать морально-политические и военные обязательства перед гоминьдановским режимом на Тайване.

По своей идеологической платформе и политическим взглядам ко второй группе принадлежит и президент Рейган, который формировался как политический деятель в рядах маккартистской реакции 50-х годов, развившейся в значительной мере как протест против победы КПК в гражданской войне в Китае и активно осуществлявшей преследования либеральных «умиротворителей» «китайского коммунизма» в США. Этот факт оказал, несомненно, влияние на «китайскую» политику Вашингтона. Вместе с тем, однако, администрация Рейгана ощутила свою зависимость от внутренних факторов и расстановки сил в значительно большей степени, чем предшествовавшие ей лидеры и правительства. Это особенно относится к вопросу об отношениях с КНР, значительно осложненному тайваньской проблемой. В этом вопросе, составляющем предмет острых политических и идеологических разногласий в широком общественном мнении, академических кругах, конгрессе и правительстве США, администрация Рейгана не смогла позволить себе действовать без учета обеих основных позиций, определяющих подход к отношениям с КНР.

В результате противоречий в консервативном лагере по китайскому вопросу ни одной администрации с момента появления стимулов к развитию отношений с КНР не удавалось выработать на китайском направлении однозначную стратегию, основанную на идеологических посылах. «Китайская» политика Вашингтона неизменно базировалась на консенсусе, возникшем из идейного багажа концепции баланса сил, что открывало возможность прагматической эксплуатации заинтересованности КНР в развитии отношений с Соединенными Штатами.

Между тем, несмотря на противоречия и споры в самой администрации Рейгана, «китайская» политика на практическом уровне сохраняла инерцию, приданную ей в предшествующий период и особенно в конце президентства Картера, когда была создана договор-

но-правовая структура двусторонних связей и началось ее заполнение реальным содержанием. Данная структура продолжала исправно функционировать и при республиканцах.

В рамках этой структуры продолжал расти товарооборот, хотя темпы роста торговли снизились с 102—108% в 1979 и 1980 гг. до 11—16% в 1981 и 1982 гг. Приход республиканской администрации не повлиял также на подготовку американских корпораций к участию в разработке морских месторождений нефти в КНР и ряде других проектов экономического сотрудничества на компенсационной основе.

Соединенные Штаты продолжили выполнение большинства обязательств по соглашениям о научно-техническом сотрудничестве (некоторые затруднения с американской стороны возникли лишь в области содействия КНР в развитии ядерной энергетики). Выполнялись также важные для китайской стороны соглашения о подготовке в США китайских специалистов и студентов, научных и технических работников. Следует отметить, однако, что администрация Рейгана ввела дополнительные ограничения на допуск китайских специалистов к научным разработкам, ведущимся в университетах и научных центрах страны. Между тем научные контакты на основе межправительственных договоренностей дополнялись прямыми соглашениями между американскими и китайскими высшими учебными заведениями. Число таких соглашений продолжало возрастать: с 1979 по 1981 г. включительно их было подписано свыше ста; 20% из них заключено при администрации Рейгана. Возможности культурного обмена, туризма и контактов между гражданами обеих стран расширялись за счет движения породненных городов, которое по-прежнему развивалось в 1981—1983 гг.

Продолжали нормально действовать дипломатические каналы, осуществлялись контакты высокопоставленных представителей администрации Рейгана и законодательных органов США с китайским руководством, связанные, в частности, с процессом переговоров по вопросу об американских военных поставках гоминьдановской администрации на Тайване, проводившихся на протяжении 1982 г. (встреча президента Рейгана с премьером Госсовета КНР Чжао Цзяном в Канкуне (Мексика), визиты в КНР вице-президента Дж. Буша, государственного секретаря А. Хейга, члена сенатской комиссии по иностранным делам Г. Бейкера, заместителя госсекретаря по делам Азии и Тихого океана Дж. Холдриджа).

Примечательной особенностью развития отношений с КНР в период администрации Рейгана являлось то обстоятельство, что функционирование системы взаимосвязей, которое уже приобрело за предшествующие годы характер рутины, происходило на фоне развивавшихся политических трений. Это нашло выражение прежде всего в отходе сторон от сложившегося и действовавшего в течение предшествующего десятилетия кода поведения в отношении друг друга, исключавшего или во всяком случае значительно приглушавшего критику идеологических и политических позиций партнера.

Стала более жесткой реакция на разногласия, охватившие ряд международных проблем (Ближний Восток, кризис в Южной Атлантике, Южная Африка, морское право). Участились ссылки на социальные различия. Однако наибольшее влияние на состояние американо-китайских отношений оказало очередное обострение тайваньской проблемы, сфокусировавшей весь спектр идеологических и политических различий и разногласий.

С приходом к власти президента Рейгана акценты «китайской» политики Вашингтона были смещены в пользу Тайваня. Была продемонстрирована решимость продолжить снабжение гоминьдановских вооруженных сил на Тайване американским оружием, игнорируя решительные возражения китайского правительства. Этим был поставлен под угрозу достигнутый уровень отношений с КНР (китайская сторона пригрозила Вашингтону отзывом своего посла).

Однако стимулы к взаимному сближению, возникшие на рубеже 70-х годов из совпадения подходов китайского руководства и правящих кругов США к мировой расстановке сил, продолжали действовать. Более того, за истекшее десятилетие они дополнились, особенно со стороны КНР, потребностями в хозяйственных, научных, культурных и прочих связях, необязательно обусловленных стратегическими соображениями. Стороны, стремясь не допустить расширения разногласий по тайваньскому вопросу на другие сферы взаимосвязей и предупредить их эрозию, пошли на переговоры об условиях прекращения военных поставок США на Тайвань и перспективах американо-китайских отношений. Переговоры завершились подписанием совместного коммюнике от 17 августа 1982 г., суть которого, по существу, заключалась в том, что США и КНР согласились вернуться к поступательному развитию взаимоотношений, не меняя в сколько-нибудь серьезной степени своих позиций по спорному вопросу и не раскрывая реальных перспектив его решения. Сокращение и прекращение американских военных поставок гоминьдановскому режиму на Тайване ставилось в коммюнике в зависимости от маловероятной или по крайней мере весьма отдаленной перспективы мирного объединения Тайваня с КНР на основе договоренности между правительством КНР и гоминьдановскими властями. При этом американская сторона вопреки реальному положению дел исходила из лишней посылки, будто правительство КНР отказалось от своего суверенного права решить эту внутреннюю китайскую проблему любыми, в том числе принудительными, средствами.

Неудивительно поэтому, что, как показали последовавшие события, это коммюнике, зафиксировавшее несовместимость позиций сторон по спорному вопросу, не привело к урегулированию противоречий по поводу Тайваня и не оказало заметного позитивного влияния на темп развития американо-китайских отношений. Администрация Рейгана вернулась к реализации планов продажи военной техники Тайваню на сумму в 60 млн. долл., включая поставку ра-

дарных систем, поставила гоминьдановскому режиму в конце 1982—начале 1983 г. 66 реактивных истребителей-перехватчиков F-104 «Старфайтер», пролонгировало лицензию на совместное производство на Тайване истребителей F 105-е, информировало конгресс о намерении предоставить Тайваню на 1983 г. военную помощь в объеме 97 млн. долл. Характерно при этом, что, несмотря на эти меры и заявления Рейгана о его верности обязательствам перед гоминьдановским режимом, вытекающим из Закона об отношениях с Тайванем 1979 г., совместное коммюнике было подвергнуто критике со стороны правых консерваторов как ненужная уступка «коммунистическому Китаю» за счет Тайваня.

Между тем китайское правительство уже после подписания совместного коммюнике неоднократно предупреждало администрацию Рейгана по поводу того, что будущее американо-китайских отношений зависит от способности правительства США эффективно выполнить договоренности о сокращении поставок оружия на Тайвань уже теперь, а не в неопределенном будущем.

Реакция КНР на консервативный вариант «китайской» политики Вашингтона приняла антирейгановскую окраску. Однако эта конъюнктурная реакция совпала по времени и стала частью более общего процесса пересмотра внешней политики КНР в ходе подготовки к XII съезду КПК. Новые, неблагоприятные для США акценты во внешнеполитической пропаганде КНР, некоторые внешнеполитические решения китайского правительства, в особенности возобновление китайско-советских консультаций, и более всего материалы XII съезда КПК, включившие критику Соединенных Штатов как «сверхдержавы», проводящей гегемонистскую политику, вызвали в Вашингтоне тревогу. В начале февраля 1983 г. в Пекин был направлен государственный секретарь Дж. Шульц с задачей установить, действуют ли еще «общие стратегические интересы», и попытаться вернуть американо-китайские отношения на путь позитивного развития.

Переговоры Дж. Шульца с китайскими лидерами — председателем центральной комиссии советников Дэн Сяопином, премьером Госсовета Чжао Цзыяном, министром иностранных дел У. Сюэцянем и министром обороны Чжан Айпином (2—5 февраля 1983 г.) проводились американской стороной в рамках противоречивых установок президента Рейгана. Их результаты были суммированы в сообщении агентства Синьхуа, опубликованном 7 февраля, сразу после отъезда госсекретаря США из КНР в Южную Корею.

Признав важность отношений с США и полезность обмена мнениями с государственным секретарем, китайская сторона сосредоточила внимание на препятствиях развитию двусторонних отношений и прежде всего на тайваньской проблеме. В сообщении агентства Синьхуа заявлено, в частности, что Закон об отношениях с Тайванем, составляющий юридическую основу американских военных поставок на Тайвань, должен быть аннулирован.

В сообщении агентства Синьхуа американская сторона обвиняется в дискриминации и введении ограничений в экономический, торговый, культурный и технический обмен с Китаем. В сообщении содержится критика позиций США по ряду международных проблем (поддержка агрессивной политики Израиля, поддержка незаконной оккупации Намибии расистским режимом ЮАР, увязка предоставления независимости Намибии с выводом кубинских войск из Анголы).

В переговорах с Дж. Шульцем китайские руководители подчеркнули, что КНР проводит независимую внешнюю политику, выступая против гегемонизма, за сохранение мира во всем мире и укрепление единства и сотрудничества со странами «третьего мира». В свете этих оценок визит Дж. Шульца в КНР представляется очередной дипломатической неудачей администрации Рейгана. Опасаясь утратить контроль над дальнейшим развитием американо-китайских отношений, Вашингтон пошел на уступки: было принято решение о либерализации правил экспорта в КНР наукоемких товаров и о поставках некоторых видов оружия. Акцент на военное сотрудничество продемонстрировал визит министра обороны США К. Уайнбергера в Пекин в октябре 1983 г. «Китайская» политика консерваторов продолжала базироваться на противоречивых посылах, она включала несовместимые по существу компоненты: развитие отношений с «коммунистическим Китаем» в расчете на возможность использовать стратегические преимущества американо-китайского партнерства в империалистической политике США против третьих стран и одновременно мотивированную антикоммунизмом военно-политическую поддержку гоминьдана, остающегося до сих пор враждебной Компартии Китая силой в незавершенной гражданской войне.

Победа республиканцев на президентских выборах 1980 г. вовлекла в процесс формирования внешней политики и принятия внешнеполитических решений правоконсервативные круги, включающие дипломатических и военных функционеров политики «сдерживания и изоляции» Китая, активистов «тайваньского лобби», идеологов антикоммунизма. Этим кругам удалось на данном этапе потеснить сторонников развития с КНР отношений коалиционного типа, затруднить использование Вашингтоном «китайского фактора» в своих геополитических расчетах.

По сути в этом нашло своеобразное отражение коренное противоречие между империалистическими целями политики США и стремлением американских правящих кругов использовать в качестве одного из инструментов подобной политики такую страну, как Китайская Народная Республика.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПОЛИТИКА США

В ОТНОШЕНИИ ЯПОНИИ И ЮЖНОЙ КОРЕИ

Внешнеполитический курс Соединенных Штатов в отношении Японии за послевоенные годы прошел сложную эволюцию от диктата оккупационного периода до уровня отношений, при котором эта страна рассматривается как один из важнейших союзников США в мире. Однако конечные цели данной политики оставались неизменными и всегда были направлены на сохранение Японии в орбите американских интересов.

Именно этим определяется стремление США к поддержанию с Японией стабильных и прочных отношений, складывающихся из сложного комплекса двусторонних связей, в центре которых находятся взаимные обязательства, вытекающие из американо-японского договора безопасности, торгово-экономического взаимодействия и конкуренции двух крупнейших в капиталистическом мире экономических структур и, наконец, возрастающего значения японских островов в глобальных внешнеполитических расчетах американских правящих кругов. Тесное сотрудничество с Токио приобрело для США особую роль в связи с активизацией американо-китайских отношений, поскольку вопреки американо-японской борьбе за китайский рынок именно в союзе с Японией Соединенные Штаты рассчитывают укрепить свои позиции в отношении Китая. Серьезное значение для США Япония приобрела и в качестве одного из трех основных мировых центров капитализма, причем ее сохраняющаяся военная зависимость от Вашингтона обеспечивает и определенную ее «управляемость» несмотря на межимпериалистическое соперничество.

Оккупационный контроль США на Дальнем Востоке

Оккупировав в 1945 г. Японию и южную часть ее бывшей колонии Кореи, Соединенные Штаты сразу же достаточно четко определили свою позицию в этом регионе. Бывший государственный секретарь США Дин Ачесон писал в своих мемуарах: «Наше отношение к сохранению контроля над Японией было достаточно простым. В то время как должны были быть приложены все усилия для проведения политики, отвечающей интересам основных союзных держав, «в случае расхождения их позиций (здесь Ачесон цитировал документ «Основные принципы политики США в отношении Японии в начальный период оккупации», который уже 6 сентября 1945 г. был принят президентом Трумэном и передан в качестве руководства к

действию командующему оккупационными войсками генералу Макартуру.— *Авт.*) следует исходить из интересов Соединенных Штатов»¹. Интересы эти сводились к тому, что президент Трумэн в своем письме от 5 января 1946 г. назвал «необходимостью удержать полный контроль над Японией и Тихим океаном»².

Если в Японии в тот период вся полнота власти фактически принадлежала командованию американскими оккупационными войсками, то в Корее в соответствии с решениями Берлинской конференции (июнь 1945 г.) к югу от 38-й параллели капитуляцию японских войск приняли вооруженные силы США, а к северу от нее — Советская Армия. Стремясь сохранить контроль над занимаемой ими частью Кореи, Соединенные Штаты пошли на срыв предложенных Советским Союзом мероприятий, направленных на демократическое объединение страны. Вопрос о будущем политического статуса Кореи обсуждался в декабре 1945 г. на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Англии, в ходе которого выявились разногласия: советские предложения предусматривали образование временного демократического правительства Кореи, которое должно было в течение 5 лет управлять страной при участии комиссии из представителей советского и американского командования; США выдвигали идею установления фактической опеки со стороны четырех держав — США, СССР, Великобритании и гоминьдановского Китая — сроком до 10 лет. Хотя после длительных переговоров было принято советское предложение и организована совместная советско-американская комиссия по созданию временного корейского демократического правительства, Соединенные Штаты сорвали ее работу, отстранив от участия в ней многие демократические организации Южной Кореи. Этим же целям служило создание в одностороннем порядке южнокорейской администрации, которая фактически находилась под полным контролем США. По признанию американского ученого Г. Маккюна, «сотрудники американской военной администрации, которые формально являлись советниками корейцев, возглавлявших отделы и департаменты, сохраняли твердый контроль над деятельностью каждого департамента, особенно в том, что касается подбора кадров и финансовых вопросов. Контроль осуществлялся за счет того, что любая важная директива требовала подписи американского советника»³.

В августе 1948 г. США санкционировали формирование правительства Южной Кореи и провозглашение так называемой Корейской республики. В этих условиях 9 сентября того же года в Пхеньяне была провозглашена Корейская Народно-Демократическая республика. К концу 1948 г. Советский Союз завершил вывод своих

¹ *Acheson D. Present at the Creation.* N. Y.: W. W. Norton and Co, 1969, p. 427.

² *The Truman Administration: a Documentary History/Eds. Berenstein B., Matusow A. J. N. Y.: Harper and Row, 1966, p. 98.*

³ *McCune G. M. Korea Today.* Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1950, p. 74.

войск с территории Кореи. Что касается прекращения американской оккупации, то, хотя США и заявили в 1949 г. о выводе своих войск из Кореи, фактически это сделано не было и войска США по сегодняшний день остаются на территории Южной Кореи.

На первом этапе оккупации Японии Соединенные Штаты провели ряд мероприятий, направленных на разрушение военно-фашистского государственного аппарата и осуществление некоторых мер по демократизации страны. Были распущены правые организации и тайная полиция, частично ограничена деятельность крупных концернов, принят закон о профсоюзах и труде, гарантировавший трудящимся минимальные права, проведена реформа системы просвещения. 3 мая 1947 г. вступила в силу новая конституция Японии, упразднившая абсолютную монархию. Однако все эти мероприятия, направленные на ликвидацию военной угрозы со стороны бывшего соперника США на Тихом океане и в то же время па укрепление основ капиталистического строя в Японии, носили характер ограниченных буржуазно-демократических реформ по американскому образцу и имели своей целью подготовку почвы для создания национальных сил, способных проводить политику, выгодную Соединенным Штатам.

В условиях, когда на рубеже 50-х годов основное внимание американской внешней политики было сосредоточено на Европе⁴, усилия США на Дальнем Востоке были направлены на создание «оборонительного периметра», проходящего через Алеутские острова, Мидуэй, Филиппины, Окинаву и Японию, военное обеспечение которого должно было осуществляться как за счет американских вооруженных сил, так и с помощью союзников США в регионе. В свете этого Япония рассматривалась прежде всего с точки зрения ее стратегического местоположения, людских ресурсов и промышленного потенциала. «Возможности Японии в случае глобальной войны могут оказать огромное положительное или негативное влияние в зависимости от того, в чьих интересах они будут использованы»⁵, — говорилось в документе, подготовленном Советом национальной безопасности США.

Даже провозглашение в 1949 г. КНР и начавшаяся 25 июня 1950 г. война в Корее, хотя и трансформировали несколько подход США к Дальнему Востоку, не изменили в целом отношения Вашингтона к этому региону как к внешнеполитическому направлению, не имеющему первостепенного значения. Тем не менее Соединенные Штаты предприняли прямое военное вмешательство в Корею и до подписания в июле 1953 г. соглашения о перемирии американские силы составляли свыше половины всех противостоявших

⁴ В составленном в 1947 г. СНБ списке внешнеполитических приоритетов США Корея занимала предпоследнее, 15-е место, а Япония — лишь 13-е, пропустив вперед все европейские страны, Канаду, ряд стран Латинской Америки. См. FRUS, 1947, vol. I. Wash.: U. S. GPO, 1973, p. 738—750.

⁵ FRUS, 1949. Vol. VII (pt. II), Wash.: U. S. GPO, 1976, p. 774.

КНР сухопутных войск, более 85% ВМС и более 93% ВВС⁶. Стремясь закамуфлировать свою агрессию, Вашингтон прилагал серьезные усилия для интернационализации конфликта. С этой целью через ООН была протащена резолюция, направленная на создание так называемых «войск ООН», командующим которых был назначен генерал Д. Макартур, ратовавший за расширение масштабов войны на Дальнем Востоке. В его поддержку активно выступали представители правого крыла республиканской партии, обвинявшие администрацию Трумэна в нерешительных методах ведения войны в Корее, в «потере» Китая и чуть ли не в симпатиях к коммунизму. Противоречия между «партией войны», как называли в тот период правых республиканцев, и демократической администрацией, опасавшейся, что расширение масштабов конфликта может ослабить американские позиции в Западной Европе, особенно ясно проявились в период, когда генерал Макартур, стремясь преодолеть военный тупик, в котором оказалась американская армия в Корее, предложил в своем послании к американскому конгрессу от 19 апреля 1951 г. ввести экономическую и морскую блокаду Китая, разрешить разведывательные полеты над КНР и использовать гоминьдановские военные формирования на юге Китая и в Корее⁷.

Нежелание Вашингтона пойти на дальнейшее расширение конфликта вызвало отставку Макауртура в апреле 1951 г. «Сомнительным выгодам начала распространения войны на китайскую территорию противостоял риск тотальной войны с Китаем, советского вмешательства и третьей мировой войны»⁸, — заявил государственный секретарь Д. Ачесон. Летом 1951 г. были начаты переговоры о перемирии в Корее, которое было заключено в июле 1953 г.

Война в Корее оказала серьезное воздействие на развитие американо-японских отношений. Экономические возможности Японии, служившей для США в период корейской войны плацдармом и базой тылового обеспечения, стали убедительным аргументом в пользу активизации американо-японских отношений, целью которых являлось укрепление позиций США на Дальнем Востоке. В Вашингтоне рассчитывали, что японские монополии, получившие в ходе корейской войны стимул для возрождения, смогут стать фундаментом для проведения Токио проамериканской политики. В результате в начале 50-х годов в условиях противоречий между Пентагоном, считавшим, что лишь американская оккупация может обеспечить интересы США в Японии, и государственным департаментом, настаивавшем на определенной самостоятельности последней и воссоздании основ японских вооруженных сил для «обеспечения внутренней стабильности» в стране, было принято решение о подготовке мирного договора с Японией.

⁶ Goodrich L. M. Korea. A Study of US policy in the United Nations. N. Y.: Pergamon Press, 1956, p. 117.

⁷ Documents on American Foreign Relations. N. Y.: Harper, 1954, p. 26.

⁸ Ibid., p. 32.

Проблемы американо-японского послевоенного урегулирования

По расчетам Вашингтона, дислокация его вооруженных сил на японских островах, от чего США не собирались отказываться, гарантировала сохранение Японии в рамках американской военной системы, а формальное прекращение оккупационного статуса полностью исключало ту и без того небольшую роль, которую союзники США по антифашистской коалиции могли играть в послевоенном переустройстве этой страны.

Подготовка мирного договора с Японией была полностью проведена государственным департаментом США, а Сан-Францисская конференция, на которой должен был быть обсужден его проект, по словам Д. Ачесона, была созвана «для подписания договора, а не для дальнейшего его обсуждения»⁹. Подписанный 8 сентября 1951 г. Сан-Францисский мирный договор полностью отражал американскую точку зрения на будущее развитие Японии и не учитывал предложений СССР, Индии и других стран Азии, направленных на создание подлинно демократической и независимой Японии. Это явилось основной причиной отказа Советского Союза и ряда других стран поставить свои подписи под данным документом.

Хотя договор формально прекращал американскую оккупацию Японии и возвращал ей суверенные права, дававшие возможность установления экономических и политических связей с другими странами, фактически США сохраняли право размещения своих войск на японской территории, что, естественно, давало им возможность оказывать серьезное воздействие на японскую политику. Более того, используя договор как средство давления на Токио, американские правящие круги смогли создать ситуацию, при которой ратификация договора сенатом США была обусловлена навязыванием Японии ряда решений, не предусмотренных договором, что во многом определило развитие японской внешней политики в выгодном для Вашингтона русле.

В документе, принятом сенатом США осенью 1951 г., в качестве предварительного условия ратификации договора содержались требования установления дипломатических отношений между Японией и Тайванем и отказа от признания Японией КНР.

Сенат США приложил немало усилий и для того, чтобы навязать правящим кругам Японии тезис о нерешенности советско-японских территориальных проблем, что не могло не оказать негативно-го воздействия на весь ход будущего развития отношений между СССР и Японией. Несмотря на то, что в тексте Сан-Францисского договора содержался пункт, гласивший, что «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на часть о-ва Сахалина и прилегающих к нему островов, суверени-

⁹ *Acheson D. Op. cit., p. 539.*

тет над которыми она приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.»¹⁰, в резолюции, принятой комиссией по иностранным делам сената США по вопросу о ратификации Сан-Францисского мирного договора, имелась идущая вразрез с международным правом оговорка, гласившая, что «ничто, содержащееся в договоре, не должно наносить ущерба правам и интересам Японии или союзников путем признания в пользу СССР в соответствии с указанным договором каких бы то ни было прав или претензий на Южный Сахалин и прилегающие острова Хабомай, Сикотан или на любые другие территории, принадлежавшие Японии на 7 декабря 1941 г., равно как ничто в указанном договоре или в его одобрении сенатом не подразумевает признания со стороны США положений указанного договора в пользу Советского Союза, содержащихся в касающемся Японии так называемом Ялтинском соглашении от 11 февраля 1945 г.»¹¹

Одновременно с мирным договором был подписан носивший характер военного пакта американо-японский договор безопасности, который вместе с заключенным в 1952 г. административным соглашением, определявшим конкретные условия содержания американских войск в Японии, а также соглашением о помощи в обеспечении взаимной безопасности от 1954 г. и рядом других американо-японских соглашений закладывал юридические и практические основы военно-политического союза между двумя странами. В соответствии с этими документами, дававшими основу для сохранения продолжающегося по сей день присутствия американских войск в Японии, был начат процесс ремилитаризации страны. Инициатива в создании японской армии, что совершенно очевидно противоречило конституции Японии, провозгласившей отказ от создания вооруженных сил и использования войн как средства разрешения международных споров, принадлежала Соединенным Штатам. Еще в период подготовки мирного договора с Японией Дж. Даллес, который по поручению госдепартамента США вел переговоры с японским правительством, настаивал на том, что в случае, «если Япония не пойдет на создание армии в 350 тыс. человек, способной защитить страну от советского нападения и участвовать в системе региональной обороны, не будет возможности для достижения соглашения»¹².

Однако японское правительство, исходя прежде всего из соображений экономического характера, отказалось полностью удовлетворить американские требования и встало на путь проведения политики, которую американский исследователь М. Вейстайн справедливо назвал «минимальным перевооружением в условиях сохранения союза с Соединенными Штатами»¹². Численность созданных в 1952 г.

¹⁰ Documents on American Foreign Relations, p. 471.

¹¹ Ibid., p. 459.

¹² Цит. по: Forecast for Japan; Security in the 1970's / Ed. J. W. Morley. Princeton: Princeton University Press, 1972, p. 44.

¹³ Ibid., p. 35.

войск самообороны — такое название получила возрожденная японская армия — составила 76,7 тыс. человек, а к 1960 г., несмотря на неоднократные попытки Соединенных Штатов заставить японские правящие круги ускорить ремилитаризацию страны, увеличилась лишь до 150 тыс. человек¹⁴.

В соответствии с американо-японским договором безопасности Соединенные Штаты сохраняли право по собственному усмотрению использовать свои базы на японской территории, вмешиваться «в подавление крупных внутренних бунтов и беспорядков», что давало им возможность сохранять определенный контроль над жизнью страны. До конца 50-х годов, т. е. пока не встал вопрос о пересмотре неравноправных условий договора безопасности, Соединенные Штаты в значительной степени ограничивали и внешнеполитическую активность Японии, а те немногие дипломатические акции, которые предпринимались японским правительством, не обходились без американского вмешательства. Так, за месяц до подписания советско-японской декларации о восстановлении дипломатических отношений в 1956 г. госдепартамент США заявил, что принадлежащие СССР острова Итуруп, Кунашир, Хабомаи и Сикотан являются частью территории Японии и на них распространяется ее суверенитет, а государственный секретарь Даллес во время пресс-конференции подчеркнул: в случае, если Япония откажется от своих территориальных претензий к СССР, США не будут возвращать ей Окинаву¹⁵.

В то же время Соединенные Штаты предпринимали энергичные попытки добиться нормализации отношений между Японией и Южной Кореей, с которой в октябре 1953 г. Вашингтон заключил договор о взаимной обороне. Такая заинтересованность в преодолении антагонизма между Токио и Сеулом, связанного прежде всего с последствиями японской оккупации Кореи, основывалась на намерении создать единый антикоммунистический фронт в Азии. Однако переговоры между Японией и Южной Кореей, начатые по инициативе США сразу же после подписания Сан-Францисского мирного договора, окончились провалом, поскольку ни одна из сторон не хотела отказываться от взаимных претензий. Попытки США урегулировать отношения между двумя странами наталкивались на антияпонские настроения в Южной Корее, на сложность взаимных имущественных и экономических проблем, решение которых не могло иметь законного характера без учета интересов КНДР.

¹⁴ Современная Япония. М.: Наука, 1967, с. 301.

¹⁵ См.: *Emmerson J. K. Arms, Yen and Power: The Japanese Dilemma*. Tokyo: Tuttle, 1973, p. 233.

Трансформация американо-японского союза

Рост японского экономического потенциала в конце 50-х годов привел к значительному повышению места Японии в иерархии приоритетов американской внешней политики и поставил вопрос о необходимости определенного пересмотра отношений неравноправного партнерства между двумя странами. Кроме того, Соединенные Штаты не могли не учитывать и растущий накал демократического движения в стране, центральным лозунгом которого было требование проведения Японией независимой внешней политики.

Пересмотр договора безопасности в 1960 г. проходил в условиях беспрецедентной кампании протеста японского народа, направленной против сохранения неравноправного американо-японского союза, что вынудило Соединенные Штаты отказаться от статей, откровенно ущемлявших суверенитет Японии. Из текста документа, который теперь стал называться Договором о взаимном сотрудничестве и безопасности между Японией и США, был исключен параграф, дававший США право принимать участие в подавлении внутренних беспорядков в Японии, были введены пункты о культурном и экономическом сотрудничестве. В отличие от предыдущего соглашения новый договор, ратифицированный в мае 1960 г., фактически носил характер двустороннего военного союза, в соответствии с которым на Японию возлагалась определенная ответственность за участие в военной стратегии США, а «все американские боевые действия с использованием военных баз на территории Японии... требовали предварительных консультаций с японским правительством»¹⁶. На практике, однако, Соединенные Штаты полностью сохраняли возможность использовать базы в Японии по собственному усмотрению, что было наглядно продемонстрировано во время американской агрессии против Индокитая. Как отмечал японский журнал «Экономисуто», «без американских баз в Японии США не смогли бы вести вьетнамскую войну»¹⁷.

На рубеже 70-х годов продолжался процесс определенного пересмотра американской политики в отношении Японии. В провозглашенной в июле 1969 г. президентом Р. Никсоном «Гуамской доктрине» подчеркивалась трансформация американо-японских отношений, их переход в фазу «зрелого партнерства» и декларировалась «решающая роль Японии для осуществления доктрины в Азии»¹⁸. Это отражало превращение Японии в одну из крупнейших империалистических держав и в связи с этим вынужденную эволюцию американской дипломатии от имперского глобализма времен «холодной

¹⁶ Department of State Bulletin, 1960, Febr. 8, p. 179.

¹⁷ Экономисуто, 1972, № 18, с. 31.

¹⁸ См.: U. S. Foreign Policy for the 1970's. A New Strategy for Peace, A Report to the Congress by R. Nixon, Febr. 18, 1970. Wash.: U. S. GPO, 1970.

войны» к политике «баланса сил». Отводя Японии большую роль в Азии, Соединенные Штаты сделали попытку расширить ее ответственность, непосредственно связав, например, в коммюнике о переговорах президента Р. Никсона и премьер-министра Японии Э. Сато в ноябре 1969 г. «безопасность Японии» с «безопасностью Тайваня и Южной Кореи»¹⁹.

Взяв курс на возрастание роли Японии в реализации их военных планов, США провели ряд мероприятий по передаче части американских военных баз японским войскам самообороны, были увеличены расходы Японии на содержание американского военного персонала, в ноябре 1969 г. принято решение о передаче Японии административных прав на архипелаг Рюкю, который США оккупировали после второй мировой войны. Последнее было осуществлено с учетом неоднократных просьб японского правительства, испытывавшего давление демократического движения.

Процесс перестройки американо-японских связей сопровождался серьезным кризисом в отношениях между двумя странами, внешним проявлением которого явились так называемые «шоки Никсона». Первый из них был связан с требованием США ревальвировать иену, а второй — с неожиданным для Токио решением Никсона посетить Пекин. Подобная тактика отражала как недовольство Вашингтона японским наступлением на американские рынки, так и определенное ослабление внимания к отношениям с Японией в связи с активизацией контактов между США и КНР. В этот период Япония рассматривалась в Белом доме в качестве хотя и важного, но все же всего лишь одного из элементов четырехсторонних отношений США—СССР—КНР—Япония, что не могло не проявиться во временном ослаблении американо-японских союзнических связей.

Крах американской агрессии в Индокитае оказал серьезное воздействие на политику США в отношении Азии в целом и Японии в частности. Смещение на Восток периметра американских военно-стратегических интересов на Тихом океане повысило роль американо-японских военных связей. В то же время вызванное «шоками Никсона» ухудшение двусторонних отношений и возникший кризис доверия со стороны японских правящих кругов к американским военным обязательствам по отношению к союзникам потребовали определенной коррекции курса в отношении Японии. Уже в период администрации Форда неоднократно подчеркивалась возрастающая роль Японии во внешней политике США. Декларируя отход от политики своего предшественника в отношении Японии, президент Дж. Форд заявил, что «шоковая дипломатия в отношении Японии завершилась вместе с администрацией Никсона»²⁰.

Конец 70-х и начало 80-х годов в американо-японских отноше-

¹⁹ Вага гайко-но кинкё, 1970 (Голубая книга по внешней политике МИД Японии). Токио: Окурасе иссацу кёку, 1971, N 14, с. 371.

²⁰ New York Times, 1975, Dec. 8.

ниях характеризуются стремлением Соединенных Штатов создать прочную основу связей между двумя странами, основанную на учете тех изменений, которые произошли в соотношении сил на мировой арене. Несмотря на сохранение высокого уровня военной зависимости Японии от США, повышение ее роли в мировой политике, связанное прежде всего с ростом японского экономического потенциала, заставляет Вашингтон более осмотрительно подходить к своим отношениям с Токио.

Важнейший военный союзник США в Азии

Центральным аспектом двусторонних американо-японских отношений в конце 70-х — в начале 80-х годов оставались проблемы, вытекающие из существования военного союза между двумя странами, оформленного в виде продленного в 1970 г. на неопределенный срок договора безопасности. В соответствии с этим соглашением Соединенные Штаты дислоцируют на американских базах в Японии около 46 тыс. человек военного персонала²¹, сохраняют там крупнейшие в Азии военные аэродромы, военно-морские базы, комплексы тылового обеспечения, позволяющие в случае необходимости использовать огромный экономический потенциал Японии для ведения боевых операций.

Анализируя политику США, направленную на вовлечение Японии в реализацию военных планов Пентагона на востоке Азии, следует отметить, что этот курс не встречал безоговорочной поддержки японских правящих кругов. Последние, исходя как из экономических соображений, так и учитывая резко негативное отношение японского общественного мнения к милитаризации страны, стремились несколько смягчить американские требования. Эта тенденция подтверждается тем фактом, что, хотя военные расходы Японии с 1960 по 1982 г. выросли с 2,9 млрд. долл. до 11,8 млрд. долл., они продолжали оставаться на уровне примерно 1% от ВВП²².

Созданная в 1975 г. японо-американская консультативная комиссия по договору безопасности, основной целью которой является выработка общих концепций военной политики, в 1978 г. опубликовала меморандум «О сотрудничестве в области обороны», в котором уточнялись функции американских и японских вооруженных сил в случае возникновения «чрезвычайных обстоятельств». Последним выводилась «оборонительная» роль, а США брали на себя поддержку и проведение наступательных операций. Вооруженные силы

²¹ Asia and US Foreign Policy / Eds. J. Hsiung, W. Chai. N. Y.: Publishers, 1981, p. 12.

²² East-West Relations: Focus on the Pacific. Hearings before the Committee on Foreign Relations. U. S. Senate. 97th Congress, June 10 and 16, 1982. Wash.: U. S. GPO. 1982, p. 8.

США и Японии должны находиться под собственным командованием, а не составлять единую военную систему, как это принято в НАТО.

Однако в начале 80-х годов в процессе дальнейшего развития американо-японского военного сотрудничества роль Японии в стратегических концепциях Вашингтона заметно повысилась, что позволило считать ее, как это было сказано в докладе министерства обороны США, опубликованном в январе 1983 г., «одним из звеньев совместной обороны стран западного союза», «равной со странами НАТО в военно-союзнических отношениях с Соединенными Штатами»²³.

Это утверждение основывается на констатации тех конкретных военно-политических обязательств, которые взяла на себя Япония под давлением Соединенных Штатов в начале 80-х годов. В период администрации Дж. Картера основной акцент делался прежде всего на увеличение финансового вклада Японии в собственно американские военные усилия. К концу 70-х годов Соединенные Штаты добились значительного увеличения как прямых военных расходов Японии, так и ее затрат на содержание американских войск и военных объектов в Японии, на закупку американской военной техники. По мнению Вашингтона, это должно было способствовать, с одной стороны, укреплению американо-японского военного сотрудничества, а с другой — ослаблению экспортного наступления Японии на американский рынок за счет более масштабного переключения экономических усилий последней на военное производство.

В соответствии с соглашением 1978 г. расходы Японии на содержание американских войск в 1979 финансовом году составили уже около 1 млрд. долл.²⁴, что соответствовало примерно половине общей стоимости содержания баз США в Японии. За период с 1975 по 1979 г. японский импорт товаров военного назначения из США вырос почти в 10 раз — с 56,8 млн. до 537 млн. долл.²⁵ В соответствии с программой модернизации сил самообороны, рассчитанной на 1983—1987 гг., намечается израсходовать 4,4—4,6 трлн. иен (17,4—18,2 млрд. долл.) на приобретение основных видов вооружений. Из этой суммы около 4,5 млрд. долл. ассигновано на закупку американской военной техники, в число которой входят 45 противолодочных патрульных самолетов Р-3С, 123 истребителя F-15, 8 самолетов раннего оповещения E-2С и т. д.²⁶ Под давлением Соединенных Штатов в конце 70-х годов рост военных расходов начал далеко опережать увеличение ассигнований на другие статьи государственного бюджета Японии.

²³ Цит. по: Майнити симбун, 1983, 1 февр.

²⁴ *Бозэй ганусе* (Белая книга по проблемам обороны Японии). Токио: Окурасе Инсацу Кёку, 1980, с. 299.

²⁵ *Aviation Week and Space Technology*, 1980, Febr. 11, p. 89.

²⁶ *Report of Secretary of Defense H. Brown to the Congress on the F. Y. 1981 Budget*. Jan. 29, 1980. Wash.: U. S. GPO, 1980, p. 51.

Однако в Вашингтоне не могли не учитывать, что американские требования об увеличении Японией военных расходов вызывали резко негативную реакцию японского общественного мнения, поскольку справедливо рассматривались как вмешательство во внутренние дела суверенной страны, а кроме того, выглядели слишком явной попыткой решить проблему торгового дефицита за счет роста военных расходов. Администрация Р. Рейгана в качестве первоочередной задачи американо-японского военного сотрудничества выдвинула требование о создании Японией мощных и эффективных вооруженных сил. Как заявил командующий вооруженными силами США в районе Тихого океана адмирал Р. Лонг, «администрацию Рейгана интересуют не просто цифры японского военного бюджета, а конкретные меры по увеличению вклада Японии в укрепление безопасности Запада и обеспечение операций американских вооруженных сил»²⁷.

В рамках нынешних американских стратегических концепций японским вооруженным силам отводится ряд конкретных задач, направленных прежде всего на укрепление военных позиций США. Усиливая свое военное присутствие на Ближнем и Среднем Востоке, Пентагон рассчитывает, что Япония возьмет на себя некоторые важные функции на Дальнем Востоке и в прилегающих к нему районах, из которых часть американских войск была передислоцирована в распоряжение созданного Вашингтоном в январе 1983 г. так называемого Центрального командования (СЕНТКОМ), в сферу операций которого США односторонне включили 19 стран Ближнего и Среднего Востока, Восточной Африки и бассейна Индийского океана. Визит премьер-министра Японии Я. Накасонэ в Вашингтон в январе 1983 г. еще раз подтвердил готовность правящих кругов Японии взять на себя новые военные обязательства в рамках американо-японского военного сотрудничества. Японский премьер заявил о согласии Японии расширить до 1000 миль от своего побережья зоны контроля над морскими коммуникациями, а также принять на себя задачи по контролю и блокированию проливов Японского моря²⁸, что прямо противоречит японской конституции, запрещающей как участие страны в «коллективной обороне», так и отправку японских войск за пределы государственных границ.

Соединенные Штаты получили также согласие Японии на создание передовой базы ВВС на о-ве Иводзима, расположенном в 1200 км от японских берегов, на размещении на базе ВВС США Мисава (на севере о-ва Хонсю) двух эскадрилий новейших американских истребителей-бомбардировщиков F-16, способных доставлять ядерное оружие на расстояние свыше 1000 км.

В январе 1983 г. кабинет министров Японии после долгих дебатов, уступив американскому нажиму, принял решение об экспорте японской военной технологии в США (по настоянию последних),

²⁷ Иомиури Симбун, 1982, 10 янв.

²⁸ Washington Post, 1983, Jan. 19.

поскольку это, как говорилось в заявлении правительства, «крайне важно для оборонных соглашений между США и Японией» и «поможет усилить доверие к американо-японскому союзу»²⁹. И на этот раз уступка была сделана вопреки «трем принципам отказа от экспорта оружия»³⁰, принятым правящей либерально-демократической партией в 1967 г. и подтвержденным японским правительством в феврале 1981 г. В условиях, когда в Японии все большее внимание уделяется расширению военного производства и созданию новых видов боевой техники, в Соединенных Штатах проявляется повышенный интерес к новинкам японской технологии и техники.

Данное в феврале 1983 г. Токио разрешение на заход атомного авианосца ВМФ США «Энтерпрайз» в японский порт Сасэбо явилось нарушением широко деклариовавшихся японским правительством с 1967 г. так называемых «трех неядерных принципов», в соответствии с которыми Япония взяла на себя обязательства не владеть ядерным оружием, не производить его и не ввозить его на свою территорию.

В рамках проводимой администрацией Р. Рейгана политики глобальной конфронтации, которая по своей сути является попыткой вернуть мир к жесткой биполярной структуре, Соединенные Штаты практически отказались от прежних, в достаточной степени условных, но все же ограничений, связанных с опасениями относительно возможности создания Японией значительного военного потенциала. Этот курс не только отвечает чисто военным планам США, но и преследует далеко идущие политические цели.

Интеграция Японии в военно-стратегическую систему агрессивного западного блока создаст предпосылки для ее автоматического втягивания в любой конфликт в азиатско-тихоокеанском регионе, даже в ситуации, когда не будут затронуты непосредственные интересы страны. Учитывая лидерство США в этом союзе, Япония практически лишается права политического выбора, что может вынудить ее действовать даже вопреки собственным национальным интересам, как это уже произошло, например, во время ирано-американского конфликта в 1979 г.

Активизируя военные контакты с Японией, Соединенные Штаты пытаются раздуть атмосферу политической напряженности и недоверия между Японией и СССР. В Вашингтоне, по-видимому, учитывают, что развитие тенденций к милитаризации Японии, явно направленных против Советского Союза, создает серьезный барьер на пути развития добрососедских советско-японских отношений.

²⁹ New York Times, 1983, Jan. 15.

³⁰ «Три принципа отказа от экспорта оружия» запрещают экспорт оружия в коммунистические страны, в страны по отношению к которым применяется эмбарго ООН и в страны, которые потенциально могут оказаться вовлеченными в военный конфликт.

США и возрастание роли Японии в мировой политике

Если до конца 70-х годов Соединенные Штаты рассматривали Японию прежде всего в контексте своей региональной азиатско-тихоокеанской политики, то процесс относительного ослабления американских позиций в мире и одновременный рост влияния таких силовых центров империализма, как Япония и Западная Европа, создали условия для более широкого включения Японии в стратегические планы империализма. Используя глобальные амбиции японских правящих кругов, которые, как это было сказано в «Белой книге» Управления национальной обороны Японии за 1980 г., считают, что «теперь от Японии в рамках международной ответственности требуются меры по сохранению международного мира не только с помощью дипломатических, экономических и других невоенных средств, но и за счет приложения умеренных оборонных усилий»³¹, Соединенные Штаты все активнее вовлекают Японию в процесс реализации своих политических и даже военно-стратегических задач. Используя зависимость Японии от поставок нефти, США начали требовать от Токио не только экономической и политической поддержки, но и конкретных мер, направленных на укрепление американских «сил сдерживания» в районе Персидского залива. Сразу же после президентских выборов один из помощников Р. Рейгана, бывший министр ВМС У. Миддепдорф, в послании, адресованном японским парламентариям от правящей либерально-демократической партии, призвал Японию принять участие в непосредственном материально-техническом обеспечении американских действий в Персидском заливе в форме предоставления торговых судов и гражданских самолетов для переброски войск, а в случае необходимости — и в форме определенного участия японских ВМФ в операциях как в этом районе, так и вдоль морских коммуникаций, ведущих к Ближнему Востоку. В послании содержался призыв к пересмотру договора безопасности в плане увеличения обязательств японской стороны³².

Задачам глобализации роли Японии в системе международных отношений служат и планы широкой военно-политической координации трех центров империализма — США, Западной Европы и Японии. В опубликованном в декабре 1980 г. совместном исследовании Атлантического совета США и японского Института проблем мира и безопасности детально анализировался вопрос о совместных военных усилиях вооруженных сил США, Японии и НАТО. По мысли его авторов, в условиях существующей конфронтации в Европе, Азии и на Ближнем Востоке Соединенные Штаты не должны

³¹ Бэй хакусё. Токио: Окурасё ипсацу кёку, 1980, с. 79.

³² Санкэй симбун, 1980, 7 нояб.

ослаблять свои силы ни на одном из направлений, что требует более активных военных усилий со стороны НАТО и Японии³³.

В системе отношений США—Западная Европа—Япония Вашингтон рассматривает Японию в качестве партнера, который в силу глубокой военной зависимости от Соединенных Штатов в случае возникновения конфликтных ситуаций, как правило, выступает на американской стороне. Так, Япония полностью поддержала политику Вашингтона в афганском и кампучийском вопросах, участвовала в бойкоте Олимпийских игр в Москве и т. д. Однако случается, что отношения между партнерами развиваются не по заданной схеме и Япония занимает позицию, не во всем идентичную взглядам США на общеимпериалистические задачи. Отстаивая собственные интересы, которые чаще всего связаны со сферой экономики, Япония иногда пытается блокироваться с Западной Европой против США. Такого рода противоречия особенно наглядно проявились в разгар энергетического кризиса 1974—1975 гг., когда Япония, полностью зависящая от поставок ближневосточной нефти, вместе с некоторыми странами Западной Европы отказалась поддержать позицию США в ООН по вопросу об участии Организации освобождения Палестины в обсуждении проблем Ближнего Востока. Подобные же американско-японские разногласия возникли и в 1979 г., когда Соединенные Штаты обвинили Японию «в подрыве американских усилий, направленных на применение экономических санкций против Ирана»³⁴, и потребовали от Токио поддержки своей позиции в конфликте с Тегераном. Под давлением Вашингтона Япония была вынуждена пойти на некоторое сокращение закупок иранской нефти.

В рамках отношений между тремя центрами Соединенные Штаты широко используют в своей политике возможности блокирования с Японией против Западной Европы, так и объединения с ЕЭС против интересов Японии. Подобного рода тактика прежде всего характерна для решения проблем межимпериалистических экономических отношений. Выступая вместе с ЕЭС, США в 1971 г. заставили Японию ревальвировать иену, а в настоящее время продолжают оказывать на нее давление с целью заставить сократить ее огромное положительное сальдо внешней торговли. В то же самое время в июне 1979 г., во время токийского совещания в верхах, Соединенные Штаты смогли найти общую с Японией платформу, выступив совместно против предложения ЕЭС о фиксированных сроках замораживания квот на импорт нефти.

В последние годы США уделяли серьезное внимание Японии и в связи с активизацией их политики в азиатско-тихоокеанском регио-

³³ См.: The Common Security Interests of Japan, the US and NATO. Tokyo; Wash.: Joint Working Group of the Atlantic Council of the US and the RIPS. Dec. 1980.

³⁴ New York Times, 1979, Dec. 12.

не, который рассматривается Вашингтоном не только как район перспективный с точки зрения американских экономических интересов, но и как один из плацдармов консолидации антикоммунистических сил и проведения антиразрядочных акций. В качестве противовеса тем коренным изменениям в международно-политической ситуации в Юго-Восточной Азии, которые произошли в результате образования в июле 1976 г. Социалистической Республики Вьетнам, США пытаются использовать Японию для укрепления политической стабильности прозападных государств этого региона, и прежде всего стран, входящих в АСЕАН. Реализацию этих задач планируется возложить на так называемое «тихоокеанское сообщество», проект создания которого выдвигается США и Японией. В рамках такого альянса Вашингтон, используя сохраняющуюся зависимость Японии от Соединенных Штатов, рассчитывает, во-первых, несколько ослабить воздействие японской экономической экспансии в регионе на американские позиции в Азии, а во-вторых (что, по-видимому, более важно), создать, используя американско-японское военно-политическое партнерство, новый антикоммунистический союз, опирающийся прежде всего на экономическую мощь Японии.

Между тем Япония рассматривает свои связи со странами АСЕАН в контексте укрепления собственных позиций по отношению к США в других сферах. Поэтому при оценке масштабов американско-японского сотрудничества в ЮВА необходимо помнить, что данный регион, как это было сказано в докладе Японского центра по развитию комплексных исследований, «в силу географических и исторических предпосылок считается сферой особого интереса и ответственности Японии, подобно тому, чем для США является Латинская Америка, а для ЕЭС — Африка»³⁵. Подобного рода попытки раздела сфер влияния могут вызвать в будущем серьезное обострение американско-японских противоречий.

Полная нормализация дипломатических отношений между США и Китаем в январе 1979 и состоявшееся несколько раньше, в августе 1978 г., подписание японо-китайского договора о мире и дружбе создали возможность проведения координированного американско-японского курса в отношении Китая, в основе которого лежал расчет на эксплуатацию советско-китайских противоречий для формирования антисоветского альянса. В Вашингтоне откровенно надеялись использовать общность политики США и Японии в отношении Китая для укрепления позиций Соединенных Штатов на мировой арене. Приветствуя подписание японо-китайского договора, видный американский обозреватель С. Карноу назвал его «краеугольным камнем и для политики США», в силу того что «впервые за жизнь двух поколений нам не нужно выбирать между Китаем и Японией, примирение между которыми несет выгоды обеим нациям

³⁵ То: нан адзиа сёкоку рэнго: то вага куни-но кан эй (Отношения Японии со странами АСЕАН). Токио: Кокусай кайхацу сэнта, 1978, с. 12.

и имеет стратегическую важность в силу противостояния советским планам в Восточной Азии, угрожающим балансу сил в регионе»³⁶.

Стремясь в полной мере использовать Японию для реализации своей политики в отношении Китая, Соединенные Штаты постарались избежать повторения негативного опыта «никсоновских шокков». По всем вопросам, касающимся контактов с Китаем, проводились интенсивные американо-японские консультации, все визиты американских должностных лиц в Пекин, как правило, сопровождались посещением Токио, проводился регулярный обмен информацией о состоянии связей с КНР и т. п. При этом Вашингтон всеми силами стремился убедить Японию, что в своей политике в Азии он отдает приоритет американо-японским отношениям. Во время визита в Токио в марте 1980 г. заместитель государственного секретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана (в администрации Картера) Р. Холбрук прямо заявил: «Японо-американские союзные отношения являются более важными для США, чем американо-китайские»³⁷.

Активное подключение Японии к процессу формирования политики США по отношению к Китаю не только служит задачам создания стратегического перевеса в пользу империализма в балансе сил, существующем между крупнейшими государствами азиатско-тихоокеанского региона, но и в значительной степени усиливает позиции США в треугольнике США—КНР—Япония. Играющие здесь роль лидера Соединенные Штаты имеют возможность в значительной степени определять согласованную американо-японскую политику в отношении Китая и получать дополнительные козыри в своей дипломатической игре с Пекином.

Оценивая перспективы сотрудничества США и Японии в проведении координированной политики в отношении Китая, следует отметить и достаточно серьезные американо-японские противоречия в подходе к этой проблеме. Прежде всего в силу специфики своего военно-географического положения Япония более осторожно, чем Соединенные Штаты, относится к возможности поддержки откровенно антисоветского курса. Токио проявляет серьезную озабоченность сохранением фактических американских военных обязательств в отношении Тайваня, ибо Япония в гораздо большей степени, чем США, заинтересована в сохранении этого острова в сфере западного влияния, что в первую очередь определяется широкими экономическими связями между Японией и Тайванем. Со своей стороны Соединенные Штаты весьма озабочены перспективами американо-японского соперничества на китайском рынке. В январе 1979 г. посол США в Японии М. Мэнсфильд во время встречи с посетившими Токио членами палаты представителей американского конгресса отметил, что «возможность экономической конкуренции между США и Японией в Китае может привести к определенной напряженности

³⁶ Foreign Affairs, 1979, Spring, p. 596.

³⁷ Иоммури симбун, 1980, 4 марта.

между двумя странами»³⁸. Определенным ограничителем для безудержного разыгрывания «китайской карты» является понимание негативного воздействия такой политики на глобальные американо-советские и на советско-японские отношения. Вряд ли Вашингтон и Токи заинтересованы и в таком укреплении китайских позиций в азиатско-тихоокеанском регионе, которое могло бы сделать КНР серьезным политическим и экономическим соперником ведущих империалистических стран. Еще меньше США устраивает возможность японо-китайского блокирования на паназиатской основе, которое могло бы быть направлено против американских интересов в Азии. Все это, естественно, серьезно ограничивает возможность использования японо-китайского сближения для укрепления глобальных внешнеполитических позиций США.

В целом из анализа американских и японских подходов к сотрудничеству с Китаем можно сделать вывод, что как в Вашингтоне, так и в Токи не слишком стремятся к созданию официальных и четко фиксированных форм сотрудничества с КНР, поскольку это ограничивало бы маневренность политики как США, так и Японии и налагало бы достаточно серьезные обязательства на эти страны. Сотрудничество с КНР мыслится правящими кругами США скорее как форма давления на Советский Союз, реализуемого в зависимости от складывающихся обстоятельств. Использование «китайской карты» для проведения политики нажима на СССР в условиях совместных с Японией действий значительно расширяет, по мнению вашингтонских стратегов, внешнеполитические возможности США, что, в свою очередь, повышает значение отношений с Токи в приоритетах американской политики.

Корейский фактор в американо-японских отношениях

До того момента, когда 22 июня 1965 г. министр иностранных дел Японии Э. Синна и его южнокорейский коллега Ли Дон Вон подписали в Сеуле Договор об основах отношений, четыре соглашения и протоколы, провозгласившие «нормализацию» отношений между Токио и Сеулом, Соединенные Штаты в течение почти 14 лет активно добивались создания условий для формирования американо-японско-южнокорейского сотрудничества на антикоммунистической основе. По замыслам Вашингтона, возникшим еще в годы американской агрессии в Корею, привлечение Японии к сотрудничеству с южнокорейским режимом значительно укрепило бы американские позиции на Дальнем Востоке, дало бы возможность переложить часть усилий по расширению военно-экономического потенциала Сеула на Япо-

³⁸ Security and Stability in Asia: 1979 Report Submitted by a Special Study Mission to Asia. Dec. 28, 1978 — Jan. 13, 1979, May 1979. Wash.: U. S. GPO, 1979, p. 19.

нию, увеличило бы юридические и практические возможности использования американо-японского военно-политического союза для проведения антикоммунистической политики на Корейском полуострове. Кроме того, развитие такого рода отношений между Южной Кореей и Японией наносило бы серьезный ущерб связям последней с КНДР и в значительной степени подрывало бы возможность мирного объединения Кореи.

Соединенные Штаты приложили серьезные усилия к тому, чтобы заставить Японию взять на себя часть ответственности за сохранение сеульского режима и тем самым расширить сферу действия американо-японского военного союза. В коммюнике о переговорах президента США Р. Никсона и премьер-министра Японии Э. Сато в Вашингтоне 19—21 ноября 1969 г. было подчеркнуто, что «безопасность Корейской республики неотъемлема от собственной безопасности Японии»³⁹.

Особую важность японо-южнокорейский сговор приобрел для США в период американской агрессии против народов Индокитая, когда японские монополии обеспечивали финансирование и техническую помощь южнокорейской промышленности, ориентированной на американские военные заказы. Как отмечал советский исследователь В. М. Мазуров, «в расширении южнокорейского производства, обеспечивавшего нужды американской армии во Вьетнаме, первостепенную роль играли как американские капиталы, так и материально-технические поставки японских монополий. В Японии закупались целые промышленные предприятия, которые затем доставлялись в Южную Корею»⁴⁰.

В условиях, когда, опираясь на союз с США и Японией, южнокорейский режим обрел несколько большие возможности самостоятельного существования, Соединенные Штаты в марте 1971 г. в соответствии с «доктриной Никсона» приняли решение о выводе из Южной Кореи 7-й американской дивизии, что сократило численность дислоцированных в Южной Корее американских войск с 52,5 тыс. до 37,5 тыс. человек⁴¹. В виде компенсации Вашингтон предоставил Сеулу 1,5 млрд. долл. для модернизации его армии⁴². В начале 1977 г., став президентом США, Дж. Картер официально объявил о намерении выполнить свое предвыборное обещание — сократить численность американских сухопутных войск в Южной Корее, оговорив это проведением предварительных консультаций с Сеулом и Токио. Намерение сократить военное присутствие США в Южной Корее определялось прежде всего общей тенденцией к уменьшению

³⁹ Department of State Bulletin, 1969, Dec. 15, p. 555.

⁴⁰ Мазуров В. М. Южная Корея и США. М.: Наука, 1971, с. 232.

⁴¹ U. S. South Korea Relations. Hearings before the Subcommittee on Asian and Pacific Affairs of the Committee on Foreign Affairs. 96th Congress, June 25—August 28, 1980. Wash.: U. S. GPO, 1980, p. 53.

⁴² Force Planning and Budgetary Implications of US Withdrawal from Korea. Wash.: U. S. GPO, 1978, p. 17.

американских зарубежных военных обязательств, явившейся следствием продолжавшегося еще «вьетнамского синдрома». Однако уже в апреле 1978 г. было объявлено о замедлении вывода войск, что фактически означало полное замораживание этой программы на неопределенный срок. В Вашингтоне не скрывали, что определенное воздействие на принятие подобного решения оказала позиция Японии, которая, по словам посла США в Токио М. Мэнсфильда, считала, что «вывод войск подорвет доверие к стабильности американской внешней политике»⁴³.

Поворот американской политики в конце 70-х годов в сторону конфронтации с Советским Союзом еще более усилил внимание Вашингтона к укреплению связей с южнокорейским режимом. Полностью игнорируя собственные лицемерные декларации о «правах человека», правительство Дж. Картера безоговорочно поддержало совершенный 27 мая 1980 г. военный переворот генерала Чон Ду Хвана, неделей раньше потопившего в крови антиправительственное восстание в г. Кванпджу. Чон Ду Хван был первым из глав иностранных государств, которого сразу же после инаугурации принял президент Р. Рейган, подтвердивший американские военные обязательства в отношении Южной Кореи. В апреле 1981 г. Южной Корее были проданы 36 самолетов F-16, системы ПВО, 1000 танков и другое военное оборудование на сумму в 729 млн. долл.⁴⁴ С 1981 по 1983 г. Сеулу были предоставлены займы для закупки американской военной техники на сумму в 586 млн. долл.⁴⁵

Курс Вашингтона на расширение американо-японо-южнокорейского военного сотрудничества встречает полную поддержку у милитаристских кругов Японии. Так, начальник Управления национальной обороны Японии Г. Ямасита в августе 1979 г. прямо заявил, что «Япония должна активизировать свои усилия по укреплению национальной безопасности в рамках японо-американского и американо-южнокорейского договоров о взаимной обороне»⁴⁶. УНО Японии подтвердило, что между Токио и Сеулом существуют планы обмена военными делегациями, предполагается взаимная передача военной информации.

Состоявшийся летом 1979 г. визит Г. Ямасита в Сеул (первый подобный контакт за весь послевоенный период) и последовавшая вслед за этим его поездка в США, а также поездка министра обороны США Г. Брауна (в администрации Дж. Картера) в Южную Корею и Японию в октябре того же года подтвердили усилия по созданию системы военного сотрудничества между тремя странами. Комментируя неожиданный визит японского премьер-министра Я. Накасонэ в Сеул в январе 1983 г., накануне его поездки в

⁴³ Майнити симбун, 1979, 5 авг.

⁴⁴ Asia Perspective, 1982, Fall — Winter, p. 25.

⁴⁵ U. S., Department of Defense, Security Assistance Programs. F. Y. Wash.: U S. GPO, 1982, p. 74.

⁴⁶ Санкэй симбун, 1979, 25 авг.

Вашингтон, и решение Японии предоставить Южной Корее экономическую помощь в сумме 4 млрд. долл., газета «Уолл-стрит джорнал» писала, что Япония «тем самым косвенно обязалась поддерживать южнокорейскую оборону, дала стимул для развития шаткой южнокорейской экономики и укрепила ось Вашингтон—Токио—Сеул»⁴⁷.

Проблемы американско-японских экономических отношений

Начиная с середины 60-х годов наибольшие противоречия в американско-японских отношениях вызывались состоянием торгово-экономических связей между двумя странами. Когда в 1978 г. посла США в Японии М. Мэнсфилда попросили назвать наиболее серьезные вопросы отношений между двумя странами, он, не задумываясь, ответил: «Торговля, торговля и еще раз торговля»⁴⁸.

Гигантское развитие экономики Японии в 60-х годах создало условия для развернутого наступления японских монополий на американский рынок. 1965 г. явился тем рубежом, после которого США, имевшие до этого все послевоенные годы положительное сальдо в своей торговле с Японией, столкнулись с хроническим дефицитом американско-японской торговли. За период с 1966 по 1970 г. сальдо в пользу Японии составило 1,9 млрд. долл., за следующее пятилетие, с 1971 по 1975 г., оно выросло до 5,3 млрд. долл. и увеличилось до 32 млрд. долл. за пятилетие с 1976 по 1980 г. Соединенные Штаты, как самый крупный торговый партнер Японии, поглощают около четверти объема японского экспорта, а во внешней торговле США Япония занимает второе место после Канады.

В 1981 г. объем американского экспорта в Японию составил 25,3 млрд. долл., из которых 23,9% пришлось на продукты питания (почти половину объема занимает кукуруза), 20,4 — на сырье (главным образом древесину), 10,4 — на топливо, 10,9 — на химические товары, среди которых основное место также отводится сырьевым товарам, и лишь 22,2% приходилось на продукцию машиностроения⁴⁹.

Поставляя Японии ежегодно около 65% потребляемой в стране пшеницы, 90% соевых бобов, 85% кукурузы, что составляет от 60 до 70% ежегодно потребляемого в стране зерна и соевых бобов⁵⁰, США сохраняют серьезные рычаги давления на внешнеэкономическую политику Токио. Это определяется еще и тем, что примерно половина закупаемой Японией нефти, весь уран, значительное количество редких металлов поступают через крупнейшие

⁴⁷ Wall — Street Journal, 1983, Jan. 17.

⁴⁸ Asian Survey, 1979, Mar., p. 214.

⁴⁹ Подсчитано по: Цусё хакусё Какурон (Белая книга по торговле. Обзор рынков). Токио: Окурасё инсацу кёку, 1982, с. 550—558.

⁵⁰ Japan Quarterly, 1981, N 2, p. 162.

международные монополии, большинство из которых контролируется американским капиталом. В июне 1973 г. Соединенные Штаты, стремясь навязать Японии повышение цен на ряд сырьевых товаров, ввели трехмесячное эмбарго на экспорт соевых бобов в Японию. Результатом этого шага явился так называемый «соевый шок», вызванный угрозой полного исчезновения этого продукта с японского внутреннего рынка, что и вынудило Токио дать согласие на подписание импортных контрактов по новым ценам.

Структура американского импорта из Японии, который в 1981 г. составил 38,6 млрд. долл., диаметрально противоположна структуре экспорта: 72,6% приходилось на продукцию машиностроения, 14,0 — на сталь, 0,6 — на продукты питания и лишь 0,2% — на сырье⁵¹.

Официальные американские представители неоднократно выступали с предупреждениями о том, что правительство и конгресс США могут принять самые серьезные протекционистские меры для защиты рынка от японских товаров. Однако Вашингтон до сих пор не шел на резкое обострение американо-японских торговых отношений, исходя, вероятно, как из общей важности торговли с Японией для американской экономики, так и из места Японии на шкале приоритетов своей внешней политики. Серьезную сдерживающую роль в проведении мер, направленных на защиту внутреннего рынка, играет и позиция различного рода американских потребительских организаций, заинтересованных в сбыте японских товаров, а также тот факт, что Соединенным Штатам весьма трудно сейчас отстаивать традиционный тезис, согласно которому успех японского экспортного наступления основывается на демпинговых ценах.

Укрепление позиций японских монополий на американском рынке, несмотря на то что цены на японские товары (в результате удорожания сырья и рабочей силы) зачастую здесь выше цен на аналогичные американские изделия, обеспечивалось такими факторами, как высокое качество и экономичность японских изделий, лучший учет спроса, комплексное послепродажное обслуживание, льготные условия кредита и т. п. Сыграли свою роль и более высокие, чем в США, темпы развития японской экономики, где основной приоритет отдавался укреплению экспортных отраслей, а также серьезные различия в экономической политике государства и частных компаний. Если в Японии государственно-монополистическое регулирование направлено на защиту промышленности от иностранной конкуренции, в первую очередь на упрочение позиций сильных отраслей с экспортной ориентацией (которые получают налоговые льготы, займы на развитие научно-исследовательских работ, имеют государственные гарантии сбыта и т. д.), то в США помощь оказывалась прежде всего слабым компаниям и отраслям. Политика поощрения наиболее передовых отраслей промышленности определяет намного опережающие США темпы роста производительности

⁵¹ Цусё хакусё Какурон, 1982, с. 550—558.

труда в Японии, более высокий, чем американский, уровень капиталовложений в оборудование. Так, например, в 1978 г. инвестиции в оборудование в США составили 148 млрд. долл., а в Японии — 144 млрд. долл., тогда как объем американского ВВП вдвое превышал японский⁵². В то же время, по утверждению Ф. Уилла, заместителя министра торговли в кабинете Дж. Картера, «вся система японской бюрократии и бизнеса ориентирована на проведение антиимпортной политики»⁵³.

Вместе с тем в Соединенных Штатах стали все чаще и чаще признавать, что сокращение доли США в японском импорте с 29% в 1965 г. до 17,7% в 1981 г.⁵⁴ во многом связано и с такими, например, фактами, как общее снижение конкурентоспособности американских товаров, пассивное отношение к изучению и освоению японского рынка и т. д. По свидетельству сотрудника Брукингского института Ф. Трезайса, Япония практически полностью отказалась от импортных квот, согласилась с правилами ГАТТ, а число случаев, когда Японию обвиняли в демпинге на американский рынок, с 1972 по 1977 г. не превышало 20 в год. По его мнению, большая часть американских претензий к японской торговой практике попадает под действие либо двусторонних американо-японских договоренностей, либо регулируется с помощью международных соглашений в рамках ГАТТ или американского законодательства, направленного против нарушений правил двусторонней торговли⁵⁵.

Во время торгово-экономических переговоров между двумя странами и деловых встреч Соединенные Штаты настаивают на проведении Японией ряда мер, которые, по расчетам американских экономистов, могли бы содействовать сокращению дисбаланса во внешней торговле. США, в частности, требуют от Токио проведения политики, стимулирующей развитие внутренней экономики, и большего внимания решению социальных проблем. Это должно было бы привести к отказу от первоочередной ориентации промышленности на экспорт. Вашингтон требует также мер по сокращению золотовалютных запасов Японии, которые только с 1975 по 1982 г. выросли с 12,8 млрд. до 26,5 млрд. долл.⁵⁶ США продолжают выступать за широкое открытие японского рынка для американских товаров и за поощрение прямых японских инвестиций в экономику США, которые на конец 1981 г. составили свыше 11 млрд. долл.⁵⁷, главным образом за счет вложений в японские торговые компании, оперирующие на территории Соединенных Штатов.

⁵² US — Japanese Trade Relations. Hearing before the Joint Economic Committee. U. S. Congress, Oct. 10, 1979. Wash.: U. S. GPO, 1980, p. 13.

⁵³ Wall Street Journal, 1978, Oct. 4.

⁵⁴ Цусё Хакусё Какуро, 1982, с. 550—558.

⁵⁵ См.: Setting National Priorities.— In: Agenda for the 1980's. Wash.: U. S. GPO, 1980, p. 440.

⁵⁶ Нихон токэй гэнпо, 1982, № 257, с. 137.

⁵⁷ Monthly Finance Review, N 109, 1982, July, p. 16.

В результате многочисленных и трудных переговоров, включая несколько встреч руководителей США и Японии на высшем уровне, Соединенным Штатам удалось добиться от японского правительства ряда уступок, направленных на увеличение американского импорта, по таким группам товаров, как продукты питания, шарикоподшипники и ряд других. Используя снижение курса доллара по отношению к иене, США достигли и сокращения импорта некоторых групп товаров из Японии. В 1978 г. по сравнению с предыдущим годом на 40% сократился ввоз в США японских цветных телевизоров, на 13 — автомобилей, на 17% — стали⁵⁸.

В 1981 г. Соединенным Штатам удалось настоять на принятии министерством внешней торговли и промышленности Японии решения «добровольно» ограничить экспорт японских автомобилей в США на 7% по отношению к предыдущему году, что, однако, сохранило возможность для автомобилестроительных компаний Японии поставлять на американский рынок 1,7 млн. автомобилей в год⁵⁹.

Острота торговой войны между двумя странами несколько камуфлируется стремлением правящих кругов и США и Японии не углублять конфликт до такой степени, при которой могли бы быть поставлены под угрозу основы американо-японского союза. Как писал в докладе конгрессу США сенатор С. Нани, «экономические проблемы, существующие между Японией и Соединенными Штатами, представляют собой предмет серьезной заботы в обеих странах. Но нельзя допустить, чтобы они подорвали связи между США и Японией в сфере безопасности. Как США, так и Япония должны позаботиться о том, чтобы процесс решения торговых проблем не причинил непоправимого ущерба отношениям в сфере безопасности»⁶⁰.

* * *

Процесс развития политики США в отношении Японии представляет собой сложное сочетание центробежных сил, определяемых наличием глубоких межимпериалистических противоречий между двумя странами, и центростремительной тенденции, которая в условиях роста могущества сил социализма и нарастания освободительной борьбы народов приобретает особое значение для консолидации капиталистического мира во главе с Соединенными Штатами. Прилагая усилия к укреплению американо-японского сотрудничества, правящие круги как США, так и Японии, вероятно, исходят из того, что в настоящее время не существует сколько-нибудь привлекательной альтернативы политике, основанной на двусторонних попытках сгладить имеющиеся противоречия. Если для Японии союз

⁵⁸ Подсчитано по: Цусё хакусё Какурон, 1981.

⁵⁹ Майнити симбун, 1981, 30 апр.

⁶⁰ U. S.—Japan Security Relationship — The Key to East Asia Security and Stability. Report of the Pacific Study Group to the Committee on Armed Services, US Senate, Mar. 22, 1979. Wash.: U. S. GPO, 1979, p. 9.

с США определяет возможность развивать свою политику в военной области (опираясь главным образом на американскую военную мощь), то для Соединенных Штатов Япония, сохраняющая ощутимую зависимость от политики Вашингтона, остается наиболее стабильным, а до определенной степени и управляемым союзником не только в азиатско-тихоокеанском регионе, но и в масштабах всего земного шара.

В обозримом будущем наиболее реальной угрозой для существования американо-японского союза в его настоящем виде представляются такого рода кардинальные изменения на внутривнутриполитической арене Японии, которые привели бы к власти демократические силы страны. В этом случае Соединенные Штаты столкнулись бы с ситуацией, которая в той или иной степени могла бы поставить под угрозу само существование военного союза между двумя странами. В случае сохранения у власти в Японии консервативных сил либо близких к ним центристских группировок американо-японский договор безопасности и та система политических, экономических и военных связей, которая основывается на этом соглашении, будут оставаться фундаментом отношений между Японией и США.

Все более глубокое втягивание Японии в орбиту американской внешней политики значительно усложняет ее положение в системе международных отношений, обостряет внутривнутриполитическое положение в стране, где демократические силы все активнее выступают за перестройку отношений с США на более равноправной основе. Автоматическая поддержка, которую нынешнее правительство Японии оказывает американской политике, направленной против разрядки, на проведение антисоветских акций и наращивание гонки вооружений, не отвечает подлинным интересам японского народа, стремящегося к миру, добрососедству и развитию взаимовыгодных экономических связей с Советским Союзом. Система отношений, сложившаяся на сегодняшний день между США и Японией, несмотря на ее внешнюю и часто подчеркиваемую «равноправность», позволяет Вашингтону сохранять серьезные рычаги давления на внешнеполитический курс японских правящих кругов.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПОЛИТИКА США В ЮЖНОЙ АЗИИ

Южная Азия представляет собой политико-географический регион, в состав которого входит группа развивающихся стран капиталистической ориентации — Индия, Пакистан, Бангладеш, Непал, Шри-Ланка* и Бутан. Все страны Южной Азии являются членами ООН и участниками движения неприсоединения. Кроме того, Индия, Бангладеш и Шри-Ланка входят в Содружество наций, а Бангладеш и Пакистан — члены Организации исламская конференция. Внимание в данной главе сосредоточено, однако, на отношениях США с Индией и Пакистаном, поскольку именно эти две страны являются определяющими для американской политики в Южной Азии. Что касается других сравнительно крупных государств этого региона — Шри-Ланки и Бангладеш, то им уделяется относительно меньшее внимание. Вашингтон всемерно поддерживает здесь экспансию американских монополий и не упускает возможности втянуть эти страны в осуществление своих стратегических замыслов.

Интерес Соединенных Штатов к Южной Азии определяется рядом факторов. На первый план среди них выдвигаются стратегические соображения, связанные с тем, что страны региона расположены в непосредственной близости от «морских коммуникаций в зоне Индийского океана, являющихся жизненно важными для экономики не только США, но и Западной Европы и Японии»¹, поскольку именно по ним идет снабжение этих стран ближневосточной нефтью. Кроме того, расположенная вблизи зоны Персидского залива, Южная Азия рассматривается в Вашингтоне как район, который должен быть «обеспеченным тылом» для решения задач, стоящих перед Соединенными Штатами на Ближнем и Среднем Востоке.

Среди факторов военно-стратегического и политического характера, определяющих интерес США к этому региону мира, американские специалисты выделяют также «крайнюю нестабильность» положения в регионе, что, по их мнению, чревато возможными конфликтами, которые могут привести к обострению обстановки в глобальном масштабе, а также тот факт, что по своему географическому положению субконтинент расположен в «подбрюшье» Советского Союза.

Рассуждая о месте региона в мировой политике, американские политологи нередко подчеркивают и тот факт, что в Южной Азии, где проживает пятая часть населения земного шара, сконцентрированы все основные проблемы развивающегося мира и от того, как

* До 1972 г. республика Шри-Ланка сохраняла статус британского доминиона и название Цейлон.

¹ The United States, India and South Asia: Interests, Trends and Issues for Congressional Concern, Wash.: U. S. GPO, 1978, p. 10, 11.

эти проблемы будут решаться в данном районе, во многом определится «модель» развития других молодых государств. В этом плане в Вашингтоне особое значение придается Индии — самой большой и весьма влиятельной освободившейся стране. «Успешное развитие Индии, крупнейшей некоммунистической страны, — отмечал еще президент США Дж. Кеннеди, — имеет решающее значение. Страны Азии и Африки будут сравнивать достижения свободной Индии и коммунистического Китая, смотреть какой из способов улучшения условий жизни населения миллионов людей является более эффективным»².

Южная Азия имеет и определенное экономическое значение для Соединенных Штатов. Индия, например, располагает значительными запасами высококачественной железной руды, цветных металлов, бокситов, угля (США импортируют отсюда бериллий, хром, железную руду, марганец, торий). В Индии, Пакистане, Шри Ланке и Бангладеш имеются месторождения нефти или природного газа. Экономическое значение субконтинента для США определяется еще и тем, что эти страны являются одними из основных потребителей «излишков» американской сельскохозяйственной продукции, что привело, по признанию американских специалистов, к образованию определенной «взаимозависимости» в отношениях между США и этими государствами в сфере экономики.

Таковы факторы долгосрочного характера, определяющие постоянный интерес США к Южной Азии.

Попытки создания единой военно-политической системы (50-е годы)

На протяжении всего послевоенного периода страны Южной Азии являлись одним из объектов постоянного внимания со стороны Соединенных Штатов.

В течение первого послевоенного десятилетия включение южноазиатских стран в военно-политические блоки американского империализма было главной и непосредственной задачей внешней политики США в этом районе, хотя сразу после окончания второй мировой войны проблемы взаимоотношений со странами Южной Азии не занимали какого-либо существенного места в их глобальной политике, поскольку основное внимание Соединенных Штатов было занято прежде всего ситуацией в Европе и на Дальнем Востоке.

В конце 40-х — начале 50-х годов, однако, Южная Азия, и в первую очередь Индия, начинает привлекать все более пристальное внимание США. Это объяснялось рядом причин. Во-первых, после получения Индией и Пакистаном в 1947 г. независимости и «ухода» Англии с субконтинента там, как считали в Вашингтоне, образовал-

² New York Times Magazine, 1958, Mar. 16.

ся «вакуум силы». Во-вторых, в странах Южной Азии, особенно в Индии, были сильны традиции национально-освободительного движения и еще господствовали антиимпериалистические настроения, что, по мнению американских стратегов, создавало серьезную «коммунистическую» угрозу. И наконец, американские лидеры понимали, что от того, какую позицию займет Индия, крупнейшая страна Южной и Юго-Восточной Азии, в значительной степени зависит политическая ситуация, которая будет складываться в Азии в целом. В секретном докладе по Южной Азии, подготовленном Советом национальной безопасности США в 1951 г., отмечалось: «Потеря Индии... означала бы потерю всей Азии, что представляло бы серьезную угрозу для безопасности Соединенных Штатов...»³.

Соответственно основные усилия Соединенных Штатов на этом этапе были нацелены на то, чтобы вовлечь Индию в военно-политический блок под американской эгидой и создать единую военно-политическую систему в Южной Азии, включающую в себя как Индию, так и Пакистан. Однако вскоре стало очевидным, что Индия отвергает принцип антикоммунизма в международных отношениях и выступает против военного подхода к азиатским проблемам. Руководители Индии стремились проводить независимую политику, направленную на укрепление национального суверенитета. В основу внешней политики Индии легли принципы нейтрализма, неприсоединения, которые шли вразрез с устремлениями США сделать Индию орудием своих агрессивных замыслов.

В 1949 г. США под предлогом содействия урегулированию спора между Индией и Пакистаном по Кашмиру попытались оказать давление на Индию с тем, чтобы добиться уступок от правительства этой страны. Вашингтон дал понять Индии, что США «не смогут предоставить Индии реальную экономическую помощь» до тех пор, пока не будет урегулирован спор с Пакистаном о Кашмире⁴. Однако политика «кнута и пряника» не оправдала надежд вашингтонских политиков. Правительство Индии отказалось подчиниться американскому диктату.

Из-за противодействия Индии, а также Цейлона, Бирмы и Индонезии окончилась неудачей и попытка США создать военный блок государств Южной и Юго-Восточной Азии, предпринятая в мае 1950 г. на специальной конференции в Багю, на Филиппинах.

Американская агрессия в Корее в 1950 г. вызвала дополнительные трудности в американо-индийских отношениях. Хотя Индия и проголосовала в ООН за инспирированную США резолюцию, объявлявшую КНДР агрессором, она, несмотря на открытое давление Вашингтона, отказалась послать свои вооруженные силы для поддержки американской агрессии в Корею, осуществлявшейся под прикрытием флага ООН. Следует, однако, отметить, что, несмотря

³ FRUS, 1951. Vol. VI. Wash.: U. S. GPO, 1977, p. 1651.

⁴ FRUS, 1949. Vol. VI. Wash.: U. S. GPO, 1977, p. 1727.

на противоречия по корейскому вопросу и по некоторым другим проблемам, индо-американские отношения в начале 50-х годов не были резко антагонистическими. Так, например, на заседаниях пятой и шестой сессий Генеральной Ассамблеи ООН Индия проголосовала совместно с США 38 раз⁵.

Все это давало Вашингтону основания надеяться, что в ближайшем будущем удастся найти общий язык с Индией и с другими странами Южной Азии по всем основным проблемам международной политики. Не случайно в мае 1951 г. помощник государственного секретаря США по делам Ближнего Востока, Южной Азии и Африки Дж. Макги заявил: «Самым важным является тот факт, что страны Южной Азии с их 500-миллионным населением остаются составной частью свободного мира...»⁶.

В 1951 г. Соединенные Штаты начали оказывать экономическую помощь Индии, предоставив ей безвозмездно 4,5 млн. долл.⁷ В том же году Индии был предоставлен так называемый «пшеничный займ» в 214 млн. долл. для приобретения в США и доставки в Индию 2 млн. т зерна⁸ при условии погашения этого займа в долларах, а не в обмен на индийские товары, как об этом просила Индия. А в 1952 г. между Индией и США было заключено соглашение о техническом сотрудничестве сроком на 5 лет.

Однако все эти меры экономического характера не приблизили Вашингтон к осуществлению его целей в отношении Индии. Более того, отношения между США и Индией значительно ухудшились после прихода в Белый дом в 1953 г. администрации Эйзенхауэра, не скрывавшей своего резко отрицательного отношения к политике неприсоединения. Несмотря на неоднократные предложения военной помощи Индии — только в 1953 г. с этой целью в Дели побывали государственный секретарь Дж. Даллес и вице-президент Р. Никсон, а в 1954 г. президент Эйзенхауэр направил соответствующее послание Неру, — индийское правительство по-прежнему неуклонно придерживалось политики неприсоединения и отказывалось вступать в военные союзы.

В этот период Вашингтон занял по целому ряду вопросов открыто антииндийскую позицию. Так, США поддержали салазаровскую Португалию в вопросе об освобождении португальских колоний на территории Индии — Гоа, Дамана и Диу, выступили на стороне Пакистана в его споре с Индией о Кашмире. Вашингтон использовал любую возможность для оказания давления на миролюбивую политику Индии, делая при этом особый упор на шантаж с помощью военной угрозы со стороны Пакистана, причем именно

⁵ Department of State Bulletin, 1952, Febr. 4, p. 165.

⁶ Ibid., 1951, June 4, p. 893—894.

⁷ *Johansen R. C. United States Foreign Aid to India: a Case Study of the Impact of U. S. Foreign Policy on the Prospects for World Order Reform.* Princeton: Princeton University Press, 1975, p. 3.

⁸ FRUS, 1951, vol. VI, p. 2086.

США способствовали тому, чтобы эта угроза с каждым годом становилась все более реальной.

Переговоры между США и Пакистаном о военной помощи начались еще в 1952 г. и продолжались в 1953 г. А 19 мая 1954 г., окончательно потеряв надежду втянуть Индию в систему военно-политических блоков, США подписали военное соглашение «о взаимной помощи для обеспечения обороны» с Пакистаном, и с тех пор эта страна стала получать в широких масштабах американскую военную и экономическую помощь. С этого момента Вашингтон начинает открыто поддерживать Пакистан в противовес Индии, играть на противоречиях между этими странами. Южная Азия становится ареной приложения американской политики «баланса сил».

В сентябре 1954 г. Пакистан присоединяется к военному блоку СЕАТО (Организация Договора Юго-Восточной Азии), а в сентябре 1955 г. — к Багдадскому пакту, с 1959 г. переименованному в Организацию Центрального договора — СЕНТО. Соединенные Штаты рассматривали при этом Пакистан не только как связующее звено между двумя империалистическими блоками в странах Азии — СЕАТО и СЕНТО (посредством Пакистана Вашингтон надеялся расширить свое влияние в мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока и Юго-Восточной Азии), но и как стратегический плацдарм против Советского Союза (именно с пакистанской базы ВВС в Пелдаваре стартовал в 1960 г. американский шпионский самолет У-2, сбитый над территорией СССР).

Подключение Пакистана к блоковой системе империализма безусловно соответствовало устремлениям его консервативной правящей верхушки, представлявшей в основном интересы помещиков и крупной национальной буржуазии. В то же время в основе решения Пакистана о вступлении в военные блоки лежало прежде всего не желание «бороться с коммунизмом», а стремление заручиться помощью и поддержкой США и стран Запада в деле укрепления военного и политического положения Пакистана на субконтиненте в противовес Индии, отношения США с которой оставались напряженными. Выступая на словах за свободное и независимое развитие народов, Вашингтон на деле продолжал политику нажима и шантажа с целью вовлечения Индии в систему военных блоков, противостоящих «коммунистической угрозе».

Уже к концу 50-х годов, однако, становилось все очевиднее, что эта политика терпит крах. Соединенным Штатам не удалось создать единую систему военных союзов в Южной и Юго-Восточной Азии. В Вашингтоне были обеспокоены укреплением дружественных связей Советского Союза с Индией, ростом советской экономической помощи этой стране.

Пытаясь несколько смягчить напряженность в своих отношениях с Индией, Соединенные Штаты начиная с 1958 г. увеличили ей экономическую помощь (см. табл. 3).

Таблица 3. Американская экономическая помощь Индии¹⁰ и Пакистану в 1945—1970 гг. (млн. долл.)

	Всего 1945—1970 гг.	1945— 1963 гг.	1957 г.	1958 г.	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.
Индия	8 228	3 438	187	243	320	523	370	528	736
Пакистан	3 871	1 869	100	145	142	229	218	322	378

	1964 г.	1965 г.	1966 г.	1967 г.	1968 г.	1969 г.	1970 г.
Индия	864	854	760	838	576	466	432
Пакистан	377	349	220	331	278	209	239

Составлено по: Statistical Abstract of the United States, 1964. Wash.: U.S. GPO, p. 860; Ibid., 1971, p. 761.

Не желая расстаться с надеждой на создание единого военно-политического блока государств Южной Азии, администрация Эйзенхауэра в 1959 г., в момент индо-китайского пограничного конфликта, предприняла еще одну попытку втянуть Индию в орбиту своей военной дипломатии, выдвинув идею военного «оборонительного» союза Индии и Пакистана против КНР. При этом, чтобы смягчить разногласия между Индией и Пакистаном по вопросу о Кашмире и получить дополнительный рычаг воздействия на обе страны, Вашингтон предложил передать рассмотрение кашмирского вопроса в международный арбитраж. Но Индия вновь отвергла американское предложение о вступлении в военный союз с Пакистаном и отказалась от рассмотрения вопроса о Кашмире в международном арбитраже, поскольку было совершенно очевидно, что решение этого органа, действовавшего в интересах западных стран, и прежде всего США, было бы вынесено в пользу Пакистана.

Таким образом, попытки, которые на протяжении всех 50-х годов предпринимал Вашингтон с целью создания в Южной Азии «единого оборонительного союза», включающего в себя Пакистан и Индию, окончились неудачей. Миролюбивая, антиимпериалистическая политика Индии, растущая поддержка Индии со стороны социалистических государств, и прежде всего Советского Союза, — вот что предотвратило превращение Южной Азии в плацдарм для осуществления агрессивных замыслов США.

¹⁰ Представление о реальных масштабах американской помощи дают размеры в расчете ее объема на душу населения: в ряду получающих Индия в таком случае занимает лишь 60-е место. За период с 1950 по 1973 г. объем американской помощи Пакистану (в расчете на душу населения) в 3 раза превышает помощь Индии. См.: Johansen R. C. Op. cit., p. 56—57.

Поиски «нового» подхода к Южной Азии (60-е годы)

Вопрос о судьбах «третьего мира» стал в 60-х годах одной из ключевых проблем американской политики. И хотя была провозглашена «новая эра» в отношениях США с освободившимися государствами, цель американской политики на этом направлении, и в частности в Южной Азии, оставалась прежней — превратить развивающиеся страны в «оборонительный барьер» на пути «распространения коммунизма».

С приходом в Белый дом в 1961 г. администрации Дж. Кеннеди Южная Азия, и особенно Индия, заняли одно из центральных мест в системе приоритетов американской дипломатии. Главным объектом «нового подхода» Кеннеди в отношении развивающихся стран, своеобразным полигоном, на котором испытывалась действенность политики «новых рубежей» для стран «третьего мира», стала Индия. Эта страна, подчеркивал Кеннеди, является «ключом» к Азии⁹. Росту американского внимания к Индии в это время способствовал ряд объективных причин. Уже в конце 50-х годов начала меняться позиция Соединенных Штатов в отношении политики нейтралитета. Курс периода «холодной войны», в основе которого лежал принцип «кто не с нами — тот против нас», сменила тактика заигрывания с нейтральными государствами. Изменению приоритетов в политике Вашингтона на субконтиненте способствовало также то, что в связи с развитием ракетной техники снизилось значение Пакистана в качестве базы американских стратегических бомбардировщиков. Кроме того, наметившееся в начале 60-х годов резкое ухудшение отношений между Китаем и Индией и участвовавшие инциденты на индо-китайской границе давали Вашингтону основание надеяться на возросшую заинтересованность Дели в улучшении отношений с Соединенными Штатами.

С первых же дней пребывания у власти администрации Дж. Кеннеди началось массированное наступление на Индию по дипломатическим, экономическим, пропагандистским и иным каналам с целью направить развитие этой страны в русло американских интересов. Вопросы американо-индийского сотрудничества обсуждались в 1961—начале 1962 г. в ходе визитов в Индию вице-президента США Л. Б. Джонсона, заместителя государственного секретаря Ч. Боулса, специального представителя президента А. Гарримана и многих других государственных и политических деятелей США (на 1964 г. был намечен визит в Индию президента Кеннеди). В Соединенных Штатах побывали многочисленные индийские правительственные, партийные, профсоюзные делегации, а в ноябре 1961 г. США посетил Дж. Неру.

⁹ Schlesinger A. M. A Thousand days. John F. Kennedy in the White House. Cambridge: The Riverside Press, 1965, p. 522.

В этот период была значительно увеличена американская экономическая помощь как Индии, так и Пакистану.

Дипломатическая и экономическая активность Вашингтона сопровождалась усилением идеологического проникновения, чему впервые было уделено столь значительное внимание. Для этого использовалась американская и индийская печать, радио, телевидение, кино, каналы культурных и научно-технических связей, сфера образования. Широкие права по подготовке индийских национальных кадров были предоставлены американо-индийскому образовательному фонду, основанному формально еще в 1950 г. В Индии был создан разветвленный американский пропагандистский аппарат, активизировали свою деятельность различные благотворительные организации США, в частности фонд Форда. В 1962 г. между двумя странами было подписано соглашение о развертывании в Индии деятельности «Корпуса мира».

Массированное воздействие Вашингтона, в основе которого лежало прежде всего стремление ускорить развитие экономики Индии по капиталистическому пути, укрепить позиции индийской национальной буржуазии, усилить зависимость страны от мирового капиталистического хозяйства и тем самым теснее привязать эту страну к империалистической системе, на первых порах принесло свои плоды и оказало определенное негативное воздействие на внешнюю политику Индии. Так, на XVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН делегация Индии не поддержала проект резолюции о полной ликвидации колониализма не позднее 1962 г., в Международной комиссии по наблюдению за перемирием в Лаосе индийский представитель занял прозападную позицию, подписав документ, в котором ответственность за напряженность в Лаосе возлагалась на Северный Вьетнам. Негативную позицию, вызвавшую осуждение прогрессивных кругов в стране, заняла Индия и на Белградской конференции неприсоединившихся стран, состоявшейся в сентябре 1961 г. Значительную часть «международных вооруженных сил» в период вмешательства под прикрытием флага ООН империалистических государств в дела Конго составлял индийский контингент.

Одновременно администрация Кеннеди предприняла ряд шагов, призванных улучшить отношения США с Пакистаном, который проявлял открытое недовольство заигрываниями Вашингтона с Индией. С этой целью в марте 1961 г. в Равалпинди прибыл представитель президента по особым поручениям А. Гарриман, а в июле в Вашингтоне состоялась встреча между Дж. Кеннеди и М. Айюбханом. В том же году Соединенные Штаты выделили дополнительную экономическую помощь Пакистану. Однако все эти меры не дали желаемого результата, не устранили наметившихся разногласий и отношения между двумя странами на протяжении всей первой половины 60-х годов развивались довольно неравномерно.

Несмотря на некоторые первоначальные успехи политики «новых рубежей» в отношении Индии, в американо-индийских отноше-

ниях также сохранялись серьезные противоречия. Соединенные Штаты, в частности, всячески противодействовали справедливой попытке Индии добиться освобождения португальских колоний на ее территории — Гоа, Диу и Даман. Действия индийского правительства, вынужденного предпринять с этой целью военные усилия, вызвали резко отрицательное отношение администрации Кеннеди, подержавшей Португалию — своего союзника по агрессивным военно-политическим блокам. Подобная позиция Вашингтона нанесла серьезный урон позициям США в Индии и значительно подорвала базу американо-индийских отношений, заложенную администрацией Кеннеди на предыдущем этапе.

Положение Индии на международной арене в этот период осложнялось неуклонным ухудшением отношений с КНР. Осенью 1962 г. на китайско-индийской границе начались военные действия. В первые же дни стала очевидной военная слабость Индии и правительство Дж. Неру пришлось обратиться за военной помощью к Соединенным Штатам и Англии.

Вашингтон попытался максимально использовать китайско-индийский пограничный конфликт для восстановления пошатнувшихся позиций США в Индии и оказания давления на политику этой страны. В обмен на предоставление военной помощи американцы потребовали, например, устранения с политической арены прогрессивного политического деятеля министра обороны Индии Кришны Менона. Правительство Индии было вынуждено пойти навстречу требованиям Вашингтона, и вслед за отставкой К. Менона в ноябре 1962 г. было подписано двустороннее американо-индийское соглашение о военной помощи. Одновременно США попытались вновь поднять вопрос о так называемой «совместной обороне» субконтинента, т. е. о заключении в той или иной форме индо-пакистанского союза. В качестве подготовительного шага к созданию такого союза было выдвинуто требование о смягчении позиции Дели в споре с Пакистаном о Кашмире. Однако Индия отказалась пойти на уступки принципиального характера и переговоры о союзе этих двух стран опять окончились неудачей. Таким образом, несмотря на давление, оказанное Вашингтоном по дипломатическим, экономическим и другим каналам, Соединенным Штатам и на сей раз не удалось втянуть Индию в систему военно-политических союзов Запада. Не дала Индия согласия и на размещение иностранных военных баз на своей территории.

Сложными оказались и американо-пакистанские отношения. Пакистан не скрывал своего недовольства активизацией американо-индийских связей, а Вашингтон был серьезно обеспокоен усилившимся с 1962 г. сближением Пакистана с КНР. Стремясь продемонстрировать Равалпинди недовольство его политикой, Соединенные Штаты объявили в апреле 1965 г. об отсрочке намечавшегося визита президента Айюб-хана в Вашингтон. Тем не менее Соединенные Штаты продолжали оказывать Пакистану военную и экономиче-

скую помощь в широких масштабах. Следует отметить, что военная помощь Пакистану даже в этот период значительно превышала аналогичную помощь Индии. Так, с 1954 по 1965 г. Пакистану было предоставлено вооружений на сумму примерно 800 млн. долл. (по другим источникам, эта сумма достигала 1200—1500 млн. долл.). А Индия за период с 1962 по 1965 г. (когда ей предоставлялась военная помощь США) получила американского вооружения на сумму 85 млн. долл.¹¹

Двуличная политика Вашингтона, с одной стороны, заявлявшего о своем стремлении предотвратить военное столкновение между Индией и Пакистаном, а с другой — активно участвовавшего в создании современной хорошо оснащенной пакистанской армии, в значительной мере способствовала нарастанию напряженности на субконтиненте, что привело в итоге к военному конфликту между двумя странами. Начавшиеся в конце августа — начале сентября 1965 г. военные действия были восприняты в Вашингтоне как свидетельство окончательного провала дипломатии лавирования между Индией и Пакистаном. Война 1965 г. положила конец иллюзиям о возможности военно-политического сближения двух южноазиатских государств на американской платформе.

Конфликт на субконтиненте вызвал тем большее беспокойство Белого дома, что совпал с началом эскалации американской агрессии в Индокитае, потребовавшей сокращения обязательств США в других районах мира, в том числе и в странах Южной Азии. Особую настороженность Вашингтона вызвали действия Пекина, всячески подталкивавшего Пакистан к расширению военных действий и оказывавшего правительству Айюб-хана моральную и материальную поддержку. В Соединенных Штатах понимали, что затягивание индо-пакистанской войны приведет к дальнейшему укреплению позиций Пекина в Пакистане. В начале сентября Соединенные Штаты наложили эмбарго на оказание экономической и военной помощи как Пакистану, так и Индии. В конце сентября благодаря совместным усилиям Советского Союза, Соединенных Штатов и Англии военные действия между Индией и Пакистаном были прекращены. Это был пример столь редкого в годы «холодной войны» совместного выступления Советского Союза и Соединенных Штатов на международной арене, который еще раз продемонстрировал, что объединенные усилия двух великих держав могут положить конец разрастанию конфликта в той или иной точке земного шара.

Инициативу по дальнейшему урегулированию спорных отношений между Индией и Пакистаном взял на себя Советский Союз, выступивший в роли посредника. В итоге в январе 1966 г. в Ташкенте состоялась встреча премьер-министра Индии Л. Б. Шастри и президента Пакистана М. Айюб-хана и была подписана декларация, в которой впервые со времени получения независимости этими

¹¹ *Barnds W. J. India, Pakistan and the Great Powers.*— In: *Pall Mall*, 1972, p. 323.

странами заявлялось о стремлении Индии и Пакистана «восстановить нормальные и мирные отношения»¹². В целом война 1965 г. между Индией и Пакистаном и ее результаты в значительной степени ослабили позиции США на субконтиненте. Уровень отношений США с Индией и с Пакистаном заметно снизился¹³. Провозглашение в середине 1966 г. «азиатской доктрины» Джонсона, в основе которой лежал более жесткий подход к развивающимся странам, к национально-освободительному движению, привело во второй половине 60-х годов к резкому сокращению сумм, выделяемых на экономическую помощь Южной Азии, как и другим развивающимся странам, а предоставление этой помощи прямо ставилось в зависимость от политики каждой страны, обратившейся за ней.

Неэффективность «нового» подхода США к странам Южной Азии в первой половине 60-х годов, неудачи американской политики в Индии и Пакистане в середине 60-х годов, расширение агрессии Соединенных Штатов во Вьетнаме и усиление внимания Вашингтона к Юго-Восточной Азии и Дальнему Востоку — все это привело в конце 60-х годов к определенному падению интереса Соединенных Штатов к Южной Азии, хотя и на этом этапе в Вашингтоне продолжали рассматривать регион Южной Азии как перспективный прежде всего с точки зрения стратегических интересов.

С середины 50-х годов и на протяжении 60-х годов подход Соединенных Штатов к Южной Азии определялся стремлением осуществлять политику «баланса сил». По мнению Вашингтона, своеобразное «замораживание» конфликтных отношений между Индией и Пакистаном способствовало бы более эффективному проведению американской политики, направленной на использование противоречий между Индией и Пакистаном, а также Индией и Китаем. При этом США, хотя и оказывали военную помощь Пакистану, избегали активно вмешиваться в дела субконтинента, опасаясь окончательно оттолкнуть Индию. Однако Вашингтон переоценивал свои возможности. В его расчетах на долговременное поддержание «баланса сил» в Южной Азии и в игре на противоречиях между странами этого района не была учтена вся сложность внутривосточной ситуации в Пакистане. В итоге начавшийся в 1970 г. кризис в Восточном Пакистане застал американских политиков врасплох.

Обострение ситуации в Южной Азии в начале 70-х годов и позиция США

В декабре 1970 г. состоялись первые в истории Пакистана всеобщие парламентские выборы, в ходе которых победу одержала бенгальская национальная партия — «Народная лига». Ее руководство

¹² Правда, 1966, 11 янв.

¹³ См.: Wilcox W. The Emergence of Bangladesh. Problems and Opportunities for a Redefined American Policy in South Asia. Wash.: American Enterprise Institute, 1973.

потребовало передачи власти избранному большинству депутатов Национальной Ассамблеи и закрепления в конституции страны права Восточного Пакистана на полную региональную автономию. Однако военная администрация во главе с Яхья-ханом и стоявшая за ней верхушка пакистанской буржуазии и помещиков отказались принять эти требования. Национальная Ассамблея созвана не была. В Восточном Пакистане начались жестокие репрессии. В результате Пакистан был ввергнут в острый политический кризис, который вышел за рамки страны, привел к очередному обострению индо-пакистанских отношений и заставил Соединенные Штаты вновь обратить пристальное внимание на этот регион.

Летом 1971 г. на территории Индии оказалось около 10 млн. беженцев из Восточного Пакистана, спасавшихся от бесчинств военщины, что создавало для страны серьезные экономические и социальные проблемы. Индия была даже вынуждена отложить осуществление ряда программ социального и экономического развития, составлявших основу предвыборной платформы Индиры Ганди. Правительство Индии неоднократно обращалось к пакистанским властям с призывом прекратить репрессии, нормализовать обстановку в Восточном Пакистане, чтобы дать возможность беженцам вернуться на свою землю и тем самым снять с Индии бремя по их содержанию. Однако пакистанское правительство не приняло мер к политическому урегулированию в Восточном Пакистане, продолжало репрессии против населения и одновременно усиливало военные приготовления. Все это вызвало в конце осени резкое обострение в отношениях между двумя странами и привело в начале декабря 1971 г. к широкому военному конфликту между Индией и Пакистаном.

На протяжении всех событий 1971 г., предшествовавших началу военных действий, Соединенные Штаты пытались создать видимость, что они занимают беспристрастную позицию. Однако, как отмечается в книге американского специалиста У. Брауна «США и Индия, Пакистан, Бангладеш», эта беспристрастность выражалась лишь в том, что, «с одной стороны, администрация оказывала помощь беженцам (на первом этапе кризиса, пытаясь „умиротворить“ народ Восточного Пакистана, Вашингтон выделил дополнительную экономическую помощь Пакистану, предназначенную специально для его Восточной провинции.— *Авт.*), а с другой — отправляла оружие в Пакистан»¹⁴.

Заявляя на словах о своей поддержке справедливых требований восточнобенгальского народа, Вашингтон на деле потакал действиям правительства Яхья-хана, направленным на подавление национально-освободительного движения в Восточном Пакистане, поскольку считал, что отделение восточной провинции привело бы к ослабле-

¹⁴ *Brown W. N. The United States and India, Pakistan, Bangladesh. Cambridge (Mass.); Harvard University Press, 1972, p. 224.*

нию Пакистана и нарушило бы сложившийся баланс сил на субконтиненте. В то же время США опасались, что конфликт может привести к обострению ситуации на субконтиненте в целом и вызвать очередную конфронтацию между Пакистаном и Индией.

Анализируя политику США в этот период, ряд американских исследователей отмечают, что администрация Никсона не оказала какого-либо действенного давления на Пакистан в целях урегулирования положения в Восточном Пакистане и смягчения напряженности на субконтиненте. Они объясняют это тем, что предпринимавшиеся администрацией Никсона в 1971 г. попытки нормализовать отношения с Китаем ограничивали возможности маневрирования для Вашингтона, так как последний не мог оказать поддержку Индии, имевшей напряженные отношения с Китаем. «Глобальные приоритеты США в тот момент, — указывал, например, У. Вилкокс, — находились в максимальном противоречии с интересами Индии и максимально отвечали интересам Пакистана»¹⁵.

После начала военных действий между Индией и Пакистаном в декабре 1971 г. Соединенные Штаты заняли резко антииндийскую позицию, объявив Индию «агрессором». США приостановили оказание экономической помощи Индии, и в воды Бенгальского залива под предлогом обеспечения эвакуации американских граждан из осажденной Дакки была направлена военно-морская оперативная группа во главе с авианосцем «Энтерпрайз». Ставшие достоянием общественности секретные американские документы, опубликованные в декабре 1971 — январе 1972 г. газетой «Вашингтон пост», свидетельствуют, однако, что администрация Никсона преследовала при этом гораздо более далеко идущие цели. В приказе, отданном этой оперативной группе, говорилось: «Положение: американских граждан, возможно, придется эвакуировать из района, затронутого нынешним индийско-пакистанским конфликтом. Возможно, создастся ситуация, которая потребует присутствия и использования авианосца, чтобы обеспечить защиту американских интересов в этом районе... Задание: создать чрезвычайные эвакуационные силы, способные эвакуировать на вертолетах гражданских лиц, обеспечивать самооборону и предпринимать воздушные и морские операции ВМС по указанию высшей инстанции, чтобы отстаивать американские интересы в районе Индийского океана»¹⁶.

Таким образом, эвакуация американских граждан служила скорее оправданием, чем причиной, этой военно-морской операции. Однако Вашингтон не решился пойти на прямое вмешательство в индо-пакистанский конфликт. Сдерживающее влияние на его действия оказывали, с одной стороны, все более серьезные материальные и моральные потери, которые несли США в результате

¹⁵ Wilcox W. Op. cit., p. 33—34.

¹⁶ Washington Post, 1971, Dec. 31.

американской агрессии в Юго-Восточной Азии, с другой — недвусмысленное предупреждение Советского Союза, что он не сможет остаться безучастным в случае вмешательства третьей стороны в конфликт на субконтиненте.

Во всем мире появление военно-морской группы США в водах Бенгальского залива было расценено как американская демонстрация силы, проявление тактики грубого шантажа в целях оказать давление на Индию и поощрить Пакистан на дальнейшее обострение конфликта. Но ничто уже не могло предотвратить неизбежного поражения пакистанских войск в Восточном Пакистане. 16 декабря здесь было достигнуто соглашение о прекращении военных действий. В тот же день правительство Индии приняло решение в одностороннем порядке прекратить огонь на всем протяжении границы между Индией и Пакистаном и на линии прекращения огня 1965 г. в Кашмире. 17 декабря правительство Пакистана откликнулось на этот конструктивный шаг Индии и также прекратило огонь на западном фронте. Тем самым были сделаны первые шаги к ликвидации вооруженного конфликта на Индостанском полуострове и созданы предпосылки для эффективного политического урегулирования породивших его проблем.

Позиция США во время конфликта на субконтиненте показала, что, хотя в 1969 г. уже была провозглашена «гуамская доктрина» Никсона и теоретически существовали элементы новой стратегии в отношении стран «третьего мира», на практике Вашингтон не отказался от старых методов силового воздействия. Вместе с тем стало ясно, что в высших эшелонах политического руководства США не было единства по основным вопросам, которые поставила возникшая на п-ве Индостан на рубеже 70-х годов ситуация. Расхождения касались таких проблем, как обоснованность тезиса об угрозе «национальным интересам» США в этом регионе, уровень ожидаемой реакции на возникшую ситуацию со стороны СССР и Индии, эффективность военного вмешательства на данном этапе и т. д. Даже такие конкретные шаги США в ходе индо-пакистанского конфликта, как объявление Индии «агрессором» и посылка соединений ВМС во главе с авианосцем «Энтерпрайз» в воды Бенгальского залива, были предприняты президентом Никсоном и его ближайшим окружением, несмотря на возражения целого ряда видных представителей администрации.

В то же время обращает на себя внимание совпадение позиций США и КНР в ходе индо-пакистанского конфликта. Еще с начала 1971 г. Пекин увеличил оказание экономической и военной помощи Пакистану, явно имея в виду подготовку этой страны к войне с Индией. А когда в середине декабря 1971 г. Пентагон направил военные корабли в Бенгальский залив, Пекин выступил с угрозами в адрес Индии, обвинив ее в том, что индийские войска якобы нарушили границы Китая в районе Тибета. Индийское правительство прямо расценило заявленный Пекином протест как «демонстратив-

ный жест солидарности китайского правительства с пакистанским военным режимом»¹⁷.

Подводя итоги «индостанской авантюры» Белого дома, газета «Вашингтон пост» подчеркивала, что «Соединенные Штаты потерпели стратегическое поражение»¹⁸. Если оценивать итоги развития событий на субконтиненте, исходя из тех целей, которые ставились перед американской внешней политикой, то это действительно так. США сделали ставку на то, чтобы сохранить режим Яхья-хана, не допустить раскола Пакистана, и, наконец, попытались подорвать влияние Индии. Ни одна из этих целей достигнута не была. Мало того, США своими действиями в период конфликта, во-первых, лишили себя возможности сохранить хотя бы показной нейтралитет; во-вторых, морально и политически оказались на стороне правительства, совершавшего зверства и к тому же обреченного на поражение; в-третьих, в значительной степени подорвали свои позиции на субконтиненте; в-четвертых, способствовали упрочению союза СССР — Индия, а также сближению между Пакистаном и КНР, в частности, за счет США.

От политики «малозаметного присутствия» к активной стратегии в Южной Азии

Упрочение позиций Индии на Южноазиатском субконтиненте в результате победы в войне 1971 г., образование независимого государства Бангладеш, существенное ослабление позиций традиционного союзника США в Южной Азии — Пакистана — вследствие отделения восточной провинции, расширение базы сотрудничества Советского Союза и Индии и их влияния на обстановку в Индийском океане — все это потребовало пересмотра Соединенными Штатами своих первоочередных задач в этом регионе.

Выступая в 1973 г. на заседании одной из подкомиссий конгресса, помощник государственного секретаря по делам Ближнего Востока и Южной Азии Дж. Сиско отметил, что в тот период Соединенные Штаты пересматривали свою политику в отношении Южной Азии, поскольку ситуация в этом регионе существенно изменилась и необходимо принять во внимание целый ряд новых факторов. Среди них Дж. Сиско выделил следующие: во-первых, образование нового государства Бангладеш; во-вторых, подписание советско-индийского Договора о мире, дружбе и сотрудничестве; в-третьих, отделение от Пакистана его восточного крыла; в-четвертых, появление новых моментов во взаимоотношениях между великими державами — Соединенными Штатами, Советским Союзом и Китаем¹⁹.

¹⁷ Известия, 1971, 17 дек.

¹⁸ Washington Post, 1972, Jan. 3.

¹⁹ U.S. Interest and Policy toward South Asia. Hearings before the Subcommittee on the Near East and South Asia of the Committee on Foreign Affairs, U. S. House of Representatives, March 13, 15, 20, 27, 1973. Wash.: U. S. GPO, 1973, p. 27.

Негативная позиция США в ходе борьбы бенгальского населения Восточного Пакистана за свою независимость, а также в период индо-пакистанского конфликта привела к тому, что после победы Индии и образования независимого государства Бангладеш отношения США с этими странами находились на очень низком уровне. Поэтому первостепенной целью американской политики в Южной Азии на том этапе стало стремление нейтрализовать эти негативные последствия, создать постепенно в этих странах климат, более благоприятствующий американским интересам, с одной стороны, и не допустить дальнейшего усиления влияния Советского Союза в этом районе мира—с другой.

В основу курса США в Южной Азии в 70-х годах легла политика «выравнивания» отношений со странами субконтинента, которая свелась в долгосрочном плане к задаче усиления американских позиций в Южной Азии на качественно новой основе. Неотъемлемой частью этой политики стала тактика так называемого «малозаметного присутствия» США в этом районе, вылившаяся в комплекс мер, обеспечивающих различные формы скрытого давления. Основной упор при этом делался на массированное воздействие по дипломатическим, экономическим, пропагандистским и иным каналам, а также на использование проамериканских сил внутри южноазиатских стран.

В центре внимания Вашингтона в первой половине 70-х годов оказалась Бангладеш—наиболее уязвимое в политическом и экономическом отношениях государство субконтинента. Вашингтон успешно использовал в целом неблагоприятный для этой страны комплекс внутриполитических и внешнеполитических факторов для того, чтобы направить ее развитие по пути, отвечающему американским интересам. Экономическая и особенно продовольственная помощь республике Бангладеш широко использовалась Вашингтоном для навязывания выгодных Соединенным Штатам моделей сотрудничества и для воздействия на внешнеполитический и внутриполитический курс Дакки.

Немаловажную роль в проведении американской политики «выравнивания» отношений с Бангладеш играли также каналы научно-технического и культурного обмена, американские филантропические организации, широкая пропагандистская кампания, направленная на эту страну.

В итоге к 1974 г. Соединенные Штаты сумели добиться значительного укрепления своих позиций в Бангладеш, а после переворота, совершенного в 1975 г. группой прозападно настроенных офицеров, начался период активного американо-бангладешского сотрудничества. Вашингтону удалось посеять недоверие в Бангладеш к политике Индии и подорвать дружественные связи между этими двумя странами, до того времени являвшиеся важным стабилизирующим фактором в политическом развитии в Южной Азии.

Таблица 4. Американская экономическая помощь странам Южной Азии в конце 70-х — начале 80-х годов (млн. долл.)

	1977 г.	1978 г.	1979 г.	1980 г.	1981 г.	Всего 1946—1980 гг.
Индия						
1. Экономическая помощь	126,0	196,2	228,3	221,5	287,1	10 122,2
займы	24,7	84,4	90,0	79,0	125,6	7 253,5
безвозмездно	101,3	111,3	138,3	142,5	161,5	2 868,7
A. Продовольственная помощь по Закону 480	126,0	136,2	137,6	118,3	152,1	5 714,7
B. Помощь на развитие	—	60,0	90,7	103,2	135,0	4 061,3
C. Другие виды экономи- ческой помощи	—	—	—	—	—	346,7
Пакистан						
1. Экономическая помощь	108,3	77,8	50,4	58,6	42,5	4 970,9
займы	103,6	75,8	45,2	47,5	40,0	3 151,9
безвозмездно	4,7	2,0	5,2	11,1	2,5	1 819,0
A. Продовольственная помощь по Закону 480	37,3	57,7	41,2	58,1	42,5	2 137,3
B. Помощь на развитие	71,0	20,1	9,1	—	—	2 757,7
C. Другие виды экономи- ческой помощи	—	—	0,1	0,5	—	75,9
Бангладеш						
1. Экономическая помощь	145,3	193,8	207,5	173,4	206,8	1 584,0
займы	81,2	102,4	96,6	74,4	83,3	754,0
безвозмездно	64,1	91,4	110,9	99,0	123,5	830,9
A. Продовольственная по- мощь по Закону 480	83,1	98,5	117,1	84,2	101,8	826,5
B. Помощь на развитие	62,2	95,3	90,4	89,2	105,0	757,5
C. Другие виды экономи- ческой помощи	—	—	—	—	—	—
Шри Ланка						
1. Экономическая помощь	64,8	60,8	49,9	60,3	73,5	505,2
займы	60,0	53,4	39,7	49,6	62,0	366,9
безвозмездно	4,8	7,4	10,2	10,7	11,5	138,3
A. Продовольственная по- мощь по Закону 480	43,9	37,8	20,9	28,9	27,4	346,8
B. Помощь на развитие	20,9	23,0	29,0	31,4	46,1	156,8
C. Другие виды экономи- ческой помощи	—	—	—	—	—	1,6

Составлено по: U. S. Overseas Loans and Grants, Obligations and Loan Authorizations, July 1, 1945 — September 30, 1980. Wash., 1981; см. также: Agency for International Development. Congressional Presentation. Fiscal Year 1981. Annex II. Astia. Wash., 1980.

Вскоре после прихода в 1977 г. в Белый дом Дж. Картера в США заметно повысился интерес к Южной Азии. Именно в это время со страниц американских газет и журналов начали раздаваться призывы осуществлять там более активную политику, ибо, по мнению американских политологов, курс на «малозаметное присутствие» больше не отвечает интересам США в этом районе. Уже на первом этапе своего пребывания у власти администрация Картера заметно активизировала свою политическую и дипломатическую деятельность в Южной Азии. Была постепенно увеличена и экономическая «помощь» таким странам, как Индия, Бангладеш, Шри Ланка.

Значительные изменения, которые произошли во второй половине 70-х годов в Южной Азии, а также в соседних странах, привлекли еще более пристальное внимание Соединенных Штатов к этому региону. Разгром полпотовских банд в Кампучии, революционные события в Иране и Афганистане, выход Пакистана из СЕНТО и развал этого проамериканского блока ознаменовали растущее стремление народов региона к политической и экономической самостоятельности. В конце 70-х годов еще более выросло влияние Индии на международной арене. Как отмечалось в уже упоминавшемся докладе «США, Индия и Южная Азия», самым важным событием 70-х годов в Южной Азии явилось «превращение Индии в серьезную силу на международной арене... и утверждение ее в качестве доминирующей региональной державы»²⁰. Все эти факторы подрывали неокOLONиалистские позиции США.

Повышенное внимание Вашингтона привлекал тот факт, что два государства Южной Азии — Индия и Пакистан — рассматривались начиная с середины 70-х годов в качестве потенциальных обладателей ядерного оружия. Кроме того, возросла роль южноазиатского региона в военно-стратегических планах США «послевьетнамского» периода. Эти планы предусматривали, в частности, реорганизацию опорных пунктов Пентагона, создание новых и расширение старых баз в бассейне Индийского океана. Поскольку все эти шаги вызывали негативную реакцию в прибрежных государствах и особенно в Индии, перед Вашингтоном встал вопрос о комплексе мер, призванных предотвратить или хотя бы нейтрализовать рост напряженности в индо-американских отношениях.

Активизация политики США в Южной Азии, начатая администрацией Картера и продолжающаяся при администрации Р. Рейгана, проходит под воздействием как изменения ситуации в регионе, так и возросшей агрессивности американской внешнеполитической стратегии в целом, роста гегемонистских притязаний США. Цель нынешней политики США в Южной Азии — превращение этого региона в зону своего влияния — остается прежней. Изменились

²⁰ The United States, India and South Asia, p. 1—2.

лишь методы, в частности произошло заметное усиление военно-политических аспектов в американской политике в зоне Индийского океана.

Индо-американские отношения в конце 70-х — начале 80-х годов

Администрация Дж. Картера, исходя из учета реально сложившейся ситуации на субконтиненте, предприняла сразу же после прихода к власти ряд шагов, направленных на улучшение американо-индийских отношений. Была, в частности, возобновлена помощь на программы развития Индии, прекращенная еще в 1971 г., достигнуто соглашение о поставке двух партий уранового топлива для Тарапурской атомной станции, снижены протекционистские тарифы на некоторые виды индийских товаров и т. п. В январе 1978 г. состоялся визит Дж. Картера в Индию.

В Белом доме заговорили о наступлении новой эры во взаимоотношениях между Индией и США, о новом подходе Вашингтона к Индии. На самом же деле правительство Дж. Картера, по существу, взяло в качестве образца политику Дж. Кеннеди, придававшего первостепенное значение отношениям с Индией при проведении американской политики в Южной Азии и считавшего хорошие американо-индийские отношения залогом успеха Соединенных Штатов не только в Южной Азии, но и вообще в развивающихся странах.

При этом США попытались выступать в роли своего рода «гаранта» обеспечения ведущей роли Индии на субконтиненте. Ради укрепления своих позиций в Индии они были готовы пойти даже на некоторое ущемление интересов Пакистана. Так, например, Вашингтон не возобновил американскую военную помощь Пакистану и даже не санкционировал продажу ему американских самолетов А-7, а позднее F-5E Тайгер, на чем очень настаивало правительство Зия-уль-Хака. Такая политика должна была, как полагали в Вашингтоне, подтолкнуть Индию на сближение с США и в перспективе подорвать советско-индийские отношения, вообще ослабить влияние СССР в Южной Азии.

Вскоре, однако, стало очевидно, что американский подход к Индии оказался «новым» лишь на словах, а на деле США по-прежнему стремились вести диалог и строить отношения с Индией с неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИХ позиций, учитывая лишь свои узкокорыстные интересы. Вашингтон не скрывал своего желания, чтобы во внешнюю политику Индии были внесены определенные коррективы явно в ущерб ее традиционным связям с другими дружественными державами. Это вызвало настороженность в Дели. Другим фактором, вызывавшим и продолжающим вызывать напряженность в американо-индийских отношениях, является расширение военного присутствия США в Индийском океане. В Дели справедливо считают, что

подобная политика США угрожает суверенитету и безопасности не только Индии, но и всех стран этого региона, а также подрывает усилия, направленные на превращение Индийского океана в зону мира.

США оказывают определенный нажим на Индию также через американские частные компании, действующие в стране. Хотя объем прямых американских капиталовложений в Индии относительно невелик — около 500 млн. долл.²¹, американские компании действуют в самых перспективных и прибыльных отраслях индийской экономики. Они закрепились в химической промышленности, утверждаются в электронной, фармацевтической, активизировались в сфере производства продуктов питания, текстиля, металлоизделий, кожевенных товаров. Деятельность иностранных, особенно американских, компаний зачастую настолько бесцеремонна, что правительство Индии, пытаясь оградить национальную экономику, приняло закон о валютном контроле, по которому все иностранные компании обязаны сократить свою долю акционерного капитала в индийских отделениях до 40, 51 и 74% в зависимости от сферы их деятельности²²; эти же цели преследует и решение о национализации банков в Индии, принятое в 1980 г.

Серьезные разногласия между Индией и США существуют в сфере двусторонних торгово-экономических отношений. Экономические отношения с США имеют важное значение для Индии, поскольку на протяжении ряда лет Соединенные Штаты являются ее главным торговым партнером. Но свои торговые отношения с Индией США строят явно не на основе равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. Об этом свидетельствует в первую очередь тот факт, что торговый баланс почти всегда складывается в их пользу. Одна из причин такого положения — многочисленные ограничения на ввоз индийских товаров в США.

Значительно осложняет отношения между Вашингтоном и Дели вопрос о поставках американского уранового топлива в Индию (по подписанному в 1963 г. соглашению, США обязались регулярно вплоть до 1993 г. снабжать Тарапурскую станцию урановым топливом). Позиция США по вопросу о поставках урана Индии весьма противоречива. С одной стороны, Соединенные Штаты действуют, как подчеркивает Вашингтон, в соответствии с требованиями Договора о нераспространении ядерного оружия, с другой — пытаются использовать заинтересованность Индии в американском уране в своих целях, прибегая к поставкам как к «принику» в тех ситуациях, когда это соответствует задачам американской политики в Индии, и прекращая поставки, когда хотят оказать давление на индийское правительство. Поскольку США оказались так и не способны выработать однозначный и устраивающий Индию подход к про-

²¹ International Herald Tribune, 1982, Oct. 28.

²² Commerce America, 1977, Dec. 19, p. 23.

блеме Тарапура, в ходе визита И. Ганди в Вашингтон летом 1982 г. была достигнута договоренность о том, что поставки урана в Индию будет осуществлять Франция. Эта договоренность была подтверждена во время визита президента Франции Миттерана в Индию в ноябре того же года.

События в Иране и Афганистане в конце 1979 — начале 1980 г. Вашингтон использовал для новых попыток оказать давление на Индию, пытаясь с помощью мифа о «советской угрозе» вовлечь ее в американские планы возрождения «холодной войны» и вбить клип в советско-индийские отношения. Однако индийское руководство, и прежде всего премьер-министр И. Ганди, неоднократно заявляло о нерушимости индийско-советской дружбы. Это было еще раз подчеркнуто в ходе визита И. Ганди в Москву в сентябре 1982 г. Этот визит способствовал дальнейшему укреплению существующих дружественных связей между двумя странами и расширению сфер сотрудничества между Индией и Советским Союзом.

Вашингтон стремится одновременно успокоить Дели относительно всевозрастающей американской активности в Азии, а также делает попытки сблизить Индию с Китаем. Следует отметить, что в последнее время Пекин явно демонстрирует свою заинтересованность в улучшении отношений с Дели. Однако продолжающаяся оккупация Китаем 36 тыс. кв. км индийской территории, поддержка Пакистана в кашмирском вопросе, строительство стратегического Каракорумского шоссе, проходящего и через северные районы Кашмира, находящиеся под контролем Пакистана, выпуск в Пекине географических карт, на которых часть Восточной Индии обозначена как принадлежащая Китаю территория, — все эти факторы породили в Дели большую тревогу и никак не способствуют установлению нормальных контактов с Пекином.

В конце июля — начале августа 1982 г. состоялся официальный визит премьер-министра Индиры Ганди в США. Результаты визита сделали очевидным тот факт, что Индия и США по-прежнему придерживаются разных точек зрения по многим важнейшим проблемам международного развития. Даже американская печать была вынуждена признать, что, несмотря на визит И. Ганди, связи между двумя странами остаются неустойчивыми. Индо-американские разногласия вызваны не «недопониманием» Вашингтоном проводимого Индией независимого внешнеполитического курса, как это иногда упрощенно изображают в американской пропаганде, а тем, что этот курс не вписывается в контуры нынешней глобальной стратегии США.

Продолжаемое администрацией Р. Рейгана наращивание американского военного присутствия в Индийском океане и нескрываемое намерение Вашингтона расширить военную помощь Пакистану также способствуют сохранению напряженности в американо-индийских отношениях.

Пакистан в планах Вашингтона

Во второй половине 70-х годов отношения с Пакистаном — страной, которая в течение всего послевоенного периода поддерживала с Соединенными Штатами весьма тесные связи, — развивались крайне неравномерно. Попытки правительства Пакистана, учитывая сложную внутриполитическую обстановку, выработать внешнеполитическую ориентацию, исходящую из нужд страны и направленную на взаимопонимание с другими странами региона, наталкивались на противодействие со стороны США. Это обусловливало нарастание американо-пакистанских противоречий. В свою очередь, рост противоречий во взаимоотношениях между двумя странами вызвал зигзаги в политике Вашингтона в отношении Исламабада.

Весна и лето 1977 г. — один из самых напряженных периодов в американо-пакистанских отношениях. Эта напряженность возникла после выдвинутых тогдашним премьер-министром страны З. Бхутто обвинений в адрес Вашингтона во вмешательстве во внутренние дела Пакистана. В июле 1977 г. правительство З. Бхутто было свергнуто, он сам был заточен в тюрьму и затем казнен. В Пакистане устанавливается военный режим генерала Зия-уль-Хака. После смены власти в Исламабаде напряженность в американо-пакистанских отношениях ослабевает. Но уже летом 1978 г. Соединенные Штаты приостановили оказание экономической помощи Пакистану. Формальным поводом для такого шага послужило решение последнего приобрести во Франции завод по регенерации ядерного топлива. На деле же это решение отражало недовольство Вашингтона наметившимися в то время тенденциями во внешней политике Пакистана и, в частности, его участием в Белградской конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, расширением советско-пакистанских торговых и культурных связей, а также заявлением Пакистана о его возможном выходе из военно-политической группировки СЕНТО.

Революция в Иране в начале 1979 г., которая привела к ликвидации засилья США в этой стране, заставила Вашингтон вновь обратить пристальное внимание на Пакистан. Дело в том, что благодаря возросшему экономическому и военному потенциалу Иран оказывал в 70-х годах многостороннее воздействие на страны Южной Азии и являлся важным инструментом американской политики на субконтиненте. Особенно тесный и многосторонний характер носили ирано-пакистанские отношения. Со своей стороны Соединенные Штаты всячески содействовали их сближению. Как отмечал профессор Миннесотского университета С. Берк, Вашингтон стремился «противопоставить влияние Ирана, Пакистана и США влиянию СССР и Индии в зоне Индийского океана»²³.

²³ *Burke S. M. The Postwar Diplomacy of the Indo-Pakistan War of 1971. — Asian Survey, 1973, p. 1046.*

После революции в Иране в Вашингтоне вновь взяли курс на всемерное наращивание военной мощи Пакистана. Уже 11 января 1979 г., т. е. сразу же после того, как крах проамериканского шахского режима в Иране стал неминуем, Соединенные Штаты заявили о своей готовности продать Исламабаду оружие. Однако именно тогда Пакистан предпринимает шаг, который наносит серьезный ущерб неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИМ интересам Соединенных Штатов не только в этой стране, но и в целом в Азии. В марте 1979 г. правительство Пакистана объявляет о своем решении выйти из военно-политического блока СЕНТО. Советник главного военного администратора Пакистана по иностранным делам заявил, что «пакт утратил свое значение с выходом из него Ирана и мы уже сами приближались к принятию такого решения»²⁴. Этот шаг открывал перед Пакистаном более широкие возможности для участия в движении неприсоединения, а также для улучшения отношений с Индией и Бангладеш, что могло привести к созданию на субконтиненте атмосферы мира и сотрудничества. Однако подобная перспектива развития событий в Южной Азии не устраивала Вашингтон. В апреле 1979 г. Соединенные Штаты в очередной раз объявили о прекращении экономической и военной помощи Пакистану.

Не прошло, однако, и года, как Соединенные Штаты, используя в качестве предлога события в Афганистане, предприняли спешные шаги по возобновлению не только экономической, но и в первую очередь военной помощи Пакистану. Таким образом, на протяжении всего лишь трех лет правительство Дж. Картера несколько раз меняло политику в отношении Пакистана, прибегая то к «кнуту», то к «прянику» в ответ на те или иные действия правительства Зия-уль-Хака или на развитие международной обстановки. Подобное отсутствие стабильного, последовательного подхода Вашингтона к Пакистану безусловно не способствовало улучшению американско-пакистанских отношений и приводило к росту напряженности и недоверия между двумя странами.

Тем не менее попытки Белого дома использовать Пакистан в качестве основного звена при реализации своей агрессивной политики в Южной Азии продолжают. Это в первую очередь объясняется тем, что после развала СЕАТО и СЕНТО Пакистан остался одной из немногих стран в Азии, которая имеет союзнические связи с США в виде заключенного еще в 1959 г. соглашения о сотрудничестве, носящего к тому же военный характер. Кроме того, географически Пакистан, с точки зрения Вашингтона, расположен «очень удобно», ибо его можно использовать как плацдарм для поддержки афганских мятежников, там имеются благоприятные возможности для создания авиационных и военно-морских баз и для размещения таких технических разведывательных объектов, которыми прежде Соединенные Штаты располагали в Иране.

²⁴ Gardian, 1979, Mar. 13.

Напуганные революцией в Иране и опасавшиеся повторения подобных событий в соседних странах, Соединенные Штаты отводят важную роль Пакистану. С приходом к власти администрации Рейгана вопрос об американской помощи Исламабаду вновь встал на повестку дня. Вашингтон ясно дал понять, что соображения защиты прав человека и нераспространения ядерного оружия, которые оказывали значительное влияние на взаимоотношения между двумя странами во время президентства Дж. Картера, не будут решающими при определении подхода к отношениям с Пакистаном. В ходе визитов министра иностранных дел Пакистана Ага-Шахи в Вашингтон в апреле 1981 г., а затем заместителя государственного секретаря США Дж. Бакли в Исламабад в июне и в сентябре 1981 г. было достигнуто соглашение о возобновлении американской экономической и военной помощи Пакистану. Окончательно детали этой комплексной сделки были утверждены во время официального визита президента Пакистана Зия-уль-Хака в Вашингтон в декабре 1982 г.

Программа помощи Пакистану не только содержит значительное количественное увеличение, но и предусматривает долгосрочный характер американо-пакистанского сотрудничества. Комплексная программа этого сотрудничества состоит из двух частей: первая — безвозмездные субсидии (3,2 млрд. долл.) на экономические цели и кредиты на покупку военной техники в течение 6 лет, вторая — продажа Пакистану 40 современных истребителей-бомбардировщиков F-16 (6 этих самолетов придут в Пакистан в течение 1983 г., остальные — до 1987 г.) и другой боевой техники.

В соответствии с программой половина помощи США (1,6 млрд. долл.) состоит из экономических субсидий, которые распределяются следующим образом: в 1982 г. — 150 млн. долл., 1983 г. — 250 млн., 1984 г. — 275 млн., 1985 г. — 300 млн., 1986 и 1987 гг. — по 325 млн. долл. (в 1981 г. Пакистан получил от США лишь продовольственную помощь на сумму 42,5 млн. долл.).

Вторая часть помощи Пакистану (также 1,6 млрд. долл. в кредит из расчета 14% годовых) предназначена на военные цели. Ассигнования будут возрастать: 1983 г. — 275 млн. долл., 1984 г. — 300 млн., в 1985, 1986 и 1987 гг. — по 326 млн. долл. Пакистан получит также по 800 тыс. долл. в 1983 и 1984 гг. и по 1 млн. долл. в 1985, 1986, 1987 гг. на обучение военнослужащих²⁵.

В список оружия, которое Пакистан уже закупает или собирается закупать в США, входят: 40 истребителей-бомбардировщиков F-16, танки, бронетранспортеры, вертолеты. Планируемые поставки американского оружия в Пакистан призваны способствовать превращению страны в американский плацдарм в этом регионе.

²⁵ Congressional Quarterly, 1981, Sept. 19, p. 1788.

По замыслу Вашингтона модернизированная и перевооруженная пакистанская армия могла бы быть использована вместо вооруженных сил свергнутого шахского режима в Иране для выполнения жандармских функций в районе Персидского залива. Военное и политическое значение Пакистана для Соединенных Штатов возрастает также в связи с тем, что Пакистан открыто рассматривается как транзитная база для американских «сил быстрого развертывания» в случае их переброски в район Персидского залива. Пакистан, естественно, включен Пентагоном в сферу действия созданного Соединенными Штатами в начале 1983 г. так называемого Центрального командования (СЕНТКОМ), предназначенного для руководства военными операциями «сил быстрого развертывания» в Юго-Западной Азии и в районе Персидского залива. Кроме того, Пакистан, с точки зрения США, имеет первостепенное значение как база и канал снабжения оружием контрреволюционных банд, забрасываемых с пакистанской территории в Афганистан.

Американские планы милитаризации Пакистана, превращения его в опорный плацдарм США в Южной Азии свидетельствуют о том, что и на этом направлении Вашингтон возвращается к политике, которой Соединенные Штаты придерживались в разгар «холодной войны». Эти замыслы Вашингтона создают новую и весьма реальную угрозу безопасности не только для Индии, но и для всех стран Юго-Западной и Южной Азии.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ США И ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН

В 70-х и особенно в 80-х годах все более важное место во внешне-полигических приоритетах американского империализма стал занимать в качестве нового самостоятельного внешнеполитического направления бассейн Индийского океана. Это явилось результатом роста экономического, политического и стратегического значения в мировой политике как самого океана, так и омываемых им стран. Стремление Соединенных Штатов укрепить свои позиции в этом районе мира, где проживает $\frac{1}{3}$ населения земного шара, с целью установления контроля над ресурсами прибрежных стран привело к тому, что американское руководство активизировало проведение здесь милитаристских мероприятий, оказывающих пагубное воздействие на всю международную обстановку.

Объективная оценка подобным устремлениям вашингтонских стратегов была дана на XXVI съезде КПСС, где подчеркивалось, что «империалистические круги мыслят категориями господства и принуждения в отношении других государств и народов. Монополиям нужна чужая нефть, уран, цветные металлы — и сферой „жиз-

пенных интересов“ США объявляются Ближний Восток, Африка, Индийский океан. Туда активно прорывается военная машина США и собирается расположиться надолго»¹.

Индийский океан в системе внешнеполитических приоритетов США

До начала 70-х годов бассейн Индийского океана не рассматривался в Соединенных Штатах как район, имеющий для них первостепенное значение. На шкале американских внешнеполитических приоритетов Индийский океан не шел ни в какое сравнение с Атлантическим, который включен в сферу действия военно-политического блока НАТО, а также с Тихим, соединяющим США с целым рядом стран — союзниц по азиатским блокам и Японией — основной опорой Соединенных Штатов в Азии.

Вместе с тем необходимо отметить, что к отдельным странам бассейна Индийского океана Вашингтон стал проявлять повышенный интерес начиная со второй мировой войны. Объяснялось это, с одной стороны, стремлением империализма США к установлению мировой гегемонии, а с другой — попытками крупных американских монополий обеспечить себе право беспрепятственно пользоваться сырьевыми ресурсами этого богатого района мира. С началом «холодной войны» Вашингтон усилил попытки расширить свое проникновение в этот район, стремясь, в частности, разместить там свои военные базы. В 1948 г. было образовано специальное командование американских вооруженных сил на Ближнем Востоке и районе Персидского залива, базировавшееся на о-ве Бахрейн².

В 50-х годах, когда главным направлением внешней политики США стала политика антикоммунизма, отражавшая стремление американских правящих кругов окружить страны социализма, и прежде всего Советский Союз, сетью военных баз и агрессивных блоков, а также создать проамериканские режимы в развивающихся государствах Азии и Африки, тенденция к закреплению и расширению позиций Вашингтона в этом районе приобрела устойчивый характер. Соединенные Штаты заключили двусторонние соглашения о военной помощи с Ираном, Пакистаном, Саудовской Аравией и Эфиопией, в 1951 г. — соглашение с Саудовской Аравией об аренде военно-воздушной базы для стратегической авиации в Дахране. В 1953 г. при непосредственном участии и под руководством ЦРУ в Иране было свергнуто правительство премьер-министра Моссадыка, стремившегося к укреплению национальной экономики и ограждению ее от засилья американских монополий. В Эфиопии США построили центр связи, который предназначался для поддержания

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1984, с. 21.

² В декабре 1971 г. было подписано секретное соглашение между США и Бахрейном об использовании Пентагоном военно-морской базы на этом острове.

постоянной связи между американскими вооруженными силами в Индийском океане и Пентагоном. В этот же период по инициативе Вашингтона были созданы военно-политические блоки АНЗЮС, СЕАТО и СЕНТО, район действия которых распространялся и на бассейн Индийского океана.

Американское руководство стремилось также расширить сферу действия охватывающего Австралию, Новую Зеландию и Соединенные Штаты блока АНЗЮС, который стал приобретать функции военно-политического союза с «сильным элементом глобального сдерживания, имеющим прямое отношение к району Индийского океана, равно как и Тихого»³. В 1963 г. на западном побережье Австралии, в Норт-Уэст Кейпе, был построен Пентагоном центр связи, предназначенный для передачи боевых распоряжений американским подводным лодкам, вооруженным ракетами «Поларис».

Во второй половине 60-х годов в связи с эскалацией американской агрессии в Индокитае уровень американской активности в зоне Индийского океана заметно снизился, поскольку значительная часть ресурсов, которыми располагал Пентагон, использовалась для ведения военных действий во Вьетнаме. В то же время, пока в бассейне Индийского океана находились войска Великобритании (свыше 55 тыс. человек)⁴, а также Франции, проблемы, связанные с борьбой против национально-освободительного движения и защитой общих интересов империалистических государств, не вызывали особой тревоги в политических кругах США.

В Вашингтоне считали, что американские цели в этом регионе, включая поддержку прозападных режимов, могут быть обеспечены лучше всего невоенными — экономическими и политическими — средствами.

Однако в 70-х годах произошел резкий поворот в развитии американской стратегии в бассейне Индийского океана, обусловленный целым рядом факторов. Прежде всего на рубеже 60—70-х годов американское руководство решило, используя экономические, политические, а частично и военные средства, заполнить «вакуум силы», который якобы создавался в районе «к востоку от Суэца» в результате вывода оттуда под напором борьбы народов прибрежных стран колониальных войск Великобритании. В этот период стало быстрыми темпами расти экономическое и сырьевое значение региона, а сам Индийский океан превратился в главную нефтяную артерию капиталистического мира. Бассейн Индийского океана богат и другими важными видами минерального сырья, которые привлекают сюда крупнейшие монополии капиталистических государств⁵.

³ *Starke J. G. The ANZUS Treaty Alliance. Melbourne: University Press, 1965, p. 3.*

⁴ *Ball G. The Discipline of Power. Boston: Little Brown and Co., 1968, p. 94.*

⁵ В этом районе сосредоточено 80,7% добычи в капиталистическом мире золота, 56,6% — олова, 39 — сурьмы, 32,5 — нефти, 28,5 — марганца, 25,2 — никеля, 18,5 — бокситов и 18% — свинца (*Pacific Community, 1976, N 3, p. 439*).

В условиях потери ряда баз на Азиатском и Африканском материках «уход на воду» — иначе говоря, усиление военно-морского присутствия в Индийском океане — стал рассматриваться Вашингтоном как важнейшее мероприятие, призванное сохранить для США возможность оказания давления на прибрежные страны. В то же время разработка новых, более дальнбойных баллистических ракет подводных лодок «Посейдон» дала Вашингтону возможность базировать часть этих ракетоносцев в Индийском океане для действий против СССР с южного направления. Активно прорываясь в индийско-океанский бассейн, Соединенные Штаты ныне планируют постоянно дислоцировать там современные ядерные подводные лодки с ракетами «Трайдент», которые держали бы под прицелом важные экономические и стратегические объекты, расположенные на значительной части территории Советского Союза.

Большое место в стратегической концепции США отводится осуществлению контроля над морскими и воздушными коммуникациями в этом регионе мира, а также заливами и проливами — как внутренними, так и теми, которые соединяют Индийский океан с Тихим и Атлантическим.

Все эти коммуникации имеют, по мнению Вашингтона, большое стратегическое значение. Через Суэцкий канал и Баб-эль-Мандебский пролив проходит кратчайший путь для переброски в Индийский океан кораблей 6-го американского флота, базирующегося в Средиземном море. Этим же путем, а также вокруг мыса Доброй Надежды идет основной поток нефти Персидского залива в США и страны Западной Европы. Особое внимание Вашингтона направлено на обеспечение американского контроля над районом Ормузского пролива, через который транспортируется более половины нефти, — этого важного стратегического сырья, поступающей на мировой рынок⁶. В свою очередь, большинство судов, направляющихся из Тихого океана в Индийский и обратно, проходит через Малаккский пролив. Им регулярно пользуются корабли 7-го американского флота, а глубокий пролив Ломбок, расположенный между островами Бали и Ломбок, обеспечивает прохождение крупных американских подводных лодок.

Суммируя значение индийско-океанских коммуникаций, профессор Р. Паоне, специалист в области геополитики и ярый сторонник распространения американского влияния в регионе, писал еще в 1970 г., что Индийский океан «является главной коммуникационной и торговой артерией между Западом и Дальним Востоком. Закрытие доступа западным странам в этот район нанесет большой удар по безопасности США»⁷.

Учитывая стратегическую и сырьевую важность бассейна Индийского океана, Вашингтон преследует цель установить там с помо-

⁶ New York Times, 1981, Jan. 27.

⁷ Military Review, 1970, Dec., p. 50.

щью постоянно растущего военного присутствия контроль Соединенных Штатов над всей системой коммуникаций, проливами и заливами и тем самым обеспечить экономические и политические интересы американского империализма в прибрежных государствах.

С начала 70-х годов растущее влияние в мировой политике 36 государств бассейна Индийского океана, подавляющее большинство которых являются развивающимися, вынуждает американские правящие круги пристально следить за их политической эволюцией, оценивать политическую обстановку там с точки зрения общего соотношения сил между социализмом и капитализмом и возможную роль, которую эти государства могли бы сыграть во внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов в данном районе мира.

Этапы эскалации военного присутствия в Индийском океане

Первые попытки разработать некоторые аспекты индийско-океанской стратегии и сформулировать региональную концепцию, а также реализовать ее основные положения относятся к 70-м годам, хотя Пентагон еще во второй половине 60-х годов предпринял серьезные усилия для установления своего присутствия в Индийском океане, арендовав у Великобритании в 1966 г. сроком на 50 лет о-в Диего-Гарсия и начав на нем строительство в 1970 г. центра связи⁸. С того времени в разработке индийско-океанской стратегии США можно условно выделить четыре этапа эскалации американского военного присутствия.

Первый охватывает период с конца 60-х годов и до октябрьской войны на Ближнем Востоке в 1973 г., второй — с 1973 по 1977 г., третий — с 1977 по 1979 г., а четвертый продолжается в настоящее время.

На первом этапе в условиях резкой критики агрессии во Вьетнаме внутри страны тенденция к активизации американской военной деятельности в районе Индийского океана не нашла широкой поддержки. Несмотря на постоянное давление со стороны военных кругов, требовавших усиления военного присутствия США в Индийском океане, в американском конгрессе, а также в других эшелонах государственной власти в основном преобладало мнение, что цели Вашингтона могут быть достигнуты без наращивания там военного присутствия.

Однако Пентагон, не считаясь с мнением американского конгресса, продолжал предпринимать меры, направленные на дальнейшее укрепление военных позиций США в регионе. Так, в декабре 1971 г. во время индийско-пакистанской войны США направили в

⁸ Proposed Expansion of U. S. Military Facilities in the Indian Ocean. Hearings before the Subcommittee on the Near East and South Asia of the Committee on Foreign Affairs. Wash.: U. S. GPO, 1974, p. 168.

Бенгальский залив оперативное соединение во главе с авианосцем «Энтерпрайз» с целью поддержать военный режим Исламабада и оказать давление на Индию. В январе 1972 г. руководство министерства обороны США передало в подчинение командованию ВМС США на Тихом океане весь район Индийского океана. Это означало признание новой стратегической связи между западной частью Тихого океана, Южной Азией и Ближним Востоком и облегчало распространение операций ВМС США на собственно Индийский океан.

Стремление Вашингтона усилить свое влияние и контроль в зоне Индийского океана наиболее очевидно проявилось на втором этапе выработки американской концепции, который тесно связан с четвертой арабо-израильской войной и нефтяным кризисом. Результаты этой войны были использованы милитаристскими кругами США для того, чтобы развернуть кампанию по увеличению ассигнований на строительство крупной военной базы на о-ве Диего-Гарсия. В декабре 1973 г. министр обороны США Дж. Шлесинджер объявил о том, что Соединенные Штаты «намерены направлять свои военно-морские силы в Индийский океан более часто и регулярно, чем в прошлом»⁹. А в феврале следующего года Пентагон потребовал выделить еще 29 млн. долл. на расширение центра связи на Диего-Гарсия и создание на его основе крупной базы ВМС и ВВС США. В связи с этим требованием в конгрессе начался новый раунд дебатов относительно американской стратегии в зоне Индийского океана, который длился с перерывами более полутора лет.

Сознавая слабость своих позиций и боясь вновь потерпеть поражение в конгрессе, военные круги развернули в 1975 г. кампанию вокруг якобы строящихся в Сомали советских военных баз. Раздувая эту кампанию, Пентагон стремился, с одной стороны, оправдать расширение американского военного присутствия в бассейне Индийского океана и тем самым компенсировать ослабление позиций США в Азии после победы патриотических сил в Индокитае, а с другой — подорвать растущие связи Советского Союза с прибрежными странами Индийского океана и поднять новую волну антисоветизма в США.

Вследствие роста милитаристских настроений в США и под давлением Пентагона американский конгресс в апреле 1976 г. утвердил законопроект о выделении средств на продолжение сооружения базы на о-ве Диего-Гарсия. Решение конгресса, принятое в ходе затянувшегося процесса выработки американской концепции в отношении Индийского океана, отражало в определенной степени намерения правящих кругов этой страны не отказываться от применения так называемой «океанской стратегии» или «стратегии синей воды», активная разработка которой началась еще в 60-х годах. Эта стратегия по замыслу ее творцов предполагала повышение в глобальной

⁹ Congressional Record, 1974, Apr. 8, p. E — 2196.

политике США роли военно-морских сил, главным образом авианосных соединений и подводных лодок, опирающихся на систему островных баз. В водах Индийского океана передвижением таких подлодок Пентагон планирует управлять с помощью центров связи, расположенных на островах и на территориях прибрежных государств.

«Островная стратегия» с самого начала разрабатывалась как средство вмешательства во внутренние дела суверенных государств, обеспечивающее возможность как психологического давления, так и нанесения удара с моря, т. е. с такого направления, с которого наиболее трудно организовать оборону, особенно молодым независимым государствам, не располагающим современными видами вооружений.

Рассматривая преимущества «островной стратегии», бывший в то время сотрудником Транснационального института в Беркли М. Клэр подчеркивал в 1975 г., что с политической точки зрения использование этой стратегии для поддержки стран, ориентирующихся на США, приведет к «наименьшим издержкам по сравнению с любой операцией, проводимой на континенте». Для подавления революции в любой из этих стран, по его мнению, «контрмеры со стороны США могут быть организованы еще более эффективно, чем где-либо, так как американские самолеты и боевые корабли немедленно запечатуют этот район и предотвратят доставку повстанцам оружия и припасов»¹⁰.

Все это показывает, что на втором этапе индийско-океанской стратегии США военная активность Соединенных Штатов расширилась по многим направлениям. Увеличилось число военно-морских маневров, проводимых при прямом участии и под непосредственным руководством Пентагона, участились заходы в Индийский океан крупных соединений во главе с такими авианосцами, как «Энтерпрайз», «Китти хок», «Констэллейшн». Резко возросли поставки американского оружия в прибрежные страны, особенно в те, которые расположены в районе Персидского залива. В феврале 1975 г. США отменили эмбарго на продажу оружия странам Южной Азии, действовавшее в течение 10 лет.

Для третьего этапа индийско-океанской стратегии США, начало которого совпало с приходом в Белый дом администрации Дж. Картера, особенно характерны противоречивость и непоследовательность подхода Вашингтона к проблемам этого района мира, как, впрочем, и других регионов. С одной стороны, Соединенные Штаты выразили готовность вести переговоры с Советским Союзом, который настаивал на этом с начала 70-х годов, об ограничении военной деятельности в районе Индийского океана, с другой — из-за стремления извлечь односторонние выгоды они приостановили движение в направлении достижения соглашения, а затем свели на

¹⁰ Race and Class, 1975, Apr., p. 364.

нет уже достигнутый, хотя и небольшой, прогресс в этой области. Цель этих переговоров, по мнению советской стороны, заключалась в том, чтобы предотвратить развертывание гонки вооружений в этом обширном районе земного шара, устранить существующие там источники военной напряженности. Советский Союз выдвинул на переговорах с США конкретное предложение: договориться о ликвидации в районе Индийского океана всех иностранных военных баз, не создавать новые базы, сократить военное присутствие неприбрежных государств на взаимной основе. Разумеется, все предлагаемые меры должны были полностью учитывать общепризнанные нормы международного права относительно свободы мореплавания в водах открытого моря и необходимость связанных с этим деловых заходов в порты прибрежных государств, а также научные исследования¹¹.

Первоначально Соединенные Штаты были как будто готовы к радикальному решению проблемы. Однако впоследствии их позиция изменилась и на переговорах они выступили за поэтапное решение данного вопроса, т. е. за «стабилизацию» или «замораживание» военной активности обеих стран в Индийском океане. Советский Союз, стремясь достигнуть хоть какого-то прогресса на переговорах, согласился с американским предложением, подчеркнув при этом, что надо по-деловому заняться решением стоящих на повестке дня вопросов. Для этого, по мнению советской стороны, необходимо запрещение ввода в Индийский океан и развертывание в его водах, на побережье и островах тех систем оружия, которых там не было, ограничение существующим уровнем присутствия в водах океана военных кораблей, а в его воздушном пространстве и на аэродромах — военных самолетов, отказ от строительства там новых военных баз, прекращение расширения баз, уже существующих.

После каждого раунда переговоров между СССР и США (всего состоялось четыре таких раунда — в июне, сентябре, декабре 1977 г. и в феврале 1978 г.) укреплялась надежда на подписание соглашения об ограничении военной деятельности в Индийском океане. Когда же дело дошло до стадии принятия практических решений, Соединенные Штаты, «увязав» достижение успеха на переговорах с позицией Советского Союза в отношении событий на Африканском Роге, прервали переговоры вообще.

Советский Союз, решительно выступая против подобной «увязки», продолжал считать, что советско-американские переговоры об ограничении и последующем сокращении военной деятельности в Индийском океане могли бы быть возобновлены и закончены в кратчайший срок. В предложениях Советского Союза «О практических путях к прекращению гонки вооружений», выдвинутых 30 мая 1978 г. на рассмотрение специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, подчеркивалось, что сразу же после заключения согла-

¹¹ Правда, 1976, 30 сент.

шения о «замораживании» или «стабилизации» военной деятельности в Индийском океане на существовавших в то время уровнях должны быть проведены переговоры о ее решительном сокращении, включая ликвидацию иностранных военных баз¹².

Однако США продолжали срывать их возобновление. Во время советско-американской встречи на высшем уровне в Вене в июле 1979 г. была достигнута договоренность о скорейшем обсуждении вопроса о возобновлении переговоров по Индийскому океану, но спустя месяц Соединенные Штаты отказались от такого обсуждения, продолжая в то же время наращивать свой военный потенциал в регионе.

На третьем этапе, несмотря на стремление Советского Союза и большинства прибрежных государств содействовать решению проблемы ограничения военного присутствия в бассейне Индийского океана, Соединенные Штаты, ссылаясь на события в районе Африканского Рога и антимонархическую революцию в Иране, продолжали активизировать военную деятельность. Уже в августе 1977 г., т. е. вскоре после начала советско-американских переговоров по Индийскому океану, администрацией Дж. Картера, которая уже тогда считала, что США «необходим специальный контингент для ведения локальных войн в третьем мире»¹³, было принято принципиальное решение о создании «сил быстрого развертывания» (СБР). В начале апреля 1978 г. американские корабли совместно с оперативными соединениями английских и французских военно-морских сил приняли участие в маневрах, которые по решению НАТО проводились у берегов Эфиопии.

Резкий поворот к беспрецедентному наращиванию вооруженных сил США в бассейне Индийского океана, который характерен для четвертого этапа американской стратегии в этом регионе мира, наметился еще в 1979 г., хотя концептуальное выражение он получил в начале 1980 г., когда была принята долговременная милитаристская программа, нашедшая отражение в так называемой «доктрине Картера», справедливо охарактеризованной как доктрина агрессии и диктата. Согласно этой доктрине, Соединенные Штаты произвольно объявили нефтеносные районы региона «сферой американских жизненных интересов» и заявили о намерении «защищать» эти интересы¹⁴. В действительности это означает, что Вашингтон претендует на беспрепятственный доступ для американских монополий к источникам энергии и сырья в районе, который расположен на противоположной от Соединенных Штатов стороне земного шара.

Уже в феврале-марте 1979 г. министр энергетики Дж. Шлесинджер и глава Пентагона Г. Браун выступили с призывами «применить мощь США» в районе Персидского залива под предлогом «за-

¹² Правда, 1979, 19 февр.

¹³ New York Times, 1979, Oct. 10.

¹⁴ Department of State Bulletin, 1980, Febr., p. 1.

щиты американских интересов». Последний во время своего визита на Ближний Восток и в страны Персидского залива в марте 1979 г. обсуждал вопрос «о временном пребывании» американских самолетов в странах этого региона, об отправке туда американских десантных кораблей и о более эффективном использовании американской военной базы на Бахрейне¹⁵.

Военные приготовления США в районе Индийского океана особенно усилились в конце 1979 г., после того как в Тегеране были задержаны американские дипломаты. Пока в различных внешнеполитических и военных ведомствах Вашингтона разрабатывались подробные варианты вооруженного вторжения в Иран, в США стали регулярно проводиться учения различных родов войск в условиях, приближенных к ближневосточным, а в Индийском океане происходило сосредоточение авианосных соединений, которые были готовы по приказу Пентагона начать интервенцию против Ирана.

Ссылка американских правящих кругов на «нестабильность» в районе Персидского залива и Индийского океана в качестве обоснования курса, направленного на наращивание и применение там военной силы, использовалась администрацией Дж. Картера и ранее. Еще в конце 1978 г. помощником президента США по вопросам национальной безопасности З. Бжезинским была выдвинута концепция «кризисной дуги», согласно этой концепции США должны всеми средствами, включая военные, попытаться предотвратить развитие революционных и национально-освободительных процессов в странах, расположенных вдоль берегов Индийского океана, так как «политическим хаосом, как назвал эти процессы помощник президента, вполне могут воспользоваться элементы, враждебные нашим ценностям и сочувствующие нашим противникам»¹⁶.

Пришедшая на смену администрации Дж. Картера республиканская администрация президента Р. Рейгана в полной мере сохранила упор на использование карательно-интервенционистских средств для охраны империалистических интересов США в бассейне Индийского океана. В начале января 1983 г. «силы быстрого развертывания» были оформлены в самостоятельное соединение, получившее название «Центральное командование» (СЕНТКОМ), в сферу действия которого Вашингтон произвольно включил 19 стран района Юго-Западной Азии, Персидского залива, Африканского Рога и Ближнего Востока. Оно будет иметь в своем составе более 200 тыс. военнослужащих из частей армии, ВМС, корпуса морской пехоты, ВВС по численности личного состава будет уступать в конечном счете лишь американским войскам, расположенным в Европе.

Помимо военных баз, которые США строят или модернизируют на территории некоторых стран Африканского побережья и Персидского залива, большое значение Вашингтон придает базам, расположенным в восточной части района Индийского океана. Австра-

¹⁵ New York Times, 1979, Mar. 27.

¹⁶ Time, 1979, Jan. 15, p. 18.

лия согласилась предоставить в распоряжение Пентагону базу Кокберн-Саунд (на западном побережье) и принять участие в ее реконструкции, которая обеспечит прием американских атомных подводных лодок и размещение 10 тыс. американских военнослужащих. В марте 1981 г. США подписали с Австралией соглашение, дающее Вашингтону право использовать аэродромы в Дарвине (Северная территория) для посадки американских стратегических бомбардировщиков В-52. США добились права использовать другие базы и морские порты на западном побережье Австралии, в частности Порт-Уэст-Кейп, а также Джералдтон и Банбери, куда заходят американские военные корабли.

Вашингтон оказывает сильное давление на государства Южной Азии с целью заполучить на их территории базы и опорные пункты для своих ВВС и ВМС. В обмен на военную и финансовую помощь Соединенные Штаты пытаются возобновить использование пакистанского аэропорта в Пешаваре, недалеко от границы с Афганистаном, и морского порта Карачи. К аналогичным приемам они прибегают в отношении Шри Ланки, стремясь обеспечить своим военным кораблям возможность захода и ремонта на военноморской базе в Тринкомали, и в отношении Бангладеш, где намерены построить военно-морскую базу в районе морского порта Читтагонг.

Большие усилия предпринимают США с тем, чтобы вовлечь в реализацию милитаристских замыслов в зоне Индийского океана своих союзников по НАТО и таким образом разделить с ними бремя военных расходов и политическую ответственность за интервенционистские действия в регионе. Наиболее ярые сторонники западной экспансии строят планы, связанные с созданием постоянных ВМС НАТО в Индийском океане, которые состояли бы из военных кораблей Голландии, Бельгии, Норвегии, Дании, Западной Германии, Великобритании, Канады и США.

Проведение милитаристской политики в бассейне Индийского океана привело к тому, что в начале 80-х годов Вашингтону в результате создания в некоторых прибрежных странах баз и опорных пунктов и вовлечения этих стран в ущерб их жизненным интересам и безопасности всего региона в орбиту американского влияния удалось в определенной степени укрепить свои позиции и таким образом обеспечить временное продвижение империалистических интересов США. Одновременно Вашингтон, постоянно оказывая сильное давление на своих союзников, добился прямого участия некоторых из них в осуществлении агрессивной политики США в бассейне Индийского океана. Проводимый на протяжении 70-х и начала 80-х годов милитаристский курс США является пагубным и опасным для интересов всеобщего мира, так как активно способствует росту напряженности в международных отношениях, обострению локальных кризисов, угрожающих независимости прибрежных государств.

Зона мира в Индийском океане — преграда экспансионистским планам американского милитаризма

Экспансионистские планы, разрабатываемые американским империализмом, давно вызывают тревогу у миролюбивых народов всего земного шара, и прежде всего в прибрежных странах, так как Индийский океан «был и остается сферой жизненных интересов расположенных на его берегах государств, а не каких-либо других»¹⁷. В этой связи движение за превращение Индийского океана в зону мира и сотрудничества как форма борьбы против планов установления там безраздельного господства США приобрело в последние годы особое значение¹⁸.

Стремление народов стран бассейна Индийского океана обеспечить себе мирное развитие и превратить Индийский океан в зону мира получает твердую и последовательную поддержку со стороны Советского Союза, для которого этот обширный водный бассейн также имеет большое значение. Отношение нашей страны к этой проблеме нашло отражение как в ряде коммюнике и деклараций, подписанных во время встреч советских руководителей с руководителями прибрежных государств на высшем уровне, так и в выступлениях советских представителей в ООН и на других международных форумах на протяжении последних лет.

Империалистической доктрине агрессии и диктата СССР противопоставляет доктрину мира и безопасности. Высокую оценку среди прибрежных государств и прогрессивных сил всей планеты получили советские инициативы, направленные на обеспечение разрядки напряженности в районе Персидского залива. Эти инициативы, с которыми Советский Союз обратился ко всем заинтересованным государствам, включая Соединенные Штаты, предусматривают, в частности, взаимные обязательства не создавать иностранных военных баз в районе Персидского залива и на прилегающих островах; не размещать там оружия массового уничтожения; не применять силу против стран Персидского залива и не угрожать этим странам ее применением; не вмешиваться в их внутренние дела; уважать статус неприсоединения государств региона и не вовлекать их в военные группировки с участием ядерных держав; уважать суверенные права государств региона на природные ресурсы; не создавать каких-либо препятствий или угроз нормальному торго-

¹⁷ Правда, 1980, 11 дек.

¹⁸ На Третьей конференции неприсоединившихся государств, состоявшейся в Лусаке в 1970 г., была принята резолюция, содержавшая призыв «ко всем государствам рассматривать и уважать Индийский океан как зону мира». По инициативе правительства Шри Ланки «Декларация об объявлении Индийского океана зоной мира» обсуждалась на XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которая состоялась в сентябре 1971 г. С тех пор этот вопрос ежегодно включался в повестку дня Генеральной Ассамблеи ООН и по нему принимались резолюции в поддержку предложения о создании зоны мира.

му обмену и использованию морских коммуникаций, связывающих государства этого района с другими странами мира¹⁹.

Советские мирные инициативы не получают, однако, позитивного ответа со стороны США, которые отказываются от поисков взаимопонимания по вопросам ограничения военной деятельности. Обструкционистскую позицию они заняли и по вопросу о превращении Индийского океана в зону мира. Все это можно объяснить лишь стремлением американского руководства добиться значительного изменения в региональном балансе сил в свою пользу, создать в бассейне Индийского океана мощный «железный кулак» для проведения политики экспансии и гегемонизма.

С провозглашением доктрины агрессии и диктата индийско-океанская стратегия США значительно эволюционировала. В настоящее время в военно-политической стратегии Вашингтона, нацеленной на обеспечение Соединенным Штатам позиций господствующей державы в районе Индийского океана, уже совершенно четко можно выделить две стороны. Во-первых, стремление обеспечить условия для постоянного военного присутствия американских вооруженных сил в регионе в значительных масштабах, и, во-вторых, готовность к применению военной силы для предотвращения развития любых событий, которые ограничивали бы свободу действий США и их союзников по охране своих империалистических интересов в районе Индийского океана. Эти изменения в американском подходе к проблемам региона создают дополнительные трудности на пути урегулирования локальных конфликтов, препятствуют созданию зоны мира в Индийском океане, отвечающей жизненным интересам прибрежных государств, а также всех стран, которые выступают за укрепление международного мира и безопасности.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ США И АФРИКА

В глобальной стратегии США в послевоенный период Африканский континент, как правило, рассматривался лишь как второстепенный объект, не требовавший специального внимания, и длительное время занимал одно из последних мест в системе стратегических приоритетов США. Хотя ряд американских специалистов указывали на исключительную важность Африки и с сырьевой и с военной точек зрения¹, было широко признано, что интересы США там «передоверены» их западноевропейским союзникам по

¹⁹ Правда, 1980, 11 дек.

¹ Bowles C. Africa's Challenge to America. Berkeley; Los Angeles: Columbia University Press, 1957, p. 50, 53; McKay V. Africa in World Politics. New York; Evanston: Harper and Row, 1963, p. 273.

НАТО и гарантированы ими², а следовательно, не являются «жизненно важными» для США³.

Наряду с этим процесс неуклонного изменения соотношения сил в мире между социализмом и капитализмом в пользу первого позволял национально-освободительному движению в Африке все в большей мере опираться в своей борьбе за независимость на союз со странами социалистического содружества. А это все более затрудняло Западу навязывание своего диктата Африке, все более сужало его возможности расколоть такой союз.

С учетом этого подход США к Африке определялся соотношением общеимпериалистических и своекорыстных американских интересов на континенте. Будучи крайне непостоянным, это соотношение вело то к обострению межимпериалистических противоречий — в периоды относительного «затишья» освободительной борьбы, то к сознательному приглушению их в интересах совместных действий против национальных движений, однозначно рассматривавшихся как «коммунистическая угроза». Но все же политику Запада в Африке отличала значительно большая по сравнению с политикой в других регионах солидарность действий в борьбе с национально-освободительными движениями.

Эта политика осуществлялась на фоне нараставшего процесса распада колониальной системы империализма. Для Африки первый пик этого процесса пришелся на начало 60-х годов, когда рухнули колониальные империи Англии, Франции, Бельгии. Второй пик наступил в середине 70-х годов и определялся крахом последней — португальской — империи. Распад колониальной системы оказал долгосрочное революционизирующее влияние на весь континент, привел к модернизации политики Вашингтона на африканском направлении. Эта модернизация, однако, не затронула кардинальных основ политики США, а выразилась в новой тактике, которая отнюдь не устранила непосредственность и противоречивость политики США, не рассеяла вполне оправданные подозрения лидеров африканских стран относительно своекорыстных мотивов Вашингтона.

В послевоенные годы политика США в Африке развивалась определенными циклами: за периодом затишья следовал период инициатив. Пока события развивались так как это устраивало Вашингтон, там предпочитали выжидать. В частности, освобождение африканских стран из-под колониальной зависимости от европейских метрополий до определенной степени устраивало США, поскольку

² Africa: from Mistery to Maze / Ed. H. Kitchen. Lexington; Toronto: Lexington Books, 1976, p. 277; *Neilsen W.* The Great Powers and Africa. N. Y.: Praeger Publishers, 1969, p. 245; *Schlesinger A.* A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House. Boston: Houghton, Mifflin and Co., 1965, p. 558.

³ The Kissinger Study of Southern Africa, National Security Study Memorandum 39 (Secret)/Ed. M. El-Khawas. B. Cohen. Westport (Conn.): Lawrence Hill and Co., 1976, p. 86. (Далее: NSSM 39).

открывало для них дополнительные возможности по установлению контроля над соответствующими странами путем использования неокOLONиалистских рычагов. Когда же национально-освободительная борьба грозила перейти в борьбу за социальное освобождение, в борьбу против неокOLONиального гнета, тогда Вашингтон начинал активно вмешиваться в африканские дела с целью не допустить выхода тех или иных стран из мировой системы капитализма.

За почти 40 послевоенных лет африканская политика США прошла уже два четко выраженных цикла, что позволяет говорить об определенных закономерностях ее эволюции. Хронологические рамки этих циклов приблизительно соответствуют 1945—1963 и 1964—1980 гг. Здесь можно выделить длительные периоды стабильной консервативной политики, нацеленной на закрепление статус-кво, при президентах Г. Трумэне и Д. Эйзенхауэре (1945—1956 гг.), а также Л. Джонсоне, Р. Никсоне и Дж. Форде (1964—1975 гг.); переходные периоды при республиканцах Д. Эйзенхауэре (1957—1960 гг.) и Дж. Форде (1975—1976 гг.) и периоды модернизации этой политики при демократических администрациях Д. Кеннеди (1961—1963 гг.) и Дж. Картера (1977—1980 гг.). Администрация Р. Рейгана открыла новый, третий по счету цикл в американской политике, начавшийся, как и прежде, с попытки закрепления, консолидации позиций США на Африканском континенте.

Африка в планах США в период «крестового похода» против коммунизма (1945—1960 гг.)

«Наш первый контакт с Африкой восходит ко времени беззаконной работорговли. Наши предки... не находили ничего дурного в том, чтобы высадиться на чужой земле, захватить там беспомощных людей и обратить их вместе с потомками в рабство — и все это во имя прогресса и процветания цивилизации»⁴. Так описал генезис африканской политики США ответственный сотрудник госдепартамента Г. Виллард вскоре после высадки американских войск в Северной Африке в ноябре 1942 г., когда перед Вашингтоном возникла необходимость определить на перспективу роль и место Африки во внешней политике США. Тут-то и осознали американские теоретики, что контакты США с Африкой, имевшие место после начала работорговли, ничего конструктивного для укрепления американских позиций на этом континенте не имели. Правда, американцы основали Либерию, куда они ссылали своих освобожденных рабов. Однако Либерия, ставшая в 1947 г. первой формально независимой негритянской республикой, приобрела в Африке дурную

⁴ *Villard H. American Relations with Africa.— Department of State Bulletin, 1943, Aug. 21, p. 103.*

славу в качестве «империи» американской резиновой компании «Файрстоун раббер». В 1885 г. США поставили свою подпись под Генеральным актом Берлинской конференции, «узаконившей» империалистический раздел Африки, а в 1919 г.— под Сен-Жерменским договором, перекроившим этот регион в свете итогов первой мировой войны.

Поскольку США в силу противодействия могущественных европейских конкурентов не стали классической колониальной державой, они стремились изыскать обходные пути к рынкам чужих колоний. Путем политики «открытых дверей», «иоощрения деколонизации» США строили вполне определенные планы проникновения в Африку. «Первостепенный фактор,— отмечал Г. Виллард,— это равные возможности в торговле с колониями любой страны, ибо «нам нужны африканские ресурсы... Если же равный доступ к сырью будет обеспечен, то это ликвидирует одно из главных оправданий захвата его силой»⁵. Таким образом, Соединенные Штаты, опираясь на свою возросшую в ходе второй мировой войны силу, стремились навязать европейским державам мало признававшийся ими до этого принцип «открытых дверей» в их владениях. В то же время США, спекулируя на своем неколониальном прошлом, использовали борьбу колоний за независимость с целью укрепления своих экономических и политических позиций в соответствующих странах и регионах.

Однако в конкретных исторических условиях первых послевоенных лет Вашингтон скорректировал свои планы. Период администраций Г. Трумэна и Д. Эйзенхауэра был временем перехода США к «холодной войне» против СССР, к политике «сдерживания коммунизма», сколачиванию антисоветского западного альянса. Рассматривая эти цели как первоочередные, Вашингтон счел целесообразным пойти на известное самоограничение своекорыстных интересов на Африканском континенте. Во-первых, США опасались дополнительного бремени и риска, связанных с весьма неопределенными перспективами решения колониального вопроса, во-вторых, они видели в Африке дополнительный источник восстановления подорванных войной экономик метрополий, что считалось необходимым в контексте «борьбы с коммунизмом», в-третьих, в ходе решения этих двух проблем США рассчитывали заложить основы собственного массивированного проникновения на континент на более позднем этапе. Поэтому Вашингтон счел целесообразным на том этапе поддерживать позиции европейских стран в Африке ради своих собственных и более широких интересов Запада в целом и отказался «слушать экстремистов, призывающих к немедленному освобождению всех зависимых территорий»⁶.

⁵ Ibid., p. 107, 109.

⁶ Ibid., p. 108.

В программном заявлении администрации Г. Трумэна по африканским проблемам помощник госсекретаря США по делам Ближнего Востока и Африки Дж. Макги указывал в мае 1950 г., что США и далее «не намерены нести прямую ответственность за Африку» и могут лишь сотрудничать с метрополиями. Обосновывая это «отсутствием прямой угрозы» Западу в Африке, он рекомендовал заранее готовиться к ее появлению, «помогая ответственным африканским лидерам создать общество... предпочтительное альтернативе, предлагаемой коммунистами»⁷. Речь шла о заблаговременной подготовке местной элиты, которая бы сохранила свои страны в сфере влияния Запада. Эта задача и возлагалась на колониальные державы.

«Правительство Соединенных Штатов,— отмечал Дж. Макги в 1951 г.,— всегда считало, что преждевременная независимость может принести примитивным и необразованным народам больше вреда, чем пользы... и поставит под угрозу безопасность свободного мира»⁸. Дипломатическая переписка тех лет полна заверений американской стороны в своей полной лояльности к колонизаторам в деле подавления устремлений народов колоний. Так, Дж. Макги, отклоняя упреки французов в том, что, «по мнению националистов Северной Африки, они пользуются полной поддержкой США», называл это «ложным впечатлением», ибо США «не собираются разрушать французскую империю»⁹.

Подобная трактовка целей и задач политики США в Африке сохранялась на протяжении длительного времени в период пребывания у власти Д. Эйзенхауэра. Об этом свидетельствуют многочисленные заявления помощников госсекретаря Дж. Аллена, Дж. Пальмера, Д. Холмса, относящиеся к 1955—1959 гг.¹⁰ «Философскую» основу под эту концепцию подвел госсекретарь США Дж. Ф. Даллес, писавший о необходимости обеспечить «мирные перемены без переворотов и войн»¹¹. Конкретно при этом имелось в виду, как разъяряли Дж. Макги и Дж. Аллен, что «так называемый капиталистический колониализм на деле есть архипрогрессивное явление», ибо он «открыл новые горизонты» африканцам, а «контакты с западной цивилизацией дали импульс их современному национальному самосознанию»¹². За этой демагогией стояла заинтере-

⁷ *McGhee G. United States Interests in Africa.*— Department of State Bulletin, 1950, June 19, p. 1000, 1001; *Idem. Africa's Role in the Free World Today.*— *Ibid.*, 1951, July 16, p. 99.

⁸ *McGhee G. Africa's Role in the Free World Today*, p. 98.

⁹ FRUS, 1950. Vol. V. The Near East, South Asia and Africa. Wash.: U. S. GPO, 1978, p. 1548.

¹⁰ Department of State Bulletin, 1956, Apr. 3, p. 716—717; 1956, May 28, p. 877; 1957, Dec. 9, p. 930—933; 1958, May 26, p. 857—862; 1959, Febr. 9, p. 188; 1959, Nov. 16, p. 711.

¹¹ *Dalles D. F. Challenge and Response in United States Policy.*— Department of State Bulletin, 1957, Oct. 7, p. 578.

¹² Department of State Bulletin, 1951, July 16, p. 98; 1956, Apr. 30, p. 717.

сованность в сохранении позиций метрополий в Африке, а на этой основе — «интересов безопасности США». Все это и составляло содержание «просвещенного эгоизма» США применительно к Африке.

Европейская ориентация США определяла неизменную поддержку ими метрополий в многолетних дебатах в Совете по опеке ООН по проблемам британских и французских колоний. Они также поощряли использование странами Западной Европы части средств, поступавших по «плану Маршалла», в африканских колониях. По подсчетам американских экономистов, только Англия, Франция и Бельгия направили в Африку около 500 млн. долл.¹³ 99% этих сумм шло на развитие инфраструктуры и добывающей промышленности, т. е. было прямым продолжением восстановления экономики метрополий, а не колоний. По этому поводу в документе госдепартамента за декабрь 1950 г. прямо указывалось: «Постепенное ослабление экономических связей европейских держав с их дальневосточными владениями и необходимость восстановления их собственной экономики заставили эти страны видеть в развитии Африки средство усиления их общих экономических и стратегических позиций в мире. Соединенные Штаты поддерживают эту цель...»¹⁴.

Оружие и военное снаряжение, предоставлявшееся США Западной Европе, использовалось с одобрения Вашингтона в колониальных войнах. Как отмечал американский исследователь В. Нильсен, «американское правительство в значительной мере являлось финансистом и поставщиком оружия для двух крупных колониальных войн Франции — в Индокитае и Алжире»¹⁵. Таким образом, европеизм политики США делал их прямым участником политики колониализма.

Было бы ошибкой, однако, считать, что уже в то время США не готовились к расширению собственных позиций на Африканском континенте. Вашингтон постоянно подчеркивал: «Естественным следствием наших усилий по укреплению стран Западной Европы является наше стремление сотрудничать с ними в законном и прогрессивном развитии африканских территорий и в сохранении там политической стабильности». При этом госдепартамент считал, что США «находятся в наилучшем положении из всех стран для оказания влияния на континент», ибо их влияние «на действия западных стран в Африке огромно», а «развитие Африки может быть достигнуто... только при широком американском участии»¹⁶.

Правда, США располагали в Африке слабыми экономическими позициями, хотя временная утрата ими ряда традиционных источников сырья в других регионах мира привела к увеличению афроамериканской торговли за 4 года войны в 4 раза (с 250 млн. до

¹³ Kamark A. The Economics of African Development. N. Y.: Praeger Publishers, 1967, p. 201.

¹⁴ FRUS, 1950, vol. V, p. 1589, 1505.

¹⁵ Neilsen W. Op. cit., p. 253—254.

¹⁶ FRUS, 1950, vol. V, p. 1591, 1506.

1059 млн. долл. в 1941—1945 гг.), а капиталовложений США в Африке — в 2 раза (с 139 млн. до 287 млн. долл.). Возврат США после войны к традиционным источникам сырья привел к замораживанию экономических связей США с Африкой. В первые 10 послевоенных лет они не превысили уровня 1945 г. Внешнеторговый оборот США со странами Африки составлял 3% мировой торговли США, а американские инвестиции — всего около 1% зарубежных капиталовложений США. Учитывая также, что более трети торговли и половина инвестиций США в Африке были сосредоточены в Южно-Африканском Союзе (с 1961 г. — Южно-Африканская Республика), можно считать, что экономический аспект американо-африканских отношений не играл для США существенной роли.

В подходе США к Африке в тот период превалировало военно-стратегическое направление. Сохранение американского контроля над огромной авиабазой Робертс-Филд (Либерия), строительство базы связи Кегню в Эфиопии (1953 г.), соглашение о военных базах с королевской Ливией (1954 г.) — таковы основные вехи сотрудничества США с единственными в то время независимыми африканскими странами. Однако эти отношения не были оформлены военными союзами. Их заменителем выступала военная помощь. Не случайно в четвертом пункте «программы Трумэна», которую можно рассматривать как одну из первых заявок США на самостоятельную политическую роль в «третьем мире», акцент делался именно на военную помощь. Правда, доля стран Африки в «помощи», предоставлявшейся США в соответствии с этой программой, не превышала 10% и фактически была платой за военные базы в Либерии, Эфиопии, ЮАС, Египте и Ливии. В эти годы США рассматривали Африку главным образом как континент, «создающий необходимый стратегический тыл для Западной Европы», и «ассоциированный придаток» НАТО, а свои военные объекты — как средство «обеспечения внутреннего порядка, необходимого для сохранения колониальной системы»¹⁷.

Конец 50-х годов ознаменовался поисками Вашингтоном путей более активного участия в африканских делах. Возникновение и развитие движения неприсоединения как самостоятельной политической силы, активизация национально-освободительных движений в африканских колониях, целый ряд которых уже добился к этому времени независимости (1951 г. — Ливия, 1956 г. — Судан, Марокко и Тунис, 1957 г. — Гана, 1958 г. — Гвинея), рост антизападных настроений и симпатий к социализму в Африке — все это подрывало прежнюю схему отношений США с Африкой. Однако и в этих условиях администрация Д. Эйзенхауэра не пошла на серьезный пересмотр базовых установок своей политики. Была сделана лишь попытка укрепить общие позиции Запада путем расширения аме-

¹⁷ Africa: from Mystery to Maze, p. 280.

риканского участия в африканских делах, причем в ущерб крепшим западноевропейским конкурентам Соединенных Штатов.

В феврале-марте 1957 г. вице-президент США Р. Никсон посетил Марокко, Гану, Либерию, Уганду, Эфиопию, Судан, Ливию и Тунис. Доклад, представленный им по возвращении, фактически явился проектом модернизации африканской политики США. Р. Никсон подчеркнул возрастающую роль развивающихся стран, которые «вполне могут оказаться решающим фактором в конфликте между силами свободы и международным коммунизмом». Усмотрев в ослаблении европейского влияния угрозу, но одновременно и шанс для интересов США, он рекомендовал усилить собственную роль США в Африке за счет эквивалентного снижения проевропейской ориентации американской политики в Африке. При формулировании собственной политики, писал он, США должны принимать во внимание интересы метрополий «лишь в той степени, в какой это позволяют фундаментальные требования наших собственных отношений» со странами Африки. Он также выразил сомнение в правильности прежнего постулата США о необходимости сохранения связей между европейскими и африканскими странами после завоевания последними независимости. Они должны сохраняться лишь тогда, подчеркнул он, когда «будут считаться взаимовыгодными обеими сторонами». Р. Никсон предлагал также расширить сеть дипломатических и консульских представительств США в новых странах и программы помощи. Имелось в виду вначале «обратить внимание частного капитала на возможности для инвестиций», затем привлечь международные организации и уже потом подумать о двусторонней помощи, но лишь «в той степени, в какой позволяют ресурсы США и требования других регионов». Признавая рост значения Африки для США, Никсон тем не менее рекомендовал отказ от дорогостоящих обязательств и от участия в решении насущных политических проблем континента. Подчеркивалось, что США интересуется не столько сама Африка, сколько ликвидация «коммунистической угрозы»¹⁸.

Иной характер носили взгляды сенатора Дж. Кеннеди, высказанные им в известной речи по проблеме Алжира в Американском университете 2 июля 1957 г. Кеннеди призвал к отказу от поддержки традиционного колониализма и переходу к новым формам отношений с Африкой¹⁹. Тем самым будущий президент США показал себя хорошим защитником интересов американского неоколониализма, полагавшим, что политическая независимость не является препятствием для сохранения «невидимого» экономического господства США. Возглавив в 1959 г. сенатскую подкомиссию по Африке,

¹⁸ *Nixon R.* The Emergence of Africa. Report to President Eisenhower by Vice-President Nixon.—Department of State Bulletin, 1957, Apr. 22, p. 635—640.

¹⁹ *Kennedy J. F.* The Strategy of Peace/Ed. A. Nevins. New York; Evanston; London: Harper and Row, 1960, p. 66—68.

Дж. Кеннеди постоянно предрекал победу африканских народов и требовал пересмотра политики США.

Таким образом, к концу 50-х годов в руководящих кругах США сформировались, по сути дела, три течения в подходе к Африке. Госдепартамент США продолжал еще мыслить старыми категориями поддержки европейских метрополий. Однако значительная часть правящих кругов, напуганная «ветрами перемен», заговорила о необходимости изменений и в американском курсе в отношении Африки. При этом Белый дом в лице Р. Никсона предлагал в основном ограничиться усовершенствованием механизма рабочих отношений со странами Африки и поверхностными изменениями в концептуальном подходе, хотя он уже и признал необходимость поставить собственные интересы США в Африке на первое место по сравнению с интересами европейских союзников. Сенатор Дж. Кеннеди и его единомышленники (Честер Боулс, Эдлай Стивенсон, Уолт Ростоу) требовали концептуального пересмотра американского подхода, без чего успех США казался им немислимым.

Последовавшие практические шаги не выходили за рамки предложений Р. Никсона. В июле 1958 г. конгресс утвердил создание в госдепартаменте самостоятельного отдела Африки. Возросли и размеры американской помощи. Если за четырехлетний период, с 1953 по 1957 г., займы и кредиты Африке составили 120,3 млн. долл., то в одном только 1958 финансовом году они достигли 100 млн., в 1959 г. — 185 млн., в 1960 г. — 211 млн. долл. Помощь предоставлялась 14 африканским странам и планировалась еще десяти. В 31 стране имелись отделения ЮСИА, активизировалась деятельность Экспортно-импортного банка. Необходимо, однако, иметь в виду, что этот количественный рост происходил в условиях быстрого увеличения числа независимых государств континента.

1960 год был отмечен беспрецедентной активизацией Соединенных Штатов в Африке: в этот год, «год Африки», независимости добились сразу 17 стран, а африканские проблемы впервые заняли видное место в президентской предвыборной кампании в США. Особое значение приобрел в этой связи кризис в Конго, ибо, как отмечал советский исследователь В. Фетов, «установление контроля над Конго правящие круги США рассматривали как краеугольный камень всей своей неоколониалистской стратегии в Африке»²⁰.

Падение бельгийского колониализма, острая борьба между ведущими европейскими финансовыми группами, хозяйничавшими в Конго, — все это было активно использовано американскими монополиями для усиления своего проникновения в страну. Однако главным стимулом действия международного империализма было стремление ликвидировать общую для него опасность — национально-освободительное движение во главе с Н. Лумумбой, который уже в день

²⁰ Фетов В. Долларом, мечом, дурманом: Африка и американский неоколониализм. М.: Междунар. отношения, 1969, с. 207 и др.

провозглашения независимости заявил о разрыве с колониальным прошлым. Основным орудием политики империализма в Конго стали войска ООН, направленные туда по просьбе правительства П. Лумумбы, но практически решавшие задачи, поставленные Вашингтоном.

В конфронтации с национально-освободительным движением в Конго США продемонстрировали жесткий репрессивный подход, свойственный эпохе колониализма, но со значительными элементами маневрирования. В соперничестве же с конкурентами они проявили намерение не просто расширить свое влияние в Африке, но и утвердиться в роли гаранта общеимпериалистических позиций, выступив против метрополий, которые, с их точки зрения, не справились с задачей контрреволюционной стабилизации. В ходе конголезского кризиса США впервые вступили в прямое противоборство с силами социалистической ориентации на Африканском континенте.

«Новые рубежи» Дж. Кеннеди (1960—1963 гг.)

«Будущее Африки окажет серьезное воздействие в лучшую или худшую сторону на будущее Соединенных Штатов»,— считал Дж. Кеннеди²¹. Однако новый президент США сознавал, что без существенной перестройки американская политика не впишется в новую африканскую реальность и может потерпеть провал.

Хотя программа демократов была в значительной степени подготовлена мероприятиями предшествовавшей республиканской администрации, президент Кеннеди, начиная уже со своей инаугурационной речи, сделал упор на отказ от подчинения африканских проблем глобальным и европейским делам, на улучшение представлений о Соединенных Штатах в развивающихся, в том числе и африканских, странах. «Мы обещаем тем людям, которые живут в хижинах и деревнях на половине территории земного шара и стремятся сбросить оковы массовой бедности, что приложим все усилия, чтобы помочь им, сколько бы времени это ни потребовало,— не потому, что это могут сделать коммунисты, не потому, что нам нужны их голоса, а потому, что это правильно»,— таков был типичный образец его риторики²².

Новый стиль администрации в отношениях с Африкой усиленно проводился в жизнь. Уже в феврале 1961 г. М. Уильямс, назначенный на пост помощника государственного секретаря по африканским делам и известный своей активной поддержкой борьбы за гражданские права в США, отправился в первое турне по Африке, ознаменовав его провозглашением лозунга «Африка для африканцев». Этот лозунг, за которым скрывалось намерение Вашингтона

²¹ *Kennedy J. F. The Strategy of Peace, p. 159.*

²² *Kennedy J. F. To Turn the Tide / Ed. J. Gardner. New York; Evanston; London: Harper and Row, 1962, p. 7—8.*

заменить своим неокOLONиалистским присутствием в Африке рушившийся европейский колониализм, вызвал волну нападков на США со стороны колониальных держав. В Вашингтон стали активно приглашать африканских руководителей (в 1961 г.— 11, в 1962 г.— 10, в 1963 г.— 7).

Подвергся дальнейшему совершенствованию механизм экономического и идеологического проникновения на континент. Африка сразу же стала одной из активнейших сфер деятельности Управления международного развития (УМР). Несмотря на то что конгресс постоянно урезал запрашиваемые Белым домом суммы и отказался санкционировать долгосрочные программы вместо ежегодных, помощь Африке заметно увеличилась: в 1962 г.— до 500 млн. долл., в 1963 г.— до 526 млн. долл. Сумма помощи, выделенной в 1962—1964 гг., оказалась равной всей помощи США Африке за 16 предыдущих лет, с 1945 по 1961 г. Если в 1956—1960 гг. доля помощи Африке в общей сумме американских экономических подачек развивающимся странам составляла 4,9%, то в 1961—1964 гг.— около 10%. Важным рычагом культурно-идеологической экспансии США стал созданный в марте 1961 г. «Корпус мира». К середине 1963 г. в Африке уже имелось 1500 человек из его состава. Это явилось существенным добавлением к деятельности более 5 тыс. американских миссионеров. Не был забыт и частный капитал. В августе 1961 г. создается Афро-американская ассоциация торговли и развития. Организуются многочисленные поездки представителей деловых кругов в Африку, в США созывается ряд экономических конференций по вопросам Африки с участием директоров крупнейших промышленных и финансовых центров. К концу 1961 г. в Африке уже действовало более 200 американских фирм, объем капиталовложений которых достиг 1,1 млрд. долл.

Стремясь вбить клин в отношения социалистических стран с развивающимися государствами, провозгласившими некапиталистический путь развития, Дж. Кеннеди не только временно отказался от конфронтации с этой группой государств, но и начал активно заигрывать с Алжиром, Египтом, Мали, Гвинеей, Ганой. Под лозунгом «истинного неприсоединения», подразумевавшим разрыв всех связей развивающихся стран с социалистическими, Вашингтон рассчитывал экономическими средствами закрепить африканские государства в орбите капитализма. Посол США в Алжире У. Портер так формулировал эту политику: «...держаться ближе, сохранять рабочие отношения и ждать своего шанса»²³. Суть дела, однако, заключалась в поставленном Дж. Кеннеди вопросе: «Хотят ли, готовы ли они признать наше руководство?». Независимость под надзором — таково было условие американского признания независимости. Когда же такой курс давал, как в Гане, сбой, Кеннеди прекращал помощь и сожалел, что не был «тверд» с самого начала.

²³ Shlesinger A. Op. cit., p. 558.

Наиболее отчетливо этот двойной подход Кеннеди проявился в отношении США к острейшим политическим проблемам Конго и Южной Африки.

В феврале 1961 г. он, например, заявил, что США выступают против любого вмешательства в Конго. «Об истинной цене этого заявления,—справедливо отмечал Анат. Громыко,—говорило то, что к февралю 1961 г. именно из-за вмешательства самих США в дела Конго было устранено законное правительство этой страны»²⁴. Показное следование «средней» линии (ставка на сильное прозападное правительство С. Адулы, допуская даже временный приход к власти соратника П. Лумумбы А. Гизенги; противодействие сепаратизму М. Чомбе и т. д.), которое США ставили себе в заслугу, вызывалось как межимпериалистическими противоречиями (Чомбе был явной креатурой Англии, Франции, Бельгии и ЮАР), так и «всепоглощающим значением», которое, по признанию американских авторов, имела для Вашингтона «коммунистическая угроза», «его озабоченность „холодной войной“, а не конголезской независимостью как таковой»²⁵. После разгрома Чомбе войсками ООН в конце 1962 г. ситуация в Конго была несколько стабилизирована, что обеспечило США ведущую роль в эксплуатации богатств страны в условиях неокOLONИАЛИСТСКОГО «ПОРЯДКА».

При Кеннеди обрела законченные формы и политика укрепления блока расистской ЮАР и португальских колонизаторов на Юге Африки в качестве основного плацдарма американского империализма на континенте. Он заложил основу той модели политического маневрирования, которой США в основном следовали в отношении этих режимов в течение следующих 15 лет. Поддерживая в ООН резолюции, осуждавшие в общей форме ЮАР и Португалию, США в то же время стойко противились принятию против колонизаторов каких-либо практических мер. Даже когда в результате активной борьбы африканских стран в ООН, а также создания в мае 1963 г. Организации африканского единства Дж. Кеннеди вопреки сильной консервативной оппозиции по обе стороны Атлантики счел необходимым ввести «добровольное» эмбарго на поставки оружия ЮАР, это не помешало США поставлять ЮАР и в дальнейшем некоторые виды оружия и не нанесло особого ущерба ЮАР, пользовавшейся услугами других членов НАТО.

Администрацией Дж. Кеннеди заканчивается первый цикл американской политики в Африке в послевоенный период. Для понимания африканской стратегии Дж. Кеннеди представляет интерес подготовленный в 1963 г. и рассекреченный в 70-х годах документ под названием «Африка: основные направления политики и действий США», в котором говорилось: «Мы рассматриваем Африку,

²⁴ Громыко Анат. А. Внешняя политика США: уроки и действительность, 60—70-е годы. М.: Междунар. отношения, 1978, с. 179.

²⁵ Shlesinger A. Op. cit., p. 575—576; Nielsen W. Op. cit., p. 300.

как, быть может, самый большой еще нетронутый полигон мирового соперничества (между Востоком и Западом. — *Авт.*)».

Среди «самых полезных» шагов, необходимых для улучшения образа США в Африке и приобретения дружбы африканцев», назывались следующие:

разъяснение приверженности США «делу свободы в Африке»;

«быстрое продвижение к предоставлению равных возможностей нашему населению африканского происхождения»;

«создание определенных сфер силы и максимального сотрудничества, которые могли бы служить моделями и оказывали бы влияние на других в конструктивном направлении». В этом плане в первую очередь назывались Нигерия и Тунис, а в качестве «опор» второго эшелона — Танганьика, Берег Слоновой Кости, Судан и Сенегал;

уделение особого внимания «критическому фактору национального строительства Африки — руководству. Выбирая страны, на которые надо сделать особый упор, мы предлагаем направить значительные усилия на помощь динамичным и прогрессивным лидерам, которые разумно дружественны (не игнорируя в конечном счете и недружественных). Сегодняшний противник может быть завтрашним другом»;

«поощрение, где возможно, частного предпринимательства... и культивирование среднего класса, способного создать и управлять частным сектором в рамках смешанной экономики»²⁶.

Наиболее важным итогом африканской политики Дж. Кеннеди было то, что он в значительной степени сумел приспособиться к стремительно менявшейся ситуации в Африке — переходу в сравнительно короткий период основной массы африканских государств от колониального статуса к независимости. Была значительно переработана система американских доктрин в отношении Африки, явно устаревшие лозунги заменены новыми, создан новый стиль и психологическо-пропагандистский климат отношений с Африкой. Упор был сделан на поиск исполнителей воли США на самом Африканском континенте с широким использованием игры на национализме, помощи и т. д. При Дж. Кеннеди в рамках НАТО за США была окончательно закреплена роль «балансера» против СССР, что автоматически повысило роль США в африканской политике западных держав.

Дж. Кеннеди, пожалуй даже больше своих предшественников, видел в Африке поле боя «холодной войны», применяя лишь более изощренную тактику ее ведения. Рассматривая быстрый развал колониальных порядков в Африке как серьезную угрозу интересам Запада в целом, он стремился заложить основы послеколониальной политики стран Запада, которая начала складываться в стратегию

²⁶ American Policy in Southern Africa. The Stakes and the Stance / Ed. R. Lemarchand. Wash.: University Press of America, 1978, p. 435—436.

коллективного неокOLONиализма, направленную на раскол естественного антиимпериалистического союза революционно-демократических сил и стран социализма. Разрабатывая в беспрецедентных для США масштабах систему невоенных форм борьбы с освободительным движением в Африке, Дж. Кеннеди одновременно шел значительно дальше своих предшественников в подавлении сил национального освобождения.

Вместе с тем нельзя не видеть, что широкообещательные обещания первых месяцев президентства Кеннеди не были выполнены до конца, а африканская политика, которая заняла было в 1960—1961 гг. весьма видное место в стратегии США, вскоре начала отодвигаться на второй план такими событиями в более важных для США регионах мира, как, например, карибский и берлинский кризисы.

Крен в сторону расистов (1964—1975 гг.)

Начало президентства Джонсона в африканской политике США символизировала стеньливилская операция в Конго, где после вывода из страны в начале 1964 г. войск ООН развернулось широкое партизанское движение, которое к лету уже контролировало около трети страны. Вновь вставшая перед Западом угроза его позициям привела к открытому блокированию США с бельгийскими колонизаторами и М. Чомбе, возглавившим правительство. США не только обеспечили (вместе с Бельгией) его приход к власти, но и оказали ему огромную военную и финансовую помощь. За 1960—1964 гг. только США истратили на различные операции в Конго более 500 млн. долл.²⁷ плюс еще 500 млн. долл., затраченных за тот же период ООН, плюс расходы Бельгии. США также содействовали вербовке наемников для армии Чомбе. Когда не помогло и это, в ноябре была предпринята интервенция стран НАТО, осуществленная бельгийскими парашютистами, переброшенными в Стеньливил на самолетах ВВС США с контролируемого Англией о-ва Вознесения.

Успех интервенции в Конго и целого ряда военных переворотов в Африке привел, как справедливо указывал С. Смит, к росту убежденности Вашингтона в решающей силе оружия, в его способности сковать освободительные движения. Это, в свою очередь, «оказало воздействие на оцeнку Вашингтоном способности колониальных и расистских режимов продолжать сопротивление проведению давно назревших социальных перемен на Юге Африки»²⁸.

Политика США в этом регионе все больше скатывалась к сотрудничеству с расистами и колонизаторами, хотя Вашингтон в

²⁷ Кременюк В. А. Политика США в развивающихся странах: Проблемы конфликтных ситуаций, 1945—1976 гг. М.: Междунар. отношения, 1977, с. 133.

²⁸ Смит С. Американский неокOLONиализм в Африке. М.: Прогресс, 1975, с. 181—182.

основном продолжал придерживаться тактики их риторического осуждения. Типичной в этом отношении была позиция Вашингтона после захвата в 1965 г. власти в Родезии белым меньшинством. Санкции, введенные ООН по предложению Англии, не ущемляли США из-за мизерности их торговли с Родезией. Поддержав требования африканских стран в ООН и проголосовав за резолюцию Генеральной Ассамблеи от 27 октября 1966 г., ликвидировавшую мандат ЮАР на управление Намибией и создавшую Комитет ООН по Юго-Западной Африке для управления территорией, США в полном соответствии со своей политической линией сорвали проведение этой резолюции в жизнь, когда ЮАР отказалась ей подчиниться.

С наступлением относительной стабилизации политики неокOLONиализма в Африке, вызванной убежденностью Запада в том, что национально-освободительное движение пошло на убыль, ассигнования на помощь африканским странам были сведены к минимуму, обеспечивавшему доступ США к их сырьевым ресурсам и военным объектам, и составили в 1965 г. около 200 млн. долл. Вновь наметилась переориентация на частные каналы экономического проникновения в Африку вместо государственных.

В этом сказалась и общая неудовлетворенность США результатами своей помощи. Стремясь обеспечить свое присутствие во всех освободившихся государствах Африки, США при Кеннеди раздробили американскую помощь на множество мелких проектов и программ, что не давало ни экономического эффекта в смысле развития капитализма в этих странах, ни политических результатов в плане ориентации этих стран. В 1966 г. по заданию правительства посол США в Эфиопии Э. Корри подготовил рекомендации по пересмотру политики помощи с упором на регионализм и дифференцированный подход. Эти идеи отражали стремление Вашингтона опереться в своей политике на так называемые ключевые страны, которые, обладая экономической и военной мощью, могли бы стать региональными центрами силы. Сохранение же их собственной зависимости от Запада мыслилось как гарантия проведения ими прозападной региональной политики.

Эти рекомендации президент Джонсон включил в свое послание об иностранной помощи в 1967 г. В результате ассигнования на помощь были значительно урезаны. Кроме того, лишь 20 стран, исключая страны Латинской Америки, сохранили право на получение займов развития и 40 стран — на получение технической помощи. Из-за большой численности африканских стран эта мера ударила прежде всего по ним: программы помощи были ликвидированы почти в 25 странах Африки. Одновременно была повышена процентная ставка по кредитам УМР и выдвинуто требование о погашении кредитов не в национальной валюте, а в долларах.

Как и во всем мире, в Африке администрация Джонсона резко ужесточила подход к неприсоединившимся странам. 24 февраля 1966 г. в результате государственного переворота был смещен пре-

видент Ганы К. Нкрума. Хотя США отрицали прямое участие в перевороте, бывший агент ЦРУ Дж. Стокуэлл впоследствии подтвердил, что ЦРУ все-таки «сыграло немаловажную роль в свержении Нкрумы»²⁹. Немедленно после переворота США резко увеличили помощь Гане, в чем было отказано Нкруме. Позднее Р. Никсон признавал, что в Вашингтоне «с огромным удовольствием» восприняли этот переворот³⁰.

Характерна и реакция США на междоусобную войну в Нигерии, развязанную сепаратистами Биафры в июне 1967 г. Не признав «государство Биафра», Вашингтон сохранял с ним непрерывный контакт. В то же время, формально поддерживая центральное правительство, США отказались продать остро необходимое ему оружие (сепаратисты заранее позаботились о закупке оружия у частных, в основном американских, торговцев). Госсекретарь Д. Раск мотивировал отказ тем, что «ответственность за Нигерию несет Англия»³¹.

Важную роль в определении позиции США в нигерийской войне сыграли противоречивые интересы западных нефтяных монополий. Имея скромную долю в нефтяном бизнесе Нигерии (10%), США стремились ее увеличить за счет крупных месторождений Биафры. Но их более дифференцированные — как по отраслям, так и территориально — общие инвестиции, достигавшие 200 млн. долл., требовали поддержки центрального правительства. В этой ситуации «США, — отмечал С. Смит, — возможно, играли самую двурушническую роль»³², стремясь обеспечить свои интересы при любом исходе войны.

Напротив, когда летом 1967 г. подняли мятеж продолжавшие служить в конголезской армии наемники, США немедленно откликнулись на просьбу о помощи проамериканского режима генерала Мобуту, что позволило, быстро подавив мятеж, предотвратить падение его режима со всеми непредсказуемыми последствиями для крупных американских интересов в стране.

На рубеже 60–70-х годов, в момент апогея вьетнамской авантюры, США были в состоянии лишь поддерживать свою африканскую политику на плаву, делая акцент на режим экономии и помощь союзников, резко и раздраженно реагируя на события, потенциально предвещавшие какие-либо дополнительные расходы с их стороны. Американские исследователи единодушно отмечают, что если «даже лучшие из действий Джонсона в Африке... были маленькими шажками вверх по эскалатору, который шел вниз»,

²⁹ Stockwell J. In Search of Enemies, A CIA Story. N. Y.: W. W. Norton and Co., 1978, p. 160.

³⁰ Department of State Bulletin, 1970, Mar. 23, p. 380.

³¹ Journal of International Affairs, 1975, vol. 29, N 2, p. 164.

³² Смит С. Указ. соч., с. 79.

то к концу его президентства «африканская политика вообще перестала существовать»³³.

При администрации Р. Никсона и отчасти Дж. Форда также считалось, что «важные, но не жизненно важные» интересы США не требовали изменений в африканской политике, что можно будет еще долгое время беспрепятственно осуществлять экономическую экспансию на континенте, игнорируя его социально-политические проблемы. С точки зрения Вашингтона, свободная политически, но все еще зависимая экономически Африка открывала перед США широкие возможности. Их реализацию и призвана была обеспечить в Африке концепция «истинного партнерства», стержнем которой остались джонсоновские «дифференцированный подход» и «региональное сотрудничество». Подобный подход, со слов тогдашнего представителя США в ООН Д. Мойнихена, получил название политики «благожелательного равнодушия».

«Наиболее подходящим для активной американской роли в африканских делах» Р. Никсон считал экономический аспект «партнерства» с оговоркой, что «центральную роль» должны играть частные инвестиции³⁴. Тем самым реальная цель его политики заключалась в сохранении африканских стран на положении аграрно-сырьевого придатка Запада и объекта высокоприбыльного приложения капитала. Несмотря на частичную национализацию в ряде африканских стран, в целом американские инвестиции при Никсоне имели тенденцию к росту (с 3482 млн. до 3992 млн. долл. в 1970—1975 гг.). 75% капитала было сосредоточено в нефте- и горнодобывающей промышленности и лишь 9% — в обрабатывающей. Основой торговли США со странами Африки, увеличившейся в 1970—1975 гг. в 7 раз — до 13,2 млрд. долл., был опять-таки импорт сырья³⁵. Ориентируясь на интересы монополий, США продолжали замораживание помощи Африке. В первой половине 70-х годов она сохранялась на уровне 200 млн. долл. в год, а число стран-получателей не превышало 10—11.

Вместе с тем США считали настоятельно необходимым противодействовать углублению независимости континента. Их устраивало развитие Африки только по капиталистическому пути при сохранении полной зависимости от Запада и разрыве с социалистическими странами. Президент Никсон призывал африканцев сократить «постоянные политические изменения» в своих странах и прекратить «нереальные обвинения в американском вмешательстве в их дела».

³³ *Nielsen W.* Op. cit., p. 328; South Africa. U. S. Policy and the Role of U. S. Corporations. Hearings before the Subcommittee on African Affairs of the Committee on Foreign Relations, U. S. Senate, Sept. 1976. Wash.: U. S. GPO, 1976, p. 189.

³⁴ United States Foreign Policy for the 1970's. The Emerging Structure of Peace. A Report by President Richard Nixon to the Congress. Febr. 1972. Wash.: U. S. GPO, 1972, p. 108, 103.

³⁵ Подсчитано по: Survey of Current Business, 1977, Aug., p. 44; Statistical Abstract of the United States 1977, Wash.: U. S. GPO, 1977, p. 871.

ибо «африканские страны стоят перед суровым выбором: либо сотрудничество с другими (т. е. с США.— *Авт.*), сулящее реальный рост, либо ревнивая защита абсолютного суверенитета»³⁶.

Линию Никсона на культивирование прозападных режимов иллюстрирует его подход к Заиру и Нигерии. Антинародную политику режима Мобуту, ведшего страну к экономическому краху, но зато превратившего ее в «инвестиционный Клондайк» для американских ТНК, президент считал «поразительным прогрессом»³⁷. Попытки же Нигерии следовать путем «независимого капитализма» породили стремление США воспользоваться междоусобной войной для раскола или ослабления страны.

Сердцевиной этой политики был креп США в сторону поддержки португальских колонизаторов и расистских режимов ЮАР и Родезии. Никсон выдвинул пресловутую политику «контактов», которая якобы и должна была способствовать переменам в расистских государствах на базе «экономического прогресса» и «морального давления»³⁸. Ключом к ней был «Вариант 2» секретного «Меморандума 39». На том основании, что «белые останутся в Южной Африке навечно и конструктивные перемены могут произойти только через их посредство», «Вариант 2» рекомендовал «выборочное смягчение подхода США к белым режимам»³⁹. Оно осуществлялось по линии усиленного укрепления странами НАТО экономического и военного потенциала ЮАР. В 1970—1975 г. инвестиции только США в ЮАР выросли в 2, а торговля с пей — в 3 раза⁴⁰. Проголосовав в 1968 г. за санкции ООН против Родезии, США уже в 1971 г. в соответствии с поправкой Р. Берда возобновили импорт родезийского хрома, что, по словам сенатора Ч. Перси, стало «символом американского лицемерия»⁴¹.

Эмбарго на оружие, неоднократно нарушавшееся и раньше, при Никсоне было заметно пересмотрено в пользу ЮАР и Португалии. Импорт ими оружия из Англии и США «продолжался вопреки эмбарго», констатировал Стокгольмский международный институт

³⁶ U. S. Foreign Policy for the 1970's. The Emerging Structure of Peace..., p. 103, 108; U. S. Foreign Policy for the 1970's. A New Strategy for Peace. A Report to the Congress by R. Nixon, President of the United States, Febr. 18, 1970.— Department of State Bulletin, 1970, Mar. 9, p. 30.

³⁷ Young C. Zaire: the Unending Crises.— Foreign Affairs, 1978, Fall, p. 171, 175—176; U. S. Foreign Policy for the 1970's. Building for Peace. A Report to the Congress by Richard Nixon, President of the United States. Febr. 25, 1971. Wash.: U. S. GPO, 1971, p. 120.

³⁸ U. S. Foreign Policy for the 1970's. Shaping a Durable Peace. A Report to the Congress by Richard Nixon, President of the United States. May 3, 1973. Wash.: U. S. GPO, 1973, p. 160.

³⁹ NSSM 39, p. 105—106.

⁴⁰ Statistical Abstract of the United States, 1979, Wash.: U. S. GPO, 1979, p. 862—865.

⁴¹ Rhodesian Sanctions. Hearings before the Subcommittee on African Affairs of the Committee on Foreign Relations, US Senate, Febr. 9—10, 1977. Wash.: U. S. GPO, 1977, p. 77.

проблем мира⁴². О «крепе» США говорило и систематическое использование ими права вето в Совете Безопасности в пользу расистских режимов. Отдавая словесную дань принципу самоопределения, США твердо стояли на стороне «белого бастиона» (ЮАР, Родезия, Намибия и две португальские колонии — Мозамбик и Ангола), считая его единственной «субимпериалистической силой», способной стать каналом продвижения американских интересов.

В необходимости изменения этой политики Вашингтон убедил лишь крах после революции в Португалии в 1974 г. ее колониальной империи, а заодно и американской установки на «вечное» присутствие белых в Южной Африке. Уже весной 1975 г. президент Дж. Форд отдал приказ о пересмотре африканской политики⁴³, положивший начало второму переходному периоду в африканской политике США. Как и во время первого (1957—1960 гг.), разработка нового курса на этом этапе шла параллельно традиционному «кризисному реагированию» с целью взять под контроль процесс деколонизации Мозамбика и Анголы. Но в отличие от предыдущего периода в 1974 г. перед США стояла задача не модернизировать механизм отношений с Африкой, а лишь изменить тактический рисунок своих действий.

Тайная война США в Анголе с использованием раскольнических группировок ФНЛА и УНИТА составила основной фон этого переходного периода. В ответ на подписание 15 января 1975 г. Алворского соглашения, определившего условия предоставления Анголе независимости, Вашингтон начал массивное тайное финансирование и вооружение ФНЛА. К июлю ассигнования на эти цели достигли 35 млн. долл.⁴⁴ Помощь США раскольническим группировкам была призвана сорвать участие подлинного представителя народа — МПЛА — в правительстве и уничтожить его физически. Для усиления своей «пятой колонны» в Анголе Вашингтон использовал интервенцию ЮАР, о которой, по признанию тогдашних премьер-министра ЮАР Дж. Форстера и министра обороны П. Боты, «США были прекрасно осведомлены» и которую «полностью одобрили»⁴⁵.

Н. Дэвис, в то время заместитель госсекретаря по африканским делам, вспоминал: «Я полагаю, госсекретарь без возражений признал бы, что он рассматривал Анголу как часть американо-советских отношений, а не как африканскую проблему»⁴⁶. Таким образом, причиной активизации США в Африке вновь выступил антикоммунизм, стремление рассматривать африканские события как

⁴² Southern Africa. The Escalation of a Conflict. SIPRI. New York; London: Praeger Publishers, 1976, p. 124.

⁴³ Department of State Bulletin, 1976, June 7, p. 714.

⁴⁴ Christian Science Monitor, 1975, Dec. 15; New York Times, 1975, Dec. 19.

⁴⁵ Правда, 1978, 29 апр.

⁴⁶ Davis N. The Angola Decision of 1975: A Personal Memoir.— Foreign Affairs, 1978, Fall, p. 123—124.

«победу Востока» или «поражение Запада», а не естественную эволюцию африканского общества. Однако конгресс США, после поражения во Вьетнаме с подозрением относившийся к новым авантюрам администрации, запретил в декабре 1975 — январе 1976 г. дальнейшую тайную помощь раскольникам в Анголе. Тогда Вашингтон с целью дестабилизации положения в Анголе переориентировался на дипломатическую деятельность. В конечном счете и это не помогло США удержать ситуацию под своим контролем и обернулось катастрофическим падением их престижа в Африке. В этих условиях в апреле-мае 1976 г. Г. Киссинджер отправляется в Африку и провозглашает «новый курс», сформулированный уже с учетом «уроков Анголы».

При Г. Киссинджере этот курс ограничился попытками урегулирования проблемы Родезии, направленными на то, чтобы избежать там «новой Анголы», т. е. не допустить победы революционно-демократических сил. В ходе первого и второго (сентябрь 1976 г.) визитов в Африку Киссинджер активно стремился привлечь к реализации своих замыслов и страны Черной Африки, добиваясь одобрения ими англо-американского плана по Родезии, разработанного совместно с ЮАР, а затем принятого главой родезийского режима Я. Смитом, т. е. по форме и содержанию имевшего характер сделки с расистами.

«План Киссинджера», вызвавший вначале заинтересованность африканских государств, на открывшейся 28 октября 1976 г. в Женеве конференции по Родезии был отвергнут ими и лидерами Патристического фронта Зимбабве (ПФЗ) Р. Мугабе и Дж. Нкомо как сводивший передачу власти черному большинству к формальности и сохранявший господство белых. Проталкивая свой план, Киссинджер шел на сознательный обман африканцев, стремясь во что бы то ни стало усадить их за стол переговоров, чтобы павязать им свой диктат или в крайнем случае свалить на них вину за срыв переговоров. Позже было официально установлено, что до конференции Киссинджер сообщил африканцам условия своего плана лишь «в общих чертах», не раскрывая деталей. Смит же знал все.

После победы ангольской революции США осознали, что их политика не может строиться только на поддержке белых режимов в их нынешнем виде, а нуждается в расширении опоры за счет правого национализма «умеренного» блока в Африке. Стремясь завоевать на свою сторону «умеренные» африканские режимы и даже тех африканских лидеров, которые выражали антиамериканские настроения, США выступили с поддержкой идеи правления черного большинства в Родезии и Намибии. Хотя «новая» африканская политика была уже провозглашена, на практике преваляровала инерция прежних внешнеполитических установок, что могло лишь усугубить провал США в Анголе.

«Новая» африканская политика Дж. Картера

Перед администрацией Дж. Картера, с которой связана вторая за послевоенный период модернизация африканской политики США, встала задача выработки способов реализации нового подхода, уже осмысленного Г. Киссинджером. Рассматривая свою политику, по словам представителя США в ООН Э. Янга, как эволюцию этого подхода, а отнюдь «не как новую инициативу»⁴⁷, администрация Картера тем не менее более трезво оценивала глубину антиамериканизма в Африке, силу поддерживаемого африканскими и социалистическими странами освободительного движения и громадную значимость для всей Африки проблем урегулирования на Юге. В результате она поставила своей целью, во-первых, создать благоприятный фон для осуществления этого подхода, во-вторых, слегка изменить его в приемлемом для Черной Африки направлении. Все эти идеи были сформулированы в речи госсекретаря США С. Вэнса 1 июля 1977 г. в Сент-Луисе⁴⁸.

С. Вэнс стремился отождествить американскую политику с африканским национализмом, в основном полагаясь при этом на экономические связи и идеологические рычаги. Речь шла о выработке долгосрочной наступательной стратегии, направленной против СССР и левых сил в Африке с намерением вытеснить прогрессивные силы с политической арены континента. В рамках этого подхода основной акцент делался на сколачивании на идеологической базе национализма блока «умеренных» стран Черной Африки в качестве основы американского влияния. В то же время провозглашались отказ от предвзятости, лояльность в отношении любых режимов, в том числе и социалистической ориентации, в расчете на их эволюцию к умеренным позициям. Одновременно США стремились расширить элементы коллективного неокOLONиализма. В целом основные направления политики Картера совпадали с теми, которые существовали при Дж. Кеннеди, хотя и имели свои особенности.

Первое время главное внимание в политике Картера было уделено «стилю и тону». Одним из первых шагов Картера было назначение представителем США в ООН Э. Янга — негра, в прошлом соратника Мартина Лютера Кинга. Э. Янг смог заронить у африканских руководителей надежду на способность и желание США добиться приемлемого урегулирования южноафриканского кризиса, чем выполнил свою роль «аварийного монтера» престижа США в освободившихся странах. Элементом идеологического наступления США в Африке была и кампания в защиту «прав человека». Правда, свою демагогию США, как и везде, не смогли подкрепить практическими шагами. Они прекратили лишь малозначительную для

⁴⁷ Ambassador Young's African Trip. Hearings before the Subcommittee on African Affairs of the Committee on Foreign Relations, US Senate, June 6, 1977. Wash.: U. S. GPO, 1977, p. 6.

⁴⁸ Department of State Bulletin, 1977, Aug. 8, p. 166.

них торговлю с Угандой Иди Амина и с Центральноафриканской империей Бокассы, но не с ЮАР или Заиром.

Важную роль в стратегии Картера играли и экономические рычаги. Доля африканских стран в американских программах помощи в 1978—1980 гг. возросла до 17%. Ассигнования на помощь увеличились с 271 млн. долл. в 1976 г. до 417 млн. в 1977 г. и до 600 млн. долл. в 1978—1980 гг. Ее стали получать 32 государства, хотя США по-прежнему стремились «сосредоточиться на тех странах, которые имели значительный потенциал развития»⁴⁹. Военная помощь США возросла с 70,5 млн. долл. в 1975 г. до 115—125 млн. долл. в 1976—1980 гг. и предоставлялась 5—6 странам. Сокращение с 1976 г., а в 1978 г. прекращение помощи Эфиопии компенсировали ее рост Кении, Марокко и Заиру и Судану⁵⁰. «Военная и экономическая помощь,—говорил С. Вэнс,—это жизненно важный элемент наших попыток успокоить умеренных Африки»⁵¹.

Частные инвестиции США странам Африки (без ЮАР) выросли с 2802 млн. до 3730 млн. долл. в 1976—1980 гг. Хотя ни одна из стран Черной Африки еще не могла соперничать с ЮАР (2,3 млрд. долл. в 1980 г.), инвестиции США в Черной Африке составили уже 61% их общей суммы. В 1976—1980 гг. экспорт США в Африку вырос с 5206 млн. долл. до 9060 млн. долл., импорт — с 12 639 млн. до 32 251 млн. долл. И здесь наблюдалось аналогичное снижение доли ЮАР. Роль Африки в мировых торгово-экономических интересах США также возросла. В 1977—1980 гг. ее доля в инвестициях США составила 3%, а среди развивающихся стран — 15%, в торговле США — соответственно 9 и 21%⁵². Новым для 70-х годов явлением стал быстрый рост дефицита США в торговле с Африкой за счет импорта нефти (с 7 млрд. до 23 млрд. долл. в 1976—1980 гг.), составившего половину мирового торгового дефицита США.

Политика администрации Картера была главным образом сфокусирована на проблемах южноафриканского узла, ибо данный регион считался наиболее подходящим местом для «перехвата морального лидерства в мире»⁵³ в глобальном противостоянии США коммунизму. Вашингтон также стремился принять участие в урегулировании кризисов в Родезии и Намибии, иначе они были бы решены самими освободительными движениями. Причем эти вынужденные обстановкой маневры подавались как добрая воля США. В ходе этого урегулирования США стремились решить и сверхзадачу — превратить ЮАР и навязанные Родезии и Намибии «умеренные» режимы в свою долговременную опору в регионе. Желание вывести ЮАР

⁴⁹ U. S. Overseas Loans and Grants and Assistance from International Organizations. Wash.: Agency for International Development, 1980, p. 87.

⁵⁰ Statistical Abstract of the United States, 1979, p. 857; 1981, p. 841.

⁵¹ Department of State Bulletin, 1978, July, p. 29.

⁵² Statistical Abstract of the United States, 1979, p. 862, 865; 1981, p. 849.

⁵³ Vital Speeches of the Day, 1977, Sept. 15, p. 731.

из изоляции в Африке и обезопасить интересы США там побудило Картера выдвинуть идею одновременного решения проблем всех трех стран региона в противовес поэтапному варианту Киссинджера. Это означало попытку склонить ЮАР к «либерализации» апартеида и одновременному содействию планам США в Родезии и Намибии.

Два года непрерывных дипломатических усилий администрации Картера показали, что эта задача оказалась невыполнимой в силу отказа ЮАР проводить «самоубийственные», с ее точки зрения, реформы апартеида и нежелания США пойти достаточно далеко в оказании практического давления на ЮАР. США лишь признали обязательное военное эмбарго ООН против ЮАР в 1977 г., что, строго говоря, было символической мерой, и в то же время подтвердили свой отказ от экономических санкций.

Вашингтон сделал ставку на «дипломатию бизнеса» в ЮАР, официально одобрив предложенный священником-негром (и членом совета директоров «Дженерал моторз») Л. Салливенем «кодекс поведения» (1977 г.). Предусматривая частичное введение на предприятиях американских фирм в ЮАР «справедливой практики найма», действующей в США, «кодекс» был совместно разработан деловыми кругами США и ЮАР под влиянием острой нехватки квалифицированной рабочей силы в ЮАР и их растущих сомнений в устойчивости режима апартеида. Эта программа ставила целью заинтересовать в сохранении капитализма в стране часть черного населения путем включения ее в рыночную экономику. Она также позволяла сбить волну протестов в США против американских инвестиций в ЮАР с помощью подмены лозунга изъятия инвестиций требованием поддержки «кодекса».

Для правительства США это создавало возможность осуществления его установки на «мирную и ненасильственную» эволюцию ЮАР к более приемлемому для Запада режиму, ибо в плане давления на ЮАР для США всегда существовал порог, за который Вашингтон никогда не переходил, опасаясь за свои интересы. Существованием такого порога объясняется как то, что уже с 1978 г. США свернули свою критику апартеида, так и политика попустительства планам Претории в Намибии.

По инициативе США в 1977 г. была создана «контактная группа» (США, Англия Франция, ФРГ и Канада), фактически стремившаяся подменить ООН в деле намибийского урегулирования. На состоявшейся в мае — июне 1978 г. Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по Намибии ее деятельность и предложенный ею план урегулирования были подвергнуты всесторонней критике за явный крен в пользу расистов. С учетом мнения мирового сообщества Совет Безопасности ООН позже принял резолюцию № 435, явившуюся планом ООН по достижению Намибией независимости. Однако и в дальнейшем действия «контактной группы» фактически были направлены на попустительство Претории.

Для Вашингтона вряд ли было секретом, что принятие ЮАР

плана ООН было способом выиграть время для создания и укрепления в Намибии марионеточного правительства из белых фермеров и африканских соглашателей, опирающегося на штыки ее 50—60-тысячного оккупационного корпуса. Одновременно с этим ЮАР изобретала все новые оговорки в отношении плана ООН и расширяла карательные операции против СВАПО и «прифронтовых» государств. «Контактная группа» мирилась со всем этим, стремясь лишь к тому, чтобы ЮАР окончательно не лишила Запад формального основания для создания видимости движения вперед. Закономерным итогом политики умиротворения был срыв ЮАР Женевской конференции по Намибии в январе 1981 г.

Администрация Картера вместе с тем вряд ли сомневалась в том, что в конечном итоге придется признать за СВАПО какую-то роль в независимой Намибии. Однако, проводя политику пособничества Претории, она стремилась добиться того, чтобы эта роль была минимальной. Подобное намерение лишь усилилось после победы народа Зимбабве, которую США оценивали весьма сдержанно, а ЮАР — крайне негативно. Указанная позиция США определялась также характером их взаимоотношений с самой ЮАР.

С 1979 г. США отошли и от активной политики в родезийском урегулировании, предоставив роль первой скрипки правительству английских консерваторов. Поскольку попытки оказания прямого давления на Патриотический фронт Зимбабве или изоляции его не принесли успеха, был взят курс на действия через «прифронтовые» африканские государства — основную базу и матерьяльный источник его борьбы, которые испытывали значительные тяготы от длительной партизанской войны. Разумеется, этот путь сужал возможности Запада для маневра, что вынудило его на Лондонской конференции по Родезии в декабре 1979 г. согласиться на приемлемые для ПФЗ условия урегулирования. Проведенные на основе ее решений первые свободные выборы в Родезии в марте 1980 г. принесли подавляющую победу одному из лидеров ПФЗ Р. Мугабе.

Таким образом, хотя власть к народу Зимбабве перешла не в результате окончательной военной победы, фактически конференция в Лондоне была мирными переговорами о капитуляции белых после долгодетней партизанской войны, которая была единственной причиной, заставившей расистов и их западных покровителей пойти на переговоры. Конференция закрепила тот баланс сил, который реально существовал в стране благодаря борьбе ее народа, пользовавшегося поддержкой африканских и социалистических стран.

Хотя реформизм Картера предназначался преимущественно для Юга Африки, он касался и ряда государств Черной Африки, прежде всего «прифронтовых», которые рассматривались в США как основной источник воздействия, с одной стороны, на ПФЗ и СВАПО, а с другой — на настроения всей Африки по южноафриканским проблемам. Это не только вынуждало США к определенному учету их позиции при формулировании своих предложений, но и приво-

дило к активизации нажима на эти государства с целью добиться эволюции их позиции в выгодном Западу направлении.

Наиболее активно тактика заигрывания осуществлялась в отношении Нигерии, которая благодаря своему возросшему влиянию в Африке доказала Западу, что проводить там политику без сотрудничества с ней ему будет трудно. Эта страна, где живет четверть населения Африки (около 100 млн. человек), благодаря доходам от нефти (24 млрд. долл. в 1980 г.) значительно укрепила свое экономическое положение, заняв второе место на континенте по ВВП (32 млрд. долл.). Объем торговли США с Нигерией, откуда США получали 17% импортируемой ими нефти, в 2 раза превысил их торговлю с ЮАР, а их инвестиции там достигли 1 млрд. долл. Вместе с тем рост авторитета Нигерии в Африке опирался на независимый политический курс, а не на слепое следование в фарватере политики США. Приглашение в октябре 1977 г. в Вашингтон главы государства Нигерии О. Обасанджо, ответный визит президента Картера в Лагос в марте-апреле 1978 г., визиты вице-президента У. Мондейла в Нигерию и нового президента Нигерии Ш. Шагари в США в 1980 г., а также дипломатия Э. Янга — все это было попыткой «навести политические мосты (между США и Нигерией.— *Авт.*) на основе общих экономических интересов», попыткой США выступить гарантом ее региональной роли⁵⁴. Однако вскоре в Вашингтоне возобладал более прагматичный подход. Было сочтено, что влияние Нигерии в Африке ограничено, а ее подход к Южной Африке излишне радикален. Специалисты рекомендовали «оставить концепцию „нигерийского гиганта“ на будущее», «учитывать интересы Нигерии в африканской политике США... не больше чем следует»⁵⁵.

20 июля 1978 г. в Атлантик-Сити госсекретарь С. Вэнс выступил со вторым программным заявлением по африканской политике. Он вновь подчеркнул важность Африки для США, «обязательство придерживаться позитивной стратегии», включавшей поддержку африканского национализма, заботу об экономическом развитии Африки и мирном урегулировании споров. Новым было то, что почти половина его речи была посвящена «советско-кубинскому вызову» и «энергичным попыткам» США ответить на него. На СССР возлагалась вина за все неудачи США в Африке, за «угрозу независимости африканских стран» и усложнение двусторонних отношений с США. Акцентировался рост военных связей США с их «друзьями» в Африке⁵⁶.

Это, по выражению «Вашингтон пост», «африканское сальто-мортале» было подготовлено всем ходом политики Картера за истекший период, верх в которой все больше брали политики типа

⁵⁴ New York Times, 1978, Mar. 31.

⁵⁵ *Bienen H.* U. S. Foreign Policy in a Changing Africa.— *Political Science Quarterly*, 1978, Fall, p. 463.

⁵⁶ Department of State Bulletin, 1978, July, p. 29—31; 1978, Aug., p. 10—13.

3. Бжезинского, «делавшие упор на антикоммунизм и интересующиеся не Африкой, а советско-кубинской проблемой»⁵⁷.

В ходе конфликта на Африканском Роге в 1977—1978 гг. и восстаний в заирской провинции Шаба весной 1977 г. (Шаба-1) и летом 1978 г. (Шаба-2), а также конфликта в Западной Сахаре США продемонстрировали именно такой традиционный подход с широким использованием войск их африканских «друзей», прикрываемым шумихой о мнимой «советской угрозе».

Стремясь ликвидировать завоевания революции 1974 г. в Эфиопии, США летом 1977 г. спровоцировали Сомали на агрессию. Когда же она потерпела провал, ведущими странами — членами НАТО под руководством США была спланирована спасательная операция. Она включала поставки Сомали оружия консервативными ближневосточными режимами, а также крупную военно-морскую демонстрацию США близ Эфиопии и дипломатический нажим на нее. Частью этой операции была и шумная антисоветская кампания, развязанная Западом против помощи Эфиопии со стороны СССР и Кубы. Вашингтон в 1980 г. подписал с Кенией, Сомали и Оманом соглашения о предоставлении США военных баз в обмен на военную помощь. Это было направлено на охрану американских (прежде всего, нефтяных) интересов. В этом новом туре гонки вооружений в регионе Кении отводилась более видная роль, чем ненадежному режиму С. Барре. Отсюда затяжка поставок ему американского оружия.

Неблаговидную роль сыграли США и в Заире. Здесь их ударную силу составили войска Марокко, переброшенные на самолетах ВВС Франции (Шаба-1), и французские и бельгийские парашютисты, переброшенные на американских самолетах (Шаба-2), затем уступившие место «межафриканским силам» в составе частей Марокко, Сенегала, Того, Габона и др. США в первом случае оказали Киншасе помощь на 16,5 млн. долл., а во втором — военную помощь на 20 млн. долл. В 1978 г. стало известно о существовании разработанного НАТО под руководством Вашингтона плана интервенции в Африке, в котором делалась ставка на «внешние консервативные силы, способные защитить американские интересы, не вынуждая Соединенные Штаты действовать самим»⁵⁸. Последовавшие за этим конференции стран — кредиторов Заира поставили «спасенный» режим Мобуту под полный контроль западных финансовых центров.

В конфликте вокруг Западной Сахары, который США поначалу стремились просто не замечать, в 1979 г. они также решительно встали на сторону Марокко, продав ему крупную партию наступательного оружия как в благодарность за его роль в Заире, так и из страха перед успехами Фронта ПОЛИСАРИО.

Таким образом, отмечала «Правда» в статье «О нынешней политике правительства США», США «стали главным вдохновителем но-

⁵⁷ Washington Post, 1978, June 4.

⁵⁸ Current History, 1977, Dec., p. 225.

вого колониализма в Африке — политики вооруженных интервенций и открытого вмешательства в дела африканских государств, подавления национально-освободительных движений». «Новым и опасным элементом этой политики,— говорилось в Заявлении Советского правительства,— является переход ведущих западных держав к коллективным и агрессивным военно-политическим акциям. Руководящая роль в их осуществлении принадлежит Соединенным Штатам Америки, которые широко используют в своих целях механизм НАТО»⁵⁹. При этом в своих дипломатических маневрах в Южной Африке США в основном сотрудничали с Англией, имевшей там исторически тесные связи и крупные экономические интересы. В военных же операциях США в основном полагались на Францию, с полным основанием считающуюся «жандармом Африки».

В целом уровень американского вмешательства в дела Африканского континента при администрации Картера значительно возрос. «США в настоящее время выступают как главная и направляющая сила неоколониализма в Африке»⁶⁰,— делал вывод один из видных советских африканистов Анат. Громыко. Важно подчеркнуть, что ведущую роль в этом сыграли политические интересы США. Рост влияния идей социализма и прогрессивных течений в национально-освободительном движении, реальные успехи стран социалистической ориентации в Африке, наконец, крупный международный кризис на Юге континента — все это угрожало прежде всего политическим позициям международного империализма в Африке, а уже опосредованно и его материальным интересам. Поэтому политика Картера была в первую очередь рассчитана на расширение политического влияния Запада в Африке и превращение этого влияния в важный актив капитализма в глобальном соотношении сил.

«Конструктивное сотрудничество» Р. Рейгана с расистами

Первые же шаги администрации Р. Рейгана показали, что глобалистский подход вновь вообладал в политике США в Африке. Она сохранила достигнутый ее предшественниками уровень активности, но при этом заметно отошла от методов маневрирования в отношениях с освободившимися странами (какими бы ограниченными ни были они в политике администрации Картера). Рейган провозгласил политику «конструктивного сотрудничества» с расистским режимом ЮАР, который устами президента был назван «союзником» США, а также ужесточил отношения со странами независимой Африки и освободительными движениями. Все это свидетельствовало о начале нового периода жесткой стабилизации американской политики. Но он не был простым возвратом к «равнодушию» периода

⁵⁹ Правда, 1978, 17 июня; 1978, 23 июня.

⁶⁰ Громыко Анат. А. Африка: прогресс, трудности, перспективы. М.: Междунар. отношения, 1981, с. 215.

Джонсона—Никсона. «Рождение Республики Зимбабве, растущий накал освободительной борьбы в Намибии, а теперь уже и в ЮАР наглядно показывают, что господство „классических“ колонизаторов и расистов близится в концу»⁶¹, — отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии. И правящие круги США не могли игнорировать эту реальность.

Основы политики республиканцев были изложены будущим помощником госсекретаря по африканским делам Ч. Крокером еще до их прихода к власти. Они строились на том, что «Африка неизбежно стала ареной конфронтации между Востоком и Западом», а между тем «американские интересы там растут быстрее, чем влияние». В этой связи им была намечена на 80-е годы широкая программа усиления влияния США: «Поиск мирных перемен в Южной Африке, борьба с коммунистическим влиянием, поиск доступа к избранным военным объектам, расширение масштаба соблюдения прав человека, поддержка региональной стабильности как основы развития, расширение доступа к нефти и нетопливым минералам и корректировка растущего дисбаланса в торговле». Путями решения этих задач, по его мнению, должно быть свертывание реформизма Картера, более целенаправленное использование помощи для достижения конкретных политических целей, расширение военной деятельности в Африке, активизация американского бизнеса, опора на европейских союзников и т. д.⁶² Ч. Крокер при этом подчеркивал, что «первостепенной целью США в Африке является пресечение советского присутствия»⁶³. Реальная политика администрации, построенная на этих тезисах, развивалась по нескольким направлениям.

В Южной Африке, по мнению Вашингтона, возможности Запада в сотрудничестве с ЮАР позволяли добиться решения в Намибии на значительно более выгодных для Запада условиях, что избавляло их от необходимости даже серьезно маскировать свои цели либеральной риторикой. В программной речи по этому вопросу в Голулулу 29 сентября 1981 г. Ч. Крокер заявил, что «администрация Рейгана не собирается дестабилизировать ЮАР ради чьего-то удовольствия... ЮАР — это интегральный и важный элемент глобальной экономической системы... и мы не будем порывать с ней связи»⁶⁴. Заметно расширился обмен визитами официальных лиц США и ЮАР, включая военных и представителей разведки, в США пригласили для обучения персонал береговой охраны ЮАР, были ослаблены ограничения на продажу американских товаров для армии и полиции ЮАР. В 1982 г. по рекомендации США МВФ предоставил ЮАР заем на 1,1 млрд. долл. США неоднократно блокирова-

⁶¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981, с. 14.

⁶² *Crocker Ch. African Policy in the 1980's.*— Washington Quarterly, 1980, Summer, p. 73 etc.

⁶³ *Sunday Times (Johannesburg)*, 1981, May 31.

⁶⁴ *Crocker Ch. Regional Strategy for Southern Africa.*— Department of State Bulletin, 1981, Oct., p. 26.

ли в Совете Безопасности резолюции с осуждением агрессии ЮАР против Анголы и затяжки ею урегулирования в Намибии.

Все эти меры, прикрываемые совершенно абсурдными ссылками на то, будто, потакая режиму Претории, США могут добиться того, чтобы она смягчила апартеид и предоставила независимость Намибии, привели к тому, что ЮАР развязала широкомасштабную неокOLONIAльную войну против своих соседей, а политика расового подавления внутри страны стала еще более жестокой.

Отложив проблему апартеида до лучших времен, т. е. «сузив» сферу конфликта в регионе до проблемы Намибии, администрация одновременно стремилась использовать намибийское урегулирование для активизации нажима на Анголу и Мозамбик, тем самым поворачивая острие конфликта против стран социалистической ориентации и СВАПО. С этой целью Вашингтон, во-первых, всячески тормозил урегулирование в Намибии, заявляя при этом, что ключом к нему является ЮАР и, стало быть, урегулирование возможно лишь при удовлетворении всех ее интересов, а во-вторых, пытался повязать африканским странам идею параллельного с урегулированием в Намибии вывода кубинских войск из Анголы и о разделении власти ее правительством с главарем УНИТА Ж. Савимби.

Таким образом, подход республиканцев к югу Африки носит не менее комплексный характер, чем соответствующие планы Картера. Стремясь установить в регионе баланс сил в пользу Запада, США связывают с этим расчеты на существенное улучшение собственных глобальных позиций. Несмотря на массивную кампанию угроз, предпринятую Соединенными Штатами, ответом независимой Африки было категорическое «нет». В частности, во время визита вице-президента США Дж. Буша в Африку в ноябре 1982 г. даже руководство стран, настроенных проамерикански, например Кении, прямо заявило, что попытки поставить оккупационные войска ЮАР в Намибии и кубинских добровольцев в Анголе в равное положение «иностранных войск на чужой территории» и на этом основании требовать их параллельного вывода неубедительны ни юридически, ни практически и являются еще одним способом оттянуть предоставление независимости Намибии.

Одновременно с маневрами на Юге Африки администрация Рейгана развязала пропагандистскую кампанию по обвинению всех антиимпериалистических сил в «международном терроризме». Ее целью была попытка дискредитировать в том числе и освободительные движения Юга Африки, а также все государства, отвергающие империалистический диктат. Наиболее злобный характер носила эта идеологическая война в отношении Ливии. Поводом стала помощь, оказанная Ливией национально-освободительной борьбе народов Чада во главе с ФРОЛИНА против французского неокOLONIAлизма. После почти не прекращавшейся 15 лет вооруженной борьбы созданное в 1970 г. переходное правительство национального единства (ППНЕ) во главе с Г. Уэддеем добилось в 1980 г. вывода войск

Франции из Чада. Однако в том же году министр обороны ППНЕ Х. Хабре поднял мятеж против законного правительства. Возобновившаяся гражданская война, подогреваемая извне, вынудила Г. Уэддея обратиться за помощью к Ливии. Летом 1981 г. между двумя странами был заключен договор об обороне, в соответствии с которым Ливия ввела войска в Чад, чем помогла стабилизировать положение.

Истерия, поднятая администрацией Рейгана вокруг этих событий, показывала, что действия Ливии помешали собственным поползновениям США, которые рассматривают Чад как важный стратегический плацдарм в центре Африки. Не разобравшись в обстановке, ряд членов ОАЕ усмотрел в политике Ливии нарушение принципа нерушимости границ и потребовал вывода ее войск. Вскоре они об этом пожалели: Ливия вывела свои войска, вслед за чем власть в Нджамене захватил Х. Хабре.

В июле 1983 г. войска ППНЕ, ранее отошедшие в северные области Чада, вновь перешли в наступление и начали теснить мятежников. Х. Хабре обратился за помощью к своим западным покровителям. В Чаде началась новая стадия борьбы, главной и самой опасной особенностью которой стала растущая интернационализация конфликта, все большее вмешательство в него США, Франции и других стран, включая прямое участие иностранных вооруженных сил. Для спасения режима своего ставленника США выделили Хабре в 1982—83 гг. военную помощь более чем на 100 млн. долл. Усилив одновременно провокации против Ливии, Вашингтон увеличил также в 1983 г. военную помощь «прозападным» странам Африки до 245 млн. долл., в том числе враждебным соседям Ливии — Судану и Тунису.

Эту милитаризацию прозападных режимов следует рассматривать и в контексте политики США на Африканском Роге. Исходя из стратегических планов наращивания своего военного потенциала в бассейне Красного моря и Индийского океана, США продолжили курс на закрепление своего влияния в Сомали. В 1981 г. президент С. Барре дважды побывал в Вашингтоне. В 1982 г. США приступили к долго откладывавшимся ими поставкам оружия Сомали. В качестве предлога было использовано усиление борьбы населения против антинародной политики Могадишо, в чем США обвинили Эфиопию.

Делая основную ставку в деле подрыва эфиопской революции на экспансионистские силы в регионе (Сомали, Судан), Вашингтон не оставлял и прямой подрывной деятельности против Эфиопии. В этих условиях ей пришлось принять ответные меры. В августе 1981 г. был заключен Договор о дружбе между Эфиопией, Ливией и НДРЙ.

В Западной Сахаре доминировавший в подходе Рейгана к африканским проблемам антикоммунизм привел к усилению крена в сторону Марокко. Попытки ОАЕ ликвидировать конфликт мирным путем были сорваны, поскольку Марокко сначала согласилось на референдум о будущем этой территории, но, как выяснилось затем, только

при условии, что это будет референдум об утверждении марокканского суверенитета над ней. За этим решением стояли крупные поставки американского оружия в обмен на соглашение 1982 г. об использовании Пентагоном марокканских военных баз.

Рассматривая свою политику в Африке лишь как проекцию своей силовой борьбы с СССР, администрация Рейгана свела ее в основном к кризисной дипломатии, в которой она блокировалась с авторитарными режимами по геополитическим соображениям, стремясь обеспечить победу этих своих «друзей» независимо от того, что политика последних шла вразрез со всеми нормами международного права и позицией ОАЕ.

Неудивительно, что при таком подходе США фактически игнорировали серьезное ухудшение экономического положения большинства стран Африки в начале 80-х годов, порожденное экономическим кризисом на Западе, который капиталистические страны стремились переложить на плечи развивающихся стран. В 1981 г. африканским странам требовалось вдвое больше экспортных единиц для оплаты обычного объема их импорта, чем в 1977 г. Ответом вице-президента Дж. Буша в 1982 г. на этот реальный, а не надуманный кризис была рекомендация больше полагаться на собственные силы, а не на помощь США, которую он к тому же обещал использовать для «поощрения и наказания» африканских стран в зависимости от соответствия их политики интересам США. Огромную помощь США, в частности, получал прозападный Заир, экономика которого тем не менее продолжала агонизировать. Зато резко была сокращена помощь Танзании как «идеологическому противнику».

Таким образом, администрация Рейгана начала 80-е годы с новых попыток приспособить Африку к глобальной политике США, достаточно быстро добившись ликвидации того резерва доверия, который удалось создать Вашингтону с помощью либерального маневрирования при Картере, тем самым наметились предпосылки для очередного кризиса в американо-африканских отношениях, подобного кризису 70-х годов, но потенциально более глубокого.

* * *

На всем протяжении послевоенного периода в африканской политике США, несмотря на ту эволюцию, которую она проделала, имелся ряд постоянных моментов: равномерный абсолютный рост американских интересов к континенту, примат глобальных интересов над региональными, а отсюда — подход к африканским проблемам с точки зрения глобального соотношения сил в противоборстве с миром социализма, а не в африканском контексте, опора на коллективный неокOLONИализм, позже дополненный союзом с силами местной реакции, противодействие любыми способами — от карательных операций до утонченных идеологических диверсий и подкупа — развитию освободительных движений, хотя в основном и чужими руками.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПОЛИТИКА США В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Латиноамериканское направление — традиционное во внешней политике США. Осознание значимости стран этого региона для экономических, политических и стратегических интересов Соединенных Штатов пришло к американским правящим и деловым кругам еще в ранний период становления американского государства.

Хотя в американской литературе, посвященной истории меж-американских отношений, и в выступлениях руководящих деятелей США разных периодов, как правило, подчеркивается «общность исторических судеб» Соединенных Штатов и стран к югу от Рио-Гранде, а Соединенным Штатам приписывается роль защитника и покровителя стран региона, все это не более чем миф.

История межамериканских отношений с момента провозглашения в 1823 г. известной «доктрины Монро» («Америка для американцев») свидетельствует о том, что довольно быстрое дипломатическое признание молодых латиноамериканских республик Соединенными Штатами, последовавшее за весьма прохладным к ним отношением во время их борьбы за независимость, было вызвано вовсе не симпатиями к ним или приверженностью США общим с латиноамериканскими странами идеалам. Соединенные Штаты поспешили заполнить брешь, образовавшуюся после вынужденного ухода колониальных держав из стран региона, и занять освободившиеся места эксплуататоров. Как отмечал американский историк Д. Хопкинс, в тот период «США воспринимали их (латиноамериканские страны.— Авт.) точно так же, как прежде Испания и Португалия, а именно как важный источник сырья и превосходный рынок для своей готовой продукции»¹.

В борьбе за влияние в странах Центральной, Южной Америки и Карибского бассейна Соединенные Штаты за более чем полутора-вековую историю взаимоотношений с ними продемонстрировали практически все присущие американской внешней политике методы, использовали весь арсенал своей дипломатии — от прямых и скрытых интервенций, «политики канонерок» до «долларовой дипломатии» и реформистского курса, который они, опробовав на странах региона, часто переносили затем и на другие развивающиеся государства.

В итоге к началу нынешнего века между Соединенными Штатами и их южными соседями сложилась система неравноправных отношений, которую американские правящие круги стремятся сохранить и по сей день. Это вызвано тем, что независимо от прилива или отлива внимания Вашингтона к странам региона они всегда

¹ Hopkins J. Latin America in World Affairs. The Politics of Inequality. N. Y.: Barron's Educational Series, Inc., 1977, p. 21.

были и остаются важнейшим объектом экспансии империализма США. На долю латиноамериканских стран в конце 70-х годов приходилось 15,7% экспорта и 14,8% импорта США (по сравнению с 19% экспорта и 10,4% импорта, которые приходятся на Африку, 10,1 и 12,1% — на Южную и Юго-Восточную Азию)². Регион играет большую роль в снабжении Соединенных Штатов различными видами сырья, в том числе и стратегического: на долю латиноамериканских стран приходится 24,3% американского импорта нефти и нефтепродуктов, 34 — меди, 71 — бериллия, 48 — бокситов, 76,3 — кофе, 78% — сахара и т. д.³, что является особенно важным в условиях повышения зависимости США от внешних источников сырья. Страны региона представляют собой объект финансовой экспансии американского империализма: на их долю приходится свыше 19% общего объема прямых частных инвестиций США за рубежом по сравнению с приблизительно 4% в странах Южной и Юго-Восточной Азии и 18% — в Африке⁴.

Важное место занимают латиноамериканские государства и во внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов, которые рассматривают многие из них (в первую очередь наиболее высокоразвитые — Бразилию, Мексику, Венесуэлу, Аргентину) как ближайший резерв империализма среди развивающихся стран. Ускоренные темпы экономического развития, которые демонстрируют многие государства региона по сравнению с другими развивающимися странами (так, например, в среднем объем ВВП ежегодно увеличивается в Мексике на 7,6%, в Перу — на 6, Колумбии — на 5% и т. д.⁵), а также авангардная роль многих латиноамериканских государств в борьбе развивающихся стран за подлинное экономическое и политическое освобождение от империалистической эксплуатации повышают их международный статус, а вместе с тем и их роль в системе американских внешнеполитических интересов.

В послевоенной политике США в отношении стран к югу от Рио-Гранде можно выделить три этапа. Первый охватывает 1945—1959 гг., второй — 1959—1969 гг. и, наконец, третий, начавшись в 1969 г., продолжается и поныне.

Усиление экспансии империализма США

Первый этап, в особенности первые послевоенные годы характеризуются значительным укреплением экономических и политических позиций Соединенных Штатов в латиноамериканских странах,

² Подсчитано по: Statistical Abstract of the United States, 1979. Wash.: U. S. GPO, 1979, p. 862.

³ Подсчитано по: Overseas Business Reports. United States Trade with Major World Areas, 1973—1979.— U. S. Department of Commerce, 1980, Oct.

⁴ Подсчитано по: Survey of Current Business.— U. S. Department of Commerce, 1980, Aug., p. 26—27.

⁵ Business America, 1981, Febr. 9, p. 47.

и прежде всего в странах Центральной Америки. США стали главным торговым партнером стран региона: в 1948 г. их удельный вес в экспорте этих стран составлял 37,2%, а в импорте — 57,6% (по сравнению с 30,1 и 34,8% соответственно в 1938 г.)⁶. Одно- временно США вышли на первое место и по объему инвестиций в регионе. Так, в 1948 г. их прямые частные инвестиции в Латинской Америке составляли 4735 млн. долл. по сравнению с 1290 млн. долл., инвестированными в страны региона западноевропейскими государствами. Не случайно уже через три года после окончания второй мировой войны государственный секретарь США Дж. Маршалл заявлял, что латиноамериканские страны «рассматривают США в качестве единственно возможного источника капиталов, технологии и оборудования, необходимых для того, чтобы их развитие стало реальностью»⁷.

Укрепление позиций США в регионе произошло в значительной мере вследствие ослабления влияния там Англии, Франции и практического вытеснения Германии и Японии в предвоенные и главным образом в военные годы. Однако отчасти этому способствовала и интенсивная деятельность правящих кругов США. В 30-х годах это была политика «добраго соседа» Ф. Рузвельта, позволившая Соединенным Штатам ценой уступок и заигрывания со странами Центральной и Южной Америки добиться некоторого ослабления межамериканских противоречий. В годы второй мировой войны это была политика, направленная на вовлечение латиноамериканских стран в борьбу с германским фашизмом и японским милитаризмом, что обеспечило этим странам дополнительный рынок сбыта их товаров и стратегического сырья и дополнительный источник валютных поступлений. Одновременно такая политика позволила США не только использовать латиноамериканские ресурсы, но и поставить государства региона в еще большую экономическую зависимость и усилить свое проникновение туда в послевоенные годы.

Подключив латиноамериканские страны к антигитлеровской коалиции, США обеспечили себе также возможность строительства военно-морских баз на территории этих стран и контроля над их вооруженными силами. Все отмеченные выше факторы дали возможность Соединенным Штатам добиться на панамериканских конференциях в Рио-де-Жанейро (Бразилия) в 1947 г. и в Боготе (Колумбия) в 1948 г. заключения Межамериканского договора о взаимной помощи (военного блока латиноамериканских стран под эгидой США) и принятия Устава Организации американских государств, документально оформившего уже сложившийся в годы второй мировой войны политический союз. Основной идеей, пронизывавшей эти документы и деятельность созданных на их базе организаций, была идея борьбы с «мировым коммунизмом». Распро-

⁶ Подсчитано по: Statistical Yearbook, 1961. N. Y.: Publishing Service United Nations, 1962, p. 416—418.

⁷ FRUS, 1948, vol. 9. The Western Hemisphere, Wash.: U. S. GPO, 1972, p. 12.

странья принятую на вооружение в послевоенный период стратегию «отбрасывания» и «сдерживания» коммунизма и на латиноамериканские страны, руководящие деятели США в то же время использовали антикоммунистическую кампанию в странах региона прежде всего для того, чтобы сдержать опасные, с их точки зрения, внутренние процессы, такие, как рост и консолидация патриотических и демократических сил в латиноамериканских странах, выступавших за их освобождение от гнета империалистических монополий и местной олигарии. Именно на волне антикоммунизма к власти во многих странах Латинской Америки (Перу, Венесуэле, Колумбии и т. д.) пришли проамериканские диктаторские режимы, многие из которых разорвали дипломатические отношения с СССР и начали активное наступление на коммунистическое и профсоюзное движение в своих странах. Антикоммунистическая кампания, раздувавшаяся США в странах региона, позволила им вернуться к практике вооруженных интервенций (временно прекращенной в условиях предвоенного и военного времени), которым на основании статей «Пакта Рио-де-Жанейро» и Устава ОАГ была придана видимость коллективных действий. Ярким примером может служить интервенция США в Гватемале в 1954 г., «одобренная» большинством членов ОАГ. Свергнутое в ходе интервенции прогрессивное правительство Х. Арбенса было заменено проамерикански настроенной военной хунтой во главе с К. Армасом.

В тот период, находясь в состоянии послевоенной эйфории, американские руководители полагали, что высокая степень экономической и политической зависимости латиноамериканских государств от США автоматически предполагает их полное подчинение, и рассматривали регион как нечто раз и навсегда им данное. Исходя из этого, США уделяли мало внимания проблемам социально-экономического развития латиноамериканских стран. Приоритет отдавался восстановлению стран Западной Европы, получивших за период с 1945 по 1961 г. 24,076 млрд. долл., или 41% от общей суммы американской помощи в 52,973 млрд. долл.⁸, а также таким более уязвимым, с точки зрения американских правящих кругов, для проникновения коммунистической идеологии странам, как Греция и Турция. Латиноамериканские страны получили за этот период немногим более 1 млрд. долл., что составило примерно 1,7% от общей суммы американской помощи⁹. Оставались невыполненными и обещания США содействовать установлению справедливых цен на предметы экспорта стран региона.

Бурные события второй половины 50-х годов (падение в 1956 г. военного режима в Перу; отражение в 1954—1956 гг. попыток реакции ликвидировать конституционный режим в Бразилии; вынужденный уход в 1955 г. в результате борьбы народных масс реакцион-

⁸ Statistical Abstract of the United States, 1962. Wash.: U. S. GPO, 1962, p. 865.

⁹ Ibid., p. 867.

ного военного правительства в Аргентине; свержение военных диктатур в 1957 г. в Колумбии и в 1958 г. в Венесуэле; усиление борьбы против военных диктатур в Парагвае и ряде стран Центральной Америки; убийства проамериканских диктаторов в Гватемале, Никарагуа, Доминиканской Республике), вызванные обострением кризиса всей системы зависимого капитализма в Латинской Америке, свидетельствовали о начале нового этапа борьбы стран региона за экономическую и политическую независимость.

Кульминацией развивающихся по восходящей событий явилась победа революции на Кубе, которая привела к образованию в 1959 г. первого социалистического государства в западном полушарии и послужила началом второго этапа послевоенной латиноамериканской политики США. Кубинская революция, получившая огромный резонанс в странах Латинской Америки, наглядно продемонстрировала притягательность социалистических идей для государств региона. Кроме того, она со всей очевидностью показала американским руководителям недалекость послевоенной политики США в отношении стран региона, которым отводилась роль «тихих задворков» северного соседа. Накануне своего визита в Латинскую Америку в 1960 г., носившего характер кризисного реагирования на события, происходящие в регионе, президент США Д. Эйзенхауэр вынужден был констатировать, что Соединенные Штаты «совершенно забыли о существовании своих южных соседей... и ничего не сделали для достижения взаимопонимания и прогресса в нашем собственном полушарии»¹⁰.

Кризисное состояние межамериканских отношений в конце 50-х годов привело американские правящие круги к осознанию настоятельной необходимости существенного пересмотра политики США в Латинской Америке, строившейся на устаревшей посылке об абсолютной их гегемонии как в мире, так и в странах Латинской Америки. Определенные шаги в этом направлении были приняты еще в конце 50-х годов по обе стороны от Рио-Гранде. Однако в силу своей ограниченности ни «Панамериканская операция» (программа ускорения экономического, политического и социального развития латиноамериканских стран при руководящей роли США), предложенная в 1958 г. бразильским президентом Ж. Кубичеком, ни так называемый «план Эйзенхауэра», предполагавший увеличение американской помощи странам региона, не дали, да и не могли дать желаемых результатов.

«Союз ради прогресса» Дж. Кеннеди

Приход в Белый дом демократической администрации Дж. Кеннеди ознаменовался появлением глобальной внешнеполитической стратегии — программы «повых рубежей». Применительно к лати-

¹⁰ Documents on American Foreign Relations, 1960. Boston: World Peace Foundation, 1961, p. 461.

ноамериканскому региону была разработана программа под многообещающим названием «Союз ради прогресса», провозглашавшая наступление «новой эры» в межамериканских отношениях¹¹. В основу этой программы были положены предложения ряда ведущих американских научно-исследовательских центров, крупнейших организаций американского бизнеса. В разработке нового латиноамериканского курса принимали участие такие влиятельные американские политические деятели, как У. Фулбрайт, Э. Стивенсон, Г. Хэмфри. Вдохновителем ее был сам американский президент.

Основная цель программы «Союза ради прогресса» заключалась в том, чтобы на путях некоторой социально-экономической модернизации латиноамериканских стран укрепить существующие там капиталистические отношения, дать новый импульс их развитию и тем самым еще плотнее привязать эти страны к США. Осуществить поставленную цель предполагалось путем решения триединой задачи: ускорения экономического развития стран региона, достижения структурных изменений латиноамериканских обществ, а также их политической демократизации. Для выполнения этой рассчитанной на 10 лет задачи предполагалось: обеспечить прирост валового национального продукта стран региона в расчете на душу населения не менее чем на 2,5% в год; ускорить процесс их индустриализации и создания развитой многоотраслевой экономики; содействовать осуществлению аграрной, налоговой, финансовой, административной и прочих реформ; ликвидировать неграмотность, улучшить условия жизни латиноамериканцев и т. д. США брали на себя обязательство в течение десятилетнего периода предоставить своим южным соседям (в основном из государственных средств) 20 млрд. долл. как за счет своих собственных ресурсов, так и за счет кредитов и займов международных финансовых организаций, а также со стороны западноевропейских стран и Японии. Государства Латинской Америки должны были выделить 80 млрд. долл. в виде самопомощи.

Идеологической основой «Союза ради прогресса» явилась концепция «мирной регулируемой революции», строившаяся на признании Соединенными Штатами желательности ускорения капиталистической модернизации латиноамериканских обществ путем устранения пережитков феодализма, замены находившегося у власти в этих странах традиционного блока помещиков и финансовой олигархии, противившегося этой модернизации, режимами «представительной демократии» — правительствами, в состав которых входила бы мелкая и средняя, а также либерально настроенная крупная буржуазия латиноамериканских стран и частично интеллигенция. Само название этой концепции предполагало, что модер-

¹¹ Главные ее положения содержались в выступлении Дж. Кеннеди на приеме глав дипломатических представителей латиноамериканских стран, состоявшемся 13 марта 1961 г.

низация латиноамериканских обществ должна произойти мирным, эволюционным путем и «перехватить» волну антифеодальных и антиимпериалистических революций и переход стран Латинской Америки на социалистический путь развития.

Имелось в виду, что в случае успеха «Союз ради прогресса» станет наилучшей рекламой того, чего могут добиться не только латиноамериканские, но и все развивающиеся страны, оставаясь в рамках капитализма. Однако уже спустя несколько лет после его провозглашения по обе стороны Рио-Гранде стали появляться оценки, авторы которых утверждали, что «Союз» «сбил с пути», закончился провалом, что он не принес ничего ни Соединенным Штатам, которым так и не удалось существенно укрепить свои пошатнувшиеся во второй половине 50-х годов позиции в странах региона, ни латиноамериканским странам, которые не смогли достичь ни ожидавшегося повышения жизненного уровня народных масс, ни ускорения экономического развития, ни ослабления напряженности их финансовой системы, ни уменьшения внешней задолженности¹².

Первые годы осуществления программы «Союза» свидетельствовали о том, что попытки администрации Кеннеди разрешить проблемы латиноамериканских стран методами экономической и социальной модернизации в рамках существующей капиталистической системы не принесли ожидавшегося успеха. Более того, в процессе реализации некоторых стоявших перед программой задач в ряде случаев были получены совершенно противоположные желаемым результаты. Так, призывы администрации к созданию в странах региона «режимов представительной демократии» привели к тому, что эти страны практически сразу же после провозглашения программы «Союза» захлестнула волна военных переворотов (с 1962 по 1964 г. в регионе произошло 7 военных переворотов: в Боливии, Перу, Аргентине, Бразилии, Эквадоре, Гондурасе и Доминиканской Республике, где против этой программы выступила местная и военная верхушка, увидевшие в капиталистической модернизации и

¹² Подобные утверждения основывались на анализе статистических данных, который свидетельствовал о том, что темпы роста промышленного производства в странах региона в первой половине 60-х годов были невысокими и нестабильными; не была достигнута основная цель программы — увеличение среднегодового валового национального продукта (ВНП) в расчете на душу населения на 2,5%. ВНП увеличился в среднем по региону лишь на 1,8%; оставался высоким (от 25 до 60%) и среднегодовой уровень инфляции; не только не снизилась, но и, наоборот, еще больше возросла внешняя задолженность латиноамериканских стран, которая составила к 1968 г. 12 млрд. долл. Не было устранено неравенство в распределении национального дохода (в 1967 г. 10% населения таких латиноамериканских стран, как Аргентина, Бразилия, Мексика, получали 40% ВНП, в то время как 40% населения, составлявшего его беднейшие слои, довольствовались получением 10% ВНП). См.: Survey of the Alliance for Progress. Compilation of Studies and Hearings of the Subcommittee on American Republics Affairs of the Committee on Foreign Relations. Wash.: U. S. GPO, 1969, p. 41, 45.

реформах реальную угрозу своему господству). Эти военные перевороты, как справедливо отмечал советский ученый А. В. Шестопал, «выбили почву из-под ног буржуазного реформизма»¹³ и свидетельствовали о том, что администрация Кеннеди переоценила возможность восприятия буржуазной «демократии по американскому образцу» латиноамериканскими странами с их высоким уровнем социальных антагонизмов, отсутствием прочных демократических традиций, относительно слабой системой буржуазных партий, разобщенностью средних слоев, либо неспособных встать во главе процесса буржуазно-демократических преобразований, либо стремящихся проводить не устраивающую США независимую политику. Неудачи социальной программы «Союза» продемонстрировали неспособность администрации Кеннеди найти внутри латиноамериканских обществ такие группировки, которые заменили бы дискредитировавшие себя военные диктатуры и одновременно служили бы верными проводниками интересов Соединенных Штатов.

Американские исследователи, попытавшиеся выявить причины неудач, постигших программу «Союза», отмечали, что определенные и весьма ощутимые препятствия стояли перед ней и в самих Соединенных Штатах, где конгрессмены, с самого начала сомневавшиеся в ее целесообразности, ежегодно сокращали запрашиваемые администрацией средства и тем самым подрывали престиж США в глазах латиноамериканцев¹⁴. Более того, некоторые американские ученые считают, что основные идеи «Союза» якобы никогда и не претворялись в жизнь, частично вследствие непонимания его сущности представителями американской администрации, ответственными за его воплощение в жизнь, а также из-за малоэффективной структуры¹⁵. Среди множества свидетельствованных об этом факторов в качестве основного обычно упоминается то, что программа «Союза» с момента ее провозглашения фактически была лишена столь необходимой ей финансовой свободы, поскольку она финансировалась в рамках ассигнований, выделявшихся для Агентства международного развития, что предусматривало ежегодное утверждение этих сумм американским конгрессом, который часто сокращал ассигнования на проекты, считавшиеся нецелесообразными. Немаловажное значение придается также и уходу с политической арены президента Кеннеди, трагическая смерть которого лишила программу наиболее влиятельного и активного ее проводника.

Нельзя не видеть, что, объясняя причины неудач программы «Союза», ее буржуазные исследователи обходят молчанием главную из них, а именно то, что американская помощь в силу своей сущ-

¹³ Шестопал А. В. *Миражи Эльдорадо в XX веке: Критические очерки буржуазной социологии в Латинской Америке*. М.: Мысль, 1974, с. 173.

¹⁴ Levinson J., de Onis J. *The Alliance that Lost its Way. A Critical Report on the Alliance for Progress*. Chicago: Quadrangle Books, 1970, p. 114.

¹⁵ *Latin America: The Search for a New International Role* / Eds. by R. Hellman, H. Rosenbaum. Beverly Hills (Calif.), 1975, p. 69.

ности не способна устранить ни внутренние причины социально-экономической отсталости развивающихся стран, ни внешние ее причины, поскольку она направлена на консервирование неравноправного положения этих стран в международном капиталистическом разделении труда.

Однако взгляд на итоги программы «Союза» с позиций 80-х годов позволяет дать им не столь однозначную оценку и наряду с констатацией очевидных неудач программы отметить и некоторые ее успехи (с точки зрения задач, поставленных ее инициаторами). Основное — это то, что программа дала импульс для проведения в странах региона ряда буржуазных реформ, способствовавших в дальнейшем более быстрому их экономическому развитию. Программа «Союза», результатом которой не проявились, да и не могли проявиться сразу же после ее провозглашения, стала как бы необходимой ступенью обеспечения относительно высоких темпов экономического роста, которые были продемонстрированы латиноамериканскими странами в конце 60-х — начале 70-х годов и позволили им занять особое место среди других развивающихся государств¹⁶.

Определенное воздействие программа «Союза» оказала и на развитие политического процесса в латиноамериканских странах. Стимулирование буржуазно-демократического развития наряду с американской экономической помощью в ряде случаев принесло, с точки зрения США, определенные плоды. На время удалось несколько сбить накал классовых противоречий в таких государствах, как Колумбия, Чили, Мексика, Венесуэла, укрепить их политические системы, до некоторой степени ослабить накал антиимпериалистических и антиолигархических настроений в других латиноамериканских странах. Поддержка Соединенными Штатами «правительственной демократии» и реформ способствовала в то же время некоторому упрочению позиций латиноамериканской буржуазии, укрепила положение «средних слоев». Однако в целом программа «Союза» была направлена на то, чтобы, ускорив экономическое, политическое и социальное развитие латиноамериканских стран, создать вместе с тем более благоприятную почву для деятельности американских транснациональных корпораций (ТНК).

Очевидные неудачи, постигшие программу «Союза» в первые годы ее осуществления, явились основной причиной отхода от основных ее положений, наметившегося еще в конце президентства Дж. Кеннеди и проявившегося гораздо острее в период пребы-

¹⁶ Так, известный специалист по проблемам развивающихся стран, занимавший пост заместителя министра финансов в правительстве Картера, Ф. Бергстен отмечал, что за период с 1965 по 1977 г. ВВП латиноамериканских стран увеличился более чем в 2 раза. Это значит, что он ежегодно возрастал в среднем на 6,1% (по сравнению с 5,1% для остальных развивающихся стран и 3,9% для развитых). См.: U. S. Economic Relations with Latin America. Hearings before the Subcommittee on Inter-American Economic Relations of the Joint Economic Committee. Wash.: U. S. GPO, 1977, p. 3.

вания у власти заменившего его на этом посту Л. Джонсона. В этот период политика «новых рубежей» эволюционировала в «жесткий курс», проводником которого стал помощник государственного секретаря по межамериканским делам Т. Манн. В экономической области «жесткий курс» означал прежде всего постепенное сокращение экономической помощи США по государственным каналам и замену ее потоком частного капитала, создание благоприятных условий для проникновения которого в страны региона становилось одной из важнейших задач американского правительства. В политической области «жесткий курс» знаменовал собой отход США от поддержки избранных конституционным путем режимов «представительной демократии» и возвращение к поддержке диктаторских режимов. Произошел поворот к тактике грубого нажима, диктату США по отношению к их южным соседям, применению вооруженной силы и возобновлению прямых военных интервенций.

Ожесточенная антикубинская кампания, направленная на изоляцию молодой кубинской республики, агрессия против Доминиканской Республики, предпринятая в 1965 г., угрозы в адрес Панама показали, что лозунги «Союза», провозглашавшие наступление «новой эры» в межамериканских отношениях, отнюдь не означали отказа Соединенных Штатов от таких традиционных методов их латиноамериканской политики, как интервенционизм.

От «Союза ради прогресса» к «новому партнерству»

Формирование латиноамериканской политики республиканской администрации Р. Никсона на рубеже 70-х годов проходило в сложной международной обстановке, когда начало разрядки международных отношений, перемещение внимания Вашингтона на Ближний и Дальний Восток, а также кризис в самих США, связанный с войной во Вьетнаме, отодвинули латиноамериканскую проблематику на задний план в системе внешнеполитических приоритетов Соединенных Штатов. Это во многом определило разработку нового курса в отношении Латинской Америки, обусловленную как общим пересмотром американской политики в отношении развивающихся стран, так и собственно латиноамериканскими факторами: недостаточной эффективностью «Союза ради прогресса», трудностью адаптации государств региона к парламентскому пути, ростом в них национализма и усиливающейся тяге правительств латиноамериканских стран к независимым политическим действиям, а также их стремлением к экономической интеграции в регионе.

В 1969 г. латиноамериканскими странами была принята декларация Винья-дель-Мар, знаменовавшая собой важный этап в объединении этих стран с целью защиты их национальных интересов. В 1968 г. в Перу и Папаме к власти пришли военные правительства прогрессивной ориентации, а в 1970 г. в Чили — правительство

Народного единства. Продолжал расти авторитет и влияние в регионе социалистической Кубы. Все эти события вынуждали американские правящие круги к известной переоценке состояния политического развития стран региона, а также пересмотру политики Вашингтона в отношении этих стран. Вместе с тем основы латиноамериканского курса США на рубеже 60—70-х годов не претерпели кардинальных изменений: Вашингтон, как и прежде, подходил к странам, лежащим к югу от Рио-Гранде, как к своему стратегическому тылу. Политическая нестабильность в Латинской Америке, так же как и принадлежность какого-либо государства региона к «радикальной идеологии», расценивалась как угроза США¹⁷. Свои главные задачи республиканская администрация видела, как и ранее, в подавлении революционного движения на континенте, изоляции социалистической Кубы. Еще большее значение придавалось обеспечению «внутренней безопасности латиноамериканских стран», увеличению им американской военной помощи¹⁸.

Однако если решение этих задач в первой и отчасти второй половине 60-х годов было связано с проведением активной политики, сочетавшей решительные интервенционистские меры со стремлением проводить реформистский курс, то в 70-х годах во главу угла были поставлены иные методы политического воздействия на ситуацию в Латинской Америке, которые, по мнению Вашингтона, больше отвечали его желанию сохранить статус-кво в регионе и предотвратить дальнейшее развитие событий не в их пользу. Конкретным свидетельством пересмотра целей политики Белого дома явилось провозглашение Р. Никсоном так называемого «нового партнерства», задачей которого было удержать страны региона в сфере влияния США, не прибегая при этом к дорогостоящим программам, без широкой официальной вовлеченности в латиноамериканские дела. Сужение интервенционистских возможностей США в Латинской Америке, хотя и не означало отказа от вмешательства Вашингтона во внутренние дела стран региона, все же делало его более скрытым. В целом изменения, происшедшие в латиноамериканском курсе Соединенных Штатов, говорили о переходе администрации республиканцев к более прагматической и менее активной политике, которая получила название «политики низкого профиля».

В сфере экономических отношений между Вашингтоном и Латинской Америкой прагматический характер «нового партнерства» проявился достаточно быстро. В общих чертах он означал постепенный отказ от реформистских программ «Союза ради прогресса» (который хотя официально отменен не был, однако фактически сворачивался: если в 1967 г. ассигнования на «Союз» составляли 508 млн.

¹⁷ *Rockefeller N. The Report on the Americas. Chicago: Quadrangle Books, 1969, p. 35—36.*

¹⁸ *U. S. Foreign Policy for the 1970's. Building for Peace. A Report to the Congress by Richard Nixon, President of the United States. Febr. 25, 1971. Wash.: U. S. GPO, 1971, p. 19.*

долл., то в 1969 г. они были урезаны до 336,5 млн. долл., а в 1970 г.— до 275 млн. долл.)¹⁹. На смену программам помощи, государственным займам и кредитам пришло широкое проникновение в Латинскую Америку частного капитала США.

В итоге если в 1968 г. в общем объеме инвестиций Соединенных Штатов в регионе государственные инвестиции вдвое превышали частные, то в 1974 г. они составляли уже лишь четверть от всего американского капитала, инвестированного в Латинскую Америку²⁰. В определенной степени сокращение помощи и льготных займов и кредитов по государственной линии, предоставляемых странам Латинской Америки, должно было в соответствии с обещанием администрации Р. Никсона компенсироваться либерализацией условий торговли, предоставлением более широких возможностей для латиноамериканских товаров на рынках США. Но эти обещания не были выполнены. Фактически торговая политика Вашингтона в отношении стран региона стала приобретать все более протекционистский характер, что получило логическое завершение в принятии дискриминационного торгового закона 1974 г., лишившего Венесуэлу и Эквадор преференций на американском рынке за то, что эти страны являлись членами ОПЕК.

Важным направлением экономической политики республиканцев был курс на усиление зависимости латиноамериканских стран от США путем создания дополнительных рычагов воздействия на их хозяйственную структуру с помощью транснациональных корпораций. Увеличились темпы роста капиталовложений в обрабатывающую промышленность стран региона: в 1960 г. на ее долю приходилось 22% всех прямых капиталовложений США в Латинской Америке, в 1970 г.— 36, в 1975 г.— более 40%²¹. Конечно, это явление во многом объяснялось национализацией добывающей промышленности в ряде латиноамериканских стран, но вместе с тем оно свидетельствовало и о стремлении США проникнуть в наиболее передовые наукоемкие отрасли производства своих южных соседей. К середине 70-х годов ТНК производили не менее 40% всей промышленной продукции стран региона²².

Главным итогом широкой экспансии американского частного капитала было усиление эксплуатации этих стран Соединенными Штатами. Если с 1968 по 1975 г. уровень промышленного производства в Латинской Америке вырос на 40%, то уровень вывозимых ТНК прибылей в текущих ценах вырос более чем в 2 раза. Это привело к резкому росту внешней задолженности латиноамериканских стран: если во второй половине 60-х годов дефицит их платежного баланса

¹⁹ Congressional Record, 1969, Mar. 10, S — 2547.

²⁰ Statistical Abstract of the United States, 1971. Wash.: U. S. GPO, 1971, p. 853.

²¹ Statistical Abstract of the United States, 1977. Wash.: U. S. GPO, 1977, p. 855—856.

²² Ibid.

составлял 1,5 млрд. долл. в год, то к 1973 г. вырос уже до 4 млрд. долл., а в 1974—1975 гг. составил 17 млрд. долл.²³

Тенденция к усилению экспансии частного капитала США в Латинской Америке свидетельствовала о переориентации всей внешнеэкономической политики республиканского правительства. По справедливой оценке американских специалистов, корни экономической политики Р. Никсона в отношении Латинской Америки «уходят в эпоху Эйзенхауэра, который рассматривал регион как „заповедник частного предпринимательства“»²⁴. Нагляднее всего это проявилось в безоговорочной защите администрацией Никсона интересов ТНК даже в тех случаях, когда их деятельность сопровождалась нарушением норм международного права и грубым вмешательством во внутренние дела латиноамериканских государств, как это было с ИТТ в Чили и «Маркони майнинг корпорейшн» в Перу.

В первой половине 70-х годов в регионе была национализирована собственность более 30 транснациональных корпораций, в основном американских, стоимостью свыше 2 млрд. долл. На протяжении этого периода Вашингтон постоянно угрожал применением принятых конгрессом США поправок Хикенлупера и Гонсалеса, предусматривавших прекращение американской помощи и экономические санкции в отношении стран, не обеспечивающих «быстрой и соответствующей компенсации» за национализированную собственность компаний США. Подобные меры приводили республиканцев к постоянным конфликтам с отдельными латиноамериканскими странами, в первую очередь с такими, как Перу, Чили, Эквадор. По оценкам не только советских, но и американских специалистов, угрозы применения поправок не только не предотвращали национализацию, но даже ухудшали межгосударственные отношения США со странами региона, демонстрируя отсутствие гибкости в политике Вашингтона²⁵.

В целом борьба латиноамериканских стран за установление более справедливых экономических отношений с Соединенными Штатами наталкивалась на упорное сопротивление американского руководства. Администрации Никсона, а затем и Форда постоянно саботировали переговоры о выработке «статуса деятельности» ТНК на континенте, который если бы не прекратил, то во многом ограничил бы хозяйничанье монополий в Латинской Америке. Более того, США категорически отказались присоединиться в рамках ОАГ к хартии «экономической безопасности», т. е. взять на себя обязательства не наносить своими действиями ущерба партнерам в области экономики и торговли. Разочарование латиноамерикан-

²³ Statistical Abstract of Latin America, 1974—1975. Los Angeles: University of California, 1975, p. 968.

²⁴ Foreign Affairs, 1973, Apr., p. 599.

²⁵ Congressional Quarterly Almanac. Wash.: Congressional Quarterly, Inc., 1973, vol. XXIX, p. 850.

ских стран в возможности равноправного экономического сотрудничества с Вашингтоном нашло свое выражение в создании в 1975 г. ЛАЭС (Латиноамериканской экономической системы) не только без участия США, но и несмотря на их неодобрение.

Вместе с тем необходимо отметить, что урегулирование экономических и торговых противоречий между Соединенными Штатами и Латинской Америкой во многом осложнялось противоречиями в латиноамериканском лагере. Если такие страны, как Венесуэла, Мексика, Перу, выступали за контроль над действиями международного капитала в регионе, то Аргентина, Бразилия, Чили (после 1973 г.), наоборот, делали ставку на тесное партнерство с США. Бразилия, например, получила от международных финансовых организаций в 1970 г. 953 млн. долл., в 1971 г. — 1,5 млрд. долл., а в 1972 г. — 3,1 млрд. долл.²⁶ Однако и между этими странами и Вашингтоном обострялись противоречия, связанные прежде всего с желанием их правительств добиться расширения своего экспорта на американский рынок²⁷.

Главной особенностью политических отношений администрации Никсона со странами Латинской Америки стало стремление изменить социальную опору американского империализма на континенте и дифференцировать подход к латиноамериканским странам, что было вызвано прежде всего неудачей реформистского курса, неспособностью этих стран создать стабильную модель зависимого капитализма. Если в 60-х годах для администрации демократов было характерно стремление опереться на мелкую и среднюю буржуазию, интеллигенцию, поощрять систему «представительных демократий», то администрация Никсона опиралась прежде всего на олигархию, технократию, крупную буржуазию, связанную с ТНК, реакционное офицерство. Американское руководство учитывало происшедшие в Латинской Америке изменения, в частности укрепление позиций национальной монополистической буржуазии, и проявило готовность идти с ней на более тесное партнерство, рассчитывая тем самым подчинить внутреннюю и внешнюю политику государств региона интересам американского империализма. Такой подход администрации намечался, в частности, в отношении Бразилии, Аргентины, Чили и некоторых других латиноамериканских стран.

Наиболее примечательным элементом политического курса США была ставка на реакционные военные режимы. Еще в 1970 г. президент Р. Никсон, отбросив, по существу, лозунги поддержки «представительных демократий» в Латинской Америке, заявил, что его администрация будет сотрудничать с такими латиноамериканскими правительствами, которые «имеются в наличии». Фактически в условиях продолжавшейся в первой половине 70-х годов тенденции к

²⁶ *Theberge J., Fontain R. Latin America: Struggle for Progress. Lexington (Mass.); Toronto: Lexington Books, 1977, p. 381.*

²⁷ *Visao Rio de Janeiro, 1977, Nov. 14, p. 24.*

дальнейшей милитаризации политической жизни стран региона это означало полную поддержку правых проамериканских режимов.

Хотя концепция «неомилитаризма» победила в американских правящих кругах не сразу в силу существования в США значительных сил, особенно в законодательных органах, выступавших с критикой латиноамериканской политики республиканцев и призывавших к продолжению реформистского курса, все же первые результаты ставки на военные диктатуры проявились довольно быстро. В 1971 г. была удвоена американская военная помощь Латинской Америке, которая возросла с 75 млн. до 150 млн. долл.²⁸ В том же 1971 г. не без участия секретных служб США в Боливии произошел реакционный военный переворот и Вашингтон одним из первых в полушарии признал правительство У. Бансера и оказал ему экономическую и военную помощь. Латиноамериканская военщина получала помощь не только в тех странах, в которых осуществлялась государственно-монополистическая модернизация в интересах ТНК (как это имело место, например, в Бразилии), но и в тех, где требовалось сохранение статус-кво для предотвращения революционного взрыва (в Парагвае, центральноамериканских странах с диктаторскими режимами).

На реакционную военщину как наиболее верного защитника интересов империализма на континенте США делали ставку и тогда, когда она еще не стояла у власти. Так, несмотря на враждебное отношение администрации Никсона к Чили в 1970—1973 гг., между американской и чилийской армиями не только сохранялись тесные отношения, но вооруженные силы Чили получали как никогда большую помощь и поддержку, что сыграло немаловажную роль в перевороте 11 сентября 1973 г., устранившем от власти демократическое правительство Сальвадора Альенде (сам президент Альенде был убит путчистами) и приведшем к руководству страной военнофашистскую хунту Пиночета.

Важной особенностью «нового партнерства» Р. Никсона был отказ от общерегионального подхода и упор на страновой. В определенной степени это была вынужденная реакция Вашингтона на развитие событий в Латинской Америке — на появление новых прогрессивных правительств, а также увеличившийся разрыв между отдельными латиноамериканскими странами в уровне экономического и политического развития. Провозглашая дифференцированный подход, Вашингтон ставил перед собой и вполне конкретные цели: попытаться расколоть формирующийся фронт латиноамериканских государств, получить более эффективные рычаги воздействия на их внутреннюю и внешнюю политику через двусторонние отношения, а также произвести выбор предпочтительных союзни-

²⁸ Селиванов В. П. Экспансия США в Латинской Америке. М.: Воениздат, 1975. с. 119.

ков, чтобы, заручившись их сотрудничеством, навязывать народам континента выгодную империализму политику.

На роль предпочтительного союзника США претендовала прежде всего Бразилия с ее большим экономическим и политическим потенциалом. Внутренняя политика этой страны, основанная на всемерном привлечении иностранного капитала, и ее внешнеполитический курс способствовали сближению Бразилии с США. Фактически руководство США отводило Бразилии роль гегемона на континенте, а разногласия между ней и Вашингтоном в торгово-экономической области не меняли существа тесного партнерства между двумя странами²⁹. По замыслам администрации республиканцев бразильская «модель развития» должна была служить образцом для других государств, прежде всего для Чили, получившей от США и международных финансовых организаций в 1973—1978 гг. свыше 2 млрд. долл. в виде помощи и кредитов. Однако намерение насадить в Чили, а также в Уругвае «бразильскую модель» потерпело неудачу в силу ограниченности их внутреннего рынка и ресурсов, а также узости социальной опоры военных режимов³⁰. Поэтому попытка Вашингтона способствовать созданию в Латинской Америке ряда корпоративных режимов, ориентирующихся на Соединенные Штаты и проводящих внешнеполитический курс в интересах последних, была успешной лишь отчасти. Гегемонистские устремления Бразилии вызвали недовольство соседних с ней стран, прежде всего Аргентины, позиция которой во многом способствовала тому, что оказался замороженным вынашивавшийся Пентагоном план создания южного варианта НАТО в Атлантике. Что же касается Чили, то реакционный внутривнутриполитический курс, террор и репрессии хунты Пиночета явно компрометировали Вашингтон.

Дифференцированный подход США к другим государствам латиноамериканского региона — Мексике, Венесуэле, Перу — определялся прежде всего стремлением американского руководства ограничить независимость как внешнеполитических действий этих стран, так и их действий внутри страны в отношении международного капитала и национализации американской собственности.

Сколь бы выборочным или дифференцированным ни был подход США, он все же не позволяет говорить об отсутствии у Соединенных Штатов единой латиноамериканской политики, что часто утверждается в буржуазной историографии³¹. Хотя латиноамериканская политика Вашингтона и носила зачастую фрагментарный и непоследовательный характер, в ее основе лежал панамериканизм, убежденность в особых специфических отношениях между США и государствами региона, которые в эпоху разрядки и усиления борьбы развивающихся стран за политическую и экономическую

²⁹ Внешняя политика стран Латинской Америки. М.: Наука, 1975, с. 105.

³⁰ См.: Current History, 1974, Jan., p. 9.

³¹ См.: Latin America and the United States: The Changing Political Realities. Stanford: Stanford University Press, 1974.

самостоятельность американское руководство продолжало рассматривать как свой стратегический тыл³². Это оправдывало, с точки зрения Вашингтона, американское вмешательство во внутренние дела Латинской Америки и даже подрывную деятельность, как это было в Чили. Активность республиканской администрации проявилась главным образом в «разрушительной сфере», а ее предложение о сотрудничестве, о разработке новой системы взаимоотношений (примером чего может служить выдвинутая в конце 1973 г. программа «нового диалога») было вынужденной реакцией на события в самих латиноамериканских странах, на их требования равноправных отношений с северным соседом и не наполнялось конкретным содержанием. В условиях политики «низкого профиля», когда основной задачей Соединенных Штатов было поддержание стабильности ценой малых усилий, это приводило к фактическому игнорированию требований и интересов латиноамериканских стран.

В результате к середине 70-х годов между ними и латиноамериканскими странами накопилось достаточно много проблем в политической сфере, помимо уже отмеченных противоречий в области экономики. Нежелание правящих кругов США заняться их разрешением, известная недооценка степени единства стран региона привели к серьезному кризису в отношениях между Вашингтоном и его южными соседями.

Наиболее сильно этот кризис проявился в системе межамериканских отношений. К этому времени негативный опыт был накоплен по многим вопросам: продолжала сохраняться нерешенность проблемы Папамского канала, хотя вся Латинская Америка единодушно поддерживала Панаму; сохранялось, несмотря на его явную неэффективность, эмбарго ОАГ на торговлю с Кубой, хотя большинство латиноамериканских стран требовало его отмены. Наконец, острые противоречия раздирали саму межамериканскую систему. На протяжении всей первой половины 70-х годов США пытались восстановить в ней свое былое влияние, сохранить Организацию американских государств как инструмент своей политики. В 1971 г. на III Чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ОАГ Вашингтон настаивал на расширении прав этой организации, имея в виду в первую очередь право на вмешательство во внутренние дела латиноамериканских стран под предлогом необходимости борьбы с «подрывными элементами и терроризмом». Позднее с американской стороны был выдвинут план перестройки ОАГ, который не только не получил никакой поддержки в Латинской Америке, но и был квалифицирован там как «попытка модификации межамериканских отношений в интересах США»³³.

Таким образом, в середине 70-х годов ОАГ оказалась на грани

³² Changing Latin America, New Interpretation of its Politics and Society / Ed. D. Chalmers. N. Y.: Praeger Publishers, 1972, p. 94.

³³ Tiemro, 1975, 6 mar.

развала. Как отмечалось на Совещании коммунистических и рабочих партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна в 1975 г., «вместо прогнившей ОАГ латиноамериканским странам необходим собственный форум, который позволит организовать защиту их общих интересов»³⁴. Кризис ОАГ продемонстрировал не только слабость и неэффективность этой организации, но и ее неспособность быть надежным орудием внешней политики США. Тем не менее правящие круги Соединенных Штатов продолжали рассматривать эту организацию как важный и необходимый орган межамериканского сотрудничества. Это обстоятельство наряду с поддержкой ОАГ со стороны некоторых латиноамериканских стран предотвратило ее развал.

Кризис межамериканских отношений, который по времени совпал с последним периодом пребывания у власти администрации Никсона, поставил следующего хозяина Белого дома, Дж. Форда, занявшего этот пост в августе 1974 г., перед необходимостью пересмотра политики США в отношении южных соседей. В следующем, 1975 г. Соединенные Штаты согласились под давлением латиноамериканских стран на реформу ОАГ, перестали препятствовать отмене эмбарго этой организации на торговлю с Кубой. С целью вдохнуть жизнь в увядший «новый диалог» и продемонстрировать повышение внимания США к латиноамериканской проблематике в Латинскую Америку совершил поездку государственный секретарь США Г. Киссинджер. В 1975—1976 гг. оживились переговоры США с Панамой, активизировались американо-кубинские контакты, был достигнут определенный прогресс в разрешении споров Вашингтона с Перу и Эквадором по вопросам национализированной собственности американских компаний.

Однако отход от старой, не оправдавшей себя политики был медленным. Провозгласив с большой помпой тезис о «взаимозависимости» двух Америк, о необходимости непременно учитывать интересы государств региона, США на деле продолжали свою прежнюю политику. Это нашло свое выражение, в частности, в том, что президент Дж. Форд оправдывал действия ЦРУ по дестабилизации обстановки в Чили, заявлял о праве США на вмешательство в дела стран Латинской Америки. Республиканская администрация, развязавшая антикоммунистическую кампанию во время ангольских событий, по-прежнему грубо угрожала социалистической Кубе. Практически замороженным остался и вопрос о научно-техническом и торгово-экономическом сотрудничестве между Вашингтоном и государствами региона. США откровенно пытались развалить Андский пакт, используя Чили (после фашистского мятежа) в качестве «троянского коня» в этой организации. Не было выполнено обещание увеличить помощь США наиболее бедным странам, сохранялась дискриминация в торговле.

³⁴ Совещание коммунистических и рабочих партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна. М.: Политиздат, 1975, с. 18—19.

В целом итоги латиноамериканской политики США в первой половине 70-х годов оказались негативными для правящих кругов этой страны. Хотя в отдельных аспектах поставленные цели были достигнуты — усилилось проникновение американского частного капитала в страны региона, произошли реакционные военные перевороты в Боливии, Чили, Уругвае, в целом, по признанию большинства американских ученых и политиков, в общем балансе латиноамериканской политики Вашингтона минусов было больше.

Прежде всего кризис в отношении Соединенных Штатов со странами региона не только не был преодолен, но даже усилился. В его основе лежал целый комплекс нерешенных экономических и политических проблем. Несмотря на временное поражение революционных сил в ряде стран, Вашингтону не удалось создать серьезные преграды влиянию социализма на страны региона, а его союзники — Бразилия, Чили, центральноамериканские диктатуры — столкнулись с серьезными трудностями. Политика «низкого профиля» привела и к ослаблению экономических позиций США в регионе: в середине 70-х годов совокупный экспорт в Латинскую Америку ЕЭС и Японии почти сравнялся с американским, тогда как в конце 60-х годов он не составлял и половины экспорта США³⁵.

Все эти факторы не могли не вызвать у правящих кругов США растущего беспокойства, которое усиливалось в связи с неблагоприятным для США развитием событий в мире, прежде всего в связи с разразившимся в 1973—1974 гг. энергетическим кризисом, а также тенденцией к объединению развивающихся стран для защиты их экономических и политических интересов и возросшим значением среди них государств Латинской Америки.

Латиноамериканская политика администрации Дж. Картера

На протяжении всего периода пребывания у власти республиканской администрации ее латиноамериканская политика подвергалась в США растущей критике на самых различных уровнях. В середине 70-х годов эта критика, а также рекомендации и предложения по изменению курса в отношении южных соседей нашли воплощение в многочисленных докладах комиссий конгресса и частных организаций, монографических исследованиях университетов и научно-исследовательских центров. За пересмотр принципов политики США к югу от Рио-Гранде выступила группа видных политических деятелей и крупных ученых-латиноамериканистов США: У. Фулбрайт, Ф. Черч, Р. Кеннеди, С. Линовиц, А. Лоуэнталь, Р. Фонтен, М. Нидлер и многие другие. Несмотря на различие позиций, для их взглядов все же был характерен ряд общих моментов. Прежде всего они отмечали недостаток внимания к региону со стороны республикан-

³⁵ США и Латинская Америка. М.: Наука, 1978, с. 97.

ской администрации, а также негативное влияние на межамериканские отношения свойственного США патерналистского подхода, с помощью которого Вашингтон оправдывал свое вмешательство в латиноамериканские дела. В связи с этим предлагалось не выделять Латинскую Америку как регион, где США вправе проводить «особую» политику, и больше приравнять ее к другим развивающимся странам.

Выдвигалось также предложение определить ряд крупных глобальных проблем, вокруг которых США могли бы наладить сотрудничество с латиноамериканскими странами³⁶. Рекомендовалось немедленно принять меры для разрешения проблемы Панамского канала, признать Кубу, прекратить откровенную поддержку военных диктатур, развернуть в регионе политику «защиты прав человека»³⁷.

Эти предложения и рекомендации в определенной мере находились в русле разработки американской стратегии в отношении всех развивающихся стран. Вместе с тем они отмечены стремлением использовать более высокий уровень развития капитализма в регионе по сравнению с Азией и Африкой и такие объективные тенденции в развитии латиноамериканских стран, как тяга к независимым политическим действиям на международной арене и установлению равноправных отношений с США, стремление к восстановлению демократических норм в политической жизни, желание участвовать в борьбе за новый экономический порядок. Странам Латинской Америки отводилась роль опытной модели как в решении некоторых глобальных проблем, так и в диалоге Север—Юг. Как отмечал государственный секретарь США Г. Киссинджер, «глобальный диалог между развитыми и развивающимися странами требует ответов, которые нам будет трудно найти, если мы не найдем их в западной полушарии»³⁸.

В связи с этим во второй половине 70-х годов в латиноамериканской политике Вашингтона достаточно отчетливо определились новые цели. Важнейшей из них было более прочно «встроить» Латинскую Америку в мировую капиталистическую структуру, использовать ее как ближайший резерв империализма. Достижение этой цели администрация демократов планировала путем проведения такой латиноамериканской политики, которая способствовала бы максимальному упрочению капиталистических отношений в регионе. Для этого, как считали демократы, необходимо было противодействовать развитию революционного движения в латиноамериканских странах, причем не только с помощью проамериканских диктаторских режимов, но и на путях поощрения национал-рефор-

³⁶ The Americas in the Changing World. A Report of the Commission on United States—Latin America Relations/Ed. by K. H. Silvert. N. Y.: Quadrangle, 1975, p. 18—60.

³⁷ См.: Ibid.

³⁸ Vital Speeches of the Day, 1975, Apr., p. 366.

мизма, расширения социальной опоры господствующих классов этих стран. Постановка этих целей свидетельствовала, во-первых, о попытках администрации Картера отказаться от политики обязательного сохранения статус-кво в регионе, а во-вторых, о том, что отныне в политике США приоритет отдавался долгосрочным, а не краткосрочным задачам. Ради реализации намеченных целей Соединенные Штаты готовы были сгладить некоторые острые противоречия в межамериканских отношениях. С этой целью ряд инициатив Белого дома во второй половине 70-х годов был направлен на урегулирование наиболее болезненных вопросов, в том числе и путем уступок в некоторых областях.

Такой подход был отчасти продиктован тем, что во второй половине 70-х годов происходило дальнейшее ослабление экономических позиций США в Латинской Америке. В частности, наиболее показательным в этом смысле является снижение доли прямых частных инвестиций США в латиноамериканских странах в общем объеме инвестиций развитых капиталистических государств в регионе, хотя по количественным показателям Соединенные Штаты и превосходили последних. Так, с 1970 по 1979 г. доля США в общем объеме прямых частных инвестиций в регионе упала с 60 до 49%, тогда как доля Японии выросла с 5 до 10%, ФРГ — с 2 до 5% и т. д.³⁹ При этом администрация демократов в значительной степени ориентировалась на международные финансовые институты, стремясь в вопросах экспорта капитала, а также предоставления помощи странам региона формально не выступать самостоятельно с тем, чтобы не обострять отношений с отдельными латиноамериканскими странами. Однако прочные позиции США в международных финансовых институтах позволяли им оказывать решающее воздействие на финансовую политику последних. В частности, администрация демократов, ссылаясь на нарушение «прав человека» в Чили и официально отказав ей в двусторонней помощи, продолжала оказывать хунте Пиночета такую помощь замаскированно, путем льготных займов и кредитов, предоставлявшихся международными финансовыми организациями.

Одновременно США не прекращали кредитования и прогрессивных правительств латиноамериканских стран, пытаясь таким образом корректировать политику последних в интересах международного, и в первую очередь американского, капитала. При этом расчет делался на трудности этих стран и их экономическую зависимость от развитых капиталистических государств. В 1977 г. Международный банк реконструкции и развития предоставил Перу заем в 220 млн. долл. при условии осуществления «режима экономии», что существенно ухудшило положение трудящихся и привело к обострению внутривнутриполитической ситуации в стране. Предоставление креди-

³⁹ Transnational Corporations in World Development: a Reexamination. N. Y.: United Nations Publications, 1978, p. 236.

тов Мексике в 1977—1978 гг. Международным валютным фондом было поставлено в зависимость от ее способности выполнить жесткие условия по ограничению внешнего долга, что задержало индустриализацию этого государства.

В центре экономических противоречий между Соединенными Штатами и странами Латинской Америки находился и находится вопрос об ограничении деятельности ТНК на континенте, приобретший особую актуальность после разоблачений в середине 70-х годов незаконной деятельности ТНК в латиноамериканских странах. Наиболее впечатляющим из них явилось разоблачение подрывной деятельности ИТТ против правительства Народного единства в Чили.

Одной из наиболее характерных сторон деятельности ТНК в странах региона является то, что транснациональные корпорации, все глубже проникая в экономическую структуру латиноамериканских стран, тесно сплетаясь с местным капиталом, идут на определенные уступки ему, создавая филиалы, а также в несколько большей степени допускают его к новейшей технологии и дележу прибылей. Примером могут служить действия «Индастриз групп инкорпорейтед» в Мексике, создавшей совместную компанию с мексиканской государственной компанией ПЕМЕКС, которая является владельцем 51% акций в нефтедобывающей промышленности страны, а также деятельность «Алкоа» в государствах карибского района. Это создает для правительств латиноамериканских стран новые трудности при ограничении деятельности ТНК, поскольку их интересы все теснее оказываются связанными с интересами местной буржуазии.

В целом к концу 70-х годов экономические противоречия между США и странами региона были далеки от хотя бы частичного урегулирования. Наиболее опасный характер они носили в области торговли. Дискриминационный торговый закон 1974 г. не только продолжал действовать, но и был ужесточен. В 1977 г. в США произошло дальнейшее повышение тарифов на латиноамериканский экспорт, в первую очередь это касалось таких товаров, как сахар, кожа, медь, ряд промышленных изделий и т. д. В связи с этим страны Андской группы выступили с заявлением о том, что протекционизм США наносит вред всему комплексу отношений со странами Латинской Америки. Хотя экспорт США в страны региона с 1973 по 1979 г. вырос с 9,3 млрд. до 28,5 млрд. долл., а импорт в 1979 г. составил 30,5 млрд. долл.⁴⁰, такое положение складывалось лишь за счет закупок нефти в Венесуэле и Мексике, без которых баланс государств региона в торговле с США был неизменно отрицательным.

Декларируя новый, «глобальный» подход к латиноамериканским странам, администрация Картера заявила об отказе США от при-

⁴⁰ Statistical Abstract of the United States, 1980. U. S. Department of Commerce. Wash.: U. S. GPO, 1980, p. 874.

знания «особых отношений» с этими странами, отходе от панамериканизма, «доктрины Монро». В попытках подкрепить декларации практическими действиями администрация активизировала переговоры с Панамой, несколько улучшила американско-кубинские отношения, заявив при этом, что Куба будет рассматриваться ею не только как государство западного полушария, но и как член социалистической системы. Уделяя меньшее внимание специфике отношений с государствами региона, американское руководство фактически пошло на сознательное снижение роли ОАГ, которая перестала рассматриваться прежде всего как орудие политики США. Выступая на VII сессии Генеральной Ассамблеи ОАГ, государственный секретарь С. Вэнс предложил свести ее функции к консультативным⁴¹. (Еще ранее Вашингтон снизил свой ежегодный взнос в ОАГ с 60 до 45%.)

Заявив о том, что подход к странам региона будет определяться в контексте отношений с развивающимися государствами в целом, администрация Картера в то же время активно использовала установившиеся взаимосвязи со странами Латинской Америки, уделяя при этом основное внимание таким ключевым странам, как Бразилия, Мексика, Венесуэла. С точки зрения демократической администрации, значение этих стран определялось тем, что они являются не только крупнейшими странами Латинской Америки и важнейшими партнерами США в этом регионе мира, но и лидерами развивающихся стран в целом, через развитие отношений с которыми американское руководство пыталось воздействовать на всю группу развивающихся стран. Особая роль при этом по-прежнему отводилась Бразилии.

Однако отношения США и Бразилии в конце 70-х годов вновь обострились. Политическое и экономическое укрепление этого союзника США, рост его самосознания привели к появлению межимпериалистических противоречий между ним и Соединенными Штатами, особенно по проблемам создания ядерной энергетики, борьбы за рынки сбыта и т. д. Осложнение американско-бразильских отношений сопровождалось укреплением связей этой страны с Западной Европой и Японией в ущерб позициям США. Однако большая зависимость Бразилии от международного капитала и заинтересованность правящих кругов Соединенных Штатов в ее стабильном развитии привели к постепенному выравниванию двусторонних отношений на рубеже 80-х годов.

Значительное место в латиноамериканской политике США занимают также Венесуэла и Мексика (особенно в связи с открытием в последней больших запасов нефти, оцениваемых в 8 млрд. т). Относительная стабильность политических систем этих государств порождает в США надежды, что по их примеру будет создана более устойчивая и привлекательная модель развития для прочих

⁴¹ Department of State Bulletin, 1977, May 30, p. 575.

латиноамериканских стран. Однако независимая внешняя политика, стремление укрепить национальную экономику и ограничить экспансию международного капитала, а также нежелание облегчить доступ США к их природным ресурсам показали песовпадение интересов этих стран с американскими. Визиты Дж. Картера в Венесуэлу и Мексику в 1978 и 1979 гг. и намерение американского руководства установить «особые», дружественные отношения с этими государствами путем сочетания уступок в экономической области и политического нажима закончились практически безрезультатно.

В целом политика США, направленная на то, чтобы придать большую гибкость глобальному подходу к Латинской Америке через развитие двусторонних отношений, столкнулась с большими сложностями. По оценке многих американских экспертов, попытка США оказать давление на отдельные латиноамериканские страны «оказалась не слишком успешной»⁴².

Дифференцированный подход, заимствованный администрацией Картера у республиканцев, получил дальнейшее развитие: он был распространен не только на страновой, но и на региональный уровень (прежде всего на бассейн Карибского моря). Этот стратегически важный субрегион приковывал к себе растущее внимание США на протяжении всего периода 70-х годов. Политическая и экономическая активизация карибских и центральноамериканских стран, особенно таких, как Ямайка, Панама, рост влияния революционной Кубы, а также кризис диктаторских режимов в Никарагуа и Сальвадоре вынуждали американское руководство принимать срочные меры. Страны Карибского бассейна посетили Дж. Картер, ряд видных представителей его администрации, многочисленные делегации американских бизнесменов. США заявили об увеличении помощи субрегиону по различным каналам (лишь по линии УМР она выросла с 32 млн. долл. в 1975 г. до 80 млн. долл. в 1978 г.)⁴³. В декабре 1977 г. под эгидой США было создано международное сообщество по развитию этого района, которое, по мысли Вашингтона, должно было гарантировать обеспечение в районе интересов империализма.

Важнейшими мерами администрации демократов, которые должны были свидетельствовать о готовности и способности американского руководства учитывать изменения на континенте и идти навстречу своим южным соседям, были подписание и ратификация сенатом США договоров о Панамском канале и развитие отношений с Кубой. Хотя решение «панамского вопроса» и в меньшей степени шаги по пути нормализации отношений с Гаваной были широко разрекламированы американской пропагандой как подтверждение

⁴² Foreign Affairs, 1980, Summer, p. 1024—1025.

⁴³ U. S. Policy towards the Caribbean. Hearings before the Subcommittee on International Affairs, Committee on International Relations, U. S. House of Representatives, Wash.: U. S. GPO, 1978, p. 13.

«доброй воли» Вашингтона, они в немалой степени продемонстрировали и то, с какими препятствиями внутри страны сталкиваются решения администрации, в той или иной степени выходящие за рамки традиционных представлений американцев о политике к югу от Рио-Гранде.

Основы решения панамского вопроса были заложены еще при республиканской администрации, когда обе стороны договорились о принципах ведения переговоров и США официально признали необходимость возвращения зоны канала под суверенитет Панамы. Администрация Картера подписала соглашения, означавшие постепенную ликвидацию военного и политического присутствия США в зоне Панамского канала.

В результате борьбы внутри Соединенных Штатов вокруг ратификации договора, закончившейся победой 7 сентября 1977 г. с минимальным преимуществом сторонников его подписания, в договор были включены поправки, ущемляющие суверенитет Панамы. Первая из них предоставляет американским военным кораблям право внеочередного прохода через канал «в случае угрозы его безопасности», а вторая оставляет за США право на вооруженное вмешательство с целью «обороны» канала и после того, как в 2000 г. он перейдет под полный контроль Панамы⁴⁴.

Развитие американо-кубинских отношений в 1977—1978 гг. (обмен дипломатическими представительствами, расширение деловых связей, несколько экономических и политических соглашений) способствовало некоторой нормализации отношений между двумя странами. Однако разрядка между США и Кубой по вине американской стороны не получила развития. Это было вызвано тем, что Соединенным Штатам не удалось даже отчасти достичь поставленных задач — обусловить развитие американо-кубинских отношений отказом Кубы от проведения независимой политики в Африке, ее согласием скорректировать свою внутреннюю и внешнюю политику в интересах империализма. Вместе с тем налаживание американо-кубинских контактов вызвало сопротивление консервативных кругов США, которым удалось блокировать действия администрации.

Во второй половине 70-х годов произошла определенная идеологизация латиноамериканской политики США. Из Вашингтона прозвучали призывы к защите «прав человека». Развернутая Вашингтоном пропагандистская кампания в «защиту прав человека» была вызвана прежде всего кризисом американской политики безоговорочной поддержки правых режимов, оказавшихся неспособными обеспечить не только динамичное развитие, но и просто стабильность капитализма, а также попыткой нейтрализовать усиливающееся стремление народов к восстановлению демократии.

⁴⁴ Panama Canal Treaties. Hearings before the Committee on Foreign Relations, U. S. Senate, Wash.: U. S. GPO, pt. 1, p. 497—534.

Однако провозглашенная администрацией Картера политика «демократизации», и в частности кампания в защиту «прав человека», на практике оказались фальшивой демагогией. Опасения выхода «демократизации» из-под контроля правящих классов латиноамериканских стран и заполнения вакуума, образовавшегося на месте военных режимов, радикальными силами не только обусловили лицемерие кампании в защиту «прав человека» и «демократизации», но и привели к фактическому продолжению поддержки Вашингтоном военных диктатур, что нашло свое выражение в предоставлении экономической помощи Чили, Парагваю, а также в попытках подавить прогрессивные силы Никарагуа, Сальвадора и других латиноамериканских стран. В определенной степени этот курс был связан и с другими целями: повлиять на прогрессивных военных, оказать под лозунгом «возврата к демократии» давление на тех (правительство Перу, прогрессивное панамское правительство Торрихоса и др.), чья политика не устраивала США.

Одновременно американское руководство пыталось обвинить латиноамериканские страны в склонности к авторитаризму, блокировать их требования в экономической и политической области. Такой подход вызвал негативную реакцию не только со стороны диктатур, но и со стороны определенной части либеральной латиноамериканской буржуазии. Как справедливо отметили американские исследователи, в Латинской Америке попытка США соединить вопрос о «правах человека» с разрешением вопросов экономического сотрудничества была воспринята как стремление навязать «моральный империализм»⁴⁵. Более того, данная кампания пришла в явное противоречие с провозглашенной Вашингтоном политикой невмешательства во внутренние дела стран региона и вызвала ответные обвинения в адрес США.

В целом Соединенные Штаты оказались неспособными использовать в своей латиноамериканской политике объективную тенденцию к демократизации и восстановить свои позиции политического и идеологического лидера западного полушария. В результате стремление администрации Картера повторить вариант империалистического реформизма в духе «Союза ради прогресса» оказалось нереализованным. Нарастание революционно-освободительного движения в странах Центральной Америки (падение кровавого режима Сомосы в Никарагуа, активизация борьбы патриотов против антинародной репрессивной хунты в Сальвадоре, а также других диктаторских режимов в центральноамериканских странах) показало, что США не могут рассчитывать на «мирную трансформацию» диктаторских режимов, их постепенную демократизацию.

Усмотрев в ситуации, сложившейся в центральноамериканском субрегионе, угрозу важным экономическим и политическим интересам американского империализма, администрация Картера все чаще

⁴⁵ Foreign Affairs, 1978, July, p. 831.

стала прибегать к методам грубого давления на эти страны. Вашингтон стал наращивать свое военное присутствие в регионе: осенью 1979 г. в Ки-Уэсте (штат Флорида) был создан штаб Карибского корпуса быстрого развертывания, была не только возобновлена, но и увеличена приостановленная ранее военная помощь центральноамериканским диктатурам.

Возврат к политике «большой дубинки»

Приход в США к власти администрации Р. Рейгана ознаменовался дальнейшим ужесточением этого курса. Вашингтон возобновил и увеличил до 250 млн. долл. в год военную и экономическую помощь сальвадорской хунте, направил в эту страну десятки военных советников, расширил поддержку других центральноамериканских диктатур. Одновременно Соединенные Штаты приостановили экономическую помощь Никарагуа с целью оказать давление на революционное сандинистское правительство, развязали злобную антикубинскую кампанию. Американским руководством был взят курс на развитие военно-политического сотрудничества с Чили, Уругваем и некоторыми другими правыми режимами.

Тем не менее открытая ставка на военную силу, стремление использовать подъем освободительной борьбы центральноамериканских стран для нагнетания международной напряженности не принесли Вашингтону ожидавшихся выгод. Более того, этот курс лишь еще более осложнил отношения США с западноевропейскими союзниками, привел к усилению их недовольства действиями США. Вызвал он и активное недовольство в самих Соединенных Штатах, где высказывались опасения, что Сальвадор станет для них «вторым Вьетнамом».

В этих условиях правящие круги США предприняли определенные усилия для выравнивания отношений с латиноамериканскими странами, стремясь остановить рост националистических, антиамериканских настроений. Ни в коей мере не отказываясь от проводимого ими жесткого курса (прежде всего в отношении стран Центральной Америки и Карибского бассейна) и наращивания военного присутствия в регионе, республиканцы постарались выработать более долгосрочную и жизнеспособную латиноамериканскую стратегию. С этой целью Белый дом стал больше использовать такие традиционные рычаги, как дипломатическое маневрирование и экономическая помощь (включая военную). Об этом свидетельствует предпринятая Р. Рейганом в конце ноября — начале декабря 1982 г. поездка в Бразилию, Колумбию, Коста-Рику и Гондурас, во время которой президент США постарался уменьшить возникшую в межамериканских отношениях напряженность и обещал увеличение американской экономической помощи странам региона при одновременном снижении тарифов на ряд товаров латиноамериканского экспорта. Еще ранее, предлагая на рассмотрение конгресса США

проект бюджета иностранной помощи на 1983 финансовый год, администрация запросила 350 млн. долл. на экономическую помощь странам Центральной Америки и Карибского бассейна в рамках так называемой «карибской инициативы», выдвинутой Рейганом в феврале 1982 г. (запрошенная сумма была выделена конгрессом в августе того же года). Основные средства, выделенные в рамках «карибской инициативы», должны быть использованы для финансирования частного сектора центральноамериканских и карибских стран. Хотя выдвинутая Белым домом «карибская инициатива» в определенной мере учитывает пожелания ряда государств субрегиона о беспопытном доступе на рынки США и расширении экономической и научно-технической помощи, она ни в коей мере не может способствовать комплексному, сбалансированному развитию их экономики, тем более что, по подсчетам самих же американских экономистов, на эти цели потребовалось бы как минимум 4—5 млрд. долл.

Одной из наиболее характерных особенностей латиноамериканской политики республиканцев стало стремление Белого дома использовать экономические и финансовые трудности, которые испытывают в настоящее время эти страны. Как известно, такие государства, как Бразилия, Мексика, Аргентина и Венесуэла, имеют огромную внешнюю задолженность, которая составляет соответственно 89, 85, 42 и 37 млрд. долл.⁴⁶ В этих условиях предоставление в конце 1982 — начале 1983 г. займов и кредитов международных финансовых организаций, находящихся под контролем США, рассматривается американским руководством, с одной стороны, как способ смягчения межамериканских противоречий, а с другой — как средство углубления зависимости стран Латинской Америки от международных банков, поощрения частнокапиталистических методов хозяйствования. Используя экономические и финансовые трудности этих стран, Соединенные Штаты надеются внести определенные коррективы в их внутреннюю политику, ослабить их тесное сотрудничество между собой, а также с другими развивающимися странами.

Одновременно, несмотря на маневрирование в экономической и политической областях, в Центральной Америке администрация Рейгана, по-прежнему, делает основной упор на военно-силовое решение проблем этого региона. Это, в частности, проявилось в 1983 г., когда Соединенные Штаты развязали необъявленную войну против Никарагуа и совершили прямую вооруженную интервенцию против Гренады. Попытки Белого дома отреагировать на события в Центральной Америке усилением жесткости и военной интервенцией вызвали сопротивление в широких политических кругах США, а также со стороны американской и мировой общественности. Генеральная Ассамблея ООН подавляющим большинством голосов

⁴⁶ Правда, 1983, 21 февр.

(108 против 9) осудила агрессию США на Гренаде, расценив американское вторжение как «грубое нарушение международного права, как посягательство на независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность этого государства»⁴⁷.

Подводя итоги послевоенной политики Соединенных Штатов в отношении их южных соседей, следует отметить, что эти страны, в большинстве своем завоевавшие политическую независимость еще в первой четверти XIX в. и в течение длительного периода развивавшиеся в рамках капиталистической системы, занимают особое положение среди других развивающихся стран и служат для Соединенных Штатов своеобразным испытательным полигоном, на котором они «обкатывают» свою политику в отношении развивающихся государств в целом. При этом, пытаясь сохранить страны континента в сфере влияния американского империализма, США используют различные методы: от военной силы до буржуазного реформизма.

Взгляд на послевоенную политику Соединенных Штатов в отношении латиноамериканских государств позволяет выявить определенную закономерность в использовании ими этих методов. Неудачи программы «Союза ради прогресса» Д. Кеннеди, опыт которого, правда в весьма отдаленной степени, пыталась повторить администрация Дж. Картера, повлекли за собой попытки США вернуться к использованию военно-силовых методов, что было характерно как для «жесткого курса» Л. Джонсона, так и для деятельности нынешней администрации Р. Рейгана. Тем не менее, несмотря на определенное ужесточение и прагматизацию политики США в отношении их южных соседей, в целом Белый дом вынужден маневрировать, использовать все более гибкие методы, во все большей мере учитывать активизацию борьбы народов латиноамериканских стран, выступающих за ликвидацию зависимости от американского империализма. Вашингтону приходится учитывать и то, что Латинская Америка перестает быть сферой исключительного влияния США — возрастающую конкуренцию им составляют страны Западной Европы, а также Япония. Значительное влияние на латиноамериканские страны оказывает также миролюбивая политика СССР, который в своих отношениях с ними исходит из принципов равенства, взаимного уважения и невмешательства в их внутренние дела.

⁴⁷ Правда, 1983, 5 ноябр.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Агню Спиро Agnew Spiro I 29
Адамс Брукс Adams Brooks I 110, 144; II 138
Адамс Джон Adams John I 110, 141, 142
Адамс Генри Adams Henry II 138
Аденауэр Конрад Adenauer Konrad I, 144, 231
Адула Сирил Adoula Cyrille II 413
Айюб-хан Мухаммед Ayub Khan Mohammed II 373, 375
Алджер Чедуик Alger Chadwick I 376
Али Мухаммед Ali Muhammad I 174
Аллен Джордж Allen George II 406
Аллен Итан Allen Ethan I 141
Алпровиц Гар Alperovitz Gar II 154
Алтон Тэд Alton Thad II 197
Альенде Сальвадор Allende Salvador II 43, 447
Амузегар Джахангир Amouzegar Jahangir II 34
Андропов Ю. В. I 14, 207, 455
Аптекер Герберт Apthecker Herbert I 188¹
Арбенс Хакобо Arbenz Jacobo I 88; II 436
Арендт Ханна Arendt Hannah I 192
Арисменди Родней Arismendi Rodney I 334
Арон Раймон Aron Raymond II 19
Артемьев И. Е. II 50
Артур Честер Arthur Chester I 156
Арчер Жюль Archer Jules I 151
Ачесон Дин Acheson Dean I 89, 286, 289, 394, 420; II 122, 205, 259, 282—283, 341, 344—345
Бакли Джон Buckley John II 389
Банкер Элсворт Bunker Ellsworth II 289
Бансер Уго Banzer Hugo II 447
Барнет Доак Barnett Doak II 319
Барух Бернард Baruch Bernard I 89, 393—94, 420—421; II 76
Барышев А. П. II 76
Беверидж Альберт Beveridge Albert I 106
Бегин Менахем Begin Menahem II 271
Беглов С. И. II 103
Бейдер Уильям Badar William I 421
Бейкер Говард Baker Howard I 240; II 337
Бейли Томас Bailey Thomas I 157
Бейлин Бернард Bailyln Bernard I 142
Белл Даниэл Bell Daniel I 109, 112, 178, 450
Белл Корал Bell Coral I 380
Бенеш Эдуард Beneš Eduard II 183
Бенн Энтони Benn Anthony II 43
Бергсон Алан Bergson Alan II 159
Бергстен Фред Bergsten Fred I 78; II 441
Берд Роберт Byrd Robert II 419
Берк Самуэль Burke Samuel II 387
Берман Роберт Berman Robert II 19
Берриген Даниэл Berrigan Daniel I 176
Берриген Филипп Berrigan Philip I 176
Бжезинский Збигнев Brzezinski Zbigniew I 110, 112, 130, 194, 212, 245, 220—222, 248, 273, 388, 452; II 29, 52—53, 83, 115, 134, 149, 190, 199, 276, 330, 332, 334, 427
Бингхэм Джонатан Bingham Jonathan II 196
Бинкин Мартин Binkin Martin II 19
Бирнс Джеймс Byrnes James II 122
Бисмарк Отто фон Bismark Otto von I 138
Блатник Джон Blatnik John II 196
Блехман Барри Blechman Barry II, 19, 23, 27
Блок Джон Block John I 450
Блументаль Майкл Blumenthal Michael II 36
Блэк Юджин Black Eugene II 191
Бойд Джулиан Boyd Julian I 153
Болдуин Хэнсон Baldwin Hanson I 288
Болен Чарльз Bohlen Charles II 194, 287
Боул Джордж Ball George I 149, 268; II 32
Бота Питер Botha Peter II 420
Боулдинг Кеннет Boulding Kenneth I 288, 376¹
Боулс Честер Bowles Chester II 372, 410
Брайан Уильям Bryan William II 116
Брандт Вилли Brandt Willy II 251

- Браун Гарольд Brown Harold I 70, 312, 314—315, 366; II 333—334, 360
 Браун Лестер Brown Lester I 44, 447
 Браун Сейом Brown Seyom I 296
 Браун Энтони Brown Anthony I 288
 Брешнев Л. И. I 201, 384
 Бринкли Дэвид Brinkley David I 52
 Броди Бернард Brodie Bernard I 372
 Булл Хедли Bull Hedley I 13
 Буллацкий Ф. М. I 124
 Буш Джордж Bush George II 179, 337, 430
 Бхутто Зульфикар Али Bhutto Zul-likar Ali II 387
 Бэркс Ричард Burks Richard II 197
 Бэрт Ричард Burt Richard I 328; II 167
 Бэттл Лари Battle Laurie II 187, 195
 Ванденберг Артур Vandenberg Ar-thur I 353
 Ванденберг Хойт Vandenberg Hoyt I 291
 Вашингтон Джордж Washington Geor-ge I 110, 141, 147, 159, 168, 178, 346; II 130
 Ведемейер Альберт Wedemeyer Albert I 294
 Вейнстайн Мартин Weinstein Martin II 346
 Вернадский В. И. I 455
 Виллард Генри Villard Henry II 404—405
 Вилкокс Уэйн Wilcox Wayne II 378
 Вильсон Вудро Wilson Woodrow I 153—154, 187, 201, 230; II 120, 132
 Вильямс Вильям Williams William I 145, 157—158
 Воронцов Г. А. II 207
 Вулф Алан Wolfe Alan II 167
 Ваняк Чарльз Vanik Charles II 197
 Ванс Сайрус Vance Cyrus I 40, 409, 436, 452; II 167, 422—423, 426, 455
 Галкин А. А. I 124
 Гамарников Майкл Gamarnikow Mic-hael II 197
 Гамильтон Александр Hamilton Ale-xander I 110, 141, 147, 151
 Ганди Индира Gandhi Indira II 377, 386
 Гардинг Уоррен Garding Warren II 132
 Гарретт Бэннинг Garrett Banning II 327
 Гарриман Аверелл Harriman Averell I 149; II 122, 318, 372—373
 Гейлер Ноэль Gayler Noel II 297
 Гелб Лесли Gelb Leslie I 32; II 173
 Гертер Кристиан Herter Christian I 296
 Гизенга Алтуан Gizenga Antoine II 413
 Гилпин Роберт Gilpin Robert II 32, 36
 Глойзер Курт Glaser Kurt II 139—140
 Голдуотер Барри Goldwater Barry I 25, 217, 451
 Гонсалес Генри Gonzales Henry II 445
 Готвальд Клемент Gothvald Clement II 183—184
 Грей Колин Gray Colin I 318
 Гринуолт Кроуфорд Greenwalt Craw-ford II 191
 Гриффит Уильям Griffith William II 193
 Громыко А. А. I 157, 435, 453
 Громыко Анаст. А. II 413, 428
 Гувер Герберт Hoover Herbert I 295
 Далин Александр Dallin Alexander II 159
 Даллес Джон Фостер Dulles John Foster II 78, 86—87, 145, 157, 187
 де Голль Шарль De Gaulle Charles I 329; II 212, 325
 Джанкар Барбара Jancar Barbara II 193
 Джеймсон Дональд Jamieson Do-nald II 243
 Джексон Генри Jackson Henry I 129, 159, 407; II 197
 Джефферсон Томас Jefferson Thomas I 141, 159
 Джонсон Джозеф Johnson Joseph II 264
 Джонсон Линдон Johnson Lindon I 10, 27, 34, 45, 159, 191—92, 288, 311, 403, 405, 427; II 121, 146, 180, 182, 190, 229, 265, 290—94, 318, 320—21, 372, 376, 404, 415—17, 429, 441, 461
 Джонсон Льюис Johnson Lewis I 288
 Джордж Александр George Alexander I 373; II 26
 Дики Поль Dickie Paul II 38
 Диллон Дуглас Dillon Douglas I 89
 Дифенбейкер Джон Diefenbaker John II 238—39
 Дмитричев Т. Ф. II 76, 89
 Дуглас-Хьюм Алек Douglas — Home, Sir Alec II 292
 Дьем Нго Динь Diem Ngo Dinh I 261; II 285, 288
 Дэвис Артур Davis Arthur II 285
 Дэвис Натаниэл Davis Nathaniel II 420

- Дэн Сяопин Deng Xiaoping/Jeng Hsiao-ping/ II 331
- Ергин Даниэл Yergin Daniel II 11
- Жискар д'Эстен Валери Giscard d'Estang Valéry II 52, 80
- Журкин В. В. II 25
- Зингер Дэвид Singer David I 376, II 148
- Зия — уль — Хак Zia — ul — Haq II 384, 387—388
- Иванов И. Д. II 84
- Иглбергер Лоуренс Eagleburger Lawrence II 111
- Икле Фред Iklè Fred I 390; II 84
- Иоанн Павел II John Paul II I 174
- Иосида Шигеру Yoshiga Shigeru II 86
- Йорк Герберт York Herbert I 296
- Каллагэн Джеймс Callaghan James II 80
- Кан Герман Kahn Herman I 299, 372, 376, 381; II 22—23
- Каренин А. I 158; II 141
- Карнеги Эндрю Carnegie Andrew II 264
- Картер Джимми Carter Jimmy I 10, 25, 36, 45, 48, 58, 70, 81, 83, 114—115, 117, 119, 152, 169—170, 172, 174, 176, 178, 193, 194, 196, 220, 224, 248, 273—275, 311—312, 318—319, 323, 326, 340—341, 354, 357, 366, 369, 388, 389, 390—91, 409—12, 414—15, 429, 446; II 8, 23, 59, 80, 88, 100, 127, 132, 166, 169, 178, 182, 198—99, 224, 229—30, 244, 248, 269, 272—73, 299—300, 303, 329—30, 332, 335—36, 351, 357, 359—60, 363, 383—84, 388—89, 396, 398—99, 404, 422—23, 425—26, 428—29, 432, 451—53, 454, 456, 458, 461
- Картер Уильям Carter William I 48, 179
- Кастро Фидель Castro Fidel I 263
- Катз Джулиус Katz Julius II 45
- Кауфман Уильям Kaufman William I 372
- Кегли Чарльз Kegley Charles I 139
- Кекконен Урхо Kekkonen Urho II 106
- Келли Поль Kelley Paul I 342
- Кеннан Джордж Kennan George I 14, 149, 168, 215, 282, 284, 452; II 122, 144, 153, 157, 182, 187
- Кеннеди Джон Kennedy John I 5, 33, 45, 57, 110, 145, 172, 174, 190—92, 263, 268, 297—99, 300—301, 303, 311, 335, 380, 398; II 97, 124, 127, 145, 159, 167, 189, 204, 210, 212, 216, 229, 238, 262—63, 287—89, 317—18, 372—73, 384, 404, 409—16, 422, 437—41, 461
- Кеннеди Роберт Kennedy Robert I 57, 126, 357, 380; II 292, 451
- Кеннеди Эдвард Kennedy Edward I 57, 452; II 245
- Киллиан Джеймс Killian James II 48, 49
- Кинг Макензи King Mackenzie II 233
- Кинг Мартин Лютер King Martin Luther II 422
- Кинтнер Уильям Kintner William I 211, 452
- Киркпатрик Джин Kirkpatrick Jean I 223, 225
- Киссинджер Генри Kissinger Henry I 20, 113—15, 123—25, 149, 221, 272—73, 351, 364, 376, 408, 446; II 28, 31, 79, 147, 149, 163, 172, 195, 198, 214—15, 268, 294, 321, 325—27, 329, 421, 450, 452
- Кистяковский Джордж Kistiakowsky George I 438
- Клабб Эдмунд Clubb Edmund II 308
- Кларк Джозеф Clark Joseph II 232, 246—47
- Клаузевиц Карл фон Clausewitz Karl von II 12
- Клаузен Элден Clausen Alden I 86—87
- Клеменс Уолтер Clemens Walter II 193
- Клингберг Фрэнк Klingberg Frank I 139
- Клиффорд Кларк Clifford Clark II 84
- Клэр Майкл Clair Michael II, 396
- Кокс Артур Cox Arthur I 126
- Колби Уильям Colby William I 126
- Колер Фой Kohler Foy I 452
- Колко Габриэль Kolko Gabriel II 143
- Коннэли Джон Connally John II 213, 241
- Корри Эдвард Korri Edward II 416
- Крамш Арнольд Kramish Arnold I 424
- Кристол Ирвинг Kristol Irving I 138
- Кристофер Уоррен Christopher Warren II 35
- Крокер Честер Crocker Chester II 429
- Крол Джон (кардинал) John Cardinal Krol I 174
- Кубичек Жуселино Kubitschek Juscelino II 437
- Кук Теренс (кардинал) Terence Cardinal Cooke I 177
- Куэстер Джордж Quester George I 212
- Кэлхаун Джон Calhoun John I 110

- Лакер Уолтер Laqueur Walter I 220
 Ларок Джин LaRocque Jene II 84
 Латуретт Кеннет Latourette Kenneth II 283
 Лаутер Геаза Lauter Geza II 38
 Легволд Роберт Legvold Robert II 163
 Лейк Энтони Lake Anthony I 139—140
 Леки Роберт Leckie Robert I 150
 Ленин В. И. I, 3, 19, 22, 40, 58, 77, 121, 125, 349, 370—371; II 10—11, 35, 92
 Ленс Сидней Lens Sidney I 42
 Ли В. Ф. II 263
 Ли Дон Вон Lee Donvon II 358
 Ли Куан Ю Lee Kuan Yew II 297
 Ли Трюгве Lie Trygve II 75
 Ливингстон Роберт Livingston Robert II 196
 Лилиенталь Дэвид Lilienthal David I 420
 Лимэй Кёртис LeMay Curtis I 287
 Лимэн Джон Lehman John I 340
 Линкольн Абрахам Lincoln Abraham II 116
 Линовиц Сол Linowitz Sol II 451
 Линь Бяо Lin Biao/Lin Piao/ II 324
 Липпман Уолтер Lippmann Walter I 52, 191, 205
 Липсет Сеймур Lipset Seymour I 109, 210
 Лиска Джордж Liska George I 348
 Лонг Рассел Long Russell II 352
 Лоуэнталь Абрахам Lowenthal Abraham II 451
 Лумумба Патрис Lumumba Patrice II 76, 410—411
 Льюис Джесси Lewis Jesse II 259
 Лэйрд Мелвин Laird Melvin I 305
 Любимов Л. Л. II 58
 Людовик XVI Luis XVI I 159
- Мазуров В. М. II 359
 Макартур Дуглас MacArthur Douglas I 292, 294
 Макги Джордж McGhee George II 369, 406
 Макгован Патрик McGowan Patrick I 139
 Маккарти Джозеф McCarthy Joseph II 173, 309
 Маккоун Джон McCone John I 89
 Маккюэн Джон McCuen John II 16
 Макмагон Брайан McMahan Brien I 421—422
 Макмиллан Гарольд Macmillan Harold I 398
 Макнамара Роберт McNamara Robert I 192, 299, 301—302 310, 314, 380—381
 Манн Томас Mann Thomas II 442
 Мао Цзедун Mao Zedong/Mao Tse-tung/ I, 305; II 308, 325
 Марзани Карл Marzani Carl II 184
 Маркс Карл Marx Karl II 47
 Маршалл Джордж Marshall George I 40, 283, 355—356; II 122—123, 144, 185, 203, 206—207, 234, 305—308, 407, 435
 Майнз Чарльз Maynes Charles II 72
 Мельников Ю. М. II 81
 Меннинг Бейлэс Manning Bayless II 46
 Менон Кришна Menon Krishna II 374
 Мигуэз — Бонино Хоце Migues — Bonino José I 175
 Миддендорф Уильям Middendorf William II 354
 Миллер Ирвин Miller Irwin II 191
 Мини Джордж Meany George I 42—43
 Мобуту Сесе Секо Mobutu Sese Seko II 417; 419
 Мойнихэн Даниэл Moynihan Daniel II 418
 Мондейл Уолтер Mondale Walter II 195, 333, 426
 Монро Джеймс Monroe James I 110, 141, 153—154
 Монтгас Джон Montias John II 197
 Моргенстерн Оскар Morgenstern Oskar II 22
 Моргентхау Ханс Morgenthau Hans I 110—111, 138, 148—149, 178, 204, 348; 178, 204, 348; II 4, 10
 Моррис Роберт Morris Robert I 225
 Морроу Эдвард Murrow Edward II 97
 Моссадех Мухаммед Mossadegh Mohammed II 391
 Мугабе Роберт Mugabe Robert II 421
 Мурер Томас Moorer Thomas I 411
 Мансфилд Майк Mansfield Mike II 193, 196, 357
 Мэхен Альфред Mahan Alfred I 144
- Най Джозеф Nye Joseph I 78
 Накасонэ Ясухиро Nakasone Yasuhiro II 352, 360
 Нанн Самюэль Nann Samuel II 364
 Наполеон I Бонапарт Napoléon Buonaparte I I 152
 Насер Гамаль Абдель Nasser Gamal Abdel II 260
 Неру Джавахарлал Nehru Jawaharlal II 369, 372, 374
 Нибуэр Рейнгольд Niebuhr Reinhold I 167, 169
 Нидлер Мартин Needler Martin II 451

- Никсон Ричард Nixon Richard I 6, 10, 30, 34, 34, 58, 84, 113, 115, 134, 145, 149, 157, 191, 193, 267, 303—305, 308, 311, 349, 357, 363, 368, 382, 386, 405; II 161—63, 193—97, 204, 213, 229, 240—41, 266, 294—97, 320—21, 322—25, 327—29, 348—49, 359, 369, 378, 404, 409—10, 417—19, 429, 442—447
- Нитце Поль Nitze Paul I 290—91, 410, 452
- Нильсен Вальдемар Nielsen Waldemar II 407
- Нихтерлейн Дональд Nuechterlein Donald I 107; II 4, 5
- Нкомо Джошуа Nkomo Joshua II 421
- Нкрума Кваме Nkrumah Kwame II 417
- Норстэд Лорис Norstad Lauris II 238—239
- Ноулэнд Уильям Knowland William II 309
- Обасанджо Олусеган Obasanjo Olusegun II 426
- Овинников Р. С. I 23
- Олсоп Стюарт Alsop Stewart II 123
- Олсоп Джозеф Alsop Joseph II 123
- Органски Абрамо Organski Abramo I 348
- Осгуд Роберт Osgood Robert I 346
- Оуэн Генри Owen Henry II 21
- Паалберг Роберт Paarlberg Robert I 346
- Наделфорд Норман Padelford Norman II 10
- Пайпс Ричард Pipes Richard I 410, 451
- Палей Уильям Paley William I 65
- Пальмер Джозеф Palmer 2nd Joseph II 406
- Парсонс Талкотт Parsons Talcott I 124
- Пархоменко В. К. I 141
- Пауэрс Фрэнсис Powers Francis II 158
- Пейн Томас Paine Thomas I 141
- Пелл Клайборн Pell Claiborne II 192
- Перло Виктор Perlo Victor II 257
- Перси Чарльз Percy Charles II 419
- Петровский В. Ф. II 17, 25, 81
- Пехлеви Мохаммед Реза Pahlevi Mohammad Reza I 261
- Пий XII Pius XII I 167, 174
- Пиночет Аугусто Pinochet Augusto II 448
- Пирсон Лестер Pearson Lester II 239
- Писарев В. Д. II 58
- Подгорец Норман Podhoretz Norman I 224
- Пол Рональд Paul Ronald I 354
- Полк Уильям Polk William II 263
- Поллак Герман Pollak Hermann II 50
- Пономарев Б. Н. I 157, 219
- Портер Уильям Porter William II 412
- Портильо Хосе Лопес Portillo Jose Lopes II 248
- Прайт Джордж Pratt George II 256
- Примаков Е. М. II 268
- Пфафф Уильям Pfaff William I 250
- Пэн Дахуай Peng Dehuai/Pen Teh-huai/II 311
- Гамсфельд Дональд Rumsfeld Donald I 314
- Рапопорт Анатолий Rapoport Anathol I 125, 376
- Раск Дин Rusk Dean II 124, 190, 289, 318, 417
- Ратженс Джордж Rathjens George II 85
- Рауни Эдвард Rowney Edward
- Рейган Рональд Reagan Ronald I 6, 9, 13, 15, 25, 30, 40, 45, 47, 70, 76, 80, 117—119, 129, 145, 161, 167, 170, 176—177, 179, 194, 196—197, 206, 223—226, 276—278, 318, 323—325, 330, 333, 340, 344, 357, 368—369, 389—392, 411, 415, 429, 432, 437—438, 449, 452; II 8, 14, 21, 85, 100, 110—111, 169, 176, 177—178, 182, 198, 201, 228—230, 232, 248—249, 251, 272, 276—278, 300, 303, 336—340, 353—354, 360, 383, 386, 399, 428, 430—432, 459
- Рейнольд Чарльз Reinold Charles I 124
- Реусс Генри Reuss Henry II 196
- Рибиков Абрахам Ribicoff Abraham II 39, 45
- Ричардсон Эллиот Richardson Elliott II 58—59
- Роджерс Уильям Rogers William I 26; II 194
- Розенау Джеймс Rosenau James II 20
- Рокфеллер Дэвид Rockefeller David II 83
- Рокфеллер Нельсон Rockefeller Nelson I 133, 411; II 116, 145, 186
- Ростов Уолт Rostow Walt I 159—160, 347; II 410
- Ростов Юджин Rostow Eugene I 411; II 168
- Роуланд Бенджамин Rowland Benjamin I 263
- Рубинштейн Элвин Rubinstein Alvin II 193
- Рузвельт Теодор Roosevelt Theodor I 154; II 121
- Рузвельт Франклин Roosevelt Frank-

- lin I 65, 155; II 116, 120, 122—123, 205, 305—306, 435
Рэдфорд Артур Radford Arthur I 295
- Сагриян А. А. II 58
Салливен Леон Sullivan Leon II 424
Сарноф Роберт Sarnoff Robert II 64
Сато Эйсаку Sato Eisaku I 368; II 349, 359
Сафайр Уильям Safire William II 322
Сибери Пол Seabury Paul I 224
Сиско Джозеф Sisco Joseph II 380
Сковилл Герберт Scoville Herbert II 85
Смит Стюарт Smith Stewart II 415, 417
Смит Ян Smith Ian I 173; II 421
Смоук Ричард Smoke Richard II 26
Снайдер Роберт Snyder Robert I 372, 376
Сонненфельдт Хельмут Sonnenfeldt Helmut II 163
Спаркмен Джон Sparkman John II 86
Спикмен Николас Sprukman Nicolas I 110
Спинелли Алтиерро Spinelly Altierro I 231
Стар Ричард Staar Richard I 241
Стассен Гарольд Stassen Harold I 397—398
Стивенсон Эдлай Stevenson Adlai II 410, 438
Стилвелл Ричард Stillwell Richard II 294
Стиллман Эдмунд Stillman Edmund I 297
Стокуэлл Джон Stockwell John II 417
Стюарт Лейтон Stuart Leighton II 308
Судзуки Дзенко Suzuki Zenko I 368
Сукарно Ахмед Sukarno Achmed II 289, 292
Сулцбергер Сайрус Sulzberger Cyrus I 131, 307
- Таволарес Уильям Tavoulareas William II 37, 43
Такер Роберт Tucker Robert I 151, 223; II 171
Танат Коман Thanat Khoman II 289
Тафт Роберт Taft Robert I 352; II 309
Тафт Уильям Taft William I 157
Тейлор Максвелл Taylor Maxwell I 372
Тейлор Теодор Taylor Theodore I 423
де Токвиль Алексис Tocqueville Alexis de II 114
Тоффлер Элвин Toffler Alvin I 448
Трезайс Филипп Trezise Philip I 245; II 363
Трофименко Г. А. I 152; II 17
Трумэн Гарри Truman Harry I 5, 32, 188, 214, 229, 259—60, 285, 287, 289—90, 292, 294, 304, 355—56, 375—76, 294; II 60, 81, 123, 154, 155, 156, 183, 185, 205, 206, 229, 233, 255, 260, 281, 341, 404—406
- Трюдо Пьер-Эллиот Trudeau Pierre-Elliott II 240—45, 248—51
Тхьеу Нгуен Ван Thieu Nguen Van I 172
Тэрнер Фредерик Turner Frederick I 132—45
Тэтчер Маргарет Thatcher Margaret II 225, 228
- У Ну U Nu II 314
Уайнбергер Каспар Weinberger Caspar I 76, 314, 324, 326; II 84, 300
Уилрич Мейсон Willrich Mason I 423
Уилсон Чарльз Wilson Charles I 89
Уилсон Майкл Wilson Michael II 246
Уильямс Меннен Williams Mennen II 411
Уллман Ричард Ullman Richard II 45
Уоллес Джордж Walles George I 25
Уэддей Гукуни Oueddeij Goukouni II 431
Уэйнлэнд Роберт Weinland Robert II 19
Уэссон Роберт Wesson Robert II 12, 18
Уэст Франсис West Francis I 390
Уэстморленд Уильям Westmoreland William I 341
- Фетов В. П. II 410
Финдли Поль Findley Paul II 192, 196
Флеминг Джон Fleming John II 125
Фолк Ричард Falk Richard I 452
Фонтэн Роджер Fontaine Roger II 451
Форд Джеральд Ford Gerald I 36, 126, 308, 311, 347, 357, 366, 368, 387; II 61, 88, 195, 197—98, 225, 229, 232, 299, 328—29, 349, 404, 418, 420, 450
Форрестол Джеймс Forrestal James I 65, 89; II 122
Форстер Джон Forster John II 420
Фостер Уильям Foster William I 21
Франклин Бенджамин Franklin Benjamin I 141
Фрелингхьюсен Питер Frelinghuysen Peter II 196
Фридберг Арон Friedberg Aaron I 310
Фулбрайт Уильям Fulbright William I 149, 452; II 5, 84, 123, 189, 319, 438, 451
- Хаас Майкл Haas Michael II 148
Хабре Хисен Habré Hissene II 431

- Хантингтон Самуэль Huntington Samuel II 166—67
 Харвей Моуз Harvey Mose I 452
 Хардт Джон Hardt John II 197
 Харрисон Майкл Harrison Michael II 73
 Хасан II Hassan II II 431
 Хейг Александр Haig Alexander I 194, 225, 276, 301; 391—92; II 85, 337
 Херман Чарльз Hermann Charles I 372, 376
 Хиккелупер Бурк Hickenlooper Bourke II 445
 Хилленбранд Мартин Hillenbrand Martin I 241
 Хилсмен Роджер Hilsman Roger II 317—18
 Холбрук Ричард Holbrooke Richard II 357
 Холдридж Джон Holdridge John II 337
 Холл Гэс Hall Gus I 21, 41, 226
 Холлик Энн Hollick Ann II 58
 Холмс Джулиус Holmes Julius II 406
 Холсти Оле Holsti Ole II 20
 Хопкинс Джеймс Hopkins James II 433
 Хоровиц Дэвид Horowitz David II 157
 Хоффман Стэнли Hoffmann Stanley I 240; II 89, 126, 128
 Хупс Таунсенд Hoopes Townsend I 33, 189
 Хуссейн бен Талал Hussein bin Talal II 276
 Хьюз Томас Hughes Thomas II 118
 Хэй Джон Нау John I 159
 Хэмфри Губерт Humphrey Hubert II 438
 Хэрли Патрик Hurley Patrick II 305
 Чан Кайши Jiang Jieshi (Chiang Kai-shek) II 304, 307, 311, 315
 Чаушеску Николае Ceausecu Nicolae II 324—25
 Черненко К. У. II 90, 105, 179, 180
 Черч Франк Church Frank II 451
 Чжан Айпин Zhang Aiping (Chang Ai-ping) II 339
 Чжао Цзыян Zhao Ziyang (Chao Tsü-yang) II 337, 339
 Чжоу Эньлай Zhou Enlai (Chou En-lai) II 308, 324, 326
 Чомбе Моиз Tshombe Moise II 413, 415
 Чон Ду Хван Chun Doo Hwan II 360
 Чэнь Бода Chen Boda (Ch'en Po-ta) II 324
 Шагари Шеху Shagari Shehu II 426
 Шарп Митчелл Sharp Mitchell II 242
 Шастри Лал Бахадур Shastri Lal Bahadur II 375
 Шауб Уильям Schaub William II 156
 Шахи Ага Shahi Agha II 389
 Шеллинг Томас Schelling Thomas I 372, 374—76, 379; II 22, 28, 84
 Шестопал А. В. II 440
 Шиллер Герберт Schiller Herbert II 64
 Шлесингер Артур Schlesinger Arthur Jr. I 242
 Шлесинджер Джеймс Schlesinger James I 126, 219, 302, 308—11, 314, 387; II 15, 23, 395, 398
 Шмидт Гельмут Schmidt Helmut II 80
 Шульман Маршалл Shulman Marshall I 217—18, 452; II 85, 159
 Шульц Джордж Shultz George I 83, 450; II 111, 179, 339—40; II 207
 Эббот Дуглас Abbott Douglas II 234—235
 Эдельман Кеннет Adelman Kenneth II 82
 Эйзенхауэр Дуайт Eisenhower Dwight I 81, 97, 144, 158, 187—88, 207, 229, 261, 263, 265, 277, 284, 287, 312—14, 369, 404—406, 437; II 5, 32—33, 45, 71, 131
 Энгельс Фридрих Engels Friederich I 3, 279, 397, 423, 425; II 10, 47
 Эттли Клемент Attlee Clement II 233
 Яковлев Н. Н. I 141
 Ямасита Ганри Yamashita Ganri II 360
 Янг Оран Young Oran II 148
 Янг Эндрю Young Andrew II 422—24
 Яхья-хан Yahya Khan II 324—25, 377

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ

- Американская революция 1775—1781 гг. I 99, 105, 158, 163
- Антанта I 154
- Антиамериканизм I 36, 86, 111, 216, 279
- Антивоенное движение в США I 47, 150, 175; II 150
- Антикоммунизм и антисоветизм во внешней политике США I 25, 49, 89, 125, 127, 174, 213, 219, 230, 250, 385; II 117, 127, 153, 171, 182, 198, 233, 247, 251, 253, 255, 305, 309, 322, 336, 347, 368, 391, 412, 422, 436, 453, 457
- антикоммунистические концепции и доктрины I 105, 109, 125, 168, 213, 215, 220, 229, 233, 250, 259, 283, 288, 294, 329; II 127, 193, 198, 254, 310, 320, 436, 453, 457
- миф о «советской угрозе» I 13, 53, 117, 235, 250, 328; II 107, 169, 175, 178, 284, 291
- критика в США I 14, 113, 206; II 156, 161, 225, 262, 279
- см. также: Холодная война
- Антифашистское движение в США I 229
- Афганистан (Демократическая Республика Афганистан) I 131, 336; II 149, 247, 274, 333
- Африка (политика США) I 49, 131, 242, 260, 268, 270, 276, 359; II 140, 146, 149, 276, 402—432
- военная политика США II 408, 419, 427
- экономические отношения с США II 405, 407, 410, 412, 416—418, 423, 426, 434
- отдельные страны и территории: Ангола (Народная Республика Ангола) I 131; II 149, 420, 421, 430; Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА) II 420; Заир (Республика Заир) I 74; II 423, 427
- Зимбабве (Республика Зимбабве, до 1980 г.— Южная Родезия — см.); II 421, 425, 429
- Кения II 275, 423
- Конго (Народная Республика Конго) II 373, 413, 415
- Мозамбик (Народная Республика Мозамбик) II 149, 429; Фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) II 430
- Намибия (подопечная территория ООН) II 420, 423, 430; Народная организация Юго-Западной Африки (СВАПО) II 424, 430
- Нигерия I 162; II 417, 426
- Чад (Республика Чад) I 162; II 430
- Эфиопия II 427, 431
- Южная Родезия II 40, 416, 419—425
- Южно-Африканская Республика (ЮАР) I 49, 73, 131, 277, 281, 386, 428, 433, 438; II 40, 43, 76, 413, 416, 419—425, 429
- Организация африканского единства (ОАЕ) II 431, 432
- Белый дом I 324, 353, 384, 437; II 94, 127, 155
- Благотворительные фонды в США I 51; II 264, 373
- Ближний Восток (политика США) I 65, 67, 71, 131, 157, 189, 192, 242, 257, 260, 268, 275, 289, 323, 362, 383, 386, 390, 392; II 79, 128, 140, 143, 146, 149, 150, 167, 170, 252—278
- военная политика США I 342; II 253—264, 273—278
- экономические отношения с США II 252, 267
- отдельные страны: Египет (Арабская Республика Египет) I 255, 276, 344, 392; II 18, 40, 151, 257, 259—261, 268, 270, 275
- Израиль (Государство Израиль) I 255, 260, 276, 362, 383, 386; II 18, 76, 149, 255, 257, 264, 267—269, 270, 275, 277
- Иордания (Иорданское Хашимитское Королевство) II 257, 261, 276
- Ирак I 70, 132; II 257, 261, 265, 276
- Иран I 65, 68, 70, 94, 117, 119, 132, 162, 255, 260, 358; II 18, 149, 151, 170, 258, 261, 269, 272, 275
- Йеменская Арабская Республика (ЙАР) II 257, 265
- Ливан (Ливанская Республика) I 297; II 257, 261, 278

- Ливия (Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия) I 132, 162, 260; II 430
- Народная Демократическая Республика Йемен II 431
- Саудовская Аравия I 65, 68, 132, 271, 344; II 18, 45, 151, 256, 262, 276, 391
- Сирия (Сирийская Арабская Республика) II 257, 261
- арабо-израильские войны II 255, 266, 272, 277; Кэмп-Дэвидские договоренности II 79, 270
- ирано-иракская война II 276
- Организация освобождения Палестины (ООП) II 276, 355
- Палестинская проблема II 255, 271, 276
- Великая Октябрьская социалистическая революция, влияние на международные отношения I 125, 215; II 13
- Версальский договор 1919 г. I 155
- Верховный суд США I 165
- Внешнеэкономическая политика США I 62, 77; II 35, 53, 59
- внешняя торговля I 78, 234, 256; II 252, 279, 323, 337, 361, 385, 407, 434, 454
- экспорт капитала I 24, 64, 80, 158, 234, 256; II 31, 418, 423, 434, 444
- экспорт технологии, информации, менеджмента II 53, 64, 67
- сырьевая политика I 65; II 37, 252
- Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) I 155, 272; II 208, 224
- Ломейская конвенция I 270, II 224
- Внутриполитическая ситуация в капиталистических странах I 27, 32, 228, 235, 243, 247
- Военная сила, роль во внешней политике США I 150, 194, 276; II 2, 5, 12, 14, 17, 26, 47, 116, 147
- формы реализации II 3, 19, 26, 90
- Военно-промышленный комплекс США I 58, 387
- влияние на внешнюю политику I 7, 14, 25, 33, 45, 59, 64, 84, 196, 283, 287; II 191
- военно-академический комплекс I 60, 302
- Военные блоки, союзы I 155, 347, 359, 364; II 72, 238, 296, 348, 350
- АЗПАК (Азиатско-Тихоокеанский совет) I 362
- АНЗЮС (Австралия, Новая Зеландия, Соединенные Штаты) I 155, 359, 361, 367; II 297, 392
- Брюссельский пакт (Западный союз), в 1955 г. преобразован в Западноевропейский союз I 230, 358; II 294, 296, 300, 356
- НАТО — см.: Организация Североатлантического договора
- ОЦАГ (Организация Центральноамериканских государств) I 357, 362
- пакт Рио де Жанейро (Межамериканский договор о взаимной помощи) I 155, 261, 357, 365; II 435
- СЕАТО (Организация договора Юго-Восточной Азии) I 155, 261, 359—362, 365; II 258, 285, 287, 290, 297, 370, 388, 392
- СЕНТО (Организация Центрального договора, до 1958 г. — Багдадский пакт) I 155, 261, 365; II 258, 262, 272, 370, 383, 387, 388, 392
- Войны и интервенции США I 139, 144, 149, 261, 267, 288, 292, 297, 302, 323, 335, 340, 451; II 5, 12, 121, 238, 257, 281, 310, 343, 368, 409, 436, 442
- Война во Вьетнаме I 27, 41, 50, 83, 90, 152, 160, 167, 172, 193, 235, 242, 302, 306, 310, 335; II 239, 280, 288, 290—292, 294
- причины вмешательства США I 90, 107, 191
- уроки I 90, 204; II 146, 192
- движения против (в США) I 47, 86, 175, 193
- «последневьетнамский синдром» I 150, 382, 387, 391
- Вооруженные силы и вооружения США II 14
- военно-воздушные силы I 341
- военно-морские силы I 336, 338; II 16, 27, 396
- военное присутствие США за рубежом; базы I 12, 257, 276, 307, 323; II 15, 18, 150, 256, 263, 274, 287, 293, 297, 304, 312, 348, 350, 391, 395, 408
- «зеленые береты» I 335, 341; II 16, 22
- обычные вооружения I 326
- «силы быстрого развертывания» I 323, 340, 389; II 273, 275, 277, 398; СЕНТКОМ II 277, 332, 352, 390, 398, 450

- силы общего назначения II 22
- стратегические вооружения I 300, 320, 324
- см. также: Ядерное оружие
- Восточная Европа
 - политика США I 226, 229, 366, 369, 379, 387, 400, 415, 433; II 38, 58, 68, 85, 139, 161, 169, 172, 177, 186, 195, 198, 226, 254, 300, 312
- отдельные страны:
 - Болгария (Народная Республика Болгария) I 157; II 183, 188
 - Венгрия (Венгерская Народная Республика) I 49, 157; II 183, 188, 200
 - ГДР (Германская Демократическая Республика) I 433; II 78, 102, 188, 196
 - Польша (Польская Народная Республика) I 49, 433; II 177, 188, 196, 200
 - Румыния (Социалистическая Республика Румыния) I 157; II 183, 188, 325
 - Чехословакия (Чехословацкая Социалистическая Республика) I 49, 433; II 184, 188, 193
- Югославия (Социалистическая) Федеративная Республика Югославия) I 49; II 199
 - см. также: Антикоммунизм и антисоветизм во внешней политике США; Коммунистическая партия Советского Союза — о внешней политике; Организация стран Варшавского договора; Разрядка международной напряженности; Соотношение сил на мировой арене; СССР — внешняя политика; Холодная война
- Встречи конференции международных I 136, 156, 230, 235, 247, 384; II 122, 174, 314, 342
 - см. также: ООН
- Вторая мировая война, политические итоги I 125, 155, 228, 346; II 204, 233, 345, 435
- Гонка вооружений
 - военные расходы США I 26, 33, 241, 287, 323, 335, 441; II 168, 176
 - политические цели I 94, 128, 292, 327
 - продажа оружия I 85, 133; II 17, 24, 36, 63, 143, 268, 283, 301, 334, 351, 360, 389, 419
 - социально-экономические последствия I 36, 441, 450
- движение против роста военных расходов в США I 34, 36, 47, 282, 417
- Государственный департамент США I 24, 54, 181; II 58, 133, 155, 226, 233
- Группы давления в США
 - социальная база I 19, 23, 37
 - способы воздействия на внешнюю политику I 44
 - официальный лоббизм I 49; II 307, 315
- Движение неприсоединения и США I 130, 191; 397; II 388
- Декларация независимости 1776 г. I 106, 116, 163, 165, 185
- Доктрины внешнеполитические
 - балансирования на грани войны («доктрина Даллеса») I 373; II 187
 - большой дубинки I 154; II 459
 - долларовой дипломатии I 157; II 51, 68, 433
 - Картера II 52, 323; II 132, 169, 272, 398
 - кризисного реагирования I 372, 375, 381
 - Монро I 153; II 433, 455
 - наведения мостов I 215, 220; II 193, 265, 302, 314, 321
 - национальной безопасности I 14, 17
 - Никсона (Гуамская) I 35, 267, 304, 306, 386; II 241, 266, 294, 323, 348, 379
 - новых рубежей I 145; II 98, 189
 - отбрасывания коммунизма I 125, 168, 329; II 310, 436
 - «разрыхления» социализма I 127
 - сдерживания коммунизма I 215, 229, 259, 283, 288, 294; II 254, 307, 320, 436
 - Трумэна I 32, 42, 65, 97, 214, 375; II 255, 307
 - Эйзенхауэра I 261; II 259, 261, 277
- Доктрины военные
 - двух с половиной войн I 305
 - контрповстанческой войны (контр-инсургенции) I 334, 341
 - полутора войн I 305
 - справедливой войны I 140, 150
 - Шлесинджера (ограниченной ядерной войны) I 308, 330; II 23
 - эскалации (лестница эскалации, ступени эскалации) I 299, 376
 - см. также: Стратегии США
- Европейская безопасность
 - конференции и переговоры I 196, 235

- безъядерные зоны I 435
- позиция стран Варшавского Договора I 414
- позиция США I 413
- позиция стран Западной Европы I 413
- Европейское Экономическое сообщество /ЕЭС/ I 134, 230, 237, 251, 262, 271; II 6, 346, 353, 371
- усиление позиций ЕЭС I 134, 237; II 6, 202, 208, 213
- разногласия членов ЕЭС I 252
- Западная Европа
 - влияние США I 228, 232, 242
 - внешнеполитические отношения с США I 6, 134, 228, 240, 244, 247, 281, 288, 328—330, 343, 355, 369; II 29, 33, 49, 63, 74, 83, 133, 140, 176, 186, 344, 355, 393, 402, 407
 - военные проблемы I 235, 240, 243; II 15, 150; см. также Организация Североатлантического договора /НАТО/
 - Организация экономического сотрудничества и развития /ОЭСР/ I 155, 232, 262, 271; II 64
 - см. также: Европейская безопасность, ЕЭС
 - отдельные страны:
 - Австрия /Австрийская Республика/ I 396; II 65
 - Бельгия /Королевство Бельгия/ I 288, 230, 433; II 32, 41, 62, 65, 403, 413, 415
 - Великобритания /Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии/ I 228, 236, 336, 348, 356, 359, 367, 384, 395, 398, 400, 403, 419, 422, 424, 430, 433, 436; II 4, 32, 43, 45, 61, 65, 90, 176, 195, 211, 225, 254, 282, 292, 344, 355, 393, 403, 413, 419, 424, 428, 435
 - Греция /Греческая Республика/ I 214, 220; II 41, 68, 185, 205, 254, 436
 - Дания (Королевство Дания) II 41
 - Испания I 220, 358; II 62, 102
 - Италия /Итальянская Республика/ I 220, 228, 230, 255, 348, 400, 433
 - Люксембург /Великое Герцогство Люксембург/ II 32
 - Нидерланды /Королевство Нидерландов/ I 433, 437; II 41, 43, 61, 65, 282
 - Норвегия /Королевство Норвегия/ II 41, 65
- Португалия /Португальская Республика/ II 43, 419
- Турция /Турецкая Республика/ I 392; II 41, 185, 254, 257, 436
- ФРГ /Федеративная Республика Германия/ I 236, 329, 396, 430, 433; II 31, 45, 57, 61, 90, 133, 175, 224, 424, 453
- Финляндия /Финляндская Республика/ I 228; II 106, 183
- Франция /Французская Республика/ I 220, 228, 230, 235, 271, 329, 348, 359, 395, 398, 400, 403, 422, 426, 430, 433, 436; II 40, 41, 57, 62, 80, 133, 175, 254, 403, 413, 427, 431, 435
- Швейцария /Швейцарская Конфедерация/ I 433; II 65
- Швеция /Королевство Швеция/ I 433
- Идеологическая борьба на международной арене I 95; II 91—97
 - см. также: Антикоммунизм и антисоветизм, Холодная война
- Идеологический фактор во внешней политике США /имперская идеология/ I 95—120, 179; II 8, 92, 127, 149, 172, 176, 182, 194, 208, 310, 331
- Империалистический раздел мира I 405, 406
- Индийский океан /политика США/ I 307; I 57, 77, 151, 253, 274, 390—402
 - военное присутствие США II 391—395, 398
 - переговоры СССР и США II 396, 397
 - позиция СССР II 401
- Инструменты американской дипломатии II 5, 10, 71—94
 - подход к переговорам I 403; II 29, 83, 136, 146
- Канада /политика США/ I 136, 198, 235; 396, 400, 419, 433; II 80, 231—251
 - военное сотрудничество с США I 288, 356; II 232—234, 237—241, 265
 - экономические отношения с США I 73, 123; II 32, 232—237, 241, 246, 249
- Китай, с 1949 г. — Китайская Народная Республика /КНР/
 - политика США I 281, 293, 305, 395; II 29, 75, 78, 302—340; политика «двух Китаев» I 315, 324;

- использование «китайского фактора» /«китайской карты»/ II 320, 325, 329, 356; «сдерживание и изоляция» II 303, 310, 318; «сдерживание без изоляции» II 319, 321
- военная политика США II 307, 310, 318, 334, 337
- гоминьдан II 303—304, 306, 312, 321, 324
- Коммунистическая партия Китая /КПК/ II 304, 310
- проблема Тайваня I 260, 264, 358, 362; II 309, 311, 321, 324, 330, 337, 345, 357
- Шанхайское коммюнике II 327
- экономические отношения с США II 311, 323, 331
- Колониальная система (деколонизация, отношение США) I 262, 281, 368, 386; II 240, 282, 284, 373, 403, 405, 413, 432
- Коммунистическая партия Советского Союза, о внешней политике I 207, 306, 399, 404
- XXIII съезд КПСС II 161
- XXIV съезд КПСС I 133
- XXV съезд КПСС I 439
- XXVI съезд КПСС I 182, 204, 327; II 302, 390, 429
- Коммунистическая партия США, позиции по вопросам внешней политики I 21, 32, 41, 112
- Коммунистические партии Западной Европы, подход к проблемам внешней политики I 228, 230
- Конгресс США, внешнеполитические prerogatives, внешнеполитические акции I 46, 48, 55, 129, 260, 384, 403, 407, 413; II 134, 140, 195, 197, 199, 319, 373, 395, 412
- Концепции и традиции внешней политики США
- американоморфизм I 146, 152
- американоцентризм I 122, 142
- американский идеал (образ жизни, „американская мечта“) I 146, 151, 164, 179; II 119, 124
- американская исключительность I 112, 142
- американской революции идеалы I 100, 158, 163, 168
- атлантизм I 253; II 202
- баланс сил, саморегулирующаяся система равновесия I 22, 124, 150, 158, 227, 230, 234, 245, 249, 252; II 302, 305
- взаимозависимость I 133, 233, 243, 247, 252
- гегемонизм I 168, 169; II 302, 340
- глобальный интервенционизм II 119, 189, 203, 210
- «домино», теория I 131, 303
- «дуга нестабильности» I 222, 272
- европеизм I 253
- жизненные интересы I 131; II 273, 278
- изоляционизм I 138, 142, 168
- консерватизм I 137
- контроль над вооружениями I 399, 417
- мессианство I 145, 169, 175
- «мир по-американски» (Pax Americana) I 106, 125, 138, 140, 146, 153, 180, 187, 203, 215, 228; I 119, 195, 205, 208
- «мировая регулируемая революция» II 438
- многополярный (многополюсный) мир II 29
- морализм I 100, 114, 149, 221
- национализм I 140, 142, 146
- национальный интерес I 148, 160
- неоиоляционизм I 25, 35, 140, 145, 149
- новый диалог II 449
- партнерство I 134, II 442
- пацифизм I 50, 151, 167
- реальная политика (Realpolitik) I 110, 149; II 12
- «права человека» I 14, 16, 143, 275; II 127, 198, 422, 453, 457
- прагматизм I 97, 102, 113, 124, 149
- предначертание судьбы (явное предначертание) I 140, 146, 151, 163
- просвещенный эгоизм I 140, 147, 158; II 407
- реформизм (внешнеполитический) II 112—129, 187, 197, 203, 208, 438, 440
- раздвигающаяся (подвижная) граница I 142
- «санитарный кордон» I 230, 233; II 310
- трехсторонность («трилатерализм») I 248; II 135, 148, 175, 208
- шовинизм (джингоизм) I 142, 146, 152
- см. также: Холодная война
- Копус мира I 264; II 125, 373, 412
- Кризисы внешнеполитические I 371, 385
- берлинский I 235, 371
- ближневосточный I 241, 371
- карибский I 235, 371
- суэцкий I 157, 236, 371; II 260

- Латинская Америка (политика США)
I 65, 192, 242, 260, 268, 323,
334—336; II 137, 146, 149, 433—461
- военная политика США I 356; 359;
II 435, 436
- экономические отношения с США
II 434—436, 438, 444, 453, 460
- отдельные страны:
- Аргентина (Аргентинская Республика)
I 255; II 434, 437, 439, 446,
448, 460
- Бразилия (Федеративная Республика
Бразилия) I 74, 255, 267,
281, 400, 428; II 61, 434, 434, 439,
446—448, 459
- Венесуэла (Республика Венесуэла) I
133; II 434—437, 441, 444, 446,
454—456, 460
- Гренада I 277; II 460
- Куба (Республика Куба) I 130, 144,
297, 335, 380; II 40, 44, 78, 124,
437, 442, 449, 455—457
- Мексика (Мексиканские Соединенные
Штаты) I 74, 255, 260, 400;
II 121, 441, 446, 454—456, 460
- Никарагуа (Республика Никарагуа)
I 277; II 149, 437, 456, 457
- Панама (Республика Панама) II
442, 456, 458; Панамский канал I
335, 437; II 121, 449, 457
- Сальвадор (Республика Эль-Сальвадор)
II 450, 458, 460
- Чили (Республика Чили) I 117; II
40, 43, 441, 445—450, 459
- Карибский бассейн I 257, 270; II
433, 450, 456, 459
- Центральная Америка I 276, 343,
357, 362; II 151, 433, 435, 437,
458, 460
- Латиноамериканская экономиче-
ская система (ЛАЭС) II 446
- Организация Американских госу-
дарств (ОАГ) I 336, 357, 451; II
40, 435, 445, 449, 455
- Союз ради прогресса I 334; II 125,
437—443, 458, 461
- Лига наций, политика США I 153, 187
- Международное агентство по атомной
энергии (МАГАТЭ) I 423, 429, 432
- Международные валютно-финансовые
организации I 262; II 5
- Международный банк реконструк-
ции и развития (МБРР) I 155 232,
263; II 260, 453
- Межамериканский банк развития
(МАБР) I 263
- Международный валютный фонд
(МВФ) I 155, 232, 272; II 51, 429
- Международная ассоциация раз-
вития (МАР) I 263, 277
- Международный терроризм I 119, 224;
II 181
- Министерство обороны США (Пента-
гон) I 7, 14, 289, 302, 308, 310,
326, 333, 341, II 95, 253, 277,
290, 297, 379, 391, 394, 400
- Научно-исследовательские институты
и организации, учебные центры
США I 54, 60, 151, 241, 248,
294, 299, 318, 390, 428; II 180
- Научно-техническая революция I 145,
197; II 6
- влияние на международные отно-
шения II 1, 47, 73, 113
- научно-технический потенциал го-
сударства II 47
- научно-технический империализм
II 6, 50
- новая технологическая политика II
49, 53, 80
- Национально-освободительное дви-
жение, отношение США I 130,
155, 228, 235, 242, 259, 293, 334,
336; II 21, 262, 265, 281, 285, 287,
312, 403, 410, 415
- Неоколониализм I 175, 281; II 259, 415
- социальная база I 25
- исторические предпосылки I 140
- Нераспространение ядерного оружия
— безъядерные зоны I 436
- гарантии безопасности неядерных
государств I 435
- договоры по вопросам нераспро-
странения I 427, 431, 434
- позиция СССР I 420, 422, 427, 435,
437
- позиция стран социалистического
содружества I 425, 433 — позиция
Китая I 426
- позиция США I 418—438; план Ба-
руха I 393, 420
- позиция стран Западной Европы I
422, 424, 427, 430—433, 436
- позиция Японии I 430—432
- позиция стран Латинской Америки
I 436
- угроза распространения I 255, 428,
430, 433
- экспорт ядерных материалов и обо-
рудования I 430
- см. также: Международное агентство
по атомной энергии (МАГАТЭ)
- Новые левые в США I 47, 112
- Новый мировой экономический поря-

- док (НМЭП), диалог «Север — Юг» I 133, 200, 279, 369, 388; II 452
- позиции развивающихся стран I 207, 255, 269, 272
- подход США I 200, 258, 270, 273, 275
- Общемировые проблемы I 37, 438—455, 454; II 7
- окружающая среда I 439, 443, 451
- невозобновляемые ресурсы I 443
- Мировой океан I 145, 152, 449; II 58, 92
- космос I 145, 316; II 55, 88, 102
- энергетика I 240, 243, 251, 419, 422, 432; II 60
- сырье I 64, 76 132, 134, 270; II 94
- продовольствие II 33, 41, 125, 381
- позиция социалистических стран I 200, 316, 441, 453
- подход США (В т. ч. школы, концепции) I 201, 448, 451; II 7, 55, 59
- «Римский клуб», доклады I 443
- Общественное мнение, роль во внешней политике США I 30; II 8, 150, 152
- Организация Объединенных Наций (ООН) I 9, 50, 155, 269, 273, 394, 399, 414; II 42, 64, 75, 122, 127, 187, 200, 256, 264, 271, 283, 286, 314, 321, 331, 344, 355, 366, 368, 373, 401, 407, 411, 413, 415, 420, 422, 424
- ЮНИДО (Организация ООН по промышленному развитию) I 272
- ЮНКТАД (Конференция ООН по торговле и развитию) I 272
- ЮНЕСКО (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры) II 77, 106.
- Организация Североатлантического договора (НАТО) I 42, 155, 196, 232, 235, 288, 297, 306, 311, 318, 325, 328, 336, 342, 417; II 206, 220, 237—240, 243, 247, 257, 268, 274, 291, 333, 343, 347, 350, 355, 365, 378, 391, 398, 400, 403, 413, 427
- антисоветская направленность I 10, 288, 328, 350, 358
- еврогруппа НАТО II 223, 370
- разногласия в НАТО I 240, 244, 247, 329, 333, 363; II 209, 211, 221
- сессии Совета НАТО I 235, 247; II 209
- стратегия США I 196, 235, 329, 366; II 40, 62, 220, 366
- ядерное оружие на вооружении I 424, 426, 437; II 176, 211
- Организации деловых кругов США, роль во внешней политике I 37, 44
- Организация стран Варшавского договора I 190, 240, 311, 414
- Организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК) I: 67, 74, 132, 269, 387 II 276, 444
- Персидский залив, политика США I 68, 70, 71, 131, 276, 307, 354, 390; II: 40, 253, 275, 390—396, 398
- Политические партии США I 39, 185
- Помощь США иностранным государствам
- план Маршалла I 32, 42, 97, 128, 232, 259, 288; II 123, 202, 206, 234, 342
- развивающимся странам I 143, 259, 264, 275, 297; II 125, 259, 261, 286—289, 293, 296, 360, 375, 382, 389, 410, 412, 416, 423, 456
- Японии I 369, 375, 382
- Правые организации в США I 45
- Продовольственная политика США I 114, 127; II 33, 41, 50, 60, 125, 206, 381
- Пропаганда во внешней политике США II 91—112
- Рабочий класс США
- внешнеполитические вопросы в рабочем движении I 27, 36, 43
- АФТ — КПП, позиции по вопросам внешней политики I 28, 41
- Разведывательные органы США I 8, 43, 49, 261, 316, 335; II 28, 96, 102, 157, 167, 258, 301, 391, 417
- Развивающиеся страны (политика США) I 93, 130, 143, 155, 199, 217, 222, 228, 235, 240, 242, 248, 255, 257, 263, 267, 276, 279; II 59, 86, 174, 206, 251, 255, 260, 366, 372, 435, 453
- военная политика США I 257, 260, 276; II 256, 263, 274, 287, 293, 297, 348, 350, 391, 395, 408
- экономические отношения с США I 160, 255, 257, 269—271, 277, 279; II 252, 279, 385, 407, 418, 423, 434, 444, 454, 460
- см. также: Африка, Ближний Восток, Движение неприсоединения, Империалистический раздел мира, Колониальная система, Корпус мира, Латинская Америка, Национально-освободительное движение, НеокOLONИализм, Новый мировой

- [Экономический порядок, Помощь США иностранным государствам Юго-Восточная Азия, Южная Азия
- Разоружение, ограничение и сокращение вооружений I 197; II 160, 164
- Временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений/ОСВ—I/I 176, 404; II 164
- Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке/договор Тлателолко 1967 г./I 436
- Договор о нераспространении ядерного оружия I 427, 431, 435
- Договор между СССР и США об ограничении подземных испытательных ядерного оружия I 408
- Договор между СССР и США об ограничении систем ПРО I 406; II 164
- Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений /ОСВ—2/I 116, 311, 314, 410; II 164; противники в США II 167
- Договор между СССР и США о предотвращении ядерной войны I 407
- Договор о частичном запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах I 404, 426
- Конвенция «О запрещении производства и применения оружия, основанного на использовании атомной энергии в целях массового уничтожения» I 420
- «Основные принципы переговоров о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений» I 408
- Соглашение между СССР и США о мерах по уменьшению опасности случайного возникновения ядерной войны I 406
- Соглашение о предотвращении ядерной войны I 384
- см. также: Европейская безопасность
- Разрядка международной напряженности I 31, 36, 128, 148, 193, 243; II 142, 260, 268, 322
- объективные предпосылки I 36, 95, 113, 193, 218
- внутривосточная ситуация в США I 35; II 162, 173
- экономические интересы делового мира I 86, 90
- позиция стран Западной Европы I 243, 250; II 171, 218
- советско-американские соглашения и договоры I 226, 384, 404, 407, 420, 426, 431, 435; II 164
- противники в США I 59, 85, 114, 129, 223, 250, 285, 385; II 162, 167, 171
- Религиозный фактор во внешней политике США I 161—179; II 180
- Соотношение сил на мировой арене I 34, 77, 90, 128, 130, 148, 155, 187, 201, 205, 218, 228, 237, 242, 246, 252, 296, 328, 399, 405; II 68, 76, 133, 149, 156, 165, 170, 200, 266, 281
- в капиталистическом мире I 11, 15, 90, 111, 123, 134, 237, 239, 242, 252; II 33, 45, 61, 70, 78, 133, 202, 216, 284, 337, 360
- СССР, внешняя политика
- и США I 228, 236, 396, 408, 414, 415; II 58, 62, 142, 157, 225, 260, 268
- и Западная Европа I 239, 249
- и развивающиеся страны II 278, 291, 299, 396, 401, 461
- см. также: Коммунистическая партия Советского Союза о внешней политике, Разрядка международной напряженности
- Средства массовой информации, роль во внешней политике I 30, 51, 53; II 9, 94, 97, 103, 154, 159, 167; информационный империализм II 174
- Сионистские организации США I 46, 50, 170; II 171
- Стратегии США
- выдвинутых вперед рубежей I 233
- гибкого реагирования I 297, 303, 306, 308, 330; II 15, 145
- компенсирующего противодействия I 312
- массированного возмездия I 293, 297, 329, 399; II 144
- островная стратегия II 396
- превентивной войны I 285
- реалистического сдерживания I 305
- «синей воды» I 336
- Сырьевая проблема I 64, 76, 132, 134, 270; II 94
- см. также: Организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК)
- Теория конвергенции I 109, 216
- Транснациональные корпорации
- взаимоотношения с принимающими

- странами, «кодекс поведения» I 87, 256, 279; II 41, 43, 65, 445
- критика в США I 75, 83
- политическое влияние I 56, 61, 69, 74, 81, 84, 97, 158, 247; II 43, 67, 252, 398, 419, 441, 444, 453
- экономический потенциал I 81, 158, 247; II 32, 36, 48, 56, 57
- Трехсторонняя (тройственная комиссия) II 83, 135
- Уотергейтское дело I 115, 385; II 178
- Федеральное бюро расследований (ФБР) I 49
- Холодная война I 32, 47, 56, 88, 90, 123, 127, 168, 231, 235, 283, 329; II 154, 239, 254, 307, 322, 372, 386, 391, 405, 413
- Центральное разведывательное управление США (ЦРУ) I 8, 43, 261, 316, 335; II 28, 96, 102, 157, 167, 258, 301, 391, 417
- Юго-Восточная Азия (политика США) I 255, 260, 276, 303; II 124, 146, 297—302
- военная политика США II 280—302
- экономические отношения с США II 279, 281, 434
- отдельные страны и территории:
- Вьетнам, с 1976 г.— Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ) I 268; II 149, 284, 290, 292, 294, 298, 302; Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ) II 147, 281, 286, 291, 295; Южный Вьетнам I 264, 310, 335, 386; II 147, 285, 288, 291, 294, 298
- Индонезия (Республика Индонезия) I 132, 368; II 281, 283, 286, 289, 293, 296, 368
- Камбоджа, с. 1979 г.— Народная Республика Кампучия (НРК) I 336, 384; II 286, 295
- Корея, с 1948 г.— Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) I 189, 380; II 40, 44, 342, 359, 368
- Лаос, с. 1975 г.— Лаосская Народно-Демократическая Республика (ЛНДР) I 260; II 286, 290, 295, 373
- Малайзия (Федерация Малайзия) I 74, 362, 367; II 281, 289, 293, 296
- Сингапур (Республика Сингапур) I 367; II 293, 296, 301
- Тайланд (Королевство Тайланд) I 74, 260, 268, 359, 362; II 258, 283, 287, 289, 296, 300
- Филиппины (Республика Филиппины) I 144, 260, 268, 359, 362; II 141, 258, 282, 286, 293, 297, 300
- Южная Корея (Республика Корея) I 48, 117, 191, 255, 260, 264, 343, 358, 362, 366; II 18, 141, 341, 358
- АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии) I 364, 369
- см. также: Война во Вьетнаме
- Южная Азия (политика США) I 157, 260, 323, 368, 383; II 146, 149, 366—389
- военная политика США II 367—371, 379, 383
- экономические отношения с США II 334, 366, 373, 381
- отдельные страны:
- Бангладеш (Народная Республика Бангладеш) II 377, 388
- Индия (Республика Индия) I 162, 260, 281; II 41, 68, 366, 372—380, 384—386, 395
- Пакистан (Исламская Республика Пакистан) I 147, 162, 358; II 151, 369—371, 373—380, 384, 387—390
- Шри-Ланка (Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка, до 1972 г.— Цейлон) II 40, 368, 383
- Ядерное оружие
- безъядерные зоны I 436
- движение за замораживание I 37, 404
- движение за предотвращение ядерной войны I 37, 47
- качественное совершенствование I 286, 291, 296, 318, 323, 338, 437
- количественный рост I 424
- нейтронное оружие I 414
- проблема контроля I 401, 404, 407, 417
- размещение за рубежом I 297, 329, 427 II 393
- утеря США монополии I 190, 280, 396]
- см. также: Антивоенное движение в США, Нераспространение
- Япония (политика США) I 22, 68, 134, 136, 198, 230, 234, 244, 250, 262; II 29, 74, 80, 141, 341—365
- военное сотрудничество с США I 12, 14; II 346, 348, 350—353
- экономические отношения с США I 123; II 31, 33, 35, 41, 61, 83, 361
- — рост роли Японии в мировой экономике и политике I 11, 238; II 6, 49, 133, 348, 354

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ИНСТРУМЕНТЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Глава 1. Военно-политические средства и методы реализации внешне-политических интересов США. <i>В. Ф. Петровский</i>	10
Глава 2. Экономические рычаги внешней политики США. <i>И. Д. Иванов</i>	31
Глава 3. Новые инструменты «внешнеполитической силы» в эпоху НТР. <i>И. Л. Шейдина</i>	47
Глава 4. Инструменты дипломатии. <i>А. М. Белоногов</i>	71
Глава 5. Пропаганда на службе внешней политики. <i>Л. Б. Березин, Ю. П. Давыдов</i>	91
Глава 6. Использование во внешней политике методов социального реформизма. <i>В. П. Лукин</i>	112

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США

Глава 1. Соотношение между глобальной стратегией и региональной тактикой. <i>В. А. Кременюк</i>	135
Глава 2. Политика США в сфере отношений с СССР. <i>П. Т. Подлесный</i>	152
Глава 3. Политика США в отношении социалистических стран Восточной Европы. <i>С. И. Большаков</i>	181
Глава 4. Американо-западноевропейские отношения. <i>А. И. Уткин</i>	202
Глава 5. Американо-канадские отношения. <i>С. Ф. Молочков</i>	231
Глава 6. Ближневосточная политика США. <i>А. К. Кислов</i>	252
Глава 7. Политика США в Юго-Восточной Азии. <i>И. Б. Булай, В. С. Руднев</i>	279
Глава 8. Политика в отношении Китая. <i>Б. Н. Занегин</i>	302
Глава 9. Политика США в отношении Японии и Южной Кореи. <i>М. Г. Носов</i>	341
Глава 10. Политика США в Южной Азии. <i>Н. С. Безлова</i>	366
Глава 11. США и Индийский океан. <i>А. Д. Портнягин</i>	390
Глава 12. США и Африка. <i>В. Ю. Васильков</i>	402
Глава 13. Политика США в Латинской Америке. <i>П. Г. Литаврин, И. И. Любоговецкая</i>	433
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	462
УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ	469

CONTENTS

PART III

INSTRUMENTS OF FOREIGN POLICY

Chapter 1. U. S. Foreign Policy Interests, Military and Political Means and Ways of Their Realization. <i>V. F. Petrovskij</i>	10
Chapter 2. Economic Levers of Foreign Policy. <i>I. D. Ivanov</i>	31
Chapter 3. New Instruments of Foreign Policy in the Era of Scientific and Technical Revolution. <i>I. L. Sheidina</i>	47
Chapter 4. Ways of Diplomacy. <i>A. M. Belonogov</i>	71
Chapter 5. Mass Media and Foreign Policy. <i>L. B. Berzin, Y. P. Davidov</i>	91
Chapter 6. Social Reforms Approach in the U. S. Foreign Policy. <i>V. P. Lukin</i>	112

PART IV

REGIONAL PROBLEMS OF THE AMERICAN FOREIGN POLICY

Chapter 1. Correlation Between the U.S. Global Strategy and Regional Tactics. <i>V. A. Kremenyuk</i>	135
Chapter 2. The U.S.A. Policy towards the U.S.S.R. <i>P. T. Podlesnij</i>	152
Chapter 3. The American Approach to the Socialist Countries of Eastern Europe. <i>S. I. Bolshakov</i>	181
Chapter 4. The American — West European Relations. <i>A. I. Utkin</i>	202
Chapter 5. The U.S. Policy towards Canada. <i>S. F. Molochkov</i>	231
Chapter 6. The American Policy in the Middle East. <i>A. K. Kislov</i>	252
Chapter 7. The U. S. Policy in the South — East Asia. <i>I. B. Bulai, V. S. Rudnev</i>	279
Chapter 8. The U. S. Policy towards China. <i>B. N. Zanegin</i>	302
Chapter 9. The U. S. A., Japan, and South Korea. <i>M. G. Nosov</i>	341
Chapter 10. The U. S. Policy in the South Asia. <i>N. S. Beglova</i>	366
Chapter 11. The American Presence in the Indian Ocean. <i>A. D. Portnyagin</i>	390
Chapter 12. The U. S. A. and Africa. <i>V. U. Vasilkov</i>	402
Chapter 13. The U. S. Policy towards Latin America. <i>P. G. Litavrin, I. I. Ludogovskaya</i>	433
INDEXES	462

СОВРЕМЕННАЯ
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
США

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ

Утверждено к печати
*Институтом США и Канады
АН СССР*

Редакторы издательства
А. С. Белокопъ, Н. В. Кондашова

Художественный редактор
И. Ю. Несгерова

Технический редактор
Л. В. Каскова

Корректоры
*О. В. Малярова, Г. Г. Петропавловская,
В. А. Шварцер*

ИБ 26719

Сдано в набор 22.09.83
Подписано к печати 19.12.83
Т-22068. Формат 60×90^{1/16}
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 30 Усл. кр.-отт. 30
Уч. изд. л. 35,4 Тираж 5600 экз. Тип. зак. 3242
Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

